

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

1959

Play 620.5 (1898)

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

1800

5 р 20 $\frac{05}{P 89}$

НОЯБРЬ.

1896.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 11.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Пл. Лесная д. 31/1

4450 экз.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1896.

Δ
Pslav 620.5 ($\frac{1896}{11}$)
✓ ИЮЛ 1939

61 * 2 L PL

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
1. Уйбанъ-Хайлахъ. Очеркъ изъ жизни окраинъ. <i>М. С—скаго</i>	5— 18
2. Наша податная система въ прошломъ и настоящемъ. <i>Л. С. Зака</i>	19— 50
3. Въ часы нѣмыхъ уединеній. Стихотвореніе. <i>Н. На- деждина</i>	51
4. Огораживанія земель и Общество охраны общинныхъ земель въ Англіи. <i>И. В. Лучицкаго</i>	52— 81
5. На станціи. Романъ <i>Елены Белау</i> . Переводъ съ нѣмецкаго <i>Т. Криль</i> . Окончаніе	82—127
6. Въ безмолвіи-ль полночи, въ тревогѣ-ли дня. Стихо- твореніе. <i>П. Я.</i>	128
7. На мертвой дорогѣ. Изъ лѣтнихъ встрѣчъ. <i>В. Ве- ресаева</i>	129—141
8. Къ теоріи общества. <i>В. Каткова</i>	142—153
9. Смѣнщикъ. Очеркъ изъ этапной жизни <i>Р. Гвоз- дева</i>	154—174
10. Курсъ русской исторіи <i>П. Н. Милюнова</i> . <i>В. А. Мя- котина</i>	1— 20
11. Литература и жизнь. <i>Н. К. Михайловскаго</i>	20— 47
12. Новыя книги: Міровая хрестоматія. Составилъ <i>С. М. Ломшаковъ</i> .—Стихотво- ропія <i>В. Н. Ладыженскаго</i> .—Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія <i>Екатерины II</i> . <i>Н. Д. Чечулина</i> .— <i>Л. Грегуаръ</i> . Исто- рія Франціи въ XIX в. Томъ третій.— <i>Гр. фонъ-Шанкъ</i> . Исторія норманновъ въ Сициліи. — <i>Густавъ Шенбергъ</i> . Положеніе труда въ промышленности.—Промышленность.—Экономическая оцѣнка народнаго образованія. Очерки <i>И. И. Янжула</i> , <i>А. И. Чупрова</i> и <i>Е. Н. Янжуль</i> . — Соціологія по даннымъ этнографіи. <i>Шарля Ле- турно</i> .—Счастье и трудъ. Составилъ <i>П. Мантегаша</i> .— <i>Н. Н. Стра- ховъ</i> . Философское ученіе о познаніи и достовѣрности позна- емаго.— Невыл книги, поступившія въ редакцію	47— 76

См. на оборотѣ.

	СТРАН.
13. Изъ Австріи. <i>Л. Василевскаю</i>	76— 93
14. Изъ Франціи. <i>Н. К.</i>	93—116
15. Изъ Германіи. <i>А. Коврова</i>	117—135
16. Муниципальныя этюды. <i>Гр. Шрейдера</i>	135—153
17. Дневникъ журналиста. <i>С. Н. Южакова</i>	154—177
18. Къ вопросу о ви́тшкольномъ образованіи народа. I. Публичныя народныя чтенія. II. Каталоги для народныхъ библіотекъ <i>В. Девеля</i>	178—197
19. Хроника внутренней жизни.	
I. Нѣсколько итоговъ Нижегородской выставки.	
<i>Н. Ѳ. Анненскаю</i>	198—224
II. В. О. Португаловъ. — А. П. Батуевъ и трагедія въ Вяткѣ. <i>О. Б. А.</i>	225—231
Объявленія.	

Открыта подписка на 1897 годъ
на ежемѣсячный ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. В. Михайловской и Вл. Г. Короленко.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.
безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ 8 р.; за границу 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала—*Бассейная ул., 10.*
Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія ворота,
д. Гаварина.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе, допускается разсрочка: для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ съ доставкой: при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 4 р., или при подпискѣ 8 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюля 3 р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ съ платежомъ впередъ въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по іюль включительно.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ cadaго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Подписчики «Русскаго Богатства» пользуются уступкой при выпискѣ книгъ изъ петербургской конторы журнала или изъ московскаго отдѣленія конторы.

Каталогъ книгъ печатается въ каждой книгѣ журнала на первыхъ страницахъ.

Редакторы: П. Быковъ, С. Поповъ.

Въ конторѣ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»

(Петербургъ, Бассейная ул., 10)

и въ отдѣленіи конторы журнала

(Москва, Никитскія ворота, д. Галарина)

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

- Н. Гаринъ.** Очерки и рассказы. Т. I. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
— Очерки и рассказы. Т. II. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Гимназисты. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Вл. Короленко.** Въ голодный годъ. Изд. второе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Очерки и рассказы. Книга первая. Изд. седьмое. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Очерки и рассказы. Книга вторая. Изд. третье. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Свѣлой музыкантъ. Этюдъ. Изд. пятое. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.
- Н. К. Михайловскій.** Критическіе опыты:
— Левъ Толстой. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- Н. В. Шелгуновъ.** Сочиненія. Два тома. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 60 к.
— Очерки русской жизни. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.
- М. А. Протопоповъ.** Литературно-критическія характеристики. Ц. 2 р. 20 к., съ перес. 2 р. 50 к.
- С. Н. Ожаковъ.** Соціологическіе этюды. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Соціологическіе этюды. Т. II. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- Д. Маминъ-Сибирякъ.** Горное гнѣздо. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Три конца. Романъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 35 к.
- С. Я. Елпатыевскій.** Очерки Сибири. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- К. М. Станюковичъ.** Островные. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- Морскіе сигналы. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- Н. Сѣверовъ.** Рассказы, очерки и наброски. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- В. Сѣрошевскій.** Якутскіе рассказы. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.
- Ю. Безродная.** Офорты. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- А. Шабельская.** Наброски карандашомъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- В. Немировичъ-Данченко.** Волчья смѣль. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- П. Доброворскій.** Рассказы, очерки и наброски. Два вып. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.
- Э. Арнольдъ.** Свѣтъ Азіи: жизнь и учение Будды. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.
- Э. Реклю.** Земля. Шесть выпусковъ. Ц. 6 р. 80 к., съ пер. 8 р. 50 к.
- И. И. Дитятинъ.** Статьи по исторіи русскаго права. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 90 к.
- Г. Гиббинсъ.** Промышленная исторія Англіи. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.
- Ш. Летурно.** Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.
- М. С. Корелинъ.** Паденіе античнаго міросозерцанія. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.
- С. Сигеле.** Преступная толпа. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.
- Н. А. Карышевъ.** Крестьянскія вѣннадѣльныя аренды. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
- Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ Зап. Европы. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.
- Н. И. Карѣевъ.** Историко-философскіе и соціологич. этюды. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Г. Буассе.** Очерки общественнаго настроенія временъ цезарей. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

- С. Р. Гардинеръ.** I. Пуритане и Стюарты. П. О. Эйри. Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV отъ Вестфальскаго до Нимвегенскаго мира. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.
- С. Н. Кривенко.** На распутьи. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Э. К. Ватсонъ.** Этюды и очерки по общ. вопросамъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.
- Н. А. Рубакинъ.** Этюды о русской читающей публикѣ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Разказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Изд. 3-е Ц. 18 к., съ пер. 29 к.
- С. Я. Надсонъ.** Литературные очерки. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- В. Острогорскій.** Изъ исторіи моего учителяства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Р. Левенфельдъ.** Графъ Л. Н. Толстой (на простой бумагѣ). Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
— (на веленовой бумагѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.
- А. Н. Анненская.** Анна. Романъ для дѣтей. Изданіе второе. Ц. 60 к., съ пер. 77 к. (Можно послать почт. марками).
- Дж. Мармери.** Прогрессъ науки. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.
- Э. Реклю.** Земля и люди. Швеція и Норвегія. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- Дж. К. Ингрэмъ.** Исторія рабства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- І. К. Блунчли.** Исторія общаго государственнаго права и политики. Цѣна (амсто 3 р.) 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к. Большой уступки не дѣляется.
- Дж. Леббокъ.** Какъ надо жить. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.
- В. А. Гольцевъ.** Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Съ благотворительной цѣлю:

- Путь-дорога.** Художественно-литературный сборникъ. (На простой бумагѣ). Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.
— (На веленовой бумагѣ). Ц. 5 р., съ пер. 6 р.
- О. Петерсонъ.** Семейство Бронте. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- Въ добрый часъ.** Сборникъ. (Въ обложкѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.
— (Въ переплетѣ). Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 10 к.
- Т. Хиггинсонъ.** Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Подписчики «Русскаго Богатства», при покупкѣ книгъ, пользуются уступкой въ размѣрѣ стоимости пересылки.

Черезъ Контору редакціи и Московское отдѣленіе конторы можно выписывать только книги, означенныя въ этомъ спискѣ.

Другія книги высылаются въ видѣ исключенія и не иначе, какъ по номинальной цѣнѣ книжныхъ магазиновъ и съ платежомъ за пересылку. Въ этомъ случаѣ уступки никакой не дѣляется.

Полные экземпляры журнала «Русское Богатство» за 1893, 1894 и 1895 года.

Цѣна за годъ: безъ перес. 8 р., съ перес. 10 р. 50 к.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Издание редакціи журнала „Русское Богатство“.

УДЕШЕВЛЕННОЕ

изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ.

Открыта подписка на I и II т.

Содержаніе I т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Содержаніе II т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Оба тома выйдутъ въ ноябрѣ 1896 г.

Подписная цѣна: **3** р. за оба тома.

По выходѣ въ свѣтъ II тома цѣна будетъ повышена.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Петербургѣ—въ конторѣ журнала «Русское Богатство»—Бассейная ул., 10.

въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—Никитскія ворота, д. Гагарина.

УЙБАНЪ—ХАЙЛАХЪ *).

Очеркъ изъ жизни окраинъ.

Послѣ холодныхъ, порывистыхъ вѣтровъ весны, послѣ короткаго, но знойнаго лѣта съ его комарами, мошкой и, подѣ конецъ, дождями,—какъ хороша бываетъ якутская осень! Какъ легко дышется на свѣжемъ, бодрящемъ ея воздухѣ, какъ мягко ласкается солнце!

Еще до середины августа тянутся лѣтніе дни: дожди идутъ, но тепло,—и ждешь, что вновь проглянетъ солнце, опять настанетъ лѣтній зной. Вдругъ, безвѣтренной, безоблачной ночью ударилъ первый морозъ... Сразу все стихло, какъ-бы почувявъ близкіе оковы зимы. Поникла нѣжная зелень мягкой, сочной травы, и выше, задорнѣе стоятъ вихрастые и встрепанные кустики жесткаго бурьяна. Береза изъ деревьевъ первая смутилась, дрогнула и ослабѣла въ неравной борьбѣ. Чуткая, женственно-нѣжная и покорная, она поблекла, поблѣднѣла и кротко снимаетъ свой уборъ: одинъ за другимъ слетаютъ ея желтые, какъ золото, листочки, а тонкія вѣтви все сиротливѣе выдѣляются нѣжнымъ узоромъ на голубомъ, безоблачномъ небѣ. Дольше крѣпится лиственница, но и она подается,—и быстро, безшумно скользятъ внизъ ея омертвѣлыя, вялыя иглы, густымъ красно-желтымъ ковромъ устилаютъ землю. Рѣдѣетъ лѣсъ, обнажается. Съ крикомъ надолго покидаютъ его легкіе крылатые друзья, улетаая на югъ. Солнце ярко свѣтитъ на голубомъ, какъ бирюза, небѣ, но день ото дня—все слабѣе, безсильнѣе... Ласковъ его привѣтъ, кротка улыбка, но хладѣютъ его лучи, не въ силахъ возвратитъ грустному лѣсу уже разъ прожитую мощь, утраченную радость. И осень, какъ тяжелая и трудная болѣзнь, медленно и неумолимо движется все ближе, ближе къ концу...

Октябрь... Лѣсъ опустѣлъ и замеръ. Уже не грѣетъ его

§) Уйбанъ—испорч. Иванъ. Хайлахъ, — букв. — «силой задержанный», осмысленный, поселенецъ. Хотонъ—хлѣвъ, оронъ—скамья подѣ наклономъ стѣнъ юрты.

блѣдное солнце. Какъ тихо все вокругъ, какъ чисто глубокое и холодное небо!.. То свою послѣднюю, прощальную ласку тоскующей землѣ плетъ непривѣтливое небо съвера... то послѣдняя улыбка облегченія на лицѣ усталого больного... Скоро, скоро выпадетъ снѣгъ!..

Въ началѣ такой-то осени, соблазнившись ея красотой, я отправился верхомъ изъ своего наслѣга верстъ за полтораста въ гости. Первые три дня были чудно хороши, но, послѣ ночлега въ юртѣ, на четвертый день, я былъ очень непріятно пораженъ полнымъ контрастомъ: какъ не бывало вчерашней прелести. Небо закрыто сплошнымъ сѣрымъ покровомъ, рѣзкій вѣтеръ—и дождь, дождь! Мелкій, частый, холодный, пронизывающій! Но до цѣли поѣздки оставалось верстъ 35, сидѣть въ юртѣ и ждать—не имѣло смысла: пришлось бы, пожалуй, прождать недѣлю, двѣ... Скрѣпя сердце, я рѣшился—и выѣхалъ.

Укоризненно мотаетъ головой мой балованный конь, звонко плетая копытами по грязи и съ чваканьемъ вытаскивая ноги изъ густого мѣсива, свистѣтъ вѣтеръ и тучами бросаетъ въ лицо иглы холоднаго, колючаго дождя. Я чувствую, какъ постепенно пухну, разбухаю весь: черезъ два часа на мнѣ уже нѣтъ сухой нитки. А лѣсъ, лѣсъ! Вѣдь онъ покорно отдавалъ свой пышный зеленый нарядъ, вѣдь не ропталъ! За что-же вѣтеръ такъ мстительно рветъ и ломаетъ его? За что такъ аро издѣвается? И лѣсъ потрясенъ: гнутся, ломаются сучья, летятъ съ дождемъ листья, хвой, гудятъ стволы и шумятъ вѣтви,—стонеть, шатается смущенный, растерявшійся лѣсъ. И подавленные, разбитые—рушатся въ безпомощномъ отчаяннѣ старыя великаны, и жалобно свистятъ вѣтви, въ послѣдній разъ разсѣвая воздухъ... Темно въ чащѣ и кажется, что тѣсно жмутся другъ къ другу испуганныя деревья, что густой цѣпью сплотились, сомкнулись и, какъ жили, хотятъ вмѣстѣ и умереть...

Жутко и холодно! Скоро я продрогъ и промокъ насквозь и горько каюсь въ своемъ выѣздѣ. Какъ-бы хорошо теперь сидѣть въ теплой юртѣ, грѣться передъ каминомъ! На бѣду—по всему пути нѣтъ ни одного жилья,—якутскіе тракты обыкновенно пусты: богачи не любятъ, чтобы ихъ беспокоили проезжіе, особенно начальство, среднимъ—не по силамъ, а бѣдность и подавно стремится залѣзть куда-нибудь въ такую глушь, чтобы ихъ не было ни видно, ни слышно. Ъхать назадъ—почти тоже, что и впередъ: я былъ на пол-пути.

Помнилось мнѣ, что гдѣ-то здѣсь должна пересѣкать дорогу встрѣчная тропка, но куда она ведетъ? Да и не проѣхалъ-ли я ее?

Но тропка скоро встрѣтилась и притомъ такъ счастливо, что я сразу повернулъ коня вправо: тамъ слышался лай собаки. Однако, эта узкая дорожка для верховыхъ была, вѣроятно, послана мнѣ судьбой и какъ послѣднее искупленіе: чрезъ нѣсколько минутъ ѣзды въ затишьи, подъ высокими лиственницами, я вѣхалъ въ молоднякъ, потомъ въ тальниковыя заросли. И я, и конь были жестоко избиты гибкими и тонкими вѣтвями тѣсно стоящихъ надъ тропкой деревъ; порывъ вѣтра порой срывалъ съ дерева, казалось, всю воду и сразу опрокидывалъ ее на меня. Но скоро скользкая и густая глинистая грязь подъ копытами моего бѣднаго коня смѣнилась почвой болѣе рыхлой, забѣлѣли пески: близь, очевидно, берегъ какой-то рѣчки. Надъ ней, вѣроятно, и юрта. Еще четверть часа бичеваній и холодныхъ обливаній—и я у юрты, на крутомъ берегу маленькой извилистой рѣчки. Конь вздыхаетъ, отъ него валитъ паръ. Я поставилъ его подъ навѣсъ и вошелъ въ юрту.

Меня обдалъ запахъ хотона,—это было новое наказаніе за легкомысленный выѣздъ: юрта была съ хлѣвомъ, изъ-за жидкой перегородки виднѣлись телята, слышно было, какъ они жевали. Самая юрта была очень мала и темна, въ двухъ только изъ четырехъ крохотныхъ окошекъ были рамы, шитыя изъ бересты, со множествомъ стеклянныхъ осколковъ; въ двухъ же другихъ стекла замѣнялись рыбьей кожей. Толпа ребятъ, тѣсня, обступила меня, разглядывая и щупая вещи, помогая развѣсить мокрое платье и моментально исчезая, какъ только я обращалъ вниманіе на кого-либо изъ нихъ въ отдѣльности. Ихъ отецъ отправился разсѣдлать Буланку, мать подбросила дровъ въ каминъ и поставила самоваръ, грязный и изломанный, но огромный. Скоро въ юртѣ стало веселѣе и какъ будто не такъ душно: или къ ея запаху я уже успѣлъ привыкнуть, или, скорѣе, каминъ провентилировалъ спертый воздухъ.

Поспѣлъ самоваръ, и мы съ хозяевами приступили къ чаепитію. Разговоръ не вязался, да и вязаться не могъ: я по якутски съ трудомъ могъ объясниться только по самымъ насущнымъ и обычнымъ вопросамъ домашняго обихода; еще меньше зналъ якутъ по русски. Понялъ я, что хозяинъ небогатъ, имѣетъ только пять коровъ, что живутъ здѣсь давно, дѣтей у нихъ четверо. Ребята, впрочемъ, и сами скоро представились in согроте. Я вынулъ табакъ,—протянулъ руку хозяинъ, за нимъ хозяйка, потомъ старшій сынъ, лѣтъ 9, потомъ дѣвочка, потомъ опять мальчикъ,—и церемонію заключилъ голый карапузъ съ огромнымъ животомъ и тоненькими ножками,—лѣтъ двухъ-трехъ. Была, впрочемъ, на немъ какая-то одежда, но ее не легко назвать: можно было принять, напри- мѣръ, за ротонду, или за рубаху изъ телячьей шкуры, разо-

рванную отъ ворота до подола, или за небрежно, въ одинъ рукавъ, накинутое пальто... Онъ получилъ кусокъ сахару, взялъ его, но очевидно ждалъ табаку и, разочаровавшись, по-нуро заковылялъ сосать трубку къ старшему брату.

Чаепитіе окончилось, — за осушеніемъ самовара. Я обогрѣлся, платье высохло. Надо было подумать о продолженіи пути. Я выпелъ взглянуть, какова погода. Ничего новаго и ни малѣйшаго проблеска надежды: небо укрыто сплошнымъ сѣрымъ покровомъ и, на фонѣ его, низко-низко, рвутся и треплются порывистымъ вѣтромъ черныя лохмотья дождевыхъ тучъ. Близокъ вечеръ, ночь будетъ темна, — доѣхать до ея наступленія я не успѣю, а ночью, въ темнотѣ, въ такую погоду, — врядъ-ли я буду въ состояніи ѣхать... Очевидно, нужно ночевать. Это было очень скучно и непріятно, но ничего не подѣлаешь. Я вернулся въ юрту, устроилъ на оронѣ нѣчто въ родѣ постели и улегся. Спать, впрочемъ, нельзя было: что-же я стану дѣлать въ теченіи всей «долгой» ночи, если выплусь теперь? Вѣдь книгъ со мною не было, а якутскій свой лексиконъ я уже исчерпалъ за чаемъ.

И все-таки, я сталъ дремать... Вотъ выдѣлились изъ шума дождя и вѣтра какіе-то знакомые звуки, голоса... вотъ, изъ тѣни тускалаго вечера выплыло далекое, давно забытое, лицо.

— Баринъ, а баринъ! — донеслось откуда-то, глухо и слабо.

Я изумился. Кто это? Гдѣ?

— Тутъ я, баринъ... На оронѣ, подъ дверью... Слышу, вотъ, баринъ добрый, съ якутами чай пьеть, не кричитъ... насмѣлюсь, думаю, кое-что поспросить...

— Да ты-же раньше почему не отозвался? Ты не спалъ? Да ты боленъ, что-ли? Ты кто такой?

— Уйбанъ-хайлахъ я, баринъ... Поселенецъ... Да и не Уйбанъ... не Иванъ... Якутамъ-то зачѣмъ меня знать, — имъ все одно, какъ зовутъ: хайлахъ — и все тутъ... Не выговорятъ они моего имени, али не хотятъ... Прозвали Уйбаномъ, — такъ и хожу...

— Хвораетъ?

— Безъ ногъ совсѣмъ, баринъ. Кто е знаетъ, то-ли въ шахтѣ на пріискахъ простылъ, то-ли отъ обвала... Сначала ноги, прошлый годъ, а съ весны и руки отнимаются... нѣмѣютъ, какъ и ноги, — по началу все будто затекали, нѣмѣли... спина вотъ тоже... Скажите пожалуйста, баринъ, не знаете, будетъ ли сюда проѣзжать Александра Александровичъ господинъ Сиповскій? Тутъ они, близко жили прежде... И сколь за нихъ и якуты, и мы всѣ Богу молились, — лекарство даетъ даромъ, идетъ ко всякому, у кого нѣтъ — и муки, и мяса еще дастъ... Дай ему Господь...

— Врядъ-ли будетъ. Онъ переѣхалъ за триста верстъ отсюда.

— То-то, знаемъ мы, переѣхалъ... Все думаю, можетъ они въ нашу сторону завернуть, въ гости къ кому изъ своихъ... Вотъ бы ему поклонился... Хорошій докторъ.

— Ну, а къ окружному почему не отправишься? Или въ городъ?

— Эхъ, баринъ... Господину-то окружному развѣ мало дѣла безъ насъ? Тамъ тебѣ утопъ, тамъ убивство, тамъ падали якуты наѣлись... Да и то у него лекарства не хватаетъ: ни ромашки, ни грудного чая до насъ уже не довозить... Два лекарства у него... А въ городъ, въ больницу, такъ туда платить надо... Нешто станеть наслегъ за меня платить девять рублей въ мѣсяцъ?..

Дождь какъ изъ ведра, сыро, темно, скука и досада,— а тутъ еще и эта обычная пѣсня! Мнѣ стало непріятно: очень ужъ надоѣдаютъ встрѣчи съ хайлахами, и особенно съ «прискакателями» («пріискателями» — рабочими съ золотыхъ промысловъ). Въ жалобахъ Ивана я слышалъ начало все той же бесконечной брани на все и вся, кромѣ себя, — хвастовства, развязно-нахальной «критики существующаго строя» и, изъ очевидной сугубой скромности, прикрываемые вздохи о гибели — несправедливой и незаслуженной, такого замѣчательнаго чловѣка, какъ онъ, хайлахъ. Всю программу этихъ разглагольствованій я зналъ давно, и надоѣли они мнѣ страшно. Послѣ жалобы на врача и якутовъ по программѣ слѣдовала дальнейшая, высшая администрація, затѣмъ рассказъ о какомъ-либо своемъ геройствѣ и необыкновенномъ благородствѣ. По его заключенію — безнадежный жестъ отчаянія въ будущности русскаго государства, исключаящаго такихъ героевъ, — и театральная поза загубленнаго, молча и задаромъ погибающаго величія... Мой обыкновенный образъ дѣйствій въ этихъ случаяхъ состоялъ въ томъ, чтобы сразу отрезвить героя, вернуть его къ дѣйствительности изъ міра хлестаковщины, въ которую эти господа уходятъ всѣмъ существомъ, искренно вѣруя, подчасъ, что они — дѣйствительно выдающіеся, замѣчательные, никѣмъ не оцѣненные люди. Правда, было зерно истины въ этой оцѣнкѣ себя: то были большей частью и въ самомъ дѣлѣ люди сильныхъ характеровъ, закаленныхъ притомъ тюремной школой и эталной да бродяжьей жизнью. Но претензіи всегда бывали выше цѣнности, — а въ данномъ случаѣ, — а-то причѣмъ! И безъ этой фигуры тоска...

И такъ, я уже хотѣлъ рѣзко переимѣнить разговоръ, спросивъ хайлаха, за какое «качество» (тюремный терминъ) онъ сюда попалъ, но тотъ послѣ раздумья продолжалъ:

— Вотъ и лежу... Лежу, да разное думаю... Да я такъ

думаю, баринъ, что мнѣ—все одно, помощи никакой и отъ леченья не будетъ... Ну, а всетаки, иной разъ будто и скучно, будто надѣешься: вотъ, молъ, господинъ Сиповскій проѣдутъ всетаки, не просто помираешь... будто ждешь чего-то...

Рѣчь не совсѣмъ обычная, а въ тонѣ звучало что-то особое. Тоска-ли безысходная, покорность-ли судьбѣ?..

Я взглянулъ на хайлаха внимательно. Блѣдное, землистое лицо рельефно выдѣлялось на грудѣ тряпья, служившаго подушкой. До самой шеи больного закрывалъ рваный арестантскій полушубокъ съ клеймомъ какой-то тюрьмы. Умные, черные глаза смотрѣли спокойно, кротко,—какая-то мысль, какъ будто увѣренность въ чемъ-то, горѣла въ нихъ тихимъ, ровнымъ свѣтомъ.

— Почему-же помощи не надо? Человѣкъ ты еще не старый, поправишься. Не всякій-же больной умираетъ!

— Какъ Богу угодно... послѣ короткаго молчанія тихо отвѣтилъ хайлахъ. Его глаза смотрѣли куда-то далеко, лицо стало строгое.

Я сѣлъ на сосѣднемъ оронѣ. Обыкновенно сильный герой смерти боится и при ея близости становится малодушенъ, брюзгливъ и безпомощенъ. Этотъ-же, наоборотъ, говорилъ о ней спокойно: теперь,—очевидно при мысли о близкой кончинѣ,—все его лицо стало какъ-то торжественно-тихо и величаво.

— Почему-же ты говоришь, что тебѣ помощь не нужна?

— Болѣзнь-то, баринъ, у меня такая... чудная... Ровно-бы и не болѣзнь... Ничто не болитъ, а такъ, день ото дня, по малости, помираю... Сначала ноги, теперь руки, спина, а послѣ, однако, до головы дойдетъ: тутъ и кончится...

— Да можетъ быть болѣзнь еще прежде кончится, чѣмъ до головы дойдетъ? Вотъ проѣдетъ окружной, ты ему покажись, попроси лекарства,—поправишься!..

— Какъ Богу угодно... И опять лицо больного стало строгимъ, величавымъ.

Вечерѣло. Черезъ окна въ юрту дневной свѣтъ уже едва пробивался. Уголъ больного уходилъ все глубже во мракъ и рѣзко виднѣлось только блѣдное лицо и, въ глубокихъ впятинахъ, серьезные глаза. Плескались на дворѣ капли дождя по лужамъ, барабанили въ рыбью кожу рамъ и глухимъ рокотомъ отдавались по стѣнѣ и крышѣ юрты. Рвался вѣтеръ въ двери, въ окно, въ трубу камина... Что-то слишкомъ то-скиво становилось... Я попросилъ затопить каминъ и поставить самоваръ.

Сырая полѣнья дымились и шипѣли. Вѣтеръ, порывами врываясь въ трубу, вносилъ въ юрту клубы дыма. Якутка раздувала уголья,—и сразу вспыхнуло пламя, широкой струей

взвилось вверхъ, горячимъ свѣтомъ разлилось по всѣмъ угламъ. Скрылись тѣни, и на тоскливый шумъ дождя весело и громко трепшаль въ отвѣтъ огонь камина.

Очнулся отъ своей глубокой задумчивости и больной, повернулъ лицо къ огню, и въ его переливахъ какъ будто тревожнымъ вопросомъ заглялись спокойно грустные глаза.

— А что, баринъ, правду-ли сказываютъ: по всей Расеѣ и Сибири ревизія будетъ?

— Будетъ. Не ревизія, а перепись.

— Такъ... такъ и сказывали: первая перепись... Глаза больного блеснули.

— А правда, говорятъ, послѣ переписи коронація, а послѣ коронаціи—выставка будетъ?

— Гм... выставка будетъ для тѣхъ, кто свои товары купцамъ показать хочетъ, или самъ покупать что-либо будетъ.

— Такъ... а народу, значить, собираться не сказано?

— Зачѣмъ-же соберутся?

— Первая всероссійская перепись!.. потому и «первая»... разъ во сто лѣтъ, чтобы перепись... и чтобы ни паспортвъ, ничего не боялись. Всякому простится, всѣхъ заново запишутъ... и ни бродягъ, ни каторжныхъ... только самому надо всякому на выставку заявиться... Вотъ какъ будетъ... Слава тебѣ, Господи,—дождались!.. Только мнѣ ужъ, видно, не дожидаться... Когда, баринъ, перепись-то самая будетъ?

— Не знаю,—еще не такъ скоро!..

— Такъ... Ну, однако,—будетъ... Строго заказано, печатями приложено и въ царскій архивъ положено... На вѣчныя времена... разъ чтобы во сто лѣтъ...

— Да кто тебѣ эти сказки напелъ?

— Толкують... былъ тутъ прохожій... на выставку пошелъ... сказывалъ... доподлинно знаетъ...

Рѣшительно бесполезно было его разубѣждать, — онъ мнѣ не вѣрилъ и былъ совершенно равнодушенъ къ моимъ аргументамъ.

Кончился чай. Каминъ догорѣлъ, тлѣли и вспыхивали порой головни, прорѣзая мракъ густой тѣни и выхватывая изъ него то стѣну юрты, то якута, то блѣдный профиль больного.

— Ты про что-же все думаешь? Про болѣзнь свою, или про перепись?

Прямой, спокойный взглядъ остановился на мнѣ.

— Нѣтъ, баринъ... такъ... про разное думаю... Не про меня уже перепись... А болѣзнь... такъ и про нее забываю: ничто не болитъ... будто нѣмѣютъ только руки, да спина... какъ и ноги прежде... Лежишь, не видишь, какъ и время идетъ... И вотъ съ той поры, какъ стали ноги у меня отниматься—и сталъ я задумываться... Ровно-бы и не спроста

она, болѣзнь моя... Такъ-то, что теперь мнѣ почти и все равно, боленъ-ли, здоровъ-ли... Ужъ это, знаю я,—къ смерти...

— Попляшемъ еще! Зачѣмъ болѣзни пугаться? Да о чемъ же ты задумываешься?

Отвѣтилъ больной не сразу. Глаза, серьезные и строгіе, взглянули на меня—и опять глядѣли куда-то прямо, далеко.

— Зачѣмъ пугаюсь?... то-то, вишь, не пугаюсь, а будто такъ и надо... Зачѣмъ пугаться?... О чемъ, баринъ, говоришь, задумываюсь?... Да разное... Вонъ, вижу, тараканъ по стѣнѣ лѣзетъ... Куда ему?... Ъсть-ли хочетъ, али поведаться съ кѣмъ надо?... Ну, вотъ я думаю... Прежде-бы взялъ, да раздавилъ, а теперь—гляжу на него, да думаю... Другой ему встрѣчу... того-сего, усами поговорили, вмѣстѣ назадъ пошли... Дѣла, значить, такія у нихъ вышли, назадъ надо... Какъ я его теперь давить буду, ежели у него и вправду дѣла есть серьезные!.. А можетъ,—у него сейчасъ жена рождаетъ, дите помираетъ,—можетъ... Да вы, баринъ, поди смѣтаетесь?..

Онъ живо взглянулъ на меня; глаза загорѣвшіеся, безпкойные. Но я не смѣялся. Онъ съ минуту помолчалъ, глядя на меня.

— И самъ-то я смѣялся... поначалу вотъ этакъ возьмешь, да нарочно и раздавишь его, али тамъ собаку зашибешь, бурндука... Такъ, повѣрите, потомъ, бывало, мѣста себѣ не найду, мучаюсь... все думаю: пошто я его задавилъ?... Ждутъ его, поди, домашніе... Теперь я уже никого ихъ не обижаю... Лежу, да смотрю только... Прежде я якутовъ страсть не любилъ. Ругалъ ихъ, случалось—и колачивалъ. Кормили за то хорошо... Придешь на очередь въ юрту, сейчасъ крикъ сочинишь,—того да сего подавай... бьются якуты!—Пришелъ весной къ этому... тоже такъ... Сталъ хворать,—что-же думаю этакъ, ослабѣю, — свяжетъ онъ мнѣ руки да ноги, камень на шею,—да въ озеро: ушелъ, молъ, безъ паспорта, въ безвѣстную отлучку... Мало нешто нашего брата такъ-то пропало... Страшно мнѣ стало. Виду не подаю, что ослабъ. А чего-тамъ,—ноги уже еле ходять... Ну, а ежели у таракана свои дѣла сурьезныя,—такъ нешто якута можно бить? Про таракановъ-то я уже началъ думать... Должно,—тише я сталъ,—вижу, якуты будто жалѣють, лѣчить хотять, шамана али поа звать собираются... Совсѣмъ мнѣ совѣстно стало...

«Вотъ и лежу у нихъ... Чередъ-то давно—къ другимъ, да мочи нѣтъ, а якуты говорятъ: сиди, нуча, все равно и мы сами зимой голодать будемъ — и ты съ нами... Кормятъ хорошо, спасибо имъ, покуда у самихъ есть... Ребята тоже славные... Старшій-то мальчишка и по русски отъ меня перенимаетъ понятливый... Поможетъ это онъ мнѣ лѣтомъ, вытащить на дворъ,—лягу подъ деревомъ, надъ озеромъ, надъ покосами,

лежу... гляжу... да думаю. Славно, тепло таково. Солнце высоко, на небѣ ни тучки, ни облака,—лежитъ, ровно озеро; али море какое. Тихо такъ... Горбуша гдѣ-то лязгаетъ: якутъ сѣно косить... Озеро—что стекло; по срединѣ блеститъ, къ краю синее, да зеленое,—подъ камышами... Утка выплыла,—сидитъ, смотреть кругомъ... Крыломъ потянулась, хлопнула, опять смотреть... крикнула разъ, другой, по тихонечку такъ: утятки къ ней изъ камышей выплываютъ. Крохотки экія, носочки черненькіе, сами въ пуху желтенькомъ. Плывуть, кувыркаются, хвосточки другъ дружкѣ показываютъ. Любо, видно, и имъ, малышамъ,—тихо да тепло... Дай вамъ, Господи, счастливо-то вырасти, дѣтушки,—много еще трудовъ вашей матери... Все озирается, бѣдная, боится... Вѣтромъ потянуло, ястребъ гдѣ-то закричалъ... Заторопилась, крикаетъ, увела дѣточекъ опять въ камыши, бѣдная... Поклонилась трава подъ вѣтромъ, камыши шелохнулись—шепчутся. Озеро колыхнулось, зарыбило,—и опять тихо все стало, трава поднялась, къ солнцу тянется... Прости, ты, травушка шелковая,—скоро снимутъ тебя. Бурундукъ бѣжитъ сверху... меня не примѣтилъ, видно, прямо на ногу вскочилъ,—испугался, да такъ и присѣлъ. Потомъ какъ скочить, — такъ и слѣдъ простылъ. Знаю, братъ, гдѣ живешь,—сосѣди мы; умная ты тварь, даромъ что маленькая, почитай отъ всѣхъ звѣрей лѣсныхъ самая меньшая... Мыши вотъ меньше... тѣ меня перестали бояться, при мнѣ хозяйствуютъ: корешки въ норы таскаютъ, колоски, траву разную,—тоже на зиму работаютъ, твари господни. Поглядитъ на меня иная: глазки востренькіе, что твои гвоздочки, да черненькіе, — смотреть, словно спрашиваетъ: али ты человѣкъ добрый, али недобрый? Подождетъ, увидитъ, что я не шелохнусь—и опять по хозяйству своему хлопочетъ... Мураши обсыпять. Они народъ умный: видятъ, что неправильно легъ, на ихъ дорогѣ легъ,—сначала все черезъ меня перелазятъ, а потомъ надоѣстъ—обходъ найдутъ. Тоже все хозяйничаютъ, работаютъ, себѣ на зиму пропитаніе зарабатываютъ... И имъ не легко: работа иной разъ—страсть тяжелая...

«Къ обѣду солнышко прямо противъ меня станетъ, на озеро смотрѣтъ больно: огнемъ горитъ. Жарко отъ солнышка, отъ воды парить, тѣнь отъ березы на другую сторону ушла... Разморить меня солнце, отъ жары голова шумитъ, отъ свѣту красные круги въ глазахъ,—уже не вижу ничего, слышу плохо... Чудится, будто все со мной дерево заговариваетъ, да не слышу я, не разберу... Воробушки прилетѣли, чвиркаютъ по своему,—тоже со мной будто разговариваютъ... Да будто и понимаешь ихъ... Жалуются, вишь,—кормовъ мало, не то, что въ Расѣ... Залетѣли, говорятъ, въ этакія мѣста... Ну что-жъ, воробушки, говорю,—далъ вамъ Господь крылушки,—летите себѣ назадъ

съ Богомъ!.. улегѣлъ-бы съ вами и я, пташечки, на свою родимую сторону... поклонился-бы отцу-матери, братьямъ-сестрамъ, всему міру православному, — простите вы меня, грѣшнаго, окаяннаго... простите, Господа ради...

И вдругъ слезы, — крупныя, горячія слезы градомъ хлынули изъ глазъ больного хайлаха. Худыя руки, дрожа, поднялись изъ подъ тулупа и закрыли лицо, тѣло вздрагивало.

— Такъ... вотъ... видите, баринъ — говорилъ хайлахъ, нѣсколько успокоившись, — думаю, что не къ здоровью мнѣ это... Прежде такъ не думалъ... просто — здоровъ былъ... А теперь, какъ только лежу одинъ да глаза закрою, — такъ и слышу что-нибудь... Вотъ береза надо мной качается, тужить, да ласково такъ шелестить... И поначалу ничего не слышалъ, а теперь, что дальше, — будто все понимать начинаю: и какъ дерево растетъ, и какъ пташки промежду себя разговариваютъ, трава жалобно таково шелеститъ — горбуши боится... И страшно, и хорошо... Сначала то страшнѣе было, а теперь ничего... Словно живой кончился... Вѣдь это послѣ смерти душа-то сама летаетъ, все видитъ, все слышитъ...

Хайлахъ замолкъ и задумался. Слабый свѣтъ угольевъ догорѣвшаго камина пробѣгалъ то вспышками, то синеватыми струйками по блѣдному лицу съ заостреннымъ носомъ, мерцалъ въ глубинѣ глазъ, глядѣвшихъ куда-то за черныя стѣны юрты, за мракъ и непогоду осенней ночи.

Якуты давно спали. Я всталъ и опять подбросилъ дровъ въ огонь. Стало еще темнѣе, мокрая полѣнья шипѣли, курта расплылась въ темнотѣ. Но вотъ прорвался огненный языкъ между полѣньевъ, лизнулъ ихъ, — и сразу засверкали искры, заструился крупной рябью красноватый свѣтъ по потолку, по стѣнамъ, столбамъ.

— Вамъ, баринъ, должно спать охота, — пристали вы сегодня... я-то радъ съ русскимъ поговорить... приведется-ли еще кого видѣть... простите ужъ вы меня...

Дѣйствительно — я чувствовалъ себя усталымъ, хотя, быть можетъ, скорѣе отъ его разказовъ, чѣмъ отъ путешествія, и на самомъ дѣлѣ былъ не прочь заснуть.

Я устроился и легъ на оронѣ передъ огнемъ. Каминъ пылалъ, трескъ и шумъ его весело врывался въ тихую тоску, щемящую боль, навѣянную на душу разказомъ хайлаха. Я задремалъ. — «Баринъ, а баринъ!...» шумѣла надо мной береза, — и бойко трещалъ ей что-то огонь. — «Баринъ, а баринъ!...» чирикали воробьи. — «Баринъ, баринъ!» — затрещалъ вдругъ и каминъ. Я очнулся.

— Баринъ, что я у васъ просить буду...

Я всталъ. Больной лежалъ все въ той-же позѣ, сосредоточенно глядя впередъ. Врядъ-ли онъ видѣлъ, что я уже легъ.

— Добрый вы человекъ, баринъ.—Глаза его съ лаской и просьбой остановились на мнѣ.—Тутъ, баринъ, у меня товарищъ есть... изъ города еще маленькимъ принесъ... въ ямѣ помойной нашелъ... котъ... здоровый теперь...

Тонкая рука оттянула тулупъ, и у груди больного я увидалъ свернувшася калачикомъ большого кота. Рука опустилась на гладкую тигровую шерсть и прошла по ней. Котъ муркнулъ. Зеленые глаза жмурились и подозрительно оглядывали меня.

— Такъ вотъ, баринъ... ужъ возьмите вы его, ради Бога, увезите себѣ... Я-то, однако, скоро помру... Хорошій человекъ якутъ-хозяинъ, да онъ что понимаетъ... вотъ, говорить, помрешь ты, Уйбанъ, я изъ твоего кота женѣ рукавицы сдѣлаю... Ужъ будьте милосердны... За что твари погибать...

Живо представилъ я себѣ нелѣпую картинку, какъ я ѣду верхомъ по лѣсу, держа кота на рукахъ. Котъ оретъ и царапается, конь бѣсится... Но какъ отказать? Помаввшись, я обѣщаль...

— Ну, спасибо вамъ, баринъ!.. Теперь мнѣ легче будетъ... зачѣмъ-же изъ-за меня-то бѣдной твари пропадать?.. Жить тоже, поди, хочеть, тоже ему любо...

Я вернулся на постель и заснулъ. Коты, воробьи, мыши, тараканы, не переставая, осаждали меня всю ночь какими-то невѣроятными бесѣдами, дикими концертами, просьбами, угрозами... Только подъ утро я освободился отъ нихъ и заснулъ, какъ убитый.

Первая моя мысль утромъ была — о погодѣ. Я открылъ дверь и остановился ослѣпленный: солнце ярко сіяло прямо предо мной и, навстрѣчу ему, тянулась по озеру ослѣпительная полоса свѣта. На небѣ—ни облачка. Какъ будто освѣжились и помолодѣли деревья, — только не вернуть уже имъ сорванныхъ бурей и непогодой листьевъ!..

Буланка, свѣжій и бодрый, весело ржалъ; всю ночь онъ стоялъ на свѣже-скошенномъ сѣнѣ и; очевидно, былъ вполне доволенъ и отдыхомъ, и кормомъ, и прекраснымъ днемъ.

Я заторопился съ чаемъ и отъѣздомъ.

При дневномъ свѣтѣ и больной мнѣ показался лучше, не такъ страшенъ. Только его впалые, черные глаза по прежнему смотрѣли какъ-то особенно спокойно и умно. Какъ будто онъ видитъ что-то, другимъ недоступное, непонятное и важное. Когда онъ взглядывалъ на меня, мнѣ казалось, что онъ знаетъ, о чемъ думаю я, знаетъ, какъ смущаетъ меня его взглядъ... Котъ сидѣлъ на оронѣ, около его ногъ.

— Кота, баринъ, возьмете? — спросилъ хайлахъ, когда я, покончивъ съ чаемъ, началъ собираться и прощаться. Голосъ его сегодня звучалъ слабѣе и глуше, — видно больной еще не отдохнулъ послѣ ночной бесѣды и волненія.

Стали придумывать, какъ вести кота. Рѣшили посадить его въ мѣшокъ и привязать ко мнѣ на спину. Но съ котомъ не такъ легко было справиться. Онъ упирался, не лѣзъ въ мѣшокъ, крутился и кричалъ въ немъ, — пришлось къ мѣшку пришивать внизу нѣчто въ родѣ пояса, а сверху перевязъ, чтобы можно было укрѣпить его неподвижно, привязавъ къ талии и надѣвъ на шею. Якуты смѣялись, ребята были въ восторгѣ. Больной былъ серьезенъ и сосредоточенъ. Очевидно, всѣ детали онъ обдумалъ заранѣе, и намъ приходилось только поступать по его указаніямъ. Оставалось взвалить мѣшокъ на спину и привязать.

— Ну, прощайся, Васька, съ хозяиномъ! — Я взялъ мѣшокъ и положилъ на оронъ къ больному. Тотъ пріоткрылъ отверстіе и оттуда живо вынырнула полосатая голова. Больной накрывъ ее рукой. Котъ отозвался и успокоился.

— Прощай, Вася... не свидимся... возьмите, баринъ... Дай вамъ Богъ счастливо...

— Не падай духомъ, — совѣтовалъ я больному, — не ты первый, не ты послѣдній хвораешь, — дастъ Богъ поправишься...

Больной опять сосредоточенно глядѣлъ куда-то далеко, прямо передъ собою. Глаза суровые, холодные.

— Нѣтъ ужъ, баринъ... не встать мнѣ... Дай вамъ Богъ...

И вдругъ мелькнула въ глазахъ какая-то тревога:

— А можетъ, баринъ... и надумаютъ господинъ Сиповскій въ нашу сторону проѣхать, — скажите имъ, — можетъ заѣдутъ... Всетаки, — будто еще чего ждать буду...

Возвращался назадъ я уже зимой, мѣсяца два спустя. Верхомъ холодно ѣхать въ морозы конца октября, тѣмъ болѣе, что я, не рассчитывая такъ опоздать, не имѣлъ и достаточно теплой одежды. Поэтому лишнія пять-шесть верстъ въ сторону, къ юртѣ, гдѣ я видѣлъ больного, можно было и не считать за крюкъ. Обогрѣюсь, — трудно сразу привыкнуть къ дорогѣ по морозу. Другой побуждающей причиной была участь кота. На второй день послѣ того, какъ я, съ невѣроятными приключеніями, довезъ его до юрты товарища, онъ исчезъ. Меня интересовало, не добрался-ли онъ до этой юрты, къ своему хозяину.

Тропка къ юртѣ теперь стояла, какъ узкій снѣжный коридоръ: деревья густо были покрыты инеемъ и снѣгомъ. Лѣсъ, объятый морозомъ, замеръ недвижно, нахмурившись, задумав-

тпись. Качались и ломались задѣтые мерзлыя вѣтви и обдавали меня пушистой волной снѣгу.

Изъ трубы камина весело вился дымокъ. На лай собаки выбѣжали дѣти и взяли коня.

— Уйбанъ померъ!—сказалъ мнѣ старшій, когда я отворялъ дверь. Я взглянулъ на оронъ, гдѣ лежалъ больной. Тамъ, вмѣсто груды тряпья и рваного полушубка, лежало сѣно. Самый уголь, какъ впрочемъ и вся юрта, стала свѣтлѣе: вмѣсто берестяныхъ рамъ и налимьей шкуры въ окнахъ стояли льдины.

Устроилось чаепитіе. Хайлахъ умеръ недѣли три назадъ. Подъ конецъ у него отнялись совершенно и руки, онъ лежалъ неподвижно. Умеръ тихо. Предъ смертью вспоминалъ Сиповскаго и кота.

Кота здѣсь не было. Якутъ былъ очень огорченъ его исчезновеніемъ и довольно прозрачно намекнулъ, что гибель его—на моей отвѣтственности: ни мнѣ, ни людямъ... слѣдуетъ, по справедливости, чтобы я уплатилъ ему, хозяину, за содержаніе кота. Вѣдь кормилъ, и очень долго, онъ, хозяинъ... Очень логичны всегда выходятъ у якутовъ доказательства ихъ правъ на вознагражденіе... Якутъ говорилъ все время чаепитія и былъ, кажется, очень доволенъ своимъ ораторскимъ талантомъ.

— Далеко похоронили Уйбана?

— Здѣсь, на пригоркѣ у озера. Увидишь, когда выйдешь. Попа только не было. Однако, будетъ въ этомъ году, — тогда отпоеть...

Я распрощался. Бѣлая пелена снѣгу уже начала слегка синѣть, покрываться сѣрой дымкой: надо торопиться, близокъ вечеръ. Выѣзжая съ поляны на тропку въ заросляхъ, я остановился: налѣво, на холмѣ, чернѣла гряда земли, не укрытой снѣгомъ. Это и была могила хайлаха. Я повернулъ коня къ ней. Открылось озеро, мертвое, безжизненное, подъ снѣжнымъ саваномъ, съ поникшими стеблями камыша и осоки. Безсильно протянула и береза свои сухія руки надъ могилой, — и не шепчуть ея листья хайлаху про свои тайны, не льютъ ему въ душу мира и покоя... Вдругъ, рѣзкимъ инстинктивнымъ движеніемъ, я осадилъ коня: на могилѣ, тѣсно прижавшись къ землѣ, опутивъ голову, сидѣлъ котъ... Волосы у меня на головѣ шевельнулись. Это было одно мгновеніе, затѣмъ я двинулъ коня опять впередъ. Еще нѣсколько шаговъ, — и я разглядѣлъ отчетливѣе глыбу мерзлой глины, приятную мной за кота... Я повернулъ на тропу.

№ 4450 24.8.88

Буланка шелъ весело, бойко. Вечерь быстро насъ нагонялъ. Сѣрое небо въ глубинѣ рѣдколѣсья ужъ начало сливаться съ полосой снѣга, деревья сгруживались тѣснѣе и все ближе, все сумрачнѣе и грознѣе стѣной подходили къ дорогѣ. И чудится мнѣ, чьи-то зеленые глаза зорко глядятъ на меня изъ-за густой тѣни деревь, искрятся и мерцаютъ, — чей-то жалобный стонъ слышится въ скрипѣ снѣга подъ копытами коня... кто-то легкими шагами меня догоняетъ, шепчетъ; зоветъ... «Баринъ... а баринъ!...»

Мих. С—скій.

Наша податная система въ прошломъ и настоящемъ.

I.

Исторія русскихъ финансовъ еще мало разработана. Лишь въ последнее время появилось нѣсколько солидныхъ изслѣдованій, бросающихъ яркій свѣтъ на темную доселѣ область финансоваго прошлаго Россіи; но изслѣдованія эти касаются только нѣсколькихъ небольшихъ періодовъ и не даютъ цѣльной картины общаго финансоваго развитія русскаго государства. Для налоговъ въ частности дѣло затрудняется еще тѣмъ, что до XVII вѣка правильной организаціи податей въ Россіи не было, да и послѣ того, не смотря на упорядоченіе, введенное Алексѣемъ Михайловичемъ, устройство налоговъ затемнялось запутанной терминологіей, обозначавшей разными названіями одинъ и тотъ же видъ налога и одинаковыми—сборы, не имѣющіе между собою ничего общаго. Тѣмъ не менѣе въ исторіи русскихъ финансовъ не трудно подмѣтить ту же основную тенденцію, какая проявляется и въ исторіи финансовъ другихъ европейскихъ государствъ.

Въ Россіи такъ же, какъ повсюду, главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ первоначально служила собственная хозяйственная дѣятельность государя. Государственные имущества состояли, съ одной стороны, изъ владѣній, принадлежавшихъ князьямъ на тѣхъ же правахъ, какъ и другимъ вотчинникамъ, а съ другой—сюда входили всѣ не занятыя земли, которыя ео ipso считались государевой собственностью. Покореніе новыхъ земель, секуляризація духовныхъ имѣній и т. п., все это способствовало росту государственныхъ имуществъ, не смотря на многочисленныя раздачи имѣній, практиковавшіяся русскими государями не менѣе европейскихъ. На всѣхъ этихъ земляхъ первоначально велось собственное хозяйство: земледѣліе, скотоводство, звѣриная и рыбная ловля. Для охоты, рыболовства и скотоводства служили дворовые холопы государя; земледѣльческія работы производились, вѣроятно, задворными холопами, которыми населены были «людскія» деревни князей уже въ XII столѣтіи. Государь получалъ натурою все, что ему было нужно; съ теченіемъ времени нѣкоторая часть натуральныхъ продуктовъ замѣнилась денежнымъ оброкомъ, который встрѣчается уже

нѣ концѣ XV столѣтія. Благодаря развитію денежнаго хозяйства и росту государственныхъ потребностей, оброкъ увеличивался, составляя все большую долю повинностей крестьянъ, сидѣвшихъ на казенныхъ земляхъ. Въ царствованіе Петра Великаго оброчная подать становится главной статьёй доходовъ съ государственныхъ имѣній.

Къ государственнымъ имуществамъ у насъ относятся также не-земельныя оброчныя статьи, которыя упоминаются уже въ XVI столѣтіи, каковы: мельницы, соляныя варницы, бобровые гоны, публичныя бани, винокурни, пивоварни и пр. Присоединяя сюда еще огромныя лѣсныя пространства, получимъ довольно солидный источникъ государственныхъ доходовъ, пополнявшій большую часть государственнаго бюджета. Однако, по мѣрѣ расширенія государственныхъ дѣятельности, специализированія правительственныхъ функций съ одной стороны и развитія частно-хозяйственныхъ началъ въ экономической жизни съ другой,—государственные доходы, получаемые отъ казенныхъ имуществъ всякаго рода, отступаютъ на задній планъ, уступая преобладающее мѣсто другимъ источникамъ. Прежде всего на сцену выступаютъ регаліи, эта переходная ступень къ податямъ. Регаліи существовали на Руси издавна, но особенное развитіе онѣ получили при Петрѣ В., первомъ государѣ, возведшемъ ихъ въ систему и давшемъ имъ опредѣленную формулировку въ законодательствѣ. На первомъ планѣ стоитъ здѣсь горный промыселъ, относительно котораго Петръ В. заявилъ: «токмо намъ однимъ, яко Монарху, принадлежать рудокопныя заводы» (Регламентъ Бергъ-коллегіи, § 11, изд. 10 дек. 1719 г.). Этотъ же самый принципъ, хотя и не формулированный открыто, дѣйствовалъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, который первый обратилъ серьезное вниманіе на горный промыселъ. Право на нѣдра земли признавалось исключительно за государствомъ, которое отъ себя за опредѣленные сборы разрѣшало частнымъ лицамъ устраивать заводы и искать руду. Независимо отъ этого, продажа горныхъ продуктовъ частными лицами дозволялась лишь тогда, когда казна запасалась продуктами въ достаточномъ количествѣ. 1 января 1705 года взята въ казну продажа соли, причемъ она стала продаваться вдвое дороже, чѣмъ ее доставляли казнѣ подрядчики *). Монополіей государства сдѣлалось еще множество другихъ предметовъ потребленія; таковы: торговля американскимъ табакомъ, дегтемъ, коломазью, мѣломъ, селитрой и пр. «Здѣшній дворъ,—писалъ посолъ Витвортъ въ апрѣлѣ 1706 г.,—превратился въ купеческій; не довольствуясь монополіей на лучшіе товары собственной страны (продаетъ дорого, а покупаетъ дешево), онъ захватываетъ теперь иностранную торговлю» **). Преемники Петра В. слѣдовали въ общемъ той же политикѣ въ отношеніи регалій, хотя

*) П. Миллюковъ. Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII стол. и реформа Петра В., 219.

*) Ibid., 219.

нерѣзительность и колебанія не мало вредили дѣлу. Какую роль при Петрѣ играли регалии, можно видѣть хотя бы изъ того, что въ 1680 г. онѣ составляли 2,7%, тогда какъ въ 1701 году онѣ достигли уже 26,8% *).

Преобладаніе регальныхъ доходовъ продолжалось недолго. Уже при Екатеринѣ II частно-хозяйственный принципъ получилъ полное признаніе въ нашемъ законодательствѣ, и это выразилось прежде всего въ уничтоженіи горной регалии: манифестомъ отъ 28 іюня 1782 года право собственности на поверхность земли отождествляется съ правомъ собственности на ея нѣдра; основывать заводы или разыскивать руду имѣть право лишь собственникъ земли, а постороннее лицо лишь въ томъ случаѣ, если оно вошло съ нимъ въ согласіе. Соляная монополія была ограничена при Александрѣ I, хотя въ большей части губерній удержалась до 1861 года, когда монополия была замѣнена акцизной. Табачная монополія была уничтожена въ 1838 году. Такимъ образомъ, начиная съ царствованія Екатерины II, принципъ свободнаго соперничества, формально признанный законодательствомъ, постепенно вводится и въ жизнь.

Оттѣснивъ государственныя имущества, регалии въ свою очередь скоро теряютъ значеніе, уступая свое мѣсто налогамъ, дѣлающимся главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ. Собственно говоря, налоги фигурировали въ русскомъ бюджетѣ издавна; но они составляли незначительную часть его, тогда какъ преобладающее мѣсто занимали доходы отъ государственныхъ имуществъ или отъ регалій. Поэтому, если мы говоримъ о наступленіи податной эпохи, то ни въ какомъ случаѣ не хотимъ этимъ сказать, что только съ этого момента налоги появляются или что съ этихъ поръ всѣ другіе источники исчезаютъ; рѣчь можетъ быть лишь объ *относительномъ* значеніи той или другой формы извлеченія государственныхъ доходовъ. Поскольку мы имѣемъ дѣло съ основной *тенденціей* развитія, у насъ доиманіальная эпоха съ преобладаніемъ доходовъ отъ государственныхъ имуществъ смѣняется регальной, а эта послѣдняя—податной.

Обращаясь къ развитію налоговъ въ Россіи, мы опять-таки встречаемся съ тѣми основными чертами, которыя могутъ быть отмѣчены и въ исторіи другихъ культурныхъ странъ. Въ древней Руси налоги падали исключительно на крестьянъ и посадскихъ людей, а высшія сословія, дворянство и духовенство, ничего не платили**). Послѣдовательность въ проведеніи этого сословнаго начала доходила до того, что дворовая, холопская служба также освобождена отъ податей, потому что дворовые люди и холопы считались ничѣмъ инымъ, какъ частью имущества помѣщика. Привил-

*) Въ 1680 г. регалии доставляли 40.000 руб. дохода, а въ 1701 г. 791872 р. (*Ibid.*, 659—660):

**) Гр. Д. Толстой. Исторія финансовыхъ учреждений Россіи со времени основанія государства до кончины императрицы Екатерины II, 1848, стр. 27.

леги́и эти относились не только къ прямымъ налогамъ, но и къ косвеннымъ: отъ таможенныхъ сборовъ, этого главнаго вида налоговъ на потребление въ древней Руси, освобождались «лица духовнаго званія, монастыри и оказавшіе особыя услуги государству» *), т. е. знатные дворяне. Какія бы названія ни носили русскіе налоги въ различныя историческія эпохи, ихъ характеръ оставался неизмѣннымъ: облагались главнымъ образомъ крестьяне и торговые люди. Эти два класса составляли фундаментъ государственнаго хозяйства; государство относилось къ нимъ, какъ къ единой, не дифференцированной массѣ, получившей впоследствии названіе «податныхъ сословій». Еще при Петрѣ В. купечество не имѣло по отношенію къ государству самостоятельнаго значенія, будучи обложено подушной податью наравнѣ со всѣми «подлыми людьми». Народная масса, не принадлежавшая къ привилегированнымъ рядамъ дворянства и духовенства, начинаетъ официально раскалываться лишь при Екатеринѣ II, которая въ 1775 году освободила купечество отъ подушной подати. Это было первое признаніе со стороны законодательной власти особаго значенія за представителями «первоначальнаго накопленія», этой зародышевой формы буржуазіи. Царствованіе Екатерины II представляетъ поворотную эпоху въ исторіи интересующаго насъ вопроса: провозгласивъ съ высоты престола принципъ свободнаго соперничества, сдѣлавъ крупный шагъ въ направленіи отъѣмъ регалій, оно выдѣлило купечество изъ массы «подлыхъ людей» и, надѣливъ его сословными преимуществами, поставило въ ряды привилегированныхъ сословій. Въ силу историческихъ обстоятельствъ, разсмотрѣніе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко, купечество въ Россіи не достигло того политическаго вліянія, того исключительнаго господства, которое имѣло мѣсто въ Зап. Европѣ. Выступленіе его на сцену сказалось въ томъ, что оно заняло мѣсто рядомъ съ высшими сословіями, такъ что вмѣсто двухъ привилегированныхъ классовъ стало три. Отколовшись отъ массы «подлыхъ людей», купечество образовало 3-е сословіе въ буквальный смыслъ, т. е. оно не стало единственной госпожею политической жизни, какъ это фактически было, напр., съ французской буржуазіей, но въ то же время его податныя привилегіи существовали (и существуютъ) не только *de facto*—въ силу специфическихъ свойствъ податной организаціи, какъ на Западѣ,—а и *de jure*, въ видѣ прямо выраженныхъ *сословныхъ* преимуществъ. Въ этомъ сказывается особенность развитія Россіи, сохранившей до сихъ поръ не только сословный духъ, но и сословныя юридическія отличія. Общій тонъ, проявившійся со времени Екатерины II, нисколько не измѣнился въ послѣдующія царствованія и сохранился даже послѣ освобожденія крестьянъ. Такимъ образомъ, въ развитіи русскихъ налоговъ мы находимъ тѣ же два періода, которые пере-

*) *Ibid.*, 94.

жила вся Зап. Европа, только они окрашены своеобразнымъ цвѣтомъ, происходящимъ отъ мѣстныхъ историческихъ особенностей.

Маленькой экскурсіи въ область фактической исторіи русскихъ налоговъ будетъ достаточно для подтвержденія вышеприведенной характеристики общаго развитія податной исторіи Россіи. При этомъ нужно замѣтить, что прямые налоги въ древней Руси различались не по податному источнику и не по объекту обложенія, а по тѣмъ государственнымъ потребностямъ, на которыя они направлялись. Терминологія, такимъ образомъ, совершенно маскируетъ истинный характеръ обложенія, который можетъ быть удовлетворительно раскрытъ только при опредѣленіи источника или, по крайней мѣрѣ, единицы обложенія. Поэтому, желая выяснитъ, на какіе слои населенія падало податное бремя, мы, вмѣсто официальной классификаціи, будемъ различать налоги по ихъ податной единицѣ. Этотъ приемъ тѣмъ рациональнѣе, что всѣ преобразования, которымъ подвергались русскіе налоги на протяженіи шести вѣковъ (съ XIII стол.), ограничивались почти исключительно измѣненіемъ податной единицы, не касаясь существа системы.

Древнѣйшимъ видомъ прямого обложенія является у насъ по-сошная подать, взимавшаяся съ сохи. Соха заключала въ себѣ извѣстное количество пашни, варьировавшееся въ зависимости, какъ отъ качества земли, такъ и отъ свойства владѣнія. Такъ, соха равнялась (четвертей *):

	доброй земли	средней	худой	дobre	худой
Въ черныхъ волостяхъ . .	500	600	700	800	
Въ монастырскихъ вотчинахъ	600	700	800	900	
Въ мірскихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ.	800	1000	1200	1300 **)	

Слѣдовательно, посошная подать была по существу поземельнымъ налогомъ. Съ теченіемъ времени, когда посадки потеряли свой деревенскій обликъ и земледѣіе перестало играть въ нихъ главную роль, уступивъ свое мѣсто торговлѣ и промысламъ, посошная подать стала въ нихъ измѣряться не количествомъ земли, а доходомъ отъ торговли и ремесла. Соха, какъ единица обложенія, осталась и въ посадкахъ, но величина ея стала опредѣляться иначе: промыслы и торговля переводились на сошное письмо, т. е. опредѣлялось, какое количество посадскихъ хозяйствъ соответствуетъ по своей доходности извѣстному земельному участку, составляющему соху ***). Эта подать падала всецѣло на сельское и посадское населеніе, такъ

*) 1 четверть = $\frac{1}{2}$ дес.

**) А. Липто-Данилевскій. Организация прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со времени смуты до эпохи преобразования 226.

***) *Ibid.*, 238.

какъ дворянство и духовенство были свободны отъ посохи *). Неравномѣрность обложенія выражалась не только въ привилегированности цѣлыхъ классовъ, но и въ томъ, что и въ предѣлахъ платежнаго населенія налогъ падалъ не на всѣхъ одинаково. Торговые люди уходили отъ посадскаго оклада въ деревню, гдѣ, какъ «люди непашенные», они ускользали отъ сошного письма. Но и пашенные уклонялись разными способами отъ налога, особенно богачи: пользуясь своимъ вліяніемъ въ обществѣ, они устраивали такъ, что ихъ выжи составлялись изъ большого количества дворовъ и хозяевъ, и потому на каждого выпадало меньше налога **). Въ виду этихъ обстоятельствъ, въ половинѣ XVII вѣка (1642 г.) возникла мысль о «реформѣ» налоговъ: рѣшено было единицей обложенія одѣлать дворъ; мѣра эта была осуществлена въ 1679 году. Но коренной перемены она не произвела: облагая всѣ дворы одинаково, не смотря на различіе хозяйственныхъ средствъ и пашенныхъ участковъ плательщиковъ, новый налогъ страдалъ крайней неравномѣрностью. «Дворовая подать несомнѣнно способствовала развитію податныхъ привилегій землевладѣльца, вотчинника или помѣщика и вела такимъ образомъ къ сословнымъ различіямъ ***). При Петрѣ В., подъ вліяніемъ нуждъ, вызванныхъ образованіемъ новой арміи и военнаго флота, правительство начинаетъ изыскивать новые источники доходовъ. Ландратская перепись 1716—1717 гг. показала, что въ каждомъ переписномъ дворѣ скучилось значительно большее количество душъ, чѣмъ раньше; такъ сама дѣйствительность указала способъ увеличенія государственныхъ доходовъ въ измѣненіи податной единицы. Не трудно было догадаться, что, если взимать налогъ не подворно, а подушно, то будетъ привлечена къ платежу значительная часть населенія, до сихъ поръ ускользавшая отъ налога. Подушная подать, введенная въ 1724 г. вмѣсто подворной и сохранившаяся до 1887 года, не только не измѣнила внутренняго характера обложенія, но еще рѣзче выставила привилегированность высшихъ сословій, придавъ юридическую форму тому, что до сихъ поръ существовало фактически: подушная подать вполне опредѣленно раздѣлила населеніе Россіи на податныя сословія и неподатныя. Налоги продолжали всей своей тяжестью давить земледѣльческій и торговый классъ, совершенно минуя дворянство и духовенство, не смотря на ихъ несравненно болѣешую обезпеченность. Замѣчательно, что среди финансовыхъ проектовъ, представленныхъ Петру со стороны разныхъ лицъ, было, между прочимъ, предложеніе о введеніи поголовной подати съ подлыхъ людей и класснаго подоходнаго налога съ высшихъ сословій. Однако, осуществленіе получило только первое.

Съ Екатерины II начинается второй періодъ въ исторіи рус-

*) *Ibid.*, 10, 12, 45.

**) *Милоховъ*, 69—70.

***) *Лаппо-Данилевскій*, 261.

скихъ налоговъ,—періодъ, ознаменованный ростомъ купечества, помогающагося сословныхъ привилегій. Въ 1775 году торговцы и промышленники перестаютъ облагаться налогами наравнѣ съ земледѣльцами; они выдѣляются изъ круга податныхъ классовъ, образуя особое сословіе—купечество, одаренное извѣстными преимуществами. Образовалось 3-е сословіе, отличавшееся отъ первыхъ двухъ тѣмъ, что оно основывалось не на благородствѣ происхожденія или благочестіи, а на платежѣ «гильдейскихъ». Кругъ лицъ, пользующихся податными привилегіями, расширился; сословный характеръ податной системы выступилъ еще рѣзче; только привилегіи потеряли свой аристократическій лоскъ и приняли буржуазную окраску. Сословное начало оставалось въ нашемъ торговомъ законодательствѣ вплоть до 1885 года, когда, съ отмѣною подушной подати *de jure*, исчезло различіе между податными сословіями и неподатными. *Повидимому*, съ 1885 года всѣ классы населенія уравнины въ своихъ податныхъ обязанностяхъ: крестьяне платятъ поземельный налогъ наравнѣ съ дворянами-землевладѣльцами; торговцы и промышленники платятъ за торговлю и промыслы,—словомъ, податная обязанность зависитъ не отъ принадлежности къ тому или другому сословію, а отъ рода заработка. *Повидимому*, въ обложеніи проведены начала всеобщности и равномерности: никто не пользуется свободой отъ налоговъ въ силу врожденныхъ правъ; размѣръ налога находится въ зависимости отъ матеріальнаго благосостоянія—количества земли и обширности предпріятія. Но это только *повидимому*; на самомъ же дѣлѣ все податное бремя по-прежнему лежитъ на трудящемся классѣ. Не смотря на многочисленныя перемѣны въ нашей податной системѣ, мы все еще остаемся при старыхъ сословныхъ началахъ, господствующихъ если не *de jure*, то *de facto*.

II.

Дѣйствующая у насъ теперь система прямыхъ налоговъ состоитъ изъ 5 главныхъ видовъ: поземельнаго, съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, съ торговли и промысловъ, съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ и государственнаго квартирнаго.

Государственный поземельный налогъ возникъ въ 1875 году изъ государственнаго земскаго сбора, взимающагося съ ревизскихъ душъ и частью съ промысловыхъ и купеческихъ свидѣтельствъ. Первоначальная сумма этого налога (7½ мил. руб.) была въ 1884 году увеличена на 52½%, взаимнѣ пониженія подушной подати, причѣмъ средніе оклады въ губерніяхъ установлены были въ предѣлахъ отъ ¼ до 17 коп. за десятину удобной земли и дѣся. Съ 1887 года *) это—единственный налогъ, падающій на владѣющее землею населеніе, если не считать выкупныхъ платежей. Кромѣ того,

*) Отмѣна подушной подати для крестьянъ всѣхъ разрядовъ и увеличеніе взаимнѣ ея оброка съ государственныхъ крестьянъ и налога на спиртъ.

въ поземельномъ налогѣ примѣненъ принципъ всеобщности обложения, такъ какъ онъ взимается и съ не-крестьянскихъ земель. Принципиально устройство этого налога должно осуществить и другое начало податной справедливости—равномѣрность, такъ какъ учреждениямъ, завѣдующимъ раскладкой налога между губерніями, уѣздами и внутри уѣздовъ, рекомендуется сообразовываться съ цѣнностью и доходностью земель. Въ дѣйствительности, въ 48 губерніяхъ Европейской Россіи среднее обложеніе десятины сельскихъ обществъ равняется 15,3 коп., а частныхъ владѣльцевъ 11,6 коп., т. е. въ общемъ крестьянинъ платитъ больше крупнаго землевладѣльца почти въ $1\frac{1}{2}$ раза *). Въ частности, крестьянская земля обложена сильнѣе помѣщичьей въ 40 губерніяхъ, и лишь въ 8 послѣдняя платитъ больше первой, причѣмъ въ 10 губ. крестьянинъ платитъ больше частнаго владѣльца вдвое, въ 2 губ. втрое. Неравномѣрность обложения выступитъ еще рельефнѣе, если припомнимъ, что частно-владѣльческая земля несравненно доходнѣе крестьянской **). Несоотвѣтствіе налога съ доходностью земли обнаруживается не только при сравненіи платежей крестьянъ и частныхъ владѣльцевъ, но и при сравненіи средняго обложения десятины въ разныхъ губерніяхъ съ цѣнностью земли въ нихъ. Оказывается, напр., что Воронежская, Казанская, Калужская и Орловская губ. платятъ одинаково около 18 коп. съ десятины, тогда какъ средняя цѣнность десятины въ этихъ губерніяхъ выражается слѣдующими цифрами: 38 р. 89 к., 19 р. 13 к., 15 р. 10 к., 38 р. 72 к.; слѣд. Воронежская губ. въ сущности платитъ вдвое меньше, чѣмъ Калужская. Съ другой стороны, въ Екатеринославской и Казанской губ. цѣнность земли почти одинаковая (19 руб.), тогда какъ среднее обложеніе десятины въ первой 14,5 коп., а во второй 18,2. Въ Тульской губ. цѣнность земли вдвое больше, чѣмъ въ Полтавской, а обложеніе въ первой почти вдвое меньше, чѣмъ въ послѣдней. Ясно, что поземельный налогъ неравномѣрно падаетъ на различныя губерніи и сильнѣе поражаетъ крестьянъ, чѣмъ частныхъ владѣльцевъ, т. е. бѣдный трудящійся классъ платитъ относительно больше, чѣмъ состоятельный. Неравномѣрность выразится еще рельефнѣе, если примемъ въ расчетъ выкупные платежи крестьянъ, имѣющіе въ настоящее время несомнѣнный характеръ налоговъ ***).

Отъ земель въ селеніяхъ перейдемъ къ недвижимой собственности въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, на которую падаетъ второй главный видъ русскихъ налоговъ. Онъ установленъ со второй половины 1863 года, взаменъ подушной подати и равнозначныхъ

*) *Ibid*, 178—179. Здѣсь взяты и мѣстные сборы; но такъ какъ государственныя и земскія сборы разверстываются между плательщиками на одинаковыхъ основаніяхъ, то тѣ же отношенія между обложеніемъ частныхъ и крестьянскихъ земель, какія существуютъ для суммъ обоихъ сборовъ, должны существовать и для каждаго изъ нихъ порознь.

**) См. ниже.

***). «Наше финансовое управленіе, повидимому, уже давно отказалось отъ взгляда на выкупную операцію, какъ на операцію кредитную. Балансъ ея

ей сборовъ съ мѣщанъ; ему подлежатъ всѣ недвижимыя имущества, находящіяся на городской землѣ (какъ-то: дома, фабрики, заводы, огороды, сады и пр.) и не только приносящія доходъ, но и могущія приносить его. Въ распредѣленіи налога по губерніямъ дѣйствуетъ раскладочная система. Сумма, подлежащая поступленію отъ каждой губерніи, ежегодно опредѣляется высшей властью. Основаніемъ распредѣленія служить оцѣнка недвижимыхъ имѣній для городскихъ сборовъ (въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ) и число жителей. Последний признакъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признанъ рѣшающимъ, такъ какъ степень населенности города еще не опредѣляетъ доходности его имуществъ; на послѣднюю вліяетъ множество другихъ условій, какъ напр. мѣстоположеніе, развитіе въ данномъ пунктѣ торговыхъ сношеній и пр.,—которые могутъ сдѣлать имущества мало-населеннаго города доходнѣе имуществъ города съ большимъ населеніемъ. Кромѣ того, и этого неудовлетворительнаго признака придерживаются при распредѣленіи далеко не послѣдовательно: сумма налога часто остается безъ измѣненія въ теченіе многихъ лѣтъ, между тѣмъ какъ цифра населенія мѣняется изъ года въ годъ. Что касается городскихъ оцѣнокъ, то онѣ также не могутъ служить основаніемъ погубернскаго распредѣленія налога, такъ какъ оцѣнки эти сдѣланы въ разное время и разными приемами. Въ одномъ мѣстѣ при оцѣнкѣ могла быть принята цѣнность имѣнія въ данный моментъ, а въ другомъ—средняя за нѣсколько лѣтъ; тамъ взята валовая доходность, а здѣсь сдѣланы большіе или меньшіе вычеты на расходы содержанія и т. п. *). Представляя собою разнородныя величины, городскія оцѣнки не могутъ служить основаніемъ для распредѣленія налога за предѣлами тѣхъ мѣстъ, гдѣ та или другая оцѣнка сдѣлана. Слѣдовательно, самый принципъ, положенный въ основу погубернскаго распредѣленія налога, влечетъ за собою его неравномѣрность по мѣстностямъ. Далѣе, законъ освобождаетъ отъ налога тѣ имущества, на которыя по раскладкѣ падаетъ менѣе 25 коп. Но такъ какъ раскладка зависитъ отъ оцѣнки недвижимыхъ имуществъ, то совершенно одинаковыя зданія въ

нарушенъ уже давно, и выкупные платежи обратились просто-на-просто въ одну изъ формъ прямого обложенія. Нарушенъ онъ былъ прежде всего пониженіемъ выкупныхъ платежей въ 1881 году, а затѣмъ конверсіями въ 1891 и 1894 гг., вслѣдствіе которыхъ платежи фиска по выкупной операціи сократились въ значительной степени. Важно отмѣтить, что при послѣдней конверсіи бумаги, имѣвшія прежде значеніе выкупныхъ свидѣтельствъ и погашаемыя изъ поступлений по выкупнымъ платежамъ, объявлены были непогашаемымъ займомъ... То же относится и къ 4%-ной государственной рентѣ, замѣнившей собою часть выкупныхъ свидѣтельствъ. Такимъ образомъ, во-первыхъ, кредитный характеръ выкупной операціи въ принципѣ уже давно оставленъ, а во-вторыхъ, правительству предстоитъ теперь значительно меньшіе платежи по этой операціи, чѣмъ то было предположено при первоначальномъ опредѣленіи размѣра выкупныхъ платежей». (Н. Карышевъ, народно-хозяйственные наброски, «Рус. Бог.», 1896, кн. 11).

*) Алексѣенко. Дѣйствующее законодательство о прямыхъ налогахъ 76—77.

однихъ городахъ могутъ подлежать налогу, а въ другихъ нѣтъ. «При существованіи въ городѣ значительнаго количества цѣнныхъ зданій и относительно незначительнаго количества убогихъ жилищъ, эти послѣднія избѣгнуть налога, въ противномъ случаѣ они будутъ обложены. Такимъ образомъ, въ городахъ торговыхъ, гдѣ есть богатое купечество, освободятся отъ налога такія аданія, которыя будутъ обложены въ городахъ бѣдныхъ. Между тѣмъ заработокъ въ торговыхъ и богатыхъ городахъ всегда возможнѣе и значительнѣе, нежели въ такихъ, которые представляютъ собою что-то въ родѣ деревни и отличаются отъ обыкновенныхъ селъ лишь тѣмъ, что въ нихъ возвышаются два зданія: присутственные мѣста и тюрьма» *). Слѣдовательно, налогъ падаетъ болѣе тяжкимъ бременемъ на бѣдные города, гдѣ ему подвергаются и такія имущества, кои въ богатыхъ городахъ отъ него свободны. Неравномѣрность поражаетъ, такимъ образомъ, менѣе состоятельныхъ людей. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что «такъ какъ раскладочныя коммисіи всегда избираются изъ лицъ болѣе зажиточныхъ, то весьма понятно, что эти лица не будутъ дѣйствовать во вредъ своимъ интересамъ, а постараются увеличить числа имущества, подлежащихъ платежу налога» **).

Обращаясь къ третьему главному члену нашей податной системы—обложенію торговли и промысловъ—находимъ въ немъ такое же явное нарушеніе принципа равномѣрности. Общимъ основаніемъ дѣйствующаго нынѣ промысловаго обложенія служить законъ 1865 года, исправленный въ 1884 и дополненный въ 1885 году. Размѣръ налога находится въ зависимости: 1) отъ *вида* торговли или промысла, 2) отъ *обширности* торговыхъ и промышленныхъ дѣйствій и 3) отъ *мѣстности*. По первому признаку различается оптовый, розничный и мелочной торгъ, хотя законъ не даетъ точнаго критеріума, на основаніи котораго можно было бы рѣшить, къ какому виду относится та или другая торговля. На практикѣ также невозможно провести демаркаціонную линію между оптовой и розничной торговлей, такъ какъ всякій розничный торговецъ въ то же время и продаетъ оптомъ другимъ торговцамъ. Обширность торговыхъ дѣйствій характеризуется такимъ сомнительнымъ внѣшнимъ признакомъ, какъ число помѣщеній, какъ будто оно находится въ какомъ-либо соотвѣтствіи съ доходностью предпріятія или хотя бы съ величиною оборотовъ. Одинъ родъ торговли можетъ требовать нѣсколькихъ помѣщеній, но небольшихъ, а другой одного помѣщенія, равнаго по величинѣ совокупности предыдущихъ; въ первомъ случаѣ придется платить болѣе большой налогъ, хотя торговые обороты могутъ быть несравненно меньше. Если бы даже число помѣщеній или обширность ихъ соотвѣтствовала величинѣ оборотовъ, то и тогда мы бы ничего не выиграли, такъ какъ величина оборотовъ

*) Головачевъ, Десять лѣтъ реформъ, 68—69.

**) Ibid, 69.

въ свою очередь не пропорціональна доходности предпріятія. Во всякомъ случаѣ первые два признака, опредѣляющіе размѣръ промысловаго обложенія, служатъ источникомъ его неравномѣрности. Какой-нибудь банкъ съ сотысячнымъ доходомъ уплачиваетъ въ видѣ налога столько же, сколько оптовый торговецъ съ доходомъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Такъ, за свидѣтельство и билетъ 1 гильдіи въ мѣстности 1 класса уплачивается 618 руб. 50 коп., что для предпріятія съ чистой прибылью въ 6185 руб. составитъ 10%, въ 61,850 руб. 1%, въ 1 миллионѣ 0,06%, т. е. налогъ *обратно* пропорціоналенъ доходу. Въ своей запискѣ, представленной по поводу проекта реформы промысловаго налога въ 1885 году, тогдашній министръ финансовъ привелъ нѣсколько примѣровъ, прекрасно характеризующихъ достоинства налога. Въ Самарѣ одинъ торговецъ съ оборотомъ въ 20 тыс. руб. платилъ 28 р. 60 коп. или 0,14%, а рядомъ съ нимъ торговецъ съ оборотомъ въ 500 руб. платилъ тѣ же 28 р. 60 к. или 5,72%. Мануфактурные торговцы платили 119 р. 20 коп., что для разныхъ суммъ ихъ оборотовъ составляло 2,38%, 1,19%, 0,60%, 0,24%, 0,10%, 0,06%, т. е. первый торговецъ платилъ въ 40 разъ больше послѣдняго. Въ Харьковѣ торговецъ съ суммой оборотовъ въ 4,000 руб. платилъ 3,77%, а другой съ 600 тысячнымъ оборотомъ—0,021%, т. е. въ 80 разъ меньше*). Слѣд., налогъ *обратно* пропорціоналенъ и суммѣ оборотовъ. Эта неравномѣрность усиливается еще третьимъ признакомъ—мѣстностью. Классификація мѣстности основана на числѣ жителей и торговомъ развитіи; но первая черта, какъ мы указали уже при разборѣ налога на городскія недвижности, имѣетъ весьма условное значеніе въ податномъ вопросѣ, а вторая, при современномъ состояніи нашей промышленной статистики, не поддается точному измѣренію. Принятые признаки не могутъ поэтому дать надежное основаніе для опредѣленія доходности предпріятій въ данномъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что въ одной и той же мѣстности доходность эта различна, смотря по личнымъ свойствамъ предпринимателя, бойкости пункта, гдѣ стоитъ торговое заведеніе и пр. Словомъ, въ сферѣ торговли принципъ равномѣрности обложенія нарушается,

То же происходитъ въ области промысловъ: для фабричныхъ и заводскихъ предпріятій, имѣющихъ больше 16 рабочихъ или употребляющихъ механическіе двигатели (паровые или водные), обширность дѣйствій совершенно игнорируется и всѣ они облагаются одинаково, какъ бы велики ни были ихъ обороты и доходы. Это создаетъ привиллегію для крупныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ,—привиллегію, ничѣмъ не объяснимую и ни на чемъ не основанную. Для ремесленныхъ заведеній, имѣющихъ меньше 16 рабочихъ, но больше одного, установленъ въ 1884 году пониженный тарифъ, связанный съ числомъ рабочихъ:

*) *Вѣстникъ Финансовъ*, 1885 г., № 11.

при 10—16 рабочихъ уплачивается 10—30 руб.

» 5—9 » » 7—20 »

» 2—4 » » 4—10 »

Рѣшающимъ моментомъ служить здѣсь опять-таки внѣшній признакъ, не находящійся въ неперемѣнной связи съ доходностью предприятия. «Производительность труда работниковъ весьма различается, смотря по распредѣленію ихъ занятій, свойству орудій, ими употребляемыхъ, цѣнности обрабатываемаго матеріала, по мѣсту нахождения заведенія и множеству другихъ обстоятельствъ; одинъ и тотъ же механическій дѣлатель можетъ исполнить весьма различную механическую часть труда, смотря по тому, къ какому производству онъ будетъ приспособленъ» *).

Такимъ образомъ, нашъ промысловый налогъ въ цѣломъ отличается крайне нераціональнымъ устройствомъ: онъ связанъ съ внѣшними признаками весьма сомнительнаго свойства, и размѣръ его обратно пропорціоналенъ доходности предприятия. Онъ отличается, слѣдовательно, такой же коренной неравномѣрностью, какъ рассмотрѣнные нами выше налоги, создавая привиллегію для богатыхъ и падая болѣе тяжкимъ бременемъ на бѣдныхъ. Недостатки эти были признаны въ 1885 году самимъ министерствомъ финансовъ, которое тогда предполагало достигнуть уравниванія налоговыхъ обязанностей посредствомъ особаго вида подоходнаго обложенія; но проектъ министра финансовъ не былъ одобренъ государственнымъ совѣтомъ, опиравшимся, главнымъ образомъ, на возраженія, представленныя биржевыми комитетами. Коренныхъ измѣненій въ дѣйствующемъ законѣ по этому сдѣлано не было; дѣло ограничилось введеніемъ дополнительнаго (процентнаго и раскладочнаго) налога, нисколько не затронувшаго основныхъ недостатковъ промысловаго обложенія.

Закономъ 1885 года (дополненнымъ въ 1887 году) были привлечены къ обложенію доходы отъ денежныхъ капиталовъ, не вкладываемыхъ въ торговые или промышленныя предприятия. Налогу въ размѣрѣ 5% подлежатъ: доходы съ государственныхъ бумагъ, съ желѣзнодорожныхъ акцій и съ вкладовъ на текущій счетъ, дѣлаемыхъ въ государственный и общественные банки. Этотъ налогъ, вызванный необходимостью покрыть бюджетный дефицитъ, устранилъ существовавшую дотолѣ ненормальность, въ силу которой наиболѣе обезпеченные доходы, получаемые безъ всякаго личнаго труда и риска, были свободны отъ обложенія. Но, благодаря своему чисто пропорціональному характеру, и этотъ налогъ болѣе обременителенъ для меньшихъ доходовъ, чѣмъ для крупныхъ: рантье, единственное занятіе котораго состоитъ въ отрѣзываніи купоновъ, платитъ такой же процентъ, какъ бѣднякъ-рабочій, припасающій

*) *Труды коммисіи*, выс. учр. для пересмотра системы податей и сборовъ т. V, объясн. зап., стр. 17.

себѣ грошъ про черный день посредствомъ пріобрѣтенія какого-нибудь сторублеваго билета. Кроме того, доходы по вкладамъ въ частныя банки и банкірскія конторы освобождены отъ налога «впредь до выработки болѣе опредѣленныхъ правилъ о порядкѣ пріема банкірскими конторами частныхъ вкладовъ». Такимъ образомъ, цѣлый классъ капиталистовъ оказывается въ привилегированномъ положеніи.

Наша система прямого обложенія завершается государственнымъ квартирнымъ налогомъ, функционирующимъ съ 1894 года *). При его устройствѣ министръ финансовъ, очевидно, имѣлъ въ виду примѣнить принципы справедливости, выработанные финансовой наукой. Такъ, обложеніе начинается съ извѣстнаго *minimum*'а квартирной платы, остающагося свободнымъ отъ налога, норма обложенія прогрессивно растетъ съ увеличеніемъ платы за квартиру. Но податная справедливость здѣсь облудена только повидимому. Начать съ того, что свободный отъ обложенія *minimum* слишкомъ низокъ, достигая въ Петербургѣ, напр., всего лишь 300 руб. Если мы, вмѣстѣ съ министерствомъ финансовъ, допустимъ, что у лицъ, располагающихъ малыми доходами, расходъ на квартиру составляетъ $\frac{1}{2}$, и даже $\frac{1}{4}$ бюджета, то свободными отъ квартирнаго налога окажутся доходы въ 900—1200 руб., между тѣмъ какъ въ Петербургѣ и при 1500 руб. годового дохода семья еле сводитъ концы съ концами. Далѣе, законъ не дѣлаетъ различія между лицами, которыя сами занимаютъ всю квартиру, и тѣми, кои лучшую часть квартиры сдаютъ жильцамъ въ видѣ меблированныхъ комнатъ, а сами ютятся въ одной—двухъ каморкахъ. Налогъ, уплачиваемый такими квартирохозяевами, представляетъ ничто иное, какъ налогъ на трудъ: здѣсь семья, фактически занимающая квартиру, которую законъ освобождаетъ отъ обложенія, все-таки платитъ налогъ. Если даже допустить, что налогъ частью или цѣликомъ перекладывается на жильцовъ, то плательщиками все-же являются люди мало состоятельные, которые были бы свободны отъ налога, еслибы занимали отдѣльныя квартиры. Въ томъ и другомъ случаѣ законъ, не входя въ разборъ того, для чего предназначается квартира, *фактически* облагаетъ громадный **) классъ людей, который *принципіально* считается свободнымъ отъ налога. Этотъ крупный недостатокъ квартирнаго налога нарушаетъ основное требованіе податной справедливости—облагать соразмѣрно платежеспособности и падать менѣе состоятельныхъ людей. Неравномѣрность обложенія вытекаетъ еще изъ другого постановленія закона: лица, занимающія казенныя квартиры, платятъ по цѣнѣ, равной окладу квартирныхъ денегъ. Такъ какъ окладъ этотъ обыкновенно несоразмѣрно низокъ и вовсе не

*) Ср. Ходскій. Основы государств. хозяйства, 280—303.

**) Въ Петербургѣ квартирѣ, гдѣ часть комнатъ сдается жильцамъ, насчитывается 17755 или $\frac{1}{2}$ всѣхъ квартиръ, подлежащихъ налогу.

соответствует истинной стоимости казенной квартиры, то получается привилегія для высшихъ служащихъ, которымъ обыкновенно отводятся казенныя квартиры. Какой-нибудь начальникъ отдѣленія, получающій крупный окладъ, уплачиваетъ такой же налогъ, какъ мелкій чиновникъ, обремененный большимъ семействомъ и занимающій квартиру, равную по цѣнѣ окладу квартирныхъ денегъ начальника.

Будучи весьма неравномѣренъ, квартирный налогъ явнымъ образомъ нарушаетъ и принципъ всеобщности. Свободными отъ обложенія признаются помѣщенія духовенства, а также усадьбы и дачи, расположенныя въ имѣніяхъ и въ тѣхъ городскихъ поселеніяхъ, которыя не попали въ роспись.

По первоначальной идеѣ квартирный налогъ долженъ былъ представлять собою суррогатъ подоходнаго налога, признаннаго у насъ пока «несвоевременнымъ». Предполагалось, что стоимость квартиры представляетъ наилучшій внѣшній признакъ, по которому можно судить о совокупности доходовъ лица. Но такое предположеніе на самомъ дѣлѣ далеко отъ дѣйствительности. Даже общая сумма расходовъ семьи не можетъ служить мѣриломъ ея доходовъ, такъ какъ расходы опредѣляются въ большей мѣрѣ потребностями, зависящими отъ численности семьи, культурнаго уровня и пр., чѣмъ отъ величины доходнаго бюджета. Между суммой расходовъ и суммой доходовъ нельзя установить пропорціональную зависимость. Это тѣмъ болѣе справедливо по отношенію къ одной какой-либо отрасли расходовъ, какъ напр. платѣ за квартиру. Большая или меньшая величина помѣщенія зависитъ отъ множества факторовъ, среди которыхъ наибольшее значеніе имѣетъ ростъ потребностей: женитьба, прибавленіе въ семьѣ, болѣзнь и т. п. Кроме того, здѣсь много значить привычка, культурный уровень: одинъ большую часть своихъ доходовъ тратитъ на квартиру, другой на столъ, третій на платье и пр. Всѣ эти соображенія вполне подтверждаются статистическимъ изслѣдованіемъ 232 бюджетовъ американскихъ рабочихъ *). Бюджеты 30 семей, приводимые изъ этого изслѣдованія г. Ходскимъ, доказываютъ съ полной убѣдительностью, что квартирная плата не находится въ прямомъ отношеніи къ доходу семьи. Такъ напр., 5 семей платятъ за квартиру одинаково по 120 долларовъ, но доходы ихъ различны: 591, 780, 773, 753, 550 дол., при чемъ у первыхъ 4-хъ доходъ превышаетъ расходъ (на 113,50 дол., 299,24 дол., 137,49 дол., 47,25 дол.), а въ бюджетѣ 5-ой семьи оказывается дефицитъ въ 28,35 доллар. Три семьи платятъ за квартиру по 192 дол., а доходы ихъ слѣдующіе: 696, 600 и 900 дол., излишки: 4,75 дол., 32,15 дол. и 173,90 дол. По нашему квартирному налогу первыя 5 семей были бы обложены одинаково, хотя одна изъ нихъ имѣетъ излишекъ почти

*) *Mr. Aldrich* (from the Committee on Finance), Retail Prices and Wages Report. 1892.

въ 300 дол., а другая дефицитъ въ $28\frac{1}{2}$ дол.; изъ послѣднихъ 3 семей, также платящихъ одинаковый налогъ, доходъ одной въ 1% раза больше дохода другой. Минимальная квартирная плата, а слѣд. и минимальный налогъ приходится на долю семьи изъ 5 чел., зарабатывающей 710 дол., а максимальная — на долю семьи изъ 10 чел., зарабатывающей 1,340 дол., но у первой, за покрытіемъ расходовъ, остается излишекъ въ 152,39 дол., а у послѣдней—дефицитъ въ 175,20 дол. Эти краснорѣчивыя данныя свидѣтельствуютъ съ несомнѣнной очевидностью о томъ, что квартирная плата не пропорціональна доходу семьи, слѣд. она не можетъ служить признакомъ для подоходнаго обложенія.

Ко всему предыдущему нужно прибавить сильное развитіе косвенныхъ налоговъ. За десятилѣтіе 1885—1894 гг. общее поступленіе доходовъ увеличилось на 49,61%; это увеличеніе получилось исключительно благодаря росту косвенныхъ налоговъ. Въ самомъ дѣлѣ, прямое обложеніе за этотъ періодъ уменьшилось на 21,70%, а косвенное увеличилось: налоги на потребление на 60,38%, пошлины на 46,61% и правительственные регалии на 48,53%. *). По росписи на 1896 годъ прямое обложеніе составляетъ 8,4% ожидаемыхъ доходовъ, а косвенное 54,9%, при чемъ налоги на потребление равняются 46,0%. Не говоря уже о томъ, что размѣръ потребления, какъ мы видѣли выше, не можетъ считаться прямо пропорціональнымъ доходу потребителя,—больше половины всей суммы косвеннаго обложенія (55,6%) падаетъ на напитки, изъ которыхъ добрая $\frac{1}{4}$ приходится на долю бѣднаго класса, для котораго они, въ силу климатическихъ и трудовыхъ условій, являются предметомъ первой необходимости. Налогомъ обложены всѣ обычные предметы потребления народной массы, каковы: водка, табакъ, сахаръ, керосинъ, спички,—тогда какъ предметы роскоши свободны отъ обложенія. Тутъ нарушается основное требованіе нормальнаго косвеннаго обложенія, рекомендующее освобождать отъ налога обычные предметы потребления народной массы, а взамѣнъ этого облагать высокимъ налогомъ предметы роскоши, употребляемые богатыми классами.

III.

Бросивъ общій взглядъ на всю совокупность русскихъ налоговъ, мы видимъ, что наша система прямого обложенія принадлежитъ къ типу т. н. *Ertragsteuersystem*, ищущей податнаго объекта не въ общей суммѣ дохода плательщика, а въ выручкѣ, которую онъ можетъ получить отъ того или другого вида имущества или заработковъ. Наша финансовая политика держится формы обложенія, отличающейся крайней неподвижностью, не принимающей во вниманіе индивидуальныхъ особенностей облагаемаго хозяйства, поражающей не

*) М. Кашкаровъ, Главнѣйшіе результаты государственнаго денежнаго хозяйства за послѣднее десятилѣтіе, изд. Мин. Фин., 1895, стр. 50.

дѣйствительно получаемый плательщикомъ доходъ, а ту абстрактную величину, которая можетъ имъ быть получена, судя по шаблонамъ, установленнымъ оцѣнкой. Фискъ имѣетъ тутъ дѣло не съ конкретными единицами, а съ типическими, отъ которыхъ первыя болѣе или менѣе уклоняются *). Еслибы даже удалось вполне точно опредѣлить доходъ, даваемый той или другой отраслью промышленности, и сообразно съ этимъ установить обложеніе, удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ справедливости, то и тогда на практикѣ получилась бы большая неравномѣрность, такъ какъ фактическій доходъ, получаемый плательщикомъ, варіировалъ бы въ зависимости отъ его личныхъ качествъ, экономическихъ условий, связанныхъ съ мѣстомъ и временемъ, большей или меньшей его задолженности и т. п. Норма прибыли, справедливая для всей земледѣльческой промышленности въ данной мѣстности, еще не даетъ цифры, получаемой тѣмъ или другимъ землевладѣльцамъ въ дѣйствительности. То же слѣдуетъ сказать о торговлѣ, фабрично-заводскомъ производствѣ и др. Податная справедливость была бы слѣдовательно нарушена и въ томъ случаѣ, еслибы *Ertragsteuersystem* была устроена на вполне рациональныхъ основаніяхъ. А для этого необходимо было бы произвести точную оцѣнку земли, (которая дала бы среднюю доходность разныхъ типическихъ участковъ), опредѣлить на основаніи статистическихъ данныхъ среднюю прибыльность торговли и промышленности и т. д. Но, не смотря на значительное совершенство, котораго достигла въ настоящее время техника кадастра, эта операція, поглощающая громадные средства и продолжающаяся обыкновенно не одинъ годъ, не свободна отъ недостатковъ. Притомъ, такъ какъ доходность земли сильно мѣняется съ теченіемъ времени, то необходимо возобновлять оцѣнки черезъ очень малые промежутки, что на практикѣ неосуществимо. Обыкновенно, не успѣють кадастръ привести къ концу, какъ уже требуются поправки къ нему, вызываемые переменою условий. Что касается обрабатывающей промышленности и торговли, то не только въ Россіи, но и въ 3. Европѣ статистика еще не въ состояніи дать хотя бы слабую опору для вычисленія средней прибыльности предпріятій по мѣстностямъ. Рациональная постановка *Ertragsteuersystem* является въ настоящее время недостижимой утопій, и потому тамъ, гдѣ существуетъ эта система, мѣриломъ для обложенія служатъ разные внѣшніе признаки, дающіе въ высшей степени неудовлетворительный базисъ для налога. Признаки эти подбираются нерѣдко совершенно произвольно, и какъ бы они ни были удачны, они никогда не могутъ дать правильной классификаціи предпріятій по доходности. Въ русской податной

*) Оцѣночныя работы, предпринятія на основаніи закона 8 іюня 1893 г. имѣютъ такой же характеръ: цѣль ихъ—опредѣленіе средней доходности каждаго рода и качества угодій (ст. 9). Средняя доходность выражаетъ не дѣйствительный доходъ, получаемый владѣльцемъ отъ угодья, а тотъ, который вообще можетъ быть полученъ (ст. 14 закона и 47 инструкціи).

системъ всецѣло господствуютъ внѣшніе признаки. Это—одинъ изъ главныхъ источниковъ неравномѣрности, царящей въ нашемъ обложеніи. Еслибы законодатель и хотѣлъ вполне послѣдовательно провести принципы справедливости (освобожденіе отъ налога доходовъ ниже извѣстной величины т. н. *Existenzminimum*'а, прогрессивность нормы обложенія и пр.), то на практикѣ эти благопожеланія не могли бы быть осуществлены, такъ какъ нѣтъ прямой связи между какими бы то ни было внѣшними признаками и доходностью предпріятія. Примѣры обложенія городскихъ недвижимыхъ имуществъ и государственнаго квартирнаго налога показываютъ, во что вырождается при *Ertragsteuersystem* принципъ прогрессивности и свободы *Existenzminimum*'а. При этой системѣ законодательство содержитъ внѣшніе признаки, которые парализуютъ всѣ его благія пожеланія. *Er meint zu schieben, aber wird geschoben*. Полное проведеніе требованій справедливости возможно только въ томъ случаѣ, если окончательно порвать съ анахронической *Ertragsteuersystem* и вмѣсто нея ввести систему общеподоходнаго обложенія, поражающаго всю совокупность доходовъ, фактически получаемыхъ плательщикомъ и показываемыхъ имъ на событіе. Здѣсь могутъ быть приняты во вниманіе всѣ индивидуальныя особенности хозяйства; фискъ имѣетъ дѣло не съ воображаемыми величинами, а съ конкретными и не рискуетъ взять налогъ тамъ, гдѣ доходъ можетъ быть, но его въ дѣйствительности нѣтъ, приводя такимъ образомъ хозяйство въ разореніе. Принципы пропорціональности или прогрессивности и свободы *Existenzminimum*'а могутъ быть легко осуществлены. Законодатель здѣсь господинъ положенія, придавая обложенію тотъ внутренней характеръ, какой ему желателенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не требуется такого сложнаго наблюдательнаго механизма, который безусловно необходимъ при опредѣленіи размѣровъ налога по внѣшнимъ признакамъ. Роль финансовыхъ органовъ сводится къ роли контрольнаго аппарата, проверяющаго показанія плательщиковъ. Что здѣсь нечего бояться, какъ чего-то непреодолимаго, слишкомъ низкихъ показаній цифры дохода и что въ рукахъ финансовыхъ органовъ имѣется достаточно средствъ для обнаруженія истины, это доказано блестящимъ успѣхомъ прускаго подоходнаго налога, введеннаго въ 1891 году. При *Ertragsteuersystem* истинный характеръ налога скрытъ подъ спудомъ внѣшнихъ наслоеній, и это, разумѣется, очень удобно для тѣхъ, кто хочетъ пользоваться всяческими привилегіями, но не имѣетъ достаточно мужества требовать ихъ гласно. При общеподоходной системѣ всякое отступленіе отъ принципа сейчасъ выступаетъ наружу, всякая льгота и поправка въ пользу какаго либо класса сама вопіетъ о себѣ.

А между тѣмъ наша податная система настоятельно нуждается въ реформѣ. У насъ еще существуютъ даже изъятія отъ налоговъ,—фактъ, являющійся какимъ то анахронизмомъ въ финансовой по-

литикѣ конца XIX вѣка. У насъ нѣтъ и намека на соразмѣрность налога съ платежеспособностью: мы не только не платимъ пропорціонально своему доходу, но чѣмъ меньше мы имѣемъ, тѣмъ большую долю мы уплачиваемъ въ пользу казны. Крестьянская земля обложена сильнѣе частновладѣльческой, хотя послѣдняя доходнѣе первой; крупные заводчики платятъ столько же, сколько мелкіе, и не относительно, а абсолютно; банкиръ съ миллионными оборотами удѣляетъ въ пользу казны не больше, чѣмъ торговецъ съ оборотомъ въ нѣсколько тысячъ, и опять-таки не относительно, а абсолютно. Неравномѣрность господствуетъ не только внутри каждаго налога въ отдѣльности, но она красной нитью проходитъ черезъ всю податную систему. Такъ, налогъ съ городскихъ недвижимостей составляетъ приблизительно 3—3½% съ предполагаемаго дохода, равнаго 8%; кромѣ того, въ пользу городовъ идетъ еще 3%; съ промысловъ и торговли взимается приблизительно 6% съ дохода; доходы отъ денежныхъ капиталовъ даютъ казнѣ 5%; земли платятъ государству и земству 6½—7% съ предполагаемаго дохода въ 6% *). Слѣдовательно, больше всего платитъ земля (и то, если принять земельный доходъ въ 6%, что далеко отъ дѣйствительности), а люди, живущіе на доходъ отъ денежнаго капитала—меньше всѣхъ.

Нужно ли доказывать послѣ приведеннаго выше, что наша податная система нуждается въ коренной реформѣ? Здѣсь не палліативы нужны, не починки и поправки, а замѣна всего механизма другимъ, принадлежащимъ къ совершенно иному типу. Реформа податной системы должна стоять на первой очереди въ ряду финансовыхъ мѣропріятій, ибо налогъ, взимаемый безъ соблюденія требованій справедливости, врѣзывается въ самый народный капиталъ, на который опирается и государственное хозяйство. Тяжесть налога означаетъ истощеніе народнаго хозяйства. Податная реформа настоятельнѣе всякой другой реформы въ области финансовъ. Недостатки системы налоговъ несравненно чувствительнѣе для *народной массы*, чѣмъ недостатки бумажно-денежнаго обращенія,—несравненно ближе задѣваютъ ея насущные интересы. Не установленіемъ металлической валюты должны мы теперь заниматься, а реорганизаціей налоговъ на началахъ, соотвѣствующихъ выводамъ финансовой науки.

Противъ введенія подоходнаго налога въ Россіи обыкновенно приводятъ два аргумента. Одинъ состоитъ въ томъ, что у насъ такъ мало крупныхъ состояній, что подоходный налогъ принесъ бы казнѣ ничтожную сумму. Доводъ этотъ выставляютъ обыкновенно голословно, не подкрѣпляя его статистическими данными, а исходя изъ апріорнаго положенія о нашей «бѣдности». Посмотримъ однако, насколько мнѣніе это основательно. По Мюльгаллю *) народный годово́й доходъ Россіи составлялъ въ 1885 году около 10 миллиардовъ рублей (975 мил.

*) *Вѣстникъ Финансовъ*, 1885 г., № 23.

**) *The Dictionary of Statistics*.

фунт. стерл.). Если ввести у насъ общеподоходный налогъ, то не вся эта сумма будетъ обложена, а лишь доходы, превышающіе извѣстный минимумъ. Допустимъ, что доходы до 1200 руб. будутъ свободны отъ налога и что они составляютъ 65% всего народнаго дохода (беру отношеніе, существующее въ Пруссіи). Полагая норму обложенія въ 3% (по недостаточности данныхъ принимаемъ пропорціанальное обложеніе, а не прогрессивное), получимъ общую сумму налога въ 105 мил. руб., т. е. столько же, сколько теперь даютъ всѣ налоги, относимые въ нашей росписи къ прямымъ *). Если для 1885 года цифра Мюльгалля и высока, то для 1896 г. мы можемъ принять ее, не рискуя впасть въ большую ошибку. Кромѣ того, мы считали норму обложенія одинаковой, какъ для фундированныхъ доходовъ, такъ и для не фундированныхъ, между тѣмъ какъ при рациональномъ устройствѣ податной системы первые облагаются или дополнительнымъ налогомъ, или большимъ процентомъ сравнительно съ послѣдними. Слѣдовательно, фискъ не только ничего не проигралъ бы отъ реформы прямыхъ налоговъ, но, можетъ быть, еще выигралъ бы.

Другой аргументъ, приводимый противъ введенія въ Россію общеподоходнаго налога, заключается въ томъ, что финансовыя органы будутъ слишкомъ склонны къ злоупотребленіямъ своими полномочіями для провѣрки показаній плательщика, что поведетъ къ большимъ стѣсненіямъ для населенія. Но, не говоря уже о томъ, что этотъ доводъ не свидѣтельствуетъ въ сущности противъ введенія у насъ подоходнаго налога,—кто не знаетъ, какими мѣрами совершается на Руси въ настоящее время взысканіе налоговъ съ крестьянскаго населенія? «Законъ,—читаемъ мы въ книгѣ «Неурожай и народное бѣдствіе»,—не допускаетъ продажи крестьянской избы, надѣла, лошади и всего того, что считается неотъемлемой принадлежностью крестьянскаго хозяйства. Но если надѣлъ нельзя продать, то его можно отобрать у неисправнаго плательщика и сдать въ постороннія руки; точно такъ же, путемъ личныхъ взысканій съ недоимщика, *до тѣлеснаго наказанія включительно*, можно побудить крестьянина заложить свою корову, свою послѣднюю лошадь, которая у него впоследствии все равно отберется ростовщиками, ссудившими ему деньги на уплату податей, или тѣмъ, болѣе состоятельнымъ домохозяиномъ, который уплатилъ за него подати въ силу круговой поруки. Такимъ образомъ, и лошадь, и корова, если не продаются непосредственно при самомъ взысканіи податей, то крестьянинъ все равно ихъ лишается вслѣдствіе такого взысканія. Сдача же надѣльной земли въ аренду за подати, иногда на долготѣйшій срокъ, практикуется изрѣдка, но при такой сдачѣ, еще болѣе, нежели при продажѣ коровы или лошади, благосостояніе крестьянина подрывается на долгіе годы, если не навсегда,

*) По росписи на 1896 г. они равны 104,5 мил. руб.

потому что безъ лошади, безъ земли онъ уже болѣе не хозяинъ и никогда оправиться не можетъ. Весьма естественно, что при такой вынужденной сдачѣ крестьянской надѣльной земли она идетъ за ничтожную цѣну, тѣмъ болѣе, что нанимаетъ ее обыкновенно какой-либо сельскій кулакъ, который радъ поживиться на-счетъ своего ближняго». Какъ бы ни были стѣснительны тѣ мѣры, которыя будутъ приняты для провѣрки показаній плательщика, онъ могутъ представлять лишь слабую тѣнь того, что совершается теперь въ деревняхъ. И происходить это не оттого, что крестьянинъ вообще не любитъ платить», а оттого, что онъ не можетъ платить. При рациональномъ устройствѣ нашей податной системы $\frac{1}{5}$ той массы, которая теперь въ конецъ разоряется налогами, были бы свободны отъ податныхъ обязанностей и не приходилось бы прибѣгать къ вышеописаннымъ мѣрамъ. По отношенію же къ состоятельнымъ классамъ примѣненіе подобныхъ способовъ взиманія будетъ фактически невозможно, такъ какъ они обладаютъ большей силой сопротивленія, большимъ сознаніемъ своихъ правъ и большей возможностью отстаивать свободу своей личности отъ незаконныхъ посягательствъ. Практика прусскаго подоходнаго налога показываетъ, что вполне возможно устроить подоходное обложеніе такъ, чтобы взиманіе его не нарушало правъ личности: въ Пруссіи вы не услышите и отдаленнаго намека на то, что намъ рассказываетъ авторъ книги «Неурожай», хотя тамъ, вслѣдствіе высокаго развитія въ каждомъ индивидуумѣ сознанія своего человѣческаго достоинства, всякое посягательство на права личности чувствуется во много разъ сильнѣе, чѣмъ у насъ...

Необходимость кореннаго переустройства податной системы признается у насъ издавна. Вопросъ о введеніи подоходнаго налога служилъ предметомъ обсужденія разныхъ комиссій и учреждений съ самаго начала 60-хъ годовъ; имъ занимались всѣ наши министры финансовъ и, хотя въ принципѣ они признавали подоходный налогъ единственной удовлетворительной формой обложенія, однако, нѣкто изъ нихъ не рѣшался взять на себя задачу провести реформу. Большая часть возраженій, приводившихся противъ подоходнаго налога, впоследствии опровергнута самой жизнью, а другія касались второстепенныхъ затрудненій, которыя могутъ быть устранены безъ особаго труда. Не смотря на всѣ усилія придать этимъ возраженіямъ характеръ объективной критики, въ нихъ слишкомъ просвѣчивали своекорыстные стремленія состоятельныхъ классовъ, этого главнаго контингента будущихъ плательщиковъ. Въ кабинетахъ и столичныхъ канцеляріяхъ измышлялись разные доводы о невозможности и несвоевременности введенія у насъ подоходнаго налога, а тѣмъ временемъ мѣстныя учреждения, органы земскаго и городского самоуправления, ближе стоящіе къ жизни, соприкасающіеся съ самыми плательщиками, наблюдающіе *практику* налоговъ,—почти единогласно высказались въ пользу подоходнаго на-

лога. Въ 1869 году министр финансовъ обратился къ мѣстнымъ учрежденіямъ съ предложеніемъ обсудить вопросъ о податной реформѣ, предоставивъ имъ широкій просторъ въ обсужденіи. И что же оказалось? По отзывамъ почти всѣхъ земствъ, введеніе подоходнаго налога у насъ не только желательно и необходимо, но и вполне осуществимо *). Въ этомъ же смыслѣ высказались губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и многіе губернаторы. Что существующая система налоговъ нуждается въ коренной реорганизации, это признали и тѣ учрежденія, кои по разнымъ соображеніямъ высказались противъ подоходнаго обложенія. Во всѣхъ отзывахъ господствовала одна идея: наши налоги не только чрезмѣрно высоки, но и въ качественномъ отношеніи ихъ устройство не выдерживаетъ критики. Правда, это было въ началѣ 70-хъ годовъ, когда еще существовала подушная подать, рѣзко отбѣнявшая привиллегіи одного сословія. Но реформа 1885 года измѣнила только вѣйшую оболочку нашего обложенія, оставивъ прежнюю неравномѣрность и прежнюю несправедливость. Измѣнилось названіе, а суть осталась та же.

IV.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ качественной стороной нашей податной организациі; теперь перейдемъ къ ея количественной сторонѣ и попытаемся дать числовое выраженіе тѣмъ отличительнымъ чертамъ русскихъ налоговъ, съ которыми мы познакомились на предъидущихъ страницахъ. Намъ завело бы слишкомъ далеко, если бы мы вздумали подвергнуть обстоятельной обработкѣ весь статистическій матеріалъ, имѣющійся по затронутому вопросу. Все, къ чему мы стремимся, это—иллюстрировать цифрами тѣ выводы, къ которымъ мы пришли, разсмотрѣвъ основной характеръ нашей податной системы.

Центромъ тяжести нашихъ вычисленій будетъ крестьянское хозяйство. Богатая земско-статистическая литература, представляющая собою образецъ изслѣдованій народной жизни, и многочисленныя официальныя изданія даютъ намъ достаточный матеріалъ, чтобы судить о вліяніи, оказываемомъ организаціей налоговъ на крестьянскую жизнь. По отношенію къ другимъ слоямъ русскаго населенія мы лишены такихъ детальныя и во многихъ случаяхъ вполне достовѣрныхъ свѣдѣній, но это не единственная причина, почему мы на нижеслѣдующихъ страницахъ будемъ имѣть дѣло только съ крестьянствомъ. Несомнѣнно, что цѣлью государственной дѣятельности должно быть благосостояніе большинства; слѣдовательно у насъ на первомъ планѣ должна стоять крестьянская масса, составляющая въ Европейской Россіи $\frac{3}{4}$ (75,9%) всего насе-

*) *Труды комиссіи, выс. учр. для пересмотра под. и сб.*, т. 22, ч. II.

ленія *). Но, исходя даже изъ однихъ интересовъ фиска, необходимо посвятить преимущественное вниманіе крестьянству, такъ какъ оно выноситъ на своихъ плечахъ главную тяжесть нашего бюджета. Это вытекаетъ изъ самой организаціи извлеченія государственныхъ доходовъ и можетъ быть съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ вычислено.

Возьмемъ «Приложеніе къ государственной росписи на 1896 г.» и попытаемся опредѣлить, какая доля бюджетнаго дохода выпадаетъ на крестьянскую массу. Если изъ общей цифры прямыхъ налоговъ исключить спеціальныя сборы, уплачиваемыя населеніемъ Царства Польскаго, Кавказа и Сибири, то государственный поземельный налогъ, налоги съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ и государственный квартирный налогъ составятъ 26,8 мил. руб. Присоединяя сюда сборъ съ торговли и промысловъ (43,3 мил.), съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ (13,1 мил.) и выкупные платежи (89 мил.), получимъ 172,4 мил. Сколько же изъ всей этой суммы уплачиваютъ крестьяне? «Приложеніе» не даетъ возможности отвѣтить на этотъ вопросъ. Но *сводъ*, изданный канцеляріей комитета министровъ показываетъ цифру казенныхъ окладныхъ сборовъ съ сельскаго населенія Европейской Россіи за 1892 годъ въ 104,7 мил. р. Хотя для *всей* Россіи цифра эта, конечно, значительно выше, а за 4 года она, кромѣ того, несомнѣнно возросла, мы, однако, примемъ ее и для 1896 года. Тогда окажется, что крестьяне выплачиваютъ 60,7% всехъ прямыхъ налоговъ. Что цифра эта ниже дѣйствительной, не трудно убѣдиться изъ разсмотрѣнія окладныхъ сборовъ по отдѣльнымъ губерніямъ. Такъ, напр., въ Саратовской губ., въ 1891 году крестьяне **) внесли 74,9% всей суммы казенныхъ окладныхъ сборовъ; въ Херсонской губ. приходилось въ 1893 году на долю крестьянъ 75,9% ***).

Теперь посмотримъ, какая доля косвенныхъ налоговъ выпадаетъ на крестьянъ. Не имѣя прямыхъ указаній, мы прибѣгнемъ къ нѣсколько произвольному приему. Допустимъ вѣстѣ съ г. П. Голубевымъ ****), что крестьяне уплачиваютъ $\frac{1}{10}$ всего питейнаго дохода (включая и доходъ отъ казенной монополіи), $\frac{1}{4}$ табачнаго, $\frac{1}{2}$ нефтянаго, спичечнаго и таможеннаго, $\frac{1}{2}$ гербовыхъ пошлинъ и паспортнаго сбора, $\frac{1}{2}$ судебныхъ пошлинъ по дѣламъ мировыхъ установленій и что они вовсе не участвуютъ ни въ сахарномъ доходѣ, ни въ пошлинахъ съ пассажировъ и грузовъ большой скорости, ни въ доходахъ отъ правительственныхъ

*) *Сводъ статистическихъ матеріаловъ, касающихся экономическаго положенія сельскаго населенія Европейской Россіи.* Изд. канцеляріи комитета министровъ. 1894.

**) *Статистич. обзоръ Саратовской губ.* Изд. губ. стат. комит.

***) *Хозяйственно-статистич. обзоръ Херсонской губ.* Изд. губ. зем. управы. 1895.

****) Юрид. Вѣстн. 1892, кн. 10.

регалій (почта, телеграфъ), ни въ пошлинахъ, уплачиваемыхъ по дѣламъ общихъ судебныхъ установленій; при такомъ скромномъ разсчетѣ, предполагающемъ, что крестьяне вовсе не употребляютъ сахару, никогда не ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ, не посылаютъ ни писемъ, ни телеграммъ, не имѣютъ дѣлъ въ окружныхъ судахъ, — на долю крестьянъ приходится 307,4 мил. руб. или 45,1% всей суммы косвеннаго обложенія (налоги на потребление, пошлины и регалии). Такимъ образомъ, на крестьянъ падаетъ больше половины нашего бюджета. При такихъ условіяхъ вопросъ о платежеспособности крестьянскаго населенія приобретаетъ чрезвычайную важность для собственныхъ интересовъ фиска, если даже оставить въ сторонѣ заботу о народномъ благосостояніи.

Спрашивается: изъ какого источника выплачиваютъ крестьяне эту громадную сумму налоговъ? Соблюдается ли здѣсь то основное. требованіе финансовой науки и государственной мудрости, въ силу котораго налоги должны выплачиваться изъ чистаго дохода націи, ни въ какомъ случаѣ не затрогивая національнаго капитала? Для отвѣта на этотъ вопросъ намъ придется прибѣгнуть къ нѣсколькимъ сложнымъ вычисленіямъ, но важность его такъ велика, что мы не боимся утомить читателя цифровыми выкладками.

По официальнымъ даннымъ *), изъ общей площади крестьянской земли въ Европейской Россіи подъ посѣвами находится 47,5 мил. дес., изъ нихъ рожью засѣвается 37,8%, овсомъ 19,4 и пшеницей 16,1. Взявъ средній сборъ этихъ хлѣбовъ за пятилѣтія 1883—87 и 1888—92 г.г., найдемъ, что крестьянская земля даетъ, за вычетомъ сѣмянъ, 556 мил. пуд. ржи, 186,2 мил. пуд. овса и 192,2 мил. пуд. пшеницы. Какое же количество этихъ хлѣбовъ необходимо для продовольствія 67,7 мил. крестьянъ Европейской Россіи? На основаніи матеріала, сгруппированнаго нижегородскими земскими статистиками **) и крестьянскихъ бюджетовъ по 4 уѣздамъ Воронежской губ. ***) мы примемъ за продовольственную норму на одного ѣдока, безъ различія возраста, 15,9 пуд. ржи, 2,6 пуд. пшеницы и 0,1 пуд. овса. Если примѣнить эту норму ко всей Россіи, то потребуется 1076,4 мил. пуд. ржи, 176 мил. пуд. пшеницы и 6,8 мил. пуд. овса. Слѣд. не достаетъ ржи 520,4 мил. пуд. Для восполненія этой недостаки будутъ проданы излишки пшеницы и овса, что даетъ 125,5 мил. руб. Этихъ денегъ, однако, не хватитъ для покупки всего недостающаго количества ржи, такъ какъ оно должно стоить 426,7 мил. руб. ****). Дефицитъ равенъ 301,2 мил.

*) Сводъ Канцел. Комит. Мин.

**) Матеріалы къ описи земель Нижегород. губ. Горбатовскій у.

***). Сборн. описи. сенд. по крестьян. землевл. въ Земляномъ, Задонскомъ, Нижегородскомъ и Коротоякскомъ у.у.

****). Средняя цѣна пуда ржи по даннымъ Свода 75 коп., но такъ какъ крестьянинъ, покупая весной и зимою хлѣбъ, платитъ дорожне рыночной цѣны, то мы накиннули 10%.

руб. Но мы не принимали до сихъ поръ во вниманіе другихъ потребностей крестьянскаго хозяйства. Расходовъ на удобреніе и прокормъ скота мы не будемъ считать; выпустимъ также расходы на приварокъ, [соль, мясо въ праздники и всѣ другіе пищевые продукты, полагая, что все это покроется продажей прочихъ хлѣбовъ (ячмень, картофель) и доходомъ съ другихъ угодій (какъ, напр. сѣнокосъ). Нельзя однако забывать расходовъ по содержанію хозяйства и поддержкѣ культурныхъ потребностей (обувь и одежда, духовенству за требы, свадьбы, крестины и пр.). Воронежскіе статистики кладутъ на всѣ потребности, кромѣ пищи, 20 руб. на человѣка; но мы откинемъ расходъ на арендованіе земли и подати и возьмемъ 12 руб. При такомъ сокращеніи требуется 812,4 мил. руб., что вмѣстѣ съ суммой, недостающей для прикупки ржи, составитъ 1113,6 мил. руб. Откуда же ихъ взять? Кромѣ воздѣлыванія земли, крестьянское населеніе еще занимается кустарными промыслами и уходитъ на заработки. Положимъ, что все это даетъ доходъ въ 1200 мил. руб. *). Слѣд., за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, у крестьянскаго населенія Европ. Россіи остается чистый излишекъ въ 86,4 мил. рубл. Изъ этого излишка должны быть уплачены подати, изъ коихъ только казенныя окладныя (безъ земскихъ, волостныхъ и мірскихъ и не считая косвенныхъ) равны 104,7 мил. руб. Получается окончательный дефицитъ въ 18,3 мил. руб. Но подати должны быть уплачены во что бы то ни стало; онѣ и уплачиваются прежде всего, такъ какъ за ними власти являются тотчасъ по уборкѣ хлѣбовъ, не справляясь о томъ, хватитъ ли у крестьянина продовольственныхъ средствъ до новаго урожая, или нѣтъ. Какая же статья бюджета остается не покрытой? При опредѣленіи крестьянскихъ потребностей мы взяли до-нельзя скромныя цифры, ограничиваясь минимумомъ, необходимымъ, чтобы не умереть съ голоду и съ грѣхомъ пополамъ поддерживать свое хозяйство, не говоря уже о какихъ бы то ни было улучшеніяхъ. Урѣзать продовольственную порцію, значить довести до истощенія свои физическія силы; не возмѣщать хозяйственныхъ расходовъ—значить истощать свое хозяйство. То и другое плохо, но такъ какъ первая потребность настоятельнѣе, то она и удовлетворяется въ ущербъ второй: продается единственная лошадь, выводится на базаръ послѣдняя корова—факты, слишкомъ извѣстные, чтобы нужно было о нихъ распространяться. Въ 123 уѣздахъ Европейской Россіи, изслѣдованныхъ земскими статистиками за 1880—90 г. г. 23,2% общаго числа крестьянскихъ дворовъ не имѣютъ рабочаго скота, 13,2% не имѣютъ никакого скота**); безлошадныхъ дворовъ въ 50 губ. Европейской Россіи считается 16,0—61,0% ***). По

*) П. Голубевъ. Подать и народное хозяйство, «Рус. Мысль» 1892, кн. 7.

**) Благовѣщенскій. Крестьянское хозяйство.

***) Сводъ Канц. Ком. Мин.

вычисленію г. Маресса*), за 32 года (1856—1888) убыль скота (всякаго) въ Россіи достигла 72%. Но этого мало: крестьянинъ слишкомъ хорошо знаетъ цѣну своей лошади, чтобы съ легкимъ сердцемъ спустить ее. Прежде чѣмъ рѣшиться вывести ее на базаръ, онъ исчерпываетъ всѣ другія доступныя ему средства. На первомъ планѣ стоитъ здѣсь ухудшеніе питанія—область, въ которой нашъ крестьянинъ является настоящимъ виртуозомъ: лучшіе роды хлѣба все болѣе и болѣе изъемяются изъ народнаго потребленія, уступая свое мѣсто картофелю и разнымъ суррогатамъ. Доведя норму питанія до количественнаго minimum'a, крестьянинъ затѣмъ спускаетъ ее ниже качественнаго minimum'a. Въ результатъ—болѣзни, эпидемія, сильная смертность. Въ десятилѣтіе 1878—1888 г.г. на 1000 населенія въ среднемъ умирало ежегодно **):

въ Россіи	33,7,		
въ Австріи	30,0.	въ Бельгіи	20,9.
въ Италіи	28,1.	въ Великобританіи	19,5.
въ Германіи	25,7.	въ Даніи	18,8.
во Франціи	22,3.	въ Швеціи	17,4.

Т. е. наивысшую цифру смертности даетъ Россія. Другой исходъ заключается въ обращеніи къ ростовщику, который ссужаетъ крестьянина необходимыми для взноса податей деньгами за несмысленные проценты. Такъ, въ большей части селеній Ржевскаго уѣзда (Тверской губ.) крестьяне для уплаты налоговъ занимаютъ деньги у мѣстныхъ кулаковъ изъ 2—5% въ мѣсяць ***); въ Московской губ. чисто денежныя займы достигаютъ 300% годовыхъ ****), и т. д. Однако, истощая свой организмъ, разоряя свое хозяйство, закабалая себя міроѣду, крестьянинъ все еще не въ состояніи уплатить всѣхъ налоговъ, и недоимки растутъ изъ года въ годъ: общая сумма недоимокъ по казеннымъ сборамъ съ сельскихъ сословій Европ. Россіи равнялась: въ 1888 г., 41,9 мил. руб., въ 1889 г. 44,5 мил., въ 1890 г. 51, 8 мил.; въ 1891 г. 81, 3 мил.: въ 1892 г. 103,6 мил. *****) Еще рельефнѣе выступаетъ недоимочность крестьянъ по отдѣльнымъ губерніям. Недоимки составляли %% оклада *****):

	Къ концу 1884 г.	Къ концу 1892 г.
Пермская губ.	18,8.	100,4.
Оренбургская	32.	428.
Уфимская	66,5.	339.
Самарская	80.	473,4.

*) «Пища народныхъ массъ» (Рус. Мысль, 1893, кн. 11).

**) Марессъ, Рус. Мысль, 1893 г., кн. 11.

***) Ржевскій у. Тверской губ. Изд. Твер. губ. Зем.

****) Статистич. ежегодникъ Москов. губ. 1889 г.

*****) Поступленіе окладныхъ сборовъ въ казну съ сельскихъ сословій. Изд. Мин. Фин.

*****) Кашикаровъ, 67—68.

Казанская	44.	217.
Пензенская	15,7.	191,2.
Нижегородская	27,4.	223,8.
Саратовская	80.	145
Тамбовская	35,9.	152,7.
Воронежская	31.	142,5.

Вышеприведенная картина была бы не полна, если-бы мы упустили из виду одно обстоятельство чрезвычайной важности. Подати приходится уплачивать сразу большими сравнительно суммами, и притомъ одна половина ихъ должна быть внесена немедленно послѣ уборки хлѣбовъ; для продовольствія же хлѣбъ расходуется постепенно; поэтому уплата налоговъ (полугодовой части ихъ) происходитъ прежде всего. «И такъ какъ у огромнаго большинства крестьянъ нѣтъ никакихъ запасныхъ денегъ и далеко не всѣ имѣютъ заработки, то для покрытія всѣхъ этихъ надобностей у многихъ есть только одно средство—продать часть собраннаго хлѣба. Поэтому осенью вездѣ много крестьянскаго хлѣба идетъ въ продажу, а такъ какъ въ это время въ хлѣбѣ мало кто нуждается (крупныя торговыя фирмы открываютъ конторы для закупки хлѣба только съ установленіемъ зимняго пути), то онъ продается по самымъ низкимъ цѣнамъ. Потомъ, даже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или черезъ полгода—съ новаго года, съ масляной или съ весны—нерѣдко тѣ же крестьяне должны жить покупнымъ хлѣбомъ, потому что своего не сберегли. И вотъ они начинаютъ покупать до новаго урожая, но уже не по прежней цѣнѣ, а въ 1½, 2 и 3 раза дороже» Эти слова вятскаго вице-губернатора относятся къ Вятской губ., но тотъ же процессъ имѣетъ мѣсто во всей Россіи. На этой своеобразной операціи купли-продажи собственнаго хлѣба крестьяне теряютъ не менѣе 90—115 мил. руб. ежегодно*). Такимъ образомъ, дефицитъ крестьянскаго населенія достигаетъ уже цифры 108—133 мил.

Если не считать потерь крестьянскаго населенія на этой «торговой» операціи и процентовъ, уплачиваемыхъ ростовщикамъ, то однѣ казенныя подати составляютъ 121,2% чистаго дохода, получаемаго крестьянствомъ отъ земледѣлія и всѣхъ подобныхъ промысловъ. Такъ какъ налогъ превышаетъ доходъ (а если присоединить сюда и мѣстные сборы, то превышеніе будетъ еще больше), то недостающая сумма покрывается изъ капитала. А уменьшеніе средствъ производства, въ свою очередь, влечетъ за собою уменьшеніе національнаго дохода, т. е. того фундамента, на который опираются государственныя финансы.

Вышеприведенный расчетъ можетъ показаться необѣдитель-

*) Губевъ, Причины экономическаго упадка сельскаго населенія. (Юрид. Вѣст., 1892, кн. 10).

нымъ: во 1-хъ, мы основывались на неточныхъ данныхъ, такъ какъ способъ собиранія свѣдѣній официальными учреждениями нельзя считать удовлетворительнымъ, а цифра подсобныхъ заработковъ крестьянъ составляетъ результатъ сложныхъ соображеній и догадокъ; во 2-хъ, мы имѣли дѣло съ массовыми цифрами, что сильно уменьшаетъ очевидность явленія. Поэтому мы сдѣлаемъ другой разсчетъ и, для устранения сомнѣній насчетъ достовѣрности свѣдѣній, будемъ пользоваться исключительно земскими изслѣдованіями, которыхъ въ неточности никто не станетъ обвинять, а для большей ясности будемъ имѣть дѣло не со всей суммой доходовъ Россіи, а съ бюджетомъ одного двора, средняго для 123 уѣздовъ, приводимымъ г. Благовѣщенскимъ въ его *сводъ* («Крестьянское хозяйство»).

На дворъ приходится всякой земли 11 дес., изъ которыхъ подъ посѣвъ идетъ 8¼ дес. Допустимъ, что при трехпольномъ хозяйствѣ озимое поле засѣвается исключительно рожью, а яровое—овсомъ, тогда получимъ 83,87 пуд. ржи и 70,12 пуд. овса, за которыя выручимъ 105 р. 67 к. Полагая на хозяйственные расходы 50 руб. *) и пищевое довольствіе 75 р. 60 к. (6 членовъ семьи по 18 пудовъ, считая по 70 к. пудъ), получимъ 125 руб. 60 коп. Оказывается дефицитъ въ 19 руб. 93 коп., а такъ какъ необходимо еще уплатить 17 р. 87 коп. разныхъ налоговъ, то дефицитъ равенъ 37 руб. 80 к.

При этомъ разсчетъ мы не приняли во вниманіе подсобныхъ промысловъ, такъ какъ книга г. Благовѣщенскаго не даетъ для этого необходимаго матеріала. Однако, всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ условіями крестьянской жизни, знаетъ, что средней крестьянской семьѣ никогда не заработать 37 р. 80 к. Мы не включили также ни купленныхъ земель, ни арендуемыхъ, такъ какъ подсчетъ чистаго дохода, отъ нихъ получаемаго, представляетъ большія трудности и, вслѣдствіе отсутствія данныхъ, имѣлъ бы гадательный характеръ. Для того, чтобы можно было принять въ соображеніе всѣ рѣшительно условія крестьянскаго хозяйства и въ то же время не выходить изъ сферы точныхъ и достовѣрныхъ цифръ, необходимо, вмѣсто средняго двора, т. е. абстрактной единицы, обратиться къ конкретному крестьянскому хозяйству въ одномъ какомъ-либо селеніи.

Г. Осадчій **) приводитъ бюджеты 5 хозяйствъ Щербаковской волости (Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской г.), принимаемыхъ имъ за типичныя. Вотъ богатое хозяйство. Семья состоитъ изъ хозяина лѣтъ 55, жены 50 лѣтъ, дѣтей 6 и 3 лѣтъ, другого сына 15 лѣтъ и дочери 13 лѣтъ. Въ хозяйствѣ, кромѣ того, служатъ го-

*) Беру цифру харьковскихъ статистиковъ (*Материалы для статистико-экономическаго описанія Харьковскаго уѣзда*).

**) «Щербаковская волость Елисаветградскаго у. Херсонской г.» 1891.

довой рабочей. Имѣется 30 дес. надѣльной земли и около 30 дес. арендуется по 3—4 руб. за дес. За сведеніемъ всѣхъ приходовъ и расходовъ и за уплатой платежей у этой семьи остается, по расчетамъ г-на Осадчаго, излишекъ въ 40—50 р.

Вотъ далѣе зажиточное хозяйство. Семья состоитъ изъ хозяина 45 л., жены 40 л., сына 19 л., дочери 17 л. и двухъ меньшихъ дѣтей 12 и 5 л.; кромѣ того, въ семьѣ находится старикъ 60 л. Наемныхъ рабочихъ нѣтъ. Хозяйство имѣетъ надѣльной земли 25 дес., арендуетъ 5—6 дес. Необходимъ слѣдующій годовою за-
часъ хлѣба.

	Ржи.	пше- ницы.	проса.	карто- феля.	ячме- ня.
Для продовольствія семьи. .	108	36	18	48	—
Для обмѣненія полей. . .	48	48	2	8	45
Всего. . . .	156	84	20	56	45
Для пополненія этихъ запав- совъ собирается.	152	160	20	40	245
Остатокъ для продажи. . .	—	76	—	—	200

Недостатокъ ржи 4 п. пополняется изъ яровой пшеницы, которой затѣмъ остается 72 п. и ячменя 245 п., отъ продажи коихъ выручается 144 руб. Хозяйственныхъ расходовъ 180 руб. Дефицитъ—36 руб., а съ податями (50 р.)—86 руб., которые пополняются выручкой отъ продажи топлива и молочныхъ продуктовъ, приплода отъ скотоводства, овецъ, гусей.

Переходимъ къ среднему хозяйству. Семья состоитъ изъ хозяина 35 л., жены 32 л., сына подростка 15 л., дочери 13 л. и еще двухъ малолѣтнихъ дѣтей; рабочихъ никогда не нанимается. Надѣльной земли 16—20 дес. Податей платитъ 28 р. 50 к.; всего хозяйственныхъ расходовъ (съ податями) 112 р. 50 к. Эта сумма пополняется: выручкой отъ продажи хлѣба—53 руб., отъ продажи овецъ, приплода скота и молочныхъ продуктовъ—40 руб., и, наконецъ, зарабатывается фурой и пр. рублей 25. Такимъ образомъ, только посторонній заработокъ, который не всегда, конечно, имѣется, даетъ возможность уплатить подати, отнимающія весь «излишекъ».

Въ мало обезпеченномъ хозяйствѣ (надѣлъ 8 дес.) отъ продажи хлѣбовъ выручается 17 р. 55 к.; всѣ хозяйственные расходы составляютъ 39 руб. Дефицитъ 21 р. 45 к. пополняется продажей овецъ, свиней, гусей и куръ, что даетъ 18 р.; все еще недостаетъ 3 р. 45 к., но кромѣ того необходимо уплатить подати—16 руб. Концы съ концами сводятся съ помощью посторонняго заработка, если онъ есть.

Въ бѣдномъ хозяйствѣ надѣльной земли 4 дес. Прикупаются для продовольствія рожь, просо, картофель за 35 руб. 40 к. Всѣхъ расходовъ 61 р. 40 к. Заработки всякаго рода даютъ maximum

55 руб. Остается дефицитъ въ 6 р. 40 к., котораго покрыть не-
чѣмъ. А тутъ еще надо уплатить подати—7 р. 50 к. Гдѣ же все
это взять?

Въ Щербаковской волости насчитывается богатыхъ семействъ
2,4%, зажиточныхъ 8,2%, среднихъ 19,8%, мало-обеспеченныхъ
38,3%, бѣдныхъ 31,3%, т. е. больше половины семействъ (69,6%)
вынуждено платить подати при дефицитѣ въ хозяйствахъ.

Итакъ, детальное разсмотрѣніе конкретныхъ хозяйствъ привело
насъ къ тому же результату, который мы получили посредствомъ
приблизительныхъ расчетовъ на основаніи среднихъ величинъ.

Это печальное явленіе происходитъ не только отъ слишкомъ вы-
сокаго обложенія крестьянской массы, но и отъ неравномѣрности
распределенія податнаго бремени между разными классами,—не-
равномѣрности, которой обусловливается и высота крестьянскихъ
платежей: щадя привилегированные слои населенія, государство
для удовлетворенія своихъ потребностей неизбѣжно взваливаетъ всю
тяжесть налоговъ на крестьянство. Въ самомъ дѣлѣ, крестьяне пла-
тятъ больше другихъ классовъ и абсолютно, и относительно. Въ то
время, какъ частные владѣльцы уплачиваютъ (въ среднемъ для всей
Россіи) 17,6 коп. съ дес., государственные крестьяне платятъ
1 р. 40 к., а помѣщичьи 2 р. 31 к. *), т. е. крестьянинъ въ 8 и
13 разъ тяжелѣе обложенъ, чѣмъ частный владѣлецъ. Такую же
неравномѣрность можно наблюдать и по отдѣльнымъ мѣстностямъ.
Въ Ржевскомъ у. Тверской г. на 1 дес. надѣльной земли приходи-
лось (до 1887 г.) 1 р. 53 к., а на десятину некрестьянской земли
20 к. **). Въ Нижегородской губ. помѣщичьи платятъ 14 коп. съ
десятины, крестьяне 6. удѣльные 1 р. 18 к., 6. государственные
1 р. 32 к., 6. помѣщичьи 1 р. 63 к. ***).

Но, быть можетъ, крестьянское хозяйство доходнѣе частно-вла-
дѣльческаго?

По официальнымъ свѣдѣніямъ ****), урожай на крестьянскихъ
земляхъ ниже, чѣмъ на частно-владѣльческихъ, что видно изъ слѣ-
дующей таблицы, показывающей сборъ разныхъ хлѣбовъ съ деся-
тины за вычетомъ сѣмянъ (въ пудахъ):

	рожь		овесъ		пшеница	
	1883-87 г.	1888-92 г.	1883-87 г.	1888-92 г.	1883-87 г.	1888-92 г.
на крестьянской на- дѣльной землѣ. . .	33	28	27	24	33	30
на частно-влад. . . .	41	36	32	30	30	35

*) Голубевъ, Юридич. Вѣстн., 1892, кн. 10. Мы исправили цифры г. Го-
лубева сообразно реформѣ 1885 г.

**) О цѣнности и доходности земель Ржевскаго уѣзда. Если исключить
подушную подать, то получится 1 р. 29 к. на дес.

***) Голубевъ, «Рус. Бог.», 1894, кн. 1. Его цифры нами исправлены.

****) Сводъ Канцел. Комит. Мин.

По свѣдѣніямъ Центр. Стат. Комит. *), крестьянская надѣльная земля даетъ на земельный капиталъ (за вычетомъ издержекъ производства и налоговъ) 0,9% *убытка*, а частно-владѣльческая 6,3% *прибыли*. Въ Ржевскомъ уѣздѣ **) валовой доходъ 1 дес. пашни (за вычетомъ сѣмянъ) равенъ на надѣльной землѣ 13 р. 50 к., а на частновладѣльческой 17 р. 79 к.; если же вычесть издержки производства (не считая налоговъ), то прибыль частновладѣльческой земли составитъ 77 к., а на крестьянской получится убытокъ въ 1 р. 9 к. Слѣд., крестьянская земля менѣе доходна, чѣмъ частновладѣльческая, но платитъ казнѣ больше послѣдней.

Если мы будемъ сравнивать платежи *разныхъ разрядовъ* крестьянъ, то замѣтимъ ту же обратную пропорціональность обложенія. Вообще, помѣщики крестьяне платятъ больше государственныхъ, хотя земельный надѣлъ у нихъ вдвое меньше. И это наблюдается во всей Россіи. Принципъ *обратной* пропорціональности обложенія проведенъ у насъ съ замѣчательной послѣдовательностью: на сколько бы разрядовъ ни дѣлилось крестьянское населеніе въ какой-либо мѣстности, ихъ платежи различны, и чѣмъ болѣе данный разрядъ обезпеченъ землею, т. е. чѣмъ выше его благосостояніе, тѣмъ относительно меньше онъ платитъ. Точно также и въ предѣлахъ одного и того-же разряда крестьянъ платежи оказываются неравномѣрными, и притомъ такъ, что болѣе надѣленные крестьяне платятъ менѣе, и наоборотъ. Доказательствъ этому можно было-бы привести очень много; статистическіе сборники изобилуютъ соответственными данными, но мы не хотимъ загромождать нашу статью новыми цифровыми таблицами.

Это различіе въ обложеніи никакъ нельзя объяснять различіемъ въ доходности земель. Для иллюстраціи приведемъ два примѣра. Вотъ табличка, въ которой платежи сопоставлены съ арендными цѣнами (цифры относятся къ Саратовской губерніи):

Платежи на 1 десятину ***).

	Платежи на 1 дес. (1885 г.)	Арендныя цѣ- ны надѣльной пашни.
Саратовскій у. . . .	2,31	7,32
Сердобскій »	2,07	6,20
Кузнецкій »	2,04	4,77
Петровскій »	1,93	6,40
Балашовскій »	1,83	5,39
Вольскій »	1,65	6,72
Хвалыинскій »	1,63	5,60

*) *Временникъ Ц. С. К.*, № 12, 1889.**) *О чинности и пр.****) *Сб. стат. свѣд. по Саратовской и Сердобскій у.*

Аткарскій у. . . .	1,62	3,31
Камышинскій » . . .	1,34	3,34
Царицынскій » . . .	0,93	1,80

Таблица показываетъ, что нѣтъ правильнаго соотвѣтствія между платежами и арендными цѣнами, могущими служить въ нѣкоторой степени показателемъ доходности земли. Такъ, въ Вольскомъ уѣздѣ платежи ниже, чѣмъ въ Балашовскомъ, а арендные цѣны въ первомъ выше, чѣмъ во второмъ. Въ Сердобскомъ уѣздѣ платежи вдвое больше, чѣмъ въ Петровскомъ, а арендные цѣны въ первомъ болѣе, чѣмъ вътрое выше, нежели въ послѣднемъ. Въ Вольскомъ и Аткарскомъ у.у. платежи почти одинаковы, а арендные цѣны въ первомъ вдвое выше, чѣмъ въ послѣднемъ.

Еще рельефнѣе выступаетъ интересующее насъ явленіе въ слѣдующей таблицѣ, представляющей подесятинный окладъ платежей (послѣ отмѣны податной подати) въ процентахъ къ чистой доходности земли:

*Херсонская губернія *).*

	б. помѣщ.	б. государ.	военные поселеніе
Александрійскій у. .	73,7	42,7	46,7
Елисаветградскій » .	74,8	47,2	41,1
Ананьевскій » .	86,3	85,5	59,3
Тираспольскій » .	81,3	59,6	—
Одесскій » .	63,6	50,0	—
Херсонскій » .	70,0	45,7	52,3

Мы видимъ, что доля чистаго дохода, уплачиваемая крестьяниномъ въ видѣ налога, неодинакова: 1) для разныхъ разрядовъ въ предѣлахъ одного и того же уѣзда и 2) для одного и того же разряда въ разныхъ уѣздахъ.

Въ виду вышеизложеннаго звучитъ въ высшей степени странно, когда въ настоящее время иные «исслѣдователи» выступаютъ съ успокоительной проповѣдью, заявляя, что «измѣненія настоящей *податной системы* совершенно не требуется, а требуется только измѣненіе *системы взиманія*» **). И на чемъ основана эта проповѣдь? На томъ, что крестьянскія общины производятъ раскладку налоговъ между домохозяевами по своей собственной системѣ, сообразно своимъ гонятіямъ о справедливости, нисколько не справляясь съ началами, рекомендуемыми администраціей. Крестьянской общинѣ нужно знать только цифру, которую ей предстоитъ уплатить, а при распредѣленіи она въ руководителяхъ не нуждается. Но если внутри общины раскладка налоговъ и происходитъ на на-

*) Осадчій. Крестьянское над. землевл. и пр.

**) О. Тернеръ. Государство и землевладѣніе. Ч. I. Крестьянское землевладѣніе, 1-96, стр. 319, 324.

чалахъ справедливости (хотя и это подлежит сомнѣнію), зато размеръ оклада, выпадающаго на общину, опредѣляется безъ всякаго соотвѣтствія съ количествомъ и доходностью земли, такъ что на крестьянъ разныхъ общинъ падаетъ неодинаковое податное бремя. Крестьянское самоуправленіе можетъ осуществить начала податной справедливости только въ предѣлахъ общины; но ему приходится имѣть дѣло съ окладной суммой, опредѣленіе которой исходитъ изъ сферы, лежащей внѣ его компетенціи. А сумма эта существеннымъ образомъ зависитъ отъ суммы, уплачиваемой другими классами. Между разными классами плательщиковъ существуетъ неразрывная связь, опредѣляемая государственнымъ бюджетомъ, обнаруживающимъ тенденцію не къ сокращенію, а къ возростанію. Финансовая политика, щадящая напр. крупное землевладѣніе и промышленный классъ, по необходимости взваливаетъ большую часть бюджета на крестьянство. Много ли легче крестьянину оттого, что налогъ распределяется общиной по всѣмъ правиламъ собственной раскладки, «побожецки», когда приходящаяся на его долю сумма всетаки ему не по силамъ? Цифра крестьянскихъ платежей всецѣло зависитъ отъ организаціи нашихъ налоговъ, въ силу которой статья: «налоги поземельные, съ недвижимыхъ имуществъ и подати» составляетъ почти половину всей суммы прямыхъ налоговъ. Еслибы торговый и промышленный классъ и ранѣе платили сообразно своимъ доходамъ, то государственный бюджетъ могъ бы пополняться и безъ непосильнаго обремененія земли. Самъ г. Тернеръ признаетъ, что сумма платежей, которыми облагается теперь земля, превышаетъ ея доходность *).

Л. С. Закъ.

*) *Ibid.*, 336.

Въ часы нѣмыхъ уединеній,
Когда бѣгутъ ночныя тѣни,
И, просыпаяся, заря,
Стыдливой ласкою горя,
Тревожитъ дремлющій восходъ,
Передо мной всегда встаетъ
Мой духовникъ немолчный—совѣсть,
Моихъ грѣховъ читая повѣсть.
Больной угаръ минувшихъ дней
Погибшей юности моей
Тогда несется предо мной
Туманной, мутною волной...
И, внемля слову укоризны,
Даю обѣтъ свой отчизнѣ
Всю жизнь, всю душу посвятить,
Лишь ей дышать, лишь ею жить
И за нее поднять свой мечъ
Въ годину тяжкихъ бурь и сѣчъ...
Но вотъ ушли ночныя тѣни
И гулъ обыденныхъ волненій
Вновь пробудившагося дня,
Ночныя думы прочь гоня,
Ворвался въ комнату мою...
Смущенный, жалкій я стою
И трепещу, какъ передъ казнью,
Знакомою исполненный боязнью...

Николай Надеждинъ.

ОГОРАЖИВАНІЯ ЗЕМЕЛЬ.

И

Общество охраны общинныхъ земель въ Англіи.

Въ послѣднія 30 лѣтъ возникло и развилось въ Англіи оригинальное и весьма любопытное движеніе, созданное первоначально лишь небольшою кучкою лицъ и мало-по-малу охватившее собою широкіе круги англійскаго общества. Отъ времени до времени о немъ сообщались свѣдѣнія въ англійской прессѣ, но лишь самый слабый интересъ возбудило оно на континентѣ, и тамъ, какъ и у насъ, прошло почти незамѣченнымъ. Между тѣмъ, не смотря на относительную незначительность (въ силу сложившихся въ Англіи отношеній) поставленныхъ этимъ движеніемъ задачъ, особенно въ первые моменты его возникновенія, не смотря на умѣренную и даже иногда боязливую постановку ихъ въ послѣдующее время (съ 1869 г.) — оно, вопреки сильному и упорному сопротивленію, успѣло до нѣкоторой степени измѣнить настроеніе общественнаго мнѣнія, отразиться даже замѣтнымъ образомъ на законодательствѣ страны и на рѣшеніяхъ судовъ, создать новыя воззрѣнія на институты, считавшіеся незыблемыми основаніями общественного морадка, оставить на страницахъ исторіи эволюціи правовыхъ воззрѣній небольшіе, правда, но трудно изгладимые слѣды... Съ другой стороны, борьба, которую вели и ведутъ дѣятели этого движенія, тѣ, въ особенности, приемы, къ которымъ прибѣгали они для достиженія намѣченной цѣли, для обезпеченія торжества защищаемаго ими дѣла и въ парламентѣ, и въ судахъ, — все это до того характерно, до того типически-англійское, выросшее на почвѣ долговременной политической и общественной жизни Англіи, что уже само по себѣ, по этимъ своимъ приемамъ, движеніе это не можетъ не возбуждать сильнаго интереса. Наконецъ, оно является и весьма характернымъ случаемъ для наблюденій философа-историка, для провѣрки незыблемости такъ называемыхъ «законовъ историческаго развитія», «необходимыхъ» фазисовъ и стадій эволюціи общественной жизни, — случаемъ, имѣющимъ тѣмъ большее значеніе, что оно пошло въ разрѣзъ со всей прошлой исторіей страны, со всѣмъ тѣмъ, что въ теченіе ряда

вѣковъ совершалось въ Англіи, что имѣло мѣсто въ средѣ ея земельныхъ отношеній, поземельной ея политики.

Я разумѣю ту агитацію, которую возбудило въ Англіи «*commons preservation society*», общество охраны общинныхъ земель, общество, сформировавшееся всего въ 1864—5 гг., быстро развившееся въ Англіи и уже въ 1893 г. добившееся значительныхъ ограниченій въ примѣненіи Мертонскаго статута, въ теченіе 7 вѣковъ являвшегося дамкловымъ мечемъ для общинныхъ земель и сгубившаго не малое ихъ количество. Вышедшіе въ послѣдніе годы общіе обзоры дѣятельности общества (въ родѣ Shaw-Lefevre, English commons and forests, Scrutton: Common and common fields), біографіи дѣятелей общества (въ родѣ написанной Leslie Stephen'омъ біографіи извѣстнаго экономиста Fawcett'a), отчеты по возбужденнымъ обществомъ дѣламъ (въ родѣ Six essays on common preservation) и т. д. даютъ возможность представить цѣльную картину дѣятельности этого общества и его значенія. Въ настоящей замѣткѣ я и попытаюсь сдѣлать это, насколько позволяютъ предѣлы журнальной статьи.

I.

Теперь можно считать вполне доказаннымъ тотъ фактъ, что въ старой Англіи, въ эпоху норманновъ, громадная часть всей территоріи находилась въ общинномъ владѣніи и пользованіи какъ сельскаго, такъ и городского населенія. Обычное право, какъ оно существовало тоже во время созданія мэнора, предоставляло не одному только классу фригольдовъ, но и вилланамъ владѣніе и пользованіе землей, нѣкогда бывшей folcland'омъ, пользованіе и какъ пахотью, и какъ сѣновосомъ, лѣсомъ, пастбищемъ и т. д. Семь вѣковъ прошло послѣ того, какъ въ Англіи окончательно сложилась система феодальныхъ учрежденій, лишь покрывая собою старинные общинные порядки, и отъ всей громадной массы общинныхъ земель и угодій, находившихся въ общинномъ и общемъ пользованіи населенія, къ 1864—5 гг. лишь около 2—2¼ милл. акровъ сохранились какъ земли общаго и общиннаго пользованія. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ земли эти были мало пригодны для земледѣлія, и ими пользовались отчасти какъ пастбищемъ, отчасти какъ мѣстомъ добыванія торфа, древеснаго топлива, глины, песку и т. д. Не малая часть ихъ лежала подлѣ Лондона *) и др. большихъ городовъ, представляя собою пустоши; наиболѣе значительная расположена была въ гористыхъ мѣстностяхъ, служа

*) Вокругъ Лондона насчитывается до 194 такихъ участковъ общаго владѣнія, изъ которыхъ 74 въ среднемъ состояли изъ 160 акровъ каждая, а 120—въ среднемъ по 10 акровъ. Въ общей сложности площадь этихъ земель равняется почти 19 тыс. акровъ.

пастбищемъ. Тѣмъ неменѣе и въ томъ, и въ другомъ видѣ, какъ и всѣ остальные бывшія общинныя земли, онѣ продолжали служить предметомъ исканія со стороны крупныхъ владѣльцевъ, не перестававшихъ и до, и послѣ 1864 г. добиваться права и возможности огородить и ихъ и обратить въ свою исключительную собственность.

Издавна существовавшая въ Англіи и широко развившаяся въ ней система такъ наз. *enclosures*, т. е. огораживаній пустошей, общихъ земель и т. д. послужила главнымъ орудіемъ быстрого исчезновенія общинныхъ земель, ихъ постепеннаго сосредоточенія въ рукахъ немногихъ владѣльцевъ. Система эта не была специфической особенностью одной Англіи, — она существовала на континентѣ, во Франціи, какъ и въ др. странахъ, но въ Англіи получила наиболѣе полное развитіе. Всѣ условія общественной жизни Англіи послѣдовательно соединялись, чтобы примѣнить въ самыхъ широкихъ размѣрахъ эту систему *enclosures*, ускорить и усилить процессъ превращенія общинныхъ земель въ частную и главнымъ образомъ крупную собственность. Выработавшіяся еще въ средніе вѣка юридическія воззрѣнія, отразившіяся и на общественномъ мнѣніи, и на судебныхъ рѣшеніяхъ, и на законодательствѣ, весь социальный строй Англіи, организація въ ней политической власти, экономическія условія развитія страны и экономическія воззрѣнія, какъ они выработались съ XVI в., — все это совмѣстно и послѣдовательно облегчало дѣйствіе огораживаній и дѣлало, повидимому, неизбѣжнымъ въ Англіи тотъ же процессъ присвоенія мѣстъ для гуляній, даже горъ съ видами, какой выработался въ Шотландіи, гдѣ безъ спеціальнаго разрѣшенія владѣльца нельзя ни наслаждаться воздухомъ, ни даже созерцать красоты шотландской природы.

Коренится этотъ процессъ въ созданіи и развитіи мэноріальной системы, подвергшей значительнымъ измѣненіямъ отношенія прежнихъ владѣльцевъ и пользователей общинной землѣ къ этой землѣ. Рядомъ и выше прежнихъ общинниковъ сталъ теперь новый членъ общины, лордъ, владѣлецъ мэнора, сразу же почти заявившій притязанія на всю общинную землю. Мало по малу общинную землю стали разсматривать, какъ *waste of lord*, какъ его собственность, и параллельно создавалась теорія, развитая окончательно въ рукахъ федистовъ и среднихъ вѣсковъ, и XVIII в. и проникшая въ историческую литературу, суды и т. д. Держаніе общинниковъ превратилось въ добровольную уступку, пожалованіе (*grant*) собственнику, и отсюда возникло притязаніе, нашедшее опору въ судахъ и законахъ, притязаніе со стороны лорда на право требовать выдѣла части земли въ исключительное владѣніе либо для веденія самостоятельнаго хозяйства, либо для охоты, разведенія лѣса, устройства парка и т. п. Не смотря на сопротивленіе, оказанное этимъ притязаніямъ со стороны свободныхъ дер-

жателей земли (free tenants), притязанія эти нашли полную охрану въ странѣ и даже получили санкцію закона. Парламентъ, состоявшій изъ однихъ бароновъ, въ 1235 г. издалъ знаменитый Мертоновскій статутъ, увѣковѣчившій права лордовъ, предоставившій имъ широкую свободу примѣнять эти права на дѣлѣ. Владѣльцамъ мэноровъ предоставлялась полная свобода огораживать или распахивать столько земли изъ пустоши, пастбища и т. д., сколько имъ необходимо, съ тѣмъ только ограниченіемъ, по которому владѣлецъ обязанъ былъ засвидѣтельствовать предъ ассизнымъ судомъ, что имъ оставлено достаточно земли подъ пастбище для свободныхъ держателей, фригольдовъ, и что равнымъ образомъ онъ обезпечилъ имъ свободный проходъ и выходъ къ пастбищной землѣ. Интересы лорда, очевидно, поставлены были на первомъ планѣ: на одного лорда возлагалась обязанность доказать, что фригольды обезпечены пастбищемъ, причемъ только фригольды, но не вилланы и др. сельскіе жители, земледѣльцы и рабочіе, получили охрану въ законѣ. Лордъ, очевидно, могъ огораживать землю, не обращая вниманія на то, держатъ или нѣтъ огораживаемую землю, пользуются ею, или нѣтъ вилланы. То былъ первый актъ enclosure, созданный въ Англіи и сохранившій всецѣло свою силу вплоть до 1893 г. При томъ громадномъ количествѣ общинныхъ земель, которыя въ то время существовали въ Англіи, право, предоставленное владѣльцамъ мэноровъ статутомъ, было въ высшей степени цѣннымъ для нихъ, и, видимо, огораживанія по статуту совершались весьма рѣдко, какъ въ XIII в., такъ и въ послѣдующее время, такъ какъ въ судебныхъ процессахъ между владѣльцами мэноровъ и фригольдами недостатка не было, и ими переполнены судебные протоколы той эпохи.

Тѣмъ не менѣе въ первое время и долго послѣ изданія статута широкихъ и опасныхъ размѣровъ огораживанія не принимали. Огораживались главнымъ образомъ земли въ видахъ охоты, но не земледѣлія. Крупнаго хозяйства на земляхъ лорда не было. Крестьяне—зависимые продолжали сидѣть на своихъ надѣлахъ, пользоваться угодьями и нести платежи лорду, платежи, составлявшіе его главный доходъ. Съ другой стороны, жизнь внесла постепенно и нѣкоторыя новыя ограниченія къ статуту, главнымъ образомъ вслѣдствіе признанія закономъ опредѣленности и твердости въ держаніяхъ вилланами ихъ земель (fixity of tenure). Превращеніе виллановъ въ копигольдовъ, превращеніе, совершившееся незамѣтно, безъ внимательства парламента, путемъ расширенія юридическихъ доктринъ, привело постепенно и къ признанію за ними правъ на waste (пустоши) лорда, на пастбища и т. д., а слѣдовательно и права судебной ихъ охраны. Къ тому же, видимо, должно было бы повести и превращеніе прежнихъ сервовъ, bondsmen, и свободныхъ людей, держателей коттеджей на землѣ лорда, въ будущій классъ земледѣльческихъ рабочихъ (agricultural labourers). De facto

и они пользовались правомъ пастбища, рубки лѣса, добыванія торфа и т. п. на waste лорда, но не приобрѣли тогда права судебной охраны: легисты не включили ихъ въ составъ лицъ, пользующихся, подобно копигольдамъ, этой охраной.

Во всякомъ случаѣ ограниченія статута увеличались, огораживанія были болѣе стѣснены, и врядъ ли дѣйствіе Мертонскаго статута, безъ наличности другихъ условій, могло бы создать одно и само по себѣ тѣ измѣненія въ распредѣленіи поземельной собственности, какія произошли въ Англіи съ XV—XVI в. и превратили большинство сельскаго населенія въ безземельную массу; врядъ ли могло бы сдѣлать поземельную исторію Англіи столь противоположной поземельной исторіи Франціи.

Экономическій кризисъ, разразившійся надъ Англіей въ XIV и XV в. и вызванный черной смертію и страшнымъ вздорожаніемъ рабочихъ рукъ, кризисъ, создавшій радикальную перемѣну въ системѣ веденія сельскаго хозяйства, заставившій землевладѣльцевъ броситься отъ земледѣлія къ пастбищному хозяйству, измѣнилъ совершенно положеніе дѣлъ и открылъ дѣйствию огораживаній и мертмонскаго статута новую и широкую арену. Усиленное огораживаніе для содержанія овецъ, сносы для этой цѣли цѣлыхъ поселеній начались еще въ XV в., и въ XVI в. приобрѣли такую силу и такіе размѣры, что большинству сельскаго населенія стала грозить опасность полнаго обезземеленія. Пользованіе общинными землями, загораживаемыми то путемъ простаго насилія, то съ помощью мертмонскаго статута, было страшно затруднено. Конфискація церковныхъ земель и раздача ихъ въ руки частныхъ лицъ уменьшила еще въ большей степени арену общиннаго пользованія, такъ какъ новыя владѣльцы ничего и слушать не хотѣли о какихъ то правахъ крестьянъ на большія монастырскія пустоши. Новыя владѣльцы, говорятъ крестьяне въ «*Supplication of the poore Commons*» 1546 г., «всѣчески стараются убѣдить насъ, что всѣ наши старыя документы и хартіи не имѣютъ ровно никакой цѣны и значенія» (*are void and of none effect*). Ни возстанія крестьянъ, разламывавшихъ и уничтожавшихъ огорожи, ни безконечный рядъ королевскихъ статутовъ, воспрещавшихъ превращеніе пахоты въ пастбище, не оказывали никакого дѣйствія. «У насъ,—говорилъ Латимеръ,—не мало хорошихъ статутовъ, касающихся общинниковъ и огораживаній, но въ концѣ концовъ дѣло не подвигается впередъ», и это понятно, потому что новыя владѣльцы нашли удобный способъ обхода статутовъ. Подлѣ хижинъ пастуха отводилась требуемая закономъ полоса пахоты для виду, а вся остальная земля, очищенная отъ поселеній, служила пастбищемъ. Сносы деревень для пастбищъ вызывали всеобщіе протесты и жалобы, но справиться съ огораживателями оказывалось невозможнымъ. Въ отвѣтъ на усилившіяся нареканія и просьбы лордъ протекторъ издалъ было прокламацію и потребовалъ, чтобы всѣ загороженные

земли были открыты для пользования и загорожи сняты къ 1 мая 1549 г. Онъ назначилъ даже специальную королевскую комиссію по дѣлу объ огораживаніяхъ («for the redress of inclosures»), которой предписано было изслѣдовать: «кто и какія лица отняли общинныя земли у держателей земли, причинивши тѣмъ вредъ и ихъ скоту, и ихъ хозяйствамъ». Но никто почти не обратилъ серьезнаго вниманія на прокламацію, а комиссары оказались безсильными добиться чего нибудь существеннаго, уже по тому одному, что свидѣтелей не оказалось: населеніе было напугано владѣльцами и не рѣшалось являться въ комиссію и свидѣтельствовать противъ своего же лорда. Комиссія, также какъ и статуты, оказалась безсильной защитить права сельскаго населенія. Последнее, правда, подъ предводительствомъ Кетта возстало и разрушило во многихъ мѣстахъ загорожи, но возстаніе было подавлено, зачинщики наказаны, огорожи восстановлены, а владѣльцы открыто объявляли, что права копигольдовъ на земли они считаютъ утратившими свою силу, принуждали ихъ возвращать ихъ держанія и получать землю на условіяхъ временной аренды. Подъ давленіемъ господствовавшего среди высшихъ классовъ стремленія къ апроприаціи, и само законодательство вынуждено было примѣняться къ обстоятельствамъ. Законы, воспрепятствовавшіе обращенію пахоти въ пастбище, правда, были подтверждены и въ 1555, и въ 1562 гг., но уже сдѣланы были исключенія въ пользу огораживаній для разведенія лѣса, для устройства парковъ, для осушенія болотъ и болотистыхъ мѣстъ (feus and marshes), для цѣлей національной обороны, т. е. открывалась свободная законная дверь для непрерывнаго процесса обращенія земель общаго пользования въ исключительную и неограниченную собственность.

Съ другой стороны, шансы судебной охраны для пользователей общинными землями все болѣе и болѣе становились проблематическими. Мало того, что дороговизна процесса сдерживала многихъ отъ предъявленія иска, что страхъ предъ могущественнымъ лордомъ заставлялъ страдавшихъ молчать,—для части сельскаго населенія, главнымъ образомъ для сельскихъ рабочихъ, судебныя рѣшенія отняли самую возможность иска. Жители с. Stixwold въ Линкольнширѣ попытались было въ 1603 году добиться судебной охраны нарушеннаго ихъ права пользоваться waste лорда, какъ пастбищемъ, согласно старинному обычаю. Судьи, разсматривавшіе это дѣло, сдѣлавшееся однимъ изъ краеугольныхъ камней системы огораживанія и получившее громкую извѣстность подъ именемъ Gateward's case, единогласно признали, что обычаи, на который сослались истцы, противорѣчатъ закону и не можетъ быть признанъ, и что истцы, жители селенія представляютъ собою «a vague» (body), т. е., не являются цѣльной корпораціей, общиной и потому уже не могутъ добиваться столь прибыльныхъ правъ,

какъ пользованіе пустошью, и это тѣмъ болѣе, что такое право неразрывно съ правомъ собственности. Постановленіе имѣло рѣшающее значеніе и, долгое время спустя, ссылки на *Gateward's case* сдѣлались не рѣдкими въ судахъ при разсмотрѣніи подобнаго же рода исковъ. Лишь одновременныя рѣшенія судовъ по дѣламъ о правѣ сельскихъ жителей на выпасы, которое они могли подкрѣпить ссылкой на то, что они были инкорпорированы, и какъ таковыя, какъ цѣлое, получили права пользованія, или же что они получили пожалованіе отъ короны (что приравнено было судомъ къ акту инкорпорированія), ослабляли до нѣкоторой степени силу рѣшенія по дѣлу *Gateward*. Но такіе случаи были рѣдки; не разъ жителямъ сель отказывали по суду въ правѣ пользованія, принадлежавшаго имъ съ незапамятныхъ временъ, и естественно, что для владѣльцевъ мѣнора открывалось широкое поле производить огораживанія по мертонаскому статуту, совершенно игнорировавшему права большинства сельскаго населенія.

Между тѣмъ параллельно на первый планъ выдвигались все больше и больше, начиная уже съ XVI в., интересы земледѣлія, какъ одного изъ главныхъ источниковъ богатства. Вопросъ о поднятій земледѣлія, о необходимости увеличить доходность земель и въ Англіи, какъ и на континентѣ, сталъ обсуждаться все болѣе и болѣе. Создавалась постепенно цѣлая агрономическая и экономическая литература, оказывавшая не малое дѣйствіе на умы, и она почти сразу же подвергла рѣзкой критикѣ существовавшій порядокъ хозяйства, произнесла полное и безповоротное осужденіе и системѣ общинной обработки земель, и существованію пустошей. Огораживаніе полей и уничтоженіе черезполосности были признаны не только настоятельно необходимыми, но выставлены были, какъ единственное средство поднятія и культуры, и цѣнности земли, и ея доходности. На этомъ настаиваетъ еще извѣстный англійскій агрономъ XVI в. *Fitzherbert* въ своемъ трактатѣ, вышедшемъ въ 1523 г., въ главѣ, носящей типическое заглавіе: «какъ сдѣлать, чтобы земля, стоющая 20 марокъ въ годъ, дошла до 20 фунтовъ въ годъ». А менѣе чѣмъ столѣтіе спустя эти воззрѣнія дѣлаются господствующими въ англійскомъ обществѣ. Въ *Surveyor's Dialogue* Нордона (1602) мы уже читаемъ, что «одинъ огороженный акръ дороже въ полтора раза, чѣмъ неогороженный», и что если бы пустоши и бездоходныя общинныя пастбища Англіи были огорожены..., они прокормили бы громадную массу населенія, большую, чѣмъ современное населеніе Англіи. Еще столѣтіе позже взгляды на этотъ предметъ установились во всей ихъ полнотѣ, и интересы страны отъ земледѣльческой культуры поставлены были выше интересовъ земледѣльческаго населенія. «Новая система земледѣлія», книга, опубликованная знаменитымъ Джономъ Лауренсомъ и сдѣлавшаяся въ Англіи настольной книгой сельскихъ хозяевъ, уже вполне и рѣшительно высказывается

за огораживаніе во что бы ни стало. Огораживанія—вотъ единственное средство увеличить урожай, единственный путь къ тому, чтобы удешевить ренту. Ссылаясь на то, что, «къ несчастію», еще около $\frac{1}{2}$ англійскихъ земель находится въ общинномъ пользованіи и что $\frac{1}{3}$ общинныхъ земель все еще обрабатываются по старому общинному способу, Лауренсъ приходитъ «въ изумленіе отъ отсталости Англій», которая такъ давно не производитъ полного огораживанія земель, огораживанія, могущаго сразу же превратить ее въ страну болѣе богатую, чѣмъ если бы она обладала всѣми американскими копиями испанскаго короля. Онъ идетъ еще дальше въ прославленіи системы огораживаній. Возраженія, отъ времени до времени высказывавшіяся въ Англій, что огораживанія отразятся вреднымъ образомъ на интересахъ бѣдныхъ классовъ сельскаго населенія, онъ уничтожаетъ однимъ взмахомъ пера, замѣчательнымъ аргументомъ, вошедшимъ потомъ въ общее употребленіе. «Пустоши и неогороженныя мѣста, утѣряетъ онъ, привлекаютъ къ себѣ бѣдняковъ и нуждающихся лишь потому, что они—удобныя мѣста для воровства», между тѣмъ какъ огораживаніе именно и даетъ этому классу вѣрный и хорошій заработокъ. А его братъ въ трактатѣ «The duty of a steward to his lord» (1727) ужъ открыто совѣтуетъ для успѣховъ культуры «уничтожить всѣ мелкія держанія какъ можно скорѣе», передать ихъ въ руки одного фермера, изгнать всѣхъ фригольдовъ, скупивши ихъ земли и т. д. Въ средствахъ для этого недостатка не было: ихъ ясно указалъ неизвѣстный авторъ брошюры: «On old Almanack with a postscript», выпущенной еще въ 1710 г. Онъ указываетъ въ ней, что мертонскій статутъ можетъ быть примѣненъ не только къ копигольдамъ, но и къ фригольдамъ, и что согласіе лорда и $\frac{1}{3}$ сельскаго населенія, держащаго землю, на огораживаніе должно быть признано достаточнымъ для того, чтобы закрыть рты протестующему меньшинству. «Потому что, иронически говоритъ онъ, что такое это меньшинство, на что можетъ жаловаться оно, если у него отнять пастбище? Въ сущности и жаловаться ему не на что, такъ какъ у него нѣтъ скота, а вознагражденіе, которое ему даютъ за огораживаніе, болѣе чѣмъ втрое превышаетъ его потерю».

Теоретически вопросъ, такимъ образомъ, былъ рѣшенъ, повидимому, безповоротно, и это рѣшеніе его совпало съ тѣмъ новымъ движеніемъ, которое стало проявляться все сильнѣе и сильнѣе въ Англій въ XVII в. Медленное увеличеніе ренты съ земли, достигшее въ XVII в. до размѣровъ почти въ 8 разъ превосходившихъ размѣры ея въ предшествующія столѣтія, постепенно ослабило дѣйствіе земледѣльческаго кризиса XV—XVI в. и повело къ новому повороту въ сельскомъ хозяйствѣ: къ переходу отъ пастбищнаго къ чисто земледѣльческому хозяйству. Введеніе голландцами новыхъ способовъ обработки земли, новыхъ растений и т. п. въ Англій въ XVII в., несомнѣнныя выгоды, какія стало давать земледѣліе,

спросъ на продукты котораго съ развитіемъ колоніальнаго могущества Англіи все болѣе и болѣе возрасталъ, создали полную, почти перемѣну въ средѣ англійскаго общества. Съ конца XVII и главнымъ образомъ XVIII в. «англичанинъ всецѣло предался дѣлу земледѣлія, какъ предмету удовольствія или необходимости, или того и другого вмѣстѣ. Это сдѣлалось господствующимъ вкусомъ и модой вѣка. Рѣдко можно было встрѣтить дворянина или сельскаго джентльмена, который бы не занимался обработкой земли... то въ качествѣ главнаго надсмотрщика надъ имѣніемъ, то въ видѣ экспериментатора-любителя» (Роджерсъ). Расширеніе культуры и ея площади, въ видахъ между прочимъ и конкуренціи съ богатѣвшимъ торговымъ и промышленнымъ классомъ, стремленіе какъ путемъ улучшеній въ обработкѣ земли, такъ и законодательныхъ мѣръ, увеличить и сумму продукта, и размѣры его сбыта, при все большемъ и большемъ пониженіи цѣнъ на рабочія руки въ XVIII в., послужили сильнѣйшимъ стимуломъ, чтобы, воспользовавшись существующими средствами въ статутахъ, превратить большую часть англійской почвы въ обработанную почву, уничтожить путемъ огораживанія всѣ пустопорожнія земли и въ то же время ослабить тотъ «вредъ», какой, съ точки зрѣнія большинства, приносило земледѣльческой культурѣ общинное пользованіе пахатью съ ея чрезполосницей. Огораживанія путемъ мертонаскаго статута, раздѣлы общинныхъ земель путемъ частныхъ парламентскихъ актовъ сдѣлались уже съ царствованія Анны обычными явленіями въ Англіи. Болѣе 2 тысячъ актовъ объ огораживаніи (Enclosure Bills) прошло и принято было англійскимъ парламентомъ до 1801 года, и уже тогда обнаружилось, что, не смотря на раздѣлы общинныхъ земель, на передѣлахъ отрѣзковъ отъ пустошей между прежними пользователями, число собственниковъ почти не увеличивалось... Огороженные земли раздѣлялись лишь между тѣми, кто считался имѣющимъ право на общинный выпасъ, между фригольдами и отчасти копигольдами, но львиная доля попадала въ руки владѣтеля мэнора, и «громадное увеличеніе площади владѣнія было обезпечено для крупныхъ владѣльцевъ, явившихся главной силой и въ парламентѣ, и въ мѣстной администраціи» (Thackeray, *The land and the community*). Единственно пострадавшими оказались сельскіе рабочіе, главный контингентъ сельскаго населенія, потерявшій почти безъ вознагражденія право пастбы скота и рубки лѣса и др. сервитутныя права. Протестъ, почти одинокій въ англійской литературѣ XVIII в., со стороны John'a Cowper'a («an Essay, proving that Inclosing Commons and common Fields Lands is contrary of the interests of the nation», 1732), остался безслѣднымъ, и не прошло и 30 лѣтъ послѣ выхода этой книги, какъ, начиная съ 1760 г., сильное теченіе общественнаго мнѣнія высказалось всецѣло и вполне въ пользу огораживаній. Одинъ трактатъ сталъ

выходить за другимъ, и всѣ единогласно прославляли громадныя выгоды для страны, для увеличенія ея богатства, получаемыя отъ загороживаній общинныхъ земель и пустошей, а акты парламента объ огораживаніи издавались быстро одинъ за другимъ. Новымъ и наиболѣе сильнымъ импульсомъ для дѣла превращенія путемъ огораживаній общинныхъ земель въ земли частнаго владѣнія послужили тѣ донесенія (reports), которыя представлены были парламенту въ 1793 новосозданнымъ, по инициативѣ извѣстнаго Sinclair'a, general board of agriculture. Предъ глазами публики развернута была такая блестящая картина успѣховъ, порожденныхъ огораживаніями, нарисованная знаменитымъ Артуромъ Юнгомъ, что малѣйшія сомнѣнія насчетъ возможности какихъ либо вредныхъ ихъ послѣдствій исчезли въ англійскомъ обществѣ. Да и какъ могло быть иначе? Огороживанія въ Bucks'ѣ удвоили ренту съ бывшихъ общинныхъ полей. Въ Уэстонѣ Кальвиллѣ фермеры, уплачивая 103,6 д. за акръ, живутъ съ комфортомъ на той же землѣ, гдѣ прежде, когда она была незагорожена, умирали съ голоду, хотя рента была 2 ш. 6 п. за акръ. Въ Мейполѣ земля, до загороживанія дававшая шиллингъ за акръ, стала приносить послѣ того 45 шиллинговъ, а въ Лейчестерширѣ поднялась съ 8 до 20. Въ Кинсбороу, гдѣ акръ едва оплачивался 2 ш. 6 п., съ введеніемъ огораживанія отдается на 21 годъ по 25 шилл. ежегодно и т. д., и т. д. Вездѣ и на каждомъ шагѣ громадныя прогрессъ въ земледѣльческомъ производствѣ констатируется всѣми комиссарами слѣдствія о состояніи земледѣлія. На прогрессъ хозяйства въ этомъ направленіи они смотрятъ, какъ на главную дѣль, и одному изъ руководителей слѣдствія, Артуру Юнгу, не трудно было доказывать довѣрчивой публикѣ, что всѣ усилія должны быть направлены въ эту сторону, въ сторону умноженія продуктовъ, что для этого необходимо, чтобы трудъ былъ дешевъ, а законодатель принималъ всѣ необходимыя мѣры для поощренія вывоза путемъ премій и разумнаго регулированія ввоза. Если Англія богата, то этимъ она обязана, по его словамъ, «піонерамъ земледѣльческаго прогресса, лэндлордамъ».

Коммиссары всячески добивались, въ этихъ видахъ, ускоренія дѣла огораживаній. Необходимо для общей пользы поскорѣе огородить и уничтожить общинныя права на земли тамъ, гдѣ они еще существуютъ, и передать земли собственникамъ, вотъ что постоянно повторяли они въ своихъ докладахъ. «Близко то время, восклицаетъ одинъ изъ нихъ, когда всѣ пустоши, это безобразіе для страны, будутъ уничтожены», ибо теперь они представляютъ собою нѣчто такое, что находится въ рукахъ ирландцевъ, а не англичанъ. И то, что утверждалъ нѣкогда Лауренсъ, воспроизводится съ еще большимъ апломбомъ. Возраженія противъ огораживаній не только въ интересахъ бѣдныхъ (poors), но и въ интересахъ здоровья населенія, его гигиены, которыя могли

быть нарушены полнымъ уничтоженіемъ открытыхъ мѣстъ для гуляній и проч. вокругъ городовъ, встрѣчаютъ презрительную улыбку у комиссаровъ. «Эти возраженія, говорится въ одномъ докладѣ, лишь съ перваго взгляда могутъ казаться серьезными и вѣскими, такъ какъ, развѣ общины будутъ огорожены, а часть отдана подѣ постройки, то держатели огороженныхъ пастбищъ вынуждены будутъ завести больше коровъ для снабженія молокомъ бѣдныхъ и давать имъ топливо».

Результатомъ энергической проповѣди комиссаровъ было то, что, какъ указалъ Артуръ Юнгъ, стремленіе къ улучшеніямъ замѣтно возросло въ Англіи, а огораживанія усилились. Въ 16 лѣтъ, предшествующихъ созданію Board of agriculture, съ 1777 по 1793, всего 599 актовъ объ огораживаніи прошли чрезъ парламентъ, — въ 16 лѣтъ, послѣдовавшихъ за его созданіемъ, число актовъ возросло до 1052, а въ одну сессию 1809 было подано 152 петицій объ огораживаніи. Съ этого времени, вплоть до 1864—5 г. огораживанія продолжали расти все болѣе и болѣе, угрожая полнымъ уничтоженіемъ и послѣднихъ остатковъ общинныхъ земель. И до, и послѣ отмены хлѣбныхъ законовъ, какъ и до, и послѣ изданія новаго закона объ огораживаніи полей 1845 г., они не прекращались въ Англіи. Въ громадномъ большинствѣ чтеніе петицій объ огораживаніи проходило среди общаго молчанія, при почти пустыхъ скамьяхъ. Лишь иногда вызывала какая либо петиція возраженія со стороны членовъ палаты во имя интересовъ бѣдныхъ или гигиены и здоровья населенія, но такіе случаи были рѣдки.

Между тѣмъ недостатки въ указаніяхъ на тѣ послѣдствія, къ какимъ стали приводить усиливавшіяся огораживанія, не было, хотя, наряду съ картинами блестящихъ успѣховъ земледѣльческой культуры, они не производили почти ни малѣйшаго впечатлѣнія на публику.

Въ 1839 г. нѣкто John Walter обратился съ посланіемъ къ избирателямъ Беркшира (a letter to the electors of Berkshire), въ которомъ обрисовалъ обратную сторону медали. Всѣ надежды экономистовъ, что огораживанія улучшатъ положеніе сельскаго населенія, земледѣльцевъ-рабочихъ, оказываются, — доказываетъ онъ съ фактами въ рукахъ — совершенно тщетными, такъ какъ положеніе ихъ ухудшается все болѣе и болѣе. За періодъ времени съ 1793 по 1815 г., періодъ наиболѣе усиленныхъ огораживаній, расходы на бѣдныхъ съ 2 милл. ф. стерл. въ 1793, поднялись до 4 милл. въ 1803 г. и достигли суммы болѣе 6 милл. въ 1815 году. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ огораживанія бѣднѣйшіе изъ общинниковъ получали жеребьевые участки взаменъ права общиннаго пользованія, рабочій нисколько не выигрывалъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ замѣна прежняго права небольшимъ жеребьевымъ участкомъ была прямо убы-

точна для него. Тамъ, гдѣ прежде, напр., онъ получалъ съ неогороженной общинной земли топливо на 2 ф. ст. 12 шиллинговъ, а пастбище давало ему въ видѣ скота доходъ въ 8 ф.,—предлагаемый ему или полученный имъ жеребьевый участокъ едва приносилъ и 2 ф. Оттого лица, получавшія эти жеребьевые участки вынуждаемы были продавать ихъ, и этимъ лишь усиливалось крупное землевладѣніе, увеличивались имѣнія лендлордовъ. И что Walter былъ вполне правъ въ своихъ замѣчаніяхъ о вредномъ дѣйствіи огораживаній, видно, напр., изъ того, что во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ огораживанія были произведены въ широкихъ размѣрахъ, все болѣе и болѣе въ теченіе текущаго столѣтія исчезали, а въ нѣкоторыхъ и совершенно исчезли мелкіе крестьяне-собственники, small yeomen. Ихъ собственность была далеко не такихъ размѣровъ, чтобы они могли вести на ней хозяйство безъ общиннаго выпаса, поэтому, когда право выпаса было отнято, и они получили либо жеребій въ далекомъ разстояніи отъ ихъ земли, либо деньги, разореніе при первомъ неурожаѣ дѣлалось неизбежнымъ, а за нимъ слѣдовала продажа собственности. Вотъ почему въ наше даже время мелкая собственность держится въ Англіи только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ сохранились еще общинныя земли и лѣса, какъ напр., въ Кэمبرлендѣ и Уэстморлендѣ, въ гористыхъ мѣстахъ Уэльса, и окрестностяхъ такихъ forests, какъ Дартмуръ или New Forest.

Сами комиссары земледѣльческой анкеты не могли скрыть фактъ крайняго разоренія, создаваемого огораживаніями. Артуръ Юнгъ вынужденъ былъ заявить, что изъ 37 деревень 25 были разорены благодаря огораживаніямъ. Даже тамъ, гдѣ отводились всѣмъ безъ различія жителямъ земли взаимнѣ пастбища, земли эти были не болѣе акра, расположены нерѣдко въ 4—5 миляхъ отъ жилья и оказывались недостаточными для прокорма даже одной коровы. Въ большинствѣ случаевъ надѣленные такими участками вынуждены были продавать ихъ, и нерѣдко участокъ переходилъ въ пятая и шестая руки, раньше чѣмъ онъ окончательно отводился комиссарами. Результаты были понятны: они сказались въ уменьшеніи скота, главнымъ образомъ коровъ, этого главнаго подспорья сельскаго рабочаго. Донесенія 1808 и послѣдующихъ годовъ заключаютъ въ себѣ длинный и монотонный перечень селеній, въ которыхъ до огораживанія насчитывалось 100 и болѣе коровъ, а послѣ него—40, 33 и т. д.

Да это и понятно. Огораживанія производились обыкновенно безъ всякаго вниманія къ интересамъ сельскаго населенія, главнымъ образомъ рабочаго сельскаго люда. Специальныхъ изслѣдованій съ цѣлью узнать нужды и желанія этого класса вовсе не производилось, а такъ какъ, вдобавокъ, ни законъ, ни судебныя рѣшенія не ограждали, какъ мы видѣли, ихъ фактическихъ правъ на общинныя земли, то во многихъ случаяхъ совершенно игнори-

ровалось самое существованіе этого класса. У послѣдняго, между тѣмъ, не оказывалось сильныхъ юридическихъ аргументовъ въ пользу его права, но даже если бы они и были, не было средствъ начать и вести дорого стоящій судебный процессъ, исходъ котораго, въ виду господствующаго настроенія и характера самихъ законовъ объ огораживаніи, былъ весьма сомнителенъ.

Огораживанія могли быть произведены четырьмя различными способами: или на основаніи мертовскаго статута, или согласно обычному мѣстному праву и съ согласія общинниковъ, или даже безъ всякаго основанія, признаннаго и освященнаго закономъ, или, наконецъ, путемъ санкціи парламента. Первый изъ нихъ, усиленный рѣшеніемъ по дѣлу *Lascelles* съ лордомъ *Onslow*, давалъ возможность собственнику пустоши всегда отгородить сколько ему угодно земли, такъ какъ владѣльцу достаточно было заявить, что за послѣдніе 10 лѣтъ скотъ общинниковъ былъ достаточно удовлетворенъ пастбищемъ. Если не было протестовъ, не начинался искъ, для суда аргумента со стороны лорда было вполне достаточно. Начинать искъ было трудно, потому что требовалась такая процедура осмотра въ мѣстѣ, разслѣдованія старинныхъ записей и описей и т. п., разбирательство тянулось такъ долго и сопряжено было съ такими издержками, превышавшими нерѣдко стоимость спорной земли, что въ рѣдкихъ случаяхъ начинаемы были иски. Нѣсколько, повидимому, затруднительнѣе былъ второй способъ, въ виду отмѣченнаго комиссарами земледѣльческой анкеты сопротивленія, оказываемаго держателями земель огораживаніемъ. Но и здѣсь въ теченіи XIX вѣка мало по малу создались средства ослабить затрудненія. Во многихъ мѣнорахъ установилась сама собой практика, въ силу которой держатель огораживалъ небольшіе участки пустоши, подъ предлогомъ существованія обычая создавать новыя держанія для копигольдовъ и согласія всѣхъ, выраженнаго въ актѣ принесенія присяги въ вѣрности (*homage*). Съ теченіемъ времени лордъ и его управляющій установили новые порядки и потребовали, чтобы всякій держатель получалъ специальное пожалованіе (*grant*) отъ лорда, чрезъ посредство мѣстнаго суда мѣнора, въ присутствіи и съ согласія мѣстныхъ общинниковъ. Создались этимъ путемъ новыя держанія по акту мѣнора. Правда, созданіе такого рода новыхъ копигольдерскихъ держаній прямо противорѣчило существу копигольдерскаго держанія, основаннаго на обязательномъ существованіи исконнаго обычая. Но суды обошли это правило, и въ 1503 году состоялось судебное рѣшеніе, освятившее этотъ новый обычай, подъ тѣмъ предлогомъ, что такъ какъ пустошь лорда, которую держали издавна копигольды, по природѣ своей подлежать отдачѣ копигольдамъ, то лорды могутъ и теперь, какъ прежде, создавать новыя копигольдерскія держанія. Благодаря этому, во всѣхъ почти мѣнорахъ стали прибѣгать къ этому способу раздачи земли.

Съ согласіа для формы одного или двухъ копигельдовъ земля огораживалась, и лордъ затѣмъ продавалъ ее, особенно въ окрестностяхъ Лондона и большихъ городовъ, подѣ постройки, если только онъ самъ не выдавалъ себѣ съ такого же согласія пожалованія на землю и не загораживалъ ее въ свою пользу, какъ то было напр. съ Еппенг Forest, гдѣ 1883 акра были отгорожены путемъ пожалованія повѣреннымъ его же и затѣмъ перешли къ нему въ неограниченную собственность. Присяжные изъ копигельдовъ (homage-jury), которые должны были присутствовать на судѣ при этой сдѣлкѣ, были подобраны управителемъ лорда, публикацій о пожалованіи сдѣлано не было. Въ обоихъ этихъ случаяхъ огораживанія производились безъ вѣдома или утвержденія парламента, какъ безъ него обходились, само собою понятно, и огораживанія съ помощью третьяго способа, т. е. простые захваты пустопорожнихъ мѣстъ, части дорогъ и т. д. Способъ огораживанія съ разрѣшенія парламента установился лишь съ конца XVII в. и производился въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ или $\frac{2}{3}$ собственниковъ по добровольному согласію рѣшались произвести огораживаніе и раздѣлъ общинныхъ земель. Комитетъ палаты разсматривалъ просьбу и документы, палата утверждала просьбу, и комиссары для огораживаній производили уже передѣлъ земель пропорціонально собственности или правамъ каждого участника. Долгое время огораживанія производились путемъ частныхъ постановленій или парламентскихъ биллей. Общихъ правилъ однообразнаго закона издано не было. Создавались немалыя затрудненія вслѣдствіе этого при огораживаніяхъ, дѣло тянулось иногда очень долго, а главное, огораживаніе и вся процедура разрѣшенія стоили очень дорого (огороженіе, напр., 250 акровъ обошлось въ Нортъ-Ридингѣ 370 ф. ст., огораживаніе полей двухъ приходовъ въ Сомерсетѣ—въ 2485 ф., изъ которыхъ 500 ф. уплачено за билль). Чѣмъ сильнѣе развивалось стремленіе къ огораживанію, тѣмъ настойчивѣе становились требованія общаго закона, болѣе дешеваго способа огораживаній. Въ 1801, а затѣмъ въ 1834, 1836 и 1840 гг. издано было три общихъ статута, регулировавшихъ огораживанія. Было установлено, что если $\frac{2}{3}$ собственниковъ и лицъ, пользующихся извѣстными правами на общинной землѣ, потребуютъ ея раздѣла или обмѣна полей, то они могутъ назначить комиссаровъ для производства передѣла или обмѣна съ утвержденія парламента.

Уже тогда, когда билль 1836 г. обсуждался въ палатѣ, раздались голоса противъ него. Одинъ изъ депутатовъ, Юмъ, указавъ на отсутствіе въ проектѣ закона какихъ либо гарантій для земледѣльческаго класса, доказывалъ, что онъ прямо гибеленъ для нихъ; другіе, какъ лордъ Holland, ссылались на опасность, которая грозитъ странѣ и особенно городамъ при огораживаніяхъ, такъ какъ вскорѣ и послѣднія открытыя мѣста, эти резервуары свѣ

жаго и чистаго воздуха, мѣста для гуляній и проч. будутъ отняты у населенія. «Всѣ иностранцы, говоритъ Holland, приходятъ въ изумленіе и даже упрекаютъ насъ въ томъ, что, не смотря на самые либеральные принципы, на которыхъ основаны наши законы и наши учрежденія, у насъ нѣтъ сколько нибудь сносныхъ мѣстъ, которыми могло бы пользоваться населеніе въ видахъ здравія и для удовольствій». Но всѣ рѣчи Юма, всѣ аргументы Голланда и др. не оказали дѣйствія, и билль прошелъ громаднымъ большинствомъ голосовъ.

Все болѣе и болѣе усиливавшіяся жалобы со стороны населенія на вредныя послѣдствія огораживаній, ускоренныхъ общими законами, на увеличивавшееся разореніе сельскихъ рабочихъ и на стѣсненія, создаваемыя огораживаніями въ подгороднихъ мѣстностяхъ, заставили, правда, парламентъ подвергнуть пересмотру законы объ огораживаніяхъ. Дѣйствіе прежнихъ общихъ законовъ было приостановлено, и въ 1845 г. былъ изданъ новый законъ, регулировавшій огораживанія. Но и этотъ законъ оказался такъ же плохо гарантирующимъ права сельскаго населенія, какъ и предшествующіе законы. Мертонскій статутъ не былъ отмѣненъ, какъ не были отмѣнены и огораживанія въ силу мѣстнаго обычая. Всѣ земли на 15 миль вокругъ Лондона и большихъ городовъ были подчинены вѣдѣнію парламента, и огораживанія въ нихъ не могли имѣть мѣста безъ его утвержденія, равно и общинныя земли, на которыя имѣютъ права общинники. Исключались отъ дѣйствія закона объ огораживаніи лужайки въ селахъ и городахъ, равно New Forest и Forest of Dean. Какъ гарантія справедливаго производства огораживаній, дѣло изслѣдованія объ огораживаніяхъ было передано изъ рукъ парламентскаго комитета въ руки специальныхъ комиссаровъ (enclosure commissioners), которымъ предоставлялось право не только разслѣдовать дѣло огораживанія, но и заботиться о томъ, чтобы отводить мѣста для народныхъ гуляній, производить обмѣнъ на лучшія земли тѣхъ земель, которыя раньше были отведены бѣднымъ и были дурного качества (съ оговоркою: если на то даво будетъ согласіе землевладѣльца), исправлять нарушенія прежнихъ законовъ, неправильности въ огораживаніяхъ и т. д. Но на дѣлѣ, въ примѣненіи, новый законъ ни въ чемъ не измѣнилъ прежнихъ порядковъ. Въ дѣйствительности онъ явился лишь новымъ средствомъ къ ускоренію огораживаній, а учрежденные комиссары обнаружили своей дѣятельностью, что главнымъ ихъ интересомъ, главной задачей является разрѣшеніе огораживаній, содѣйствіе имъ, а не защита интересовъ сельскаго населенія. Съ 1845 г. по 1869 г. 614,800 акровъ общинной земли были огорожены съ согласія комиссаровъ и утвержденія парламента, и изъ этого количества только 4 тыс. акровъ были выдѣлены изъ огораживанія. 1742 акра отведены подъ мѣста для гуляній и всего 2220 для надѣленія въ видѣ огородовъ и пастбища.

сельскаго рабочаго класса. Въ большей части случаевъ надѣлы были ничтожны и не блестящи по качеству; нерѣдко, какъ то дѣлалось и раньше, отводились они на большомъ разстояніи отъ деревни; съ другой стороны, огораживались земли около города, хотя онѣ были и непригодны для земледѣлія и хотя интересы мѣстнаго населенія требовали бы ихъ сохраненія въ видѣ открытыхъ мѣстъ.

До 1864 года парламентъ безъ всякаго серьезнаго вниманія относился къ издаваемымъ имъ ежегоднымъ актамъ (annual Confirmation Acts). Чтеніе ихъ обратилось въ скучную рутину, такъ мало значенія имѣли они въ глазахъ большинства. Двѣ-три поправки, внесенныя позже въ билль 1845 г., лишь усилили вредное его дѣйствіе. Такъ, актомъ 1848 г. дозволено было выдавать деньги вмѣсто земли, если надѣлъ ея оцѣненъ менѣе 5 ф. ст.

II.

Начало шестидесятихъ годовъ въ Англіи было временемъ, когда впервые стало возникать сначала слабое, а затѣмъ все болѣе и болѣе усиливавшееся движеніе противъ огораживаній, и въ отношеніи этихъ послѣднихъ годы эти представляютъ собою рѣзкую грань въ исторіи англійской земельной политики. Протесты противъ огораживаній и широкихъ размѣровъ, приобретаемыхъ ими въ Англіи, существовали и раньше. Были лица, ясно видѣвшія весь вредъ, приносимый огораживаніями, какъ интересамъ сельскаго рабочаго населенія, такъ и жителямъ городовъ. Но каково бы ни было число такихъ лицъ,—ихъ вліяніе на общественное мнѣніе было совершенно почти ничтожно, и они оказывались безсильными, хотя бы въ малой степени, измѣнить теченіе дѣлъ, добиться законовъ, которые охраняли бы интересы сельскаго населенія. Отмѣна по частному акту проекта какого нибудь огораживанія, въ родѣ проекта объ огораживаніи въ дер. Bucklebury, отмѣна, которой добился John Walter въ 1839 г., доказавши, что доходъ сельскаго населенія, его средства въ жизни упадутъ, благодаря огораживанію, съ 10 до 2 ф. ст., была рѣдчайшимъ явленіемъ. Въ большинствѣ случаевъ всѣ предлагаемые проекты огораживаній проходили въ парламентъ, какъ мы видѣли, почти безъ преній. Громадное большинство общества было увѣрено въ необыкновенной полезности для страны огораживаній. Выдающіеся авторитеты экономическоі науки, не исключая и будущаго противника огораживаній, Джона Стюарта Милля, защищали дѣло огораживаній.

Съ другой стороны, не было сдѣлано ни малѣйшей попытки придать единичнымъ протестамъ хотя бы какую либо организацію; еще менѣе пытались войти непосредственно въ интересы населенія, въ видахъ охраны этихъ интересовъ, защиты ихъ въ судахъ, куда не осмѣливалось обращаться сельское населеніе частію изъ

страха предъ лордомъ и его управителемъ, которые могли во всякую минуту прогнать жалобщиковъ изъ ихъ коттеджей, частію же изъ опасенія полного разоренія, въ виду страшной дороговизны судебного процесса.

Въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ отношеніе и общества, и парламента оставалось тѣмъ же, какъ и въ сороковыхъ годахъ, и, повидимому, не существовало никакихъ серьезныхъ основаній предполагать, чтобы стройный и непрерывный ходъ огораживаній и превращеніе бывшей общинной земли въ собственность лэндлордовъ или прямо, или косвенно (т. е. путемъ скупки ими надѣловъ, полученныхъ отъ огораживаній), былъ остановленъ. Не огороженныхъ земель осталось сравнительно мало. Тѣ изъ нихъ, которыя находились подлѣ городовъ, перестали въ пятидесятихъ годахъ играть роль общинныхъ земель, превратились просто въ пустопорожнія мѣста, мѣста вывоза нечистотъ и т. п. Фактическое осуществленіе общинныхъ правъ жителей становилось все болѣе и болѣе рѣдкимъ; меноріальные суды фригольдовъ и копигольдовъ выходили все больше и больше изъ употребленія. Владѣлецъ мэнора и прилегающаго пустопорожняго мѣста являлся какъ бы единственнымъ олицетвореніемъ правъ собственности на пустошь, цѣнность которой сильно возвышалась, особенно подлѣ городовъ, разроставшихся все болѣе и болѣе. Правда, съ отміной хлѣбныхъ законовъ, то значеніе, какое имѣло расширеніе запашки, увеличеніе культуры, стало падать, но уже до отміны хлѣбныхъ законовъ почти вся лучшая часть англійской почвы была огорожена и обращена въ частную собственность. Огораживаніе оставшейся получало значеніе въ глазахъ лэндлордовъ и крупныхъ владѣльцевъ лишь какъ средство созданія новыхъ парковъ, либо какъ орудіе обогащенія, путемъ продажи загороженной земли частями подъ постройки. Значительная часть того, чего можно было добиться съ помощью огораживаній, уже была достигнута раньше, въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Оставалось закончить дѣло и поглотить остававшуюся еще не огороженною землю. Казалось, что это—не болѣе какъ вопросъ близкаго будущаго, когда дальнѣйшій ходъ огораживаній былъ почти внезапно задержанъ весьма энергической оппозиціей.

Создалась она почти незамѣтно, на почвѣ тѣхъ же принциповъ, которые спорадически проявлялись раньше во всѣхъ протестахъ единичныхъ личностей. Уже въ пятидесятихъ годахъ зародилась она въ небольшомъ кругу лицъ, членовъ парламента, писателей, юристовъ и т. д. Изданныя въ 1862 г. бумаги Гротъ, жены извѣстнаго историка Георга Грота (Collected papers of Mrs Grote), проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на то, какъ возникало это движеніе въ одномъ изъ кружковъ. Положеніе сельскихъ рабочихъ въ Wingham Beches, имѣніи Гренвилей, ихъ нищета, полная зависимость отъ управителя, помѣшавшая имъ добиваться правъ на общинную

землю въ судѣ, печальная картина слѣдствій огораживанія для деревни,—все это произвело сильное впечатлѣнiе на жену Грота и сдѣлало ее пропагандисткой враждебнаго огораживанiямъ мнѣнiя. Ей удалось склонить не мало лицъ въ пользу этого мнѣнiя, убѣдить Джона Стюарта Милля, превратить его въ защитника интересовъ рабочаго сельскаго населенiя и сдѣлать его энергическимъ противникомъ системы огораживанiй. Видимо подобныя же кружки существовали и развивались рядомъ, и, очевидно, создавалось нѣкоторое движенiе въ средѣ общества, теченiе, нашедшее себѣ наиболѣе яркое выраженiе, между прочимъ, въ извѣстной книгѣ Fawcett'a о положенiи сельскихъ рабочихъ (*The economic position of the british labourer*), вышедшiй въ 1865 г.

Дѣло по поводу общинной земли, вѣрнѣе пустопорожняго мѣста въ Wimbledon, подгородной лондонской деревнѣ, возникшее въ 1865 г., послужило первымъ толчкомъ къ проявленiю начавшагося движенiя. Лордъ Уимблѣдонскаго мэнора, графъ Спенсеръ, въ виду полной запущенности общинной земли, обратившейся въ мѣсто вывоза нечистотъ, предложилъ жителямъ селенiя продать $\frac{1}{4}$ этой земли, выкупить вырученной суммой права общинниковъ, а оставшіеся деньги употребить на огораживанiе и улучшенiе пустоши. Пустошь должна была превратиться въ загороженный паркъ, доступный для публики, но находящiйся въ завѣдыванiи какъ графа Спенсера, такъ и довѣренныхъ лицъ, съ правомъ издавать распоряженiя и правила относительно пользованiя паркомъ, въ которомъ графъ Спенсеръ предполагилъ выстроить и домъ для себя. За пользованiе паркомъ устанавливалась съ жителей плата въ пользу лорда, который тѣрялъ доходъ, доставляемый ему пескомъ, вывозившимся съ пустоши.

Случай такого рода подходилъ вполне подъ дѣйствiе Мертонскаго статута, но, какъ всегда бывало при огораживанiяхъ, въ средѣ жителей деревни началось волненiе: часть ихъ нашла невыгоднымъ продажу $\frac{1}{4}$ земли и выкупъ общинныхъ правъ и стала протестовать противъ правъ лорда производить огораживанiе. Специальный комитетъ изъ мѣстныхъ жителей принялся за розыскиванiе старинныхъ документовъ, старыхъ описей (*rolls*), и дѣло перешло было въ парламентъ, назначившiй особую комиссiю изъ 21 члена для разсмотрѣнiя какъ этого дѣла, такъ и вообще состоянiя окрестныхъ лондонскихъ пустошей. Въ прежнее время и при прежнихъ условiяхъ судьбу дѣла можно было бы опредѣлить заранѣе, но въ этотъ разъ оказалось совершенно иное. Вопреки возраженiямъ повѣренныхъ лорда, ихъ ссылкѣ на Мертонскiй статутъ, на то, что огораживанiе лордъ могъ произвести и безъ парламента, хотя бы въ виду того, что жители утратили права отъ долговременнаго непользованiя ими, въ комитетѣ раздались неслыханные прежде голоса, зашла рѣчь объ «общественномъ интересѣ». Не только пересмотрѣно было дѣло по предло-

женію графа Спенсера, но и дѣла по всѣмъ окружающимъ Лондонъ пустошамъ, и большинствомъ голосовъ было принято постановленіе: внести въ парламентъ предложеніе, заключающее въ себѣ требованіе отвергнуть проектъ графа Спенсера, какъ нарушающій права и интересы населенія, отмѣнить дѣйствіе Мертонскаго статута и издать билль, воспрещающій огороживанія въ окрестностяхъ Лондона по закону 1845 г., и учредить особыхъ лицъ для охраны общинныхъ земель и открытыхъ мѣстъ въ территоріи столицы. Комитетъ отвергъ, какъ не имѣющую основанія, ссылку повѣренныхъ лорда на то, что жители давно перестали пользоваться правами на общинныя земли; равно и предложеніе городского управленія: скупить права лордовъ и общинниковъ, продать часть земли подъ постройки и остальную обратить въ мѣста для гулянья и проч.

За преніями въ комитетѣ, за его рѣшеніями слѣдила съ особеннымъ интересомъ вся читающая публика, и непосредственнымъ слѣдствіемъ столь неожиданнаго и непривычнаго рѣшенія дѣла явилось то, что лорды-владѣльцы мэноровъ, не ожидая рѣшенія парламента, воспользовались временемъ и однимъ ударомъ покончить съ вопросомъ объ огороживаніи лондонскихъ пустошей. Повсюду начались огороживанія, повсюду стали готовиться къ нимъ. Огорожены были тысячи акровъ въ разныхъ подгородныхъ мѣстахъ, и, повидимому, борьба комитета съ лордами, владѣтелями мэноровъ, грозила окончиться полнымъ фіаско. Опасность была велика, и впервые для предотвращенія ея было создано общество, получившее названіе Commons preservation Society, общество охраны общинныхъ земель въ окрестностяхъ Лондона, поставившее своею цѣлью оказывать сопротивленіе этимъ огороживаніямъ, этимъ, какъ говорили его члены, открытымъ нарушеніямъ общинныхъ правъ. Инициаторомъ былъ юристъ Лауренсъ, состоявшій въ числѣ членовъ парламентскаго комитета, принадлежавшій къ числу жителей Wimbledon'a, и игравшій главную роль, какъ въ возбужденіи протеста жителей Wimbledon'a противъ проекта графа Спенсера, такъ и въ рѣшеніяхъ и постановленіяхъ парламентскаго комитета. Осенью общество окончательно сформировалось, и въ его составъ вошелъ Дж. Ст. Милль, Чарльзъ Поллокъ, Shaw Lefevre и др., и затѣмъ позже Фоссетъ (Fawcett), Дилкъ, Брайсъ, Гаркуръ и мн. др.

Борьба за общинныя земли вокругъ Лондона была первое время единственной цѣлью дѣятельности общества. Только послѣ вступленія въ составъ его Fawcett'a программа общества была расширена: защита интересовъ сельскихъ обществъ, а не только однихъ городскихъ, и охрана правъ сельскихъ рабочихъ были признаны необходимыми, а само общество превратилось въ общество охраны общинныхъ земель во всей Англіи.

Но уже въ 1865 году на рукахъ у общества оказалось много

дѣлъ, созданныхъ усиленными огораживаніями вокругъ Лондона. Не было такой общины подлѣ Лондона, интересы которой не были бы затронуты, и организація мѣстныхъ комитетовъ являлась вопросомъ первостепенной важности. Предвидѣлся цѣлый рядъ процессовъ, веденіе и иниціативу которыхъ брало на себя общество, и собраніе для этой цѣли необходимыхъ средствъ, розыски документовъ для оправданія и доказательства правъ на общинную землю и т. п., естественно, должны были быть переданы мѣстнымъ комитетамъ. Центральное общество брало на себя общее руководство въ борьбѣ на мѣстѣ и въ судахъ, гдѣ уже сразу возбуждено было нѣсколько исковъ противъ лэндлордовъ, огородившихъ общинныя земли.

Положеніе общества было крайне трудное. Если въ парламентскомъ комитетѣ его члены и составляли большинство, то это не значило еще, что за ними было большинство и въ парламентѣ, что они имѣли опору въ правительствѣ или въ комиссарахъ по дѣлу огораживанія. Совершенно напротивъ. Въ палатѣ, при обсужденіи проекта комиссій, большинство высказалось противъ комиссій (актъ 1866 г.). Мертонскій статутъ не былъ отмѣненъ, а дѣло регулированія общинныхъ земель въ видахъ ихъ улучшенія, регулированія, которое комитетъ желалъ передать особому учрежденію, поручено было тѣмъ же самымъ комиссарамъ, дѣятельность которыхъ съ 1845 года обнаружила съ полною очевидностью, чьи интересы они защищали. Единственной уступкой комитету было разрѣшеніе передать возбужденіе вопроса объ улучшеніяхъ 12 мѣстнымъ плательщикамъ налоговъ. Но за то актъ устанавливалъ тотъ принципъ, что жители данной общины, какъ таковыя, не имѣютъ правъ на общинную землю, и что такимъ правомъ, а слѣдовательно, и правомъ возбуждать вопросъ объ улучшеніяхъ на общинной землѣ обладаютъ, кромѣ лорда, лишь настоящіе общинники,—принципъ, отмѣна котораго удалась членамъ общества лишь въ 1869 г. Такимъ образомъ, становилась неизбежна борьба судебная.

Но и суды представляли крайне ненадежную почву. Многолѣтняя практика, длинный рядъ судебныхъ рѣшеній во все время огораживаній обнаруживалъ со стороны судей то же стремленіе благопріятствовать огораживаніямъ. Старыя судебныя рѣшенія, старая процедура были забыты, и обществу охраны общинныхъ земель приходилось не только защищать начатыя дѣла по существу, но и повліять на суды въ томъ смыслѣ, чтобы побудить ихъ въ рѣшеніи дѣлъ стать на иную точку зрѣнія, принять и возобновить старыя презумпціи закона въ пользу общинниковъ и противъ огораживаній, возобновить и старыя, давно вышедшія изъ употребленія формы процесса, именно, тѣ, въ силу которыхъ старыя суды принимали иски отъ одного общинника, дѣйствовавшего за другихъ.

Вся энергія общества была главнымъ образомъ направлена въ эту сторону, и благодаря ей, благодаря истинно англійскому упорству въ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли, перенесенію дѣлъ изъ обыкновенныхъ судовъ въ Equity courts, тому факту, что нѣкоторые изъ судей, какъ лордъ Ромили и др., раздѣляли стремленія общества,—послѣднему удалось послѣ долгихъ лѣтъ борьбы, послѣ процессовъ, длившихся иногда по 18 лѣтъ, добиться желаемого и создать рядъ судебныхъ рѣшеній, вполне благопріятныхъ для защищаемаго ими дѣла.

Исторія нѣкоторыхъ изъ процессовъ, которые возбудило и вело общество, настолько интересна, такъ живо характеризуетъ приемы, къ которымъ прибѣгало общество, что я позволю себѣ передать нѣкоторые изъ нихъ, особенно тѣ, которые привели къ созданію новыхъ судебныхъ рѣшеній.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ, начатыхъ обществомъ, было дѣло изъ-за огороженія лордомъ Brownlow общинной земли въ 1150 акровъ въ Berkhamsted подлѣ Лондона. Повѣренные лорда, подъ вліаніемъ рѣшеній комитета, вошли въ соглашеніе только съ 37 фригольдами и 7 копигольдами, отвели имъ кусокъ земли въ 43 акра, взяли росписки въ согласіи на огораживаніе, и въ февралѣ 1866 г. вся захваченная земля оказалась уже загороженной высокой желѣзной рѣшеткой, безъ выходныхъ воротъ, такъ что даже проѣзжія дороги оказались закрытыми. То была настоящая экспроприація, и когда въ газетахъ появились протесты,—повѣренные лорда заявили, нисколько не стѣсняясь, что «публика столь же мало имѣетъ права ходить по огороженной общинной землѣ, какъ и по любому саду, принадлежащему частному лицу, и что всякій проѣзжающій или проходящій чрезъ нее будетъ разсматриваться, какъ нарушитель чужого права» (Times, 16 февр. 1866).

Обществу приходилось имѣть дѣло въ данномъ случаѣ съ однимъ изъ дѣятельныхъ и могущественныхъ лэндлордовъ, и поэтому найти лицо, которое рѣшилось бы начать искъ противъ лорда и которое обладало бы правами на общинную землю, было крайне трудно: ни одинъ изъ фригольдовъ или копигольдовъ не рѣшался бороться съ сильнымъ лордомъ. Но въ числѣ довольно богатыхъ собственниковъ округа удалось найти обществу лицъ съ правами на огороженную землю, и оно прибѣгло къ слѣдующей оригинальной и чисто англійской мѣрѣ. Было рѣшено обществомъ прибѣгнуть къ старинному способу дѣйствія: къ уничтоженію огораживанія путемъ простого сноса возведенной ограды и притомъ такого, которому трудно было бы воспрепятствовать. Съ этой цѣлью нанять былъ подрядчикъ, который обязался доставить ночью въ Berkhamsted 120 сильныхъ рабочихъ. Въ полночь, 6 марта 1866 г. экстренный поѣздъ отправился изъ Лондона съ этими рабочими, снабженными въ изобиліи всѣмъ необходимымъ. Въ 1 ч. 30 м. ночи рабочіе были на мѣстѣ, но дѣло едва не разстроилось. Подряд-

чикъ передалъ подрядъ другому лицу. Это послѣднее оказалось непригоднымъ къ дѣлу, вслѣдствіе излишняго употребленія виски, и только благодаря тому, что юристъ Лауренсъ, членъ общества, послалъ своего клерка, работа была начата. При лунномъ свѣтѣ процессія рабочихъ двинулась къ огорожѣ и къ 7 ч. утра вся желѣзная рѣшетка, танувшаяся на 2 мили, была тщательно раздѣлана, сложена безъ малѣйшей порчи, и огороживаніе было уничтожено: земля опять стала свободной. Прибывшіе бѣгомъ агенты лорда могли лишь констатировать совершенный актъ при громадномъ стеченіи публики, собравшейся со всѣхъ сторонъ, кто пѣшкомъ, кто въ экипажѣ и т. д., и затѣмъ начать противъ виновнаго, т. е. лица, найденнаго обществомъ и отъ имени котораго велось дѣло, м-ра Смита, искъ о насильственномъ нарушеніи владѣнія. По внушенію общества встрѣчный искъ былъ предъявленъ Смитомъ въ канцлерскомъ судѣ уже прямо по вопросу о томъ, что лордъ мэнора не имѣлъ права огороживать пустошь.

Вся исторія мэнора была подвергнута со стороны общества—и главнымъ образомъ Лауренсомъ—самому тщательному изученію, отысканы были всѣ судебныя рѣшенія, когда либо возникавшія изъ за общинной земли, всѣ описи деревни, начиная съ 1300 г. Оказалось, что жители общины пользовались въ широкихъ размѣрахъ общинной землей и какъ пастбищемъ, и какъ сѣнокосомъ и т. д., что въ XVII в. община насчитывала въ своей средѣ до 186 фригольдовъ и 57 копигольдовъ, пользовавшихся всѣми правами общинниковъ. Съ другой стороны, протоколы судовъ обнаружили, что уже въ XVII в. были дѣлаемы попытки къ огороживанію, что принцъ Уэльскій (впослѣдствіи Карлъ I) огородилъ 300 акровъ изъ 1480, но съ обязательствомъ оставить остальную землю въ общинномъ пользованіи; что затѣмъ, при новомъ владѣльцѣ, сдѣлана была попытка произвести новое огороживаніе, вызвавшее совершенно такую же сцену снесенія изгороди, какую Смитъ произвелъ въ 1866 г., и что палата лордовъ, на судъ которой были представлены виновные въ снятіи загорожи, не рѣшилась произнести обвинительный приговоръ и т. д.

Съ такими то документами Смитъ и предсталъ на судѣ, требуя возстановленія своего права и права всѣхъ общинниковъ на общинную землю въ Berkhamstedt'ѣ. 4 года танулось дѣло, четыре года писались и читались бумаги, акты, документы, 4 года шли пренія совершенно въ родѣ тѣхъ, которыя съ такимъ талантомъ изобразилъ Диккенсъ, и, наконецъ, въ январѣ 1870 года лордъ Ромилли вынесъ рѣшеніе всецѣло въ пользу Смита, а слѣд. и общества охраны общинныхъ земель. «Жалобщикъ, т. е. Смитъ, доказалъ, объявилъ Ромилли, что онъ имѣетъ право иска и какъ копигольдъ, и какъ фригольдъ мэнора, доказалъ и права общины пасти скотъ, косить траву, брать топливо съ общинной земли. Нужно было лорду мэнора доказать, что онъ имѣлъ право огора-

живать и что онъ (согласно мертонскому статуту) отвелъ достаточно земли для общинниковъ. Но онъ не доказалъ этого. Собственно говоря, попытка лорда огородить землю была лишь возобновленіемъ попытокъ 1638, 1642 годовъ, попытокъ огородить именно ту же самую землю, попытокъ, которыя также мало могутъ найти оправданія теперь, какъ мало находили они его въ XVII в..

То была крупная побѣда, выигранная обществомъ, державшимъ теперь въ своихъ рукахъ сильное орудіе—судебное рѣшеніе, на которое можно было опираться въ дальнѣйшей борьбѣ и которое должно было сдерживать дальнѣйшія попытки къ огораживанію по мѣрѣ мертонскаго статута.

Годъ спустя общество выиграло и друдой процессъ, начатый противъ королевской коллегіи (Queen's College) въ Оксфордѣ, огородившей въ 1865 г. около 170 акровъ общинной земли. Члены общества начали въ общинѣ Plumstead сильнѣйшую агитацію, собирали митинги и вызвали такое одушевленіе въ средѣ общинниковъ, что въ 1866 г. искъ былъ предъявленъ. Напрасно повѣренные коллегіи оспаривали у истцовъ право вчинять искъ, отрицали за ними права на общинныя земли, напрасно ссылались на то, что за послѣдніе годы коллегія не допускала новыхъ фригольдовъ въ меноръ, что старые фригольды не уплачивали слѣдующей ренты, а слѣдовательно, утратили право на общинную землю; напрасно утверждали, что разъ нѣтъ фригольдовъ — waste можетъ быть огорожена по мертонскому статуту вся, цѣликомъ. Исторія общины, развернутая адвокатами общества предъ судомъ, масса старинныхъ документовъ, еще болѣе значительная, чѣмъ по дѣлу общ. Berkhamstead,—сдѣлали то, что дѣло было проиграно коллегіей, и въ первой инстанціи, и въ апелляціонномъ судѣ. И, что было особенно важно,—окончательное рѣшеніе устанавливало рядъ существенныхъ для общества принциповъ, а именно: 1) что любой фригольдъ менора, вчиняющій искъ на основаніи давности и предполагаемаго пожалованія въ старыя времена, можетъ вести искъ какъ за себя, такъ за другихъ фригольдовъ; 2) если общинныя права были примѣняемы на дѣлѣ общинниками въ теченіе многихъ лѣтъ, судъ долженъ стараться найти законное для нихъ основаніе; 3) если общинныя права были примѣняемы на дѣлѣ фригольдами менора, а также и вообще жителями деревни, судъ долженъ всегда предполагать, что и остальные жители, а не одни фригольды, предъявляютъ свое право чрезъ посредство фригольдовъ; и 4) что фригольдъ менора, если онъ прекращаетъ уплату ренты и пренебрегаетъ заявленіемъ требованія о допущеніи его вновь къ пользованію, не теряетъ своихъ правъ по отношенію къ лорду.

Это было настолько значительнымъ расширеніемъ исковыхъ правъ общинниковъ, что теперь ни малѣйшія попытки къ огораживанію безъ согласія всѣхъ общинниковъ не могли имѣть успѣха.

Благодаря такимъ рѣшеніямъ почти всѣ процессы были выиграны обществомъ *) и огораживанія, или сдѣланныя въ 1865 году, или только начатыя, были приостановлены; въ нѣкоторыхъ случаяхъ земли были изъяты изъ рукъ лорда и переданы общинѣ.

Всѣ судебныя процессы, начатыя обществами въ 1866 и посл. годахъ, касались исключительно общинныхъ земель одного только Лондона. Обезпечить для городского населенія возможно большее пространство открытыхъ мѣстъ, сохранить для Лондона «обширный резервуаръ чистаго и свѣжаго воздуха», — такова была главная цѣль, которую поставило себѣ общество. Съ 1869 г., какъ мы говорили, задачи общества сразу были расширены, и дѣятельность его была перенесена за предѣлы Лондона, обращена на охрану и защиту сельскихъ общинныхъ земель, отстаиваніе интересовъ и сельскихъ рабочихъ. Вступленіе въ число дѣятельныхъ членовъ общества Fawcett'a было главной причиной этой перемѣны въ программѣ его дѣятельности.

Судебныя рѣшенія XVII вѣка, повторенныя позже, поставили, какъ мы видѣли, цѣлый классъ сельского населенія, классъ наименѣе обеспеченныхъ сельскихъ рабочихъ, въ совершенно беззащитное положеніе по отношенію къ огораживаніямъ. Ничтожныя клочки земли, да и то не всегда, отводились рабочимъ, по якобы добровольному согласію, взаимнѣ фактическихъ правъ ихъ на пастбище и т. п. Въ ежегодныхъ проектахъ биллей, вносимыхъ съ 1845 г. *inclosures commissioners* въ парламентъ, на сотни и тысячи акровъ, предлагаемыхъ къ огораживанію, отмѣчалось едва нѣсколько акровъ для возмѣщенія потерь сельскихъ рабочихъ. Такого же рода билль представленъ былъ палатѣ и въ 1869 г.: 6916 акровъ предлагалось огородить въ нѣсколькихъ общинахъ, а для рабочихъ отводилось 6 акровъ, которые должны были быть раздѣлены между всѣми ими, да для мѣста подъ гулянія и проч. назначалось 3 акра. То была обычная форма билля, и, согласно установившейся рутинѣ, парламентъ, обыкновенно, утверждалъ, такіе билли. Случайно выдѣлялась какая нибудь одна община, по требованію кого либо изъ членовъ палаты, для обсужденія въ комиссіи, объ остальныхъ не говорили. Была выдѣлена и въ 1869 г. одна такая община, и въ тотъ моментъ, когда передача состоялась, Fawcett потребовалъ права голоса по вопросу о передачѣ въ комиссію всего билля цѣликомъ. Правительство съ крайнимъ неудовольствіемъ отнеслось къ предложенію, возстало противъ него, и Fawcett'у пришлось высиживать цѣлый рядъ ночей, отъ начала до конца засѣданій, чтобы не пропустить момента третьяго чтенія билля. Только 9 апрѣля 1869 г. вопросъ былъ поставленъ на очередь, и Фоссету удалось произнести рѣчь въ защиту интересовъ сельскихъ рабочихъ. Рѣчь была одною изъ самыхъ выдающихся въ парламентской дѣятельности Фоссета и

*) Изъ 18 дѣлъ 16 были выиграны.

сраженіе съ правительствомъ было имъ выиграно: билль цѣликомъ былъ переданъ въ комиссію, въ которую было избрано и нѣсколько членовъ общества. Дѣйствія комиссаровъ были подвергнуты самому тщательному разсмотрѣнію, и для всѣхъ оказалось яснымъ, что образъ ихъ дѣйствій прямо направленъ ко вреду сельскаго рабочаго люда, что никакого вниманія на нужды его они не обращаютъ, и потому, по настоянію Фоссета и др., комиссія постановила предложить парламенту рядъ мѣръ, какъ для исправленія акта 1845 г., такъ и для болѣе правильной организаціи дѣла огораживаній. Она настаивала на необходимости назначать такіе часы при обсужденіи на мѣстѣ вопроса объ огораживаніи, какіе наиболѣе удобны для рабочихъ, чего почти никогда не дѣлали комиссары, потребовала измѣненія и размѣровъ надѣла, которые были признаны совершенно неудовлетворительными. Наконецъ, заявила требованіе приостановиться съ утвержденіемъ биллей до окончательной выработки новаго закона. Но въ парламентѣ, не смотря на энергическую оппозицію Фоссета, правительство добилось принятія ежегоднаго билля, и только два года спустя, въ 1871 г. вопросъ по поводу предложеній комиссіи былъ поставленъ на обсужденіе. Но и въ этотъ разъ попытка придти на помощь рабочимъ осталась безуспѣшными и встрѣтила сильнѣйшую оппозицію. Правда, попытка была и сама по себѣ крайне неудачная, являлась только полумѣрой, тѣмъ болѣе опасной, что она заключала въ себѣ косвенное признаніе огораживаній. Shaw-Lefevre внесъ билль, заключающій въ себѣ предложеніе, чтобы во 1) во всѣхъ случаяхъ огораживанія отводилась $\frac{1}{10}$ часть земли для рабочихъ и для гуляній при 500 акрахъ и менѣе, и 50 акровъ, если огораживаніе касалось большаго числа акровъ, а во 2) чтобы были воспрещены всякаго рода огораживанія на извѣстномъ разстояніи отъ городовъ (отъ 1 мили для городовъ съ 5 т. населеніемъ, до 6 миль — съ 20 т.). Но даже и въ этой крайне умѣренной формѣ билль былъ отвергнутъ послѣ рѣчи лорда Сольсбери въ палатѣ лордовъ, заклеившаго предложенную мѣру названіемъ открытаго нарушенія правъ собственности въ пользу какихъ то третьихъ лицъ, не имѣющихъ ровно никакихъ правъ на землю и даже права иска изъ за нея. Одинъ злосчастный лордъ, отказавшійся поддерживать билль, заслужилъ титулъ «адвоката ословъ и гусей».

Кампанію пришлось отложить въ парламентѣ, и только въ 1876 г. борьба была возобновлена вновь. Общество не переставало вести агитацію, обращалось постоянно къ общественному мнѣнію, возбуждало его и путемъ митинговъ, и посредствомъ прессы, и добилось, наконецъ, того, что консервативное министерство, подъ давленіемъ измѣнившагося общественнаго настроенія, сочло себя вынужденнымъ внести билль объ исправленіи нѣкоторыхъ статей закона 1845 г. Правительственный проектъ, внесенный Кроссомъ, предлагалъ ввести новыя правила для регулированія огораживаній

сельскихъ общинныхъ земель, а именно: обращать ихъ въ предметъ общаго пользованія, но не иначе, какъ если $\frac{2}{3}$ общинниковъ (не поголовно, а по размѣру цѣнности ихъ правъ), а также и прежде всего лордъ мэнора дадутъ на то свое согласіе. Мѣра, — оставшаяся далеко позади сельскія общины сравнительно съ Лондономъ, гдѣ по акту 1866 года регулированіе могло имѣть мѣсто, если того требовали одинъ или нѣсколько общинниковъ, все равно, будетъ ли при этомъ согласіе лорда или нѣтъ. Всѣ усилія членовъ общества были направлены, въ виду такого проекта, къ тому, чтобы добиться въ парламентѣ расширенія и измѣненій его, такъ какъ въ дѣйствительности онъ являлся прежде всего выгоднымъ для лэндлорда и дѣлалъ фактически мало возможнымъ какое бы то ни было регулированіе общинныхъ земель. Критика проекта была самая беспощадная. Указано было, что, вопреки рѣшеніямъ коммисіи 1869 года, правительственный проектъ предоставляетъ коммисіонерамъ по огораживанію прежнюю дискреціонную власть, что правительство не предложило никакой мѣры, которая ослабила бы произволъ, господствующій въ дѣлѣ захватовъ лэндлордами общинныхъ земель, особенно въ случаяхъ огораживаній, которые производились помимо вѣдѣнія парламента и могли быть отчасти приостановлены лишь при помощи долгихъ и дорого стоящихъ процессовъ, что интересы сельскихъ рабочихъ вовсе почти не гарантируются правительственнымъ предложеніемъ и т. д. Но всѣ усилія поставить вопросъ на широкую почву оказались безуспѣшными. При первомъ чтеніи правительственный билль былъ принятъ подавляющимъ большинствомъ 234 противъ 98. Оставалось бороться на почвѣ поправокъ къ отдѣльнымъ статьямъ законопроекта, и лишь здѣсь удалось добиться кое какихъ измѣненій, выгодныхъ для интересовъ и сельскихъ рабочихъ, и публики вообще. Члены общества (одновременно и члены палаты) заставили палату принять постановленіе, требовавшее, чтобы inclosures commissioners не приступали къ акту огораживанія, пока они не убѣдятся окончательно, что огораживаніе не стоитъ въ противорѣчій съ интересами какъ сосѣднихъ мѣстностей, такъ и частныхъ лицъ, пока, затѣмъ, не примутъ мѣръ къ полному ознакомленію всѣхъ мѣстныхъ жителей путемъ митинговъ, собираемыхъ въ часы, въ которые и сельскіе рабочіе могутъ присутствовать на нихъ, съ проектированнымъ огораживаніемъ. Затѣмъ удалось настоять на томъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ разрѣшенныхъ огораживаній сохранялись бы для общаго пользованія дороги и тропинки, ведущія къ вершинамъ холмовъ и горъ и вообще къ мѣстамъ съ красивыми видами. Съ другой стороны, внесено было, по настоянію членовъ общества, и предложеніе о правѣ мѣстныхъ учреждений, санитарнаго надзора и т. д. опротестовывать огораживанія. То былъ рядъ отрицательныхъ мѣръ, которыми можно было пользоваться съ успѣхомъ при обсужденіи

ежегодныхъ биллей объ огораживаніяхъ, добиваясь съ помощью ихъ отміны огораживанія, и только. Съ этой стороны членамъ общества удалось достигнуть кое какихъ результатовъ въ ту же сессію парламента: ежегодный билль, предложенный комиссарами по огораживаніямъ былъ возвращенъ имъ для передѣлокъ и дополненій, и оказалось, что послѣ того сами комиссары должны были признать идущими въ разрѣзъ съ общественными интересами 18 огораживаній изъ 38, предложенныхъ ими. Но за то, всѣ усилія членовъ общества добиться уничтоженія права veto со стороны лорда въ случаяхъ регулированія общинныхъ земель, отміны мертонаскаго статута и всякаго рода произвольныхъ огораживаній, производимыхъ помимо парламента, остались тщетными. Палата сдѣлала одну лишь уступку: она обязала лицъ, желающихъ произвести огороживаніе въ силу мертонаскаго статута или инымъ способомъ, безъ вѣдома парламента, доводить до всеобщаго свѣдѣнія о томъ публикаціей въ газетахъ за три мѣсяца до производства огораживаній.

Обществу оставалось рассчитывать на будущее, на проявившееся все замѣтнѣе и замѣтнѣе измѣненіе общественнаго мнѣнія, на торжество начатыхъ и продолжавшихся процессовъ, въ большинствѣ случаевъ выигрываемыхъ имъ и въ свою очередь оказывавшихъ все большее и большее вліяніе на умы.

Въ теченіе послѣдующихъ 17 лѣтъ неустанной борьбы общество достигло нѣкоторыхъ новыхъ успѣховъ въ началомъ дѣлѣ, завершившихся въ 1893 г., но далеко еще не полныхъ.

Актomъ 1876 г. создавалась постоянная парламентская коммисія, куда должны были поступать всѣ предположенія и проекты огораживаній и регулированій общинныхъ земель, совершаемыхъ на основаніи акта 1876 г. Въ коммиссію попало два члена изъ общества, и ихъ энергія сельскія общины и особенно сельскіе рабочіе обязаны были тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ проекты огораживаній общинныхъ земель были отвергнуты. Такъ было, на примѣръ, съ общинной землей въ д. Maltby, огораживаніе которой вызвало сильные протесты. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ добиться этого оказывалось невозможнымъ, — удавалось увеличить размѣръ земли, отводимой подъ гулянья и въ пользу рабочихъ. Съ 1876 по 1892 г., благодаря агитаціи общества, лишь 24 общинныя земли, въ общей сложности въ 25600 акровъ, были огорожены, но изъ нихъ уже 498 акровъ отведены были подъ мѣста для гуляній и 289 въ пользу сельскихъ рабочихъ. За то изъ общей суммы всѣхъ проектовъ объ огораживаніи двѣ трети были отвергнуты. Затрудненія, создаваемые огораживаніямъ со стороны членовъ, привели къ полной почти пріостановкѣ огораживаній въ концѣ 80-хъ годовъ и въ началѣ текущаго десятилѣтія.

Рядомъ съ этимъ создавались и инныя, еще болѣе важныя послѣдствія. Обсужденіе каждаго изъ проектовъ огораживанія, какъ въ

коммисіи, такъ и въ парламентѣ и прессѣ, усиливало и укрѣпляло убѣжденіе въ необходимости болѣе радикальнаго измѣненія существующаго законодательства объ огороживаніяхъ. Почти при каждомъ обсужденіи проекта огороживанія той или иной земли, коммисіи приходилось сталкиваться съ угрозой со стороны заинтересованныхъ лицъ, что, если огороживаніе не будетъ утверждено, то они обратятся къ помощи мертонаго статута. При такихъ условіяхъ объ отводѣ земли для рабочихъ, естественно, не было уже и рѣчи, и не разъ коммисія вынуждена была дѣлать уступки, какъ въ случаѣ съ общиной Thurstaston, гдѣ коммисіи удалось выторговать лишь 45 акровъ подъ мѣсто для гуляній, взаимнѣ согласія ея утвердить огороживаніе. Съ каждымъ годомъ все яснѣе и яснѣе становилось то противорѣчіе, какое существовало между закономъ даже 1876 г. и статутами, допускающими огороживаніе безъ вѣдома парламента.

Въ 1879 г. коммисія указала на это противорѣчіе парламенту. «Разъ существуетъ, докладывала коммисія, для сторонъ возможность путемъ соглашенія огородить общинную землю, — всѣ благія намѣренія парламента относительно покровительства сельскимъ рабочимъ, относительно здоровья, удобства и пользы для жителей окажутся безплодными. Очевидно, что существующіе законы совершенно подрываютъ свободную дѣятельность коммисіи, противорѣчатъ стремленіямъ парламента, ибо какъ же можетъ быть иначе, когда коммисіи грозятъ, что, если она не утвердитъ условій огороживанія, принятыхъ большинствомъ заинтересованныхъ, — оно, это большинство, обойдется безъ коммисіи и безъ помощи парламентскаго акта?» Необходимость отмѣны тѣхъ законовъ, которые открывали заинтересованнымъ лицамъ возможность обходиться безъ парламента, благодаря такого рода заявленіямъ, повторявшимся чуть не ежегодно, чувствовалась все болѣе и болѣе, и общество, уже съ перваго момента своего существованія потребовавшее этой отмѣны, стало употреблять всѣ усилія и всю энергію для достиженія этой отмѣны. Съ 1880 по 1890 г. не переставали члены общества настаивать на обсужденіи билля объ отмѣнѣ мертонаго статута. Въ 1890 г., по инициативѣ лорда Мита, былъ внесенъ на обсужденіе проектъ отмѣны мертонаго статута. Въ палатѣ лордовъ предложеніе энергически поддерживалъ Гершель, заявившій, что, если статутъ этотъ такъ упорно охранялся, то единственно въ надеждѣ не дать возможности общинникамъ путемъ суда оказывать сопротивленіе огороживанію, и что этой эгоистической политикѣ необходимо положить предѣлы. Палата лордовъ выслушала рѣчь и отвергла проектъ.

Тогда общество охраны рѣшило поднять вопросъ, но уже на новой почвѣ и на иныхъ основаніяхъ. Въ 1887 году прошелъ билль о выкупѣ копигольдскихъ держаній и уничтоженіи ихъ. Биллемъ этимъ и задумало воспользоваться общество для нанесенія удара

мертонскому статуту и огороживаніямъ въ силу мѣстнаго обычая, т. е. тѣмъ двумя способамъ огораживанія, которые не требовали согласія парламента. Мы видѣли выше, какъ путемъ созданія новыхъ копигольдовъ лэндлорды успѣвали, подѣ формой согласія этихъ новыхъ копигольдовъ, огораживать общинныя земли. Съ изданіемъ закона 1887 г. созданіе новыхъ копигольдовъ было прекращено, и кромѣ того внесена въ законъ статья, гласившая, что пожалованія земель лордомъ мэнора не могутъ впредь имѣть мѣста безъ предварительнаго согласія комиссаровъ огороживанія или *land commissioners*, какъ ихъ стали называть съ преобразованиемъ прежнихъ *inclosures commissioners* въ *land commission*. Статьею этою и воспользовалось общество, чтобы въ 1893 году внести предложеніе о примѣненіи ея и къ случаямъ огораживанія по мертонскому статуту. По существу такое предложеніе было равносильно отміну статута, ибо подчиняло огораживанія вѣдѣнію *land commission*; такъ это и было понято въ палатѣ и вызвало энергическій протестъ со стороны лорда Сольсбери. «Билль этотъ, говорилъ онъ, есть простое отнятіе у лэндлордовъ того права, которымъ они обладали въ теченіе 6 столѣтій, отнятіе безъ всякаго вознагражденія, безъ всякой даже тѣни компенсаціи.... Я не думаю, чтобы статутъ этотъ былъ теперь причиной хотя бы малѣйшаго зла. Напротивъ, я твердо убѣжденъ, что въ прошлое время онъ принесъ не мало добра, что ему то главнымъ образомъ мы обязаны широкой обработкой даже наименѣе плодородныхъ мѣстностей нашей страны. Но, какъ бы то ни было, права, данныя статутомъ лэндлордамъ, сохранены были имъ безъ возраженій въ теченіе 6 столѣтій, и было бы, поэтому, противно всѣмъ принципамъ, которыми парламентъ гарантируетъ неприкосновенность собственности, чтобы эти права, эта собственность были отняты безъ вознагражденія.» Въ заключительной рѣчи, сказанной имъ же, билль сравнивался съ актами споліаціи. Но, когда дѣло дошло до голосованія билля въ палатѣ лордовъ, той палатѣ, которая, почти въ полномъ единодушіи съ палатой общинъ, упорно отвергала отміну мертонскаго статута и въ 1886, и въ 1869, и въ 1871—2, и въ 1876, и въ 1890, билль оказался принятымъ большинствомъ 32 противъ 23, а въ палатѣ общинъ онъ прошелъ безъ преній и безъ малѣйшей оппозиціи.

Одна изъ главныхъ задачъ, поставленныхъ обществомъ, была благодаря этому достигнута. Если формально статутъ и не былъ отміненъ, то на дѣлѣ обращенъ въ простую формальность. Благодаря новому биллю, всякій лордъ мэнора, намѣревающийся произвести огораживаніе согласно мертонскому статуту, долженъ получить на то прежде всего согласіе *land commission* или, проще, министерства земледѣлія. А это требуетъ публичности, открываетъ широкое поле для возраженій и со стороны общинниковъ, и со стороны публики тѣмъ болѣе, что требованіе о публикаціи въ газетахъ намѣренія огородить землю осталось въ полной силѣ. Но билль идетъ далѣе,

такъ какъ требуетъ, чтобы министерство, давая согласіе или отказывая въ немъ, руководилось однимъ основнымъ принципомъ, высказаннымъ отчасти и въ актѣ 1876 г., принципомъ, гласившимъ, что для согласія требуются ясныя доказательства полного соответствія огороживанія съ общественной пользой. Общественная польза,—таково основаніе огороживаній по статуту мертонскому въ новой его редакціи, созданной биллемъ 1893 г., таковъ основной принципъ его, прямо противорѣчащій всѣмъ притязаніямъ владѣтелей меноровъ. И если бы оказалось, что министерство дало разрѣшеніе на огороживаніе вопреки этому принципу,—право иска каждого изъ общинниковъ, признанное рѣшеніемъ суда по дѣлу общины Plumstead, въ связи съ публичностью производства дѣла огороживанія и другими англійскими гарантіями, открываетъ возможность исправленія одѣланнаго...

Таковъ былъ ходъ и результаты почти тридцатилѣтней борьбы, которую, при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ, задумала вести кучка лицъ, сгруппировавшихся въ Commons preservation Society. Борьба, разумѣется, еще не закончена: многое изъ того, противъ чего протестовало это общество, отмѣны чего оно требовало, продолжаетъ существовать. Въ дѣлѣ, напр., регулированія общинныхъ земель, предназначенныхъ для общаго пользованія, право veto лорда сохранено, не всѣ общинныя земли, особенно сельскія, отданы подъ покровительство мѣстныхъ органовъ управленія, актъ о столичныхъ общинныхъ земляхъ, предоставляющій значительную долю участія въ регулированіи общинныхъ земель мѣстнымъ плательщикамъ, еще не распространенъ на сельскія общины. Но тѣмъ не менѣе достигнуто главное—задержано то свободное и почти безконтрольное распоряженіе общинными землями, которое принадлежало прежде лэндлордамъ къ ущербу сельскаго населенія, а въ сферу поземельной политики внесены принципъ, не примѣнявшійся прежде,—принципъ общественныхъ интересовъ.

Одинъ изъ историковъ движенія, участникъ его, Shaw-Lefevre, замѣчаетъ, что, если бы актъ 1893 г. прошелъ тридцать лѣтъ назадъ, ни одно изъ тѣхъ огороживаній, изъ за сопротивленія которымъ потрачено столько силъ и столько средствъ, не было бы даже и задумано. Но не одинъ только актъ 1893 г. былъ позднимъ средствомъ исправленія того, что говорилось за 30 лѣтъ. Сама дѣятельность общества охраны общинныхъ земель явилась такой же поздней реакціей послѣ болѣе чѣмъ двухвѣковой работы разрушенія общинныхъ земель. Обществу пришлось охранять или, вѣрнѣе, бороться за охрану уже ничтожныхъ остатковъ нѣкогда бывшихъ общинныхъ земель, и въ этомъ отношеніи его заслуга болѣе отрицательнаго, чѣмъ положительнаго характера. Для сельскаго рабочаго населенія общества удалось сдѣлать лишь очень немногое. Основой для положительной въ будущемъ дѣятельности его можно признать лишь проведеніе принципа объ общественныхъ интересахъ.

И. Лучицкій.

НА СТАНЦИИ.

Романъ Елены Белау.

(Переводъ съ нѣмецкаго Т. Криль).

(Окончаніе).

Ровно въ четыре часа пришелъ Коппертъ. Войдя въ комнату и поздоровавшись съ Гастельмейеромъ и Олли, онъ сказалъ:

— Гастельмейеръ, какъ ты думаешь, можно мнѣ впустить сюда собаку, свою астральную собаку?

— Конечно!

Онъ вышелъ изъ комнаты крупными, легкими шагами и вернулся съ своей собакой, желтой, растрепанной охотничьей собакой. Собака смотрѣла на него, не сводя глазъ, глубокимъ, преданнымъ взглядомъ. Они, казалось, были въ большой дружбѣ.

— Астральная собака?—съ улыбкой спросила Олли, поглаживая ее по спинѣ.

— Посмотрите на насъ,—сказалъ Коппертъ.

Дѣйствительно, между ними было какое-то сходство. Оба худощавые, энергичные, сосредоточенные; его взглядъ также напоминалъ взглядъ собаки.

— Вы понимаете, что это значить?

— Да, кажется, — сказала Олли, — астральное тѣло, это какъ будто нашъ двойникъ, который неотступно за нами слѣдуетъ.

— Вѣрно,—сказалъ Коппертъ.—Ну, теперь ложись, кушъ!

Скоро между ними завязался оживленный разговоръ. Коппертъ осмотрѣлъ картины Олли и многія похвалилъ. Про одну голову онъ сказалъ:

— Хорошая работа, зрѣлая,—а сколько вамъ можетъ быть лѣтъ? Двадцать, двадцать два?

— Да.

— А мнѣ тридцать шесть, и я бы лучше не написалъ. У кого вы учились?

Олли сказала. Она была такъ счастлива... Наконецъ, при-

шло настоящее счастье. Ничья похвала не могла быть так приятна для нея, какъ, именно, Копперта. И говорилъ онъ такъ искренно и серьезно; она не могла не вѣрить ему. Сама она говорила мало.

— Вы, должно быть, немного охрипли?—спросилъ Коппертъ.

— Къ несчастью, да.—Она покраснѣла до корней волосъ, этотъ голосъ приводилъ ее въ отчаяніе. Ей казалось настоящимъ несчастьемъ, что она говорила такъ хрипло. Ея радость была испорчена, она вдругъ почувствовала себя больной, несчастной.

Коппертъ замѣтилъ перемену въ ея настроеніи.

— Какая досада,—сказалъ онъ,—что я вамъ объ этомъ напоминаю. Ну, да это скоро пройдетъ. Вы удивительно счастливый человѣкъ, по моему: у васъ огромный талантъ, славный мужъ и притомъ еще вы такъ молоды.—И такая прелестная, такая трогательная,—добавилъ онъ про себя.

Они только что разговорились какъ слѣдуетъ, когда въ передней раздался звонокъ. Явилось все семейство Олли: мать, Эрвинъ и Эмиль. По лицу Олли прошла тѣнь. Удовольствіе было нарушено.

Вновь пришедшіе давно знали Копперта по имени. Его работы часто служили темой оживленныхъ споровъ. Они разбирали его со всѣхъ сторонъ и даже ссорились изъ-за него; споры о художественныхъ и литературныхъ вопросахъ составляли ихъ общую страсть.

Госпожа Ковальская была очень довольна, встрѣтивъ у зятя такого человѣка. Она сразу приняла съ нимъ товарищескій тонъ, сыпала техническими выраженіями; новыя слова—импрессионизмъ, символизмъ—кружились надъ его головой, какъ рой комаровъ, отъ которыхъ онъ не могъ отдѣлаться. Ей хотѣлось импонировать ему, кромѣ того, она считала его однимъ изъ своихъ и отчасти хотѣла просвѣтить его... Вѣдь она была специалисткой по всѣмъ вопросамъ, касающимся новѣйшаго искусства. А онъ съ трудомъ разбирался въ томъ, что она говорила, и думалъ про себя:

— Что это за птица?

Они всѣ хоромъ принялись жаловаться на преслѣдованія, какимъ подвергается новѣйшее искусство, всѣ—даже Эмиль.

— Проклятіе! проклятіе! проклятіе! — восклицалъ онъ.—Люди ничуть не лучше кабановъ!

— Позвольте!—сказалъ, наконецъ, Коппертъ, обращаясь къ матери расхворившагося мальчика,—во первыхъ, я не знаю никакого новѣйшаго искусства, я не понимаю, что вы подъ этимъ подразумеваете. Во вторыхъ, самъ я ничего не понимаю въ искусствѣ. Хоть убейте меня, я не умѣю о немъ говорить. Меня просто удивляетъ, какъ вы все это знаете. А въ треть-

ихъ позвольте узнать, что это за юный господинъ высказываетъ такіа рѣшительныя мнѣнія? Хлѣбецъ-то, кажется, недопеченный.

— Что вы говорите?—переспросила она.

— Ну, да, знаете, бываетъ такой плохо пропеченный хлѣбъ—съ одной стороны подгорѣлъ, а съ другой совсѣмъ сырой.

Всѣ трое переглянулись, нѣсколько смущенные; они поняли, что Коппертъ подразумѣвалъ Эмиля.

— Сколько вамъ лѣтъ, юноша?—спросилъ онъ.

— Ему семнадцать лѣтъ,—отвѣтила матушка,—для своего возраста онъ замѣчательно развитъ.

— А что, молодой человѣкъ,—продолжалъ онъ, не хотите ли вы хоть не надолго ко мнѣ, въ ежовыя рукавицы? Вы чѣмъ собственно намѣрены быть?

— Художникомъ,—тихонько отвѣтилъ Эмилъ.

— Такъ. Чортъ возьми! А до тѣхъ поръ вы думаете быть художественнымъ критикомъ? Недурно! Богъ свидѣтель, я бы употребилъ мѣры строгости.

— Коппертъ, Коппертъ!—прервалъ его Гастельмейеръ съ испугомъ.

Коппертъ разсмѣялся.

— Сегодня вечеромъ я опять буду каяться. Меня всегда точно какой-то бѣсъ толкаетъ.—Онъ крѣпко сжалъ свои тонкіе, сильные пальцы.

— Нѣтъ, говорите,—произнесла Олли своимъ тихимъ охрипшимъ голоскомъ.

— Вотъ какъ!—засмѣялся опять Коппертъ,—но только повѣжливѣй и поделикатнѣй? Вы навѣрное на меня разсердились?

— Нѣтъ,—сказала Олли.

— Тѣмъ лучше.

Онъ повернулся къ Олли, и они начали разговаривать между собой вполголоса. Онъ говорилъ съ ней объ ея искусствѣ, и глаза ея загорались счастливымъ, лихорадочнымъ огнемъ. Онъ наклонялся къ ней, чтобы ей не нужно было напрягать голосъ.

Первый разъ въ жизни она говорила съ человѣкомъ, который, она чувствовала, понималъ ее. Почему онъ понималъ ее? Она не могла бы объяснить это себѣ. Въ его словахъ была сама жизнь, и въ ея бѣдныхъ, безвучныхъ словахъ также загоралась жизнь, которую онъ пробуждалъ въ ней. Первый разъ она говорила не съ глухимъ. До сихъ поръ ей казалось, что все самое дорогое, самое святое для себя она должна была говорить глухимъ. А теперь вдругъ ее слышать, отвѣчаютъ ей. Раньше она думала, что люди всѣ и всегда одиноки. Но нѣтъ, не можетъ быть, не всѣ и не всегда! Развѣ же она сама была совершенно одинока? О нѣтъ, это неправда. Только до самой глубины ея души не достигало ни одно че-

ловѣческое слово... И онъ похвалилъ ее! Еслибы онъ нашелъ ея картины плохими, она была бы уничтожена, убита; а теперь, какое счастье, какая свѣтлая надежда впереди! Передъ ней открылся широкій, залитый солнцемъ путь. Она никогда не забудетъ этихъ минутъ.

Никто не замѣчалъ, что она переживала. Эмиль что-то ворчалъ про себя, онъ пылалъ гнѣвомъ на Копперта. Эрвинъ велъ литературную бесѣду съ своей матушкой. Въ обществѣ они считали своею обязанностью бесѣдовать на современные темы; при этомъ они держали себя, какъ посторонніе: никто бы не подумалъ, что это мать и сынъ.

Гастельмейеръ угостилъ своихъ гостей виномъ; вынувъ изъ кармана портсигаръ, онъ предложилъ Копперту выкурить сигару.

— Попробуй, пожалуйста. Кажется, недурныя сигары.

— Удивляюсь я тебѣ,—сказалъ Коппертъ Гастельмейеру,—какъ это у тебя хватаетъ терпѣнія со всѣми ими? А тутъ еще и съ ней что-то не совсѣмъ хорошее творится.—Онъ указалъ глазами на Олли.—Ну, что дѣлать—мужъ все долженъ терпѣть.

Вошла кухарка и сказала, что пріѣхалъ докторъ.

— Развѣ онъ все еще ѣздитъ къ вамъ? — спросила Ковальская.

— Я сегодня встрѣтился съ нимъ на улицѣ и рассказалъ ему, что Олли опять простудилась и, несмотря на лихорадку, не переставая работать,—сказалъ Гастельмейеръ.

Вошелъ докторъ.

— Ну, что, какъ наши дѣла?—спросилъ онъ Олли. Гастельмейеръ подвинулъ ему стулъ.

Олли была глубоко взволнована. Счастье, которое принесъ съ собой Коппертъ, потрясло ея организмъ. Ей казалось, что пламя переливалось по ея жиламъ, поднималось отъ ногъ, по всему тѣлу, до головы. Да, это было истинное счастье, но перенести его было не легко. Въ груди у нея сжималось, голова горѣла. Она опять обратилась къ Копперту и сказала:

— Испытывали-ли вы, когда вамъ первый разъ сказалъ человѣкъ, которому вы вѣрили всѣмъ сердцемъ... Вѣдь вы сказали мнѣ, что мои работы хороши?—перебила она себя и посмотрѣла на него широко-открытыми глазами.

— Да, хороши, болѣе чѣмъ хороши,—отвѣтилъ Коппертъ и съ участіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Испытывали-ли вы тогда счастье, мучительное счастье?

— Полно,—сказалъ Коппертъ,—не обращайтесь такого вниманія на мнѣнія глупцовъ, что бы они ни говорили. Какое вамъ до нихъ дѣло? Всѣ мы такъ безразсудны, что предоставляемъ другимъ и зажигать, и гасить свѣтъ нашей жизни.

Если проклятое искусство завладѣетъ нами, мы уже принадлежимъ не себѣ, а людямъ; они могутъ дѣлать съ нами все что имъ угодно. Такъ всегда бываетъ, но этого не должно быть. Собачья, рабская жизни! Я имѣю дерзость вѣрить въ себя, а самъ свой суля, а тамъ, пусть себѣ говорятъ, что угодно! Думайте такъ. Не обращайтесь вниманія на другихъ. Только при этомъ условіи можетъ существовать здоровое искусство. Иначе нельзя сохранить свое достоинство. Слушаться только голоса своей совѣсти,—въ этомъ единственное спасеніе.

— Да,—покорно согласилась Олли,—но только этому спокойному рѣшенію могутъ помѣшать бури, которыя налетаютъ вдругъ и все переворачиваютъ.

— Бури въ стаканѣ воды,—пробормоталъ Коппертъ,—вы придаете намъ слишкомъ большое значеніе. Думайте, что это все не люди, а насѣкомыя. Да и что мы такое, какъ не насѣкомыя. Представьте себѣ, что это жужить какое нибудь насѣкомое—потѣшно право!—Какъ вы думаете, тамъ наверху,—Коппертъ поднялъ глаза къ потолку,—могутъ различить горсть людей отъ горсти насѣкомыхъ!

Олли серьезно взглянула на него.

— Да, конечно, такъ думать хорошо,—сказала она,—но этому надо научиться.

Они тихо говорили другъ съ другомъ. Коппертъ опять наклонился къ ней, чтобы ей не надо было говорить слишкомъ громко.

— Ну-съ, сударыня, — сказалъ докторъ, — намъ съ вами также есть о чемъ поговорить.—Онъ шутливо предложилъ ей руку и они перешли въ сосѣднюю комнату.

Коппертъ и докторъ вышли вмѣстѣ.

Прощаясь съ Олли, докторъ сказалъ ей:

— Завтра, когда вы будете поспокойнѣе, я зайду къ вамъ еще разъ. Можно? Нужно намъ лучше осмотрѣть горлышко. Послѣ того они ушли.

— Гдѣ это Гастельмейеръ нашелъ это удивительное существо?—сказалъ Коппертъ доктору, когда они очутились на улицѣ.—Я сегодня первый разъ видѣлъ его жену.

— Жену?—переспросилъ докторъ, который былъ близко знакомъ съ Коппертомъ. Что хотите, но только не жена. Въ ней нѣтъ ничего, что мы привыкли подразумѣвать подъ словомъ «жена».

— Бѣдняжка,—сказалъ Коппертъ.—Ну, а что они съ Гастельмейеромъ дружно живутъ?

— Ей не долго остается жить.

— Какъ? ей?

— По моему, да. Они еще не подозревают этого, пусть это останется пока между нами. Я уже давно убежден въ этомъ. Серьезно я еще не изслѣдовалъ ее, но наврядъ-ли изслѣдованіе въ чемъ нибудь измѣнитъ мои предположенія.

— Вотъ беззаботное созданье!—сказалъ Коппертъ.

— Чѣмъ дольше сохранить она свою беззаботности, тѣмъ лучше. Мужу еще довольно долго придется повозиться съ ней. Удивительная она, это правда. Какое у нея было лицо, когда я сказалъ ей нѣсколько недѣль тому назадъ, что ей нечего больше бояться статъ матерью, т. е., конечно, я не сказалъ «нечего бояться», я сообщилъ ей это, какъ водится, со всякими предосторожностями. Но надо было видѣть ея лицо—точно она избавилась отъ опасности. Конечно, только на одно мгновеніе. Но я ни у одной женщины не видѣлъ такого выраженія. У нея въ головѣ одно ея проклятое искусство. Она боится истратить часть своихъ силъ на что нибудь другое. Мнѣ, право, очень жалко бѣднаго мужа. Смотрите же, все, что я говорилъ, останется между нами.

Они распрощались, и каждый пошелъ своей дорогой.

А у Гастельмейеровъ разговоръ, конечно, шелъ о Коппертѣ.

— Оригиналь, большой оригиналь, — говорила Ковальская,—но немного непоследователенъ и говорить такъ невнятно.

— Просто нахаль,—буркнулъ Эмиль. Всѣ они что нибудь сказали о немъ, только Олли молчала. Ей казалось, что самъ Богъ послалъ его. „Твой мессія“,—шутя назвалъ его Мимъ. Да, мессія. Мимъ сказалъ истинную правду. Теперь ей было для кого работать. Слава, отвлеченная слава приняла теперь образъ Копперта.

Прежде, чѣмъ мать и братья ушли домой, Олли отвела въ сторону Эмиля и сказала ему:

— Завтра мы съ тобой снесемъ карпа въ Изарь. Приходи какъ можно раньше. Если мы этого не сдѣлаемъ, Мимъ непременно зажаритъ его.

— Да вѣдь тебѣ нельзя выходить,—сказалъ Эмиль.

— Пустяки: мы можемъ поѣхать. Ты наймешь извозчика и мы опять повеземъ его въ корзинѣ. Только ты приходи, пока Мимъ будетъ на урокъ, между девятью и десятью утра.

— Хорошо. Только вѣдь я могъ бы и одинъ снести его.

— Нѣтъ, и я хочу, мнѣ хочется непременно видѣть. 7

Они такъ и сдѣлали, какъ стоваривались. Былъ ясный, вѣтренный январскій день. Никто не видѣлъ, какъ они повезли рыбу. Олли нарочно услала кухарку изъ дому, чтобы никто не помѣшалъ имъ взять карпа. Она вынесла его подъ шубой

Какой онъ крѣпкій, здоровый и какъ онъ бьется. Въ саняхъ она передала его Эмилю. Они доѣхали до Максимиліановскаго моста, потомъ вышли и спустились къ рѣкѣ.

Дуль рѣзкій, морозный вѣтеръ. Олли дрожала отъ холода, у нея начали даже стучать зубы.

— Какъ ты озябла,—сказалъ Эмиль. — Въ сущности мы большую глупость сдѣлали, что отправились сюда. Я побѣгу впередъ и брошу его поскорѣе въ воду.

— Нѣтъ, подожди, я посмотрю.

И они пошли вмѣстѣ дальше. Олли вдругъ почувствовала страшную усталость. Они должны были идти совсѣмъ медленно.

— Не понимаю, отчего это,—сказала она,—опять точно свинецъ налить въ жилахъ, и, главное, сразу.

— Это вѣдь и прежде бывало съ тобой,—замѣтилъ Эмиль,—ужъ пойдемъ поскорѣе.

Наконецъ они подошли къ Изару. Онъ катилъ у ихъ ногъ свои прозрачныя, ледяныя волны, и вѣтеръ дулъ все съ большей силой, забираясь имъ подъ шубы. Карпъ бился все сильнѣе, какъ будто предчувствовалъ близкую свободу.

— Ему, вѣроятно, понравится здѣсь въ Изарѣ,—сказалъ Эмиль.—Внизу вода течетъ гораздо спокойнѣе, почти какъ въ пруду, ему будетъ хорошо. Карпы вѣдь любятъ, чтобъ было тихо, какъ въ болотѣ.

Они шли противъ вѣтра. Олли совсѣмъ теряла силы и держалась за рукавъ Эмиля. Эмиль обѣими руками схватилъ карпа. Карпъ блестѣлъ на солнцѣ, какъ слитокъ золота.

— Ну, съ Богомъ,—воскликнулъ Эмиль, наклоняясь надъ водой, и Олли увидѣла, какъ карпъ стрѣлой ринулся въ воду. Маленькій водоворотъ, нѣсколько круговъ, и все исчезло.

— Ну, прощай,—сказалъ Эмиль.

— Теперь онъ свободенъ,—промолвила Олли,—и здоровъ.

— Еще бы,—подтвердилъ Эмиль,—чего ему не хватаетъ. Теперь надо было подняться на берегъ.

— Проклятiе, проклятiе, проклятiе! Ны не очень устала?

Они совсѣмъ не подвигались впередъ.

— Присядемъ немножко,—сказала она,—я просто не знаю, что со мной дѣлается.

Они поднимались довольно долго. Горло у Олли совсѣмъ перехватило. Эмиль побѣждалъ за извозчикомъ.

• — Что это съ ней такое?—думалъ онъ.

Когда они сѣли на извозчика, Олли охватилъ сильнѣйшій ознобъ. Эмиль со страхомъ смотрѣлъ на нее. — Глупѣйшая исторiя,—думалъ онъ.

Дома она легла на диванъ. Лицо и голова у нея горѣли. Эмиль остался съ ней, хотя она нѣсколько разъ говорила ему:

— Да уходи ты, глупый мальчикъ. Вѣдь тебѣ надо работать, лѣнтяй. Ты радъ случаю побездѣльничать.

— Нѣтъ, нѣтъ, Олли, намъ не слѣдовало идти,—говорилъ опечаленный Эмиль. Ужъ лучше бы карпъ былъ теперь въ желудкѣ у Мима. Право, гораздо лучше. Ты вѣдь терпѣть не можешь сентиментальности, а вся эта исторія съ карпомъ страшнѣйшая сентиментальность.

— Совсѣмъ нѣтъ,—отвѣчала Олли.

Въ тотъ же день пришелъ докторъ, чтобы, какъ онъ говорилъ, серьезно изслѣдовать Олли. Встревоженный Гастельмейеръ стоялъ тутъ же. Когда онъ увидѣлъ Олли, слабую и безпомощную въ рукахъ доктора, на душу его набѣжало темное облако. Что такое случилось? Къ нимъ вторглось что-то мрачное, неожиданное.

Докторъ сказалъ, что кое-что у нея не въ порядкѣ, но все это современемъ можно исправить. Онъ говорилъ о спокойствіи, объ уходѣ, побранилъ Олли за безразсудную прогулку по сегодняшнему вѣтру. Теперь ей придется нѣсколько недѣль просидѣть дома и ужъ во всякомъ случаѣ не выходить безъ разрѣшенія доктора.

— Что же это съ ней?—спросилъ Гастельмейеръ, стараясь подавить свою тревогу.

— Что съ ней?—повторилъ докторъ. —Видите-ли, организмъ ужъ очень хрупокъ, за нимъ надо нѣсколько времени поухаживать. Ну, если она будетъ благоразумна, все пойдетъ хорошо.—Онъ велѣлъ Олли спокойно лежать на диванѣ. Эмиль прикрылъ ей ноги одѣяломъ.

— Такъ-то, дитя мое, вамъ нужно теперь полежать тихонечко. У васъ лихорадка, и мнѣ бы слѣдовало собственно уложить васъ въ постель; но я ужъ знаю, что характеръ-то у васъ очень беспокойный.

Олли ничего не возражала. Она лежала неподвижно и устало. Она чувствовала себя очень вехорошо послѣ утренней экскурсіи. Въ сумерки неожиданно явился Коппертъ. Когда кухарка пришла сказать, кто звонилъ, лучъ счастья скользнулъ по лицу Олли. Гастельмейеръ также обрадовался ему.

Олли хотѣла подняться, но Коппертъ подошелъ къ ней и отклонилъ ее опять къ подушкамъ, дружески и ласково, какъ больного ребенка; онъ сдѣлалъ это просто и естественно, не говоря ни слова, какъ будто они были старые знакомые. Потомъ онъ ловко и заботливо покрылъ ее одѣяломъ. Усѣвшись около ея дивана, онъ началъ рассказывать ей разныя вещи и, наконецъ, коснулся ея картинъ, давалъ ей разныя совѣты, развивалъ новыя планы. Онъ говорилъ съ ней, какъ съ равной, безъ всякаго оттѣнка покровительства.

— Странно, — сказала Олли, — почему вы такъ добры ко

миѣ?.. Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, считаете, что у меня... что у меня есть... страшно сказать...

— Ну?

— Что у меня есть талант?—Какимъ беззвучнымъ, хриплымъ сталъ ея бѣдный голосъ.

— Да,—сказалъ Коппертъ.

— И вы пришли, чтобы еще разъ сказать миѣ это?

— Ну, да.

— Теперь надо только поскорѣе выздороветь!—сказала она, и глаза ея снова загорѣлись лихорадочнымъ, но счастливымъ огнемъ.

— Не волнуйтесь, главное, не волнуйтесь. Чему тутъ такъ радоваться? Развѣ вы забыли про насѣкомыхъ? Помните?

— Да, да, — прошептала Олли. — Надо научиться такъ думать.

Коппертъ жилъ со старушкой матерью. Когда онъ выходилъ изъ дому, она спросила его, куда онъ идетъ? Онъ отвѣтилъ ей:

— Къ одной тутъ бѣдняжкѣ.

— Опять чтонибудь новое придумалъ, навяжетъ себѣ какуюнибудь возню,—подумала старушка.

VIII.

Однажды, глубокой ночью, Олли вдругъ проснулась. Она спала на диванѣ въ общей комнатѣ, такъ какъ въ ней было теплѣе. Она не привыкла ни къ этому дивану, ни къ этой комнатѣ. Она проснулась испуганная и сразу не могла придти въ себя. На чемъ она лежитъ? гдѣ? Она всматривалась въ темноту, полная безотчетнаго страха. Около постели должны были быть спички, но она не могла найти ихъ. Сердце ея тревожно билось, кровь горячей волной прилила къ головѣ, руки и ноги похолодѣли. Въ горлѣ она ощущала что-то постороннее, мѣшавшее ей.

Что-то тамъ было, чего не должно бы быть, что-то неприятное, какая-то заноза, которую нужно было вытащить; это еще усиливало ея страхъ. Ей показалось, что она попала въ какуюто темную бездну и должна задохнуться въ ней. Но вдругъ она оцупала рукой стѣну и все сразу пришло въ порядокъ. Теперь она увидѣла и окно. Тамъ за окномъ чуть-чуть брежжитъ сѣроватый свѣтъ. Она глубоко вздохнула; но тяжесть, сдавившая ей грудь во время припадка страха, осталась. Подкрались темныя мысли, которыя исчезаютъ при свѣтѣ дня, а ночью, какъ хищныя птицы, нападаютъ на тѣхъ, отъ кого бѣжить сонъ. Онѣ прилетаютъ на своихъ большихъ тем-

ныхъ крыльяхъ и безшумно опускаются на беззащитную душу человѣка.

Такъ мучатся въ темныя ночи безъ сна сотни и тысячи несчастныхъ; блѣдный страхъ впился когтями въ ихъ сердце и взмахиваетъ надъ ними своими гигантскими крыльями. На свѣтѣ есть и всегда были цѣлыя стаи этихъ гигантскихъ ночныхъ птицъ. Каждую ночь онѣ намѣчаютъ среди людей свои жертвы. Онѣ долго забавляются своей жестокой игрой. Ихъ радуется смертельный ужасъ, порождаемый ими. Онѣ наслаждаются мученіями своей жертвы, пока дневной свѣтъ не прогонитъ ихъ. Но они возвращаются снова и снова.

Въ эту ночь самое страшное чудовище носилось въ маленькой комнатѣ надъ беззащитной душой.

— Мимъ!—крикнула Олли въ смертельномъ страхѣ дрожащимъ, больнымъ, охрипшимъ голосомъ. — Мимъ! — Но онъ не слышалъ. Онъ былъ въ сосѣдней комнатѣ и спалъ крѣпчайшимъ сномъ.

— Мимъ!—крикнула она опять съ такимъ невыразимымъ ужасомъ, что испугалась своего собственного голоса.

— Что такое, Олли?—сквозь сонъ отвѣтилъ онъ.

— Мимъ, пожалуйста, зажги свѣчку.

Прошло еще нѣсколько времени и, наконецъ, онъ вошелъ со свѣчкой, въ своемъ длинномъ сѣромъ халатѣ.

— Что случилось, Олли?

Олли не отвѣчала. Онъ почувствовалъ устремленный на себя взглядъ большихъ испуганныхъ глазъ.

— Что съ ней, въ самомъ дѣлѣ? Кажется, еще первый разъ въ жизни его сонъ былъ потревоженъ изъ-за другого. Это довольно таки непріятно. Но онъ взялъ себя въ руки и заговорилъ съ нею ласково и сонно.

— Что съ тобой, сердце мое?

— Мимъ, — сказала она, — Мимъ. — Дальше она не могла ничего произнести. Но онъ замѣтилъ, что по щекамъ ея катились двѣ крупныя слезы.

— Мимъ, все кончено, я никогда ничего не сдѣлаю.

— Боже милосердый! — подумалъ Гастельмейеръ, — теперь ужъ мы и по ночамъ будемъ обсуждать все тѣ же вопросы. Когда же, наконецъ, будетъ покой? Истинная сортировочная станція!

Онъ стоялъ молча, такъ какъ, кромѣ этихъ мыслей, ему ничего не приходило въ голову. Конечно, ему было жалко ее — она не могла спать и, повидимому, плохо себя чувствовала, но что же онъ то тутъ могъ сдѣлать?

— Мимъ, я очень сильно больна.

— Глупенькая, — сказалъ онъ. — Вѣдь до сихъ поръ тебѣ

этого совсѣмъ не казалось, а теперь вдругъ... Это все этотъ противный докторъ со своимъ изслѣдованіемъ.

— Да, горло.—Папа также умеръ отъ этого.—Олли принесла это, повидимому, совершенно спокойно.

— Такъ ужъ ты думаешь, какъ немножко горло заболѣло, такъ сейчасъ и конецъ. Ахъ ты, дурочка.—Онъ погладилъ ее по щекѣ, но на душѣ у него было неспокойно. — Развѣ ты такъ плохо себя чувствуешь?

— Нѣтъ, ничего; на меня вдругъ страхъ напалъ.

— Глупости.

— Мимъ, понимаешь-ли ты, что значить для меня моя работа?—спросила она.

— Думаю, что понимаю.

— Нѣтъ, ты не понимаешь. Мнѣ бы хоть года два еще прожить.

— Ну, столько-то, дастъ Богъ, проживешь,—смѣясь отвѣтилъ онъ.

— Слышалъ ты, что сказалъ про меня Коппертъ?

— Это-то и не даетъ тебѣ спать? Ахъ ты, тщеславная дѣвочка.

— Нѣтъ, не это,—сказала она.

— Стыдись.

— Когда я прославлюсь, я стану кротка и терпѣлива, какъ ангелъ,—но до тѣхъ поръ...

— У насъ будетъ сортировочная станція, — докончилъ Гастельмейеръ.

— Что ты говоришь?

— Такъ, ничего.

— Ахъ, Мимъ!

— Ну, спи теперь.—Онъ хотѣлъ встать и уйти въ свою комнату.

— Посиди еще,—съ испугомъ попросила Олли.

— Что же еще?—спросилъ онъ. — Все это ты можешь мнѣ, я думаю, и завтра сказать.

По щекамъ ея опять покатались слезы. Онъ немного жестко сказалъ ей это. Но надо же ей отучиться отъ этого. Право, онъ начиналъ походить на няньку. Этого онъ совсѣмъ не желалъ. Если онъ не проявитъ нѣкоторой сдержанности, она, пожалуй, привыкнетъ къ этимъ ночнымъ разговорамъ.

— Ну, такъ засыпай же,—коротко повторилъ онъ.

— Мимъ, помнишь, какъ ты помогалъ мнѣ тотъ разъ войти въ карету? Ты такъ нѣжно, такъ тепло и любовно пожалъ мнѣ руку. Не смѣйся надо мной, ты именно тогда покоришь мое сердце.

— Вотъ какъ,—сказалъ Гастельмейеръ. Онъ не зналъ хорошенько, что ему на это отвѣтить. Ему страшно хотѣлось спать.

— Знаешь, Олли, это возможно только въ самомъ началѣ любви.

— Жаль,—сказала она,—а это было такъ хорошо. Ну, скажи мнѣ чтонибудь хорошее.

— Что же?

— Чтонибудь. Ну, скажи, что все опять будетъ хорошо.

— Да вѣдь и теперь все хорошо.—Онъ потрепалъ ее по щекамъ и всталъ, наконецъ, чтобы уйти.

— Не гаси свѣчку,—попросила она.

— Только не забудь потушить передъ сномъ, Олли.

— Я не забуду. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы у меня была ночная лампочка.

— Такъ что же, купи себѣ, дѣточка.—Съ этими словами онъ окончательно вышелъ изъ комнаты. Она слышала, какъ подъ нимъ затрещала кровать, когда онъ тяжело бросился на нее. Она встала, достала изъ ящика маленькое зеркало и, широко открывъ ротъ, стала разсматривать свое больное горло, куда попало что-то постороннее.

— Нѣтъ, ничего не вижу,—сказала она,—у него особенное зеркало.

Усталая и разбитая, легла она опять на диванъ и устремила глаза на свѣчку. Она не рѣшалась потушить ее,—темнота пугала ее.

Наконецъ, вѣки ея отяжелѣли, мысли въ головѣ стали путаться. Она пальцами потушила свѣчку, чтобы не поворачиваться, и заснула такъ быстро, что темныя птицы, пугающія по ночамъ больныхъ, не успѣли спуститься къ ней.

На слѣдующее утро она быстро одѣлась и до самаго обѣда не отрывалась отъ работы. Она работала съ пылающими щеками и влажнымъ лбомъ. Рука у нея дрожала, она съ трудомъ держала палитру. Она уже не первый разъ испытывала такое ощущеніе, но сегодня оно особенно усиливалось. Можетъ быть, это происходило оттого, что она стала обращать больше вниманія на свое самочувствіе. Не смотря на это, она не отходила отъ мольберта. Но прежняго радостнаго, приподнятаго настроенія не было и въ поминѣ; она какъ будто вела трудную борьбу съ какимъ то великаномъ, придавившимъ ее своей тяжелой рукой. Въ теченіе болѣзни на нее часто нападала во время работы непонятная слабость. Кожа вдругъ дѣлалась влажной, почти мокрой. Малѣйшее движеніе воздуха пронизывало ее холодомъ, она чувствовала, какъ отъ закрытаго окна мастерской непрерывно распространялась холодная струя. Она старалась одѣться потеплѣе, просила затопить печь, но ничто не помогало. Сегодня и это ощущеніе усилилось. Но страстное желаніе работать пересиливало все. Она боролась со слабостью, съ пронизывающимъ холодомъ. При всякомъ

движеніи она чувствовала, какъ холодное бѣлье прилипало къ ея тѣлу. Волосы также прилипали ко лбу, но она не останавливалась и, стиснувъ зубы, продолжала работать.

И пока она работала, ей слышался голосъ Копперта такъ ясно, какъ будто онъ былъ тутъ же, въ комнатѣ. Онъ говорилъ о ея работѣ. Онъ хвалилъ ее и повторялъ то, что онъ уже говорилъ ей разъ. Картина нравилась ему. Поза дѣвушки казалась ему вполне правильной, она выражала именно то, что должна была выражать: усталось послѣ тяжелой работы и спокойное, созерцательное настроеніе; во всей картинѣ было что-то простое, безыскусственное и человѣчное, и онъ это понималъ.

Какъ она любила все простое, человѣчное, правдивое! Какую горячую радость ощущала она, когда могла вложить эти чувства въ свою картину, и какое счастье испытывала, сознавая, что она понята и что ее понимаетъ, именно, тотъ, кто былъ ея учителемъ, кто своими произведеніями открылъ передъ ней этотъ свѣтлый путь.

«Итакъ, стремитесь къ красотѣ, ищите ее и въ людяхъ, и въ бѣгущихъ по небу облакахъ. Она всюду, эта чудная, таинственная красота, она говоритъ сердцу каждаго. Вы видите человѣка, и въ сердцѣ вашемъ ничего не шевелится, онъ такъ не подходитъ подъ понятіе красоты. Но взгляните въ него поглубже, и вы найдете въ немъ свою, полную смысла и значенія, человѣческую красоту».

Такъ говорилъ онъ, и она жадно ловила каждое его слово. Они загорались передъ ней одно за другимъ, какъ звѣзды на блѣдномъ вечернемъ небѣ. Сначала одна, потомъ другая, третья и, наконецъ, много, много. Каждое его слово, встававшее въ ея воспоминаніи, наполняло ея душу невѣдомымъ блаженствомъ.— Да, наконецъ, она испытывала счастье, первый разъ въ жизни.

Случалось ли ей до сихъ поръ припоминать съ глубокимъ волненіемъ всякое слово какого нибудь человѣка? Нѣтъ, никогда. А теперь она перебирала ихъ съ дѣтской радостью, какъ будто это были жемчужины. Она забывала объ усталости и работала быстро, напряженно. Вдругъ она почувствовала, какъ капля пота скатилась у нея со лба на високъ; точно она въ лѣтній день взобралась на вершину горы, а между тѣмъ стояла глубокая зима, и въ мастерской было очень холодно. Какъ это непріятно! Внутренній огонь въ ней потухъ и, какъ больное дитя, утомленное игрой, она бросилась на диванъ, закрывъ лицо руками.

— Мнѣ можно уйти?—спросила натурщица.

— Нѣтъ, оставайтесь.

Черезъ нѣсколько минутъ она уже снова была за работой, только теперь она надѣла на голову и плечи теплый платокъ.

Послѣ обѣда опять пришелъ Коппертъ. Онъ засталъ ее еще

за работой. Она прерывала ее только на минутку, чтобы поѣсть.

— Ну, слава Богу! — сказалъ Гастельмейеръ, — ты хоть отдохнешь немножко. — И дѣйствительно, Коппертъ настоялъ, чтобы Олли легла на диванъ, а они съ Гастельмейеромъ сѣли около нея.

Она была возбуждена и радостно настроена; теперь она не сомнѣвалась болѣе, что счастье въ ея рукахъ.

— Твоя жена ужъ слишкомъ прилежна, Гастельмейеръ.

— Еще бы, — сказалъ бѣдный мужъ, но вѣдь легче локомотивъ остановить, чѣмъ такую женщину. Пусть бы ктонибудь попробовалъ.

— Что ты говоришь? неужели такого птенчика трудно...

— Птенчика? — перебилъ его Гастельмейеръ. — Нѣтъ, ужъ Коппертъ, пожалуйста, лучше не говори ничего о женщинахъ; подожди пока.

— Ахъ ты, бѣдный мой Мимъ, много-ли ты объ нихъ знаешь?

— Я? ну, знаешь, Олли, не будемъ лучше объ этомъ говорить.

— Я знаю, что я плохая жена, — сказала Олли, погладивъ мужа по рукаву. — Миму нужно было бы совсѣмъ другую жену: онъ такой добрый. Господи, а тутъ еще болѣзнь! Надо же было именно мнѣ заболѣть, и именно теперь!

— Скажите, — спросилъ Коппертъ, — слыхали-ли вы, чтобы человѣкъ, когда съ нимъ случается чтонибудь хорошее, ска-заль: Господи, отчего это случилось, именно, со мной?

— Нѣтъ, никогда не слыхала, — отвѣтила Олли.

— А когда случается чтонибудь дурное, всякій говоритъ: Почему именно со мной? Согласны вы? Я думаю, что...

— Это тема какъ разъ для твоей мамы, Олли, — всталъ Гастельмейеръ. — Она бы сейчасъ начала ученый диспутъ. Я такъ и слышу, какъ она говоритъ: Кантъ сказалъ — и такъ далѣе.

— Слава Богу, что никто изъ насъ не имѣетъ привычки твердить постоянно: — Кантъ говоритъ, Шопенгауэръ говоритъ. Это просто нестерпимо! Ну, что такое Кантъ, напримѣръ, просто пустышка, стоять только прочитавъ его.

— Ого! — сказалъ Гастельмейеръ, немножко свысока. Какъ намъ извѣстно, онъ изучалъ Гете, а о Шопенгауэрѣ зналъ, какъ всѣ образованные люди, что онъ презиралъ и ненавидѣлъ женщинъ. — Какъ это такъ — Кантъ пустышка? Знаешь, Коппертъ, по моему есть вещи, о которыхъ не слѣдуетъ разсуждать такъ себѣ, съ плеча.

— Почему же нѣтъ? По моему Кантъ — пустышка и ничего тутъ не сдѣлаешь. Всякій мало-мальски разумный человѣкъ долженъ съ этимъ согласиться. — Помните вы, — обратился онъ къ Олли, не понимавшей хорошенько, что онъ хотѣлъ

сказать этимъ словомъ,—одну рождественскую сказку: у одного окна стоялъ громадный запертый сундукъ; съ величайшимъ трудомъ люди его открыли: въ немъ оказался мѣшокъ, въ мѣшкѣ опять мѣшокъ, въ немъ опять мѣшокъ, и еще, и еще, до безконечности; въ послѣднемъ мѣшкѣ былъ узелъ, въ узлѣ еще узелъ, а въ послѣднемъ узлѣ тряпочка, въ тряпочкѣ—бумажка, въ бумажкѣ шкатулочка, въ шкатулочкѣ еще шкатулочка, одна меньше другой, и, наконецъ, въ самой послѣдней шкатулочкѣ было, что бы вы думали?—да ничего, маленькая записочка, на которой написанъ какой то пустякъ, всѣмъ давно извѣстный, вродѣ «Богъ помочь». Вотъ такъ то и Кантъ, точъ въ точъ такъ. Вы читали Канта?

— Нѣтъ,—смѣясь сказала Олли.

— Ахъ, нѣтъ? Я вѣдь это совершенно серьезно говорю. Еслибъ можно было никогда не слышать объ этихъ, такъ называемыхъ, великихъ людяхъ! Они весь свѣтъ дурачатъ своей будто бы мудростью. Никто не хочетъ самъ думать, каждый вмѣсто того произносить: Кантъ говоритъ... Шопенгауэръ говоритъ и т. д., чистое навожденіе! Нѣсколько такихъ помазанниковъ обратили въ рабство все человѣчество. Они все рѣшили, все предусмотрѣли, у нихъ все можно найти. Жаль, что не было до сихъ поръ гениальныхъ обжоръ, которые бы всѣ лакомые кусочки пережевали заранѣе. По вкусу-ли бы вамъ это пришлось? А? Пожалуй, ихъ никто не сталъ бы цитировать. Толстѣешь только отъ того, что съѣшь самъ.

— Конечно,—смѣясь, подтвердила Олли.

— Хотѣлъ бы я знать,—продолжалъ Коппертъ, все болѣе и болѣе горячась,—можно ли услышать хоть одно разумное, неукраденное слово отъ счастливица, который купилъ себя въ нашей любезной Германіи на три пфенига мудрости отъ всѣхъ помазанниковъ міра и зарылся въ нее съ головою. Какъ же? Сохрани Богъ. Если онъ гуляетъ и хочетъ сообщить кому нибудь, что природа производитъ на него пріятное впечатлѣніе, держу пари, онъ скажетъ: «Посмотрите-ка, настоящій Беклинъ, или настоящій Даньянъ-Бувере» или что нибудь въ такомъ же родѣ. Кого нибудь онъ непременно процитируетъ...

— Скажи, пожалуйста, Коппертъ, — спросилъ Гастельмейеръ,—чего ты собственно кипятишься? Вѣдь пока еще никто ничего подобнаго не говорилъ.

— Это правда,—согласился Коппертъ,—но взгляни сюда, вотъ человѣкъ, котораго мои слова позабавили, видишь. Какъ будто это ужъ такъ-таки ничего не стоитъ—разсмѣшить человека. Какъ ты находишь?—Онъ откинулъ назадъ свои волосы.—Ты думаешь, что больше заслуги стрѣлять изъ пушки или читать лекціи, или брать верхнее до передъ сотней глуп-

цовъ, или плясать по канату? Какое изъ этихъ занятій самое умное? Знаешь, Гастельмейеръ, если ты хочешь доставить удовольствіе своей женѣ, не будь такимъ умникомъ, женщинамъ это не нравится.

— Ты находишь?—сказалъ Гастельмейеръ,—я вѣдь ужъ говорилъ тебѣ, что ты не можешь судить о женщинахъ. Вотъ женись, тогда и разсуждай.

— А развѣ онъ знаетъ женщинъ? — спросилъ Коппертъ, указывая глазами на Гастельмейера.

— Ничего онъ не знаетъ,—засмѣялась Олли.—Вообще «женщины» это довольно странное собирательное имя. Кто утверждаетъ, что знаетъ хорошо женщинъ, тотъ, навѣрно, не знаетъ женщины. Право такъ, Мимъ. И знаете, что еще...

— Ну?—спросилъ Коппертъ.

— По моему... этого еще никогда не было раньше—современная женщина всегда въ единственномъ числѣ. Понимаете вы?

— Нѣтъ. Нѣтъ, я этого не понимаю. — Онъ приставилъ палецъ ко лбу.—Только вы мнѣ не объясняйте, вамъ нельзя много говорить. Слушайте, такъ-ли я понялъ. Вполнѣ естественно, что женщина протягиваетъ руки къ тому, что мы, трусливые люди, въ теченіе вѣковъ устранили отъ нея.

Онъ продолжалъ что-то бормотать, но понять его было не легко, такъ какъ говорилъ онъ очень не ясно.

— Итакъ, что же такое «современная женщина»? Вы кажется, сказали «современная женщина»? Я представляю себѣ, что она мучится голодомъ... скажемъ короче, она хочетъ самостоятельности, хочетъ выбиться изъ толпы. Въ маленькомъ котелкѣ кипитъ и бурлитъ, какъ будто тамъ сидитъ геній, а, можетъ быть, тамъ и дѣйствительно есть геній, почему бы ему и не быть? На поверхность выскакиваютъ всевозможные пузырьки. Изъ насъ, мужчинъ, выходитъ Богъ знаетъ что — художники, врачи, всякая всячина. Тутъ вѣдь никакихъ препятствій не можетъ быть—все тихо, спокойно, все въ порядкѣ вещей.

Коппертъ опять приставилъ палецъ ко лбу.—Но женщина, женщина въ единственномъ числѣ,—пробормоталъ онъ,—тутъ дѣло другого рода. Она хватается за какое нибудь дѣло, вся трепещетъ отъ прилива силы и страсти. Она героиня, она борется, не имѣя почвы подъ ногами, она должна отвоевывать каждую пядь земли. Она невозможное дѣлаетъ возможнымъ, естественнымъ, она идетъ впередъ гигантскими шагами. Смѣйтесь надъ ней,—она предвидитъ этотъ смѣхъ и считается съ нимъ,—но не останавливайте ее, этого она не перенесетъ. Она стремится впередъ во что бы то ни стало. Вѣдь такъ? Остановите ее, и она превратится въ демона!

— Правда,—сказала Олли.—И знаете еще что. Она страст-

но жаждетъ славы. Иначе я не могу этого объяснить. Ее пугаетъ мысль умереть, какъ умираетъ собака. Тысячи мужчинъ добились славы,—она также хочетъ испытать это блаженство. Конечно, она жаждетъ ея для себя, но не только для себя. Она какъ будто хочетъ сказать: если я добыю ея, я облагорожу и васъ всѣхъ. Многіе изъ васъ могли думать также. Понимаете-ли вы меня?—спросила она охрипшимъ голосомъ, и, странно, въ глазахъ ея стояли слезы.

Она встала съ дивана и начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Да,—сказала она дрожащимъ голосомъ,—всякая остановка мученье, вы правы. А быть больной! Боже мой, какъ это ужасно.

— И на этой-то женщинѣ жениться!—шутя сказалъ Гастельмейеръ,—понимаешь ты какво это, Коппертъ?

— Бѣдный Мимъ, — сказала Олли взволнованнымъ голосомъ.— Не объ этомъ ты мечталъ.

— Успокойтесь, успокойтесь,—пробормоталъ Коппертъ.— Вы опять забыли про насѣкомыхъ. Тамъ, наверху, не отличаютъ горсти людей отъ горсти насѣкомыхъ. Такъ къ чему же волноваться? Ну, къ чему? Совсѣмъ напрасно затягивать похоронныя пѣсни. Не будемъ доставлять судьбѣ этого удовольствія. Согласны?—Онъ откинулъ назадъ волосы.—Вчера вечеромъ я проходилъ мимо казармы, у воротъ стояло двое пьяныхъ, одинъ наступалъ на другого и, заноса надъ нимъ кулакъ, говорилъ: „А ну-ка, скажи еще разъ „Лаленштедъ“! Второй покорно повторять: „Лаленштедъ“ и получалъ ударъ. Ну-ка, посмѣй еще разъ.—Ну, Лаленштедъ,—отвѣчалъ тотъ и снова получалъ ударъ. И опять, и опять повторялось то же самое. Такую же игру ведемъ мы съ судьбой. Она ведетъ намъ говорить „Лаленштедъ“, и мы говоримъ „Лаленштедъ“ и каждый разъ послѣ этого получаемъ отъ нея ударъ. И къ чему мы съ ней забавляемся? Стоило бы намъ разъ промолчать, она бы смягчилась и оставила насъ въ покоѣ. Молчаніе, это первое средство спасенія для людей.

— Я понимаю васъ,—сказала Олли, все еще глубоко взволнованная,—но только вы здоровы, вамъ легко разсуждать.

— Что-жъ такое? Скоро и вы будете здоровы, — сказалъ Коппертъ.

— Можетъ быть. А можетъ быть и нѣтъ. Почему именно со мной не можетъ случиться ничего дурного? Вы сами только что сказали это.

— Да, это была большая глупость съ моей стороны, — сказалъ Коппертъ, ударивъ себя по лбу. — Какъ это вы все замѣтите! — Его неправильное, умное лицо приняло удивительно мягкое, юношеское выраженіе. — Вѣдь вотъ дуракъ —

прихожу, чтобъ васъ немного развлечь и только еще больше разстраиваю васъ.

— Ну, будетъ вамъ препираться, дѣти,—сказалъ Гастельмейеръ.

— Болѣзненная чувствительность,—пробормоталъ про себя Коппертъ. Его мысли улетѣли куда-то далеко.

— Знаешь, Коппертъ,—сказалъ Гастельмейеръ, когда Олли вышла въ сосѣднюю комнату,—моя жена теперь въ какомъ-то странномъ настроеніи. Я совершенно не понимаю, что съ ней.

— Олли!—крикнулъ онъ. Она пришла.

— Вообрази себѣ, что она сдѣлала съ нашимъ рожденственнымъ карпомъ. Ты никогда не догадаешься. Сначала она его купила и притомъ очень дорого, а потомъ пустила въ Изаръ.

— По Марлиту?—спросилъ Коппертъ съ лукавой, но добродушной улыбкой.—Совсѣмъ по Марлиту. И къ чему это ведетъ? Вы думаете, что міръ отъ этого лучше станетъ? Просто болѣзненная чувствительность. Не выдумывайте себѣ сами лишнихъ огорченій въ жизни. Повѣрьте, что назначеніе карпа быть съѣденнымъ. Будущимъ лѣтомъ мы отправимся съ вами удить рыбу. Кровожадные инстинкты въ насъ должны находить себѣ удовлетвореніе; сантиментальность надо отбросить, а то она совсѣмъ завладѣетъ нами, и ничего путнаго изъ насъ не выйдетъ. Знаете-ли вы, какимъ образомъ веселый, жизнерадостный карпъ попадаетъ на удочку?

— Нѣтъ,—сказала Олли.

— Въ теплый, лѣтній день закидываютъ удочку. Прудъ; тамъ и сямъ плаваютъ широкіе, зеленые листья, такъ часто воспѣваемые сладкогласными поэтами, что серьезный человѣкъ стыдится произнести ихъ названіе—водяныя лиліи.—Коппертъ провелъ рукою по волосамъ.—Карпъ очень ихъ любитъ, такъ какъ они даютъ ему тѣнь. Онъ вѣдь сибаритъ. Вотъ онъ плыветъ, довольный и спокойный, можетъ быть, онъ думаетъ о чемъ нибудь, а можетъ быть и нѣтъ, Богъ его знаетъ. Онъ въ прекраснѣйшемъ настроеніи, предприимчивъ, самонадѣянъ. Вдругъ онъ замѣтилъ что то. „Э,—думаетъ онъ,—что это за штука?“ Онъ плаваетъ взадъ и впередъ подъ широкими листьями лилій, разглядывая любопытный предметъ. Его тянетъ къ нему и въ то-же время какъ-то страшно. Теперь какъ разъ время позавтракать, а кусочекъ, кажется, аппетитный. Наконецъ, онъ рѣшается попробовать; онъ бросается на него, но крючокъ сидитъ крѣпко, и онъ проглатываетъ его вмѣстѣ съ приманкой. Теперь все пропало. „Фу, чортъ!“ думаетъ онъ и стрѣлой бросается вмѣстѣ съ крючкомъ на дно, въ тину. Имъ овладѣваетъ отчаяніе. Онъ забивается все глубже и глубже; удочка не мѣшаетъ ему; онъ лежитъ тамъ тихонько и терпѣливо, затаивъ свою

боль. А рыбакъ тамъ на-верху дергаетъ и мучаетъ его всякими способами. Въ концѣ концовъ онъ долженъ выплыть наверхъ. Но онъ лежитъ, не шевелясь, какъ герой. Самонадѣянность онъ въ значительной степени утратилъ, но частичка завидной смѣлости и силы воли у него еще сохранилась. Вдругъ онъ рѣшается рискнуть жизнью и дѣлаетъ прыжокъ, гигантскій прыжокъ. Онъ весь напряженіе, воля, отчаяніе. А тотъ, на берегу, все время хладнокровно ждалъ этого прыжка. Онъ предвидѣлъ заранѣе послѣднюю, мужественную, отчаянную попытку карпа. Иногда карпъ дѣйствительно побѣждаетъ. Леса лопаются и онъ свободенъ. Но если ему не удалось, леса не порвалась, онъ сразу становится спокоенъ, терпѣливъ и покорно, какъ овечка, позволяеть вытащить себя на берегъ. Для него все кончено, онъ покоряется. Вѣдь также поступили бы на его мѣстѣ лучшіе изъ людей.

Олли внимательно слушала все время Копперта.

— Какъ я рада,—сказала она,—что я отпустила на свободу своего толстаго пріятеля. Со всѣми на свѣтѣ случаются иногда самыя неожиданныя вещи. Вѣдь это также неожиданно, что мы съ вами познакомились.

— Ахъ, Олли! она просто неподражаема! — воскликнулъ Гастельмейеръ.—Вѣдь знаешь, Коппертъ, мы скоро воздвигнемъ храмъ для тебя. Она твоя фанатическая поклонница.

— Еслибъ вы знали, какъ я вамъ завидую, — сказала Олли.—Вы выглядите такимъ спокойнымъ, уравновѣшеннымъ, какъ будто ничто въ мірѣ не можетъ взволновать васъ и въ то-же время такимъ здоровымъ, крѣпкимъ, сильнымъ. Вы на-вѣрно очень сильный.

— Довольно таки, да и почему мнѣ не быть сильнымъ? Развѣ я въ ваши годы могъ создавать такія картины? Вѣдь мнѣ не мало лѣтъ. Посмотрите, у меня ужъ волосы серебрятся.

— Да, но за-то вы живете, вы живете полною жизнью. Развѣ я не вижу?

— Подождите, мы непременно поѣдемъ съ вами лѣтомъ удить рыбу. Вы должны все это сами пережить. Вы увидите, какъ онъ выплыветъ, веселый, радостный, какъ онъ будетъ высовывать свою головку, наконецъ, схватитъ приманку, съ отчаяньемъ бросится внизъ, въ тину и зароется въ ней, мужественно заглушая боль и разочарованіе; какъ его опять начнутъ тянуть вверхъ и онъ бросится туда съ безразсудной, отчаянной смѣлостью, а потомъ наступитъ безнадежность, терпѣніе, покорность. Вы непременно должны пережить все это сами.

На Копперта глядѣли большіе сердитые, полные слезъ, глаза.

— Сама пережить... боюсь, что такъ и будетъ,—сказала Олли, дрожа отъ волненія. — Вы думаете, мнѣ очень хочется испытать эту безнадежность, эту покорность, это терпѣніе?

Она едва сдерживала рыданія; передъ Коппертомъ на секунду мелькнуло лицо, дышавшее безграничнымъ отчаяньемъ. Олли вскочила и бросилась вонъ изъ комнаты, сильно хлопнувъ дверью.

Въ другой комнатѣ она упала на колѣни и разразилась бурными, отчаянными рыданіями.

IX.

Прошло два дня, Копперть не являлся. Она ждала его каждую минуту, ждала такъ, какъ она еще никого не ждала въ жизни. Первый день она работала съ судорожной энергіей до того часа, когда онъ обыкновенно приходилъ. На другой день это стало для нея невозможно. Она отпустила натурщицу и забралась съ книгой въ свой любимый уголокъ дивана.

Она чувствовала себя не хорошо, безконечная слабость охватывала ее, всякій нервъ ея бился и трепеталъ отъ лихорадочнаго ожиданія. Придетъ-ли онъ? Неужели не придетъ? Это поглощало всѣ ея мысли. Ни на одну секунду не могла она успокоиться.

Отъ времени до времени Мимъ приходилъ изъ мастерской посмотреть на нее. Каждый разъ онъ спрашивалъ ее, какъ она себя чувствуетъ и при этомъ дѣлалъ препотѣшную мину: для него было такъ необычно заботиться о комънибудь; его появленіе всякій разъ вызывало у Олли непріятное чувство, какъ будто онъ пробуждалъ ее отъ глубокаго сна. Она раздражалась и не произносила ни слова, чтобы не сказать чегонибудь рѣзкаго бѣдному Миму.

Во второй день послѣ обѣда вмѣсто Копперта явился докторъ. Его приходъ вывелъ ее изъ того полумечтательнаго забытья, въ которомъ она находилась весь день. Въ это время она въ умѣ вела разговоръ съ Коппертомъ. О чемъ она съ нимъ говорила? Она разсказывала ему про свою болѣзнь, но совершенно спокойно, не испытывая ни страха, ни отчаянія. Самая болѣзнь теряла свой пугающій характеръ, когда она говорила про нее съ нимъ. Она болтала съ нимъ о своей работѣ, о Мимѣ, о своемъ дѣтствѣ, припоминала всякія мелочи, о которыхъ на самомъ дѣлѣ она, вѣроятно, никогда не рѣшилась-бы говорить съ нимъ. Она разсказывала ему о своей помолвкѣ, о домашнихъ. Она перелистывала съ нимъ книгу своей жизни,—онъ все долженъ былъ видѣть, все знать. Она съ лихорадочной поспѣшностью, съ глубокой искренностью раскрывала ему свою душу.

Докторъ спугнулъ ея мечты.

— Я знаю,—сказала она ему,—дѣло мое плохо.

— Неужели?—успокоительно усмѣхнулся докторъ.

— Вѣрно,—сказала она,—не спорьте. Я знаю все, что вы скажете. Но только, когда въ горлѣ начинается такая штука, это ужъ всегда плохо. Вѣдь у папы то же самое было, точъ въ точъ то же самое.

Она проговорила это, повидимому, совершенно спокойно, даже шутливо, но въ дѣйствительности она съ затаеннымъ страхомъ слѣдила за докторомъ.

— Ну, что тамъ, плохо!—сказалъ докторъ. Если вы будете себя умно вести, будете меня слушаться, тогда все пойдетъ хорошо...

— Да, но вѣдь все-таки это то же самое, что было у папы,—сказала она опять такимъ тономъ, какъ будто для нея не было въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

— Ну такъ чтоже? Еслибъ даже это и было тоже самое, что у вашего батюшки, такъ и то тутъ нѣтъ ничего страшнаго.

— А! Такъ значить это и есть то самое!—вскричала она. Она уже не могла сохранять спокойный тонъ. Въ ея голосѣ противъ воли прорывались ноты отчаянья.

Она вскочила съ дивана и, судорожно сжимая руки, смотрѣла прямо въ глаза доктору.

— Ну, успокойтесь, успокойтесь,—проговорилъ докторъ, положивъ ей руку на плечо.—Что жъ тутъ такого страшнаго? Пустяки! Въ ваши-то лѣта? Говорю я вамъ: будьте благо-разумны, слушайте меня, и тогда сами увидите, какъ все пойдетъ прекрасно.

Она снова забралась въ свой любимый уголокъ и только недовѣрчиво качала головой, слушая утѣшенія доктора.

— Прежде всего,—сказала она послѣ нѣкотораго молчанія,—я не благоразумна, на это вы не рассчитывайте. Сколько времени могу я еще работать, какъ вы думаете?—Губы ея дрожали, когда она спрашивала это. Въ ея глазахъ свѣтилась отчаянная, непреклонная рѣшимость.

— Вамъ надо работать благоразумно, понемногу, дитя мое. Есть-ли на свѣтѣ человѣкъ, который знаетъ, сколько ему осталось работать или вообще что нибудь дѣлать. Развѣ это мыслимо?

— Не старайтесь меня обманывать, дорогой докторъ, это вѣдь также медицинскій приѣмъ, только со мной этого не нужно.—Слезы неудержимымъ потокомъ катились изъ ея глазъ, она схватила доктора за руки.

— Помните же: самое главное спокойствіе; не забывайте этого. Что, вы всегда такъ, одна сидите! Гдѣ вашъ мужъ?

— Въ мастерской,—сказала она. Онъ работаетъ!—это слово рыданьемъ вырвалось изъ ея груди.—Онъ работаетъ!

— Да не волнуйтесь же такъ, дитя мое,—сказалъ док-

торь. Ну, хорошо, вы считаете, что я васъ обманываю, какъ же мнѣ васъ убѣдить? Только, повторяю, ваше выздоровленіе зависитъ исключительно отъ васъ; если вы будете спокойны, веселы, тогда все пойдетъ хорошо. У васъ добрый, любящій мужъ. Не отталкивайте его, дайте ему помочь вамъ и сами помогите ему.

Она смотрѣла впередъ и ей казалось, что густой, сѣрый туманъ заволакивалъ всю ея жизнь. А докторъ еще долго говорилъ, но она уже не слушала его.

— Ну, прощайте пока, дитя мое, я пошлю къ вамъ вашего мужа.

Олли не пошевелилась. Машинально подала она доктору руку. Наконецъ она осталась одна. Она думала о карпѣ. Какъ крѣпко сидитъ крючокъ и какъ глубоко карпъ забился въ тину; да, глубоко, глубоко! Надъ нимъ все тина, а надъ тиной вода. Какая тяжесть легла на его сердце. Надъ водой свѣтитъ яркое солнце, но до него оно не достигаетъ.

Когда Гастельмейеръ вошелъ къ ней, онъ былъ нѣсколько взволнованъ и очень ласковъ.

— Точно во время помолвки,—подумала Олли. Она холодно наблюдала его. Въ сущности ей теперь не нужно было никого. Карпъ лежалъ глубоко подъ тиной, затаивъ въ себѣ боль и горе, а тотъ, наверху, все дергалъ лесу, все мучилъ его. Другіе карпы весело плавали кругомъ и не обращали на него вниманія. Тотъ, который лежалъ въ тинѣ, сталъ теперь совсѣмъ другимъ, чѣмъ они. Они не понимали его—и онъ не понималъ ихъ.

Въ эту ночь она не спала ни минуты, но не будила Мима. Къ чему?

Она всматривалась въ густой сѣрый туманъ, въ которомъ еще не являлись ей никакіе призраки; онъ былъ такъ густъ, что ей не видно было даже собственной руки. Туманъ этотъ была полнѣйшая безнадежность, охватившая ее вдругъ. Въ ней было что-то давящее и усыпляющее; настоящій сонъ бѣжалъ отъ нея, но она погружалась въ состояніе какого-то безжизненного оцѣпенѣнія.

На другое утро пришелъ Мимъ и спросилъ ее, какъ она спала.

— Прекрасно,—отвѣтила она, и онъ обрадовался. Ей казалось, что въ ней уже не было теперь ни малѣйшей потребности дѣлиться съ кѣмъ нибудь своими мыслями и чувствами. Она сама удивлялась этому. Пожалуй, такъ и лучше, теперь для нея все безразлично.

— Долго-ли это будетъ продолжаться?—думала она.

Она работала и работала нѣсколько лучше, чѣмъ вчера.

— Ну, по крайней мѣрѣ, я буду дѣлать какъ тѣ люди,

которые и въ болѣзни продолжаютъ работать.—Она перебирала въ своемъ умѣ людей, прославившихся, несмотря на болѣзнь.

Это всетаки было утѣшеніе, даже больше чѣмъ утѣшеніе: въ этомъ было что-то одушевлявшее ее, поднимавшее ея силы. Да, она будетъ бороться! И она работала до изнеможенія. Въ этотъ день, совершенно неожиданно, пришелъ Коппертъ.

— Почему, въ сущности, я его жду?—думала она нѣсколько разъ въ теченіе дня.—Три раза онъ пришелъ совершенно неожиданно, а теперь не хочетъ приходить и, вѣроятно, никогда больше не придетъ. Послѣдній разъ, въ довершеніе всего, она еще устроила ему сцену. Онъ, вѣроятно, боится ея теперь.

И не удивительно. Убивающее душу, безпокойное ожиданіе не мучило ее больше, какъ будто кто-то снялъ его. Одно только было ей ясно среди окружавшаго ее густого тумана: она должна работать, работать прежде всего.

Но когда кухарка объявила, что пришелъ господинъ Коппертъ, она едва устояла на ногахъ отъ радостнаго испуга. Дрожь прошла по всему ея тѣлу.

— Мимъ,—крикнула она,—пришелъ господинъ Коппертъ!

— Что?—спросилъ Гастельмейеръ изъ другой комнаты. Коппертъ между тѣмъ уже входилъ въ дверь.

Она протянула ему обѣ руки. Вообще она не имѣла обыкновенія встрѣчать такъ знакомыхъ, но тутъ это вышло само собой. Одного только Копперта хотѣлось ей встрѣтить именно такъ. До сихъ поръ, кажется, только его собака встрѣчала его съ такой непритворной радостью.

— Бѣдняжка!—подумалъ онъ, ласково пожимая ея горячія руки, и повелъ маленькую, хрупкую женщину къ дивану, чувствуя, какъ благотворно дѣйствуетъ на нее малѣйшее его вниманіе. Ему много приходилось возиться съ животными, и онъ умѣлъ отличать искреннія проявленія чувствъ. Онъ всегда понималъ своихъ младшихъ братьевъ, какъ онъ называлъ ихъ. Эта бѣдняжка почувствовала свѣтлую радость, увидѣвъ его.

— Знаете-ли вы, — сказала ему Олли, — что я серьезно больна?

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣтилъ онъ,—что значить серьезно больна? Всѣ мы больны. Жизнь это долгая болѣзнь. Мы только воображаемъ, что здоровы.

— Пожалуйста,—сказала Олли, — не говорите со мной такъ; я знаю: теперь всѣ будутъ увѣрять, что у меня ровно ничего нѣтъ. Не дѣлайте этого хоть вы.

Вошелъ Гастельмейеръ.

— А, Коппертъ, какъ поживаешь?—сказалъ онъ.

— Ахъ, Мимъ,—сказала Олли съ счастливымъ смѣхомъ,—Мимъ!

Они опять сидѣли всё трое вмѣстѣ, испытывая спокойное, хорошее настроеніе. Пришелъ Эмиль.

— А, вотъ и мой молодой другъ,—сѣясь сказалъ Коппертъ, когда онъ вошелъ въ комнату.

— Не смѣйтесь надъ нимъ,—сказала Олли, — онъ такой добрый, только лѣнтяй ужасный. Подумайте только—здоровый, сильный, а работать лѣнится. Ужъ не знаю право, проснется ли въ немъ когда нибудь охота заняться посерьезнѣй. Вы не повѣрите, какъ сильно это меня огорчаетъ. Что съ нимъ будетъ?

— Какой онъ мягкій, сказалъ Коппертъ,—есть-ли у него кости?

— Я думаю, очень немного,—сказала Олли.

— А глазъ у него вѣрный?

— Ну, нѣтъ, этого нельзя никакъ сказать.

— Такъ не дѣлайте же вы изъ него, Бога ради, художника. Онъ, кажется, смотритъ на живопись, какъ на своего рода маленькую синекуру, и непременно будетъ отъ времени до времени писать по нѣскольку строкъ по поводу зла, царящаго въ мірѣ...

— Непременно,—подхватила Олли,—и будетъ восклицать: Проклятіе! Проклятіе! Проклятіе!

— Можетъ быть, у него есть склонность къ чему нибудь другому?

— Рѣшительно ни къ чему. Онъ хочетъ стать художникомъ, такъ какъ онъ воображаетъ, что тогда онъ будетъ себѣ скитаться по свѣту съ карандашомъ въ рукѣ, а поѣсть всегда что нибудь найдетъ.

— А покутить онъ любитъ?

— Сохрани Богъ, это вѣдь стоитъ денегъ. Онъ презираетъ легкомысліе. Чѣмъ меньше у тебя потребностей, тѣмъ меньше ты долженъ работать, рассуждаетъ онъ. Иногда, знаете, онъ меня просто въ бѣшенство приводитъ этими рассужденіями, но все-таки онъ очень добрый.

А Эмиль въ это время хлопоталъ объ ужинѣ; онъ по своему расправлялся съ кухаркой, обрызгивалъ ее водой, чтобъ заставить ее сходить за чѣмъ нибудь, грозилъ обсыпать ее золой, если она не поспѣетъ во-время. Въ комнатахъ онъ появлялся какъ можно рѣже, такъ какъ онъ хранилъ еще въ сердцахъ обиду на Копперта.

Весь вечеръ мирное настроеніе не покидало общества. Ужинъ былъ приготовленъ на славу.

— Посмотрите-ка, каковъ нашъ Эмиль!—сказалъ Гастельмейеръ.—Какъ это твой братъ умѣетъ ладить съ нашей вѣдой, Олли? А вотъ у насъ ничего не выходитъ.

— На это онъ мастеръ,—замѣтила Олли.

Она чувствовала себя такъ хорошо, такъ спокойно. Коппертъ разсказывалъ разныя исторіи о животныхъ, разныя случаи изъ охотничей жизни; онъ говорилъ живо и увлекательно, а она слушала задумчиво, какъ ребенокъ, которому разсказываютъ сказку. Міръ пересталъ существовать для нея, звучалъ только его умный, милый голосъ.—Въ этотъ вечеръ Гастельмейеръ пошелъ проводить Копперта: они хотѣли выпить вмѣстѣ по кружкѣ пива. Эмиль ушелъ домой. Кухарка послала постель на диванъ, и Олли осталась одна.

Она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Послѣ веселыхъ разговоровъ и радостнаго настроенія, одиночество особенно тяжело легло на ея душу. Густой туманъ безнадежности снова окуталъ ее. Лихорадочный огонь жегъ ея руки и ноги, сердце ея неудержимо стремилось за Коппертомъ. Онъ унесъ съ собою все ея спокойствіе, самообладаніе, увѣренность въ своихъ силахъ, побѣждавшую и болѣзнь, и слабость. Ей казалось, что безъ него она должна погибнуть, что онъ унесъ съ собою и свѣтъ, и воздухъ.

Задыхаясь, она прислонилась къ широкой бѣлой печкѣ и сжала голову обѣими руками. Ей казалось, что вся она пылаетъ огнемъ. Почему это, какъ это случилось?

— Боже мой, вѣдь я люблю его,—сказала она вдругъ и сразу какъ то затихла.

Образъ Копперта огнемъ горѣлъ въ ея душѣ. Неправильное лицо, сѣрые, выразительные глаза, стройная, худощавая фигура; въ каждомъ его движеніи, въ каждой чертѣ его лица сказывался умъ. Да, она гсворила еще раньше, чѣмъ его увидѣла: «Онъ единственный человѣкъ, у котораго есть лицо».

Теперь онъ стоялъ передъ ней, какъ живой. Она жадно всматривалась въ его черты, вслушивалась въ его голосъ. Она брала его руки и говорила ему: «Останься, не покидай меня». Но эти слова потрясли ее до глубины души. А Мимъ? Она едва могла перевести дыханье.

Какъ безчестно, какъ отвратительно позволять Миму кормить себя, мучить его, не заботиться о немъ, не обращать вниманія на его ласки, не заказывать его любимыхъ кушаньевъ, брать отъ него все и равнодушно отворачиваться отъ него, думать только о себѣ—и каждой мыслью, каждымъ чувствомъ принадлежать другому! Развѣ это не низкая измѣна?

Напрасно Мимъ женился на ней. Никогда до сихъ поръ не чувствовала она этого съ такою силой. Въ то же время она поняла, что она мало счастья дала ему. Какъ трогательно хвалилъ онъ сегодня удавшійся ужинъ Эмиля и какъ онъ вообще былъ милъ и ласковъ всегда съ нею. Сколько лишнихъ хлопотъ принесла она ему. А сама?

Олли была лихорадка. Она должна уйти отъ Мима, куда

нибудь уйти и работать, работать безъ отдыха, это будетъ честно. Одно изъ двухъ: или думать только о себѣ и жить для себя, или думать о другихъ и жить для другихъ. — Она обманула его! Никогда до сихъ поръ эта мысль не приходила ей въ голову. Да, она заключила съ нимъ безчестную сдѣлку. Она взяла отъ него все и не дала ничего, рѣшительно ничего, а вмѣсто того безпечно продолжала брать отъ него съ такимъ эгоизмомъ, какого она никогда не подозрѣвала въ себѣ. Съ какимъ ужасомъ, съ какимъ отчаяньемъ думала она о возможности стать матерью. Она думала только о себѣ, ни Мимѣ, ни будущій ребенокъ не приходили ей въ голову. Она считала себя полновластной госпожей своихъ поступковъ. Работа, ожидающая ее слава стояли для нея на первомъ мѣстѣ. А Миму до всего этого было очень мало дѣла.

И вотъ, эта душевная слѣпота прошла именно теперь, когда она собиралась отдать искусству всѣ свои силы, малѣйшіе остатки своихъ силъ, когда ей была дорога каждая минута,—именно теперь ее осаждали тысячи мыслей.

Такъ стояла она, крѣпко сжавъ руки и склонивъ голову, разбитая, подавленная. Страшные призраки вставали среди окружавшаго ее густого тумана и наполняли ее ужасомъ. Ея работа, безконечный путь къ славѣ, не выполненныя обязанности, безчестная сдѣлка... и Коппертъ, и Мимъ, и болѣзнь... и ранняя смерть, безформенный призракъ которой она не видѣла, но ощущала тамъ, въ густомъ туманѣ.

Боже мой, я не могу этого вынести, не могу! — простонала она. И надъ всѣми этими мучительными мыслями господствовало страстное желаніе видѣть Копперта. Онъ все время стоялъ передъ ней, и она протягивала къ нему обѣ руки. Онъ, только онъ одинъ могъ спасти ее, могъ дать ей успокоеніе. Въ немъ была ея жизнь, а ей такъ хотѣлось жить!

Она вскочила и стала ходить по комнатѣ; ея сердце разрывалось отъ болѣзненной, неудовлетворенной жажды жизни, знакомой тѣмъ, кого жизнь обманула. Подумать только, что она никогда больше не увидитъ его, не услышитъ; что она оставитъ свою работу, потушитъ священный огонь, оживляющій ее, и посвятитъ свою жизнь на то, чтобы вознаградить Миму за все! Все существо ея возмущалось при этой мысли, она не могла ее вынести, она хваталась за голову, она рвала мокрый отъ слезъ платокъ и наконецъ, рыдая, бросилась на землю. Ни словъ, ни мыслей не было въ ея головѣ, она испытывала только безграничную, безумную ярость, какъ дикое животное, которое въ бѣшенствѣ бьется о прутья своей кѣтки.

Но скоро въ ней опять проснулось сожалѣніе къ Миму, горькое сознаніе, что она обманула, да, обманула его... какъ же иначе назвать это?

Мимъ поздно вернулся домой и нашелъ свою жену въ состояніи полнѣйшаго изнеможенія. Она все еще сидѣла на полу.

— Олли!—воскликнулъ онъ, пораженный; онъ всталъ передъ ней на колѣни, поднялъ ее, и она опять почувствовала „нѣжное прикосновеніе его руки“, которое когда-то покорило ее сердце. Она походила въ эту минуту на человѣка, лишеннаго кожи, которому все проникаетъ до самой глубины нервовъ. Совершенно уничтоженная добротой Мима, она разразилась рыданіями и горько обвиняла себя во всемъ.

Мимъ былъ радостно изумленъ: онъ вѣрилъ, какъ дитя, что человѣкъ можетъ переродиться внезапно, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Онъ утѣшалъ ее, старался успокоить ее.

— Теперь все пойдетъ хорошо, моя Олли,—повторялъ онъ нѣсколько разъ. Наконецъ это разсердило ее, и она спросила съ горечью:

— По твоему, значить, мнѣ бросить живопись?

— Ну, вотъ, зачѣмъ же бросать? Немножко только поменьше времени отдавай ей. Это будетъ тебѣ очень полезно.

Его безмятежное довольство и спокойствіе раздражали ее. Послѣ такого продолжительнаго нервнаго возбужденія у нея начался лихорадочный ознобъ. Мимъ помогъ ей раздѣться и вообще обращался съ ней заботливо, какъ съ больнымъ ребенкомъ, но на сердцѣ у него было тяжело. Его смущали слова доктора по поводу болѣзни Олли. Въ нихъ было что-то торжественное, печальное и недосказанное. Вполнѣ здоровой, сильной женщиной она никогда не будетъ, и такого семейнаго очага, о какомъ онъ всегда мечталъ, у него также никогда не будетъ. Еслибъ бѣдная Олли и захотѣла постараться объ этомъ, все равно ничего бы не вышло. Женщина прежде всего должна быть здорова. А тутъ еще эта несчастная работа, изъ-за которой она ничего слышать не хочетъ.

Какая она была сейчасъ милая, трогательная: она соглашалась все устроить по новому, это глубоко обрадовало его. Она лежала теперь, прелестная, какъ цвѣтокъ, тронутый морозомъ въ самомъ расцвѣтѣ красоты. Сила, энергія незамѣтно улетѣли куда-то, ихъ мѣсто заняло утомленіе и безпомощная слабость. А блестящіе, влажные глаза смотрѣли такъ лихорадочно и безпокойно. Гастельмейеръ тяжело вздохнулъ. Онъ припомнилъ прощанье со стариками, припомнилъ разговоры отца о любви и о женитбѣ, и на сердцѣ у него становилось все тяжелѣе и тяжелѣе.

Олли чувствовала себя очень не хорошо и не спокойно: ей мерещился карпъ, забиравшійся все глубже въ тину съ своей раной.

— Оставь ты его,—сказалъ, наконецъ, Гастельмейеръ, которому жутко приходилось отъ этихъ разговоровъ.

Она замолчала.

— Ложись спать, Мимъ, — сказала она черезъ нѣсколько времени.

Она лежала спокойно, съ широко открытыми глазами, зная хорошо, какая ночь ей предстоитъ. Опять мученія! Опять переживание всего того, что она только что испытала.

Гигантскія птицы взмахивали надъ ней своими темными крыльями. Безшумно носились онѣ надъ ней, оспаривая другъ у друга бѣдную, истерзанную душу Олли.

Одна изъ нихъ уже впиалась въ ея грудь, но ее отталкивала другая, приносящая горькое сознаніе, что жизнь ее обманула, и третья, напоминавшая о невыполненныхъ ею обязанностяхъ.

Надъ ней кружилась цѣлая стая гигантскихъ хищныхъ птицъ; казалось, онѣ созданы были, чтобы гдѣ нибудь на гигантской планетѣ терзать гигантскихъ людей, и только случайно попали на нашу маленькую землю и тратили свои демоническія силы на наши маленькія, жалкія души.

Олли лежала подавленная, не имѣя силъ бороться. Но сквозь страшный хаосъ, окружавшій ее, на нее смотрѣло правильное, умное лицо, каждую черту котораго она всѣми силами старалась удержать въ своей памяти. Въ этомъ лицѣ было ея спасеніе. Въ немъ черпала она силу для борьбы, для побѣды, быть можетъ. И этотъ даръ небесъ, разсѣивавшій мракъ и хаосъ вокругъ нея, должна она оттолкнуть отъ себя, такъ глупо, такъ низко оттолкнуть! Нѣтъ, она чувствуетъ къ нему одну безграничную благодарность. На сердцѣ ея стало немного свѣтлѣе. Самъ Богъ послалъ ей его. Не надо такъ отчаяваться.

И она опять протягивала навстрѣчу ему руки и ощущала такъ отчетливо, какъ ясновидящая, что онъ бралъ эти молящія о помощи руки и привлекалъ ее самое къ себѣ. И она крѣпко, крѣпко прижималась къ его груди, и онъ говорилъ съ ней, какъ человѣкъ съ человѣкомъ. Ей стало хорошо, а когда блѣдный свѣтъ утра заглянулъ въ ея окно, она заснула, наконецъ, крѣпкимъ сномъ.

Жизнь шла своимъ чередомъ. Веселье улетѣло изъ дома молодыхъ. Черезъ день или два приходилъ докторъ и осматривалъ свою пациентку. Всю зиму она не выходила изъ дому. Гастельмейеру стали теперь знакомы тревожныя ночи безъ сна послѣ безрадостныхъ дней. Повременамъ имъ овладѣвало отчаяніе, онъ не находилъ себѣ мѣста. Ночныя припадки Олли производили на него самое тягостное впечатлѣніе. Часто ей не хватало воздуха, а иногда ею овладѣвалъ страхъ, безумный страхъ смерти. Она бросалась тогда къ Миму и, обхвативъ его руками, смотрѣла на него расширенными отъ ужаса гла-

зами, а онъ долженъ былъ терпѣливо переносить все это и по возможности успокаивать ее.

— Мимъ, моя картина!—вырывалось у нея мучительнымъ стономъ въ такія минуты.

— Не думай ты о ней пока,—говорилъ онъ.

— Да, не думай, не думай! — шептала она съ тоской и отчаяніемъ своимъ охрипшимъ голосомъ.

— Ахъ, Мимъ, бѣдный ты мой!

Онъ не находилъ, что сказать ей.

Олли работала надъ картиной, которая должна была быть окончена къ международной выставкѣ. Дѣвushку подъ отцвѣтающей яблоней она уже продала. Съ нея дѣлали снимки, о ней говорили. Коппертъ принесть имъ первый печатный отзывъ о ней.

Гастельмейеръ припомнилъ, какъ онъ пожалъ ей при этомъ руку, не говоря ни слова, но съ выраженіемъ радостнаго и глубокаго участія. Онъ припоминалъ, какъ Олли читала, какъ сіяло ея лицо и какъ она потомъ посмотрѣла на Копперта своими большими выразительными глазами. На Копперта, а не на него она посмотрѣла... Онъ припомнилъ, какъ она сразу ожила. Точно чудомъ болѣзнь улетѣла куда-то. Она совсѣмъ переродилась, это была снова прежняя Олли.

Счастливый день! какая она была прелестная, — гордая, переполненная счастьемъ.

А Коппертъ, добрый, удивительный человѣкъ! Онъ всегда считалъ его порядочнымъ чудакомъ, но въ то-же время чрезвычайно благоразумнымъ и практическимъ человѣкомъ; онъ уважалъ его за талантъ, но лично считалъ его довольно непріятнымъ, самонадѣяннымъ, рѣзкимъ, придирчивымъ,—теперь онъ узналъ его съ совершенно иной стороны.

Богъ знаетъ почему, Миму никакъ не удавалось предупредить желанія больной, вполне проникаться ея настроеніями. А Коппертъ, стоя передъ ея мольбертомъ, умѣлъ помочь ей двумя словами. Онъ всегда на лету ловилъ ея мысли. И она, какъ она понимала его! Гастельмейеръ еще никогда не видѣлъ такой работы и такого ученья. Ученье, какъ онъ его себѣ представлялъ, всегда было скучнѣйшимъ занятіемъ—полупониманіе, равнодушное усвоеніе. А здѣсь оба работали съ увлеченіемъ, возбужденно, нервно. И какіе успѣхи она дѣлала! Просто невѣроятные.

— Она страшно утомляется, — сдерживай ты ее хоть немного,—говорилъ ему отъ времени до времени Гастельмейеръ.

— Къ чему?—спрашивалъ Коппертъ. И въ этомъ словѣ

было все: и ея смертный приговоръ, и просьба не мѣшать ея послѣдней радости.

Трогательно было видѣть, какъ Олли въ этотъ періодъ заботилась о хозяйствѣ; она принималась за него по своему, — дѣтски и безпомощно, но все же проявляла самыя лучшія на мѣренія. Она умѣла дѣлать пирожное изъ битыхъ бѣлковъ; на листъ бумаги она клала сбитые бѣлки и ставила ихъ въ печь. Она съ большой торжественностью устраивала все это, но только одинъ разъ у нея вышло что-то дѣйствительно похожее на пирожное. Она ужасно обрадовалась и говорила Мимѹ:

— Не правда-ли, Мимъ, хорошо? тебѣ нравится? Вѣдь все сдѣлано дома, какъ ты любишь. У тебя дома также дѣлали, Мимъ, правда?

Мимъ молча кивнулъ головой и вышелъ за дверь, валяя во рту невкусный, сыроватый комокъ, символъ его разочарованія. А она все совала ему въ ротъ новые кусочки этого страннаго кушанья. Наконецъ онъ схватилъ шапку и пальто, — дома ему стало невыносимо.

Что у него за домъ! Все какъ-то не по людски, — смѣшно, глупо и грустно въ то-же время.

Впрочемъ, въ общемъ все шло ничего себѣ, терпимо, даже лучше, чѣмъ раньше.

Въ кухнѣ уже нѣсколько недѣль хозяйничалъ Эмиль и, надо ему отдать справедливость, хозяйничалъ превосходно; онъ взялъ также въ свои руки расходную книгу и велъ ее очень аккуратно. Онъ окончательно поселился у сестры, чтобы ей удобнѣе было слѣдить за его занятіями; когда онъ не хлопоталъ въ кухнѣ, онъ сидѣлъ въ ея комнатѣ и рисовалъ съ самымъ недовольнымъ и скучающимъ видомъ. Иногда Олли, усталая, больная, приходила изъ мастерской, неровно дыша, истративъ послѣднія силы, и падала на диванъ; въ эти минуты взглядъ ея обращался на Эмиля, и ее охватывала настоящая ярость при видѣ его равнодушной, лѣнивой работы. Разъ ею овладѣла такая досада, что она вскочила съ полными слезъ глазами, шатаясь подошла къ Эмилю и неожиданно дала ему пощечину.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ Эмиль, чрезвычайно удивленный, — однако, Олли, силы у тебя еще, слава Богу, не со всѣмъ пропали.

— Еслибъ ты былъ не такой отчаянный лѣнтяй! — сказала Олли, сильно пристыженная его добродушіемъ. Но въ ту же минуту она болязненно почувствовала, что Эмиль относится къ ней уже не попрежнему. Она какъ будто вычеркнута изъ числа живыхъ людей. Ея слова перестали оскорблять. Густая краска

залила ей лицо, и сейчас же смѣнилась мертвенной блѣдностью, волосы вдругъ стали влажными, и она едва удержалась на ногахъ.

Эмиль пристально посмотрѣлъ на нее, обнявъ ее рукой за плечи и подвелъ къ дивану; тамъ онъ сѣлъ около нея на полъ и она почувствовала, что все тѣло его вздрагиваетъ отъ сдерживаемыхъ рыданій. Прижавшись къ ея груди, онъ горько плакалъ надъ ней, какъ надъ мертвой.

Она дала ему выплакаться, не двигаясь съ мѣста, но сердце ея сжималось отъ охватившаго ее холодного ужаса. Неужели уже такъ близко?

Нѣтъ, нѣтъ, вѣдь это только самое начало болѣзни. Ея симптомы еще почти не замѣтны. Она не начала еще даже худѣть. Конечно, она уже сильно страдала, но все-таки... все-таки это еще самое начало... Начало чего? Ужасныхъ, ужасныхъ мученій, а потомъ, потомъ... Сердце у нея захолонуло. — Скоро-ли придетъ Коппертъ? — подумала она. — Развѣ еще не пора ему?

X.

Стояла ранняя весна, сырая и туманная; съ мокрыхъ, покрытыхъ почками деревьевъ неслась тоскливая, задумчивая пѣсенка дрозда, будящая въ душѣ смутныя ощущенія и далекія воспоминанія и вызывающая въ дѣтскихъ сердцахъ чувство особеннаго, весенняго блаженства. Эта старая, какъ мѣръ, пѣсенка шевелить и влечетъ насъ куда-то вдаль даже тогда, когда смертельная усталость сковываетъ наши члены, когда мы желали бы скрыться куда нибудь подальше отъ радостнаго возрожденія природы, когда въ насъ можетъ ожить съ новою силой только старое горе. Весенняя пѣсня дрозда, несущаяся подъ сѣроватымъ небомъ, съ мокрыхъ, покрытыхъ почками деревьевъ, безжалостно будитъ все живое, все имѣющее уши и сердце и влечетъ его за собой въ общій потокъ обновленія и юности. Но тѣмъ, кого жизнь обманула, она причиняетъ боль, острую, жгучую боль.

Олли, Мимъ и Эмиль совершили только что первую поѣздку за городъ, на берегъ Изара. Сильно утомленная, Олли лежитъ на диванѣ, устремивъ впередъ неподвижный взоръ.

Эмиль накрываетъ на столъ и ставитъ на него большой букетъ подснежниковъ; онъ, повидимому, хочетъ отпраздновать первую весеннюю прогулку.

Мимъ садится за чайный столъ, но праздникъ какъ-то не клеится. Олли лежитъ совершенно безучастно и только знаками показываетъ, чтобы ее оставили въ покоѣ.

Свѣжій запахъ подснежниковъ тончайшей струей распространяется по комнатѣ. Но Олли чувствуетъ его; и онъ раздражаетъ ее, какъ всё, какъ все.

Мимъ собирается уходить. Надѣвъ пальто, онъ подходитъ къ Олли, гладитъ ее по головѣ и спрашиваетъ:

— Ну, что? получше тебѣ?—Какъ терзаютъ ее эти ненужные вопросы! Наконецъ она одна. Она не шевелится, но внутри у нея что-то трепещетъ и бьется; ее гложетъ весенняя тоска, убивающая тѣхъ, кого жизнь оттолкнула и забыла.

Раздается звонокъ.—Въ комнату на цыпочкахъ входитъ Эмиль и спрашиваетъ:

— Олли, Коппертъ пришелъ. Пустить его къ тебѣ?

Она киваетъ головой.

— Можно?—спрашиваетъ Коппертъ въ дверяхъ.

— Да,—раздается едва слышный шопотъ Олли.

Онъ садится противъ ея дивана. Оба молчатъ. Взглядъ Олли покоится на немъ.

— Мнѣ плохо,—шопотомъ произноситъ она. Это звучитъ какъ-то холодно, безъ выраженія.

Коппертъ съ трудомъ сохраняетъ спокойствіе. Онъ сильно поблѣднѣлъ, и его худощавая фигура стала еще худощавѣе. Это безпросвѣтное отчаяніе слишкомъ сильно дѣйствуетъ на него.

— Я принесъ вамъ одну штуку,—говоритъ онъ,—одно маленькое существо. Держу пари, что вы его не знаете.

Онъ вынимаетъ изъ кармана картонную коробку и осторожно держитъ ее въ рукахъ; въ стѣнкахъ ея продѣланы дырочки.

— Чтонибудь живое?—спрашиваетъ Олли. Онъ утвердительно киваетъ головой.

— Птица?

— Не совсѣмъ. Да вы не знаете его, увѣряю васъ.

Онъ осторожно открываетъ коробку и вынимаетъ оттуда какое то сѣренькое существо, завернутое въ тряпочку.

— Летучая мышь,—прошептала Олли.

— Да, летучая мышка, сложенная какъ зонтикъ. Рассмотрите ее хорошенько.—Онъ держалъ ее на ладони и показывалъ Олли.—Каждый оселъ воображаетъ, что онъ вдоль и поперекъ знаетъ такое созданье. Этотъ нѣжный, маленькій призракъ изъ волшебныхъ сказокъ! Взгляните на ея глазки — точно самоцвѣтные камушки! Какая у нея нѣжная мордочка, какіе крошечные зубки и какія громадныя уши. Скажите, напоминаетъ она вамъ маленькую сестру милосердія въ чепчикѣ? Вѣдь правда? а? Вамъ это не приходило въ голову?—Онъ засмѣялся.

Онъ немножко расправилъ ея крылья. Оля пощупала ихъ.

— Точно пухъ,—сказала она.

— Ну, а какъ должно относиться къ ней искусство?—ска-

залъ Коппертъ. — По моему, мы, новые художники, какъ говорить, мы должны изучать летучую мышъ. Взять хоть насъ съ вами: мы проникаемъ, или по крайней мѣрѣ стараемся проникнуть въ самые глубокіе тайники жизни. «Да, это совсѣмъ не похоже на летучую мышъ», говорятъ критики; они знаютъ летучую мышъ по книжкамъ съ картинками, гдѣ она всегда изображена, именно, въ видѣ сложеннаго зонтика. «Аффектація! ну, видѣлъ-ли кто нибудь подобныхъ летучихъ мышей!» — А вы ихъ знаете? — «Еще бы! Кто же не знаетъ летучую мышъ», говорятъ они. А я утверждаю, что летучая мышъ для нихъ неразгаданная тайна. Точно также какъ и человѣкъ. Скажите сами: бываетъ-ли человѣкъ когда нибудь такъ пошло просто и понятенъ, какъ они хотятъ, чтобъ его изображалъ художникъ, и какъ нѣкоторые, дѣйствительно, изображаютъ его. О нѣтъ! онъ всегда полонъ таинственности. Свѣтъ и тѣни, мышцы и кости, все въ немъ переплетено, перепутано. То онъ будто высѣченъ изъ камня, то расплывается въ туманѣ, то сверкаетъ, то меркнетъ, то тонетъ, то выплываетъ. Сейчасъ онъ весь сѣрый и мрачный, а черезъ минуту сіяетъ ослѣпительнымъ свѣтомъ. Въ немъ есть всѣ цвѣта, хоть иногда онъ кажется безцвѣтнымъ. — Теперь тише... подождите, постараемся уловить самую его сущность. Подстережемъ внутреннее, сокровенное движеніе его души, которое люди знаютъ также мало, какъ и летучую мышъ. Но мы покажемъ вамъ летучую мышъ, мы научимъ васъ иначе понимать міръ, среди котораго вы живете и котораго вы въ сущности совсѣмъ не знаете. — Можно мнѣ выпустить ее за окошко?

Во все время разговора онъ бережно держалъ въ рукахъ маленькое животное. Потомъ онъ немного приоткрылъ окно. Животное сидѣло у него на ладони, довѣрчиво поглядывая вокругъ. «Ты не сдѣлалъ мнѣ ничего дурного», — думало оно, можетъ быть, въ это время... Наконецъ оно тихонько пискнуло и исчезло за окномъ.

— Тоже вѣстница весны, — сказалъ онъ, закрывая окно. — Она влетѣла ко мнѣ въ мастерскую. Ну, будетъ о ней. — Знаете-ли вы, что съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами знакомы, вы сдѣлали поистинѣ баснословные успѣхи. Меня они просто поражаютъ. Правду говоря, я не думалъ, что женщина можетъ когда нибудь достигнуть того, чего достигли вы. У васъ огненная душа! Вы будете великой художницей. Да вы и теперь великая художница. Вы, конечно, не подумаете, что я говорю неискренно. Вы удивительно тонко проникаете въ самую сокровенную глубину, недоступную другимъ.

Онъ не смотрѣлъ на Олли, говоря это; когда онъ хотѣлъ сказать что нибудь доброе, онъ всегда устремлялъ глаза внизъ, на полъ или на коверъ. Теперь онъ поднялъ глаза и увидѣлъ

сияющее счастьемъ лицо. Болѣзненное, огорченное выраженіе вдругъ исчезло. Безнадежность, затаенное страданіе, смертельное утомленіе—все разсѣялось, какъ тьма передъ солнцемъ.

Какое счастье, большое, чистое счастье! Она схватила его руки и повторила дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ:

— Тоже вѣстникъ весны! Какъ мнѣ васъ благодарить?

Коппертъ не могъ найти подходящихъ словъ. Онъ провелъ рукой по волосамъ, пожалъ плечами и произнесъ:

— Меня благодарить? ого-го!

У него сердце переворачивалось, когда мимолетное счастье озаряло вдругъ ея лицо. Онъ бормоталъ про себя что-то непонятное. Ему казалось, что на его глазахъ какой-то исполинскій кулакъ жестоко и равнодушно разбивалъ прелестное созданье съ огненной душой. Неужели она должна такъ безвременно погибнуть?

Онъ отвернулся отъ нея и сталъ выдѣлывать самыя непонятныя движенія руками; наконецъ глубокій вздохъ нѣсколько облегчилъ его грудь.

— Что это, вы гимнастикой занимаетесь?—спросила его Олли, все еще счастливо улыбаясь. Безпокойный духъ, вселившійся въ него, сдѣлалъ еще одно энергичное движеніе его рукой.

— Ничтожныя существа эти женщины, — сказалъ онъ, — вы вѣдь знаете, что я про нихъ думаю? Мелочныя, узкія, хитрыя, расчетливыя! Никогда не загорается въ нихъ чистый огонь и не истребляетъ всю эту скверность, никогда!—Я знаю, знаю, что вы хотите сказать, молчите, вамъ вредно говорить. Вы, ну вы, конечно, исключеніе. Вы просто добрый товарищъ съ геройской душой. Раньше я думалъ, что вы злой геній.— Онъ снова сѣлъ на стулъ, — но, слава Богу, оказалось, что далеко нѣтъ. — Онъ откинулъ назадъ волосы. — Да, — сказалъ онъ, — думалъ-ли я когда нибудь, что можно установить такія отношенія съ женщиной! Удивительно! Совсѣмъ простыя; какъ человекъ съ человекомъ, а не какъ хищное животное. Вѣдь каждая женщина могла бы добиться того-же, еслибъ хотѣла, ничего тутъ нѣтъ невозможнаго. Но нѣтъ! Какъ бы не такъ! Она непременно должна проявить свою женственность, какъ будто это-то и есть въ ней самое цѣнное.

Онъ опять уставился глазами въ полъ, такъ какъ намѣревался сказать нѣчто дѣйствительно необычное въ его устахъ.

— Имѣть такого товарища, какъ вы, — пробормоталъ онъ, — это недурно, всякій бы позавидовалъ мнѣ, но только не всякому это дается. Знаете, это такая награда, какой не легко добиться.

Онъ ступнулъ каблуками, сталъ на носки, потомъ опять на каблукъ и самымъ внимательнымъ образомъ наблюдалъ за своими ногами.

— Мнѣ пришлось разъ провести цѣлую ночь на жнивѣ. Легко сказать, это просто пытка! Можно въ бѣшенство придти отъ такого ложа. Вы думаете, что эти колосья можно прижать пяти пудовой тяжестью? Какъ-же! Они все торчатъ прямо, колютъ, щекочатъ, они положительно непобѣдимы, упорны, тверды, жестоки, какъ сама жизнь... И цѣлую длинную ночь ворочаться на нихъ съ боку на бокъ.

— Какъ солдатъ?—спросила Олли.

— Какъ самый обыкновенный человѣкъ,—отвѣтилъ онъ.— Въ пять часовъ утра я сказалъ себѣ: довольно. Я могу многое перенести, но тутъ я подъ конецъ чуть съ ума не сошелъ. Я спустился къ берегу,—это было на озерѣ. Утро еще только занималось. Я сбросилъ платье и тихонько вошелъ въ озеро. Послѣ этихъ колючекъ—и вдругъ такъ мягко. Немножко холодно, положимъ, но за-то такъ мягко! Точно рука матери коснулась меня... да, именно такой должна бы быть рука матери!—Такъ вотъ, когда послѣ всякихъ житейскихъ шиповъ и уколовъ, я вдругъ остаюсь съ вами, — на душѣ становится такъ мягко, ничто не колетъ, не задѣваетъ. Я забываю, что я также хищное животное... злоба, досада, все стихаетъ... одна чистая дружба. Слова! — пробормоталъ онъ,—все не то я говорю.— Онъ продолжалъ смотрѣть на кончики сапогъ.

А Олли не сводила съ него внимательнаго и растроганнаго взгляда.

— Дайте мнѣ вашу руку,—сказала она.

Онъ схватилъ ея горячія, прозрачныя руки и посмотрѣлъ ей прямо въ глаза.

— Зачѣмъ вы мнѣ это говорите? Чтобъ сдѣлать меня счастливой?

— Люди говорятъ другъ другу слишкомъ мало добраго,—промолвилъ онъ.

Она вся какъ-то просвѣтлѣла. Выраженіе глубокаго спокойствія легло на ея лицо, она не выпускала руку Копперта изъ своихъ.

— Благодарю васъ,—тихо сказала она,—какъ это удивительно, что вы пришли къ намъ! Первый же разъ, какъ вы были у насъ, Мимъ сказалъ: «Твой мессія пришелъ». Ваши работы были для меня откровеніемъ. А теперь... теперь...—Она не могла продолжать, но смотрѣла на него съ такимъ выраженіемъ, какъ будто она стояла передъ нимъ на колѣняхъ и цѣловала его руки.

Оба они замолкли. Эмиль принесъ лампу.

— Онъ очень добрый,—прошептала она.

— Ну, да,—сказалъ Коппертъ,—у него есть что-то вродѣ сердца. Только лѣнтый и недопеченный хлѣбецъ, — все оттого

что разсуждаетъ о вещахъ, которыя его не касаются. — Онъ улыбнулся Эмилю.

— Ого! — произнесъ Эмиль, хлопнувъ себя по колѣну, и скрылся за дверью.

— Завтра придетъ докторъ, опять будетъ меня осматривать. Богъ его знаетъ, что онъ находитъ! Пожалуйста, придите послѣ обѣда. — Она произнесла это дрожащимъ, едва слышнымъ голосомъ. Коппертъ долженъ былъ совсѣмъ наклониться къ ней, чтобы разслышать ея слова. Отдохнувъ немного, она продолжала:

— Такъ хорошо будетъ, если вы придете. Мимъ всегда теряетъ голову. А мама!.. Господи, еслибы она не пришла. Но они всегда всѣ приходятъ. Еще лучше всѣхъ тетуска Ценглеинъ, она точно маленький блуждающій огонекъ. Она на все смотритъ какъ-то такъ, — не знаю какъ бы это сказать, — такъ холодно. Я такъ одинока, когда всѣ они тутъ соберутся. Обо мнѣ никто не думаетъ, всякій только о себѣ. А какъ это чувствуешь, когда больна! Полное, полное одиночество! Эмиль... Эмиль очень добрый. Такъ вы придете?

Когда Коппертъ уходилъ, она поблагодарила его еще разъ съ такимъ выраженіемъ, которое запечатлѣлось въ немъ на всю жизнь.

Она опять осталась одна и лежала тихо и неподвижно, какъ до прихода Копперта; но весеннюю тоску онъ унесъ отъ нея и оставилъ ей взаимнъ что то другое. — Онъ оставилъ ей душевный покой и ясное, теплое счастье въ настоящемъ. Онъ разсѣялъ тревогу, волненіе, тоску и страданья, мѣшающія намъ наслаждаться тѣмъ, что мы имѣемъ; и она чувствовала только одно, что она достигла многого, о чемъ всегда такъ страстно мечтала.

Гастельмейеръ поздно вернулся домой.

— Ну, что, какъ ты себя чувствуешь, моя Олли? — спросилъ онъ.

Она обхватила его руками за шею и сказала своимъ беззвучнымъ голосомъ:

— Мимъ, знаешь, Коппертъ мой товарищъ. Онъ самъ сказалъ это сейчасъ.

— Онъ очень хорошій человекъ, твой Коппертъ, — отвѣтилъ Мимъ.

Много событій произошло, прежде чѣмъ Коппертъ пришелъ къ нимъ на слѣдующій день. Онъ попробовалъ позвонить. Звонокъ не дѣйствовалъ. Она просила его придти, и онъ пришелъ. Неужели же она будетъ напрасно ждать его?

Онъ постучалъ. Никто не отворилъ. Онъ постучалъ еще и

еще разъ—въ кухнѣ слышалась возня и шаги. Онъ опять постучалъ. Наконецъ шаги приблизились къ двери, кухарка отворила ее и посмотрѣла на него растеряннымъ взглядомъ.

— Что случилось?—спросилъ онъ.

— Ахъ, господинъ Коппертъ, ужъ лучше бы вамъ не входить теперь. Ночью было такъ плохо! Докторъ долженъ былъ ее рѣзать. Ужъ и не знаю, что теперь будетъ! Онъ вставлялъ ей серебряную трубочку въ горло. Говорить она ужъ никогда не будетъ. А Эмиль болтаетъ, ужъ не знаю правда-ли, что еще долго можетъ этакъ протянуться. Ну, а по моему, что ужъ за радость такъ-то жить!

Коппертъ стоялъ, какъ громомъ пораженный.

— По моему,—начала опять кухарка, но, взглянувъ на него, остановилась.

— Подите, скажите, что я пришелъ.

Онъ вспоминалъ ея трогательныя, молящія о помощи, слова.

— Хорошо; только они тамъ всѣ головы потеряли.

— Ну, идите.

Когда онъ входилъ въ знакомую комнату, гдѣ уже много мѣсяцевъ съ такой неподдѣльной радостью встрѣчалъ его его товарищъ, ему показалось, что онъ входитъ въ садъ, который онъ оставилъ вечеромъ въ полномъ цвѣту, а на утро нашелъ все помятымъ и уничтоженнымъ, точно въ немъ хозяйничалъ самъ дьяволъ.

Онъ страшно поблѣднѣлъ, черты его лица какъ то вдругъ заострились, руки судорожно сжимались, глаза тревожно осматривали комнату. А комната совсѣмъ утратила свою привлекательность. Всякій сдвинутый съ мѣста стулъ говорилъ объ убитыхъ горемъ и отчаяніемъ людяхъ. Вездѣ царилъ полнѣйшій беспорядокъ, кучи ненужныхъ вещей валялись повсюду.

Гастельмейеръ стоялъ у окна и пристально смотрѣлъ на улицу; онъ не обернулся, когда дверь отворилась и вошелъ Коппертъ. Мать Олли, до послѣдней степени растрепанная, сидѣла на диванѣ. Менѣе всего походила она на мать, приносящую покой и утѣшеніе—она сама требовала попеченія. Рядомъ съ ней, весь сгорбившись, сидѣлъ Эрвинъ.

Какой видъ у всѣхъ этихъ людей?!

На диванѣ, вѣроятно, кто нибудь спалъ, такъ какъ постель до сихъ поръ еще не была убрана. На полу стоялъ тазъ съ водой, на стулѣ—остатки завтрака. Одна чашка опрокинулась, и чай разлился по полу; на всемъ лежалъ слой пыли. Рядомъ слѣды операціи, тазъ съ окровавленной водой на столѣ, перегаченные кровью платки, тарелки, бутылки.

У Копперта кровь прилила къ лицу, ему такъ больно было видѣть все это. Еслибы она знала это, бѣдняжка! Его глаза съ ненавистью остановились на матери. — Да вставай же ты,

старая дура,—говорилъ его гнѣвный взглядъ.—Приобрѣти себѣ право на жизнь, встряхнись! Брось свои нервы и дѣлай, что ты обязана дѣлать.

Безумная ярость душила Копперта. Онъ давно уже зналъ это болото, изъ котораго вышла его бѣдняжка, этихъ людей, простиравшихъ свои безпомощныя, слабыя руки къ искусству, считая его самымъ благороднымъ средствомъ добывать себѣ пропитаніе, этихъ жалкихъ людей, не умѣвшихъ справляться съ жизнью, игравшихъ съ серьезнымъ и безпощаднымъ искусствомъ. Изъ этого болота, которое выбрасываетъ наверхъ только пузыри, вышло чудное, героическое сердце, исполненное творческой силы и огня, сердце, побѣждавшее до сихъ поръ всѣ препятствія. И это сердце теперь разбито, раздавлено, уничтожено, а пузыри все растутъ и надуваются.

Ненавистная ему дама хотѣла было заговорить съ нимъ и уже начала какую-то высокопарную рѣчь; но онъ повернулся къ ней спиной.

— Ну... ну... — произнесъ онъ, дотронувшись до плеча Гастельмейера.

— Вотъ жизнь!—пробормоталъ тотъ,—еслибъ ты только зналъ. Адъ настоящій!

— Вынесите платки и посуду,—спокойно сказалъ Коппертъ госпожѣ Ковальской.

— Къ чему?—спросилъ Гастельмейеръ, — пусть все такъ и стоитъ въ этомъ несчастномъ домѣ; зачѣмъ, въ сущности, трогать?

— Не будь такъ малодушенъ, дружище, — сказалъ Коппертъ.

— Вотъ, что дала мнѣ жизнь!

Гастельмейеръ прижался лбомъ къ стеклу. Онъ стоялъ огорченный, разстроенный. Отчаяніе какъ-то ужасно не шло къ его благополучной фигурѣ. Все ему было противно. Съ нимъ случилось что-то ужасное, и онъ не могъ сладить съ собой; его горе, не смягченное состраданіемъ къ другимъ, становилось горькимъ, горькимъ какъ желчь. Конечно, онъ чувствовалъ состраданіе къ несчастнымъ, но самое это состраданіе тяготило его. Онъ выглядѣлъ нѣсколько смѣшнымъ. Вся его одежда какъ-то не гармонировала съ такимъ глубокимъ и серьезнымъ горемъ.

— Сегодня, ночью у насъ былъ такой адъ, Коппертъ, никакихъ человѣческихъ силъ не хватило-бы.—Онъ засунулъ обѣ руки въ карманы и стоялъ, какъ человѣкъ, окончательно сраженный судьбой.

— Еще есть надежда, что она будетъ жить, но, Коппертъ, совсѣмъ безъ голоса, понимаешь, совсѣмъ. И вполне здоровой женщиной она ужъ не можетъ быть.

Глаза его были полны слезъ, онъ уже много плакалъ сегодня.

— Съ тѣхъ поръ, какъ мы женаты, ни минуты покоя, вѣчная тревога въ воздухѣ. Какая она была чудная, милая, первое время. Что за женщина могла бы выйти изъ нея, еслибъ... А тутъ еще это!

Онъ чувствовалъ потребность высказаться. Онъ не могъ больше таить въ себѣ своихъ мыслей, и онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ рядомъ съ Коппертомъ, плохо слушавшимъ, повидимому, его изліянія.

— Подумать только, что я переѣхалъ изъ Зальцштрассе изъ-за сортировочной станціи. А что такое сортировочная станція въ сравненіи съ жизнью, когда не все идетъ какъ слѣдуетъ! У насъ, Коппертъ, не все шло, какъ слѣдуетъ, — сказалъ онъ съ волненіемъ, — да, далеко не все. Это началось еще на Блютенштрассе. Они все суетились и ничего у нихъ не выходило. Въ домѣ все время была какая то суматоха, беспорядокъ, тревога, ни минуты покоя. Всегда они пыхтѣли и свистѣли, точно локомотивы въ пути. Знаешь, Коппертъ, я всегда считалъ, что искусство это такое спокойное, мирное занятіе, а оказывается, совсѣмъ наоборотъ, или, можетъ быть, оно теперь только стало такимъ. Это шумная машина, вносящая въ домъ тревогу и безпокойство. А если домъ не достаточно великъ и рука, управляющая машиной, не достаточно сильна и не достаточно опытна, — тогда машина приходитъ въ разстройство, — винты не держатся, какъ слѣдуетъ, она разваливается и разрушаетъ самый домъ. Надо имѣть гигантскія силы, чтобы справляться теперь съ этой машиной. Слабымъ не слѣдуетъ браться за это.

Сравненіе, которое когда-то сдѣлалъ Эмиль, глубоко запечатлѣлось въ головѣ Гастельмейера. Онъ говорилъ шопотомъ, не останавливаясь, не обращая вниманія ни на тещу, ни на зятя, ни на Копперта; ему было совершенно безразлично, кто его слушалъ. Онъ долженъ былъ высказать все это; онъ могъ бы, конечно, сказать еще гораздо больше. Но и то немалое, что онъ успѣлъ сказать, облегчило его.

— А здѣсь у насъ — продолжалъ онъ, и двѣ крупныя слезы скатились по его полнымъ, розовымъ щекамъ, — здѣсь также скоро создастся сортировочная станція, несмотря на всю нашу любовь! Ахъ, Коппертъ, еслибъ ты зналъ, что за тревога царитъ у насъ постоянно — и дни, и ночи. Ахъ, эти ночи! Олли разводила эту адскую машину, она не хотѣла пріостановить ее ни на минуту. Она хотѣла скорѣй, скорѣй къ своей цѣли, она не жалѣла жизни. Надо было видѣть это! Никогда я не думалъ, что женщина можетъ создать такую жизнь. Женщинъ считаютъ обыкновенно самыми спокойными

и уравновѣшенными созданьями; по крайней мѣрѣ я всегда считалъ ихъ такими;—ну, а на дѣлѣ онѣ далеко не такія.

— Конечно,—повторилъ Коппертъ,—онѣ далеко не такія. Гдѣ же лежитъ твоя жена?

— Да... право я не знаю, можно-ли тебѣ къ ней, — лежить она, понятно, на кровати. Ужъ не знаю, какъ,—проговорилъ нерѣшительно Гастельмейеръ.

— Скажи ей, что я пришелъ. Кто теперь у нея?—спросилъ Коппертъ.

— Теперь тамъ Эмиль, а потомъ у насъ будетъ сестра милосердія. Знаешь, ей нужно разныя тамъ перевязки дѣлать.—Онъ неловко, на цыпочкахъ прошелъ въ сосѣднюю комнату.

Когда Коппертъ въ сопровожденіи Гастельмейера вошелъ въ комнату Олли, Эмиль всталъ со стула около ея кровати и прошепталъ на ухо Гастельмейеру:

— Пойдемъ. Всего лучше, когда съ ней говорить Коппертъ.

— Конечно, пойдемъ,—отвѣтилъ Гастельмейеръ.

Коппертъ увидѣлъ, какъ навстрѣчу ему протянулись, умоляя о помощи, двѣ блѣдныя ручки, какъ будто бурный потокъ уносилъ куда-то отъ него его бѣднаго товарища. А между тѣмъ она, повидимому, спокойно лежала на своей подушкѣ.

Онъ схватилъ ея бѣдныя руки; она высвободила одну изъ нихъ, указала на горло и съ отчаяніемъ посмотрѣла въ глаза Копперту. Ей страстно хотѣлось говорить. Боже, какія страданія, какое мучительное волненіе охватывало все ея существо. Она не могла лежать спокойно. Она должна была высказаться,—такъ безконечно много произошло съ ней за это время. Теперь она уже въ самомъ дѣлѣ калѣка, нѣмая, съ разрыванной шеей! А ей такъ страстно хотѣлось жить!

— Успокойтесь, успокойтесь,—сказалъ Коппертъ, тихонько обхвативъ ее рукой за плечи. Она стала нѣсколько спокойнѣе.

Онъ не отнималъ отъ нея своей руки; это, повидимому, доставило ей удовольствіе, но только на одну минуту. Потомъ жестокія страданія опять наложили тѣнь на ея лицо.

— Я знаю все, что вы думаете, — сказалъ Коппертъ,—смотрите только мнѣ въ глаза.

Она послушно смотрѣла на него, не отводя глазъ, а онъ понималъ ея взглядъ, понималъ всю тяжелую внутреннюю борьбу, все безпросвѣтное отчаянье, охватывавшее ея душу; онъ читалъ по ея глазамъ, какъ по глазамъ умирающаго животнаго.

Это была долгая нѣмая исповѣдь. Она вся дрожала, грудь ея высоко подымалась. Прошло уже много времени, и ни одинъ изъ нихъ не пошевелился.

Потомъ горячія слезы залили все ея лицо. А онъ сидѣлъ и слушалъ дальше безмолвную серьезную исповѣдь. Все существо его стремилось навстрѣчу къ ней, она могла думать, что дѣйствительно говорить съ нимъ. Ея страданія безъ словъ переливались въ его душу, онъ чувствовалъ малѣйшій вздохъ, поднимавшій ея грудь.

Безъ всякаго самообмана, честно и прямо, онъ сознавалъ, что любилъ эту женщину.

Разбитая душой и тѣломъ, смертельно раненая, лежала она въ его объятіяхъ, и всетаки онъ не могъ назвать ее своею. Вотъ при какихъ условіяхъ учился онъ любить.

Силы небесныя! Еслибъ только ему не нужно было утѣшать и поддерживать бѣдную умирающую, онъ вскочилъ бы съ мѣста, онъ сталъ бы ломать себѣ руки и бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ, бессмысленно вызывая судьбу на бой. Онъ началъ бы съ судьбой такую же игру, какъ тѣ два молодца передъ казармой: «Ну-ка, скажи Лаленштедъ!» — Лаленштедъ — и вслѣдъ затѣмъ ударъ. Но Коппертъ не говорилъ Лаленштедъ, какъ ни добивалась отъ него этого судьба; онъ бережно поддерживалъ своего больного товарища, чтобы ему удобнѣе было сидѣть. Онъ старался сдерживать свои собственныя страданія.

— Я знаю все, все, все знаю, — шепталъ онъ ей снова такъ, какъ будто онъ говорилъ съ своей любимой, больной собакой, отъ которой нельзя ждать отвѣта. Онъ говорилъ такъ просто, такъ задушевно и искренно, какъ едва-ли можетъ говорить человѣкъ съ человѣкомъ.

— Ты хочешь жить... жить, какъ живутъ другіе... нѣтъ, лучше, гораздо лучше, полнѣе, шире! Жизнь рисовалась тебѣ такой прекрасной. Правда?

Она слушала, съ широко открытыми глазами. Онъ почувствовалъ, какъ она вздрогнула, когда онъ заговорилъ, и какъ на мгновеніе лучъ яснаго счастья озарилъ ея лицо и прогналъ холодный страхъ смерти.

Это «ты!» Эта неожиданная близость!

Ея глаза не отрывались уже отъ него.

— Ты думаешь: теперь все кончено, жизнь жестоко обманула меня? Ну, конечно. Эти мысли разрываютъ твое сердце?

— Да—да!—говорили ея глаза.

— Слушай!—тихо проговорилъ онъ,—можетъ быть, ты жила больше, чѣмъ всякая другая, можетъ быть, ты и сейчасъ живешь больше другихъ. Припомни хоть только время нашего съ тобой знакомства. Рядомъ съ тобой постоянно былъ человѣкъ, который открывалъ передъ тобой всю свою душу, все, чѣмъ онъ жилъ. А какъ мы понимали другъ друга! Ты думаешь это часто случается въ мірѣ? Люди идутъ обыкно-

венно каждый своей дорогой, обмѣниваются при встрѣчѣ нѣсколькими словами о погодѣ, объ обѣдѣ, о здоровьи и... ко-нецъ. А мы? Подумай только!—Мы понимали другъ друга во всемъ: у меня не осталось ни одного уголка души непонятаго тобой, и я также понималъ всю твою душу, а это такъ рѣдко случается между людьми. Подумай также, какъ ты выросла за это время, просто удивительно, непостижимо! Ты такая чуткая, ты настоящій художникъ. Подумай, какъ люди обыкновенно ненавидятъ, преслѣдуютъ другъ друга, какъ мелко и низменно все, къ чему они стремятся. А мы... какъ мы работали вдвоемъ! Подумай обо всемъ этомъ и подумай еще, что у тебя есть товарищъ—о, еслибы ты знала все!—для котораго ты дороже всего въ мірѣ, кромѣ его работы. Подумай, какъ легко, какъ хорошо чувствуетъ себя съ тобой этотъ грубый, лѣсной человѣкъ. Неужели все это ничего не стоитъ?

Онъ все говорилъ, не останавливаясь. Каждымъ словомъ хотѣлъ онъ утѣшить ее, онъ забывалъ о себѣ, какъ мать забываетъ собственную усталость, чтобы развлечь больного ребенка. Онъ говорилъ просто, безъ скачковъ, безъ парадоксовъ и думалъ только одно: она должна почувствовать прикосновеніе мягкой руки.

И она чувствовала это. Его слова падали на ея душу, какъ капли дождя на засыхающее отъ жажды растеніе. Рядомъ съ нимъ она чувствовала себя спокойно и увѣренно. Какъ часто онъ прогонялъ ея тоску и страданья только тѣмъ, что сидѣлъ рядомъ съ ней и говорилъ, Богъ знаетъ, о чемъ. А сегодня онъ касался своей исцѣляющей рукой ея страшнойраны!

Она тихонько высвободила отъ него свою руку и указала на столъ передъ кроватью. Эмиль положилъ тамъ карандашъ и листъ бѣлой бумаги. Коппертъ подалъ ей то и другое, и еще картонную крышку, чтобы писать на ней.

Рука Олли долго неподвижно лежала на бумагѣ, наконецъ, она начала писать дрожащими пальцами:

— Помнишь послѣднюю, отчаянную попытку карпа? Сегодня, ночью и утромъ была моя послѣдняя попытка... а теперь я глубоко, глубоко въ тинѣ и совсѣмъ одна... можетъ, придетъ также и терпѣніе, и покорность...

Коппертъ взялъ у нея изъ рукъ записку, прочелъ ее полными слезъ глазами и упалъ на колѣни передъ ея кроватью, и цѣловалъ ея руки, крѣпко прижимая ихъ къ своимъ губамъ. Онъ уже не могъ больше удерживать слезы.

— Боже мой, какой я оселъ, какой я оселъ!—повторялъ онъ, пряча свое лицо въ подушки. Но потомъ онъ подавилъ свое отчаяніе и сказалъ:

— Нѣтъ, ты такая добрая, такая умная, все еще опять будетъ хорошо.

Она покачала головой, взяла опять карандашъ и написала:

— Ради Бога, не говори о надеждѣ.

Онъ прочелъ, положалъ обѣ записки въ карманъ и сказалъ:

— Хорошо, не надо ни надежды, ни отчаянія. Будемъ думать только о настоящемъ.

Онъ опять сѣлъ около нея, и она дала ему обѣ руки.

Смеркалось. Окно было немного приотворено, и изъ сосѣдняго сада доносилась пѣсня дрозда, влекущая сердце куда-то вдаль, въ потокъ юности и обновленія. Они оба слушали ее, и онъ сжималъ ея руки, и все глубже смотрѣлъ въ ея глаза.

Она снова написала что-то на бумагѣ.

— Полное счастье и никакаихъ мученій совѣсти, и все ты, мой товарищъ.

Онъ погладилъ ея руку. Не надо такъ волноваться. А пѣсня дрозда тамъ, въ саду, вдругъ оборвалась, но потомъ снова полились тихіе, манящіе звуки, наполняя душу смутной и сладкой тревогой. По землѣ разлилась волна весенняго томительнаго блаженства.

Онъ все держалъ ея руки, а ея глаза искали его взгляда. Въ этомъ взглядѣ она черпала жизнь.

Потомъ она стала снова писать, но другой рукой она держала руку своего товарища и сжимала ее все крѣпче, такъ крѣпко и тревожно, какъ будто боялась, что онъ можетъ уйти.

Да, онъ чувствовалъ, что не можетъ уйти. Онъ долженъ оставаться, что бы тамъ ни было. Въ головѣ его проходили смутныя мысли, онъ думалъ, что надо какъ нибудь все устроить, что надо поговорить съ Мимомъ. Но оставить ее онъ не могъ. А она между тѣмъ все писала, писала медленно, съ отдыхами.

Если его не будетъ съ ней, она будетъ чувствовать себя одинокой, покинутой. Она боится оставаться безъ него. Ей жутко становится при мысли, что онъ можетъ уйти; онъ видитъ это, и онъ долженъ остаться.

Она писала медленно, медленно, а въ окно все лилась пѣсня дрозда. Наконецъ она взглянула на него, чтобы онъ прочелъ записку.

— Не кладите меня въ тѣсный гробъ, въ сырую, холодную землю, избавьте меня отъ ужаснаго, могильнаго одиночества. Не хороните меня!!! Лучше огонь. Сожгите все это. Все, что жило, искало славы, стремилось все дальше и дальше, все, что такъ страстно, такъ невыразимо страстно хотѣло бы пожить еще немного.

Онъ прочелъ и посмотрѣлъ на нее спокойно и твердо. Она могла положиться на него.

Она взяла склянку, стоявшую на столѣ около нея.

— Ты хочешь принять?

Она кивнула головой.

— У тебя нѣтъ ложечки. Подожди, я дамъ тебѣ.

Но она уже выпила прямо изъ горлышка и лежала совсѣмъ спокойно. Коппертъ удивлялся, что никто къ нимъ не входитъ. «Тѣмъ лучше», думалъ онъ.

Сумерки все сгущаются. Олли начинаетъ беспокоиться; она мечется по кровати, и взглядъ ея выражаетъ мучительную тоску и тревогу. Она видимо сильно страдаетъ. Но мало-по-малу она успокаивается, и лицо ея какъ будто свѣтлѣетъ. Она опять беретъ карандашъ и бумагу. Въ полусвѣтѣ сумерекъ она пишетъ:

— А помнишь-ли ты, что и послѣ того, какъ карпъ потерялъ послѣднюю надежду и совсѣмъ покорился, можетъ иногда случиться что нибудь неожиданное. Вотъ мой пріятель, нашъ золотистый карпъ, у него ужъ не было никакой надежды, онъ совсѣмъ покорился, и вдругъ явилась свобода! Я такъ и вижу, какъ онъ сверкнулъ золотомъ на солнцѣ и стрѣлой кинулся въ воду и исчезъ тамъ, свободный, здоровый, счастливый.

Онъ прочелъ записку, положилъ ее туда же, гдѣ лежали остальные, и отвернулся.

Дверь открылась, и тихонько вошелъ Эмиль съ лампой.

Онъ подошелъ къ кровати Олли.

— Олли, что съ тобой?—спросилъ онъ измѣнившимся голосомъ, поставивъ лампу на столъ.

— Олли,—повторилъ онъ, подавляя охватившій его ужасъ.

Коппертъ тоже взглянулъ на нее. Она сильно измѣнилась. Глаза ея полузакрыты и на лицѣ лежитъ отпечатокъ тяжелой сонливости.

— Олли, Олли, что съ тобой?—спрашиваетъ снова Эмиль.

Она съ трудомъ дѣлаетъ движеніе рукой.

На ея постели все еще лежитъ склянка, Эмиль хватается ее и внимательно разсматриваетъ.

— Это не можетъ ей повредить?—спрашиваетъ онъ шопотомъ,—она приняла не изъ той склянки и сразу все. Она такъ всегда, со всѣми лѣкарствами. Тутъ было усыпительное... а теперь... она пустая.

Онъ передаетъ склянку Копперту. Коппертъ равнодушно смотритъ на нее и потомъ наклоняется надъ своимъ товарищемъ; онъ долгимъ, глубокимъ взглядомъ смотритъ на ея черты, которыя сковаль уже тяжелый сонъ. Вотъ что послала ему судьба, вотъ все его земное счастье!

И ему свѣтило счастье. Хотя острая боль все время примѣшивалась къ нему, но всетаки цѣлыя недѣли, мѣсяцы оно освѣщало и согрѣвало его жизнь. Оно горѣло, какъ пламя среди ядовитого тумана, грозящаго каждую минуту загасить его; но всетаки оно горѣло. Да, это было чистое, свѣтлое пламя.

Теперь тяжелая рука загасила божественную искру; этому ничто уже помочь не можетъ.

Онъ выпрямился, всталъ и бросилъ еще одинъ прощальный взглядъ на блѣдное лицо; лицо, которое стало для него дороже всего въ мірѣ.

Ей, вѣроятно, снилось, какъ счастливый карпъ снова получилъ свободу, такъ спокойно и свѣтло было выраженіе ея лица. Вотъ гдѣ нашла она свободу! — Удивительно, — подумалъ онъ.

— Я схожу за докторомъ,—сказалъ Коппертъ и тихо вышелъ изъ комнаты. Бѣдняга Гастельмейеръ сидѣлъ у стола и, обхвативъ руками голову, крѣпко спалъ. Коппертъ неслышно прошелъ мимо него.

Все это уже прошло,—и смерть, и первое острое горе, и ужасный свинцовый ящикъ, и путешествіе, и все. Житейскія волны унесли далеко отъ него бѣднаго Мима, и Коппертъ сидѣлъ дома, одинъ со своею матерью. Старушка вязала чулокъ.

— Я слышала, что ты былъ при сожженіи трупа? Я, конечно, какъ всегда, узнала это отъ чужихъ людей.

Коппертъ молча строгалъ лучину. Въ его наружности ничто, повидимому, не измѣнилось: тѣ же густые, слегка сѣдѣющіе волосы, которые такъ любилъ его бѣдный товарищъ, тѣ же неправильныя черты, тѣ же умные, сѣрые глаза, та же стройная художавая фигура, все осталось прежнее, но на всемъ лежалъ глубокий отпечатокъ горя.

— Слушай!—продолжала старушка, не дождавшись отвѣта отъ сына,—какъ же это было устроено? Должно быть это очень страшно?

— Нисколько,—былъ короткій отвѣтъ.

— Вѣдь это все ты устроилъ. Какъ же они вносили этотъ ящикъ въ вагонъ? Неужели просто обыкновенный ящикъ? И ты все время былъ тамъ? Какъ это пришло тебѣ въ голову?

— Да, просто...—Онъ не могъ продолжать; онъ всталъ, провелъ рукой по волосамъ и пожалъ плечами.

— Что же потомъ съ золой дѣлаютъ?—разспрашивала старушка, не отрываясь отъ вязанья.—Куда же ее дѣваютъ? На что это похоже? Ну, что же ты? Скажешь ты чтонибудь?

— На что это похоже?—переспросилъ Коппертъ, останавливаясь передъ матерью; онъ судорожно сжалъ руки, лицо его приняло странное, неприязненное выраженіе и весь онъ какъ-то ушелъ въ себя.

А старушка вязала, считала петли и не смотрѣла на сына.

— Ну, да, на что это похоже?—повторила она, прерывая счетъ и старательно поднимая петлю,—что это, просто жестянка? Мнѣ говорили просто жестянка.

— Да, мама, жестянка, самая обыкновенная жестянка и...
конецъ!

На крайней границѣ Германіи, тамъ, гдѣ Баварскій Альгаускій хребетъ незамѣтно приводитъ въ сосѣднюю Швейцарію, лежитъ горная долина. Золотистый отблескъ вечерней зари освѣщаетъ ее. Горы залиты лучами заходящаго солнца. Каждая травка, каждая былинка, каждый цвѣтокъ, каждый звукъ, каждый вздохъ вѣтерка дышетъ весенней радостью. Дыханье новой жизни возносится къ небу, какъ благодарственная жертва. Воздухъ хрустально прозраченъ. Все искрится, сверкаетъ, радуется, живетъ.

Радость жизни переполняетъ все. Зима миновала, смерть забыта. Жизнь вернулась снова.

Въ воздухѣ стоитъ весенній гулъ и журчанье. Горные потоки шумятъ, бурлятъ, выходятъ изъ береговъ. Зеленныя верхушки деревьевъ весело шелестятъ листьями. Тысячи яркихъ, благоухающихъ цвѣтовъ пестрымъ ковромъ покрываютъ землю. Міръ обновился, началась новая жизнь. Все дышетъ здоровьемъ и веселіемъ.

На дорогѣ, ведущей къ одинокой мызѣ Роормосъ, стоитъ блѣлая, розовая дѣвушка, но лицо ея такъ серьезно, какъ будто потокъ обновленной жизни не коснулся ея. Она ждетъ кого-то. Онъ долженъ придти по этой дорогѣ. Вотъ онъ идетъ... Наконецъ-то.

Она ждала долго, долго не сводила глазъ съ дороги. Два путника показались на поворотѣ. Она медленно и спокойно пошла имъ навстрѣчу.

— Фредъ,—говоритъ она теплымъ, задушевнымъ голосомъ, подойдя къ нимъ. Свѣтлыя слезы стоятъ въ ея глазахъ.

Онъ не находитъ въ отвѣтъ никакого привѣтственнаго слова и молча протягиваетъ ей руку.

— Фредъ, — повторяетъ она такъ ласково, такъ тепло, — Фредъ, — наконецъ-то онъ вернулся домой!

Онъ поднимаетъ голову, беретъ руку своего спутника и говоритъ:

— Эмиль останется у насъ совсѣмъ; онъ также покончилъ съ искусствомъ.

Дѣвушка и ему пожимаетъ руку.

И всѣ трое молча идутъ домой, вдыхая свѣжій воздухъ весны, заставляющій всѣхъ здоровыхъ людей забывать и зиму, и смерть.

* * *

Въ безмолвіи-ль полночи, въ тревогѣ-ли дня,
Во снѣ, за работою, вездѣ близъ меня,
Какъ призракъ блуждающій, покоя не знающій,
Мелькаетъ, грустя,
Лицо твое кроткое, лицо твое блѣдное,
Дитя мое милое, дитя мое бѣдное,
Родное дитя!

Все снится мнѣ мертвая несчастья страна:
Одѣтая холодомъ, снѣговъ пелена,
И ты, въ нихъ зарытая, былинка забытая...
Какъ будто грустя,
Вокругъ тебя шепчутся лѣса заповѣдные:
«Дитя беззащитное, дитя наше бѣдное,
Больное дитя!»

Чѣмъ другу несчастному помочь я могу?
Шепчу лишь безсильные проклятыя врагу
Да съ тайною мукою, какъ няня, баюкаю,
Ласкаю, грустя,
Видѣніе нѣжное, видѣніе блѣдное:
— Дитя мое сирое, дитя мое бѣдное,
Родное дитя!..

П. Я.

НА МЕРТВОЙ ДОРОГѢ.

(Изъ лѣтнихъ встрѣчъ).

Измороженный ходьбою и вноємъ, я сидѣлъ съ Михайлой на порогѣ его убогой, крытой соломой сторожки. Вдали, гдѣ степь сливалась съ сверкавшимъ небомъ, дымились трубы шахтъ, проносились, свистя и погромыхивая, товарные поѣзда. Кругомъ же насъ все дышало покоемъ и запустѣніемъ. За лощинкою, подъ покосившимся соломеннымъ навѣсомъ, молчаливо ютилась крестьянская шахта, покинутая хозяиномъ для косовицы, а мимо нашей сторожки бѣжала вдоль узкая, пыльная полоса травы, въ которой рыжѣли растрескавшіеся, насквозь проржавѣвшіе рельсы. Эта заброшенная желѣзная дорога принадлежать крупному углепромышленнику Сохатову и ведетъ на давно уже выработанный Солодиловскій рудникъ; но Сохатовъ не снимаетъ рельсовъ: онъ рассчитываетъ заарендовать у крестьянъ богатый углемъ участокъ земли рядомъ съ Солодиловкой; если-же снять рельсы, то придется опять хлопотать объ отчужденіи земли подъ подѣздной путь. И вотъ тянется по степи мертвая дорога. Шпалы погнили, рельсы заржавѣли и заросли бурьяномъ; у переѣзда нѣтъ заставы, нѣтъ даже столбика. И Михайло одиноко бродитъ по протоптанной въ бурьянѣ тропинкѣ, оберегая рельсы и шпалы отъ расхищенія.

Быль шестой часъ вечера. Зной стоялъ невыносимый, солнечный свѣтъ рѣзалъ глаза; вѣтерокъ дулъ со степи, какъ изъ жерла раскаленной печи, и вмѣстѣ съ нимъ отъ шахтъ доносился острый, противный запахъ каменноугольнаго дыма... Мухи назойливо липли къ потному лицу, въ головѣ мутилось отъ жары, на душѣ накинцало глухое, безпричинное раздраженіе.

Михайло, съ трубкою въ зубахъ, сидѣлъ рядомъ со мною и рассказывалъ мнѣ о своей далекой орловской деревнѣ и кулакѣ-старшинѣ, забравшемъ въ руки всю волость.

— Кабакъ открылъ, лавку открылъ!.. Въ волостные старшины попалъ!..—говорилъ онъ, мрачно и негодуя глядя въ

степную даль.—Ребятенками вмѣстѣ въ рюхи играли, а теперь посмотри: пару гнѣдыхъ завелъ,—лихіе кони, такъ и ерзаютъ,—ахнешь!.. Заговорають на сходѣ: «учесть-бы его!»—«Ишь,—скажеть,—податей не платять, а тоже—*учесть!*... Разговаривають, с—ны дѣти, заковыривають»!..

Ужъ больше часу рассказывалъ мнѣ Михайло о всевозможныхъ бѣдахъ и притѣсненіяхъ, которыя ему пришлось претерпѣть въ жизни. Я слушалъ его и, угрюмо глядя на изнемогавшую отъ зноя степь, думалъ о томъ, что мнѣ нескоро еще можно будетъ идти дальше, что еще не одинъ часъ придется мнѣ провести здѣсь, пережидая жару. Стыдно признаться, но мало сочувствія вызывали во мнѣ рассказы Михайлы. И степь, безсильно выгоравшая подъ солнцемъ, и лѣтний, душный воздухъ, и негодующія сѣтованія Михайлы,—все дышало чѣмъ-то такимъ тоскливымъ, расслабляющимъ и безнадежнымъ... Странно было подумать, что гдѣ-нибудь теперь свѣжо и прохладно, что есть на свѣтѣ бодрые, дѣятельные и неунывающие люди.

На далекихъ Аеонасьевскихъ копяхъ раздался гудокъ, на него откликнулась одна шахта, потомъ другая,—и вскорѣ вся ихъ дымящаяся цѣпь загудѣла на разные тоны дѣловито-угрюмыми гудками. Откуда-то изъ-за горизонта чуть-слышно донесся звонъ церковнаго колокола.

— Ко всеобщей звонять,—сказалъ Михайло, снимая шапку и крестясь.

Колоколъ продолжалъ мѣрно звенѣть, и его звонъ съ трудомъ пробивался сквозь ноющее гудѣніе шахтъ.

— Нынче ночью отецъ-покойникъ приходилъ ко мнѣ,—помолчавъ, заговорилъ Михайло:—въ тулупѣ новомъ, въ новыхъ валенкахъ, другую пару въ рукахъ держитъ.—«Все, говорить, Миша, ноги забнутъ, никакъ не могу согрѣться»... Панихидку-бы надо отслужить...

Михайло задумчиво поглядѣлъ вдаль, гдѣ медленно струился и переливался горячій воздухъ.

— Все помину желаютъ родители, баринъ, а мы ото-пчили!.. Э-эхъ!..—тяжело вздохнулъ онъ и сталъ раскуривать погасшую трубку.

Гудки смолкли одинъ за другимъ. Затихъ благовѣстъ. Только безчисленные жаворонки звенѣли и заливались въ яркомъ небѣ, и казалось, что это звенить само небо,—звенить однообразно, назойливо... Да и въ небѣ-ли это звенить? Не звенить-ли это кровь въ разгоряченной головѣ?.. Ковыль волновался и сверкалъ подъ солнцемъ, какъ маленькіе клубы бѣлоснѣжнаго пара; по степи шныряли юркіе рыжіе овражки; изъ рудничныхъ трубъ лѣниво валилъ дымъ и длинными, мутными полосами тянулся по горизонту.

Мимо сторожки прошелъ худощавый, бородатый шахтеръ въ сивей блузѣ, съ кожаной сумкою за плечами. Замѣтивъ насъ, онъ въ нерѣшительности остановился и вдругъ круто повернулъ къ сторожкѣ.

— Дозвольте, господа, немножко посидѣть съ вами!— произнесъ онъ съ быстрой улыбкой.— Жарко, нѣтъ никакой возможности идти.

— Просимъ милости!—отвѣтилъ Михайло.

Я гдѣ-то ужъ видѣлъ это нервное лицо съ впалыми щеками и сгравно-блестящими глазами, съ быстрой, нескладной улыбкой, видимо, очень рѣдко появлявшеюся на губахъ. Шахтеръ спустилъ съ плечъ сумку, прислонилъ ее къ облупившейся стѣнѣ сторожки и утеръ платкомъ потный лобъ.

— Никитинъ, да это вы!—вдругъ сказалъ я.

— Какъ-же! Я самый, В. В-ичъ!

Встрѣчался я съ Никитинымъ, и не одинъ разъ, на Миримановскомъ рудникѣ, въ одномъ изъ «балагановъ», какъ здѣсь называютъ рабочія казармы. Зайдешь въ праздникъ въ балаганъ,—все пьяно, на нарахъ кипитъ игра въ карты и орлянку, въ воздухѣ одни только скверныя слова и слышны, а Никитинъ молчаливо сидитъ за столомъ, склоняя своимъ худымъ лицомъ надъ какими-то чертежами; вокругъ разложены краски, готовальня, линейки. Заговоришь съ нимъ, онъ отвѣчаетъ очень вѣжливо, но односложно и сдержанно. Первое время я принималъ его за механика, но потомъ узналъ, что онъ простой шахтеръ.

Никитинъ присѣлъ на свою сумку и закурилъ папиросу.

— Вы куда же это направляетесь?—спросилъ я.

— На Карачевскіе рудники иду. Взялъ расчетъ у Мириманова.

— Что такъ? Порядки тамошніе не нравятся?

— Нѣтъ, что-же? Гдѣ ни работай, все одно... Дѣло у меня есть въ Карачевскихъ рудникахъ.

— Дѣло?

— Да... Кое-что надобно тамъ поразвѣдать, посмотрѣть...

— Т. е. что же именно?

— Такъ... Свои различныя дѣла,—уклончиво отвѣтилъ Никитинъ.

Ужъ и раньше нѣсколько разъ наши разговоры съ нимъ кончались такимъ образомъ. При прежнихъ встрѣчахъ мнѣ иногда казалось, что Никитину хочется поговорить со мною, а заговоришь,—онъ вспыхнетъ и отвѣчаетъ односложно и уклончиво. Но теперь, повидимому, Никитинъ рѣшился побороть свою застѣнчивость. Онъ покраснѣлъ, поправилъ подъ собою сумку и оглядѣлъ меня быстрымъ, испытующимъ взглядомъ.

— Позвольте васъ, В. В—чъ, спросить, я ужъ давно все собираюсь, хорошо вотъ, что встрѣтился,—заговорилъ онъ, улыбнувшись своею нескладною улыбкою, причемъ лицо его покрылось странными морщинками.—Что это, дорого стоятъ какія-нибудь изображенія отпечатать, вотъ какъ иконы для продажи печатають, азбуки, царскіе портреты?

— Т. е. картины, значить?

— Т. е., значить... планты!—запнувшись, отвѣтилъ Никитинъ.

— Планы?.. Видите-ли, хорошо я съ этимъ дѣломъ не знакомъ, но, кажется, это будетъ стоить не одну сотню рублей.

Никитинъ молчалъ, видимо пораженный.

— Почему-же царскіе портреты за двугривенный можно купить?—спросилъ онъ.

Я сталъ ему объяснять. Никитинъ слушалъ, задумчиво теребя свою рѣдкую бороду.

— Почему это васъ такъ интересуесть?—спросилъ я.

Никитинъ встрепнулся, еще разъ быстро оглядѣлъ меня, откашлялся и началъ поспѣшно развязывать свою сумку.

— А вотъ позвольте васъ спросить,—можетъ, вы мнѣ объясните,—сказалъ онъ, вытаскивая изъ сумки небольшую иллюстрированную азбуку.—Извольте смотрѣть! Все у насъ въ Россіи пропечатано: гуси... дѣвочки вотъ!.. коровы... солдаты... хомуты... Почему нѣту плантовъ?

— Какихъ плановъ?

— А рудниковъ!

— Для чего-же ихъ печатать?

— Для чего?—удивился Никитинъ.—Для правоученія!

Мы нѣсколько времени молча смотрѣли другъ другу въ глаза.

— Я васъ не понимаю. Какое-же въ планахъ правоученіе?

— Въ нихъ большое правоученіе состоитъ!.. Вы вотъ въ рудникъ спускались, видали все; есть тамъ вентиляція, позвольте васъ спросить?

— Есть.

— Есть?.. Тамъ вентиляція такая, что есть-ли она, нѣтъ-ли,—все одно. Только для виду печи стоятъ. Почему это, позвольте спросить, если на поверхности работать, то работай сколько хочешь и ничего тебѣ не будетъ, а въ шахтѣ часъ посидишь,—и начнешь черной харковиной плевать? Тутъ причина вотъ такая: току воздуха дается неправильное направленіе, поэтому газамъ некуда уходить, они и идутъ въ середину къ человѣку. Я вамъ сейчасъ все это объясню.

Никитинъ досталъ изъ сумки толстый свертокъ и развязалъ его. Въ немъ оказалось около десятка большихъ, до-

вольно неумѣло начерченныхъ и раскрашенныхъ плановъ. Развертывая передо мною одинъ планъ за другимъ, Никитинъ сталъ объяснять мнѣ, въ чемъ заключаются недостатки вентиляціи въ шахтахъ. Я совершенно незнакомъ съ вопросомъ о рудничной вентиляціи, но чувствовалось мнѣ, что критика Никитина представляетъ изъ себя что-то крайне-нелѣпое. Впослѣдствіи я рассказывалъ о своемъ разговорѣ съ нимъ нѣсколькимъ инженерамъ, и всѣ они нашли, что указанія Никитина въ корнѣ игнорировали самыя элементарныя правила горнаго искусства.

— Вотъ въ чемъ все дѣло!—закончилъ Никитинъ свои объясненія.—Это все на плантахъ видно, всякій сразу-бы понялъ, кабы пропечатать... Азбуки вотъ у насъ печатаютъ, ситцы печатаютъ,—отчего-же не печатаютъ плантовъ?... Двѣнадцать часовъ народъ въ шахтѣ сидитъ, а дышать ему нечѣмъ. Воротится шахтеръ домой и помретъ. Вы взрѣжьте его, посмотрите,—у него всѣ кишки пропитались газомъ... Вотъ отчего нашего народу расейскаго такъ много помираетъ!

— До-овольно его, хватить!—съ усмѣшкою произнесъ Михайло.

— «Хватить!..» А вотъ помрешь,—дѣти останутся,—сдержанно возразилъ Никитинъ.

— Э, живы будутъ, и сыты будутъ,—сказалъ Михайло, махнувъ рукою.—Выростутъ,—сами работать станутъ.

— Вы и въ Карачевскіе рудники для того поступаете, чтобъ планы снять?—спросилъ я Никитина.

— Для этого самаго. Я ужъ разспрашивалъ ребятъ: много непорядковъ тамъ! Дождутся взрыва, какъ Равицкіе! Слышали, въ Равицкомъ рудникѣ зимою взрывъ былъ? Двѣнадцать человѣкъ побилло газомъ!.. Это что-же такое? А все оттого, что вентиляціи нѣтъ.

— Развѣ отъ этого? А я слышалъ, — оттого, что работы производились безъ предохранительныхъ лампъ.

— Нѣтъ, тутъ дѣло не въ лампахъ! Лампы что!.. Тутъ штука вотъ какая: вентиляціи настоящей не было. Я вамъ сейчасъ все это правильно докажу.

Никитинъ порылся въ свертки и досталъ планъ рудника Равицкихъ.

— Извольте смотрѣть: вотъ она нижняя продольная идетъ, вотъ она—верхняя. По *мѣштабу* въ каждой пятьдесятъ сажень длинны. По нимъ какой вѣтеръ долженъ-бы ходить?—чтобъ папки срывалъ! А у нихъ народъ задыхается... Почему тутъ просьба нѣтъ, позвольте спросить? Отъ бремсберга долженъ во всю длину проськъ идти къ вентиляціонной печи,—гдѣ онъ?—строго и отъвѣисто спросилъ Никитинъ, словно обращаясь къ невидимому подсудимому.—Почему воздушная

шахта въ сторонѣ поставлена?.. Я имъ все это въ подробности объяснилъ, письмо послалъ. Недѣлю жду, другую,—не шлютъ отвѣта. Пошелъ самъ... «Получили письмо?»—При этомъ Никитинъ грозно нахмурилъ брови, затѣмъ откинулъ голову и, прищуривъ лѣвый глазъ, протянулъ медленно и высокомерно: — По-лу-чи-ли, но намъ нѣтъ надобности давать вамъ отвѣтъ.—«Поч-чему нѣтъ надобности?!»—Потому что это дѣло до васъ не касается...

Никитинъ замолчалъ и выжидательно взглянулъ на меня своими странно-блестѣвшими глазами.

— Позвольте спросить: какъ это, принадлежитъ къ ихъ званію?

Я съ сожалѣніемъ пожалъ плечами.

— Разуѣется, этого и слѣдовало ожидать. Съ какой стати они вамъ будутъ давать отвѣтъ?

— Небось, какъ планы пропечатаютъ, такъ придется отвѣтъ дать!

— Да и тогда наврядъ-ли придется.

Я сталъ доказывать Никитину совершенную безцѣльность и ненужность его предпріятія; я указывалъ ему на то, что никто и покупать-то не станетъ его плановъ, если-же и купить, то все равно ничего въ нихъ не пойметъ; что о тяжеломъ положеніи шахтеровъ уже много писалось въ газетахъ, а дѣло все олается въ прежнемъ положеніи, что изданіемъ плановъ всего менѣе можно чего-либо достигнуть... Михайло сочувственно подѣкивалъ мнѣ. Никитинъ оживился; на его самолюбивомъ лицѣ выступили красныя пятна, глаза враждебно заблестѣли.

— Какъ это вы можете говорить, что ничего понять нельзя?—возражалъ онъ мнѣ.—Тутъ всякій можетъ понимать! Извольте смотрѣть.

И онъ разворачивалъ передо мною одинъ планъ за другимъ и взволнованно водилъ пальцемъ по желтымъ, краснымъ и сѣрымъ квадратикамъ, испещреннымъ непонятными для меня надписями: «квершлагъ», «бресбергъ», «капитальный просѣкъ» и т. п. Для Никитина эти планы, въ которые онъ вложилъ столько любви и труда, видимо, дышали жизнью; ему казалось, что достаточно любому взглянуть на нихъ, чтобъ сразу получить яркое представленіе о тяжелой судьбѣ шахтера. Я видѣлъ, что разубѣждать Никитина было бесполезно: слишкомъ ужъ онъ сжился съ своимъ дѣломъ, чтобъ такъ легко отказаться отъ него.

— Ну, во всякомъ случаѣ, дай вамъ Богъ удачи!—сказалъ я.—Если обратятъ вниманіе на ваши планы, то вы сдѣлаете хорошее дѣло... Вы что-же, сами собираетесь издать ихъ?

— Обязательно! — неумолимо отвѣтилъ Никитинъ, словно я просилъ его пощадить тѣхъ, для кого онъ готовилъ ударъ изданіемъ своихъ плановъ. — Развѣ всѣ эти безобразія возможно дозволить? Нѣтъ!..

Онъ быстро свернулъ планы и молча, не глядя на меня, сталъ укладывать ихъ въ сумку; увязавъ сумку, онъ надѣлъ ее на плечи.

— Что это, вы ужъ идти собираетесь? — спросилъ я. — Вѣдь жарко еще. Посидѣли-бы, переждали, пока жаръ спадетъ.

— Время идти: и такъ дай Богъ къ ночи поспѣть... Просимъ прощенія!

Никитинъ угрюмо приподнял фуражку, поправилъ ремни на плечахъ и пошелъ по направленію къ рудникамъ.

— Тоже — планты печатать собрался!.. Землемѣръ!.. — сказалъ Михайло, иронически глядя ему вслѣдъ. — Вотъ какъ наладить его хозяинъ по шеямъ, чтобъ не въ свое дѣло не совался, такъ забудетъ о плантахъ думать!

Онъ выбилъ о порогъ выгорѣвшую трубку и молча сталъ набивать ее табакомъ. Никитинъ, миновавъ соломенный навѣсъ крестьянской шахты, быстро и нервно шагаль по пыльной дорогѣ.

И вдругъ я опять почувствовалъ, какъ кругомъ жарко, душно и тоскливо... Солнце жгло, жгло безъ пощады и отдыха; нечѣмъ было дышать, воздухъ былъ горячій и влажный, какъ въ банѣ; ласточки низко носились надъ степью, задѣвая крыльями желтую траву. Никитинъ ужъ исчезъ изъ виду. Вдали, на дорогѣ, длинною полосой золотилась пыль; въ пыли этой двигался обозъ съ углемъ; волы ступали, устало помахивая свѣтло-сѣрыми головами; хохлы-погонщики, понурившись, шли рядомъ. Все изнемогало отъ жары...

А Михайло, попыхивая трубкою, неумолимо рассказывалъ мнѣ о безчисленныхъ злоупотребленіяхъ здѣшнихъ углепромышленниковъ, — и ропсаль, ропсаль безъ конца...

Кругомъ стало темнѣй, по степи пошла тѣнь, и воцарилась странная тишина.

— Никакъ, гроза идетъ, — сказалъ Михайло, прислушиваясь.

Я вышелъ въ степь. Съ запада медленно, словно подкрадываясь, ползли по небу тяжелыя грязно-желтыя и лиловыя тучи; чуть слышно погромыхивалъ громъ. Все вокругъ примолкло, вѣтеръ упалъ. А далеко на западѣ, по дорогѣ, вился и клубился огромный столбъ золотистой пыли; на глазъ этотъ столбъ двигался медленно, но чувствовалось, что онъ мчится съ страшною быстротою. Вотъ онъ захватилъ и окуталъ мо-

гилу у перекрестка... Вдруг кругомъ все завывло и засвистѣло, отъ крестьянской шахты взвилась туча черной пыли и смѣшалась съ набѣжавшимъ золотистымъ вихремъ. Трудно было устоять на ногахъ, пыль залѣпляла глаза, набивалась въ ротъ. Громадные клубы ея, словно спѣша куда-то, неслись между шахтой и сторожкой, перебѣгали навскосъ къ рельсы и исчезали за балкой. Сквозь пыль едва видны были на дорогѣ тѣни обова; хохлы стояли на фурахъ и, согнувшись, поспѣшно надѣвали развѣвавшіяся по вѣтру свиты; волю склонили свои красивыя рогатыя головы навстрѣчу вихрю. Вдруг рѣзко блеснула молнія, по небу, съ запада на востокъ, съ оглушительнымъ, прерывистымъ трескомъ пронесся громъ, повернулъ обратно и съ глухимъ грохотомъ скатился за шахту. Хлынулъ дождь...

Дождь хлынулъ крупный, частый; онъ съ силою забилъ по землѣ, заволакивая ее мелкою водяною пылью. Даль замутилась, все небо стало ровнаго сѣраго цвѣта, и только на югѣ шевелились и быстро таяли мутные клочья тучъ. Свѣжій вѣтеръ мчался по степи, въ брызги разбивая сплошныя струи дождя, и, казалось, какія-то туманныя тѣни несутся подъ дождемъ въ сырую даль. Молнии то и дѣло сверкали малиновымъ свѣтомъ, громъ весело катался по небу изъ конца въ конецъ. Передъ сторожкой образовалась большая лужа; она росла, вздувалась и, обогнувъ полевные кусты, медленно поползла по дорогѣ, оставляя за собою грязный, пѣнистый слѣдъ.

Мы съ Михайлой сидѣли въ сѣнцахъ сторожки,—онъ на боченкѣ изъ-подъ квасу, я на скамейкѣ. Въ дверь тянуло бодрящею, влажною прохладою, грудь жадно дышала. Михайло оживился, его суровое, всегда нахмуренное лицо смотрѣло теперь мягко и радостно.

— Вотъ такъ дождичка Богъ послалъ!—повторялъ онъ.— Гляди-ка, какъ теперь яровые подымутся!.. Гляди-ка, какъ пшеница зацвѣтетъ!..

Я слушалъ его съ невольною улыбкою, и въ то-же время у меня сжималось сердце отъ невыразимой жалости къ Михайлѣ: онъ сіялъ такимъ довольствомъ, такимъ торжествомъ, какъ будто и ему самому дождь сулилъ ни вѣсть какія выгоды; но я прекрасно зналъ, что ничего здѣсь у Михайлы нѣтъ, кромѣ тянущейся передъ нами ржавой, гнилой дороги, заросшей негоднымъ бурьяномъ.

На тропинкѣ показалась женщина въ выцвѣтшемъ голубомъ платочкѣ, съ котомкою за плечами; она бѣжала, согнувшись и опустивъ голову, обливаемая дождемъ, вѣтеръ трепалъ ея мокрую юбку, липнувшую къ ногамъ. Путница

черезъ лужи добѣжала до нашей сторожки и, охая, вошла въ сѣнцы.

— О, Господи-Батюшка!.. Вотъ дождикъ-то полилъ!.. — проговорила она, тяжело дыша. — Ужъ и не чаяла добѣжать... Здравствуйте, господа честные!

— Экъ тебя промочило! Нитки сухой не осталось! — со-болѣзнувъ еще воскликнулъ Михайло.

— Да ужъ бѣжала, бѣжала... Вижу, тучки идутъ, а укрыться некуда. Спасибо, хатка ваша по дорогѣ встрѣлась.

Она спустила съ плечъ котомку, поставила ее въ уголъ и положила на нее свою бѣлую камышевую трость съ жестянымъ набалдашникомъ; потомъ подошла къ двери и стала выжимать мокрый, отрепанный подолъ юбки. Лицо у путницы было худое, почти черное отъ загара, и на немъ странно бѣлѣли бѣлки глазъ.

— Льетъ, льетъ дождикъ — не судомъ Божиимъ!.. — усталымъ голосомъ произнесла она, садясь на опрокинутый досчатый ящикъ. — Дорога то эта на Таганрогъ идетъ, ай нѣтъ?

— На какой Таганрогъ! На Солодиловку дорога идетъ, — отвѣтила Михайло.

Путница огорченно покачала головою.

— То-то я все смотрю: что это; словно... А мнѣ въ Воробьевкѣ сказали, — на Таганрогъ.

— Тутъ дальше Солодиловки-то и дороги нѣту... Какъ же это ты такъ? Спросила-бы толкомъ, поразвѣдала.

— Такъ видишь ты, спрашивала я; сказали, — сюда идти.

— На Константиновку надобно было тебѣ идти, вотъ куда!

— То-то на Костентиновку, значить! А мнѣ говорятъ, — сюда.

— Зачѣмъ сюда? Нѣтъ... На Таганрогъ здѣсь не пройти. Надобно было тебѣ толкомъ спросить, — всякій-бы показалъ. Тутъ и малый ребенокъ не скажетъ плохо. Придется назадъ воротаться тебѣ.

— Задаромъ сколько верстъ прошла! — вздохнула путница. — И такъ ужъ идешь, идешь, не знаешь, когда конецъ будетъ. Ноги опухли, язвы по нимъ пошли...

— А ты издалека идешь?

— Изъ Іерусалима.

— На богомолье ходила?

— На богомолье.

— Въ пути-то вамъ долгонько пришлось побыть! — сказалъ я.

— Да вотъ отъ Одессы никакъ седьмья сутки иду. Еще спасибо кондуктору, подвезъ на машинѣ, — рубль и два двугривенныхъ взялъ... Тяжело теперь идти! Вышли мы осенью, тогда хорошо было, дожди шли. А теперь земля твердая, —

силъ нѣтъ,—жарко... А все-таки лучше, чѣмъ по морю,—прибавила она, помолчавъ.— Вотъ гдѣ мукъ-то натерпѣлись! Качаетъ пароходъ, народу много, скотъ тутъ-же; всѣ на одну сторону сбиваются. Рветъ всѣхъ, духота... Вспомнишь, такъ тяжело становится!

— А въ Іерусалимѣ жарко было?

— Жарко... Мы тамъ больше отъ воды пропадали! Воды мало тамъ; и холодную, и горячую турки продаютъ за деньги. Вода тяжелая, вредная. Много тамъ съ нея нашего народу померло.

— Тамъ что-же, турки все? — съ любопытствомъ спросилъ Михайло.

— Больше турки. Серьезный народъ, все, знай, молчать. Ходятъ они босые; какіе ни будь острые камни, никогда не обуются. Скажи имъ: «хорошо—нѣтъ!» это имъ пріятно.

— Ишь! Любятъ! — засмѣялся Михайло.

— Да... — улынулась богомолка. — Греки тоже есть. Они нашей вѣры, а только ничего не поймешь, что они, прости Господи, лопочатъ: «ерасиха! ерасиха! ерасиха! Ерань! ерань!» А то еще: «берша! берша!» И патріархъ батюшка тоже самое, по-грецки. Погодите, вотъ я вамъ его сайчасъ въ панорамѣ покажу.

Она развязала свою котомку и достала изъ нея плохенькій стереоскопъ и пачку фотографій. Мы перешли къ порогу, ближе къ свѣту. Теперь дождь моросилъ лѣниво и скупо, тучи уходили на востокъ, и перебаты грома доносились издалека.

Богомолка вынула изъ пачки двойную стереоскопическую фотографію іерусалимскаго патріарха.

— Вотъ онъ патріархъ-батюшка!.. въ панорамѣ они двое въ одно пойдутъ. Дай-ка, я его вставляю. Шибко-хорошо въ панорамѣ выходитъ! Къ свѣту только ладьте.

Стекла въ стереоскопѣ были пузырчатые и мутные, видно въ нихъ было плохо. Когда мы разсмотрѣли іерусалимскаго патріарха, богомолка стала намъ показывать другія фотографіи, съ видами святыхъ мѣстъ. Мы смотрѣли въ стереоскопъ, а богомолка давала намъ объясненія.

— Дубъ мамврійскій,—онъ въ панорамѣ большой оказывается... А это будетъ градъ Вилеемъ, гдѣ Христосъ родился... Гробъ Господень изнутри... Въ этомъ самомъ гробѣ въ христову пятницу благодатный огонь съ неба сходить.

— Миѣ приходилось объ этомъ слышать, что огонь сходить. Скажите, вы сами не видѣли этого? — спросилъ я.

— Какъ-же не видѣла?.. Вотъ придетъ христовая пятница, народу сойдетъ видимо-невидимо. Прійдетъ патріархъ, — выдали его въ панорамѣ?.. Турки его сейчасъ раздѣнутъ до ру-

башки, осмотрять всего, обыщутъ, нѣтъ-ли гдѣ спичекъ, и запирають въ гробъ Господень. Онъ стоитъ тамъ, молится, а мы ждемъ, не шелохнемся. Вдругъ въ дырочку ударяетъ съ неба молонья. Турки отпирають гробъ, — патріархъ выходитъ, а въ рукѣ у него свѣча горитъ. Тутъ у всѣхъ такой восторгъ подымется! Ревутъ, ревутъ, какъ ребятишки малые... Особенно арабы, нашей вѣры, — такихъ много; такъ тѣ смотрять, другъ дружкѣ на плечи позабираются... Колоколовъ тамъ мало, и они въ церква самой висятъ; тоже въ доски такія бьютъ. Такъ вотъ, какъ выйдетъ патріархъ со свѣчей, сейчасъ — въ палки, въ доски, въ музыки эти!.. Арабы пляшутъ, въ ладоши щелкають... Всѣ зажигаютъ себѣ свѣчи, — по тридцать три свѣчки у каждого, вокругъ руки навязаны, — и начинается служеніе... И вѣдь какой, парни, огонь-то! Вотъ такъ водишь свѣчей (разказица быстро развязала узелъ головного платка и подняла загорѣлый подбородокъ, рѣзко отдѣлявшійся отъ бѣлой шеи), водишь, водишь, кажись, все спалило-бы; а ничего не жжетъ!

— Не жжетъ?! — съ одушевленіемъ спросилъ Михайло.

— Ни капельки!.. Другой арабъ въ безуміе придетъ, — огнемъ этимъ въ животь себя тыкаетъ, въ лицо, — и ничего!.. Отъ всякихъ болѣзней этотъ огонь помогаетъ.

На дворѣ начинало темнѣть. Дождь прекратился, но небо было покрыто окладными тучами; съ крыши капало. Кругомъ трещали сверчки, въ сосѣдней балкѣ слабо и неувѣренно щелкала камышевка, неумѣло подражая соловью.

— Однажды не захотѣли, чтобъ православнымъ огонь достался, — продолжала богомолка, помолчавъ. — Сговорились всѣ: не пускать! Вотъ стали они въ церкви, заперлись всѣ: турки, католики, армяне и четвертые... То-ли скопцы, то-ли, я ужъ не знаю, кто. Кажется, словно... Ко-оп... Нѣтъ, ужъ не знаю, не могу назвать.

— Копты?

— Да, да, копты! Стоять... А русскіе возлѣ церкви. Вдругъ съ неба молонья, всѣ свѣчи у русскаx зажгла. А тѣ стояли, стояли, не дождались ничего. Выходятъ, а у русскихъ свѣчи горятъ. Съ той поры стали пускать.

— Пустишь, братъ, какъ безъ русскихъ ничего не сможешь сдѣлать! — негодующе сказалъ Михайло. — Они тоже — рады православнаго человѣка обидѣть! Вонъ землякъ у насъ съ войны воротился, сказывалъ; чтó они тамъ дѣлали, турки эти, — не накажи, Господи! Православныхъ христіанъ, что барановъ, свѣжевали; кишки имъ выпусками, на огнѣ жарили!

Богомолка задумчиво выслушала Михайлу, видимо носясь мыслью далеко.

— Ужъ чего-чего тамъ не насмотришься! — снова загово-

рила она.—Ей-Богу, смотришь,—и сама не знаешь, что это съ тобою: и ужасно какъ-то, и весело... Золотыя ворота тамъ есть; теперь ихъ турки камнями заклали; въ эти ворота Христось въѣзжалъ на ослѣ. Евреи Ему стали по дорогѣ бархаты-шелки, а Онъ говорить: «Не поѣду по бархатамъ-шелкамъ, поѣду по вербамъ, что мнѣ дѣти настлали». Евреи смотреть,—«зачѣмъ, говорятъ, Онъ по вербамъ ѣдетъ,—царь, что-ли?» Хотѣли дѣтей поразогнать... Только Христось имъ этого не позволилъ, говорить: «не препятствуйте имъ! Если, говорить, воспрепятствуете, то *еще камни возопіе!*»... И что-же, миленькіе вы мои? Такъ до сего времени всѣ тѣ камушки, разинувши рты, и лежать!..

Богомолка долго еще рассказывала намъ о святыхъ мѣстахъ. Много въ ея разсказахъ было страннаго и наивнаго, но она относилась ко всему съ такимъ глубокимъ благоговѣніемъ, что улыбка не шла на умъ. Лицо ея смотрѣло серьезно и какъ-то успокоенно, какъ бываетъ у очень вѣрующихъ людей послѣ причастія. Видимо, изъ своего долгаго путешествія, полнаго тяжелыхъ лишеній, собесѣдница наша несла съ собою въ душѣ нѣчто новое, бесконечно для нея дорогое, что всю ея остальную жизнь заполнить тепломъ, счастьемъ и миромъ.

— А довольны вы, что удалось вамъ побывать въ святой землѣ?—спросилъ я ее.

— Какъ-же нѣтъ?! Вѣдь все тамъ... всюду все осмотрѣла. На страшный-то судъ, небось, туда-же потребуютъ, въ тѣ мѣстности.

— Развѣ туда?—удивленно спросилъ Михайло.

— А какъ-же?.. Изъ пропасти подъ Давидовымъ домомъ сѣрный пламень забьетъ, по Асафатовой долині огненные рѣки потекутъ, трубы вострубятъ, мертвые воскреснутъ. Христось въ Золотыя Ворота въѣдетъ и начнетъ судить.

Богомолка помолчала.

— Намъ тамъ говорилъ отецъ Парентій одинъ, святой жизни—сказала она, понизивъ голосъ.—Богомъ взысканный... Мы у него на исповѣди были. Строго исповѣдуетъ! «Все,—говорить,—говори, не утай чѣго передъ Господомъ-Богомъ!..» Ну, все ему и рассказываешь. Выслушаетъ, вздохнетъ. «Велики,—говорить,—грѣхи твои, поклонница Божія!..» Ничего больше не скажетъ, уйдетъ въ алтарь — и плачетъ, плачетъ, навозрыдь рыдаетъ; въ грудь себя бьетъ!.. Такъ вотъ онъ намъ говорилъ: «рабы Божіе, поклонники и поклонницы: Жизнь ваша не долга, концы къ концамъ приходятъ!..»

— Видишь ты!—воскликнулъ Михайло, широко раскрывая глаза.

— Да-а... Не долго, значить, ждать будемъ. А тамъ ужъ

каждый давай отвѣтъ, какъ слѣдуетъ: какъ жить? благочестиво-ли? Тамъ ужъ все раскроется.

Всѣ замолчали.

— Теперь говоримъ: «трудно жить»... Трудно? А то-ли еще тогда будетъ!—проговорила богомолка.

Михайло сокрушенно вздохнулъ.

Изъ-за тучъ выглянулъ мѣсяцъ. Степь тонула въ сумракѣ, только ковыль за дорогою бѣлѣлъ одинокими махрами и тихо, какъ живой, шевелился. На горизонтѣ дрожало зарево отъ доменныхъ печей завода, съ рудника доносился мѣрный стукъ подъемной машины.

В. Вересаевъ.

Къ теоріи общества.

«The basis of all scientific explanation consists in assimilating a fact to some other fact or facts». Bain, Logic, v. II, p. 116.

«Мы должны помнить, говоритъ Джевонсъ (Основы науки, стр. 569), что явленія, которыя на дѣлѣ имѣютъ *весьма сходную, даже тождественную природу*, могутъ казаться для нашихъ чувствъ *весьма различными*. Безъ тщательнаго анализа происходящихъ измѣненій мы часто можемъ подвергаться риску видѣть большую разницу между фактами и процессами, которые на дѣлѣ служатъ *выраженіемъ одного и того же закона*. Большая *разница въ степени или величинѣ* часто бываетъ причиною ошибки. Дѣйствительно, трудно бываетъ съ перваго же раза замѣтить какое-нибудь сходство между постепеннымъ превращеніемъ въ ржавчину куска желѣза и быстрымъ сгораніемъ кучи соломы. Однако, химическая теорія Лавуазье основана была на одинаковости окислительнаго процесса въ обоихъ случаяхъ. Намъ стоитъ только размельчить желѣзо на чрезвычайно мелкія частички, чтобы увидѣть, что на дѣлѣ оно еще болѣе горюче, чѣмъ солома, и даже воспламеняется само собою и горитъ, какъ трутъ. Только чрезвычайная медленность процесса въ большомъ кускѣ желѣза скрываетъ его дѣйствительный характеръ... *Различіе въ количествахъ* можетъ быть до такой степени большимъ, что принимаетъ *видъ различія въ качествѣ*».

Цитированное мѣсто весьма важно для уразумѣнія существующихъ разногласій по вопросу о такъ называемой «природѣ» общества и причины ихъ.

Еще Гоббсъ въ XVII столѣтіи подмѣтилъ аналогію общества и договора; Руссо въ слѣдующемъ вѣкѣ особенно старался подчеркнуть ее. Сущность этихъ «договорныхъ» теорій (какъ онѣ излагались первыми ихъ авторами) состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что, согласно имъ, въ отдаленномъ прошломъ люди жили въ до-общественномъ, «естественномъ» состояніи и потомъ вышли изъ него, придумавъ общество и установивъ его *свободнымъ соглашеніемъ*. Создателями и устроителями общества признавались отдѣль-

ныя *вошедшій въ составленіе* личности. Общественный порядокъ установленъ былъ произволомъ отдѣльныхъ лицъ. Общество явилось искусственнымъ произведеніемъ людей, нхъ произвольнымъ установленіемъ; слосомъ, общество есть *результатъ совмѣстной воли* лицъ, составляющихъ его.

Несомнѣнныя ошибки договорныхъ теорій вызвали критику и даже полное отрицаніе состоятельности ихъ. Гипотеза *до-общественнаго*, *«естественнаго»* состоянія представляетъ собою, конечно, мнѣ. Историческія свѣдѣнія и наблюденія надъ жизнью современныхъ племенъ, стоящихъ на высшей степени развитія, показываютъ, что общественность есть одно изъ коренныхъ свойствъ человѣческой природы, и мы не имѣемъ никакихъ данныхъ предполагать время, когда природа чловѣка была бы въ этомъ отношеніи иною. Общество, вѣроятно, такъ же древне, какъ и чловѣческій родъ. Естествознаніе указываетъ на существованіе общестственности даже у нисшихъ животныхъ.

Огромное значеніе, принадлежащее по эгимъ теоріямъ *воли* членовъ общества, послужило одною изъ важнѣйшихъ причинъ отрицательнаго отношенія къ нимъ. Свободное соглашеніе, договоръ, воля, произволъ и т. д., устанавливающіе и переустройствающіе общество, противорѣчили, *повидимому*, факту фаталистической живучести общественныхъ формъ.

Высказанныя на смѣну договорныхъ теорій такъ называемыя «органическія» теоріи общества (въ противоположность первымъ—«механическимъ», по терминологіи нѣкоторыхъ) устраняютъ недо-смотры первыхъ и стремятся провести взглядъ о «естественномъ ростѣ» независимой отъ воли необходимости формъ общественной жизни. Общественный строй не фабрикуется (*is not manufactured*), а вырастаетъ.

По взгляду Фулье («*La science sociale contemporaine*», 1880) общество представляетъ собою *договорный организмъ*. Понимаетъ онъ это такимъ образомъ: общество возникло и сложилось первоначально *независимо отъ чловѣческой воли*, но, постепенно развиваясь, оно все болѣе и болѣе, все полнѣе и безусловнѣе становится *произведеніемъ чловѣческой воли*. Преобладавшій первоначально въ обществѣ органический характеръ уступаетъ мѣсто договорному характеру отношеній.

По воззрѣнію г. Карѣва («*Основные вопросы философіи исторіи*» Т. II, 1883), общество первоначально представляетъ собою *естественный фактъ*, въ смыслѣ чего-то независящаго отъ чловѣческой воли; съ постепеннымъ развитіемъ чловѣкъ, видя себя членомъ такого общества, строй котораго не соотвѣтствуетъ его идеаламъ, старается устранить это противорѣчіе и измѣнить общественныя отношенія соотвѣтственно своимъ идеаламъ. Одно поколѣніе за другимъ непрерывно продолжаетъ эту работу сознательнаго переустройства общества. Работа эта не можетъ остаться

безрезультатной. Мало-по-малу человѣческія идеи осуществляются въ общественныхъ формахъ, и общество такимъ образомъ дѣлается все болѣе и болѣе результатомъ совмѣстной воли всѣхъ тѣхъ людей, которые работали надъ его переустройствомъ, результатомъ какъ бы ихъ *соглашенія* и, въ этомъ смыслѣ, получаетъ *договорной* характеръ. Или, выражаясь иначе, общество все болѣе становится воплощеніемъ человѣческихъ идей и, въ этомъ смыслѣ, *произведеніемъ человеческого искусства*. Весь смыслъ цивилизаціи заключается съ этой точки зрѣнія въ постепенномъ подчиненіи общественного строя человѣческимъ идеаламъ. «*Воля*» все болѣе и болѣе одерживаетъ верхъ надъ «естественнымъ фактомъ».

Это стремленіе вернуться, хотя отчасти, къ старымъ, низвергнутымъ уже, повидному, кумирамъ находитъ себѣ объясненіе въ ученіяхъ современной *психологіи*. Анализъ природы общества на тѣ же самые элементы, изъ которыхъ слагается обыкновенный договоръ, имѣетъ подъ собою такую же почву, какъ и сближеніе ржавѣющаго куска желѣза съ горящей копной соломѣ, — науку. Неже мы увидимъ, что вѣрно и что ошибочно въ этихъ примирительныхъ теоріяхъ.

Законъ непрерывности, подмѣченный новѣйшей психологіей тамъ, гдѣ прежде между явленіями проводилась рѣзкая демаркаціонная линія, даетъ въ наше время возможность видѣть связь по природѣ между различными общественными группами и договоромъ, вопреки ихъ кажущейся обособленности.

Каждое десятилѣтіе дѣлаютъ все новыя и новыя открытія неподозрѣвавшейся прежде непрерывности, какъ въ сферѣ «точныхъ» наукъ, такъ и въ явленіяхъ духовной жизни. Было время, когда казалось, что нѣтъ болѣе очевидной разницы, чѣмъ та, которая существуетъ между физическими состояніями воды и водяного пара, но вотъ Каньяръ де-ла Туръ и Андрьосонъ открываютъ фактъ, что жидкое и газообразное состояніе матеріи представляютъ только отдаленные пункты въ непрерывномъ рядѣ измѣненій, и что «перерывъ непрерывности» при точкѣ кипѣнія является только кажущимся. «Есть разныя указанія на то (Джевонсъ, Основы науки, 572), что процессъ плавленія не совершенно рѣзокъ, и считается вѣроятнымъ, что если бы произвести опыты при надлежащихъ давленіяхъ, то всякое твердое тѣло незамѣтными ступенями переходило бы въ жидкое состояніе и дальше въ газообразное».

Эти открытія, говоритъ Джевонсъ, проложили путь самымъ важнымъ и основнымъ обобщеніямъ, и весьма вѣроятно, что и во многихъ другихъ случаяхъ явленія, считающіяся теперь различными, окажутся различными степенями одного и того же процесса. Грэмъ былъ того мнѣнія, что химическое сродство отличается только степенью отъ обыкновеннаго притяженія (сдѣленія), кото-

рое удерживаетъ вмѣстѣ различныя частички тѣла... Онъ приходитъ къ тому заключенію, что «есть основаніе думать, что химическое сродство на своихъ низшихъ ступеняхъ переходитъ въ притяженіе сдѣленія».

Рѣзкое разграниченіе животнаго и растительнаго царства теперь опровергнуто.

Выдѣленіе чловѣка, какъ особаго существа среди другихъ животныхъ, было подорвано Дарвиномъ, показавшимъ непрерывность организациі тамъ, гдѣ прежде не думали о ней.

Рѣзкое противоположеніе органическаго и неорганическаго міра, въ духѣ витализма, уступило взгляду, сблизившему ихъ.

Успѣхи знанія все больше и больше выдвигаютъ законъ непрерывности: нѣкоторыя открытія, такъ сказать, висятъ въ воздухѣ. *)

Воля, какъ творческій элементъ всякаго договора, объединяетъ это явленія со всякою общественною группою, «соціальная связь» которой заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ «сдѣленіи волей» (*Willenseinheit, Einwilligung, consensus*)... Что общественныя группы являются *произведеніями воли*, это замѣчено «примирительными» теоріями по отношенію къ обществамъ, стоящимъ на высшей степени культуры. Всякому очевидно значеніе, которое играла и играетъ *воля* въ образованіи и жизни такихъ напр. общественныхъ группъ, какъ государственные союзы Американскихъ Штатовъ, Швейцаріи, Франціи, Англіи. Существенныя черты ихъ опредѣляются волевыми актомъ—конституціей, рассчитанной на болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени; менѣе существенныя порядки, мѣняющіеся изъ года въ годъ, опредѣляются каждый разъ волевыми же актами парламента; самъ парламентъ избирается волею націи (при данномъ соотношеніи силъ) и т. д. Недосмотръ этихъ теорій заключается въ томъ, что общества стоящія на низшей ступени развитія, находятся какъ бы въ особомъ положеніи: воля не играетъ или почти не играетъ въ нихъ роли. Дѣйствительное различіе заключается въ томъ, что въ первобытныхъ и менѣе культурныхъ обществахъ преобладаетъ *инстинктивность*, а въ развитыхъ—*сознательность*. Воля можетъ быть и не быть освѣщена сознаніемъ: несознающая себя инстинктивная воля не означаетъ еще отсутствія воли.

Новѣйшей психологіи принадлежатъ заслуга указанія *непрерывности* сознательныхъ и инстинктивныхъ душевныхъ явленій. Инстинкъ не есть нѣчто особое въ сравненіи съ сознаніемъ, это

*) Такъ новѣйшія изслѣдованія гипнотическихъ явленій, и въ частности внушенія, даютъ основанія предполагать непрерывность психическихъ явленій тамъ, гдѣ это совѣмъ не подозрѣвалось прежде. Даже такая, по видимому, прочно установленная истина, какъ теорія особыхъ, самостоятельныхъ атомовъ въ «точныхъ» наукахъ подвергается сомнѣніямъ (и даже болѣе, по мнѣнію нѣкоторыхъ) со стороны теорій непрерывной матеріи.

только низшая степень его, передняя сознаниа. Выраженіе «безсознательный», означающее как бы полное отрицаніе элемента, означаемого словомъ «сознательный», не выполнѣ точно; сознательное и инстинктивное или безсознательное различаются только степенью, они непрерывны.

При извѣстныхъ условіяхъ (отсутствіи психологической или даже вообще всякой научной подготовки, добросовѣстныхъ заблужденіяхъ, и т. д.), а еще болѣе при предубѣжденіяхъ (*l'igno- rance est moins éloignée de la vérité que le préjugé*) уму многихъ общественный порядокъ представляется часто не какъ *зависящее отъ человеческой воли* («произвольное») установленіе, а какъ независимо отъ нея сложившійся, «естественный» (въ фаталистическомъ смыслѣ) фактъ. Представленіе это настолько же невѣрно научно, насколько нежелательно въ практической жизни: оно напередъ подрываетъ свойственное человѣку и обществу стремленіе къ самоусовершенствованію, дѣлая ихъ бѣзцѣльными. Наивная вѣра прежнихъ договорныхъ теорій, вѣра, призывавшая, однако, къ дѣятельности, смѣнилась отчаяніемъ предъ фаталистическими законами природы, устраивающими общество будто бы помимо воли составляющихъ его индивидовъ. Двѣ крайности, ориентироваться между которыми даетъ возможность психологія.

Никакая общественная группа не мыслима безъ сплачивающей ее соціальной связи, и никакая соціальная связь не мыслима безъ сознательнаго или безсознательнаго участія воли. Это психологическая аксіома. Всякое общество есть результатъ совмѣстной (сознательной или безсознательной) воли лицъ, составляющихъ его; результатъ единенія, *consensus'a* ихъ. *)

Дѣйствіе, самое механическое, не есть только сокращеніе мускуловъ, оно всегда есть внѣшнее проявленіе, до извѣстной степени, нашего внутренняго «я». Дѣятельность двухъ или нѣсколькихъ особей, преслѣдующая общую цѣль, непремѣнно предполагаетъ внутреннее, психическое, единеніе дѣйствующихъ особей: безъ этого невозможно никакая кооперація. Обыкновенно говорятъ о единеніи воли (*Willenseinheit*), но это только сокращенная форма выраженія. Въ каждомъ актѣ души непремѣнно участвуютъ (не всегда въ одинаковой степени) всѣ три элемента ея: воля, чувство и мысль. (Гефдингъ, *Очерки психологіи*, 106...)

Сведя природу общества къ природѣ договора (*Willenseinheit*), старыя договорныя теоріи оказали большую услугу, выдвинувъ *волю*, какъ важнѣйшій составной элементъ ея. Одна изъ причинъ, мѣшающихъ до сихъ поръ признанію подобной аналогіи, заключается въ *сознаніи* нами *свободы* воли при заключеніи обычныхъ договоровъ и, наоборотъ, въ сознаніи часто нашей безпомощности,

*) Это одинаково вѣрно и по отношенію къ животнымъ. См. Galton, *Inquiries into human faculty*, 68 и сл.

несвободы воли, когда дѣло идетъ о большихъ общественныхъ группахъ. Затрудненіе это легко устраняется.

Обстоятельство, что нерѣдко (какъ напр. при гражданскомъ договорѣ) мы *сознаемъ* себя свободными, не служитъ вовсе доказательствомъ, опровергающимъ ученіе о такъ называемой «несвободѣ» воли, *) потому что *центр нашего сознанія и центр нашего «я»*, какъ говоритъ Гефдингъ, не совпадаютъ, мы сами не знаемъ вполне самихъ себя, многое остается скрытымъ отъ нашего сознанія. Реально существуетъ «несвобода», иными словами «причинность» воли. Самое понятіе причинности есть необходимое условіе всякаго знанія,—внѣ причинности мы не понимаемъ ничего. «Мы вообще знаемъ о вещи только въ той степени, въ какой она является причиной или дѣйствіемъ» (Гефдингъ, Оч. психологіи, 241), такъ что воля наша въ обыкновенномъ гражданскомъ договорѣ (напр. товарищества) также опредѣляется извѣстными причинами, какъ и во всякомъ другомъ «общественномъ договорѣ», и потому такъ же не является чѣмъ-то «свободнымъ» (согласно пониманію этого слова въ вопросѣ о «свободѣ» воли), какъ и въ другихъ случаяхъ, гдѣ «несвобода» не ускользаетъ отъ сознанія. Причинность (или, по болѣе употребительной терминологіи, «несвобода») воли есть общій законъ дѣятельности всякаго живого существа и *кажущаяся свобода* нашей воли въ случаяхъ обычныхъ договоровъ есть только призванное исключеніе.

Объективная истина оставляетъ однако не подлежащимъ сомнѣнію фактъ *субъективнаго* различія природы большихъ общественныхъ группъ и обыкновеннаго гражданского договора: въ «общественномъ договорѣ» мы *сознаемъ* несвободу нашей воли, въ обыкновенномъ, гражданскомъ,—*не сознаемъ*. Реально различіе это—иллюзія. Современная психологія и даже практическая юриспруденція признаютъ возможность убійства по внушенію другого; убійца дѣйствуетъ, не подозревая, что былъ только орудіемъ другого; онъ можетъ даже придумывать мотивы убійства, если отличается изобрѣтательностью, или просто говорить, что такъ должно было случиться.

Существуетъ и другое, *субъективное* же, различіе природы общественныхъ (широкихъ) группъ и договора. Мелкія, маловажныя вещи ближе нашему пониманію, чѣмъ глубокія и крупныя. Мотивы и самый актъ возникновенія обычныхъ договоровъ *ясны* для насъ: онъ рождается обыкновенно въ сопровожденіи внѣшнихъ признаковъ—слова, письма, знаковъ (что не исключаетъ,

*) Говорю «такъ называемой» потому, что Вентъ въ своемъ «The emotions and the will» оспариваетъ цѣлесообразность примѣненія выраженій «свободный» и «несвободный» къ ученію о волѣ; было бы лучше употреблять выраженіе «причинность» воли.

конечно, и молчаливаго согласія, *tacitus consensus*). Большія общественныя группы какъ бы даются намъ готовыми: *Willenseinheit* (единство воли) возникаетъ какъ-то незамѣтно. Процессы объединенія группъ *ускользаютъ* часто *отъ* *сознанія*. Отсюда иллюзія возникновенія обществъ путемъ «естественнаго роста», какъ бы независимо отъ человѣческой воли; и наоборотъ—установленія гражданскихъ договоровъ путемъ «произвола» (въ смыслѣ сознательной, воплѣ «свободной» воли). Объективно въ процессѣ возникновенія обществъ дѣйствуютъ тѣ же психическія силы мысли, воли и чувства, какъ и въ обыкновенномъ договорѣ, хотя часто подъ порогомъ сознанія и безъ внѣшнихъ атрибутовъ установленія договоровъ.

Эти субъективные различія настолько существенны, что дѣлаютъ неудачнымъ примѣненіе къ обществамъ термина общественного договора. *Willenseinheit*, составляющее внутреннюю природу общества и договора, въ связи съ единеніемъ мысли и чувства, можетъ быть точнѣе выражено терминомъ *consensus*. Договоръ и представляетъ собою связь дѣятельности (или бездѣятельности) двухъ или нѣсколькихъ индивидовъ: ихъ союзъ—психическій, такъ какъ дѣятельность есть проявленіе нашихъ внутреннихъ силъ во внѣшнемъ мірѣ. Выработка общаго плана дѣйствій, составляющая сущность договора, непремѣнно требуетъ участія мысли, чувства*) и воли. Безъ этого невозможна самая обыкновенная и самая малозначная сдѣлка. Нельзя купить хлѣба безъ наличности соотвѣтствующей мысли, интереса съ одной стороны купить, съ другой—продать, и—воли. Но нѣтъ нужды бороться противъ обычнаго употребленія слова «договоръ»: съ нимъ связано обыкновенно представленіе о предшествующемъ обмѣнѣ словъ, писемъ, жестовъ. *Consensus* выражаетъ сущность явленія безъ примѣси указаній на способъ его образованія. Договоръ образуется *сознательною* волею консенсусъ можетъ имѣть факторами безразлично какъ *сознательную*, такъ и *безсознательную* волю. Сознательное же и безсознательное различны количественно, а не качественно.

Консенсусъ и связываетъ цѣпью *непрерывности* самыя различныя, повидимому, формы союзности: какой-нибудь договоръ напр. товарищества и грандіозный государственный союзъ.

Логически мы можемъ представить двухъ или нѣсколькихъ лицъ, дѣйствующихъ подѣ влияніемъ одинаковой воли, идей и чувствъ, и однако же воплѣ независимо. Объективно будетъ существовать консенсусъ, опредѣляемый одинаковостью человѣческой природы или другими болѣе спеціальными факторами. Но такъ какъ субъективно лица эти не имѣютъ общей, сознаваемой ими цѣли, мы не можемъ прилагать къ подобному случаю терминъ

*) Интересъ, какъ извѣстно, есть одна изъ формъ чувства. См. объ этомъ Sully, *The human mind*, 162, 165.

«договоръ», не насилуя обычнаго словоупотребленія. Договоръ образуется *сознательною* волею, нѣвующею и *сознательную* общую цѣль.

Если социальная связь заключается въ «консенсусѣ», т. е. гармоніи идей, чувствъ и воли, *) очевидно не вѣрно часто встрѣчающееся дѣленіе общественныхъ группъ на *произвольныя*, т. е. возникающія по волѣ, соглашенію лицъ, и *непроизвольныя*, т. е. возникающія помимо ихъ воли. Отсутствіе воли предполагаетъ отсутствіе и другихъ элементовъ: идей и чувствъ. А гдѣ нѣтъ ни одного изъ этихъ связующихъ элементовъ, можно говорить о механической группѣ, а не объ обществѣ. Инстинктивность не исключаетъ консенсуса, необходимость же («непроизвольность») даннаго явленія есть слѣдствіе сознанія несвободы нашей воли. Воля участвуетъ, положимъ, въ созданіи государственнаго союза, но мы сознаемъ ея несвободу въ данномъ случаѣ—вотъ и все. Нельзя говорить поэтому, будто государство или какая-либо другая форма общенія возникаютъ «помимо воли»: это психологическій абсурдъ. Общественныя группы въ извѣстномъ смыслѣ фабрикуются и перерабатываются: по скольку дѣло идетъ о *сознательной* работѣ.

Воля существуетъ даже въ случаяхъ, исключающихъ, повидному, ее: при наличности принужденія (напр. при образованіи государствъ путемъ завоеваній). Еще римскіе юристы сознавали, что принудительность не исключаетъ соглашенія: *quamvis coactus tamen volui*. Это не парадоксъ, а психологическая аксіома **) Мо, тивы соглашенія (напр. страхъ дурныхъ послѣдствій отъ сопротивленія) безразличны для факта его существованія.

Консенсуальность государствъ, возникшихъ путемъ завоеваній, видна изъ необходимости 1) придти къ соглашенію о выборѣ руководителя или военачальника и 2) войти въ соглашеніе съ туземцами относительно освоенія территоріи и другихъ условій подчиненія. Сложившійся строй держится до новыхъ договоровъ между завоевателями и завоеванными,—что предполагаетъ возникновеніе новой *воли* ***).

Есть одна идея, вызвавшая сближенія общества съ организмомъ (такъ назыв. «органическія теоріи»), сама по себѣ вѣрная и переходящая въ ошибку при крайностяхъ сближеній****). Идея эта

*) «Meeting of the minds», какъ опредѣляютъ договоръ иногда американскіе юристы.

**) См., напр., защиту этого положенія, между юристами, у Ihering'a на начальныхъ страницахъ «Zweck im Recht».

***) Признаніе консенсуальности государствъ, образовавшихся путемъ завоеваній, не заключаетъ въ себѣ, конечно, нравственной санкціи такого пути. Во всякомъ случаѣ консенсъ не можетъ быть здѣсь прочнымъ. Только свобода даетъ прочный базисъ государственному строю.

****) Аналогія общества и организма не чужда была и такому видному представителю «договорныхъ теорій», какъ Ж. Ж. Руссо. «En même temps

заключается въ подмѣченномъ фактѣ соощущенія (*consensus*) различныхъ социальныхъ явленій, представляющихъ собою то, что называется «состояніемъ общества». Этотъ *consensus* напоминаетъ собою взаимную зависимость различныхъ частей животнаго организма. Каждый изъ многочисленныхъ элементовъ социального состоянія («степень знанія и умственной и нравственной культуры существующая въ обществѣ и въ каждомъ его классѣ; состояніе промышленности, богатства и его распредѣленія; обыкновенныя занятія общества; его раздѣленіе на классы и взаимныя отношенія этихъ классовъ; общія вѣрованія, питаемыя имъ относительно всѣхъ наиболѣе важныхъ для человѣчества предметовъ, и степень твердости, съ которою оно держится этихъ вѣрованій, вкусъ общества, характеръ и степень его эстетическаго развитія; форма правленія и наиболѣе важные законы и обычаи» *) не можетъ быть разсматриваемъ независимо и абсолютно, а только всегда исключительно въ отношеніи своемъ къ другимъ элементамъ, съ совокупностью которыхъ онъ соединенъ взаимною зависимостью. «Изъ какого бы социального элемента мы ни исходили, мы легко увидимъ, что онъ всегда имѣетъ болѣе или менѣе непосредственную связь со всѣми другими элементами, даже съ такими, которые на первый взглядъ, повидимому, вовсе отъ него не зависятъ.» (См. Милль, Система Логики, т. 2, стр. 499 и слѣд.).

Всѣ выводы, которые только можно сдѣлать по отношенію къ животному организму, на основаніи этой черты взаимной зависимости, связи, *consensus*'а (терминъ также и Милля) отдѣльных его частей, будутъ по общему ученію логики (см. Bain, Logic, II, p. 140) вѣрны по отношенію къ обществу. Если бы сторонники органической теоріи остановились здѣсь и не заходили дальше утвержденія связи отдѣльных социальныхъ явленій (а явленія эти состоятъ въ дѣятельности, рядѣ дѣйствій людей живущихъ въ обществѣ), ничего нельзя было бы возразить противъ этого. Что связь дѣйствій отдѣльных лицъ составляетъ сущность общества, это утверждаютъ и сторонники договорной теоріи. Уподобленіе же, напр., лицъ, составляющихъ общество, по различію ихъ общественнаго положенія, различнымъ клѣточкамъ организма: рабочихъ классовъ—пищеварительнымъ органамъ, правительственныхъ—нервнымъ; или людей вообще нервнымъ клѣточкамъ, путей сообщенія—распредѣлительной системѣ организма и т. д., всѣ такія уподобленія представляютъ болѣе или менѣе грубыя метафоры, неумѣстныя въ языкѣ науки.

Если бы человѣчество достигло ступени развитія, на которой жизнь каждаго индивида начиналась бы съ первой минуты при

Rousseau entrevoyait la theorie de l'organisme social, dont il ne sut pas montrer la conciliation avec celle du contrat social» (Fouillée, L'idée moderne du droit p. 121. см. подробнѣе его Science sociale contemporaine).

*) Милль, Система логики, т. 2. стр. 491.

свѣтъ сознанія, и всѣ бы люди дѣйствовали сознательно, такъ что не было бы существующихъ теперь огромныхъ массъ неразвитыхъ людей, дѣйствующихъ по внушенію сравнительно немногихъ развитыхъ, такое состояніе положило бы конецъ всѣмъ инстинктивнымъ, естественнымъ союзамъ. Всякое общеніе покоилось бы на *сознательномъ* единеніи воли соединяющихся лицъ, на договорѣ. Общественность сдѣлалась бы полнымъ синонимомъ договорности.

Семейный союзъ, столь сильно, повидимому, отличающійся отъ другихъ формъ общенія, имѣя въ основѣ любовь, не представляетъ собою чего-либо качественно особаго. Любовь также есть единеніе и синонимъ общественности *) Инстинктивный вначалѣ, особенно въ отношеніяхъ къ малолѣтнимъ дѣтамъ, союзъ этотъ пріобрѣтаетъ явно *договорныя* черты съ развитіемъ *сознательности*. И здѣсь consensus составляетъ сущность союза. Безъ Willenseinheit возможна фикція только семьи. Это одинаково справедливо, какъ по отношенію къ естественной, такъ и договорной (адоптивной, гражданской) семьѣ.

Психологическій анализъ любого союза даетъ тѣ же элементы, что и анализъ обыкновеннаго договора: единеніе мысли, воли и чувствъ, consensus. Множественность и разнохарактерность общественныхъ группъ объясняются человѣческой многосторонностью; но разнохарактерность эта количественная (и субъективная — степень сознанія), только различіе въ количествѣ бываетъ до такой степени большимъ, что принимаетъ видъ различія въ качествахъ **).

Всякій союзъ заключаетъ въ себѣ единеніе (consensus) трехъ указанныхъ элементовъ духовной жизни, и ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ ничего кромѣ нихъ. Но по большому или меньшему присутствію въ нихъ элемента сознательности (цѣли и несвободы воли) можно различить двѣ категоріи. Въ одной преобладаетъ инстинктивность (т. е. меньшая степень сознанія цѣли, за то безъ иллюзій

*) Bain, The emotions and the will, p. 124, § 2.

**) «Если вѣрить Ксенофону, говоритъ Джавонсъ (Основы науки, 570), Сократъ дѣлалъ ошибки вслѣдствіе того, что не принималъ въ соображеніе крайнихъ различій въ степени и количествѣ. Анаксагоръ утверждалъ, что солнце есть огонь, но Сократъ отвергалъ это мнѣніе на томъ основаніи, что мы на огонь можемъ смотрѣть, а на солнце не можемъ, и что растенія растутъ при солнечномъ свѣтѣ, тогда какъ огонь убиваетъ ихъ. Онъ также указывалъ на то, что камень, нагрѣтый въ огнѣ, не блеститъ и тотчасъ же охлаждается, тогда какъ солнце всегда остается одинаково блестящимъ и горячимъ (Memorabilia IV, 7). Всѣ эти ошибки произошли оттого, что онъ не сообразилъ, что различіе въ количествѣ можетъ быть до такой степени большимъ, что принимаетъ видъ различія въ качествахъ. И о Сократѣ рассказываютъ невѣроятную вещь, будто онъ, указавши на нѣмалыя ошибки прежнихъ философовъ, не совѣтовалъ своимъ ученикамъ заниматься астрономіей». Это различіе въ количествѣ упускается изъ виду и въ теоріяхъ общества.

«свободы воли» *), въ другой сознательность (цѣли иллюзія «свободной воли») играютъ большую роль **). Дѣленіе это не имѣетъ постоянного характера: съ развитіемъ отдѣльныхъ членовъ семьи, государства и другихъ подобнаго же рода формъ общенія онѣ приближаются ко второму (договорному) типу.

Сближеніемъ конструкціи различныхъ общественныхъ группъ съ конструкціей договора сдѣлано все, что можно требовать отъ науки. «Нашъ единственный путь, говоритъ Бэнъ (Logic, ч. II, р. 116), отъ темнаго къ ясному, отъ таинственнаго къ понятному состоитъ въ отысканіи сходствъ между фактами, въ томъ, чтобы заставить какъ бы *повернуться различныя явленія*. Мы не можемъ выходить изъ самихъ феноменовъ. Мы можемъ объяснить движеніе, сравнивъ его съ какимъ-нибудь другимъ движеніемъ, удовольствіе отнесеніемъ его къ какому-нибудь другому удовольствію. Мы не мѣняемъ фундамента нашего пониманія вещей, мы только уподобляемъ, классифицируемъ, концентрируемъ или сводимъ къ единству разнообразіе, повидимому, различныхъ вещей» ***).

«Явленіе горѣнія считалось объясненнымъ, когда Пристли показалъ, что оно состоитъ въ соединеніи кислорода съ углемъ или другой субстанціей; короче, онъ уподобилъ фактъ случаямъ окисленія, какъ, напр., образованіе красной окиси ртути (red precipitate of mercury), ржавленія желѣза и т. д. Молнія была объяснена ассимиляціей ея Франклиномъ съ электричествомъ. Полярность иглы была объяснена уподобленіемъ цѣлаго земного шара магниту».

«Объясненіе идетъ такимъ образомъ всегда бокъ о бокъ съ ассимиляціей, обобщеніемъ. Горѣніе было объяснено окисленіемъ; окисленіе было объяснено высшимъ обобщеніемъ—химическимъ соединеніемъ; химическое соединеніе поглощается сохраненіемъ энергіи».

«Вездѣ, гдѣ мы открываемъ сходство (или «тожество среди различія»), мы имѣемъ уже объясненіе (Джевонсъ, Осн. науки, стр. 499 и 1)».

Становясь на объективную точку зрѣнія, придется, конечно, признать, что развитіе обществъ имѣетъ свои фатальные естественные законы, въ силу которыхъ они принимаютъ ту, а не иную форму (подобно организму животнаго). Но распространеніе этого взгляда на субъективную сторону: мнѣніе, будто усилія воли къ пересозданію обществъ безцѣльны, такъ какъ эти послѣднія не фабрикуются, а растутъ—ошибка. Личныя усилія (сознательная воля) суть необходимый ингредиентъ въ числѣ тѣхъ силъ, которыя

*) Семья, государство, національное общеніе...

**) Клубы, товарищества, акціонерныя компаніи, ученые, экономическія и другія общества....

***) См. также прекрасныя слова Джевонса, Основы науки, стр. 1.

обуславливаютъ проявленіе извѣстнаго естественнаго закона въ жизни общества.

Вопросъ только въ цѣлесообразности усилій. Какъ въ обыденной жизни нельзя купить за 2 руб. пятиэтажный домъ, такъ и усилія къ улучшенію условій общественной жизни не могутъ давать результатовъ, если они не будутъ сообразоваться съ величиною и характеромъ препятствій, или принимать во вниманіе всѣхъ факторовъ, напр. вліянія на общество неурожаевъ, эпидемій, землетрясеній, техническихъ и иныхъ изобрѣтеній и т. д.

Фатализмъ объективнаго взгляда на человѣческую исторію, выражающагося въ ученіи о «несвободѣ» воли, не можетъ и не долженъ парализовать субъективный законъ всякой дѣятельности, по которому мы *сознаемъ* свое самоопредѣленіе. Субъективный фатализмъ и при томъ предъ лицомъ объективной разумности стремленій (какъ согласныхъ съ извѣстнымъ «естественнымъ закономъ» или обобщеніемъ) есть временная болѣзнь воли *). Само собою ничего не дѣлается.

В. Катковъ.

*) Свободна или несвободна (объективно) наша воля, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Leslie Stephan (The science of ethics), мы дѣйствуемъ, какъ будто она была свободна. И—«воля есть не только омега, но и альфа нашей жизни, по словамъ Höffding'a (Очерки психологіи).

СМѢНЩИКЪ.

(Очеркъ изъ этапной жизни).

По пыльному, широкому московскому тракту медленно двигалась арестантская партія. Партія, вышедшая съ полуэтапа чуть не въ полночь, растянулась. Арестанты устало брели, громко позванивая кандалами и поднимая тучи пыли. Впереди партіи шелъ здоровый рыжій арестантъ подъ усиленнымъ конвоемъ. Во всей его крѣпкой, коренастой фигурѣ, въ выраженіи лица и сѣрыхъ, смотрѣвшихъ изподлобья глазъ, въ самой манерѣ носить халатъ и круглую арестантскую шапку, проглядывало что-то незаурядное, властное и сильное, но въ тоже время спокойное. Его энергичное, загорѣлое лицо было бы красиво, если бы не небольшой изъѣвъ нѣсколько горбатаго сухаго носа, рѣзко нарушавшаго общую гармонію чертъ.

За нимъ, растянувшись, брели бродяги, поселенцы, катаржане и «шпанка» арестантскихъ партій. Нѣкоторые сильно отставали, но, поддаваясь понуканію солдатъ и напиравшихъ сзади подводъ, напрягали послѣднія силы, время отъ времени догоняя товарищей бѣгомъ. Сзади ѣхало десятка два одноконныхъ подводъ, на которыхъ сидѣли больные и лежали мѣшки съ арестантскимъ скарбомъ. Съ боковъ партіи шли конвойные солдаты въ грязныхъ, запыленныхъ рубахахъ и сдвинутыхъ на глаза «блинахъ». Они небрежно перекидывали, очевидно, тяготившія ихъ ружья съ одного плеча на другое, грубо покрикивая на отстававшихъ. На задней подводѣ, взгромоздившись на мѣшки и поклеывая носомъ, дремалъ толстый фельдфебель.

На одной изъ подводъ сидѣли двое бродягъ. Изъ подъ сѣрыхъ, накинутыхъ на плечи, халатовъ виднѣлось чистое не казенное бѣлье. На ногахъ были надѣты сапоги, ловко подпущенные подъ кандалы. Сразу было видно, что они принадлежали къ высшему слою арестантской массы. Одинъ изъ нихъ съ длинными черными усами и хорошо выбритымъ подбородкомъ былъ «майданщикъ». Другой высокій, сумрачнаго вида бродяга—староста.

— А вѣдь меня Андрей-то Иванычъ все стыдитъ,—тихо говорилъ староста.—Все попрекаетъ, что смѣнщика ему не подыщемъ. Какъ, говорить, не стыдно своего брата на вѣчную отпустить...

— Такъ-то оно, такъ,—перебилъ майданщикъ:—да больно у него-то, у рыжаго чорта, рожа примѣтная—не скоро къ такой харѣ другую подберешь... Опять денегъ гдѣ взять?.. Собирать, пожалуй, не собираешь..

— Деньги у него есть... Теперь, говорить, рублей двадцать на смѣнщика дамъ. Коли, говорить, дешевле найдете—мнѣ все равно... промѣжь себя дѣлите.

— И «артель» угостить придется... безъ «ивановъ» тоже не обойдешься.

— Какъ обойтись! На пропой пятишку класть нужно, меньше не обернешься... Развѣ объявить, что, молъ, недохватка... Рублевокъ съ десятокъ промежь партіи наберемъ—изъ кормовыхъ и удержать можно будетъ... А чего останется, и подѣлимъ.

— Статья-то подходящая, — замѣтилъ майданщикъ. — Да вотъ кого только на смѣнку пустить. Наваливается тутъ Безпалый, да примѣты не тѣ, не годится...

— Безпалый не годится,—прервалъ староста, — нужно Ваньку парашника готовить.

— Да ты вотъ артель сегодня вечеромъ собери... тамъ и рѣшимъ. И то Ваньку пустимъ, потому дѣваться ему некуда—все проигралъ...

— П-подтянись! Подтянись! — раздался громкій голосъ фельдфебеля.

Дорога, долго поднимавшаяся въ гору, выбѣжала вдругъ на самую вершину и круто стала спускаться внизъ. Кругомъ, куда только хваталъ глазъ, все было покрыто могучей, дѣвственной тайгой. Она темной щетиной покрывала причудливо раскинувшіеся хребты и уходила вдаль, пропадая въ синевѣ подернутаго дымкой горизонта. Отъ всего безконечнаго моря лѣса вѣяло чѣмъ-то таинственнымъ и мрачнымъ, но въ то-же время и величавымъ. И среди этого дѣвственнаго, темно-зеленаго лѣса, среди этого безбрежнаго простора, внизу подъ спускомъ, около небольшой шумливой рѣчки раскинулось притрактовое сибирское село. Тутъ-же, съ краю около дороги, рѣзко выдѣляясь среди остальныхъ построекъ, красовались темныя, бревенчатыя казармы сибирскаго этапа. Тускло, угрюмо выглядывали продолговатыя, забитыя рѣшетками, окна, непривѣтливо торчали заостренныя, высокія пали и пѣгія солдатскія будки...

Передовые приостановились—партія слишкомъ растянулась. Нужно было подождать отставшихъ.

— Эхъ-ма! Вотъ она матушка тайга-то... Сколько, подумаешь, мѣста захватила... конца краю не видать,—вздыхнулъ старикъ-бродяга и задумчивымъ, печальнымъ взглядомъ окинулъ разстилавшуюся передъ нимъ картину, залитую яркими солнечными лучами.

— Трогай! Чего стали! — раздался новый окрикъ фельдфебеля.

Окрикъ фельдфебеля и видъ этапа оживили партію: усталости—какъ не бывало. Всѣ старались протиснуться впередъ. Теперь на всѣхъ этихъ грязныхъ, полуобритыхъ лицахъ, носившихъ печать самыхъ разнообразныхъ страстей и пороковъ, проглядывала одна мысль, одно выраженіе—не прозѣвать лучшаго мѣста, не дать себя обидѣть въ общей свалкѣ, когда вся эта сѣрая толпа, позабывъ свои хвори, ноги, искалѣченные кандалами, бросится, сломя голову, давя другъ друга, чтобы занять лишній аршинъ на этапныхъ нарахъ, покрытыхъ грязью и кипящихъ міриадами различнаго рода «гноса».

Все быстрѣе и быстрѣе валила партія подъ горку и почти на рукахъ вынесла передовыхъ бродягъ къ широкимъ этапнымъ воротамъ. Положеніе этихъ передовыхъ было критическое. Сзади нажимала «шпанка», спереди стояли конвойные солдаты, прикладами отпихиваясь отъ напиравшей на нихъ арестантской толпы.

Фельдфебель, не торопясь, слѣзъ съ повозки и вмѣстѣ съ старостой и «вѣчнымъ», шедшимъ впереди партіи, прошелъ въ калитку. Онъ заперъ «вѣчнаго» въ отдѣльную камеру и, вернувшись на дворъ, громко крикнулъ:

— Отпирай! Отпирай!..

Ворота сразу распахнулись, солдаты отскочили въ сторону, и вся арестантская масса, перегоняя другъ друга, пустилась бѣжать черезъ дворъ къ казарменному крыльцу. Впереди бѣжалъ высокій бродяга. Онъ дѣлалъ огромные скачки, держа въ одной рукѣ длинное полотенце, а другой подобравъ полы халата; кандалы, подтянутые ремнемъ высоко къ поясу, глухо звенѣли. Благодаря неимовернымъ усиліямъ, онъ былъ далеко впереди и первый успѣлъ проскочить въ казарменное крыльцо, повернулъ въ первую попавшуюся камеру и бросился на нары поперекъ, раскинувъ еще и свое полотенце, чтобы захватить мѣсто пошире. Вслѣдъ за нимъ бѣжали кучками арестанты. Они сталкивались на крыльцѣ, временно задерживались въ дверяхъ, но набѣгавшіе сзади напирали, и они сразу продавливались въ корридоръ, разбѣгались по камерамъ и бросались поперекъ на незанятые еще нары. Запоздавшая «шпанка» вскакивала въ камеры, быстро осматривала, нѣтъ-ли гдѣ свободнаго мѣста, возвращалась назадъ, забѣгала въ другія камеры и, не находя нигдѣ уже свободнаго мѣста на на-

рахъ, ложилась въ корридоръ или залѣзала подъ нары и располагалась тамъ.

Этапъ ожилъ. Арестанты, оставивъ на занятыхъ мѣстахъ что нибудь изъ вещей, суетились. Одни разбирали мѣшки, сложенные въ кучу по среди двора, другіе бѣжали съ котелками и жестяными самоварами за водой, разжигали ихъ или приставляли котелки къ горѣвшимъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ на дворѣ кострамъ и, сидя на корточкахъ, ждали, когда закипитъ вода. Часть арестантовъ толпилась около торговыхъ, раскупая у нихъ разную снѣдь незатѣливой сибирской кухни... Всѣ спѣшили; всѣхъ томила жажда; всѣ старались до переключки бапиться чая, заморить хоть немного червячка.

Наконецъ, поспѣли самовары и закипѣли котелки. Бродяги, съ такимъ трудомъ завоевавшіе себѣ лучшія мѣста на нарахъ, теперь вольготно сидѣли группами, человѣка по три—по четыре, спокойно попивая чай изъ деревянныхъ китайскихъ чашекъ. Майданщикъ раскрылъ свой ящикъ-лавочку съ различного рода деликатесами и уже началъ торговлю, отпуская поспѣшно подбѣгавшимъ къ нему арестантамъ—кому наперстокъ перепрѣлаго кирпичнаго чая, кому щепотку табаку или мизерный кусочекъ сахара.

Повсюду раздавался говоръ. Бродяги разговаривали степенно, шпанка говорила шумно. Время отъ времени раздавалась циничная шутка или не менѣе циничное ругательство.

— На повѣрку выходи! На повѣрку!.. раздались голоса конвойныхъ солдатъ.

— Сегодня, видно, Ваньку драть будутъ. Вчера, говорятъ, все проигралъ,—проговорилъ старикъ бродяга, лѣниво поднимаясь съ наръ.

— Нѣтъ... Майданщикъ, говорятъ, далъ вещи на повѣрку. Ужъ непремѣнно его думаютъ на смѣнку пустить,—отвѣчалъ рядомъ сидѣвшій арестантъ, собирая казенныя вещи.

— Да какъ-же и быть? Неужели Андрея Ивановича на вѣчную пускать! Первѣющій, братъ, бродяга... Не шпанка какая нибудь.

— Вотъ, видно, Ваньку и готовятъ... Это я ему сегодня говорю—что, Ванька, вещи взять, видно, договариваешься на смѣнку-то... А онъ, песь рыжій, обругалъ... Не пойду, говорить, подъ плети, да я все тутъ.

— Ну, а артель на что? Тоже противъ артели не пойдемъ... Да и какъ это, чтобы вѣчнаго не смѣнять—правилъ такихъ нѣтъ,—заклучилъ старикъ, выходя на дворъ.

Пока арестанты выстраивались въ шеренги, солдаты внесли столикъ съ кучей статейныхъ списковъ, и началась скучная, продолжительная процедура осмотра каждаго арестанта и его вещей. Впрочемъ, главное вниманіе обращалось не на

то, чтобы примѣты сходились съ выкликаемымъ арестантомъ, чтобы всѣ казенныя вещи были цѣлы. Осмотрѣнные арестанты по одиночкѣ проходили въ казармы. Казармы быстро наполнялись. Многіе бродяги, снявши кандалы, доставали собственное бѣлье и штиблеты, шли къ парашкамъ умыться и, надѣвъ чистыя рубахи, ложились отдыхать. «Шпанка» укладывалась прямо на грязный полъ, подложивъ подъ себя халаты, а подъ головы свои мѣшки. Часовые смѣнились, сдавши партію новому конвою.

Въ углу одной изъ камеръ около майданщика собрался совѣтъ наиболѣе вліятельныхъ бродягъ. Центръ составляли майданщикъ, староста и два сѣдыхъ старика, бродяжившіе уже не одинъ десятокъ лѣтъ. Они слыли за лучшихъ знатоковъ «правиль арестантскаго быта».

Майданщикъ сидѣлъ въ шитой русской рубашкѣ, время отъ времени отвлекаясь отъ бесѣды подбѣгавшими къ нему зачѣмъ-либо арестантами. Около него, облокотившись на нары, стоялъ здоровый, черноватый, еще не старый бродяга. Онъ держалъ себя нѣсколько надменно. Во всей его толстой фигурѣ, въ выраженіи его толстаго лица проглядывало что-то наглое, тупое. Чувствовалось, что для него ничего не существуетъ, кромѣ его личности, кромѣ его скотскихъ потребностей. Онъ курилъ папироску, ловкимъ движеніемъ языка и губъ далеко сплевывая слюну. Это былъ самый богатый въ настоящую минуту бродяга, извѣстный картежникъ. Но онъ не игралъ отъ самого Красноярска, приберегая свои деньги до Нижнеудинской тюрьмы, гдѣ можно было и много выиграть, и добыть всякія жизненныя утѣхи, что называется, кутнуть, загулять во всю.

Тутъ же стояло еще нѣсколько человѣкъ бродягъ изъ «ивановъ»: прежніе смѣненные старосты, майданщики или кандидаты на эти должности въ будущемъ—словомъ, вся артель была въ сборѣ. Много незамѣтныхъ нитей связывало каждого изъ собравшихся «ивановъ» съ остальной арестантской массой. Первенство принадлежало здѣсь деньгамъ, нахальству, а главное—удальству въ «бродяжихъ», «таежныхъ» похожденияхъ.

Рѣчь шла о необходимости подыскать смѣнщика для «вѣчнаго».

— Да, господа, — говорилъ староста, — нужно подыскать смѣнщика... Теперь Андрея Ивановича иначе никоимъ манеромъ не ослобонишь. Бѣжать—шума много, да опять стерегутъ его сильно... статья неподходящая. А лучше нѣтъ, какъ смѣнить его въ Удинскѣ. Тамъ одного не посадятъ, начальство все хорошее, да и тюрьма вся у майдана на откупъ... какъ

есть лучшаго мѣста не найти. Дадимъ сколько нужно, и карту отрѣжутъ... А то хоть и съ картой. Ваньку если пустить, такъ и карту отрѣзать не надо — такой же рыжий... да и примѣты всѣ сдѣлать можно. Вотъ развѣ носъ немного подчистить придется, да пустяки, къ Удинскому заживетъ...

— Ну, чего росписываешь, словно сами не знаемъ, — прервалъ черный бродяга: — не маленькіе, не первый разъ кандалы то носимъ, можетъ, и получше тебя еще...

— До сей поры тянулъ. Давно пора бы смѣнщика подыскать... а еще староста! — строго замѣтилъ одинъ изъ стариковъ. — Чего тутъ и толковать — Ваньку и пускай.

— Да чего-то, говорятъ, упирается онъ...

— А мы что, спрашивать будемъ, что ли? Такъ обдѣлаемъ, что шелковый станетъ... Противъ артели не пойдетъ... да и партія не попуститъ. Вотъ только какъ бы насчетъ денегъ, — замаялся нѣсколько староста, — недохватка у Андрея Ивановича небольшая, рублей съ десятокъ... А угощенье артели отъ себя ужъ Андрей Ивановичъ ставитъ...

— Это можно... десятка небольшія деньги, — поддержалъ старикъ. — Десятку всегда пожертвовать можно...

— Да ты изъ кормовыхъ удержи... по полъ-копѣйки на день, — замѣтилъ майданщикъ. — Такъ по партіи и объяви.

— Изъ кормовыхъ на что лучше! — поддержали майданщика нѣсколько голосовъ.

— Ну, а какъ же насчетъ Ваньки? — опять спросилъ староста. — Пытали его, ругается, — не пойду, говорить, подѣлети...

— А денегъ пробовали ему давать?

— Вчера его обыграли — все проигралъ, подкандальники и тѣ отдалъ, — проговорилъ майданщикъ, плутовато посматривая кругомъ своими черными глазками. — Пришелъ ко мнѣ... Такъ и такъ, говорить, все проигралъ... а за парашку впередъ еще на той дневкѣ взялъ. Я ему и говорю: бери, Ванька, денегъ у меня, потомъ отдашь, а Федька Крученный подѣлами лежить... Ну, думаю, возьметъ, а тамъ ужъ не отопрется, потому свидѣтель есть... Да и отдать не изъ чего будетъ — значить мѣняться, какъ ни вертись, а придется... Нѣтъ, говорить, денегъ не возьму, а пришелъ я рубаху да портокъ попросить, да на переключку вещи показать. Я, говорить, въ карты играть брошу и тебѣ потомъ изъ парашныхъ да кормовыхъ отдамъ... Чего, думаю, ссориться — не стоитъ. Далъ ему вещи и проценту начелъ, а денегъ, какъ ни навяливалъ, такъ и не взялъ.

— Не бѣда, не выдержать... Больно зарный въ карты играть. Сегодня вотъ игру начнемъ — не можетъ быть, чтобъ не обзарился, — заключилъ староста.

Вѣсть о рѣшеніи артели быстро разнеслась по камерамъ.

Всѣ узнали, что артель постановила смѣнить «вѣчнаго» и что постановлено собрать съ партіи десять рублей.

Бродяги были довольны. Но нѣсколько человѣкъ изъ «шпанки» несмѣло попытались заявить:

— Это какъ же, по пятаку съ брата?.. Это будто не по закону... А можетъ, я и не хочу... можетъ, согласія моего нѣтъ...

Но подавленные большинствомъ и грубыми окриками бродягъ, они принуждены были замолкнуть и удовольствовались лишь тѣмъ, что, залѣзая подъ нары на свои мѣста, ворчали:

— Ишь силу забрали, горлодеры... И на нарахъ, какъ баре, лежать, да еще изъ кормовыхъ по пятаку не додають... проклятые...

Но больше всего занималъ всѣхъ вопросъ, кого пустить въ смѣнку, и всѣ въ концѣ-концовъ останавливались на Ванькѣ.

— Окромя Ваньки, какъ есть некому... Изъ жигановъ самый послѣдній жиганъ. Да и рожей больно подходящъ... Окромя него-кому же?..

Такимъ образомъ участь Ваньки парашника была окончательно рѣшена.

Былъ хорошій лѣтній вечеръ. Солнце уже почти касалось виднѣвшихся на горизонтѣ сопокъ. Дымъ отъ костровъ, разносимый по двору легкими дыханіями вѣтра, отгонялъ тучи носившейся надъ этапомъ мошки. Арестанты разсыпались по всему дворику. Часть столпилась около костровъ и, снявъ свои рубахи, выпаривала изъ нихъ разныхъ «гносовъ», ловко вертя ихъ надъ огнемъ. Цѣлая группа «шпанки» ходила слѣдомъ за высокимъ старикомъ, одѣтымъ въ женскую кацавейку, съ длинной палкой въ рукѣ. Они подбѣгали къ нему сзади и съ боковъ, дергали его за полы, «гавкали» на него и сразу отскакивали въ стороны, толкая другъ друга, лишь только старикъ замалчивался на нихъ палкой. При ловкомъ ударѣ, раздавался дружный хохотъ всей собравшейся на дворѣ публики. Молодые, франтоватые арестантики толпились около торговекъ. Иногда циничная шутка, понравившаяся всѣмъ окружающимъ, сопровождалась громкимъ смѣхомъ. Но не разъ уже «ученые», торговли находчиво, не стѣсняясь выраженіями, огрызались зорко присматривая за обступившими ихъ арестантами.

На крыльцѣ казармы сидѣли майданщикъ, староста и ный бродяга-картежникъ.

— Ужъ ты сегодня посодѣйствуй,—говорилъ майданщикъ черному бродягѣ, продолжая начатый разговоръ.—Околпачъ Ваньку... вотъ и староста тебѣ поможетъ.

— Теперь только за Ванькой и дѣло,—подхватилъ староста.—Ужъ ты помоги...

— Да я не запираюсь... Только уговоръ: Ваньку дѣлить будете, меня не обсчитайте.

— Ну чего зря-то говорить. Развѣ, когда Безроднаго дѣлили, тебя обсчитали?

— Нѣтъ, я такъ къ слову, чтобы потомъ чего не вышло.

— Есть о чемъ и говорить,—дѣловито замѣтилъ майданщикъ.—Ты вотъ лучше поди-ка бутылочку водочки раздобудь,—обратился онъ къ старостѣ.

— Я ужъ говорилъ... общался. Пойти узнать...

Староста всталъ и направился къ солдатской казармѣ. Онъ сначала заглянулъ въ окно, посмотрѣлъ, нѣтъ-ли кого изъ начальства, а затѣмъ уже поднялся на крыльцо.

— А вотъ и Ванька вылѣзъ... Видно, тоже на солнышкѣ погрѣться захотѣлось,—проговорилъ майданщикъ, увидавъ вышедшаго изъ камеры рыжаго арестанта. На немъ не было ни котовъ, ни шапки. До невѣроятности грязное, заносенное, рваное бѣлье лохмотьями висѣло на его худомъ истощенномъ тѣлѣ. Веснущатое, загорѣлое лицо было худо. Небольшие сѣрые глазки безпокойно и какъ-то подозрительно выглядывали изъ-подъ густыхъ бровей. Всклокоченная рыжая борода и вихрастые волосы на полубритой головѣ еще рѣзче отбѣняли его забитость. Арестантикъ постоялъ на крыльцѣ и безпокойнымъ взглядомъ окинулъ всю собравшуюся на дворѣ публику.

— Ванькѣ наше нижайшее! Пятнадцать съ кисточкой!—привѣтствовалъ майданщикъ.

Ванька ничего не отвѣтилъ. Онъ сошелъ съ крыльца и, позванивая кандалами, которые какъ-то неловко болтались на его худыхъ ногахъ, направился черезъ дворъ. Ванькѣ было не по себѣ. Онъ зналъ, что готовится смѣнка: онъ слыхалъ, что большинство указывало на него.

— А и въ самомъ дѣлѣ смѣняютъ... Имъ развѣ чужая шкура дорога,—думалъ Ванька, толкаясь между арестантами.

Арестанты не давали ему покоя. То тотъ, то другой задирали его. Воротиться обратно въ камеру ему не хотѣлось, и онъ, пробравшись въ уголокъ двора, усѣлся около забитаго мужиченки общественника.

За послѣднее время Ванька чувствовалъ къ этому забитому мужиченкѣ, Богъ знаетъ какими судьбами попавшему въ Сибирь, своеобразную нѣжность. Сознаніе своей забитости, униженности сблизило ихъ. Къ тому же это былъ единственный человѣкъ, который слушалъ Ваньку. Ванька любилъ поговорить и посвящать своего забитаго товарища въ тайны арестантскаго быта.

Довольно долго сидѣли они молча. Вдругъ мужиченка спросилъ у Ваньки:

— А чего это по полъ копѣйки изъ кормовыхъ староста не додалъ? Чего-то говорятъ, на смѣнщика собирають.

— Да вонъ для «рваной ноздри», что впереди партіи идетъ... Вишь «вѣчный» — ну вотъ и хотять вызволить... Обыкновенье ужъ такое: либо бѣжать устроить, либо смѣняютъ... какъ ловчѣе.

— Такъ это какъ-же староста, своей властью, что ли?

— Староста тутъ не причемъ... Не въ немъ сила, а сила въ артели — въ «иванахъ». Что артель захочетъ, то и староста сдѣлаетъ... Нынче онъ староста, а завтра артель выбрала другого — кто поглянется имъ чертямъ — хоть меня, и я староста буду.

Ванька помолчалъ.

— Отчего, ты думаешь, майданщикъ, да вонъ толсторожій, что въ картузѣ рядомъ съ нимъ сидитъ, силу забрали, да всѣмъ верховодятъ? А отъ того, скажу тебѣ, что деньги есть... Вотъ и староста ихъ слушается отъ этого-же, а ты думалъ, онъ родился такой?.. Нѣтъ, братъ!.. Вишь фартануло урвать имъ гдѣ-нибудь — вотъ и форсать... Вся сила ихъ въ этихъ самыхъ деньгахъ.

— Извѣстно деньги, вездѣ деньги, — поддержаль мужиченка.

— Чего ты и понимаешь! — нѣсколько презрительно замѣтилъ Ванька. — Видалъ-ли ты деньги когда-нибудь? Поди лопаль мякину, да на печи съ бабой валялся, а тоже деньги!.. Ванька отвернулся въ сторону и замолчалъ.

— А что табачокъ есть?

— Гдѣ быть... — уныло отвѣтилъ мужичекъ.

— Ну и жизни! — угрюмо проворчалъ Ванька и сплюнулъ.

— А насчетъ смѣнщика! — раздражительно накинулся вдругъ Ванька на мужиченку, будто онъ являлся виновникомъ смѣнки. — Меня аспиды готовятъ! На мою шкуру зарятся! Знаю ихнюю ухватку! Вчера майданщикъ такой ласковый былъ — рубаху далъ, да и денегъ еще навяливалъ... Да нѣтъ, подождутъ, холера ихъ съѣшь и съ деньгами; подождутъ! Не поддамся я имъ... нѣтъ...

— Ванька! — раздался рѣзкій окрикъ старосты. — Не видишь что-ли, что переключка скоро!.. Парашки тащи!..

Вечеромъ послѣ переключки, когда казармы были заперты, Ванька выбралъ себѣ мѣстечко около дверей и прямо легъ на грязный полъ. Подложить подъ себя ему было нечего. Вещи послѣ осмотра опять отобралъ майданщикъ. Рядомъ съ Ванькой лежалъ его пріятель — худенькій мужиченка и все вздыхалъ объ оставшейся на родинѣ семьѣ.

На противоположномъ концѣ корридора уже составилаь

игра. Тамъ столпились всѣ самые завзятые игроки, между которыми первенствующее мѣсто занималъ черный бродяга-игрокъ.

Играющіе сидѣли, поджавъ подъ себя ноги, около разостланнаго арестантскаго халата. Посрединѣ горѣла салъная свѣчка въ желѣзномъ подсвѣчникѣ и валялось нѣсколько серебрушекъ. Игра шла азартная. Федька Крученныи съ разгорѣвшимися глазами, въ черной круглой, обтрепанной шапкѣ, съѣхавшей на затылокъ, приставъ на одно колѣно—выигрывалъ. Онъ нетерпѣливо и порывисто подхватывалъ карты, подносилъ ихъ къ самому носу, быстро взглядывалъ на нихъ и, зажавъ ихъ въ одну руку, начиналъ увеличивать ставки. Чаще всего слышались его возгласы:

— А я замирилъ, да подъ тебя двугривенный!

Черный бродяга подтасовывалъ карты артистически и все проигрывалъ. Проигрывалъ и рядомъ сидѣвшій съ нимъ староста. Только невысокаго роста арестантикъ—четвертый игрокъ, игралъ ни въ чью. Онъ игралъ спокойно и въ планъ, очевидно, посвященъ не былъ.

Ванька лежалъ на спинѣ, положивъ голову на мѣшокъ своего сосѣда. Такъ было удобнѣе. Ванькѣ не спалось, да и постоянно подходившіе къ парашкамъ арестанты не давали ему покоя, время отъ времени задѣвая его ногами. А главное мѣшали ему возгласы игроковъ. Ванька старался не обращать на нихъ никакого вниманія. Но «Ай... да Федька!.. И претъ-же ему нынче»—раздавалось все чаще и чаще.

Въ головѣ Ваньки быстро пронеслась картина послѣдняго проигрыша, когда онъ часамъ къ двѣнадцати ночи проигралъ рѣшительно все, до подкандалниковъ включительно.

— Да и Федька проигралъ,—подумалъ Ванька.—Пойти по-смотри́тъ не то?.. Ванька колебался. Новый взрывъ восторга собравшихся около игроковъ арестантовъ окончательно смутилъ Ваньку. Онъ всталъ и лѣнивой походкой подошелъ къ играющимъ.

Федькѣ везло. Карта шла замѣчательно. Ванька незамѣтно началъ все внимательнѣе относиться къ игрѣ; по временамъ Федька показывалъ привалившую къ нему карту и начиналъ совѣщаться. Ванька все больше и больше входилъ во вкусъ игры.

— На-ка, Ванька, за меня сыграй, а я сбѣгаю узнаю—нѣтъ ли водочки въ майданѣ.

Ванька началъ играть—карта валила. Федька вернулся съ какой-то бутылочкой, въ которой была налита желтоватая жидкость. Увидѣвъ, что Ванька выигрываетъ, онъ радостно вскрикнулъ:

— Ай-да Ванька! Молодчина!.. На-ка выпей,—и передалъ

ему бутылочку. Ванька хватилъ прямо изъ горлышка. Но и его, лужоная и выдавшая всякіе виды, глотка не могла безнаказанно перенести подобной отравы. Ванька нѣсколько времени сидѣлъ съ вытаращенными глазами, потомъ оправился и началъ сплевывать.

— Ну и водка... сердита... — проговорилъ онъ, наконецъ, вытираясь рукавомъ рубахи.

А Федька все выигрывалъ. Ваньку сильно тянуло сходить къ майданщику, но онъ крѣпился. Онъ сидѣлъ около Федьки и, не смотря на то, что Федька подъ разными предлогами убѣгалъ, передавая ему на время карты, не смотря на угощенье водкой, не смотря на дѣйствительно «дуромъ» валившую карту, Ванька не соблазнялся. Онъ зналъ, что разъ начнетъ, ужъ будетъ играть до послѣдней возможности, и онъ крѣпился. Подобное поведеніе Ваньки возмутило всѣхъ «ивановъ»: а коли добромъ не хочетъ смѣняться, такъ смѣняется, сперва розогъ отвѣдавши—видно однихъ плетей мало.

Отношеніе майданщика и старосты къ Ванькѣ круто измѣнилось. Началось съ того, что майданщикъ потребовалъ обратно рубаху и портки.

— Ванька, постой-ка! Рубаху, да портки отдай,—обратился майданщикъ на другой день къ проходившему мимо Ванькѣ.

Ванька въ недоумѣніи остановился, ничего не понимая.

— Чего шары-то вылупилъ?.. Снимай рубаху и все тутъ,—категорически заявилъ майданщикъ.

— Да ты мнѣ срока не назначалъ... Вѣдь проценты начель... отдамъ...

— Самому нужны! — рѣзко отрѣзалъ майданщикъ. — Скидавай и все тутъ! Чего съ тобой толковать... А не хочешь, такъ деньги отдай... Ну чего стоишь?.. Скидавай, а то и самъ возьму... свое беру, не чужое..

— Да вѣдь отдамъ,—умолялъ Ванька.—Сказалъ, что отдамъ...

— Тоже, туда-же отдамъ! Изъ чего отдавать-то будешь? На томъ свѣтѣ углями, что-ли? Чего тамъ—скидавай! Некогда мнѣ съ тобой тутъ валандаться... Скидавай... скидавай!

Долго униженно просилъ Ванька, но майданщикъ куражился. Дѣлать было нечего. Ванька нехотя снялъ рубаху, портки и стоялъ около майданщика голый, поддерживая одной рукой кандалы.

— Чего стоишь, манумента рыжая? Поди думаешь, красивъ больно... Отфѣзжай, братъ, сегодня не суббота, не подають...

— Да дай мнѣ чего nibудь надѣть, не голому ходить...

— Эхъ, голова съ ноздрами!—вѣдь теперь голому-то куда лучше, потому что жара на дворѣ, а въ такой-то амуниціи прохладно, больно повадно по тракту-то маршировать... Отъ бабъ, да отъ дѣвокъ отбою не будетъ... ха... ха... ха...

— Чего хайло-то дерешь? Ну дай чего нибудь надѣть... Изъ кормовыхъ отдамъ. Сейчасъ вотъ старостѣ и скажу.

Ванька не отходилъ.

— Ну ужъ дѣлать нечего, старенькіе вотъ, пожалуй, дамъ—проговорилъ, наконецъ, смиростившійся майданщикъ и, выбравъ совсѣмъ невозможныя лохмотья, подалъ ихъ Ванькѣ. Но Ванька былъ радъ и этимъ грязнымъ тряпкамъ.

— За нихъ, да за вещи, которыя давалъ тебѣ на повѣрку—ты мнѣ изъ кормовыхъ отдай... Такъ старостѣ и скажи.

Такимъ образомъ, на слѣдующей дневкѣ Ванькѣ не миновать розогъ. Кормовыхъ староста ему не выдавалъ: они шли въ уплату за проценты. Ванька существовалъ подачками, которыми преимущественно надѣляли его скопцы, да его пріятель, худенькій мужиченка. Но больше всего Ваньку донимали арестанты. Всѣ радовались и впередъ шутили надъ тѣмъ, какъ его драть будутъ. Когда Ванька проходилъ по двору, всѣ разступались, крича:

— Ей, ребята, разступись! Прокурать во фракѣ идетъ! На той дневкѣ ему постель пуховую готовить—потому чинъ на немъ большой!

Каждый старался оторвать кусокъ отъ его, и безъ того въ лохмотья изорванной, рубахи.

По приходѣ на этапъ, отбывши свои несложныя парашническія обязанности, Ванька забивался куда-нибудь въ уголъ и лежалъ тамъ, страдая нравственно и физически. Кандалы безъ подкандалниковъ растирали ему щиколки въ кровь. Ноги были «побиты», потому что идти ему приходилось босикомъ. Время отъ времени Ванька начиналъ себѣ доказывать, что все это пустяки.

— Эка бѣда, — думалъ онъ, — что высѣкутъ—поди не привыкать! Посѣкутъ, да за то вещи всѣ новыя дадутъ и спать мягко будетъ, да и ноги подживутъ... Да чего ужъ! Хоть-бы поскорѣе, а то такъ только, зря маешься!

Желанный день насталъ. Шеренги арестантовъ были построены, перекличка началась. Наконецъ, очередь дошла и до Ваньки.

— Иванъ Непомнящій, — выкликнулъ старшій.

Ванька вышелъ впередъ, подошелъ къ столику, около котораго сидѣлъ фельдеребель. Въ рядахъ арестантовъ стали раздаваться сдержанныя остроты и смѣхъ.

Старшій вскинулъ на Ваньку глазами, нѣсколько удивленно посмотрѣлъ и спросилъ:

— Гдѣ вещи?

Ванька молчалъ.

— Чего стоишь, скотина рыжая? Говори, гдѣ вещи?

— Не знаю, — отвѣтилъ, какъ-то нехотя, сквозь зубы Ванька.

— Какъ не знаешь? Чего стоишь... Говори, куда вещи дѣвалъ?

Ванька молчалъ.

— Эй, староста! Гдѣ вещи, куда вещи онъ дѣвалъ? На прошломъ осмотрѣ были... Говори, гдѣ вещи?

— Да онъ ихъ-съ, ваше благородіе, торговкѣ на полуэтапѣ продалъ. Я ему говорилъ: смотри, Ванька, не продавай—и вещи у торговли отобралъ... а онъ ихъ вторично-съ продалъ. Сами посудите, ваше благородіе, гдѣ за всѣми углядѣть... Туда, да сюда—тоже не разорвешься.

— Чего тогда не сказалъ? Врешь, мошенникъ!

— Ей Богу, ваше благородіе!.. Съ мѣста не сойти... Да вотъ, ваше благородіе, ихъ спросите,—указалъ староста на арестантовъ,—всѣ видѣли...

— Ребята! Кто видѣлъ?

— Я... я... я видѣлъ!—раздалось съ десятокъ голосовъ среди арестантовъ.

— Ладно... чего разорались! А тебя мало-мало пощѣмъ,—проговорилъ старшій, обращаясь къ Ванькѣ.—Пока что, къ сторонкѣ отойди.

Перекличка продолжалась. Ванька стоялъ въ сторонкѣ и ждалъ. Наконецъ, осмотръ кончился. Ванькѣ выдали новыя вещи и записали ихъ въ статейный списокъ.

— Ну-ка розогъ... свѣженькихъ!—приказалъ старшій, вставая изъ-за стола и потягиваясь.

Молоденькій солдатикъ принесъ пучекъ длинныхъ прутьевъ, и началась безобразная экзекуція. Ванька лежалъ, закусивъ рукавъ. Одинъ арестантъ сидѣлъ на ногахъ, другой помѣстился верхомъ на шеѣ. Прутья визгливо, жалобно ныли, разсѣвая воздухъ, и этотъ ноющий, будто плачущій звукъ вдругъ глухо обрывался, ударяясь объ истощенное, грязное тѣло Ваньки. Ванька не кричалъ, хотя было и больно. Онъ выдерживалъ характеръ—бродягѣ стыдно кричать подъ розгами. При каждомъ ударѣ Ванька лишь судорожно вздрагивалъ, все сильнѣе и сильнѣе закусывая руку... Старшій монотонно отсчитывалъ удары, спокойно покуривая трубку.

— Послѣдній — горяченькій отпусти, — приказалъ онъ солдату.

Прутъ рѣзко взвизгнулъ въ послѣдній разъ... Ванька вскочилъ, наскоро оправился и быстро удалился въ казармы, чтобы спастись отъ насмѣшекъ арестантовъ. Онъ забился въ уголокъ и улегся около своего товарища, худенькаго мужиченки.

Противъ ожиданія Ванька чувствовалъ себя довольно хорошо, хотя тѣло его немного и ныло. Онъ думалъ, что дѣло кончено. Играть въ карты онъ больше не станетъ... ноги подживутъ... и вещи всѣ опять новыя на лицо.

Но Ванька ошибся. Дѣло сѣченіемъ не ограничилось. Послѣ вечерней переключки, когда казармы были заперты и Ванька уже разостлалъ свой халатъ и предвкушалъ, какъ онъ хорошо соснетъ, за нимъ прибѣжалъ Федька Крученный съ требованіемъ идти къ старостѣ. Ванька повиновался нехотя, чуя что-то недоброе.

Староста и «иваны» собрались около майданщика. Ванька сразу, по насупившемуся выраженію лица старосты, увидалъ, что дѣло неладно. Онъ подошелъ и спросилъ:

— Что нужно?

— Что нужно!—накинулся на него староста.—Что нужно! Ты что, бродяга или общественникъ какой? Говори... бродяга ты, а, бродяга?

— Самъ знаешь—бродяга...

— Да, самъ знаешь! А отвѣчать ты умѣешь или нѣтъ? Самъ вещи проигралъ, да потомъ говоришь: не знаю! А! не знаешь, галманъ рыжій, не знаешь! И меня тоже было подвель... изъ-за тебя и мнѣ чуть не досталось...

— Да и всѣхъ подвель могъ,—подхватилъ майданщикъ.—Изъ-за тебя, изъ-за рыжей скотины, еще-бы обыскъ сдѣлали... Мало тебѣ, что тебя высѣкли, такъ и насъ еще подвель подъ розги хочешь... И звонкая пощечина огласила камеру. — Съ тобой, какъ съ добрымъ, дѣло дѣлали и денегъ давали взаимъ... А ты!...—тутъ посыпалась отборнѣйшая арестанская брань. Время отъ времени раздавались для вящаго вразумленія звонкія пощечины. Шумъ привлекъ арестантовъ. Многіе, стоя на нарахъ, были довольны даровымъ представленіемъ; по временамъ раздавались поощрительныя восклицанія:

— Что на него смотрѣть! Дай еще... вотъ такъ... славно! Другой разъ умѣй отвѣчать толкомъ... Учи его, учи! А еще бродяга...

Побитый, обруганный, осмѣянный, Ванька вернулся въ свой уголокъ. Онъ былъ посрамленъ совсѣмъ. Своимъ неловкимъ отвѣтомъ: «не знаю», чуть не повлекшимъ за собою непріятныя послѣдствія для старосты, его репутація бродяги была погублена. Теперь еще больше надъ нимъ будетъ насмѣхаться и всячески издѣваться вся «шпанка». Ванька зналъ, что теперь «иваны» сумѣютъ возстановить противъ него всю партію, сумѣютъ вызвать общее озлобленіе. Защиты ему ждать было не откуда... Худенькій мужиченка лежалъ около, время отъ времени вздыхая и приговаривая:

— Какая это и жисть! Какая это и жисть! О Господи, помилуй!..

Послѣдствія озлобленія «ивановъ» сказались скоро. Прежде всего на слѣдующемъ полуэтапѣ, пока Ванька возился съ парашками, безслѣдно пропалъ его мѣшокъ съ вещами. Ванька

бросился туда-сюда, пошелъ къ старостѣ—но опять таки, кромѣ ругани и циничныхъ насмѣшекъ, не услыхалъ ничего. Къ майданщику онъ и не пошелъ. Мертвая петля затягивалась все сильнѣе и сильнѣе. Впереди Ваньку ждали розги и на этотъ разъ въ удвоенномъ количествѣ. О жалобѣ нечего было и думать. Очевидно, не оставалось ничего больше, какъ уступить требованію «ивановъ». Но Ванька тянулъ время, не желая самъ налагать на себя руки. Наконецъ, пропали коты и халаты, которые онъ оставилъ подъ присмотромъ худенькаго мужиченки, пока подметалъ камеры. Вернувшись назадъ и не нашедши своихъ послѣднихъ вещей, Ванька напустился на мужиченку, но и тутъ потерпѣлъ полное фіаско. За мужиченку тотчасъ заступились, и досталось опять-таки Ванькѣ. Отчаяніе овладѣло Ванькой.

— Какъ ни вертись, а подъ плети идти приходится... Какъ есть теперь сунуться некуда... Ахъ Ироды... Ироды...—думалъ совсѣмъ упавшій духомъ, Ванька.

«Иваны» тоже уже почували, что Ванька начинаетъ подаваться. Староста и майданщикъ не разъ говорили ему:

— Покорись, Ванька! Денегъ дадимъ... Вѣдь все равно смѣняемъ, потому, кромѣ тебя, некому... Видишь, больно ужъ рожей подходящъ...

Теперь все дѣло для Ваньки заключалось въ томъ, чтобы не продешевить, и онъ на подобнаго рода мимолетныя предложенія мимоходомъ же кидалъ:

— Да сколько дадите? Вѣдь тоже подъ плеты ложиться.

Наконецъ, Ванька рѣшился торговаться открыто. Торговались форменно. Ванька запросилъ двадцать-пять рублей.

— Ахъ ты, шутъ гороховый! Да видѣлъ-ли ты когда нибудь двадцать пять рублей-то?—говорилъ майданщикъ.—Чего зря болтать-то! Поди не первый разъ мѣняемъ... Ну вотъ что, давай руку! Хочешь пятнадцать рублей? Всѣ сейчасъ и отдадимъ.

Ванька упирался.

— Ну, пятнадцать рублей и полбутылки водки!—накидывалъ майданщикъ.

— Да тебѣ-то что?—горячился Ванька.—Ты, что-ли, свои платить будешь... Чортъ мохнатый...

— Свои не свои, тебѣ дѣла нѣтъ. Говорять, шестнадцать рублей и бутылку водки.

— Нѣтъ, братъ, врешь! Меня не надуешь—опять пятитку себѣ оставить хочешь... Я, поди, помню, какъ Безроднаго дѣлили... Да врешь! Не на таковского наскочилъ... не подавился...

— Тоже въ чужомъ карманѣ считать умѣешь... Ну да ужъ, еще полтинникъ накинута... Ышь, заткни хайло-то...

Торговались долго, упорно. Наконецъ, сошлись на 18 руб-

ляхъ, бутылкѣ водки и возвращеніи украденныхъ вещей, которыя тотчасъ же откуда-то принесъ Федька Крученный. Рѣшено было, что деньги и водка будутъ выданы вечеромъ, послѣ провѣрки. Впередъ на харчи Ванькѣ выдана была бу-мажка.

Вечеромъ Ванька при свидѣтеляхъ взялъ деньги, побожился на образъ, что объявится только въ Иркутскѣ. Получивъ деньги, Ванька рассчитался съ майданщикомъ и взялъ водку. Ванька началъ съ того, что угостилъ майданщика и старосту. Тѣ его отечески похвалили.

— Давно-бы такъ-то. Вотъ теперь видно, что бродяга настоящій, а то упираться...

Подошелъ и Федька Крученный.

— Вотъ люблю... молодчина. Человѣка вѣдь отъ каторги ослобонишь. Эка бѣда плети! Что тебѣ плети—одно слово пустяки... Вѣдь ты, поди, бродяга, не кто нибудь... Ну опять ежели сошлютъ въ Якутскій округъ—не бѣда... Оттуда развѣ не бродяжать?

Ванька и самъ начиналъ проникаться величіемъ своей миссіи.

— А мнѣ что плети... плевалъ я на нихъ... На-ка выпей... Да пей, чего куражиться! Развѣ еще не достанемъ? Вотъ онѣ деньги... Ты знаешь, я, братъ, тоже большой человѣкъ. Ты не смотри, что я теперь парашки выношу—это, братъ, ничего... Да, братъ, меня тоже голыми руками не бери—ожгу... Плети, что плети?! Эй, Авдотька! Иди сюда... видишь, Ванька гуляетъ—на, угощу...

Это послѣднее восклицаніе относилось къ арестанту изъ разряда «акулекъ», съ женоподобнымъ безусымъ лицомъ. Какое-то особое выраженіе глазъ, абрисъ губъ и мягкій курносый носъ дѣлали его лицо оттеплеваяющимъ. Онъ былъ довольно чисто одѣтъ и, видимо, слѣдилъ за своимъ туалетомъ.

— Пей! — громко провозгласилъ Ванька, подавая ему на три четверти опорожненную бутылку.

Но Авдотька выпилъ не сразу. Онъ сталъ отказываться, кривляясь и гримасничая своимъ обезьяньимъ личикомъ.

— Пей! Еще возму! — настаивалъ Ванька, не отходя отъ Авдотьки. Авдотька выпилъ, скорчилъ рожу и сплюнулъ.

Въ корридорахъ шла игра. «Банкъ» держалъ черный бродяга, «понтировали» — Федька и староста. Изъ камеры вышелъ Ванька. Онъ уже захмѣлѣлъ и шель, немного покачиваясь, напѣвая извѣстную арестантскую пѣсню:

Прежде жилъ я, мальчикъ, веселился
И имѣлъ свой капиталъ.
Капиталу, мальчикъ, я лишился
И въ неволю жить попалъ...

Ванька прямо подошелъ къ играющимъ.

— Мѣста давай! Берегись богачи—бѣднота гуляетъ,—про-
возгласилъ Ванька, грузно опускаясь на полъ.

Ванька сразу азартно набросился на карты, ставя довольно-
большія куши. Сначала Ванькѣ повезло, и онъ началъ выигры-
вать. Онъ кричалъ Федькѣ, чтобы тотъ несъ новую бутылку, и
послѣ «данной» карты выпивалъ. Ванька все менѣе и менѣе
внимательно слѣдилъ за игрой. Черный бродяга передернулъ
разъ—удалось. Захмѣлѣвшій Ванька и не замѣтилъ. Онъ сидѣлъ,
сильно покачиваясь, какъ-то безъ разбору вынималъ карты и
ставилъ куши. Черный бродяга передергивалъ все чаще и
чаще. Деньги Ваньки уменьшались быстро, но онъ ничего не
замѣчалъ и все сильнѣе и сильнѣе начиналъ клевать носомъ.
Вдругъ ему вздумалось самому метать банкъ. Ванька, покачи-
ваясь, привсталъ и потребовалъ у банкмета карты.

— Давай сюда карты—самъ буду метать!

— А прежде банку сорви, тогда и карты отдамъ.

— Давай карты... чума бендерская! Самъ хочу метать!..

— Ишь ты, баринъ какой!.. Хочу самъ... А я не хочу,—
проговорилъ черный бродяга, поднимаясь съ мѣста и пряча карты.

— А не хочешь, такъ и песь съ тобой,—равнодушно про-
говорилъ Ванька, начавъ собирать оставшіяся отъ погрома мѣ-
даки, серебрушки и одну бумажку.

Денегъ оставалось немного. Ванька собиралъ молча, не-
ловкими, пьяными движеніями, пряча ихъ въ карманъ своего
халата. Но вдругъ онъ встрепенулся и съ краснымъ пьянымъ
лицомъ сталъ подниматься и, обратясь къ черному бродягѣ,
накинулся на него.

— Гдѣ еще деньги? А, гдѣ деньги? Отдай мои деньги!

— Какія деньги?... Ишь, какъ угорѣлъ, что и разума ли-
шился,—спокойно отвѣчалъ черный бродяга, пряча выигранныя
деньги въ карманъ жилетки и собираясь уходить.

— Нѣтъ, ты погоди!—закричалъ Ванька.—Нѣтъ, ты деньги
отдай! Ты да майданщикъ подъ плети меня подвели, да и
деньги назадъ взять хотите... Ты думаешь, я пьянъ, такъ надо-
мною измываться можно! Отдай деньги, не то задушю тебя...
варначишу проклятаго!

— Шея толста... душить будешь, руки не обломай!—пре-
зрительно процѣдилъ черный бродяга.

— А, ты такъ!..

Ванька всталъ, схватилъ чернаго бродягу за рубаху и съ
совершенно изступленнымъ лицомъ и налившимися кровью
глазами лѣзъ на него.

— Эй, Ванька, отстань! Пусти, смотри рубаху порвешь,—
проговорилъ черный бродяга и сильнымъ, ловкимъ движеніемъ
руки отпихнулъ его отъ себя.

Но Ваньку это еще больше разозлило.

— А, ты пихаться... драться, — какимъ-то задыхающимся голосомъ прохрипѣлъ Ванька и бросился на чернаго бродягу.

Въ это время изъ камеры выскочилъ староста. Шумъ, становясь все сильнѣе и сильнѣе, могъ привлечь вниманіе караульныхъ солдатъ и тогда отвѣчать пришлось бы старостѣ. Староста прямо подбѣжалъ къ Ванькѣ.

— Ванька, иди спать... Чего орешь, смотри, солдаты услышать.

— А, и ты выскочилъ... И тебѣ нужны были мои плечи, чтобы тройку съ майданщикомъ нажить!.. Ахъ, вы самоуправцы, кровопійцы проклятые! Будьте вы прокляты, антихристы... Привыкли на тракту кровь пить, и своего брата крови захотѣлось!.. И опять посыпалась градомъ самая отборная ругань.

Было ясно, что Ванька «не въ себѣ». Староста понялъ, что слова не помогутъ. Онъ шепнулъ что то Федькѣ. Федька снялъ съ себя халатъ, зашелъ потихоньку сзади, быстро накинулъ его на голову Ваньки и вмѣстѣ съ нимъ повалился на полъ. Ванька бился и старался высвободиться изъ-подъ халата. Федька почти лежалъ на немъ, стараясь не дать ему встать.

— Давай ремни... руки вяжите... не то вырвется, — торопливо говорилъ Федька, едва сдерживая бившагося Ваньку.

Староста быстро снялъ съ себя ремень и вмѣстѣ съ Федькой сталъ вязать Ваньку...

— Ну, и упарился! — сказалъ староста, оправляя рубашу. — Ишь вѣдь, здоровый какой...

Отборнѣйшая ругань все еще глухо раздавалась изъ подъ халата... Майданщикъ уже разостлалъ свой войлокъ, досталъ изъ мѣшка подушку въ кумачной, засаленой наволочкѣ, заперъ свою лавочку и, вольготно развалился на нарахъ, покуривалъ на сонъ грядущій «цыгарку», когда къ нему подошелъ староста.

— Чего тамъ разшумѣлись? — спросилъ майданщикъ.

— Да Ваньку вязали... Какъ напьется, такъ и пошелъ бузить.

— А ты вотъ что: какъ заснетъ онъ теперь, не зѣвай... за подчистку принимайся. Теперь его водка заберетъ... потому отошлалъ онъ сильно. Вотъ все за разъ и дѣлать нужно, а то опять поить придется... Да и связанъ онъ теперь. Старика да Федьку возьми... Старикъ мастеръ, духомъ оборудуетъ.

Одурманенный сивухой съ подмѣшаннымъ въ нее табакомъ и перцемъ, Ванька спалъ крѣпко. Къ нему подошли староста, старикъ — «дохтуръ» и Федька. Они сняли съ Ваньки халатъ. Ванька съ разинутымъ ртомъ, съ блѣднымъ лицомъ, спалъ, тяжело дыша, судорожно вдыхая въ себя воздухъ.

— Платокъ и полотенце взять?—спросилъ старикъ у старосты.

— Взялъ... На вотъ.—Староста вынулъ изъ запазухи большой грязный, ситцевый платокъ и длинное полотенце съ вышитыми концами.

— Ты, Федька, держи его за голову... да какъ кричать будетъ, хайло-то полотенцемъ затки. А ты на ноги садись... Да крѣпче держите.—Старикъ досталъ небольшую бритву, установилъ половчѣе подсвѣчникъ и нагнулся къ Ванькѣ.

— Ну держите крѣпче... сейчасъ рванется.

Старикъ внимательно осмотрѣлъ носъ и сразу ловкимъ движеніемъ бритвы почти совсѣмъ вырѣзалъ лоскутокъ носовой перегородки.

Ванька рванулся, раскрылъ глаза; промычалъ что-то и сталъ озираться,водя кругомъ безмысленными глазами. Староста и Федька навалились и держали крѣпко. Старикъ заткнулъ ротъ хотѣвшаго было вскрикнуть Ваньки полотенцемъ, придерживая его лѣвой рукой. Лоскутокъ еще мотался на самомъ кончикѣ носа. Старикъ поймалъ его правой рукой и оторвалъ... Ванька рванулся изо всѣхъ силъ, вырвалъ голову, выплюнулъ полотенце и громко простоналъ...

— А... а... а...

— Держи, рукосуй... Ишь слюни распустилъ,—выругался старикъ, стараясь опять заткнуть ротъ начинавшаго кричать Ваньки. Федька опять пригнулъ голову, старикъ заткнулъ ротъ. Кровь лилась изъ свѣжей раны, покрывая нижнюю часть лица Ваньки.

— Держи крѣпче... вотъ только носъ платкомъ обвяжу,—торопливо говорилъ старикъ, обвязывая ситцевымъ платкомъ лицо Ваньки.

— Готово,—старикъ всталъ и началъ обтирать бритву о полотенце.

— Ты, Федька, ложись около, да карауль... Если кричать будетъ, халатомъ прикрой, да смотри не развязывай до утра,—приказалъ староста, уходя вмѣстѣ со старикомъ.

Ванька, освободившись отъ державшихъ его рукъ, инстинктивно хотѣлъ приподняться, но Федька грубо отбросилъ его назадъ.

— Чего не лежится! смотри, братъ, у меня... не то живо утихомирю. Ванька ничего не отвѣтилъ. Онъ лежалъ на спинѣ со связанными руками и ногами, съ вымараннымъ кровью лицомъ. Хмѣль начиналъ проходить. Въ его головѣ одна за другою проносились картины систематическихъ издѣвательствъ за послѣднее время... Но что все это значило въ сравненіи съ тѣмъ безчеловѣчнымъ надругательствомъ, которое только что было совершено надъ нимъ... И, вѣдь, обманули—когда дого-

варивались, ничего не сказали. И никто, никто изъ двухсотъ человекъ не заступился за него, ни откуда не раздалось ни одного сочувственного слова. Ванька оглянулся кругомъ—арестанты спокойно лежали по своимъ мѣстамъ, будто ничего не слыхали и не видали. А впереди слѣдствие, тюрьма, ссылка, плети... Чувство глубокой обиды, сознание своего безсилія всецѣло завладѣли душой Ваньки.. И вдругъ слезы брызнули изъ его глазъ. Утирать ихъ было некому, и онѣ свободно текли по его грязнымъ щекамъ, смѣшивались съ кровью и въ видѣ темнубурныхъ капель скатывались на его рубаху и халатъ... Ванька плакалъ, тихо всхлипывая и дергаясь всѣмъ тѣломъ.

Мѣсяца черезъ два послѣ описанныхъ событій на небольшомъ дворѣ Н—ской пересыльной тюрьмы были выстроены шеренги арестантовъ. Арестанты стояли въ подпоясанныхъ халатахъ, подтянутыхъ кандалахъ, съ мѣшками на плечахъ. Собиралась новая партія. Въ сторонкѣ, облокотившись на ружья, стояли конвойные солдаты. Изъ за рѣшетчатыхъ темныхъ оконъ тюремнаго корпуса выглядывали арестантскія лица. Въ одномъ окнѣ виднѣлось съ десятокъ арестантокъ, которыя то и дѣло знаками переговаривались съ готовившимися отвалить арестантами.

Около стола, на которомъ лежали статейные списки, сидѣлъ конвойный офицеръ.

— Арефьевъ!—крикнулъ онъ старшему,—принимай партію... живо.

Началась выличка арестантовъ, бѣглый осмотръ каждого и его вещей.

— Андрей Ивановъ Хватовъ,—выкликнулъ старшій.

Староста подтолкнулъ Ваньку и не громко произнесъ: «Выходи».

Ванька дрогнулъ и не твердыми шагами, съ сильно бьющимся сердцемъ вышелъ впередъ. «Господи, пронеси мимо... Дай Богъ, чтобы не принялъ... Господи пронеси»—думалъ онъ, подходя къ столу.

Офицеръ мелькомъ взглянулъ на него и на захватанную карточку, припечатанную къ статейному списку и быстро началъ читать.

— Вѣчный, ростъ 2 арш. 9 верш... волосы... борода рыжіе... глаза... лицо... особая примѣты: порвана носовая перегородка.

— Носъ покажи,—обратился офицеръ къ Ванькѣ. Ванька задралъ голову.

— Есть, ваше благородіе,—отвѣтилъ старшій.

— Впередъ партіи его... Смотрѣть хорошенько.

Пріёмка арестантовъ продолжалась дальше.

— У меня сегодня живо,—заявилъ офицеръ старшему, принявъ послѣдняго арестанта.

— Слушаюся!

Нехотя выходили арестанты изъ воротъ гостепріимной Н—ской тюрьмы—опять этапы, опять грязь, пыль, мошка.

Нехотя, лѣнливо сваливали они свои мѣшки на подводы.

— Поворачивайся! Чего заснулы,—то и дѣло раздавался окрикъ старшаго.

— Ровняй-сь! Ты куда? Сказано впередъ!—крикнулъ старшій на остановившагося Ваньку.

Старшій отбѣжалъ нѣсколько въ сторону, посмотрѣлъ, всели въ порядкѣ, и крикнулъ:

— Тро-гай!

Звякнули кандалы, заскрипѣли подводы, и сѣрая арестантская масса тихо двинулась впередъ.

— Вань...ка... родненькій... про...щай!—пронесся вдругъ женскій окрикъ.

Ванька оглянулся. Кто-то махалъ платкомъ изъ верхняго окна тюрьмы.

— Чего оглядываешься, ворона, окрикнулъ конвойный солдатъ.

Ванька махнулъ рукой и уныло, потупивъ голову, побрелъ по пыльному тракту.

А тамъ далеко, далеко на горизонтѣ, изъ-за высокихъ лѣсистыхъ сопокъ, выплывала темная свинцовая туча, все шире и шире расходясь по небу... Потянулъ вѣтерокъ, и зловѣще-угрюмо зашумѣла тайга, навѣвая невеселыя думы на сѣрыхъ путниковъ.

Р. Гвоздевъ.

Курсъ русской исторіи П. Н. Милюкова.

(П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры.
Часть первая. СПБ. 1896).

Въ нашей литературѣ, посвященной исторіи Россіи, давно уже имѣется весьма серьезный и крупный пробѣлъ, восполненіе котораго за послѣдніе годы становится, повидимому, очередной и все болѣе настоящей задачей ученой работы въ данной области. Этотъ пробѣлъ заключается въ полномъ почти отсутствіи такихъ обобщающихъ трудовъ, которые, охватывая всю историческую жизнь русскаго народа, сводили бы итоги частныхъ изслѣдованій въ одно цѣльное построеніе и сообщали читателю достаточно полное знакомство съ современнымъ состояніемъ науки, ея приѣмами и добытыми уже ею результатами. Въ литературѣ насчитывается, правда, нѣсколько произведеній, носящихъ заманчивое заглавіе: «исторія Россіи», но всѣ они лишь въ весьма недостаточной степени способствуютъ заполненію указаннаго пробѣла. Громадная, двадцати девяти-томная «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» С. М. Соловьева, уже благодаря одному своему размѣру, врядъ-ли приходится по силамъ обыкновенному читателю-неспециалисту. Но если даже послѣдній и преодолѣетъ это затрудненіе, то его терпѣніе не будетъ вознаграждено особенно богатыми результатами въ смыслѣ ознакомленія съ общими построеніями науки, частью потому, что у изучаемаго историка онъ найдетъ немало устарѣлыхъ и отвергнутыхъ дальнѣйшемъ движеніемъ ея взглядовъ, частью же потому, что послѣдніе томы названнаго труда, заключающіе въ себѣ исторію восемнадцатаго вѣка, являются скорѣе сборникомъ довольно разнородныхъ фактовъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, нежели историческимъ изслѣдованіемъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. «Русская исторія» г. Бестужева-Рюмина, доведенная къ тому-же пока лишь до семнадцатаго столѣтія, представляетъ изъ себя весьма цѣнное библиографическое пособіе для начинающихъ специалистовъ, но едва ли можетъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ главъ, имѣть болѣе широкое значеніе. Наконецъ, извѣстное произведеніе покойнаго Костомарова, «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ» при всѣхъ своихъ крупныхъ достоинствахъ

уже по одной формѣ біографическихъ очерковъ, приданной ему авторомъ, не могло преслѣдовать столь широкую задачу, какъ общая исторія народа, и въ пониманіи самаго автора цѣль этого произведенія была гораздо проще. Но, назвавъ эти три произведенія, мы въ сущности перечислили и всѣ попытки дать общее изложеніе исторіи Россіи, сохранившія до нашего времени серьезное значеніе не только для специалистовъ, но и для массы читающей публики. Стоитъ припомнить, какъ молода еще наша историческая наука, какъ недавно сравнительно открылись для ея изученія многія области, быть можетъ наиболѣе важныя для ея содержанія и тѣмъ не менѣе въ силу чисто внѣшнихъ причинъ долго остававшіяся для нея недоступными, чтобы понять, почему эти попытки были такъ немногочисленны и такъ быстро теряли свое значеніе, обгоняемыя монографической разработкой науки. Пробѣль, о которомъ мы говоримъ, не случайнаго происхожденія и имѣетъ свою исторію. Это не устраняетъ, конечно, его неудобствъ. Для той части молодежи, которая, получая высшее образованіе, посвящаетъ свои силы спеціальному изученію исторіи, онъ заполняется университетскими курсами, но этой молодежи у насъ немного*). Для всей же остальной массы учащейся молодежи и общества единственными посредствующими звеньями въ переходѣ отъ школьныхъ руководствъ къ спеціальнымъ ученымъ трудамъ служатъ отдѣльныя статьи общаго характера, которыя не особенно многочисленны и авторы которыхъ нерѣдко бываютъ поставлены въ необходимость предполагать у своихъ читателей свѣдѣнія, какія возможно извлечь только изъ спеціальныхъ сочиненій. Неудобства такого состоянія литературы, всегда ясныя, становятся особенно ощутительными въ послѣднее время въ виду немалаго количества фактовъ, весьма недвусмысленно свидѣтельствующихъ о значительномъ усиленіи въ средѣ нашего общества спроса на общее образованіе, въ виду идущихъ съ разныхъ сторонъ попытокъ сближенія науки съ жизнью. Выстъ съ тѣмъ врядъ-ли возможно теперь съ полною справедливостью повторить и слова, сказанныя К. Аксаковымъ въ 1851 г., по выходѣ въ свѣтъ перваго тома «Исторіи Россіи» Соловьева: «можно ли строить зданіе, когда ни матеріалы, ни планъ не готовы?... Все, что можетъ явиться въ наше время, это развѣ монографія»**). Какъ ни какъ, монографическая разработка различныхъ вопросовъ накопила уже съ той поры немало матеріала для постройки зданія научной русской исторіи и позволила намѣтить главнѣйшія архитектурныя линіи ея, установивъ нѣкоторыя общія точки зрѣнія. Мало

*) Позволимъ себѣ напомнить, что по точному смыслу правилъ, сопро-
вождавшихъ введеніе университетскаго устава 1884 г., студентъ, занимаю-
щійся даже русской литературой, не долженъ (а на практикѣ, обыкновенно, —
и не можетъ) слушать лекціи по русской исторіи, обязательныя только для
историковъ.

**) Полное собраніе сочиненій К. Аксакова, т. I, с. 40.

того, попытка возвести такое здание, хотя бы далеко еще не совершенное и незаконченное, необходима въ интересахъ самой специальной ученой литературы, быстро разрастающейся въ объемъ и расходящейся по столь различнымъ направленіямъ, что отдѣльные ея дѣатели оказываются подчасъ лишенными возможности услѣдить за работами другъ друга и поддерживать ихъ взаимную связь.

Въ виду всего сказаннаго какъ нельзя болѣе своевременно и умѣстно появленіе въ печати «Очерковъ по исторіи русской культуры» П. Н. Милюкова, взявшаго на себя въ названной книгѣ именно «роль посредника между специальной наукой и обширнымъ кругомъ образованной публики». И эта, по собственнымъ словамъ автора, «отвѣтственная и трудная» роль, нужно сразу сказать, выполнена имъ съ полнымъ успѣхомъ. Поставивъ своею задачею сообщеніе читателямъ основныхъ процессовъ и явленій, характеризующихъ русскую общественную эволюцію, и вводя поэтому въ книгу лишь свѣдѣнія, наиболѣе необходимыя для пониманія общаго хода этой эволюціи, авторъ въ сущности даетъ въ своемъ трудѣ весьма сжато написанный и вмѣстѣ чрезвычайно богатый содержаніемъ курсъ русской исторіи. Знакома читателя съ главнѣйшими результатами ученой работы, обращенной на изученіе историческаго прошлаго Россіи, и въ глазахъ самихъ дѣателей этой работы лишній разъ подчеркивая оставленные въ ней пробѣлы и неразрѣшенные ею вопросы, книга г. Милюкова должна приобрести весьма важное значеніе въ нашей исторіографіи. Это можно сказать съ тѣмъ болѣею увѣренностью, что авторъ не ограничился одною лишь переработкою существующей литературы съ своей точки зрѣнія, но еще и внесъ въ свой трудъ значительное количество имъ самимъ добытаго и теперь впервые вводимаго въ научный оборотъ матеріала, благодаря чему многія страницы «Очерковъ» представляютъ почти столь же сильный интересъ новизны для историковъ-специалистовъ, какъ и для широкихъ круговъ читающей публики. Громадная эрудиція автора, строгая точность и опредѣленность его мысли, всегда кратко и сильно выраженной, его блестящій и оригинальный литературный талантъ—выдвигаютъ его небольшую по размѣрамъ книгу на одно изъ самыхъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ въ нашей исторической литературѣ и дѣлаютъ ее способной, если и не заполнить собою совершенно тотъ пробѣлъ, о которомъ мы выше говорили, то по меньшей мѣрѣ весьма сильно сократить его размѣры и значеніе.

Въ настоящей замѣткѣ, посвященной первой части «Очерковъ»*), мы не имѣемъ въ виду подробно пересказывать ея содержаніе или подвергать ее детальному разбору. Преслѣдуя болѣе скромную за-

*) Вторая часть ихъ, посвященная русской духовной культурѣ (церкви и школѣ) заканчивается уже печатаніемъ въ журналѣ: «Міръ Божій» и, надо надѣяться, скоро также появится отдѣльнымъ изданіемъ.

дачу общей характеристики названной книги, мы хотѣли бы въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи только указать основныя точки зрѣнія автора «Очерковъ» и отмѣтить вопросы, имъ обсуждаемые, и главнѣйшіе выводы, къ какимъ онъ приходитъ въ результатъ своего труда. вмѣстѣ съ тѣмъ мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться, какъ на нѣкоторыхъ приѣмахъ изложенія уважаемаго историка, такъ и на тѣхъ изъ болѣе существенныхъ его мнѣній, которыя представляются намъ спорными и способными вызвать болѣе или менѣе серьезныя возраженія. Смыслъ думать, что въ виду важности работы, о которой идетъ рѣчь, и такая бѣглая замѣтка о ней можетъ представить нѣкоторый интересъ.

Въ книгѣ г. Милюкова читатель не встрѣтитъ именно того, что наполняло сочиненія историковъ прежняго времени и что до сихъ поръ составляетъ еще по старой памяти главное, а иногда и единственное содержаніе учебниковъ исторіи,—повѣствованія объ отдѣльныхъ событіяхъ. Въ общемъ введеніи, предпосланномъ «Очеркамъ», авторъ является рѣшительнымъ и послѣдовательнымъ защитникомъ новаго, теперь почти повсюду, впрочемъ, уже установившагося взгляда на исторію, по которому предметъ ея изученія составляетъ жизнь народной массы, сторонникомъ «исторіи безъ собственныхъ именъ, безъ событій, безъ сраженій и войнъ, безъ дипломатическихъ хитростей и мирныхъ трактатовъ». Становясь такимъ образомъ на точку зрѣнія, такъ называемой, внутренней или культурной исторіи, авторъ конечною цѣлью историческаго изученія признаетъ открытіе закономерности, управляющей ходомъ развитія человѣческихъ «сущностей». Первый вопросъ, который выступаетъ на очередь при такомъ признаніи и изъ-за котораго было поломано въ послѣдніе годы столько копій въ нашей литературѣ, именно вопросъ о томъ, можно ли свести весь процессъ этого развитія къ одной основѣ, будетъ ли такой основой духовное начало или матеріальныя потребности, авторъ рѣшаетъ въ отрицательномъ смыслѣ. «Мы должны, конечно,—говоритъ онъ,—отличать болѣе простыя явленія отъ болѣе сложныхъ; но попытки свести всѣ перечисленныя стороны исторической эволюціи къ какой нибудь одной мы считаемъ совершенно безнадежными. Какъ бы далеко мы ни пошли въ анализѣ элементовъ соціальной жизни, во всякомъ случаѣ, основа историческаго процесса не можетъ быть проще и однороднѣе, чѣмъ основа человѣческой природы, развивающейся въ этомъ процессѣ» *). Отказываясь отъ розысканія единой основы историческаго процесса, г. Милюковъ не менѣе горячо возстаётъ противъ всякихъ поисковъ за «смысломъ» исторіи въ видѣ того или инаго телеологическаго ея объясненія, облекаемаго въ форму такъ называемой «философіи исторіи». Единственной задачей историка, какъ ученаго, остается объясненіе фактовъ общественной жизни съ точки зрѣнія закономерности ихъ развитія. Эта закономерность

*) «Очерки», с. 4.

въ представленіи автора не тождественна съ понятіемъ историческихъ законовъ, всегда и всюду одинаково проявляющихъ неизмѣнно одно и то же дѣйствіе. Расчленяя понятіе историческаго процесса, авторъ указываетъ въ немъ нѣсколько различныхъ сторонъ, изъ которыхъ каждая подчинена идеѣ закономерности, но которыя между собою не стоятъ ни въ какой причинной связи, хотя лишь ихъ совокупное дѣйствіе опредѣляетъ путь развитія того или другого народа. Онъ отмѣчаетъ прежде всего, что во всѣхъ человѣческихъ обществахъ необходимо дѣйствуетъ одинъ и тотъ же внутренній процессъ развитія, опирающійся на основныя свойства человѣческой природы и, слѣдовательно, объясняемый законами психологіи,—иначе говоря, «что существуетъ рядъ основныхъ закономерныхъ эволюцій разныхъ сторонъ соціальной жизни, что ходъ этихъ эволюцій необходимо вытекаетъ изъ коренныхъ, элементарныхъ свойствъ эволюционирующихъ факторовъ и что, слѣдовательно, въ любомъ человѣческомъ обществѣ ходъ этотъ будетъ, по необходимости, одинаковъ» *). Но эта основная закономерная тенденція, одинаковая для всѣхъ обществъ, проявляется въ различной обстановкѣ, видоизмѣняющей или даже приостанавливающей ея дѣйствіе,—и въ этомъ заключается вторая, не менѣе важная сторона историческаго процесса. Такой обстановкой является, во-первыхъ, матеріальная среда, окружающая народъ, во-вторыхъ, вліяніе другихъ человѣческихъ обществъ, сосѣднихъ или даже отдаленныхъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ доставшаяся на долю каждаго даннаго народа обстановка нисколько не вытекаетъ изъ внутреннихъ законовъ общественной жизни, но тѣмъ не менѣе историкомъ и социологомъ «законы соціальнаго дѣйствія обстановки точно также должны быть приняты во вниманіе, какъ и законы общественной эволюціи» **). Наконецъ, третью стороною историческаго процесса, не менѣе двухъ первыхъ подлежащую закономерному объясненію, авторъ признаетъ индивидуальныя особенности дѣйствующихъ на исторической аренѣ лицъ, считая невозможнымъ отрицать вліяніе психологіи отдѣльныхъ дѣятелей на ходъ историческихъ событий. Даваемое имъ истолкованіе роли личнаго элемента въ исторіи представляется намъ, однако, въ нѣкоторыхъ частностяхъ, быть можетъ, исключительно благодаря его чрезмѣрной краткости, не вполне яснымъ и удовлетворительнымъ. Авторъ утверждаетъ сперва, что «соединенное дѣйствіе основныхъ социологическихъ тенденцій и среды объясняется, въ существенныхъ чертахъ, эволюцію соціальнаго порядка, учреждений и нравовъ», и находитъ необходимымъ привлекать особенности дѣйствующихъ лицъ лишь для объясненія историческихъ «событій», и то главнымъ образомъ со стороны ихъ «индивидуальной фізіономіи». Затѣмъ онъ возражаетъ противъ попытки Лакемба разграничить въ исторіи общія и частныя явленія и гово-

*) «Очерки», с. 11.

**) Тамъ же, с. 13.

рять, между прочимъ, что «трудно даже провести опредѣленную границу между общей и частной стороной историческаго явленія», тѣмъ самымъ, повидимому, подрывая собственное разграниченіе «порядка» и «событій». Въ дальнѣйшемъ личность дѣйствительно признается способной, какъ задержать эволюціонную тенденцію соціальнаго процесса, такъ и ускорить ея дѣйствіе, и такимъ образомъ личности приписывается воздѣйствіе и на соціальныя порядки, притомъ безъ точнаго опредѣленія границъ этого воздѣйствія *). Но можно безусловно согласиться съ авторомъ, когда онъ говоритъ, что «путъ, которыми можно придти къ замѣнѣ стихійнаго историческаго процесса сознательнымъ, можетъ быть только одинъ: постепенная замѣна общественно-цѣлесообразныхъ поступковъ отдѣльныхъ личностей—общественно-цѣлесообразнымъ поведеніемъ массы» **).

Руководясь указанными общими взглядами, авторъ въ первой части «Очерковъ» излагаетъ эволюцію матеріальной культуры Россіи. Посвятивъ первую главу книги вопросу о населеніи, онъ разсматриваетъ здѣсь исторію, какъ общаго роста населенія русскаго государства, такъ и увеличенія ея плотности въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ (въ районахъ Петровскихъ губерній) за два послѣднія столѣтія, разбираетъ его этнографическій составъ и передаетъ исторію колонизаціи или размѣщенія населенія по территоріи государства. Разсмотрѣніе этихъ вопросовъ приводитъ автора къ тому общему заключенію, что «во всѣхъ этихъ отношеніяхъ историческій процессъ, проходящій черезъ всю русскую исторію, оказался и до сихъ поръ недоконченнымъ. Въ составѣ населенія далеко не совершился въковой процессъ сліянія различныхъ этнографическихъ элементовъ и образованія новыхъ разновидностей русскаго племени. Въ размѣщеніи населенія прекратилось дѣйствіе историческихъ причинъ, отгѣснившихъ русское населеніе на сѣверъ», хотя еще далеко не изгладился результатъ ихъ дѣйствія. «Но — продолжимъ словами автора — съ каждымъ годомъ процессъ разрушенія послѣдствій, созданныхъ исторіей, быстро идетъ впередъ. Настоящее все болѣе стремится оторваться отъ прошлаго, а вмѣстѣ съ этимъ и «завѣты исторіи» все болѣе теряютъ надъ нами свою фатальную силу» ***).

Во второй главѣ книги авторъ обращается къ исторіи экономическаго быта, характеризуетъ древне-русскае натуральное хозяйство и излагаетъ исторію постепеннаго перехода населенія отъ хищнической эксплуатаціи зоологическихъ богатствъ страны къ земледѣлію и отъ наименѣ совершенныхъ системъ земледѣльческаго хозяйства къ системамъ интенсивнымъ. Слѣдующіе отдѣлы этой же главы трактуютъ исторію домашней и фабричной промышленности, внутренней и внѣшней торговли, исторію денегъ и цѣнъ и, наконецъ,

*) «Очерки», с. 14, 15, 17.

**) Тамъ же, с. 18.

***) Тамъ же, с. 63—4.

частнаго кредита, какъ высшаго показателя экономическаго развитія. Изложеніе частныхъ выводовъ автора по этимъ вопросамъ, при томъ богатствѣ матеріала, какое заключено въ этой, сравнительно небольшой по размѣрамъ, главѣ, потребовало бы слишкомъ много мѣста, и мы ограничимся поэтому опять лишь передачею заключительнаго его обобщенія. Во всѣхъ сферахъ экономической жизни Россіи, обследованныхъ авторомъ, онъ констатируетъ одинъ и тотъ же ходъ эволюціи: долгій, медленный ростъ въ теченіе вѣковъ, настолько медленный, что формы жизни, хотя и смѣняясь одна другою, продолжали въ сущности оставаться первобытными, и затѣмъ необычайно быстрое развитіе съ половины нашего столѣтія, успѣвшее оторвать страну отъ ея историческаго прошлаго, но еще не соединившее ее съ европейскимъ настоящимъ. Процессъ экономическаго развитія въ общихъ чертахъ пережить былъ Россіей тотъ же, что и Зап. Европой, но результаты его оказались крайне своеобразными. Русская промышленность сдѣлала громадныя успѣхи въ послѣднія десятилѣтія, но «весь грандіозный ростъ нашего промышленнаго развитія — говоритъ авторъ — до сихъ поръ покоится на фундаментѣ, отчасти слишкомъ элементарномъ, отчасти слишкомъ искусственномъ *).

Въ предѣлахъ указанныхъ темъ, составляющихъ содержаніе двухъ первыхъ главъ книги г. Милюкова, обобщающая работа автора была наименѣе подготовлена въ предшествовавшей литературѣ и потому требовала наиболѣе самостоятельныхъ розысканій съ его стороны. Значительно болѣе уже разработаны въ специальныхъ историческихъ и историко-юридическихъ трудахъ вопросы, послужившіе темами двухъ послѣднихъ главъ «Очерковъ», — государственныи и сословный строй Россіи, но и въ изложеніи этихъ вопросовъ авторъ не ограничился простою ролью передатчика выработанныхъ до него воззрѣній. Опираясь на сдѣланныя ранѣе въ наукѣ пріобрѣтенія, онъ и здѣсь присоединилъ къ нимъ свой самостоятельный и цѣнный вкладъ въ видѣ, какъ значительнаго количества свѣжаго матеріала, такъ и оригинальныхъ выводовъ, съ которыми неизбежно долженъ будетъ впредь такъ или иначе считаться всякій русскій историкъ.

Отъ изображенія экономическаго быта авторъ непосредственно переходитъ къ исторіи русскаго государственнаго строя, подъ прямымъ давленіемъ котораго создавалась у насъ социальная организація. При этомъ онъ, минуя Кіевскую Русь, начинается свое изложеніе съ періода образованія московскаго государства. Общепрізнанное въ настоящее время въ наукѣ положеніе, что московское государство обязано своимъ возникновеніемъ потребностями внѣшней самозащиты, получаетъ у автора точную и отчетливую формулировку и дальнѣйшее развитіе, такъ какъ, исходя изъ этого поло-

*) «Очерки», с. 110—111.

женія, онъ объясняетъ и характеръ, усвоенный государствомъ организаціи. «Благодаря настоятельнымъ государственнымъ потребностямъ—говоритъ онъ—и создалось всемогущее государство на самой скудной матеріальной основѣ; вслѣдствіе самой этой скудости оно должно было напрягать всѣ силы своего населенія; а чтобы распорядиться всѣми силами его, оно и должно было сдѣлаться всемогущимъ» **). Указывая причины, породившія такія потребности, авторъ излагаетъ затѣмъ усилія, употреблявшіяся государствомъ въ теченіе XVI—XIX вв. для цѣлей внѣшней защиты, передавая важнѣйшіе факты, относящіеся къ росту русскихъ военныхъ силъ за это время, и оцѣнивая роль этихъ усилій по отношенію къ другимъ сторонамъ государственной дѣятельности путемъ сопоставленія бюджетныхъ цифръ съ конца XVII столѣтія до настоящей поры. Конечный выводъ, къ которому онъ приходитъ и который краснорѣчиво подтверждается приводимыми имъ цифрами, заключается въ томъ, что «потребность въ военной силѣ, — самая основная, но и самая элементарная государственная потребность, — была съ самаго начала и осталась до нашего времени главнѣйшей потребностью государства». ***) Уже до Петра I военный расходъ составлялъ около половины всѣхъ тратъ государства, при Петрѣ онъ колебался между 78% и 65% всего расхода, а послѣ Петра не опускался ниже $\frac{1}{2}$, поднимаясь иногда и до $\frac{3}{4}$ бюджета. Слѣдующее мѣсто въ расходахъ государства занимали траты на финансовое управленіе и собственное хозяйство казны и, наконецъ, на содержаніе двора; всѣ остальные расходы поглощали уже очень небольшую сравнительно часть государственныхъ средствъ. Опредѣливъ такимъ образомъ главнѣйшія нужды русскаго государства, авторъ обращается къ способамъ удовлетворенія этихъ нуждъ и излагаетъ исторію прямыхъ и косвенныхъ податей и налоговъ въ Россіи, особенно внимательно останавливаясь на тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя созданы были практиковавшейся въ Московскомъ государствѣ системой обложенія въ общественной организаціи, — въ видѣ образованія тяглой общины, связанной круговой порукой передъ правительствомъ. Прямая подать въ Россіи, въ видѣ татарской дани, явилась ранѣе, чѣмъ создалось сословіе постоянныхъ плательщиковъ, и прямо содѣйствовала такому созданію, вызывая усилія княжеской политики прикрѣпить обложенное данью населеніе къ мѣсту. Слабость правительства, принужденнаго тратить почти всѣ свои средства на задачи внѣшней политики, не дала ему возможности вступить въ непосредственные отношенія съ отдѣльными плательщиками податей и вызвала передачу раскладки подати въ руки тяглой общины, организованной правительствомъ. Въ непосредственномъ заведываніи послѣдняго оставались при такомъ порядкѣ лишь общая система

*) Тамъ-же, с. 115.

**) Тамъ-же, с. 125.

обложения и опредѣленіе размѣра податей. Въ томъ и въ другомъ отношеніи за XVI—XIX вв. произошли немалыя измѣненія. Отъ усвоенной въ XVI столѣтіи посошной системы обложения правительство перешло въ подворной, позднѣе къ подушной, но всѣ эти измѣненія въ сущности мало приближили его къ плательщику, и недостатокъ равномерности въ правительственной системѣ обложенеіе посильно возмѣщался лишь путемъ общинной раскладки. Съ отмѣною подушной подати, система прямыхъ налоговъ, падающихъ на земледѣльческое населеніе, подверглась полному разрушенію. Въ области торговопромышленной дѣятельности усилія, дѣлавшіяся еще московскимъ правительствомъ, ввести подоходное обложенеіе, получили нѣкоторое, хотя далеко еще неполное и несовершенное, осуществленіе лишь въ ближайшее къ намъ время. Что касается размѣровъ обложенеіа, то его абсолютныя цифры не особенно велики, но ихъ ростъ не стоялъ въ соотвѣтствіи со средствами населенія и непомѣрно напрягалъ платежныя силы послѣдняго.

Вслѣдъ за исторіей войска и финансовъ авторъ даетъ очеркъ исторіи русскихъ учреждений. Первымъ явленіемъ этой исторіи была власть намѣстниковъ въ областяхъ, почти независимая отъ центра, и чисто механическое накопленіе грубыхъ, полу-частныхъ, полу-государственныхъ по своему характеру учреждений въ Москвѣ, происходившее въ исключительной зависимости отъ присоединенія къ ней новыхъ областей. Такой порядокъ продолжалъ существовать до половины XVI вѣка, когда правительство Ивана IV сдѣлало попытку отдѣлить дворцовое управленіе отъ государственнаго и систематизировать центральныя учрежденія, преслѣдуя въ этой систематизаціи финансовыя цѣли. Весь успѣхъ этой попытки свелся, однако, къ установленію управленія областью изъ центра, такъ какъ дальнѣйшій территоріальный ростъ государства поставилъ рядомъ съ созданными только что учрежденіями новыя и разрушилъ установленную было систему, обративъ ее въ безпорядочную груду учреждений. Семнадцатый вѣкъ подъ вліяніемъ усиленія финансовыхъ и военныхъ потребностей государства создалъ попытки централизаціи финансоваго управленія для тяглаго населенія сѣвера и образованія новыхъ и крупныхъ территоріальныхъ единицъ на сѣверо-западѣ и юго-западѣ, гдѣ явились предшественники Петровскихъ губерній—военныя округа съ мѣстными арміями и мѣстнымъ управленіемъ. Войны Петра распространили подобныя округа подъ именемъ губерній на всю Россію, но это обстоятельство въ корнѣ подорвало старыя центральныя учрежденія. На очищенномъ отъ нихъ мѣстѣ предпринята была систематическая постройка центральныхъ учреждений по образцу шведскихъ коллегій. «Собственно,—говоритъ авторъ,—такъ, какъ онѣ (коллегіи) были введены, и въ нихъ ничего не оставалось шведскаго. Но въ нихъ дорога была самая простая и основная идея — систематическаго распредѣленія дѣлъ въ центральныхъ учрежденіяхъ. Послѣ хаотической системы

приказнаго управленія какія бы то ни было, только бы систематически соподчиненныя центральныя учрежденія казались истиннымъ совершенствомъ». Съ царствованіемъ Екатерины II «въ русскомъ государственномъ и общественномъ правосознаніи начинаютъ обнаруживаться признаки поворота на новую дорогу» *). Новая систематическая перестройка учреждений, предпринятая въ эту пору, приблизила управленіе къ управляемымъ, окончательно перенеся управленіе областю въ губернію, и отдѣлила судъ отъ управленія, впервые создавъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ Россіи правильныя судебныя инстанціи. Распущенное губернской реформой Екатерины центральное управленіе пришлось возстановлять ужъ XIX вѣку, на долю котораго выпало и установленіе сколько-нибудь удовлетворительной организаціи учреждений законодательнаго характера. Авторъ указываетъ, что такая организація, установленная при Александрѣ I, дополняется въ русской государственной практикѣ средствами, въ корнѣ подрывающими то различіе между «закономъ» и «указомъ», какое пыталась установить еще Екатерина въ своемъ «Наказѣ». Окончательное отдѣленіе законодательныхъ функцій отъ исполнительной власти и соответствующая организація высшихъ учреждений страны остаются такимъ образомъ еще задачами будущаго. Излагая преимущественно видоизмѣненія въ организаціи учреждений, г. Милюковъ посвящаетъ лишь нѣсколько словъ характеристикѣ дѣятельности органовъ московскаго управленія и развитія гражданскаго правосознанія въ русскомъ обществѣ, но эти нѣсколько словъ представляютъ собой глубоко продуманное и яркое изображение исторической дѣйствительности.

Въ четвертой главѣ, посвященной исторіи сословнаго строя Россіи, авторъ остается на той же точкѣ зрѣнія, съ которой «и развитіе русскихъ учреждений, и организація русскихъ сословій»—все это было отвѣтомъ на быстро возраставшія военныя и финансовыя потребности русскаго правительства **). Съ строгой послѣдовательностью проводя эту точку зрѣнія, авторъ указываетъ, что русская общественная организація, въ отличіе отъ западно-европейской, не предшествовала организаціи государственной, а слѣдовала за нею, и даже болѣе того,—создавалась подъ прямымъ воздѣйствіемъ и въ непосредственныхъ интересахъ послѣдней. Образовавшіяся не столько въ силу естественной эволюціи экономическаго процесса, сколько подъ влияніемъ государственныхъ нуждъ и потребностей, русскія сословія лишь очень поздно пріобрѣли самостоятельное значеніе и, не успѣвъ вполне освободиться и послѣ того отъ своей тѣсной связи съ политикой правительства, не смогли вмѣстѣ сохранить и старыхъ сословныхъ рамокъ, разрушившихся при измѣнившихся общихъ условіяхъ быта. Разсматриваемыя подъ этимъ угломъ зрѣ-

*) «Очерки», стр. 155. 157.

**) Тамъ-же, стр. 127.

нія, всё русскія сословія представляютъ сходный въ главныхъ своихъ чертахъ процессъ развитія. Матеріальныя условія удѣльной Руси не подготовили почвы, удобной для развитія независимости землевладѣльческаго класса, и Москва безъ особыхъ усилій обратила вольныхъ слугъ предшествовавшаго періода въ крѣпостное служилое сословіе, причемъ единственный возможный зародышъ независимой аристократіи, въ лицѣ вошедшихъ въ составъ боярства князей, былъ своевременно подавленъ успѣшной политикой московскихъ государей. Привязанное къ военной службѣ правительствомъ, служилое сословіе ради интересовъ этой службы было организовано тѣмъ же правительствомъ и получило отъ него экономическое обезпеченіе въ видѣ земли и привязаннаго къ ней крестьянскаго труда. Въ XVIII вѣкѣ дворянство обратилось въ привилегированное сословіе, получившее самостоятельную организацію, но, широко и безразсечно пользуясь даровымъ крестьянскимъ трудомъ, подорвало свои хозяйственныя средства и, потерявъ въ новѣйшемъ періодѣ нашей исторіи болѣшую часть своихъ привилегій, не успѣло удержать и своего экономического положенія. Тѣ же основныя черты проявляются въ исторіи городского сословія, прикрѣпленнаго московскимъ правительствомъ къ городу, ранѣе, чѣмъ послѣдній успѣлъ обособиться отъ остальной страны своей экономической жизнью, организованнаго въ интересахъ отбыванія податей и финансовой службы, снабженнаго подъ конецъ XVIII вѣка сословной организаціей, оставшейся неприложимой къ жизни мертвой формулой и, наконецъ, въ послѣдній періодъ начавшаго развиваться внѣ рамокъ этой организаціи. Въ исторіи крестьянства авторъ останавливается прежде всего на общинѣ, которая, по его объясненію, въ Россіи «есть поздній и въ разныхъ мѣстностяхъ разновременный продуктъ владѣльческаго и правительственнаго вліянія» *). Послѣднее создало именно ради фискальныхъ цѣлей принудительную тяглую общину, первое—обратило ее въ хозяйственную. Самую исторію сословія авторъ излагаетъ по тремъ главнымъ группамъ, изъ которыхъ оно составилось,—крестьянъ крѣпостныхъ или владѣльческихъ, удѣльныхъ, ранѣе именовавшихся дворцовыми, и государственныхъ, причемъ наиболѣе вниманія онъ удѣляетъ жизни первой и послѣдней изъ этихъ группъ. Въ изображеніи жизни государственныхъ крестьянъ онъ слѣдитъ, главнымъ образомъ, за установленіемъ въ ихъ средѣ общиннаго землевладѣнія; въ исторіи крестьянства владѣльческаго—за процессомъ его прикрѣпленія, довольно подробно излагая и разбившую крестьянскую крѣпость реформу 1861 года. Любопытно приметъ, въ виду все чаще повторяющагося въ послѣдніе годы, хотя и остающагося мало обоснованнымъ, утвержденія о чисто-экономическомъ происхожденіи крестьянской реформы, отмѣтить мнѣніе объ ней ученаго, далеко не

*) «Очерки», стр. 189.

склоннаго упускать изъ виду или слишкомъ низко оцѣнивать вліяніе матеріальныхъ факторовъ исторіи. По словамъ г. Милюкова, «рѣшающую роль въ возбужденіи вопроса о реформѣ сыиграли, съ одной стороны, чисто моральныя побужденія, съ другой — соображенія государственной безопасности» *), и рядомъ съ этими двумя причинами всѣ другія явились второстепенными. Въ концѣ этой главы авторъ посвящаетъ еще нѣсколько словъ судьбѣ крестьянской общины послѣ 1861 г., намѣчая въ главныхъ чертахъ вліянія, порождающія ея постепенное ослабленіе и разложеніе.

Подводя въ небольшой заключительной главѣ итоги всѣхъ своихъ выводовъ, авторъ намѣчаетъ двѣ основныя черты, которыя проходятъ черезъ всю русскую исторію и изъ которыхъ каждая легла въ основаніе особаго взгляда на прошлое и будущее Россіи, — это своеобразие и примитивность русскаго быта. На признаніи перваго построенъ взглядъ націоналистовъ, на доказательствѣ второй опиралась теорія старыхъ западниковъ, но и тотъ и другая, заключаая въ себѣ лишь частную истину, были равно односторонни. Несомнѣнная примитивность русскаго быта не свидѣтельствуетъ еще объ остановкѣ исторической жизни Россіи: эта жизнь шла непрерывно и страна пережила по своему извѣстныя фазисы развитія, пройденныя и Европою. Съ другой стороны, дѣйствіе внутреннихъ социальныхъ тенденцій, временно задержанное условіями матеріальной обстановки, въ какой совершалась русская исторія, неизбѣжно должно возстановиться въ естественномъ своемъ направленіи съ уничтоженіемъ или ослабленіемъ силы этихъ условій. Намъ нѣтъ надобности повтому стремиться повторять весь путь развитія, пройденный уже Европою, но равно нѣтъ надобности и сторониться отъ европейской современности, пугаясь мнимой измѣны національной традиціи. Старая, допетровская традиція наша была создана не сознательною дѣятельностью общественнаго воспитанія, а стихійнымъ ходомъ жизни, но сама же жизнь разбила и похоронила ее, и теперь «наша собственная сознательная дѣятельность должна быть направлена не на поддержаніе этого археологическаго остатка отдаленной старины, а на созданіе новой русской культурной традиціи, соответствующей современнымъ общественнымъ идеаламъ» **).

Таковъ послѣдній, заключительный выводъ г. Милюкова, переносящій насъ въ живую современность, но основанный на строго научномъ изученіи прошлаго. Надѣмся, читатель не посѣтуетъ на насъ за то, что наша передача главнѣйшихъ положеній этого капитальнаго и въ высшей степени поучительнаго труда оказалась не особенно краткой. Глубокій интересъ, заключающійся въ нихъ, думаемъ, лучше всего, оправдываетъ насъ въ этомъ отношеніи. Стремясь дать по возможности цѣльное и связанное представленіе о

*) Тамъ же, стр. 223.

**) Тамъ же, стр. 223.

книгѣ, мы не считали вмѣстѣ съ тѣмъ удобнымъ перебывать пересказъ важнѣйшихъ положеній ея отдѣльными замѣчаніями по поводу тѣхъ или иныхъ частныхъ приѣмовъ или выводовъ автора «Очерковъ», представляющихъ намъ спорными. Теперь мы и сгруппируемъ вмѣстѣ всѣ такіа замѣчанія, останавливаясь, конечно, только на болѣе существенныхъ пунктахъ и не вдаваясь въ критику деталей.

Выше мы указывали уже, какъ на одно изъ достоинствъ «Очерковъ», на краткость ихъ изложенія. Въ книгѣ, посвященной выясненію основныхъ явленій историческаго процесса и предназначенной для пользованія большой публики, такая краткость представляется дѣйствительно весьма важнымъ качествомъ. Но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ,—весьма, впрочемъ, рѣдкихъ,—она едва-ли не переходитъ у автора въ чрезмѣрный лаконизмъ, мѣшающій читателю вполне ясно представить себѣ его положенія. Такой случай, кажется намъ, имѣетъ мѣсто въ первой главѣ, когда авторъ говоритъ о причинахъ роста и уменьшенія населенія. Онъ указываетъ здѣсь именно, что низкій уровень благосостоянія населенія является причиной многочисленныхъ браковъ и рожденій и наоборотъ «увеличеніе благосостоянія... неизмѣнно влечетъ за собой приостановку роста населенія», и въ то же время говоритъ объ «уменьшеніи количества браковъ и рожденій, какъ только экономическія условія жизни становятся неблагоприятными» *). При болѣе обстоятельномъ разъясненіи затронутого вопроса авторъ, надо думать, счѣмъ бы устранить то противорѣчіе, какое теперь можетъ смутить читателя въ приведенныхъ тезисахъ. Этотъ же отдѣлъ книги вызываетъ у насъ еще одно замѣчаніе, касающееся уже не теоретическихъ положеній автора, а того матеріала, на основаніи котораго онъ излагаетъ явленія русской жизни. По словамъ самого г. Милюкова, «только относительно двухъ послѣднихъ столѣтій можно сдѣлать сколько-нибудь надежные выводы» о движеніи населенія въ Россіи. Тѣмъ не менѣе онъ не ограничивается въ своихъ наблюденіяхъ надъ ростомъ русскаго населенія цифрами XVIII—XIX вв. и не только переходитъ въ XVII столѣтіе, имѣющіяся для котораго цифры самъ признаетъ ненадежными, но опускается и до половины XVI вѣка, восполняя совершенное отсутствіе общихъ цифръ для этого послѣдняго времени довольно произвольными расчетами **). На основаніи сравненія переписей 1678 и 1710 гг. авторъ констатируетъ убыль населенія за этотъ періодъ на 20%. Мы рѣшили бы возражать даже противъ полной достовѣрности этого вывода. Извѣстно, что первая ревизія обнаружила излишекъ населенія въ два милліона противъ предшествовавшей ей переписи 1721 г. Обсуждая этотъ результатъ и сравнивая цифры ревизіи

*) «Очерки», с. 26, 23.

**) Тамъ-же, сс. 24, 26—7.

съ цифрами переписи 1710 г., самъ г. Милюковъ, въ своемъ специальномъ трудѣ по Петровской эпохѣ, считалъ возможнымъ объяснить такое громадное увеличеніе числа плательщиковъ не естественнымъ ростомъ населенія, а лишь «болѣе точнымъ веденіемъ регистраціи» *). Но это обстоятельство очень сильно подрываетъ достовѣрность предшествовавшихъ переписей: сравненіе цифръ 1678 и 1710 гг. можетъ показать намъ лишь уменьшеніе числа извѣстныхъ правительству плательщиковъ, которое могло и не соответствовать дѣйствительной убыли населенія. Но если даже мы согласимся, что въ Петровскую эпоху такая убыль равнялась 20%, мы еще не поймемъ, почему авторъ принимаетъ такой же размѣръ ея («не меньше процентовъ 20-ти») для смутнаго времени. Съ середины XVI столѣтія авторъ считаетъ возможнымъ предполагать значительный приростъ населенія, вызванный усиленной колонизаціей Россіи. Но это время было какъ разъ порою весьма серьезнаго напряженія силъ государства во внѣшней борьбѣ, а колонизація окраинъ, насколько мы можемъ по крайней мѣрѣ судить по отдѣльнымъ фактамъ, находящимся въ нашемъ распоряженіи, сопровождалась такимъ запустѣніемъ центра, которое врядъ ли было совместимо со значительнымъ увеличеніемъ населенія **). Сознаніе «гадательности» всѣхъ подобныхъ расчетовъ не помѣшало, однако, автору внести добытыя путемъ ихъ цифры въ діаграмму, что врядъ ли стоило дѣлать. Дѣло не въ томъ, чтобы уважаемый авторъ «Очерковъ» сообщалъ своимъ читателямъ сколько-нибудь невѣрные свѣдѣнія; имъ сдѣланы, напротивъ, всѣ необходимыя оговорки для отличія точныхъ фактовъ отъ предположеній, но намъ кажется, что послѣднихъ можно было вовсе не вводить въ данномъ случаѣ въ книгу, такъ какъ статистическія данныя только тогда и имѣютъ

*) П. Милюковъ. Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра В., с. 644. Выставленное авторомъ въ возникавшей уже полемикѣ по этому вопросу соображеніе, что переписи 1678 и 1710 гг. вполне подлежатъ сравненію, какъ производившіяся при одинаковыхъ условіяхъ регистраціи, не представляется намъ вполне убѣдительнымъ: чѣмъ болѣе возрастали податныя тяжести, тѣмъ сильнѣе должно было быть и уклоненіе населенія отъ переписей и тѣмъ менѣе достовѣрными становились онѣ.

**) Вотъ нѣсколько примѣровъ этого запустѣнія: въ Серпуховѣ въ 1552 г. числилось 623 населенныхъ двора, а пустыхъ дворовъ и мѣсть 143, въ Муромѣ въ 1566 г. жилыхъ дворовъ—587, пустыхъ—151, въ 1574 г. первыхъ—111, вторыхъ—627, въ Коломенѣ въ 1578 г. первыхъ 32½, вторыхъ—662, въ Можайскѣ въ 1594—6 гг. первыхъ—205, вторыхъ—1573 (Чечулинъ, Города Московскаго государства въ XVI в., с. 173); въ Деревской пятинѣ подъ конецъ XVI в. на 123 жилыхъ поселка насчитывалось 377 пустыхъ поселеній. По словамъ крестьянъ Вотской пятинѣ, въ 1573 г. это происходило «отъ государевыхъ податей и отъ подводъ» и «отъ опричнаго правешу», по сознанію собора 1584 г., оно зависѣло отъ тяжести «царскихъ даней и разметовъ» (П. Соколовскій, Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ, сс. 168, 172—81).

серьезное значеніе, когда возможно положиться на ихъ достовѣрность.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ, посвященномъ этнографическому составу населенія, авторъ, между прочимъ, довольно рѣшительно высказывается по вопросу о вліяніи тюркскаго элемента на южно-руссковъ. «Въ образованіи племенного состава русскаго населенія, по его словамъ, роль ихъ (тюркскихъ кочевниковъ) была совершенно ничтожна», и выразилась она исключительно въ созданіи пестрой этнографической смѣси на границахъ южно-русскихъ земель *). При настоящемъ положеніи этнографіи Россіи столь категорическія утвержденія по данному вопросу врядъ-ли въ сущности возможны. Позволимъ себѣ напомнить, что въ специальной работѣ о тюркахъ на русскомъ югѣ, на которую ссылается и г. Милюковъ, дана совершенно иная оцѣнка ихъ значенія. «Роль черно-клубуцкаго населенія, читаемъ мы въ книгѣ г. Голубовскаго **), въ исторіи Руси, особенно южной, весьма значительна. Оно принесло новый тюркскій элементъ на русскую землю, который съ вѣками расплавился въ славянствѣ и не могъ не оказать вліянія на славянское населеніе въ культурномъ отношеніи. Какъ на сѣверѣ чистый славянский типъ измѣнился подъ вліяніемъ финскимъ, такъ на югѣ не могло пройти безслѣдно вліяніе тюрковъ, не могло не отразиться на послѣдующихъ поколѣніяхъ южно-руссковъ». Весьма вѣроятно, что пересмотръ собственно этнографическаго матеріала вызвалъ бы нѣкоторое ограниченіе этихъ положеній г. Голубовскаго, но имѣющагося пока матеріала во всякомъ случаѣ едва-ли достаточно, чтобы на основаніи его вполне рѣшительно высказаться въ ту или другую сторону.

Представленный авторомъ общій очеркъ исторіи колонизаціи Россіи, самъ по себѣ весьма важный и полный интереса, вызываетъ все же одно замѣчаніе. Авторъ не вполне выполнилъ здѣсь свое обѣщаніе остаться историкомъ народной жизни. Въ его изображеніи интересы государства и правительственныя мѣропріятія чрезмѣрно заслонили собою факты чисто народной колонизаціи, хотя бы косвенно и вызывавшейся политикой правительства. Въ весьма значительной мѣрѣ такой характеръ изображенія можетъ быть объясненъ общимъ состояніемъ исторической литературы, гораздо болѣе потрудившейся у насъ надъ выясненіемъ судебъ государства, чѣмъ жизни народа, но по крайней мѣрѣ нѣкоторые факты могли бы быть представлены въ книгѣ. Такъ, авторъ лишь очень бѣгло упоминаетъ о движеніи раскольниковъ на юго-западъ и юго-востокъ, совершавшемся не только въ воздѣйствіи правительства, но и вопреки такому воздѣйствію, и тѣмъ не менѣе носившемъ

*) «Очерки», сс. 39, 45.

**) Голубовскій, Печенѣги, тюрки и половцы до нашествія татаръ, с. 151—2.

массовой характеръ. Вместе съ тѣмъ чрезвычайъ исключительная связь, какою соединены въ изложеніи автора факты колонизаціи съ правительственными мѣропріятіями, и порою излишняя краткость его придаютъ этому изложенію мѣстами характеръ нѣкотораго схематизма. Такъ, говоря о заселеніи юга въ половинѣ XVIII вѣка, авторъ объясняетъ вызовъ для этой цѣли заграничныхъ славянъ тѣмъ, что «запаса вольныхъ колонистовъ болѣе не хватало для такого быстрого заселенія юга, какого хотѣло правительство», и затѣмъ прибавляетъ, что правительство открыло доступъ въ новыя поселенія раскольникамъ и бѣглымъ, которые уже «скоро начинаютъ составлять преобладающую часть населенія» *). Первое объясненіе едва-ли вполне правильно. Колонизаціонный матеріалъ имѣлся въ ту пору въ достаточномъ количествѣ на мѣстѣ, хотя бы въ лицѣ малороссовъ, которымъ становилось уже тѣсно на занимаемыхъ ими земляхъ, и если правительство тѣмъ не менѣе обратилось къ вызову поселенцевъ изъ-за границы, то это объяснялось лишь его особыми политическими и экономическими соображеніями, совершенно не оправданными послѣдствіями этого шага. Полкъ Хорвата оказался составленнымъ не столько изъ сербовъ, сколько изъ волоховъ, но и тѣхъ было очень мало, и въ результатѣ пришлось обратиться къ собственнымъ колонизаціоннымъ средствамъ. Говоря, въ другомъ мѣстѣ, о послѣдствіяхъ уничтоженія Сѣчи, авторъ рисуетъ быстрый ростъ населенія Новороссіи въ послѣдовавшее за этимъ уничтоженіемъ время. Въ предѣлахъ производимаго имъ сравненія 50-хъ и 90-хъ годовъ XVIII вѣка такой ростъ несомнѣненъ, хотя размѣры его врядъ ли переданы вполне точно, такъ какъ можно сомнѣваться въ строгой достовѣрности заимствованныхъ авторомъ у Скальковскаго цифръ запорожскаго населенія въ половинѣ XVIII столѣтія. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію и то, что этотъ ростъ былъ достигнутъ не сразу и что ему предшествовало, какъ первый результатъ присоединенія сѣчевыхъ земель, уменьшеніе сидѣвшаго на нихъ населенія: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно лишь вспомнить, какое количество запорожцевъ бѣжало въ Турцію и другія мѣста. И здѣсь такимъ образомъ приходится, кажется, пожалѣть, что авторъ не нашелъ нужнымъ нѣсколько раздвинуть рамки своего изложенія.

То же самое, но уже съ гораздо большимъ значеніемъ, можно повторить по поводу другого отдѣла книги, въ которомъ авторъ даетъ очеркъ исторіи русскихъ учреждений. До сихъ поръ наши указанія носили все же частный характеръ, но названный сейчасъ отдѣлъ «Очерковъ» вызываетъ несравненно болѣе общее замѣчаніе. Выше мы указывали оригинальную постановку его авторомъ, направленную къ выясненію непосредственной связи учреждений съ военными и финансовыми потребностями государства, и имѣли слу-

*) «Очерки», 61.

чай отмѣтить положительное значеніе такой постановки. Теперь намъ предстоитъ указать иное—чрезмѣрную односторонность, приданную ей авторомъ. Онъ начинаетъ свое изложеніе эволюціи русскихъ учреждений прямо съ момента образованія московскаго государства. Это и не вполне послѣдовательно, такъ какъ въ другихъ отдѣлахъ — о составѣ и движеніи населенія, объ экономическомъ бытѣ, о селовномъ строѣ — онъ опускается и въ болѣе древній періодъ, и едва-ли правильно. Правда, онъ указываетъ причины, побуждающія его «оставить въ сторонѣ Кіевскую Русь» и сводящіяся къ тому, что у нея «были совсѣмъ другія условія историческаго развитія» *), но такое соображеніе далеко не исчерпываетъ вопроса. Москва, въ смыслѣ совокупности извѣстныхъ государственныхъ учреждений, сложилась не на пустомъ мѣстѣ. Государственный порядокъ, предшествовавшій ея появленію, вовсе не ограничивался въ сущности предѣлами южно-русскихъ земель, но распространялся и на сѣверо-востокъ, и борьба съ этимъ порядкомъ Москвы, возникшей на его развалинахъ, оставила слѣдкомъ глубокіе слѣды въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи, чтобы можно было совсѣмъ обойти ее. Удѣльный періодъ—воспользуемся уже этимъ не совсѣмъ точнымъ названіемъ—удѣльный періодъ съ его вѣчвыми собраніями и вольными слугами князей передалъ московской эпохѣ и нѣкоторыя традиціи, и нѣкоторыя учрежденія, причемъ кое-какія изъ нихъ оказались довольно живучими. Совершенно обойдя эту сторону вопроса и связавъ свою картину эволюціи учреждений исключительно съ отмѣченными выше условіями московскаго періода, авторъ допустилъ въ ней весьма серьезные пробѣлы. Въ его книгѣ вовсе не упоминается самое названіе вѣча, о думѣ говорится лишь, что «старинная дума боярская уже не собиралась съ начала XVIII столѣтія», и исключительно изъ этой фразы читатель долженъ вынести заключеніе, что раньше дума собиралась, о земскомъ соборѣ упоминается только какъ объ употреблявшемся московскимъ правительствомъ средствѣ при наложеніи на населеніе какого-либо экстреннаго обязательства «связать его всенародною порукой въ лицѣ его представителей на земскомъ соборѣ» **). И однакоже вѣче существовало не только въ Кіевской Руси, но и въ Ростовѣ, Суздальѣ и Владимірѣ, а отголоски его слышались порой и въ самой Москвѣ, боярская дума заслуживала не меньшаго вниманія, чѣмъ приказы и четверти, и, наконецъ, значеніе земскихъ соборовъ въ самомъ общемъ своемъ видѣ не можетъ быть исчерпано приведенной фразой, единственной, удѣленной ему въ книгѣ. Въ итогѣ читатель «Очерковъ» получитъ ясное и отчетливое представленіе о низшихъ ступеняхъ московской администраціи, но высшія государственныя учрежденія Москвы останутся для него очень мало выясненными.

*) «Очерки», с. 14.

**) Тамъ же, сс. 153, 156

Повидиному, въ данномъ случаѣ авторъ, увлекшись желаніемъ сообщить по преимуществу результаты своихъ спеціальныхъ изслѣдованій, до нѣкоторой степени упустилъ изъ виду интересы читающей публики. Позволимъ себѣ присоединить къ сказанному еще одно частное замѣчаніе по поводу того же отдѣла книги. Говоря о губернскихъ учрежденіяхъ Екатерины II, авторъ усматриваетъ, между прочимъ, ихъ значеніе въ «выдѣленіи, на этотъ разъ окончательно, суда отъ управленія» *). Такое выдѣленіе надо, конечно, понимать только въ смыслѣ организаціи особыхъ судебныхъ учреждений, такъ какъ въ дѣйствительности въ рукахъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ осталась возможность путемъ «ревизіи» дѣлъ вліять на характеръ судебныхъ рѣшеній, и этою возможностью они нерѣдко пользовались, но чрезчуръ общая и недостаточно опредѣленная фраза автора можетъ породить не совсѣмъ правильныя представленія на этотъ счетъ у читателя.

Обращаясь къ изложенію исторіи русскихъ сословій въ книгѣ г. Милюкова, можно замѣтить, что въ этомъ изложеніи сравнительно мало мѣста занимаетъ XVIII вѣкъ, очерченный у автора нѣсколькими бѣглыми и краткими штрихами. Наименѣе примѣнимо это къ очерку исторіи дворянства, по поводу котораго мы рѣшились бы только указать, что слабость дворянства и въ ту пору, какъ оно сдѣлалось привилегированнымъ сословіемъ, объясняется не одною лишь хозяйственною инертностью класса, пользовавшагося даровымъ крестьянскимъ трудомъ, но и поведеніемъ представителей этого невольнаго труда, лишь очень плохо мирившихся со своею участію. Крестьянскія волненія, пожалуй, не менѣе примитивности системъ помѣщичьяго хозяйства и безумной роскоши дворянской жизни подрывали почву, на которой покоилось благосостояніе сословія, и не давали послѣднему возможности приобрести прочное самостоятельное положеніе въ государствѣ, принуждая, напротивъ, его постоянно опираться на верховную власть. Иного рода замѣчаніе способно вызвать изображеніе у г. Милюкова исторіи русскаго крестьянства или, точнѣе говоря, крестьянской общины. Выше было уже указано, что авторъ понимаетъ эту общину, какъ прямое созданіе власти государства и частнаго владѣльца, и къ этому слѣдуетъ прибавить, что читатель найдетъ въ «Очеркахъ» лишь неясныя намеки на существованіе въ литературѣ другихъ теорій по вопросу о происхожденіи общины. Мы не намѣрены входить здѣсь въ споръ по существу вопроса и отмѣтимъ только, что автору слѣдовало бы согласить съ своею теоріей хотя бы факты существованія волостныхъ общинъ, давно обнаруженные извѣстнымъ изслѣдованіемъ П. А. Соколова. Во всякомъ случаѣ, пока принятыя авторомъ взгляды, въ значительной мѣрѣ унаслѣдованные имъ отъ Чичерина, далеко не господствуютъ безраздѣльно въ литературѣ и въ виду этого мы, вполнѣ

*) «Очерки», с. 158.

понимая удобства чисто догматическаго изложенія науки въ книгѣ, подобной «Очеркамъ», склонны однако думать, что авторъ поступилъ бы лучше, если бы въ столь спорномъ вопросѣ далъ своимъ читателямъ изложеніе важнѣйшихъ аргументовъ различныхъ теорій, выставленныхъ въ ученой литературѣ, или, по меньшей мѣрѣ, указаніе на относящуюся сюда литературу. Что касается исторіи самого крестьянскаго сословія, то въ ней авторъ, намъ кажется, допустилъ нѣкоторую неправильность, давъ слишкомъ рѣзкую характеристику крѣпостнаго права въ XVII в., которое, по его словамъ, уже въ эту пору, «едва сложившись формально, является со всѣми атрибутами неограниченной власти человѣка надъ человѣкомъ» *). Эта характеристика безусловно вѣрна, по скольку она заключаетъ въ себя мысль о необезпеченности личности крестьянина въ законѣ, но за этими предѣлами она должна подвергнуться извѣстному ограниченію. Въ XVII столѣтіи наиболѣе существенныя стороны отношеній крестьянина къ владѣльцу складывались еще внѣ вѣдѣтельности государственной власти и принимали довольно разнообразныя формы. Мы знаемъ изъ этого столѣтія обязательство, выданное крестьянину владѣльцу и предоставляющее послѣднему право продать и заложить перваго, и знаемъ запись помѣщика своему крестьянину, по которой владѣлецъ обязывается не только не продавать, не закладывать и не вымѣнивать послѣдняго, но и не лишать его земельного участка и «никакого насильства надъ нимъ не учинити», предоставляя ему въ противномъ случаѣ право свободнаго выхода изъ имѣнія **). Главная масса явленій жизни, управлявшихся въ данное время гораздо болѣе обычаемъ, нежели закономъ, должна была располагаться между этими двумя крайними ступенями. Въ характеристикѣ же положенія крѣпостныхъ въ слѣдующемъ столѣтіи авторъ ограничился одною юридическою стороною этого положенія, не коснувшись дѣйствительнаго состоянія народной массы, хотя литература доставляетъ полную возможность обрисовки такого состоянія.

Дѣлая всѣ эти замѣчанія, мы, конечно, ни на минуту не думали

**) «Очерки», с. 196.

*) М. Дьяконовъ. Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ, вып. 1, № 40: «И мнѣ Ивану Панову ево Ивашка не изгонять, и никому ево не продать, и не промѣнить, и въ заставу не заложить, и никакова дурна надъ нимъ не учинити, и держати ево мнѣ въ крестьянѣхъ, какъ протчіе дворяне крестьянъ у себя держатъ. А вѣчто я ево.. не посажу на ево прежнемъ попятѣе, или учну изгонять или продавать, или промѣню, или въ заставу кому ни буди заставлю, или что надъ нимъ дурно учиню, или во крестьянѣхъ не учну держати, какъ протчіе дворяне крестьянъ у себя держатъ, и ему Ивашку волю отъ меня и прочь отойти на все четыре стороны въ государеве сторонѣ, гдѣ онъ ни похочеть... Въ этомъ документѣ, относящемся къ 1647 г., особенно интересна ссылка на «прочихъ дворянъ», показывающая, что мы имѣемъ дѣло не съ совершенно исключительнымъ фактомъ.

сколько-нибудь ослабить и умалить ими то чрезвычайно важное значеніе труда г. Милюкова, на которое мы выше указывали. Частные пробѣлы и недомолвки, неизбежныя во всякомъ большомъ и общемъ трудѣ, составляютъ сравнительно рѣдкое исключеніе въ «Очеркахъ по исторіи русской культуры». Кое-въ-чемъ не соглашаясь съ ихъ авторомъ, кое-въ-чемъ считая нужнымъ дополнить его изложеніе, мы остаемся при мысли, что эта высоко талантливая книга является крайне цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей литературы. Важный и для специалистовъ, трудъ П. Н. Милюкова долженъ получить еще болѣе важное значеніе въ широкихъ кругахъ читающей публики, распространеніе въ которыхъ строго научнаго историческаго знанія является необходимымъ условіемъ здраваго общественнаго воспитанія, въ свою очередь составляющаго главную силу въ созданіи цѣлесообразной сознательной дѣятельности общества. Заканчивая свой отчетъ объ этомъ трудѣ, мы можемъ поэтому лишь пожелать ему возможно широкаго распространенія.

В. Мякотинъ.

Литература и жизнь.

Въ числѣ иностранныхъ писателей, получившихъ у насъ въ послѣднее время большую извѣстность, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ Генрихъ Ибсенъ. Его драмы переводятся, ставятся на сцену, объ немъ говорятъ, пишутъ. Еще болѣе широкою популярностью пользуется онъ въ Западной Европѣ, и не только у себя на родинѣ и въ скандинавскихъ странахъ вообще, а и во Франціи, въ Германіи и, если не ошибаюсь, въ Италіи. Рядомъ съ восторженными отзывами идетъ, разумѣется, и хула, но фактъ во всякомъ случаѣ тотъ, что Ибсенъ представляетъ собою въ настоящее время одинъ изъ самыхъ яркихъ центровъ вниманія образованныхъ людей во всемъ мірѣ, одно изъ немногихъ международныхъ именъ, что то говорящихъ уму и сердцу такъ называемой большой публики на сѣверѣ и югѣ, на востокѣ и западѣ. Ясно, что какова бы ни была работа Ибсена въ другихъ отношеніяхъ, но ему удалось нащупать какой-то значительный пульсъ жизни. Этому нисколько не противорѣчитъ разнообразіе сужденій объ немъ. Великій ли онъ писатель, соединяющій колоссальный талантъ съ свѣтлымъ умомъ и горячимъ сердцемъ, какъ думаютъ многіе, или скорѣе психопатъ и едва ли не шарлатанъ, какъ утверждаетъ, напримѣръ, Максъ Нордау; пролагаетъ ли онъ своими художественными пріемами новые и притомъ лучшіе пути искусству, или же самъ себя мѣшаетъ

своимъ символизмомъ,—объ этомъ можно разсуждать и спорить, но къ какому бы рѣшенію мы ни пришли, имъ не будетъ поколебленъ самъ по себѣ фактъ центральности Ибсена, фактъ силы тяготѣнія къ нему общаго вниманія. И разнообразіе сужденій только усугубляетъ интересъ задачи—разобраться въ его писаніяхъ.

Я долженъ признаться, что приступаю къ этой задачѣ далеко не въ полномъ вооруженіи. Во-первыхъ, не зная подлинника, легко упустить изъ вида многое, быть можетъ, въ высшей степени характерное для даннаго писателя; а переводы, въ особенности нынѣшніе русскіе переводы, большинство которыхъ отличается ремесленною небрежностью, а подчасъ и просто безграмотностью, часто являются не только не помощью въ этомъ отношеніи, а даже помѣхой. Затѣмъ, для исчерпывающей работы объ Ибсенѣ надлежитъ знать его мѣсто въ родной литературѣ, его предшественниковъ и современниковъ, тѣ корни, изъ которыхъ онъ выросъ, тѣ теченія, которыя имѣли на него вліяніе, и тѣ, которыя въ свою очередь вызваны его дѣятельностью. Ничего этого я не могу предложить читателю. Очень мало знакомъ я и съ литературой объ Ибсенѣ. Судя по ссылкамъ и цитатамъ, литература эта количественно, а можетъ быть и качественно, довольно значительна. Но изъ всѣхъ сколько-нибудь пристально вглядывавшихся въ Ибсена я знаю только Нордау (глава «Der ibsenismus» во второмъ томѣ «Etagung»), да Горна и Швейцера (Ф. В. Горнъ «Исторія скандинавской литературы отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней». Съ приложеніемъ этюда Ф. Швейцера «Скандинавское творчество новѣйшаго времени». Изданіе К. Т. Солдатенкова). Затѣмъ мнѣ попадались только бѣглыя журнальныя (въ «Артистѣ») и газетныя замѣтки. Неизвѣстны мнѣ также стихотворенія Ибсена и его письма, опубликованныя Брандесомъ. Конечно, еслибы я имѣлъ въ виду всесторонне исчерпать предметъ, мнѣ надлежало бы пополнить свой богатъ. Слѣдовало бы, можетъ быть, по крайней мѣрѣ дожидаться «вступительной статьи» г. Веселовскаго, обѣщанной къ предпринятому г. Юровскимъ шеститомному изданію Ибсеновыхъ драмъ въ русскомъ переводѣ. Но вотъ уже и третій томъ изданія г. Юровскаго вышелъ, а вступительной статьи г. Веселовскаго все еще нѣтъ, да и общается на обложкѣ этого третьяго тома уже не «вступительная статья», а только «біографическій очеркъ, составленный проф. Алексѣемъ Н. Веселовскимъ». И такъ какъ я не мечтаю объ исчерпывающей работѣ, то позволяю себѣ не дожидаться этого біографическаго очерка и вообще считаю, для предполагаемой цѣли, достаточнымъ знакомство съ слѣдующими произведеніями самого Ибсена. Привожу списокъ ихъ теперь же съ указаніемъ изданій, во избѣжаніе ссылокъ въ теченіи статьи:

«Нора», «Столпы общества», «Привидѣнія» (первый томъ изданія г. Юровскаго); «Союзъ молодежи», «Дикая утка», «Комедія любви» (второй томъ того же изданія); «Сѣверные богатыри»,

«Праздникъ въ Сольгаугъ», «Ингөръ изъ Эстрота», «Претенденты на корону» (третій томъ).—«Эдда Габлеръ». Пер. С. Л. Степановой. Изданіе А. А. Алексѣева. М. 1891.—«Эллида». Пер. В. М. Спаской, въ «Артистѣ» 1891 г.—«Докторъ Штокманъ». Пер. Н. Мироничъ, тамъ же.—«Счастливецъ» (Строитель Сольнесъ). Пер. П. Ганзена. Изданіе Я. Бермана. Спб. 1893.—«Маленькій Эйольфъ». Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1895.—«Peer Gyut» и «Brand» въ нѣмецкомъ переводѣ.—«Rosmersholm» и «Empereur et Galiléen» во французскомъ переводѣ.

Нѣсколько словъ о русскихъ переводахъ. Не могу судить объ ихъ точности, близости къ подлиннику, но что касается собственно русскаго языка, то есть переводы по истинѣ непозволительные. Нѣкоторые переводчики, напримѣръ, упорно пишутъ: «что съ того?» и «съ чего ты будешь жить?» вмѣсто «что изъ того?» и «чѣмъ, на какія средства жить». Не говорю уже объ употребленіи родительнаго падежа во фразахъ такого рода: «вы не можете употреблять своего свободнаго времени» (изданіе Юровскаго, т. I, 106); «я не допущу такъ пачкать своего добраго имени» (тамъ же, 141) и т. п. Въ «Столпахъ общества» много разъ поминается «большой свѣтъ» совершенно непонятно въ какомъ смыслѣ. Въ «Союзѣ молодежи» одно изъ дѣйствующихъ лицъ, приглашая собесѣдника изъ парка въ палатку, называетъ почему-то эту палатку «серединой»: «не зайти ли намъ туда, въ «середину» (24), а другое дѣйствующее лицо называетъ «серединой» столовую» (36). Повидимому, «середина» означаетъ тутъ внутренность жилья. Въ «Претендентахъ на корону» находимъ, напримѣръ, такую фразу: «развѣ съ нимъ нѣтъ много всинсвѣ?» (381) и т. д., и т. д. Къ сожалѣнію, едва ли не худшимъ изъ переводчиковъ является самъ издатель, г. Юровский; потому къ сожалѣнію, что не только онъ самъ переводитъ нѣкоторыя драмы, но еще «всѣ переводы, при которыхъ не указаны имена переводчиковъ, редактированы по датскому тексту» имъ же. Бѣда не въ отдѣльныхъ лишь грамматическихъ безобразіяхъ въ родѣ вышеприведенныхъ, а и въ томъ, что чуть не цѣлыя страницы (напримѣръ, въ «Комедіи любви») являются какимъ-то непонятнымъ наборомъ словъ. «Комедія любви» въ подлинникѣ написана стихами, а переведена прозой. Это бы еще не бѣда, но эта проза до крайности плоха. Наоборотъ «Сѣверные богатыри», написанные въ оригиналѣ прозой, переведены мѣстами какою-то страннымъ, полуритмическою рѣчью. Впрочемъ, что касается грамматики, это одинъ изъ хорошихъ переводовъ.

Свой обзоръ драмъ Ибсена мы начнемъ съ одной изъ самыхъ запутанныхъ—съ «Строителя Сольнеса», и читатель, надѣюсь, не посѣтуетъ за довольно подробное изложеніе ея. Но для опредѣленія границъ анализа этой драмы и задачи предлагаемой статьи вообще, приведу сначала нѣсколько словъ изъ статьи г. Д. М.

«Женскіе типы въ произведеніяхъ Ибсена», напечатанной въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№№ 191 и 209 за 1896 г.):

«Сольнесъ» — одна изъ наименѣ понятныхъ и симпатичныхъ пьесъ Ибсена. Символика въ ней настолько туманна, что изъ лежащихъ передъ нами четырехъ отзывовъ о драмѣ три даютъ различныя объясненія, а четвертый (принадлежащій Сарсу) отказывается отъ анализа. Главное дѣйствующее лицо въ теченіе трехъ періодовъ своей жизни строитъ сначала церкви и колокольни, потомъ семейные дома, потомъ, наконецъ, воздушныя замки на каменномъ основаніи. Являются ли эти три періода символомъ различныхъ эпохъ человѣческой сознательной жизни, или они символизируютъ жизнь гения, или ходъ научно-философскаго развитія — сказать трудно. Мы склонны были бы видѣть въ нихъ автобіографическія черты, указанія на литературную дѣятельность самого Ибсена, провозглашавшаго сначала устами Бранда религіозныя истины и требовавшаго преклоненія передъ долгомъ, затѣмъ попробовавшаго строить семейное счастье на началахъ истины и разрушенія «жизненной муки», и, наконецъ, убѣдившагося въ томъ, что построенное, повидимому, на такомъ крѣпкомъ основаніи счастье не болѣе, какъ воздушный замокъ, который долженъ рушиться при первой попыткѣ взойти на него. Такой дѣйствительно печальный ходъ ибсеновскихъ идей о необходимости правды, разрушенной имъ же самимъ въ «Дикой утѣ», «Росмерсгольмъ» и т. д. Но видѣть автобіографію въ «Сольнесѣ» препятствуютъ крайне несимпатичныя черты, которыми обрисовано главное лицо: мегаломанія, завистливость, мелкая разчетливость и т. п.»

Въ цитатѣ этой затронуты тѣ именно стороны дѣла, которыя насъ занимать не будутъ. Мы не будемъ ломать себѣ головы надъ разгадкой символики Ибсена; не будемъ, напримѣръ, стараться прибавить еще одно объясненіе символовъ «Строителя Сольнеса» къ тѣмъ тремъ или четыремъ, которыя, по словамъ г. Д. М., уже имѣются въ литературѣ; останемся даже въ неизвѣстности относительно этихъ, уже имѣющихся объясненій. Равнымъ образомъ оставимъ мы въ сторонѣ и исторію развитія идей Ибсена. Это, безспорно, очень интересная задача, но, по вышеизложеннымъ причинамъ, я не могу за нее взяться. Замѣчу только, что едва ли правъ г. Д. М., говоря, что Ибсенъ «сначала» провозглашалъ устами Бранда тѣ или другія истины. «Брандъ» появился въ 1866 г. и до него Ибсенъ издалъ шесть большихъ драмъ, въ которыхъ нѣкоторыя основныя черты его міросозерцанія и творчества выразились уже съ полною ясностью. Эти нѣкоторыя черты проходятъ красною нитью черезъ всѣ произведенія Ибсена, и только онѣ и будутъ насъ занимать, независимо отъ хронологическаго порядка, въ какомъ писались и появлялись въ печати разбираемыя драмы.

Гальвардъ Сольнесъ—архитекторъ, но онъ называется не архитекторомъ, а строителемъ, потому что не получилъ спеціальнаго образованія. Онъ и вообще, повидимому, самоучка, происходитъ изъ крестьянской семьи и когда-то работалъ подъ началомъ у архитектора или, можетъ быть, также строителя Кнуда Бровика. Но въ настоящее время онъ знаменитость, и самъ Кнудъ Бровикъ, и его сынъ, подающій надежды молодой человекъ Рагнаръ, работаютъ уже въ свою очередь подъ его началомъ и руководствомъ. Онъ ихъ «растопталъ» въ своемъ счастливомъ шествіи по жизненному пути. Пробрался строитель Сольнесъ на свою теперешнюю высоту отчасти, конечно, благодаря своему таланту, а отчасти благодаря случаю, позволившему ему развернуть свой талантъ въ широкихъ размѣрахъ. Жена его получила въ наслѣдство старый родовой домъ, въ которомъ выросла. Это было большое безобразное деревянное зданіе съ большимъ садомъ. Домъ этотъ сгорѣлъ, и на его мѣстѣ, разбивъ садъ на небольшіе участки, Сольнесъ сталъ строить виллы по своему вкусу. Съ этого онъ и пошелъ въ гору. Однако, пожаръ женина дома былъ для него источникомъ и горя. Пожаръ произошелъ въ холодную зимнюю ночь. Жена Сольнеса испугалась и, кромѣ того, простудилась, у нея испортилось молоко, а она непремѣнно хотѣла сама кормить двухъ своихъ малютокъ близнецовъ, и малютки умерли. Съ тѣхъ поръ Алина (жена Сольнеса) не можетъ утѣшиться. Сольнесъ строить новый домъ на мѣстѣ стараго, лучше и красивѣе, но это не радуетъ Алину. Она прямо говоритъ мужу: «Сколько бы ты ни строилъ, Гальвардъ, для меня тебѣ никогда не выстроить вновь родного дома».

Но у Алины есть и другіе источники страданія. Не даромъ она—«худощавая, преждевременно увядшая отъ горя женщина» и «говоритъ медленно и какъ-то жалобно». Сольнесъ слабъ (а отчасти, можетъ быть, слѣдуетъ сказать наоборотъ: «силенъ») по части женскаго пола, и Алина не рѣдко имѣла болѣе или менѣе основательные поводы ревновать мужа. Въ началѣ драмы она ревнуетъ Сольнеса къ Кайѣ Фосли, невѣстѣ Рагнара Бровика, тоже работающей въ конторѣ Сольнеса. Женитьба Рагнара и Кайи рѣшена уже давно, и когда-то, до поступленія на службу къ Сольнесу, Кайя очень любила своего жениха, но съ тѣхъ поръ Сольнесъ («немолодой уже человекъ, но крѣпкій и здоровый»), по выраженію Рагнара, «взялъ всю ея душу». Сольнесъ же ведетъ себя съ ней вполне недостойнымъ образомъ: ласкаетъ ее, даетъ ей понять, что до извѣстной степени отвѣчаетъ ея чувствамъ, а между тѣмъ не только къ ней равнодушенъ, но и держитъ ее у себя въ конторѣ по совершенно стороннимъ и притомъ недоброкачественнымъ соображеніямъ. И Рагнаръ, и его отецъ Кнудъ Бровикъ—способные и свѣдущіе люди, каждый въ своемъ родѣ; они нужны Сольнесу, и онъ боится, что, женившись на Кайѣ, Рагнаръ уйдетъ отъ него и начнетъ самостоятельное дѣло. Мало того, Сольнесъ боится конку-

ренція Рагнара, вообще боится конкуренціи: «Тотъ ли, другой ли—говорить онъ—явится сюда и потребуетъ: уступи мнѣ дорогу! А за нимъ нахлынетъ цѣлая толпа съ криками, съ воплями: дорогу! дорогу! мѣсто намъ!.. Тогда конецъ строителю Сольнесу». Поэтому-то Сольнесъ и ведетъ двусмысленную политику съ Кайей, а кромѣ того самымъ жестокимъ образомъ отказывается сдѣлать одобрительную надпись на самостоятельныхъ чертежахъ и смѣтахъ Рагнара. Въ концѣ концовъ онъ, хотя и поздно, дѣлаетъ однако эту надпись, благодаря требованію новаго дѣйствующаго лица, Гильды Вангелъ.

Десять лѣтъ тому назадъ Сольнесъ строилъ въ чужомъ городѣ церковь съ высокой башней. Въ торжественный день окончанія постройки онъ взобрался по неубраннымъ еще лѣсамъ на самую вершину башни и повѣсилъ на шпигъ вѣнокъ. Въ числѣ зрителей была 12—13-лѣтняя дѣвочка Гильда Вангелъ. Она поразила видомъ строителя на вершинѣ башни, приукрасила его своей дѣтской фантазіей и до мельчайшихъ подробностей запомнила все, что происходило въ этотъ день. А происходило, между прочимъ, вотъ что. Послѣ окончанія церемоніи Сольнесъ былъ у отца Гильды, окружного врача Вангеля (дѣвочка Гильда, дочь окружного врача Вангеля, фигурируетъ и въ «Эмидѣ»), сказалъ ей, что она «прекрасна въ бѣломъ платьѣ, похожа на маленькую принцессу», поцѣловалъ ее и обѣщалъ черезъ десять лѣтъ похитить ее и купить ей королевство «Апельсинію». Все это Гильда запомнила, и вотъ ровно черезъ десять лѣтъ, изъ числа въ число (19 сентября), сама является къ Сольнесу и требуетъ обѣщаннаго королевства; но уже не шуточной «Апельсинію» и не настоящаго какого-нибудь королевства: «вѣдь—говоритъ она,—нѣтъ нужды, чтобы это было непременно настоящее обыкновенное королевство». Подъ королевствомъ Гильда, теперь уже 22—23-лѣтняя дѣвушка, разумѣетъ любовь Сольнеса, но того или такого Сольнеса, какого она видѣла десять лѣтъ тому назадъ, въ ореолѣ славы, высоко надъ толпой, на вершинѣ созданной имъ церковной башни. Но Сольнесъ уже не тотъ. Онъ уже давно не строить ни церковныхъ башенъ, ни церквей, онъ строитъ только «дома, семейные очаги для людей». Онъ напуганъ жизнью, напуганъ, если хотите, своимъ счастьемъ въ смыслѣ удачливости и боится «возмездія» за него. «Возмездія» этого онъ ждетъ отъ «юности», которая затретъ его, и въ лицѣ Рагнара Бровика является уже въ видѣ осязательнаго образа. Но когда «юность постучалась въ дверь» въ лицѣ Гильды Вангелъ—союзницы и восторженной поклонницы, Сольнесъ приободрился: «юность противъ юности!» Однако, именно Гильда и оказывается причиною его гибели. Восторженная дѣвушка требуетъ отъ него подвиговъ во имя того же обѣщанія купить ей королевство. Она говоритъ ему и колкости: «Мой замокъ долженъ лежать высоко, высоко. И на полномъ просторѣ. Чтобы можно было видѣть далеко, далеко вокругъ... А на самомъ верху башни балконъ... Тамъ, на этой высотѣ хочу я стоять и смотрѣть внизъ на

тѣхъ... кто строить дома, семейные очаги для папашы съ мамашей и дѣтокъ». И если Сольнесъ не строить уже больше, ни церквей, ни башенъ, а только дома, то не можетъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, строить что-нибудь «въ родѣ башенъ на домахъ», «нѣчто такое, что бы такъ же свободно стремилось ввысь; съ флюгеромъ на захватывающей духъ высотѣ». Какъ разъ въ день этого разговора, вечеромъ оканчивается постройка новаго дома Сольнеса, украшеннаго высокою башней. Гильда въ восторгѣ и требуетъ, чтобы Сольнесъ, какъ десять лѣтъ тому назадъ, взобрался по лѣсамъ на эту башню и собственноручно повѣсилъ вѣнокъ на шпиль. Сольнесъ колеблется, но въ концѣ концовъ исполняетъ требованіе и—падаетъ съ высоты, разбивается на смерть.

Таковъ голый остовъ «Строителя Сольнеса». Мы сейчасъ обратимся къ нѣкоторымъ психологическимъ подробностямъ, одухотворяющимъ его, вносящимъ въ него жизнь и смыслъ. Но сначала нѣсколько мелкихъ замѣчаній объ этомъ остовѣ въ связи съ нѣкоторыми другими произведеніями Ибсена.

Когда Сольнесъ и Гильда вспоминаютъ то, что происходило десять лѣтъ тому назадъ, Сольнесъ говоритъ о своемъ подъемѣ на церковную башню: *«такая у меня была привычка въ тѣ еремена, это вѣдь старый обычай»*. Изъ этого слѣдуетъ, что онъ всегда взбирался на вершины своихъ построекъ. Между тѣмъ дальше оказывается, что онъ сдѣлалъ это всего одинъ разъ въ жизни: «я никогда не могъ свободно входить на вершину, но въ тотъ день я вззошелъ»; въ тотъ день онъ совершилъ «невозможное». И Рагнаръ Бровикъ свидѣтельствуется, что это былъ «единственный» разъ, вызвавшій въ свое время много разговоровъ. И Алина, уговаривая мужа не лѣзть на башню, замѣчаетъ: «ты не можешь даже стоять тутъ на балконѣ, во второмъ этажѣ; и всегда ты такимъ былъ». Словомъ, никогда у Сольнеса не было той «привычки», о которой онъ говорить Гильдѣ. Но это не ложь Сольнеса,—его слова о «привычкѣ» не играютъ никакой роли въ драмѣ,—это просто авторскій недосмотръ, свидѣтельствующій о крайней торопливости творчества.

Торопливость эта сказывается почти во всѣхъ драмахъ Ибсена, и не только подобными мелкими недосмотрами, а и въ самой обработкѣ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, и въ постановкѣ ихъ взаимныхъ отношеній. Вмѣстѣ съ авторомъ торопятся и дѣйствующія лица. 19-го сентября Сольнесъ общалъ маленькой Гильдѣ черезъ десять лѣтъ явиться къ ней и подарить королевство. Если она такъ или иначе вѣрила въ это обѣщаніе, то ей, повидимому, надлежало черезъ десять лѣтъ 19-го сентября сидѣть дома и ждать. А между тѣмъ она 19-го сентября уже сама явилась къ Сольнесу, да еще послѣ какого-то путешествія, и всетаки упрекаетъ строителя: «десять лѣтъ минули, а вы не явились, какъ обѣщали мнѣ». Барышня, очевидно, очень нетерпѣлива. Далѣе, первое дѣйствіе «Строителя Сольнеса» происходитъ вечеромъ (горятъ лампы), время второго

дѣйствія указано въ ремаркѣ—«около полудня», а въ тотъ же день вечеромъ драма оканчивается трагическою смертью Сольнеса. И это не случайность, не особенность именно «Строителя Сольнеса». Въ большинствѣ драмъ Ибсена—два, три дня, и наступаетъ предположенный авторомъ конецъ, причѣмъ съ дѣйствующими лицами происходятъ коренные нравственные перевороты (напримѣръ съ Гюнтеромъ въ «Норѣ», не говоря уже о самой Норѣ, съ Фалькомъ въ «Комедіи любви», съ Маргитъ въ «Праздникъ въ Сольгаугѣ» и проч.), разрѣшаются недоразумѣнія, длившіяся цѣлыя годы («Сѣверные богатыри», «Росмергольмъ», «Дикая утка», «Эллида» и т. д.) и вообще происходитъ столько чрезвычайныхъ событій, сколько ихъ въ жизни едва ли когда нибудь бываетъ въ такое короткое время. Такая непомерная быстрота дѣйствія достигается искусственною подтасовкою фактовъ, событія происходятъ, такъ сказать, по щучьему велѣнію, по авторскому прошенію. Такъ въ «Строителѣ Сольнесѣ» Гильда является какъ разъ наканунѣ окончанія постройки дома Сольнеса или, вѣрнѣе, авторъ постарался окончить постройку къ появленію Гильды. Иногда эта наивная торопливость автора и дѣйствующихъ лицъ производитъ рѣзко анти-художественное впечатлѣніе. Такъ въ «Эддѣ Габлеръ» Левборгъ, появляясь въ гостиной Тесмана, по истинѣ ни съ того, ни съ сего вытаскиваетъ изъ кармана рукопись своей книги. Но автору хочется поскорѣе заявить читателямъ или зрителямъ о существованіи этой рукописи, играющей столь роковую роль въ драмѣ, и онъ не стѣсняется. Еще меньше стѣсняется онъ позже, когда рукопись уже сожжена и Левборгъ застрѣлился. Только что пришло извѣстіе о неожиданной смерти Левборга. Этимъ, конечно, должна быть особенно поражена безумно влюбленная въ него г-жа Эльфштедъ, дама вообще чрезвычайно нѣжная и чувствительная. Она и поражена, и тѣмъ не менѣе тутъ же, сію же минуту, среди всеобщаго смятенія принимается разбирать вмѣстѣ съ Тесманомъ черновые наброски погибшей рукописи Левборга, каковыя наброски необыкновенно кстати оказываются у нея въ карманѣ...

Нѣкоторыя другія наивности творчества Ибсена мы еще увидимъ. А теперь замѣтимъ, что въ искусственно быстромъ потокѣ событій въ драмахъ Ибсена характеры дѣйствующихъ лицъ не успѣваютъ сложиться въ законченныя типическія фигуры. Лица вводныя, побочныя, стоящія болѣе или менѣе въ сторонѣ отъ водоворота (именно водоворота!) событій, часто очень удаются Ибсену. Таковъ, напримѣръ, трогательный образъ доктора Ранка въ «Норѣ», комическая фигура Гильмара въ «Столпахъ общества», Гейре въ «Союзѣ молодежи», Лингстранъ въ «Эллидѣ». Но не на нихъ сосредоточивается вниманіе читателя или зрителя и не ими, главнымъ образомъ, занятъ авторъ. Это просто такъ, мимоходящіе люди. Что же касается центральныхъ фигуръ въ драмахъ Ибсена, то между ними нѣтъ ни одной, которая по яркости и законченности могла бы

выдержать хоть какое-нибудь сравнение съ Гамлетомъ или Отелло, Фаустомъ или Вагнеромъ, Орлеанскою дѣвой или маркизомъ Позой, Тартюфомъ или Донъ-Жуаномъ. Именно главные дѣйствующія лица Ибсена, какъ художественные образы, страдаютъ какою-то блѣдною немочью, окутаны какимъ-то загадочнымъ туманомъ, не смотря на то, что нужные автору черты подчеркиваются въ нихъ часто съ чрезмѣрною и потому опять таки анти-художественною рѣзкостью. Герои Ибсена часто говорятъ о своихъ стремленіяхъ, намѣреніяхъ, планахъ, говорятъ чрезвычайно горячо и, повидимому, убѣжденно, но, за малыми исключеніями, васъ поражаютъ крайняя неопредѣленность, туманность ихъ выраженій. Особенно часто говорятъ они о своемъ стремленіи «въ высь» или «на просторъ», и эта высь или этотъ просторъ символизируются то моремъ, какъ въ «Эллидѣ», то горами, какъ въ «Маленькомъ Эйольфѣ», то высокими башнями, какъ въ «Строителѣ Сольнесѣ» и т. п. При этомъ символъ слишкомъ, если можно такъ выразиться, капризно, не мотивированно то вплотную сливается съ реальнымъ образомъ или картиною, то рѣзко отъ нихъ отдѣляется. Строитель Сольнесъ самымъ реальнымъ образомъ лѣзетъ на башню и, падая съ нея, разбивается: «Между деревьями мелькаютъ летящіе съ высоты обломки досокъ и человеческое тѣло, г-жа Сольнесъ патается и падаетъ навзничь на руки дамъ; толпа на улицѣ ломаетъ изгородь и врывается въ садъ; докторъ спѣшитъ туда же». А между тѣмъ вся бесѣда Сольнеса съ Гильдой, вызвавшая эту катастрофу, всѣ эти разговоры о высокихъ башняхъ, замкахъ, «воздушныхъ замкахъ», «воздушныхъ замкахъ на каменномъ фундаментѣ» — имѣютъ исключительно символическій характеръ. Въ этого символизма предпріятіе Сольнеса влѣзть по лѣсамъ на башню есть простая нелѣпость: не въ томъ же состоитъ достоинство художника архитектора, чтобы уподобиться кровельщику или матросу и не страдать головокруженіемъ на огромной высотѣ. Но не только восторженная Гильда, для которой странный подвигъ строителя Сольнеса имѣетъ особенное, чисто личное значеніе, а и Рагнаръ Бровикъ и нѣкоторые другіе зрители видятъ въ попыткѣ Сольнеса дѣйствительно подвигъ архитектора. «Онъ не смѣетъ подняться на свой собственный домъ», — злобно говоритъ Рагнаръ, — «онъ не дойдетъ и до полпути, какъ у него все завертится въ глазахъ; придется ему сползать оттуда на четверенкахъ!» А когда Сольнесъ все-таки взобрался, Рагнаръ замѣчаетъ: «Такъ все-таки у него хватило силы!» Въ «Перѣ Гинтѣ», повидимому, навѣянномъ второю частью Гетевскаго «Фауста», символизмъ достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ; но это было бы все-таки удобнѣе, чѣмъ незаконная помѣсь символизма съ реализмомъ, если бы не множество заимствованій изъ мало извѣстныхъ за предѣлами Норвегіи повѣрій и легендъ. По словамъ нѣмецкаго переводчика, самъ Ибсенъ видитъ въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ этого «драматиче-

скаго стихотворенія» (не драмы) символическое изображеніе норвежскаго народа.

Туманности героевъ Ибсена способствуетъ еще его тяготѣніе къ таинственнымъ, необъяснимымъ или еще недостаточно объясненнымъ явлениямъ. Сольнесъ вѣрить въ существованіе «исключительныхъ, избранныхъ натуръ, которымъ дана власть и способность пожелать, захотѣть чего нибудь такъ упорно, такъ непреклонно, что оно дается имъ наконецъ». Онъ самъ принадлежитъ къ числу такихъ избранныхъ натуръ и имѣетъ къ тому всѣя доказательства. Вотъ какъ онъ рассказываетъ доктору Гердалю объ отношеніяхъ къ нему Кайи Фосли. Мы видѣли, что изъ ревности и страха конкуренціи онъ не хочетъ, чтобы Рагнаръ Бровикъ началъ самостоятельное дѣло, и желаетъ держать его, въ качествѣ помощника, при себѣ. Однажды, въ его присутствіи, къ Рагнару пришла невѣста, Кайя, которой Сольнесъ до тѣхъ поръ совсѣмъ не зналъ. И вотъ, — рассказываетъ Сольнесъ, — «увидѣлъ я тутъ, какъ эти двое льнуть другъ къ другу, и явился у меня мысль: вотъ еслибы заполучить ко мнѣ въ контору ее, тогда и Рагнаръ усидѣлъ бы пожалуй... Но я и не заикнулся объ этомъ. Я только такъ стоялъ, смотрѣлъ на нее и *думалъ и желалъ отъ души* имѣть ее у себя на службѣ. Потому я перекинулся съ ней парой, другой дружескихъ словъ о томъ, о семъ... И затѣмъ она ушла». А на другой день пришла, какъ будто бы у нихъ уже былъ разговоръ объ томъ, объ чемъ *только думалъ* Сольнесъ, и прямо спросила, въ чемъ будутъ состоятъ ея занятія въ его конторѣ. «Я замѣчаю, — продолжаетъ строитель, — что она чувствуетъ, если я смотрю на нее сзади; вся дрожитъ и трепещетъ, какъ только я подхожу къ ней».

Не безъ этого таинственнаго элемента обходится и исторія съ Гильдой. Но въ обоихъ этихъ случаяхъ, принимая въ соображеніе намеки доктора Гердала на нѣкоторые другія любовныя приключенія Сольнеса («я знаю, — говоритъ Гердаль, — что вы на своемъ вѣку имѣли дѣло со многими женщинами»), слѣдуетъ можетъ быть видѣть варианты того факта, что Сольнесъ вообще производитъ сильное впечатлѣніе на женщинъ. Однако, не только въ этого рода дѣлахъ сказывается «исключительность, избранность» его натуры. Не спроста сгорѣлъ и домъ жены Сольнеса. Строитель не то чтобы прямо желалъ этого пожара, но часто думалъ объ томъ, что хорошо бы было, еслибы домъ сгорѣлъ, и онъ могъ бы строить на его мѣстѣ небольшіе дома по своему вкусу и тѣмъ выдвинуться, какъ архитекторъ. Онъ даже намѣтилъ трещину въ дымовой трубѣ, объ которой никто, кромѣ него, не зналъ и которая могла стать причиною пожара. Онъ смаковалъ картину пожара и хотя подумывалъ велѣть исправить трубу, но — говоритъ онъ — «каждый разъ, какъ я хотѣлъ заняться этимъ, какъ будто кто толкалъ меня подъ руку». Пожаръ произошелъ отъ совсѣмъ другой причины и даже не въ той сторонѣ начался, но всетаки исполнилось тайное упорное желаніе Сольнеса,

и онъ построилъ на мѣстѣ сгорѣвшаго дома что хотѣлъ, и прославился. Сольнесь готовъ вѣрить, что ему помогаютъ духи. «А кто вызвалъ ихъ? я! И они пришли и подчинились моему волѣ».

Смерть «маленькаго Эйольфа» въ драмѣ того-же названія есть тоже результатомъ таинственныхъ, магическихъ причинъ. Болѣзненный, слабый, хромой, но бодрый духомъ, бойкій мальчикъ утонулъ. Читателю предлагаются два объясненія этого несчастія на выборъ, но можно принять и оба одновременно. Въ домъ родителей Эйольфа является старуха, «баба-крысоловка», странное, почти страшное созданіе. Она предлагаетъ свои услуги, въ которыхъ, однако, не оказывается надобности. Она занимается истребленіемъ крысъ и мышей. Дѣлаетъ она это съ помощью своей собачки, моськи, и именно слѣдующимъ образомъ: она привязываетъ къ ошейнику моськи веревочку и обводитъ ее три раза по всему дому, а сама въ это время играетъ на лютнѣ; крысы и мыши вылѣзаютъ изъ норъ; старуха садится въ лодку и, продолжая играть на лютнѣ, гребетъ къ глубокому мѣсту; моська плыветъ сзади, а слѣдомъ за ней, влекомая таинственною силой, плывутъ крысы и мыши и, наконецъ, тонутъ. Такъ рассказываетъ сама «крысоловка» и прибавляетъ, что когда-то она умѣла и безъ моськи обходиться и приманивать мужчинъ, «одного въ особенности», своего «милаго дружка», который теперь лежитъ «тамъ, на глубинѣ, подъ водой, вмѣстѣ съ крысами». Появленіе старухи, ея рассказъ, видъ, манера говорить—производятъ на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе, въ особенности на маленькаго Эйольфа. Старуха приглашаетъ его подойти поближе къ собачкѣ, выглядывающей изъ мѣшка. Происходитъ такая сцена:

Баба-крысоловка (живаетъ и подмигиваетъ Эйольфу). Подойдите поближе, не бойтесь, мой маленькій раненый воинъ. Она не кусается. Подходите, подходите!

Эйольфъ (цѣпляется за платье Асты). Нѣтъ, я ни за что не рѣшусь.

Баба-крысоловка. Ну, полно, мой маленькій баринъ! Собачка, право добрая и хорошенькая такая!

Эйольфъ (недовѣрчиво показывая на нее пальцемъ). Это она-то добрая?

Баба-крысоловка. Ну да, конечно.

Эйольфъ (вполголоса, не сводя глазъ съ собачки). Я никогда не видывалъ такого страшилища.

Баба-крысоловка (закрывая мѣшокъ). О, потомъ сами таки придете придете.

Эйольфъ (подходя противъ воли и поглаживая мѣшокъ). А вѣдь правда она чудо, чудо какая прелесть!

Тотчасъ послѣ ухода бабы-крысоловки, Эйольфъ «незамѣтно исчезаетъ» въ ту же дверь, въ которую и она вышла. Приходитъ Борхгеймъ и затѣмъ уходитъ вмѣстѣ съ Астой. Родители Эйольфа, супруги Альмерсы, остаются одни. Между ними завязывается разговоръ, среди котораго страстная и ревнивая Рита въ безумномъ порывѣ выражаетъ, между прочимъ, желаніе, чтобы ихъ сына, Эйольфа, отвлекающего часть любви Альмерса, — «не было». И вслѣдъ

затѣмъ—во исполненіе ли желанія Риты, какъ исполняются желанія строителя Сольнеса, или же подъ магическимъ вліяніемъ бабы-крысоловки съ ея моськой, или наконецъ по совокупности этихъ обстоятельствъ—маленькій Эйольфъ утонулъ...

Въ драмѣ «Эллида», въ концѣ испорченной капризнымъ то совпадениемъ, то раздвоеніемъ символизма и реализма, героиня находится подъ вліяніемъ очень сложныхъ чаръ—символическаго моря, реальнаго моря и наконецъ «незнакомца», который называется и незнакомцемъ, и Фриманомъ, и Альфредомъ Джонстономъ. Этотъ человѣкъ имѣетъ надъ Эллидой страшную власть, которую ея мужъ, врачъ Вангелъ считаетъ «необъяснимою», «во всякомъ случаѣ необъяснимою въ настоящее время». На вопросъ «вѣрить ли онъ подобнымъ вещамъ?» онъ отвѣчаетъ: «я не вѣрю имъ, но и не отрицаю ихъ; я просто не знаю; поэтому я и не пытаюсь объяснять ихъ».

Итакъ, чрезвычайная быстрота дѣйствія въ связи съ искусственною подгонкою фактовъ; неопредѣленность стремленій, плановъ, цѣлей героевъ; символизмъ, притомъ символизмъ невыдержанный, незаконно переплетающійся съ реализмомъ; тяготѣніе къ таинственному, необъяснимоу, — таковы нѣкоторыя изъ чертъ творчества Ибсена, затрудняющихъ пониманіе самой сути, живого зерна его драмъ. Но зерно это всетаки открытъ можно.

Обратимся опять къ «Строителю Сольнесу». Въ русскомъ переводѣ драма эта имѣетъ еще другое заглавіе: «Счастливецъ». И, дѣйствительно, строитель Сольнесъ, повидимому, вполне «счастливецъ», такъ ему везетъ въ жизни, такъ неукоснительно исполняются все его желанія. Однако онъ трепетно ждетъ «возмездія» за свое счастье, да ужъ и несетъ его въ своей источенной угрызениями совѣсти. Успѣхи свои онъ приписываетъ своей «избранности», «исключительности» своей натуры и, какъ мы видѣли, готовъ вѣрить, что ему повинуются «духи», что среди нихъ онъ имѣетъ усердныхъ «помощниковъ и слугъ». Онъ, молча, пожелалъ, чтобы Кайя Фосли стала служить у него въ конторѣ,—и она служитъ, но это произошло въ ущербъ интересамъ Рагнара Бровика и его старика-отца. Онъ пожелалъ, чтобы домъ его жены сгорѣлъ,—и домъ сгорѣлъ, но изъ за этого умерли его малытки и осталась навсегда неутѣшкою жена. «У нея вѣдь тоже было свое призваніе въ жизни», съ горечью говоритъ Сольнесъ,—призваніе растить и воспитывать дѣтей. «Но ея призванію суждено было быть уничтоженнымъ, исковерканнымъ, разбитымъ въдребезги... чтобы мое могло утвердиться и восторжествовать.» Это только то, что открывается въ дѣйствіи, а въ драмѣ есть намеки, что строитель Сольнесъ и другихъ, «и многихъ» «обогналъ» или «растопталъ» въ своемъ побѣдномъ шествіи къ славѣ и богатству. И онъ исповѣдывается передъ Гильдой: «Все, что мнѣ удалось сдѣлать, построить, создать красиваго, прочнаго,

уютнаго, величаваго, — все это я долженъ постоянно выкупать... платить за все... не деньгами, а человеческимъ счастьемъ. И не однимъ своимъ собственнымъ счастьемъ, а и чужимъ... Вотъ чего стоило мое мѣсто, какъ художника, мнѣ самому и другимъ. И я день за днемъ принужденъ смотрѣть, какъ другіе расплачиваются за меня». И далѣе: «Такъ вотъ что добрые люди зовутъ счастьемъ. Но я скажу вамъ, какъ отзывается это счастье! Какъ большая обнаженная рана тутъ вотъ, на груди! А эти помощники и слуги сдираютъ кусочки кожи съ другихъ людей, чтобы заживить мою рану. Но ея не заживить! Никогда, никогда. Ахъ, если бы вы знали, какъ она иногда горитъ и ноетъ!».

Слушая эти жалобныя покаянныя рѣчи, Гильда приходитъ къ заключенію, что строитель Сольнесъ душевно боленъ. Не то чтобы у него разумъ былъ не въ порядкѣ, а онъ «родился на свѣтъ съ слишкомъ хилой совѣстью». «Ваша совѣсть—говоритъ она—чересчуръ ужъ немощна... Этакъ тщедушна, неустойчива, неспособна взвалить на себя чтонибудь потяжелѣе». А вотъ у нея, Гильды, совѣсть напротивъ «коренастая», и такъ и должно быть. Хорошо «имѣть настоящую, сочную, здоровую совѣсть; чтобы смѣло идти къ желанной цѣли!» Между ними завязывается разговоръ о древнихъ сагахъ и викинггахъ, «которые отплывали на корабляхъ въ чужія страны, грабили, жгли и убивали людей, похищали женщинъ». «Вотъ у этихъ-то молодцовъ была коренастая совѣсть,—замѣчаетъ Сольнесъ: пріѣзжали домой, пили, ѣли и веселились, какъ малые ребята. А женщины то! Онѣ зачастую и не желали вовсе разставаться съ ними. Можете вы понять этихъ женщинъ, Гильда?»—«Ихъ я отлично могу понять», отвѣчаетъ дѣвушка.

Гильда, однако, немножко рано хвалится своею «коренастою» совѣстью. Она понимаетъ, что счастливый исходъ ея любви къ Сольнесу долженъ нанести новый ущербъ и безъ того уже несчастной Алинѣ (женѣ Сольнеса). Она и готова бы на это, но, поговоривъ съ Алиной, узнавъ ее поближе, отступаетъ: «*Не могу* я сдѣлать зло тому, кого я знаю! Не могу я посягнуть на ея собственность... Будь это не она, а ктонибудь другой, незнакомый, — пожалуй». Однако, она всетаки колеблется: «Глупа, что не смѣешь схватиться за свое собственное счастье. За счастье всей жизни! И потому лишь, что тутъ замѣшался человекъ, котораго знаешь... А что—не имѣешь ли права, въ сущности?» Неизвѣстно, чѣмъ кончились бы эти колебанія дѣвушки, если бы судьба не спустила занавѣсъ трагическою смертью Сольнеса. Надо замѣтить, что Гильда узнала Алину съ совершенно неожиданной (какъ для себя, такъ и для читателя) стороны. Оказывается, что эта странная женщина совсѣмъ не о погибшихъ дѣтяхъ тоскуетъ. На вопросъ Гильды о дѣтяхъ она отвѣчаетъ: «Ахъ да, это. Вотъ видите ли, это дѣло совсѣмъ особаго рода. Такъ было назначено свыше, и передъ этимъ надо преклониться... И еще благодарить». И далѣе: «За нихъ (малютокъ) надо только радоваться.

Имъ вѣдь такъ хорошо теперь. Нѣтъ, вотъ маленькія потери... онѣ вотъ надрываютъ сердце... Разныя мелочи, которыя другимъ кажутся пустяками... Сгорѣли всѣ старые портреты, всѣ старыя шелковые платья, которыя хранились испоконъ вѣка, мамашины и бабушкины кружева, всѣ драгоценности. И всѣ куклы... О куклахъ Алина говоритъ «глухо» и «глотая слезы». У нея было девять чудныхъ куколъ, которыми она втихомолку отъ мужа занималась до самаго ихъ исчезновенія, значить, будучи уже и матерью... Эта даже слишкомъ подчеркнутая ничтожность Алины не мѣшаетъ однако работѣ совѣсти подняться въ душѣ Гильды.

Но и Алинѣ не чужда работа совѣсти. Она говоритъ: «На мнѣ вѣдь лежали серьезныя обязанности жены и матери. Я должна была крѣпиться. Не должна была такъ поддаваться страху и горю о потерѣ родного дома (*ломаешь руки*). О, еслибы я не была такъ малодушна!» Она «никогда не проститъ себѣ самой» и, должно быть, въ искупленіе своего грѣха накладываетъ на себя нравственныя вериги, состоящія изъ множества мелкихъ цѣпей. Она до комической надобдливости часто, по поводу всякихъ пустяковъ, толкуетъ о «долгѣ»: «это мой долгъ», «это только простой долгъ» и т. п., и только разъ: «конечно, собственно говоря, это моя обязанность, но когда обязанности тянутъ тебя во всѣ стороны заразъ, то...»

Совѣсть—вотъ центръ драмы «Строитель Сольнесъ», ея въ нѣкоторомъ родѣ главное дѣйствующее лицо или, по крайней мѣрѣ, та реальная пружина драмы, передъ силой и значеніемъ которой меркнуть и вѣра Сольнеса въ свою «избранность», и символическія «высокія башни», «замки» и «воздушныя замки», и всѣ недоделанные или передѣланные фигуры дѣйствующихъ лицъ. Мы окончательно, я надѣюсь, убѣдимся въ этомъ, пересмотрѣвъ нѣкоторыя другія драмы Ибсена, въ которыхъ работа совѣсти иначе возникаетъ, иначе развивается и приводитъ къ иному концу. Но прежде отмѣтимъ еще другую, столь же реальную, но въ извѣстномъ смыслѣ противоположную пружину Ибсеновыхъ драмъ, едва дающую себя знать въ «Строителѣ Сольнесѣ». Для этого обратимся къ тѣмъ древнимъ скандинавскимъ викингамъ, о которыхъ Сольнесъ говоритъ, что у нихъ была «коренастая совѣсть», которые «отплывали на корабляхъ въ чужія страны, грабили, жгли и убивали людей и похищали женщинъ, а потомъ пріѣзжали домой, пили, ѣли и веселились, какъ малые ребята». Ихъ изображенію посвящена драма «Сѣверные богатыри».

Дѣйствіе происходитъ въ X вѣкѣ, въ сѣверной Норвегіи. Орнульфъ съ фюрдовъ, «исландскій вождь», прибылъ изъ Исландіи въ Норвегію съ цѣлью возстановить свою оскорбленную честь. Пять лѣтъ тому назадъ викинги Сигурдъ и Гуннаръ похитили первый родную дочь Орнульфа—Дагни, второй пріемную дочь Юрдисъ. Орнульфъ пріѣхалъ требовать у похитителей или выкупа, или же «честнаго боя». Съ Сигурдомъ дѣло кончается скоро и просто: онъ

съ перваго же слова соглашается уплатить назначенную Орнульфомъ сумму, и тотъ объявляетъ Дагни, что отнынѣ ей «оказанъ будетъ такой же почетъ, какъ если бы она была законно отдана съ согласія родныхъ». Не такъ легко налаживается дѣло съ Гуннаромъ или, собственно говоря, не съ нимъ, а съ его женой, Иордисъ, дочерью Йокула, убитаго «въ честномъ бою» Орнульфомъ, который потомъ, не зная впрочемъ сначала ея происхожденія, усыновилъ ее. Иордисъ, гордая и властная, претендуетъ на то, что Орнульфъ явился въ ихъ страну вооруженный, съ дружиною: по ея мнѣнiю, безчестно при такихъ обстоятельствахъ согласиться на его требованіе; другое дѣло, еслибы онъ пришелъ мирно. Между Орнульфомъ и Иордисъ возгорается споръ, въ которомъ слова «честь» и «безчестіе» съ той и другой стороны летятъ въ изобиліи и производятъ эффектъ отравленныхъ стрѣлъ. Такъ напримѣръ, Иордисъ говорить: «то было не оскорбленіе, а честь для тебя, когда ты усыновилъ дочь Йокула». Орнульфъ: «Похищенная жена, по закону, не болѣе какъ наложница. Если ты хочешь возстановить поруганную честь твою»... Иордисъ перебиваетъ: «Нѣтъ, Орнульфъ, мнѣ лучше знать, какъ поступить. Если я не болѣе, какъ наложница Гуннара, онъ новымъ подвигомъ долженъ возратить мнѣ честь, и подвигомъ такимъ, чтобы его слава искупила позоръ мой». На пиру у Гуннара (2-е дѣйствіе) идетъ такая же перестрѣлка «честью» и «безчестіемъ» и оканчивается убійствомъ сына Орнульфа, Торольфа, а затѣмъ приходитъ извѣстіе о смерти и остальныхъ его сыновей. Орнульфъ не только воинъ, а и скальдъ, и потому «чествуетъ» погибшихъ сыновей вдохновенной пѣснью. Но главный узелъ и интересъ драмы не въ Орнульфѣ или его дѣтахъ, а въ Сигурдѣ и Дагни, Гуннарѣ и Иордисъ. Оба эти супружества представляютъ результатъ роковой ошибки, страннаго недоразумѣнія, какія часто встрѣчаются у Ибсена. Сигурдъ и Гуннаръ — боевые товарищи и друзья, но это совсѣмъ разные люди. Гуннаръ — храбрый и «честный» воинъ, но онъ болѣе склоненъ къ мирнымъ занятіямъ, ходилъ, напримѣръ, съ торговыми цѣлями въ Віармю и т. п. Сигурдъ же есть настоящій типическій викингъ, для котораго война и военная слава исчерпываютъ весь смыслъ жизни. Когда они пріѣхали въ Исландію, то обоимъ имъ приглянулась гордая, властная, страстная Иордисъ. [Однажды Сигурдъ публично изложилъ свой идеалъ женщины: «Воину нужна жена съ высокимъ духомъ. Та, которую я изберу, не удовольствуется смиренной долей. Къ величію, къ почестямъ она должна стремиться; охотно въ поле бранное идти со мной, носить броню и панцырь, побуждать меня къ великимъ подвигамъ, и дрогнуть не должна, какъ засверкаютъ мечи въ кровавой битвѣ. А малодушная жена не много чести мнѣ принесть». Въ другой разъ, на пиру, Иордисъ тоже публично заявила, что мужемъ ея будетъ лишь тотъ, кто убьетъ огромнаго и злого бѣлаго медвѣдя, стоящаго на стражѣ ея спальни, и унесетъ

ее въ своихъ объятіяхъ. Задавая присутствующимъ этотъ подвигъ, Иордисъ въ тайнѣ надѣется, что его совершитъ Сигурдъ. Онъ его дѣйствительно и совершаетъ, но, полагая, что Иордисъ любитъ не его, а Гуннара, и изъ дружбы къ Гуннару, онъ уступаетъ послѣднему славу подвига, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Иордисъ. Дѣло происходило ночью, и Иордисъ осталась въ убѣжденіи, что убилъ бѣлаго медвѣдя и похитилъ ее Гуннаръ, съ которымъ она и уѣхала, а Сигурдъ увезъ кроткую, слабую Дагни. Прошло пять лѣтъ. Сигурдъ, проведеній ихъ въ военныхъ подвигахъ, все еще хранить въ своемъ сердцѣ образъ Иордисъ, хотя и привыкъ къ Дагни и «научился цѣнить» ее. Иордисъ провела эти годы печально, такъ какъ ей вкусомъ не соотвѣтствуютъ мирныя наклонности Гуннара, но тѣмъ съ большею гордостью вспоминаетъ она, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, о томъ, что Гуннаръ убилъ страшнаго бѣлаго медвѣдя. Она и себѣ требуетъ почета по мужу, совершившему тотъ славный подвигъ. Сцѣпленіемъ обстоятельствъ раскрывается, однако, роковая тайна, и Иордисъ чувствуетъ себя вдвойнѣ обезчещенной: во-первыхъ, ее мужъ не есть тотъ славный витязь, который убилъ бѣлаго медвѣдя, и, требуя ему и себѣ почета, она была въ смѣшномъ положеніи; во-вторыхъ, ее обманулъ, по ее мнѣнію, насмѣялся надъ ней Сигурдъ, котораго она не переставала любить, живя съ Гуннаромъ. Гордая женщина мечется отъ одного рѣшенія къ другому. То ей кажется, что поруганная честь ее будетъ восстановлена, если Гуннаръ убьетъ Сигурда, то напротивъ она желаетъ смерти Гуннара, то предлагаетъ Сигурду свою любовь и сотрудничество въ боевыхъ подвигахъ, то рѣшаетъ сама убить Сигурда и умереть вмѣстѣ съ нимъ, чтобы соединиться съ нимъ тамъ, въ загробной жизни, въ Валгаллѣ. На послѣднемъ рѣшеніи она, наконецъ, останавливается и убиваетъ Сигурда, а сама бросается со скалы въ море, предварительно узнавъ, однако, отъ Сигурда, что въ Валгаллѣ имъ вмѣстѣ не быть, потому что онъ христіанинъ.

Для насъ интересны тѣ бурныя рѣчи, съ которыми Иордисъ обращается къ Сигурду. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: «Женой твоей я не буду; другому я принадлежала, и та, которую избралъ ты, жива. Нѣтъ, Сигурдъ, я за тобой послѣдую подобно безстрашнымъ валкиріямъ, и жажду великихъ дѣлъ въ тебѣ я буду разжигать, чтобы повсюду прогремѣло твое имя... Когда же о доблестяхъ твоихъ разлется пѣснь, вмѣстѣ назовутъ Сигурда и Иордисъ... Я создана была, чтобы въ дни невзгоды сильнымъ духомъ ободрять и укрѣплять тебя; а ты рожденъ былъ для того, чтобы все великое и славное нашла я въ одномъ мужѣ. И знаю я, Сигурдъ, когда бы насъ судьба соединила, ты сталъ бы славнѣе, а я счастливѣй всѣхъ людей на свѣтѣ». Иордисъ предлагаетъ Сигурду овладѣть норвежскимъ престоломъ. А, приглашая отправиться вмѣстѣ на тотъ свѣтъ, въ Валгаллу, говорить: «Тамъ, на небѣ, я царскій дамъ тебѣ престолъ и около тебя возсяду!...»

Таковы то люди, по опредѣленію строителя Сольнеса, съ «коренастою совѣстью», которые грабили, жгли, убивали людей, похищали женщинъ, а потомъ пили, ѣли и веселились, какъ малые ребята. Все это, какъ видимъ, дѣйствительно было, но было и нѣчто другое. Были душевныя терзанія, въ своемъ родѣ не менѣе мучительныя, чѣмъ тѣ, которыя испытываетъ Сольнесъ. Только развиваются они въ «Сѣверныхъ богатыряхъ» на почвѣ оскорбленной, помраченной чести, а не удрученной совѣсти. И я думаю, что если не всѣ, то большинство драмъ Ибсена построены либо на одномъ изъ этихъ мотивовъ, либо на той или другой ихъ комбинаціи; что вопросы чести и совѣсти, сознательно или безсознательно, наиболѣе привлекаютъ къ себѣ его вниманіе и составляютъ то живое зерно его драмъ, которые и читателей, опять таки сознательно или безсознательно, къ нимъ привлекаетъ. Герои Ибсена блѣдны или грубо подчеркнуты, то есть яркія краски приданы имъ внѣшнимъ, искусственнымъ образомъ, они и въ этомъ случаѣ сами по себѣ блѣдны, а только болѣе или менѣе густо нарумянены; построеніе его драмъ искусственно и, подчасъ, дѣтски или архаически наивно; фабулы чрезвычайно запутаны, но вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не столь разнообразны, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда; вообще, какъ художникъ, отъ далеко ниже своей репутаціи. И тѣмъ же менѣе понятенъ интересъ, возбуждаемый его произведеніями во всемъ читающемъ мірѣ. Въ числѣ увлекающихся Ибсеномъ или славославящихъ его есть, конечно, не мало такихъ, которые любятъ именно слабыми его сторонами: его туманнымъ символизмомъ, его пристрастіемъ къ таинственному, необъяснимому. Но это дѣло преходящей моды, и, можетъ быть, сами модники безсознательно чтутъ не эти побочныя осложненія драмъ Ибсена, а ихъ часто заваленное множествомъ ненужностей живое зерно, которое и переживетъ моду. Въ «Маленькомъ Эйольфѣ» Альмерсъ работаетъ надъ книгой объ «Отвѣтственности человѣка» и затѣмъ бросаетъ эту работу, чтобы «сдѣлать отвѣтственность человѣка основой всей своей жизни», перейти отъ теоретическихъ разсужденій къ практическому дѣлу. Мнѣ кажется, что весь литературный багажъ Ибсена или, по крайней мѣрѣ, большая его часть составляетъ въ совокупности одну большую книгу объ «отвѣтственности человѣка», въ которую разныя случайности влили много лишнихъ страницъ. Отвѣтственность же человѣка передъ собой и передъ другими исчерпывается въ конечномъ счетѣ понятіями вины и заслуги и соответственными имъ мотивами совѣсти и чести.

Здѣсь я чувствую потребность сказать нѣсколько личныхъ словъ. Читатель, удостоивавшій своимъ вниманіемъ мои прежнія писанія, припомнить, можетъ быть, что въ книжкѣ «Щедринъ» есть глава «Честь и совѣсть»; что о «больной совѣсти» и о чести идетъ рѣчь и въ моей вступительной статьѣ къ сочиненіямъ Гл. Успенскаго; что и раньше, въ замѣткахъ «Житейскія и художественныя драмы»

можно найти сопоставленіе и въ извѣстномъ смыслѣ противоположеніе чести и совѣсти. Не значить ли это, что, разыскивая тѣ же мотивы у Ибсена и придавая имъ первенствующее значеніе въ его драмахъ, я произвольно втискиваю ихъ содержаніе въ лично излюбленные мною рамки, укладываю его на своего рода Прокустово ложе? Это было бы, можетъ быть, и естественнымъ, но во всякомъ случаѣ поспѣшнымъ предположеніемъ. Безъ сомнѣнія, критикъ, выбирая извѣстную позицію для установленія правильнаго, по его мнѣнію, пониманія того или другого писателя, не можетъ отрѣшиться отъ своихъ личныхъ взглядовъ, выработанныхъ въ немъ жизнью и размысленіемъ. Но этого мало. Мы не можемъ сказать, что поняли писателя, пока не приведемъ въ ту или другую, положительную или отрицательную связь содержаніе его писаній и наши личные взгляды на предметы, его занимающіе, пока между нами и имъ нѣтъ общей почвы. Само собою разумѣется, что эта общая почва можетъ быть и новообразованіемъ, то есть изучаемый писатель можетъ внушить намъ новыя для насъ взгляды, пожалуй, перевернуть вверхъ дномъ все наше міроразуміе. Но общая почва должна существовать во всякомъ случаѣ, и безъ нея мы не можемъ не только понять писателя, но даже заинтересоваться имъ. Я испыталъ это на себѣ именно относительно Ибсена. Нѣкоторыя его драмы я читалъ уже давно, года два, три, даже лѣтъ пять тому назадъ, тотчасъ по ихъ появленіи въ русскомъ переводѣ, но онѣ не фиксировали на себѣ моего вниманія, не смотря на то, что слава Ибсена была мнѣ, конечно, хорошо извѣстна; онѣ проходили, такъ сказать, мимо моего сознанія, и я не могъ бы даже просто рассказать фабулу только что прочитанной драмы. Онѣ не производили на меня достаточно сильнаго впечатлѣнія, ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ. Разныя уродства символическаго, магическаго и архаическаго-наивнаго характера я зналъ въ гораздо болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ тѣ, какія встрѣчались въ прочитанныхъ драмахъ, а общій смыслъ этихъ драмъ стушевывался чрезвычайною пестротой каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Лишь недавно счастливая случайность такъ подогнала обстоятельства, что въ одной изъ драмъ (это была драма «Росмерсгольмъ»), но могла бы быть и иная) я нашелъ какъ бы откликъ того, что меня давно занимало, и тотчасъ же Ибсенъ сталъ для меня интересенъ и понятенъ. Такъ, я думаю, бываетъ со всѣми. Конечно, критикъ можетъ и не *найти* эту необходимую общую почву (съ положительнымъ или отрицательнымъ знакомъ), а *навязать* ее изучаемому писателю, и тогда все его зданіе окажется построеннымъ на пескѣ. Но пусть судить читатель, дойдя до конца статьи. Однако, и теперь уже видно, что не я выдумалъ «хилую совѣсть» и «коренастую совѣсть» въ «Строителѣ Солнцесѣ» и перестрѣлку «честью» и «безчестіемъ» въ «Сѣверныхъ богатыряхъ», равно какъ и прежде не я выдумалъ «больную совѣсть» Гл. Успенскаго. И если мы встрѣчаемъ одни и тѣ же основные мотивы у писателей, столь различныхъ рѣшительно

во всѣхъ отношеніяхъ, то это свидѣтельствуешь лишь о важности тѣхъ мотивовъ.

Гуннарь и Йордисъ, Сигурдъ и Дагни представляютъ собою двѣ неудачныя супружескія пары. Это одна изъ излюбленныхъ темъ всѣхъ беллетристовъ, и у Ибсена она эксплуатируется очень часто. Кромѣ «Сѣверныхъ богатырей», мы находимъ ее и въ «Привидѣніяхъ», и въ «Эддѣ Габлеръ», и въ «Праздникъ въ Сольгаугъ», и въ «Норъ», и въ «Росмерсгольмъ», и въ «Строителѣ Сольнесъ», отчасти въ «Эллидъ» и «Маленькомъ Эйольфъ». Но въ разработку этого сюжета Ибсенъ вводитъ нѣкоторыя черты, если не отсутствующія у большинства художниковъ слова, то, по крайней мѣрѣ, остающіяся въ тѣни, на второмъ планѣ, и наоборотъ въ его репертуарѣ отсутствуютъ нѣкоторыя осложненія, особенно излюбленныя другими драматургами и романистами. Такъ называемаго *adultèrea* въ драмахъ Ибсена, можно сказать, совсѣмъ нѣтъ. Онъ поминается иногда (въ «Дикой уткѣ», въ «Маленькомъ Эйольфъ», въ «Привидѣніяхъ») въ прошедшемъ, мы видимъ только его результаты, но въ самомъ дѣйствіи, въ развитіи драмы—его нѣтъ ни въ одной изъ нихъ, причемъ ясно, что авторъ *не хочетъ* дать ему мѣсто. Въ «Брандѣ» Агнеса оставляетъ Эйнара для Бранда, но она не жена Эйнара, а только невѣста; въ «Эллидъ» героиня терзается мыслью о своей измѣнѣ таинственному незнакомцу ради Вангеля, но она никогда не была его женой, а только была обручена съ нимъ, да и то какимъ-то страннымъ, фантастическимъ обрученіемъ, не то дѣйствительно съ нимъ, не то «съ моремъ». Нора оставляетъ своего мужа, но не потому, что,—какъ это обыкновенно случается въ романахъ и драмахъ, а, пожалуй, и въ жизни,—какойнибудь новый «онъ» овладѣлъ ея сердцемъ, а по совершенно другимъ побужденіямъ,—объ «немъ» въ драмѣ нѣтъ и помину; хотя и есть безнадежно любящій Нору, тоскующій, умирающій Ранкъ, но для Норы это не «онъ», и ни малѣйшей роли въ рѣшеніи Норы оставить мужа Ранкъ не играетъ. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣйствіе введены новые «онъ» или «она», къ кому лежитъ сердце героя или героини, Ибсенъ, часто цѣною грубыхъ и анти-художественныхъ натяжекъ, такъ располагаетъ обстоятельства, что нарушенія такъ называемой супружеской вѣрности не происходитъ. Достигается это разными способами. Простѣйшій изъ нихъ мы видѣли въ «Строителѣ Сольнесъ»: быть можетъ, Сольнесъ и Гильда и устроились бы, временно или навсегда, въ какомънибудь настоящемъ или «воздушномъ» замкѣ, но тутъ какъ разъ подоспѣла трагическая смерть строителя. Но въ большинствѣ случаевъ дѣло выходитъ гораздо сложнее и запутаннѣе, хотя нѣкоторыя комбинаціи пріемомъ не разъ повторяются. Такъ, въ «Росмерсгольмъ» Росмеръ, а въ «Маленькомъ Эйольфъ» Альмерсъ долго не догадываются о характерѣ чувства, связывающаго—пер-

ваго съ Ревеккой, второго съ Астой. Росмеръ принимаетъ его за сочувствіе единомышленниковъ по философскимъ и политическимъ вопросамъ, Альмерсъ за братское чувство, а когда, наконецъ, ихъ глаза открываются, то, вслѣдствіе сложныхъ обстоятельствъ, о которыхъ у насъ еще будетъ рѣчь,—Росмеръ и Ревекка умираютъ вмѣстѣ, а Альмерсъ и Аста расстаются. Въ «Праздникъ въ Сольгаугѣ» Маргитъ тоже ошибается, если не относительно своего чувства къ Гудмунду, то относительно его чувства къ ней: благодаря недомолвкамъ и вообще недоразумѣніямъ почти водевильнаго характера, ей кажется, что Гудмундъ любитъ ее, и она готова не только оставить своего ненавистнаго мужа, а даже убить его. Но Гудмундъ любитъ не ее, а ея сестру, дѣвушку, и грѣховныя мысли Маргитъ не получаютъ осуществленія. Мало того. Она кается, уходитъ въ монастырь и сама благославляетъ союзъ Гудмунда и своей соперницы—сестры: «Гудмундъ, возьми ее, она твоя! Благослови Господь союзъ вашъ, безгрѣшный, чистый!» Къ характеристикѣ творчества Ибсена замѣтимъ мимоходомъ, что наивно-водевильныя недоразумѣнія вродѣ тѣхъ, которыя вводятъ Маргитъ въ заблужденіе, играютъ (впрочемъ, нѣсколько иную) роль и въ «Комедіи любви», и въ «Союзѣ молодежи». Въ «Сѣверныхъ богатыряхъ» они составляютъ основу фабулы, тотъ роковой моментъ, который опредѣлилъ всю эту странную и слишкомъ ужъ симметричную кадрили Сигурда и Дагни, Гуннара и Йордисъ. Правда, Ибсенъ заимствовалъ этотъ моментъ изъ скандинавскихъ легендъ, но наивность и симметричность, составляющія своего рода прелесть въ произведеніяхъ сѣдой древности и безымяннаго народнаго творчества, получаютъ совсѣмъ другой характеръ въ произведеніяхъ современнаго писателя. Для нашей ближайшей цѣли важно, впрочемъ, отмѣтить только то, что, измѣнивъ во многихъ подробностяхъ древнюю легенду о Сигурдѣ и Брингильдѣ (Йордисъ Ибсена), авторъ, однако, не только устоялъ передъ соблазномъ хоть на время устроить фигуру «changez les dames» въ своей кадрили, но даже усугубилъ роковую пропасть между Сигурдомъ и Йордисъ. Мы видѣли, что страстная, необузданная Йордисъ говоритъ Сигурду: «Женой твоей я не буду; другому я принадлежала, и та, которую избралъ ты, жива». Наконецъ и въ загробной даже жизни Ибсенъ не разрѣшаетъ своимъ героямъ соединиться, такъ какъ Сигурдъ, совершенно неожиданно, оказывается христіаниномъ, и у Йордисъ отнята послѣдняя надежда. Этой черты въ легендѣ, конечно, нѣтъ.

Такимъ образомъ, часто изображая неудачныя супружескія пары, Ибсенъ при этомъ всячески избѣгаетъ того пункта, который особенно занимаетъ большинство художественныхъ лѣтописцевъ неудачныхъ супружествъ. И это не вслѣдствіе какой нибудь лицемѣрной pruderie: многое въ драмахъ Ибсена свидѣтельствуетъ, что онъ этимъ грѣхомъ отнюдь не грѣшенъ. Его просто не интересуетъ простая перемѣна мужа или жены, какъ выходъ изъ труднаго положе-

нія. Я читалъ гдѣ-то, не помню, что на чей-то вопросъ: что стало съ Норой послѣ того, какъ она ушла отъ мужа?—Ибсенъ отвѣчалъ: а я почему знаю! Это очень характерный отвѣтъ. Доведя извѣстное запутанное и трудное положеніе до развязки, Ибсенъ уже не интересуется своими дѣйствующими лицами и часто просто отправляетъ ихъ на тотъ свѣтъ. Его грубая, нескладная, торопливая и лишенная граціи муза сурова. Его привлекаютъ почти исключительно скорбныя страницы жизни. Когда онъ шутитъ (а пошутилъ онъ, кажется, всего одинъ разъ — «Союзомъ молодежи»), выходитъ грубый шаржъ. Когда онъ пытается нарисовать безоблачное семейное счастье, какъ въ первомъ дѣйствіи «Норы», выходитъ нѣчто приторно слащавое. И онъ инстинктивно избѣгаетъ такихъ несвойственныхъ его таланту картинъ, а между тѣмъ, изображая новую любовь на развалинахъ неудачной старой, пришлось бы пустить въ ходъ именно тѣ жизнерадостныя краски, которыхъ нѣтъ или почти нѣтъ на его палитрѣ. Потому-то Сигурдъ и Юрдисъ не вновь полюбили другъ друга на глазахъ читателя, а это оказывается старая и не заржавѣвшая любовь, лишь временно, вслѣдствіе роковой ошибки затуманенная. Это какъ бы рѣка, не прерывающая своего теченія, но нѣкоторое время текущая подъ землей и затѣмъ опять пробивающаяся на поверхность. Такова же и любовь Маргитъ къ Гудмунду въ «Праздникъ въ Сольгаугѣ». Правда, въ той же драмѣ мы присутствуемъ при зарождающейся и расцвѣтающей любви Гудмунда и Сигны, но надъ ней быстро опускается занавѣсъ. Правда, въ «Брандѣ» мы имѣемъ веселенькую картинку жизнерадостной прогулки жениха Эйнара и невесты Агнесы, но это лишь мимолетное хорошенькое, блестящее облачко, даже чересчуръ быстро уступающее мѣсто мрачной тучѣ въ образѣ суроваго и жестокаго фанатика Бранда: завѣдомо не на веселье идетъ за нимъ Агнеса. Не на веселье, но и въ ея скорбной и трудной жизни съ Брандомъ есть свои радости. Жизнь—не веселье для Ибсена вообще, но онъ и не пессимистъ. Будь онъ имъ, онъ могъ бы гонять своихъ героевъ и героинь изъ огня въ полымя и на развалинахъ одного несчастнаго супружества строить новое зданіе, чтобы опять развалить его и такимъ образомъ бросить тѣнь тщеты и недостижимости на вѣчно дразнящее, вѣчно зовущее счастье. Но Ибсенъ и этого избѣгаетъ. Для него несчастное супружество есть не цѣль описанія, а только поводъ—и, какъ увидимъ, не единственный поводъ—для изображенія всегда однихъ и тѣхъ же движеній человѣческой души въ различныхъ, но въ сущности немногихъ комбинаціяхъ. Эти движенія, повторяю, одни и тѣ же: чувства оскорбленной (или удовлетворенной) чести и угнетенной (или успокоенной) совѣсти.

Строитель Сольнесъ и Гильда почти съ завистью говорятъ о «коренастой совѣсти» древнихъ викинговъ, которые, послѣ цѣлаго

ряда грабежей, убійствъ, похищеній женщинъ, съ младенческимъ спокойствіемъ веселились и пировали. Они, Сольнесъ и Гильда, такъ не могутъ жить. Въ особенности Сольнесъ. У него «хилая совѣсть». Онъ не грабитъ, не убиваетъ, не похищаетъ женщинъ, подобно своимъ далекимъ воинственнымъ предкамъ, но онъ другими приемами и способами «топчетъ» чужія жизни, иногда нечаянно, а иногда намѣренно. Но младенческая ясность души разбойниковъ викинговъ есть для него потерянный рай. Онъ поминутно съ тревогой оглядывается на тѣхъ, кого «топчетъ», не можетъ преодолѣть жгучее чувство своей отвѣтственности передъ ними, и вся его съ виду счастливая жизнь отравлена угрызеніями совѣсти и ожиданіемъ возмездія. Контрастъ дѣйствительно выходитъ очень рѣзкій между нимъ и викингами. Мы видѣли, однако, что не однѣ розы были въ жизни «сѣверныхъ богатырей» или, по крайней мѣрѣ, эти розы были не безъ острыхъ, колючихъ шиповъ. На первый взглядъ эти шипы рѣзко отличаются отъ тѣхъ, которые мы видимъ въ «Строителѣ Сольнесѣ». Это шипы оскорбленной чести, а совѣсть какъ будто и совѣсьмъ не даетъ себя знать въ «сѣверныхъ богатыряхъ», тогда какъ въ атмосферѣ «Строителя Сольнеса» наоборотъ не слышать голоса чести. Это было бы какъ бы художественнымъ комментариемъ къ исторической теоріи Ницше, въ силу которой «великолѣпное бѣлокурое животное» и «мораль господъ» уступаютъ въ исторіи мѣсто разслабленнымъ и лицемерно «добрымъ» людямъ и «морали рабовъ». Это не такъ, однако. Если Ибсенъ и придерживается подобныхъ взглядовъ, въ чемъ можно сомнѣваться, то въ творествѣ своемъ онъ слишкомъ мало историкъ, чтобы держаться коленъ той или другой исторической схемы. Онъ главнымъ образомъ теоретикъ-психологъ, ищущій однихъ и тѣхъ же душевныхъ движеній при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Героическая фабула «Сѣверныхъ богатырей» не есть продуктъ его личнаго творчества, такъ какъ въ основныхъ своихъ чертахъ пѣликомъ заимствована изъ древняго нѣмецкаго сказанія. Не ему, значить, принадлежитъ и преобладаніе мотива чести въ этой драмѣ. Однако, и въ ней, несмотря на это преобладаніе, мы видимъ нѣкоторую работу совѣсти, мучительнаго сознанія своей неправоты и недостойнства въ Гуннарѣ, неправу воспользовавшемся подвигомъ Сигурда, потомъ неправу, хотя и по недоразумѣнію убившемъ сына Орнульфа, Торольфа. Эти черты, подъ давленіемъ главнаго содержанія саги, не получаютъ развитія въ драмѣ, но онѣ есть. «Праздникъ въ Сольгаугѣ» происходитъ на тринадцать столѣтій позже той эпохи, къ которой Ибсенъ произвольно приурочилъ содержаніе древней саги, но убійства и похищенія, въ перемежку съ младенчески-безсовѣстнымъ весельемъ, въ «Праздникѣ» подчеркнуты авторомъ во многихъ отношеніяхъ рѣзче, чѣмъ въ «Сѣверныхъ богатыряхъ», и, однако, работа ущемленной совѣсти доводитъ Маргитъ до монастыря. Наоборотъ въ драмахъ, дѣйствіе которыхъ происходитъ въ настоящее время, прежде всего бросается

въ глаза рядъ женщинъ, повторяющихъ собою типы Дагни и Иордисъ, въ особенности Иордисъ.

Читатель помнить, что Гильда «отлично можетъ понять» тѣхъ женщинъ, которыхъ похищали викинги и которыя потомъ не хотѣли разставаться со своими похитителями. Немудрено: она вѣдь и сама надѣялась, что ее похититъ Сольнесъ, тотъ Сольнесъ, котораго она видѣла въ ореолѣ славы, совершающимъ подвигъ подъема на вершину башни, который ее этимъ подвигомъ «очаровалъ» въ буквальный смыслъ слова. Очарованная, проникнутая мыслью о величии строителя, она десять лѣтъ ждетъ момента, когда можетъ потребовать отъ Сольнеса новаго подвига, уже прямо ради нея и подъ ея вдохновеніемъ. При этомъ сама она готова на все, готова перешагнуть черезъ всѣ препятствія и только на минуту призадумывается, имѣетъ ли она право перешагнуть черезъ Алину. Неизвѣстно, чѣмъ кончились бы эти колебанія, еслибы ея требовательное поклоненіе не довело Сольнеса до гибели. То-же самое требовательное поклоненіе встрѣчаемъ за восемнадцать вѣковъ до печальной исторіи строителя Сольнеса въ необузданной Иордисъ. Характеръ требуемаго подвига измѣнился. Въмѣсто убійства страшнаго медвѣдя или славнаго викинга нужно нѣчто не столь воинственное, хотя для Сольнеса авторъ такъ и не придумалъ чего нибудь опредѣленнаго и живыхъ картины кровавыхъ битвъ замѣнилъ символическимъ влѣзаніемъ на высокую башню. Но собственно психологическій типъ Иордисъ и Гильды—одинъ и тотъ же, равно какъ одинъ и тотъ-же мотивъ лежитъ въ основѣ ихъ требовательнаго поклоненія. Любимаго человека или, по крайней мѣрѣ, того, съ коимъ ихъ связала судьба—онѣ хотятъ видѣть на высотѣ, стоять съ нимъ рядомъ на той высотѣ и знать, что онѣ способствовали подъему, что ради нихъ и при ихъ содѣйствіи совершены великіе подвиги. Въ этомъ видятъ онѣ свою «честь», право на уваженіе, на признаніе ихъ достоинства, для поддержанія котораго онѣ готовы на все. Къ тому же типу принадлежатъ Эдда Габлеръ въ драмѣ того же имени, Маргитъ въ «Праздникѣ въ Сольгаугѣ», но здѣсь мы имѣемъ любопытные варианты и осложненія.

Мужъ Маргитъ—ничтожное существо, глупое, грубое, трусливое, тщеславное, и Маргитъ его не любитъ. Иордисъ тоже не любитъ своего благороднаго, но для нея слишкомъ слабодушнаго и не воинственнаго мужа. Но ей не въ чемъ упрекать себя, она вышла, согласно обѣщанію, за храбраго витязя, убившаго страшнаго медвѣдя, и когда потомъ открылась ошибка, въ ней заговорила лишь оскорбленная честь: ее обманули, передъ ней виноваты, если не люди, то «Норны», мисологическія дѣвы, плетущія нити судебъ человека, а она ни передъ кѣмъ не виновата. Это то сознаніе своей невинности и опредѣляетъ собою ту «коренастую совѣсть», отъ которой Иордисъ бѣшено проектируетъ разные способы возмездія за свою оскорбленную честь. Иное дѣло Маргитъ. Она человекъ

виноватый по собственному ея сознанию: она вышла за своего ничтожнаго Бенгта, польстившись на его богатство и знатность, продалась. Она сама за свою судьбу ответственна, а судьба эта очень печальна. У Маргитъ есть все, чего она искала: богатые наряды, толпа слугъ, блескъ, власть, почетъ, но ея достоинство, ея честь ежеминутно оскорбляется глупостью и пошлостью мужа. Она сознаетъ, что достойна лучшей доли и видитъ эту достойную ея лучшую долю въ союзъ съ Гудмундомъ. Почти буквально повторяя слова Йордисъ, она говоритъ: «Здѣсь, въ этой темницѣ сидѣть въ заточеніи!.. Нѣтъ, моя юность требуетъ свѣта! Уже три долгихъ года мукъ и раскаянія отдала я ему, моему господину. И прожить цѣлый вѣкъ этой жалкой позорной жизнью... Нѣтъ, не могу, не хочу! Тамъ жизнь кипитъ и бьетъ ключомъ. Туда, туда зовутъ меня мысли и сердце... Я пойду за Гудмундомъ, дѣлить съ нимъ радость и горе, и славу. И люди съ похвалою скажутъ о насъ: славный рыцарь и жена его, Маргитъ!» Маргитъ готова уже перешагнуть препятствіе—отравить мужа, но колеблется и жалуется на свою нерѣшительность; она завидуетъ тѣмъ женщинамъ, которыя «не такъ слабодушны» и «не задумаются привести мысль въ исполненіе», «на дѣлѣ исполняютъ то, что задумали втайнѣ». (Читатель благоволитъ припомнить здѣсь желаніе Гильды Вангель въ «Строителѣ Сольнесѣ»: «имѣть настоящую, сочную, здоровую совѣсть, чтобы смѣло идти къ желанной цѣли». Ниже, въ «Росмерсгольмѣ» мы услышимъ эту самую мысль въ болѣе вѣской и распространенной формѣ). Наконецъ, Маргитъ рѣшается на убійство, но запутанныя постороннія обстоятельства мѣшаютъ ей, а когда она узнаетъ, что Гудмундъ любить не ее, а Сигну, она, какъ уже сказано, уходитъ въ монастырь. Она, по ее словамъ, «испытала весь ужасъ, все раскаяніе и муки души, готовый продать себя для земныхъ благъ».

Эдда Габлеръ. У этой дамы тоже ничтожный мужъ—добродушный, трудолюбивый, самодовольный, глупый приватъ-доцентъ Тесманъ. Есть также человѣкъ, къ которому она могла бы относиться съ такимъ же требовательнымъ поклоненіемъ, съ какимъ Гильда Вангель относится къ Сольнесу, Йордисъ къ Сигурду, Маргитъ къ Гудмунду. Это—Эйлертъ Левборгъ, даровитый ученый, но кутила и человѣкъ безпорядочной жизни вообще. Но у него уже есть своя вдохновительница и сотрудница въ лицѣ кроткой, преданной, несчастной Теи Эльфштедъ. Подобно Маргитъ, Эдда, собственно говоря, продалась, но сдѣлала невѣрный расчетъ, а со стороны этотъ расчетъ даже до странности невѣроятенъ. Почему то она и Тесманъ полагали, что на профессорское жалованье можно имѣть ливрейныхъ лакеевъ, верховыхъ лошадей, блестящій салонъ. Оказывается однако, что и профессорская то каеэдра пожалуй улыбнется Тесману, потому что у него есть соперникъ—Эйлертъ Левборгъ, только что выпустившій замѣчательную книгу и готовящій къ печати другую, еще болѣе замѣчательную. Эта послѣдняя есть плодъ совокупнаго

труда Левборга и Теи Эльфштедъ, приче́мъ слава работы должна достаться Левборгу. Какъ видите, это нѣчто въ родѣ того трона, который Гюрдисъ доставить Сигурду, а сама сядетъ возлѣ него. Эдда съ злобною завистью смотритъ на эти отношенія. Когда то въ ней жило нѣжное чувство къ Левборгу, живетъ отчасти до сихъ поръ, но онъ оттолкнулъ ее отъ себя какимъ то грубымъ поступкомъ, за который она его чуть не убила, да и слишкомъ онъ былъ тогда богема, и она вышла за Тесмана. А этого глупаго приватъ-доцента, она отлично сознаетъ, ни на какую высоту не поднимешь. Она, правда, подумываетъ заставить его заниматься политикой и сдѣлать изъ него министра, но быстро соглашается, что это вздорные планы. За то Левборга ей удастся довести до «подвига»... самоубійства. Актъ этотъ она такъ и называетъ «подвигомъ». «Эйлертъ Левборгъ—говоритъ она—имѣлъ настолько мужества, чтобы жить, какъ ему хочется. И потому, этотъ подвигъ! этотъ красивый подвигъ! У него хватило силы воли во время порвать связь съ жизнью». Произошло это такимъ образомъ. Надо замѣтить, что Эдда особенно злобно и презрительно относится къ разнымъ шуточнымъ или любезнымъ намекамъ на возможность для нея имѣть дѣтей отъ Тесмана: отъ этого пингвина у нея не будетъ дѣтей. Но, можетъ быть, она не прочь ихъ имѣть отъ Левборга; по крайней мѣрѣ, она приходитъ въ бѣшенство при мысли объ томъ, что Левборгъ и Теа называютъ свое приготовленное къ печати произведеніе—своимъ «ребенкомъ». Манускриптъ книги попадаетъ въ руки Эдды, и она его сжигаетъ, устраивая, однако, дѣло такъ, что Левборгъ самъ себя винитъ въ пропажѣ манускрипта и въ отчаяніи застрѣливается, почти, можно сказать, по требованію Эдды. Но вслѣдъ за тѣмъ застрѣливается и она сама. Чѣмъ вызвано ея самоубійство? Угрызеніями совѣсти? Едва ли. Способности и склонности признавать себя виновною, отвѣтственною за что бы то ни было — во всѣхъ ея поступкахъ, чувствахъ, мысляхъ нѣтъ и слѣда. Она боится только «смѣшного» и «скандала», которые могутъ нанести ущербъ ея чести, точнѣе, тому, что она считаетъ своею честью. Когда Тесманъ спрашиваетъ ее, зачѣмъ она сожгла рукопись Левборга, она объясняетъ, что сдѣлала это ради него, Тесмана, потому что не допускала мысли, чтобы кто нибудь затмилъ его. И глупый приватъ-доцентъ вѣритъ. Да до известной степени онъ и имѣетъ право вѣрить. Эдда его не только не любитъ, а прямо презираетъ, но въ сложномъ комплексѣ мотивовъ ея дѣвій играетъ известную роль и то обстоятельство, что Тесманъ—ея мужъ. Если, однако, она и хотѣла устранить въ Левборгѣ опаснаго конкуррента тому, съ кѣмъ связана ея судьба (а это во всякомъ случаѣ не единственный ея мотивъ), то и затѣмъ пингвинъ все-таки остается безнадежнымъ пингвиномъ. Что же ей дѣлать? чѣмъ жить? Она могла бы еще, можетъ быть, позабавиться съ судьей Бракомъ, съ которымъ охотно ведетъ игривые, двусмысленные разговоры; но когда Бракъ, знающій подроб-

ности самоубійства Левборга, намекаетъ, что она находится въ его рукахъ, она восклицаетъ: «Въ вашей власти! Въ зависимости отъ вашего желанія, отъ вашей прихоти! Лишенная свободы! Нѣтъ, я не перенесу этой мысли! Никогда!» И застрѣливается, передъ самымъ выстрѣломъ «весело и громко» крикнувъ Браку: «Такъ вы не теряете надежды, господинъ судья? вы единственный пѣтухъ въ курятникѣ?»

«Нора». Эта драма имѣетъ въ подлинникѣ другое заглавіе, — «Домашній очагъ куколки», — которымъ, конечно, лучше, чѣмъ собственнымъ именемъ, характеризуется героиня. Но пьеса могла бы называться и какъ нибудь въ родѣ «Пробужденія куколки». Я не буду рассказывать содержаніе «Норы». Драмѣ этой у насъ особенно посчастливилось, ее знаютъ больше другихъ произведеній Ибсена, хотя она далеко не изъ лучшихъ по формѣ, а что касается идейнаго содержанія, то съ нашей русской точки зрѣнія, оно даже до наивности элементарно и незначительно, если брать его внѣ связи съ другими драмами. Я останавлиюсь лишь на нѣсколькихъ моментахъ пьесы. Мужъ Норы, Гельмеръ, не лучше мужей Маргитъ и Эдды Габлеръ, — такая же пошлость и плоскость, но сама то Нора не Маргитъ и не Эдда, и авторъ даже съ излишествомъ подчеркиваетъ ея наивный эгоизмъ, дѣтскую страсть къ сладкимъ лакомствамъ и т. п. Но быть можетъ изъ нея съ теченіемъ времени выработается нѣчто столь же яркое и сильное, какъ Іордисъ и Эдда. Драма оставляетъ ее на порогѣ двери, ведущей въ новую жизнь, къ которой она подошла скорбнымъ путемъ омраченной чести. Она когда то тайно отъ мужа заняла деньги, причемъ на векселѣ поддѣлала подпись своего отца, въ качествѣ поручителя. Сдѣлала она это изъ добрыхъ побужденій, — чтобы дать больному мужу возможность отдохнуть и чтобы не тревожить умирающаго отца. И когда обстоятельства раскрываютъ ея преступленіе, она тревожится, конечно, но только потому, что мужъ узнаетъ ея тайну. «Эта тайна, — говоритъ она, — *моя радость и моя гордость*, и вдругъ онъ узнаетъ ее такимъ грубымъ, такимъ пошлымъ образомъ!» Совѣсть ни въ чемъ ее не упрекаетъ, она ни передъ кѣмъ не виновата. Напротивъ, такъ какъ при этомъ вскорѣ раскрывается вся пошлость и весь мелкій эгоизмъ ея корректнаго мужа, она на него и на своего отца возлагаетъ отвѣтственность за всю свою испорченную жизнь. Она говоритъ мужу: «Когда я была еще дѣвушкой, отецъ дѣлился со мною своими взглядами, и я должна была соглашаться съ ними, потому что всякое самостоятельное мнѣніе мое было бы для него непріятно. Онъ называлъ меня своей куколкой и игралъ со мной точно также, какъ со своими куклами. Затѣмъ я перешла изъ рукъ отца въ твои... Когда я теперь думаю о своемъ прошедшемъ, мнѣ кажется, что я жила здѣсь, какъ бѣднякъ, обязанный увеселять пріютившаго его господина. Я жила тѣмъ, что показывала тебѣ забавныя штуки. Но ты желалъ этого. Да, у моего отца и тебя тяжкій грѣхъ на душѣ. Вы

виноваты, что изъ меня не вышло ничего». Читатель видитъ, что это одна изъ варіацій все на ту же тему объ отвѣтственности. Мужъ Норы склоненъ рѣшать этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что было бы «безсердечно» «безусловно осуждать кого-нибудь за какой-нибудь отдѣльный проступокъ», но «всякій можетъ снова нравственно возродиться, если онъ сознаетъ свой проступокъ и искупить все наказаніемъ». Но Нора не можетъ принять это рѣшеніе для своего личнаго руководства. Она не понимаетъ своей вины, ея совѣсть спокойна, а передъ ней оказываются виноватыми тѣ, кто цѣнилъ ее ниже того, чего она, по ея мнѣнію, дѣйствительно стоитъ, ниже того, чѣмъ она могла бы быть при иномъ къ ней отношеніи близкихъ людей.

«Эллида» («Госпожа съ моря»). Я уже упоминалъ объ этой пьесѣ. Героиня, именемъ которой озаглавлена въ русскомъ переводѣ драма, не можетъ пожаловаться на своего мужа. Это не Бенгтъ «Праздника въ Сольгаугѣ», не Тесманъ «Эдды Габлеръ», не Гельмеръ «Норы», даже не Гуннаръ «Сѣверныхъ богатырей». Это—умный, благородный, ничѣмъ не запятанный человѣкъ, и Эллида вполнѣ способна оцѣнить его высокія качества и дѣйствительно цѣнить ихъ. Тѣмъ не менѣе, ихъ бракъ несчастливъ. Эллиду гложутъ странныя, ей самой не вполнѣ ясныя мысли и чувства. И не мудрено: до замужества съ ней случилось нѣчто очень странное и ей самой мало понятное. Судьба столкнула ее съ какимъ-то морякомъ, который таинственнымъ образомъ совершенно овладѣлъ ея волей. Она стала его невѣстой, но когда онъ долженъ былъ уѣхать, чары ослабѣли, и она вышла за своего теперешняго мужа, доктора Вангеля. Однако, по пршшествіи нѣкотораго времени, обаяніе таинственнаго моряка стало вновь дѣйствовать издали, на разстояніи, а затѣмъ явился и самъ онъ съ требованіемъ, чтобы Эллида оставила мужа и шла за нимъ. Эллида колеблется. Она хотѣла бы сбросить съ себя странное нравственное иго моряка и найти для этого опору въ своемъ чувствѣ къ мужу, но не можетъ. Ей тяжело и тѣ узы, которыя ее съ мужемъ связываютъ. Ей кажется, что она вышла за него не по свободному влеченію и выбору, а подъ давленіемъ обстоятельствъ, что она «продалась». Она считаетъ свой бракъ простой «сдѣлкой» и проситъ мужа «расторгнуть» ее. Мужъ сначала не соглашается, опасаясь за ея судьбу въ рукахъ какого-то страннаго незнакомца. Онъ говоритъ: «Мнѣ нельзя освободить и отпустить тебя сегодня Совѣсть не позволяетъ мнѣ этого, не позволяетъ ради тебя самой Эллида. Я не отступлюсь отъ своего права и своего долга защищать тебя». Но въ послѣднюю критическую минуту, когда морякъ является за Эллидой, Вангель уступаетъ. Онъ «расторгаетъ сдѣлку», предоставляет Эллидѣ полную свободу. «Теперь,—говоритъ онъ,—твоя собственная, истинная жизнь можетъ снова войти въ свою настоящую колею. Потому что теперь ты можешь выбирать сво-

бодно. И подь собственною отвѣтственностью, Эллида». Это рѣшеніе развязываетъ Эллидѣ руки, и она, освобожденная мужемъ, освобождается вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ таинственныхъ чаръ моряка. Она «свободно и подь своей отвѣтственностью» остается съ мужемъ.

Нора и Эллида выводятъ насъ изъ круга женщинъ, живущихъ требовательнымъ поклоненіемъ своему избраннику и растворяющихъ свою честь въ его славѣ и подвигахъ, въ его чести. Не то, чтобы это была завѣдомо чуждая имъ черта, но онѣ иначе поставлены авторомъ. Въ нихъ нѣтъ бурной энергіи и жестокой страстности Іордисъ или Эдды Габлеръ, онѣ, если хотите, болѣе «женственны» въ этомъ отношеніи, но въ то же время онѣ и больше, чѣмъ просто женщины, онѣ—простите неуклюжее слово—«человѣки». Это, конечно очень важное различіе, и если бы я писалъ специально о женскихъ типахъ Ибсена, — задача очень соблазнительная, — то остановился бы на немъ съ большою подробностью. Но я только мимоходомъ отмѣчаю этотъ пунктъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи, говоря о героиняхъ Ибсена, уже не буду его касаться.

Ник. Михайловскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Міровая хрестоматія. Часть вторая I. II. Составилъ домашній учитель С. М. Ломшаковъ.

Бывало, пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь
Увидѣть—пристаетъ: пожалуйте списать.

Такъ говорилъ Чацкій про Молчалина. Охотниковъ списывать въ тетрадку стишки и пѣсенки въ прежнее время было множество, въ особенности между писарями военного и гражданскаго вѣдомствъ. Курьезныя это были тетрадки, почти въ такой же степени, какъ и альбомы провинціальныхъ барышень, гдѣ „прапорщикъ армейскій подмахнулъ стишокъ алодѣйскій“. Рядомъ съ одою „О, ты, что въ горести напрасно“ вы находили въ этихъ тетрадкахъ пѣсенку „Всѣхъ цвѣточковъ болѣ розу я любилъ“, потомъ часто нецензурное четверостишіе, а потомъ опять: „Глаголь временъ! Металла звонъ!“ Для обладателя тетрадки—полуграмотнаго писарька всякій „стишокъ“ годился, была бы только рѣма да размѣръ, такъ чтобы съ аккомпаниментомъ гитары можно было спѣть.

Такого рода тетрадокъ у домашняго учителя г. Ломшакова скопилось, повидимому, изрядное количество, и онъ пожелалъ ихъ утилизировать. Съ этой цѣлью онъ спилъ ихъ

въ двѣ большія тетрадиши, написалъ на обложкѣ „Міровая хрестоматія“, помѣтилъ римскими цифрами I и II и отправилъ въ типографію. Такъ какъ типографшикамъ лучше, чѣмъ кому либо, извѣстно, что бумага все терпитъ, то вмѣсто двухъ тетрадшей получились вскорѣ двѣ довольно плотныя книжки, и русская литература обогатилась „Міровой хрестоматіей“ домашняго учителя Ломшакова, часть вторая. Но почему „міровой“? Потому что г. Ломшаковъ, случалось, вписывалъ въ свои тетрадки не только русскія оригинальныя, но и переводныя пьески и даже прозаическіе отрывки. А почему „часть вторая“? Этого не умѣемъ сказать. *По здравому разсужденію*, какъ говорить гоголевскій бурсакъ-философъ, коли есть вторая часть, то должна быть и первая, но мы ее не видали и никогда ничего о ней не слышали. Но „вторая часть“ въ полномъ смыслѣ восхитительна. Вотъ напр. отрывокъ изъ Мильтона: „Куда бы я не бѣжалъ, Адъ будетъ преслѣдовать меня; Адъ—это я самъ“ и пр. въ томъ же *ужасномъ* родѣ. А вслѣдъ затѣмъ, тотчасъ же:

Запрягу я тройку борзыхъ
Темно-карихъ лошадей,
И помчусь я въ ночь морозну
Прямо къ любашкѣ своей.

Затѣмъ слѣдуетъ отрывокъ изъ Байрона подъ безсмысленнымъ заглавіемъ „Но скорбь“; потомъ—„Оргія, картина“ и какъ бы вы думали, что это за „оргія“ такая? Да просто старинная пѣсенка „Вѣкъ юный, прелестный, друзья, пролетитъ“. Потомъ—отрывокъ изъ Теокрита, потомъ изъ Гете, а потомъ.... выписываемъ съ буквальною точностью:

Е л е н а.

Рѣшено, кончено! А какъ мнѣ хочется жить, любить, любить...

Н. Потѣхинъ.

И только: дальше слѣдуетъ стихотвореніе Ленау, и затѣмъ тутъ попала Елена г. Потѣхина и какая это Елена, откуда,—все это остается тайной г. Ломшакова. Но еще это что! Въ „міровой хрестоматіи“ есть горавдо болѣе замѣчательныя страницы, имѣющія рѣшительно психіатрическій интересъ. Напр.:

Тотъ ангелъ, дочь твоя... Лишь только вспомню
Я про нее—заплачетъ сердце кровью,
И духъ скорбитъ... Мнѣ дурно!...

Шекспиръ.

Ея глаза....

Имя которой—незабываемое О...! То, лучезарное солнце, которое напоминаетъ собой... То самое, вензель котораго—весь небесный сводъ, бриллиантно украшенный по темно-голубому фону мерцающими: О! О! О!... (II, 273)

Выписано съ буквальною точностью. Послѣдній отрывокъ на счетъ „О...“ вѣроятно сочиненъ самимъ составителемъ

хрестоматіи. Ну, что скажете читатель? „Я скажу—отвѣтитъ читатель—что стыдно и неприлично возиться съ такой очевидной ерундой“. Нѣтъ, позвольте. Во первыхъ, ерунда г. Ломшакова стала для васъ очевидной только послѣ нашей рецензіи—это ужъ конечно такъ; во вторыхъ, невозможное издѣліе г. Ломшакова имѣетъ въ нашихъ глазахъ значеніе симптома, и пресквернаго симптома. Если бы г. Ломшаковъ, подобно нашимъ декадентамъ, сочинялъ и печаталъ бессмыслицы за свой собственный счетъ и страхъ—это бы не бѣда. Но онъ обезсмысливаетъ великихъ писателей, уродуетъ и искажаетъ ихъ вслѣдствіе своей малограмотности и тѣмъ самымъ профанируетъ не только ихъ имена, но и мысль, литературу, искусство. Вотъ это именно и печалитъ насъ. Если, по завѣту Гоголя, „со словомъ нужно обращаться честно“, то со словами великихъ писателей нужно обращаться благоговѣйно. Дерзость г. Ломшакова не смѣшна, а оскорбительна.

Библиотека „Русской Мысли“. Стихотворенія В. Н. Ладыженскаго. Москва. 1896.

Въ книжкѣ г. Ладыженскаго семьдесятъ пять (75) разгониисто напечатанныхъ, небольшихъ страницъ и заключаетъ она въ себѣ пятьдесятъ шесть (56) стихотвореній. Неужели это все, что написалъ г. Ладыженскій? Немного же... Бываетъ, однако, такъ, что хоть малъ золотникъ, да дорогъ и, быть можетъ, г. Ладыженскій беретъ не количествомъ, а качествомъ? А ужъ право не знаемъ, какъ и сказать... Г. Ладыженскій пишетъ недурно, даже, пожалуй, хорошо, но бѣда въ томъ что стихи мало писать недурно, ихъ должно писать превосходно: только въ этомъ послѣднемъ случаѣ они приобрѣтаютъ серьезное литературное и могутъ приобрѣсть серьезное общественное значеніе. Претензіи г. Ладыженскаго не идутъ такъ далеко: онъ проситъ у родины не признанія, а прощенія, прощенія за то, что онъ „палъ на полпути“. Хоть родинѣ, собственно говоря, и неизвѣстно, по какому пути шелъ и гдѣ и какъ именно „палъ“ г. Ладыженскій, но тѣмъ лучше, пожалуй: ничего не можетъ быть проще, какъ простить челоуѣка, вина котораго только ему одному извѣстна. Отъ имени родины объявляемъ вамъ полное прощеніе, г. Ладыженскій!

Но ужъ такова несчастная рецензентская привычка наша: не можемъ мы отпустить поэта совсѣмъ обѣленнымъ, не можемъ не попенять ему. Дѣло въ томъ, что взглядъ нашего поэта на поэзію нѣсколько сбивчивъ, если не прямо ошибоченъ. Вотъ послушайте:

Разъ двое взошли на утесъ вѣковой
 И очи заверили, и слушали море.
 —Ко мнѣ звуки рая несутся волной!
 —Я слышу стонъ ада, въ немъ вѣчное горе!
 И оба очнулись. Предъ ними шумѣлъ
 Сѣдой океанъ и волна говорила,
 Но каждому разную пѣсню онъ пѣлъ,
 Ту пѣсню, что жизнь имъ въ сердца ихъ вложила.

Замысловато, но невѣрно. Субъективный элементъ, конечно, имѣетъ въ поэзіи огромное значеніе, но не исключительное. Если одинъ поэтъ говоритъ: „бѣло“, а другой утверждаетъ: „черно“, то навѣрное который нибудь изъ нихъ ошибается, если же—что возможнѣе—ошибаются оба, то не въ одинаковой степени. Дѣйствительная жизнь не вовсе бѣла и не вовсе черна, она не рай и не адъ—это намъ, прозаикамъ, доподлинно извѣстно, а стало быть и поэтамъ нужно остерегаться огульных рѣшеній и однотонныхъ картинъ. Но приведенное стихотвореніе можетъ, кромѣ того, служить образчикомъ литературнаго мастерства г. Ладыженскаго; вѣдь недурно, не правда ли?

Виѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. 1762—1774. Исслѣдованіе Н. Д. Чечулина, СПБ. 1896.

Бываютъ иногда, хотя и не особенно часто, такія книги, которыя написаны какъ будто и недавно, а между тѣмъ по своимъ идеямъ, содержанію и тону явно принадлежатъ давно прошедшимъ временамъ. Книга г. Чечулина относится, именно, къ разряду такихъ рѣдкихъ литературныхъ явленій. На ней—едва-ли ошибочно—проставленъ 1896 годъ, и однако первыя же страницы ея вызываютъ невольное воспоминаніе о преданіяхъ „временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма“, становящееся все болѣе яркимъ по мѣрѣ дальнѣйшаго ознакомленія съ книгой. Въ настоящее время въ предисловіяхъ къ ученымъ работамъ принято благодарить лицъ, такъ или иначе помогавшихъ автору въ его трудѣ. Г. Чечулинъ, вѣрный добрымъ завѣтамъ старины, простираетъ свою благородную откровенность передъ читателями гораздо дальше и вводитъ ихъ въ свою интимную жизнь. „Изъ людей,—говорится въ его предисловіи,—которымъ я много обязанъ не за поддержку ученаго характера, но за ихъ постоянное расположеніе ко мнѣ, за ихъ сердечное участіе и въ радостяхъ моихъ, и въ печаляхъ, увѣ! помянуть долженъ я инженера путей сообщенія, Василія Сергѣевича Сумарокова; затѣмъ свидѣтельствую свою безграничную благодарность моему высокопочитаемому дядѣ, инженеръ-генераль-лейтенанту Николаю Павловичу Петрову, свѣтлѣйшему князю Константину Александровичу Горчакову

и его сыну, моему молодому другу, князю Александру Константиновичу Горчакову. Я долженъ ограничиться этими словами, хотя они и являются лишь очень блѣдными выраженіями чувствъ, какими обязанъ я этимъ лицамъ и какія я къ нимъ питаю, но мнѣ трудно было бы кончить, еслибы я сталъ подробнѣе вспоминать, сколько добра видѣлъ я отъ этихъ людей. Вообще же могу лишь каждому пожелать столько же наслажденій и отъ ученой работы, и отъ столкновений съ хорошими людьми, сколько испыталъ я самъ; умственный трудъ и кругъ высшей интеллигенціи, куда онъ открываетъ путь, съ избыткомъ вознаграждаетъ за то тяжелое, что приходится испытывать въ жизни и что неизбежно" (VII). Конечно, весьма интересно узнать, кто, именно, родственники, друзья и знакомые г. Чечулина и какими чувствами онъ къ нимъ обязанъ, но литературный вкусъ нашихъ современниковъ настолько испорченъ, что имъ и это внушительное перечисленіе лицъ, принадлежащихъ къ кругу высшей интеллигенціи, и меланхолически-трогательное воспоминаніе о „томъ тяжеломъ, что неизбежно“, могутъ, пожалуй, показаться приличествующими писателю скорѣе XVIII-го, нежели XIX-го столѣтія. Между тѣмъ г. Чечулинъ и во всей книгѣ проявляетъ столь же пылкій лиризмъ и столь же глубокій интересъ къ самому себѣ, какъ и въ предисловіи. Другими учеными, что-либо писавшими о русской внѣшней политикѣ за XVIII вѣкъ, онъ рѣшительно недоволенъ. Проф. Карѣевъ „иногда признавалъ за вѣрные не тѣ выводы, которые ближе къ истинѣ, а тѣ, которые съ большимъ тщаніемъ обоснованы“ (369); еще хуже обстоитъ дѣло съ проф. Мартенсомъ: „странно, какъ находитъ онъ такой тонъ, такія слова, какъ будто онъ повѣствуетъ о чемъ-то совершенно естественномъ, понятномъ, законномъ, тогда какъ ему приходится имѣть дѣло съ возмутительнымъ невниманіемъ къ интересамъ русскаго народа и съ непозволительною уступчивостью русскаго правительства предъ чужимъ“ (16). Для успокоенія читателя спѣшимъ прибавить, что рѣчь идетъ о первой половинѣ XVIII вѣка. Объ иностранныхъ ученыхъ нечего и говорить: Зибель, напримѣръ, описывая пристрастіе Петра III къ нѣмцамъ, „спокойно говоритъ обо всемъ этомъ, такое поведеніе ему непонятно, но не возмущаетъ его“ (374), Винкейзенъ мало говоритъ о битвахъ при Ларгѣ и Кагулѣ, а Германъ хотя говоритъ и достаточно, но „болѣе останавливается на бѣгствѣ турокъ, чѣмъ на храбрости русскихъ“ (339). Къ тому же г. Чечулинъ додумался до свѣтлой мысли, что для уясненія русской политики „совершенно необходимо преимущественное изученіе русскихъ источниковъ и документовъ“ (8), и въ силу такихъ причинъ ему „всѣ прежніе труды, посвященные польскимъ раздѣламъ, не представляются достаточ-

ными" (375), почему онъ и рѣшилъ написать свой собственный трудъ. Повидимому, однако, благородная смѣлость увлекла въ данномъ случаѣ г. Чечулина за предѣлы истины: для того, чтобы всѣ прежніе труды представились недостаточными, надо было, вѣроятно, ознакомиться со всѣми ими, а это то онъ и позабылъ сдѣлать. Ученый багажъ, съ которымъ онъ выступилъ въ свой походъ, должно полагать, въ интересахъ большей скорости этого похода, обременительностью не отличается. Почти единственнымъ матеріаломъ для г. Чечулина являются депеши, напечатанныя въ „Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества“; что касается пособій, то въ качествѣ таковыхъ г. Чечулинъ, кромѣ Соловьева, Костомарова и нѣкоторыхъ другихъ общеизвѣстныхъ русскихъ авторовъ, привлекаетъ нѣсколько французскихъ и нѣмецкихъ трудовъ, по большей части старыхъ и по большей же части плохо имъ изученныхъ, оставляя въ сторонѣ всю новѣйшую литературу затронутыхъ имъ вопросовъ. При такихъ условіяхъ грозный походъ совершается дѣйствительно быстро, но и въ достаточной мѣрѣ бесплодно. Съ достойной глубокаго сожалѣнія отвагой г. Чечулинъ то борется съ водяными мельницами, въ жаркомъ бою сламывая давно покинутыя въ ученой литературѣ мнѣнія, то открываетъ давно извѣстныя Америки, то вытаскиваетъ на свѣтъ Божій, въ качествѣ новыхъ истинъ, всѣми уже благополучно забытыя ошибки старыхъ авторовъ. Посвящая цѣлую главу своей книги опѣнкѣ значенія мемуаровъ Фридриха В., какъ историческаго источника, онъ, повидимому, и не подозреваетъ, что по этому вопросу имѣются спеціальныя изслѣдованія, въ значительной мѣрѣ дѣлавшія ненужными его работу; упрекая историковъ въ невниманіи къ данной русскому посланнику въ Польшѣ инструкціи при выборѣ королемъ Понятовскаго, онъ упускаетъ изъ виду цитируемую имъ же въ другихъ мѣстахъ работу Реймана; говоря о возстаніи 1768 г. въ Малороссіи, г. Чечулинъ знаетъ лишь старыя работы Костомарова и Максимовича, причемъ и сообщаемые ими факты излагаетъ невѣрно и находится, очевидно, въ блаженномъ невѣдѣніи на счетъ того, что по этому вопросу выросла съ той поры цѣлая литература, русская, польская, не говоря уже о вновь обнародованныхъ источникахъ (297); заговоривъ о населеніи Польши въ XVIII столѣтіи, онъ обнаруживаетъ полнѣйшее незнакомство съ новѣйшей и цѣнной работой польскаго историка Корзона, почти цѣлый томъ своего большого труда посвятившаго этому вопросу (439). Г. Чечулинъ какъ будто знаетъ польскій языкъ, такъ какъ однажды, говоря объ общеизвѣстномъ фактѣ, безъ особой нужды ссылается на старую книгу Моравскаго, но страннымъ образомъ какъ разъ литературу, относящуюся къ во-

просамъ, которымъ посвящена его книга, онъ и не потрудился изучить, хотя прямые указанія на нее могъ найти въ известной ему книгѣ проф. Карѣва: „Паденіе Польши въ исторической литературѣ“. Такая храбрость, конечно, весьма почтенное качество, хотя и могутъ найтись злокозненные люди, которые будутъ утверждать, что въ XIX столѣтіи она болѣе прилична военному человѣку, чѣмъ мирному изслѣдователю исторіи. Во всякомъ случаѣ, храбрость не единственное достоинство г. Чечулина. Цѣль его книги заключается въ сущности въ томъ, чтобы доказать, вопреки существующимъ въ литературѣ мнѣніямъ, которыя онъ, впрочемъ, плохо знаетъ,—„что правительство Екатерины въ первую половину ея царствованія постоянно и неуклонно преслѣдовало выгоды русскаго государства и народа, что оно не подчинялось никакимъ постороннимъ вліяніямъ, не жертвовало силами и средствами русскаго народа для достиженія цѣлей, ему совершенно постороннихъ, и что оно прямо признавало своимъ долгомъ такъ дѣйствовать“ (III). По мнѣнію г. Чечулина, русская внѣшняя политика послѣ Петра I велась плохо только потому, что министры иноземцы „склонны были искренно ставить выше интересы западно-европейскихъ государствъ, чѣмъ интересы Россіи“ (13). Положимъ, известно, что Петръ оставилъ Россію въ состояніи крайняго изнеможенія, и министры той поры заявляли, что она не имѣетъ средствъ для активной внѣшней политики, но г. Чечулинъ только сердится по этому поводу (12, 23). И въ самомъ дѣлѣ, что такое для храбраго человѣка финансы? При Екаторинѣ II внѣшняя политика правительства преслѣдовала „выгоды русскаго государства и народа“. Эту мысль г. Чечулинъ не устаетъ повторять на протяженіи всей книги, но, къ сожалѣнію, не объясняетъ и не аргументируетъ ее. На одной и той же страницѣ (III) онъ то сопоставляетъ „выгоды русскаго народа“ и „усиленіе русскаго государства“, какъ величины вполнѣ тождественныя, то заявляетъ, что преслѣдованіе правительствомъ выгодъ народа не предрѣшало еще правильнаго ихъ пониманія, и тѣмъ какъ бы налагаетъ на себя обязанность опредѣлять эти выгоды и указать, были-ли онѣ достигнуты. Никакого подобнаго опредѣленія въ книгѣ, однако, не имѣется, и г. Чечулинъ лишь мимоходомъ бросаетъ два-три голословныя и мало соглашенныя между собою утвержденія по существу занимающаго его вопроса. Заботу о выгодахъ Россіи онъ прямо противопоставляетъ „преслѣдованію какихъ-то отвлеченныхъ идей“ (48) вродѣ идей „вѣротерпимости“ и „свободы совѣсти“ (268); зато, по его мнѣнію, „борьба съ Польшею должна была доставить русскому народу совершенно необходимое для полнаго развитія всякаго народа національное

„единство“ (5). Это, конечно, тоже отвлеченная идея, да еще и спорная, но г. Чечулинъ и съ данной точки зрѣнія не оцѣниваетъ политики Екатерины, а ограничивается утвержденіемъ, что эта политика достигла „приращенія матеріальнаго могущества Россіи“ (208), и присоединяетъ къ этому ссылку на „Историческую географію“ Фримана въ доказательство того, что по первому раздѣлу Россія пріобрѣла отъ Польши земли, принадлежавшія раньше Литвѣ. Такъ какъ, однако, и ранѣе было извѣстно, что по первому раздѣлу Польши Россія получила территоріальныя пріобрѣтенія и такъ какъ врядъ-ли кто изъ русскихъ историковъ, кромѣ г. Чечулина, нуждается для знакомства съ предшествующей исторіей этихъ земель во Фриманѣ, то въ научномъ отношеніи произведенный г. Чечулинымъ пересказъ Панинскихъ дѣлешъ врядъ-ли приведетъ къ какимъ плодотворнымъ результатамъ. Тѣмъ ярче выступаютъ другія достоинства его книги. Упрекая другихъ историковъ въ неприличномъ спокойствіи тона, когда они говорятъ о Россіи, самъ г. Чечулинъ совершенно свободенъ отъ этого порока. Его изложеніе ежеминутно переходитъ въ горячія лирическія изліянія, могущія служить превосходными образцами того „безпорядка мыслей“, который, по правиламъ старинныхъ риторикъ, долженъ господствовать въ лирикѣ. Онъ находитъ, наиримѣръ, что правительство Екатерины не должно было содѣйствовать улучшенію государственнаго строя Польши, „того сосѣда Россіи, который никогда, никогда не былъ ей дружелюбенъ, который нанесъ ей много тяжелыхъ ударовъ, который и тогда враждебно держался по отношенію ко многому, что было дорого всему русскому народу“ (269). Аргументовъ здѣсь, конечно, мало, но сила лирическаго одушевленія рѣдкая для „изслѣдователя“. Еще большей высоты достигаетъ она у г. Чечулина, когда ему приходится говорить о славѣ русскаго оружія. Цѣлая глава его книги, отведенная описанію первой турецкой войны, представляетъ изъ себя непрерывное стихотвореніе въ прозѣ; небольшой отрывокъ изъ него, являющійся началомъ описанія Кагульской битвы, дастъ читателю понятіе о томъ, какъ пишутъ современные русскіе историки: „Удивительная это была картина! единственная, можно сказать, въ новой исторіи битва. На мѣстности, лишенной всякихъ прикрытій, частью на холмахъ, частью въ долинахъ, на протяженіи 5 или 6 верстъ, 4 отдѣльныя кучки русскихъ солдатъ, каждая менѣ чѣмъ въ 4,000 человекъ, бились и шли впередъ, окруженныя врагомъ въ количествѣ до 70,000 человекъ! Густой дымъ окутывалъ все; въ ужасный шумъ сливались и яростные крики, и трескъ ружейнаго огня и выстрѣлы пушекъ... Но была и еще схватка: тутъ рубились и кололи: 10,000 янычаръ ударили на

3,000 русскихъ, которые съ дерзкою храбростію шли на врага... И вотъ турки разстроили и смяли каре, вотъ они ворвались въ середину каре и рубятъ тамъ растерявшихся всадниковъ, которые шли, окруженные пѣхотой, вотъ турки захватываютъ пушки; распространяется смятеніе, часть солдатъ бѣжитъ къ отряду Олица"... (337). Въ порывѣ одушевленія г. Чечулинъ сравниваетъ битвы при Ларгѣ и Кагулѣ съ битвами при Марафонѣ и Платеѣ (339) и, забывъ о неумѣстной скромности, съ какою онъ въ началѣ данной главы рекомендовалъ себя читателю, какъ не-спеціалиста по военной исторіи (320), распредѣляетъ лавры побѣдъ между П. И. Панинымъ и Румянцевымъ: „дѣйствія Панина поучительны, дѣйствія Румянцева представляли образецъ недосягаемый“ (342). Этимъ пламеннымъ энтузіазмомъ, живо воскрешающимъ въ памяти оды прошлаго столѣтія, не исчерпывается интересъ разбираемой книги. Не удосужившись познакомиться ни съ литературою избраннаго имъ вопроса, ни съ самимъ вопросомъ, г. Чечулинъ тѣмъ усерднѣе знакомитъ читателя съ собственными своими мнѣніями и убѣжденіями. Онъ не только безъ устали твердитъ о своемъ „глубокомъ убѣжденіи“ въ національномъ характерѣ политики Екатерины и Н. И. Панина, но и задаетъ себѣ историческіи шарады: какъ поступилъ бы Панинъ, если бы ему предложили то-то, и рѣшаетъ ихъ опять же на основаніи своего убѣжденія: „мы увѣрены“, говоритъ онъ, что результатъ былъ бы такой-то (377). Въ интересахъ болѣе близкаго ознакомленія читателя со своими убѣжденіями г. Чечулинъ не ограничивается одною областью прошлаго и считаетъ необходимымъ сообщить публикѣ свои взгляды на переживаемое нами настоящее: онъ горячій сторонникъ франко-русскаго союза „и если, говоритъ онъ, обязанность говорить о прошломъ только полную правду заставляетъ насъ въ этомъ изслѣдованіи изображать постоянно недружелюбныя, враждебныя отношенія Россіи и Франціи, то съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ останавливаемъ мы свою мысль на той дружбѣ, на томъ согласіи и глубокомъ взаимномъ уваженіи, которыя господствуютъ теперь между этими двумя великими народами и великими государствами“ (187, ср. 455). Кромѣ того, г. Чечулинъ предлагаетъ въ своей книгѣ еще нѣкоторыя изреченія о патріотизмѣ (373), объ истинной политикѣ (456) и т. д., но всѣхъ разбросанныхъ имъ богатствъ все равно не собрать. Вообще же книга г. Чечулина очень хорошая книга и жалко только, что въ ея заглавіи вмѣсто сухого неточнаго слова „изслѣдованіе“ не стоитъ „политическія размышленія утромъ и вечеромъ о величествѣ Панина“ или что нибудь другое въ этомъ родѣ. Тогда рецензентъ могъ бы лишь указать на заглавіе и не тратить

столько словъ для разъясненія читателю, что данная книга, не имѣя ничего общаго со скучной и утомительной исторической наукой, предназначена служить сборникомъ стихотвореній въ прозѣ и поучительныхъ афоризмовъ во вкусѣ патристической лирики XVIII вѣка.

Л. Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ съ приложеніемъ введенія и дополненій. Томъ третій. Переводъ М. В. Лучицкой, подъ редакціей И. В. Лучицкаго. Москва, 1896.

Настоящій томъ труда Грегуара посвященъ исторіи февральской революціи, второй республики и имперіи Луи Наполеона до начала шестидесятихъ годовъ. Русская читающая публика давно уже нуждается въ возможно полномъ систематическомъ изложеніи историческихъ событій середины текущаго столѣтія, событій, въ которыхъ Франція играла безспорно главную, руководящую роль. Такимъ сводомъ данныхъ, касающихся упомянутой эпохи, и является третій томъ работы Грегуара. Благодаря необыкновенной ясности изложенія и строгой продуманности во внутреннемъ построеніи отдѣльных частей труда, читатель получаетъ вполне отчетливое представленіе о тѣхъ скрытыхъ, но могущественныхъ пружинахъ политической жизни, которыя послѣ 48 года направили Францію сначала на путь буржуазной реакціи, а потомъ отдали страну въ безконтрольное распоряженіе Наполеона III. Нельзя не отмѣтить одной черты, дѣлающей книгу Грегуара дѣйствительно драгоценнымъ пособіемъ для всякаго, кто пожелалъ бы ознакомиться съ исторіей февральской республики: авторъ посвящаетъ три большія главы характеристикѣ дѣятельности временнаго правительства, возникшаго тотчасъ послѣ паденія Луи-Филиппа. Чуть ли не день за днемъ прослѣжена кратковременная жизнь этого комитета, больше двухъ мѣсяцевъ державшаго въ своихъ рукахъ судьбы Франціи и исчезнуваго затѣмъ, чтобы уступить мѣсто правительству реакціоннаго большинства. Послѣдовательно, не уклоняясь въ сторону, ведетъ Грегуаръ свой спокойный, чуждый какихъ бы то ни было партійныхъ выходокъ и увлеченій рассказъ о первыхъ шагахъ дѣятелей революціи, ставшихъ внезапно во главѣ правленія, о томъ радостномъ, полномъ надеждъ настроеніи, которое царило въ Парижѣ послѣ 24 февраля, наконецъ о той, сначала смутной, а потомъ все болѣе и болѣе опредѣленной тревогѣ, которая охватила и временное правительство, и всѣ крайнія партіи, и которая обуславливалась предчувствіемъ близкой гибели революціоннаго дѣла. Начинаяющаяся реакція въ странѣ, упорное желаніе правительства не замѣчать этой реакціи, усиливающіяся опасенія Ледру

Роллена, его циркуляры относительно выборов,—все это обрисовано замѣчательно живо и ярко. Главы, посвященные временному правительству, составляютъ безспорно лучшую часть этой интересной книги. Страшнымъ юньскимъ днямъ посвящена особая глава. Возрастающая популярность Бонапарта послѣ юньскихъ событій, его поведеніе съ самаго начала республики, наконецъ избирательная борьба между принцимъ и Кавеньякомъ—эти памятные факты изложены авторомъ подробно и обстоятельно. Грегуаръ нерѣдко вводитъ въ свое повѣствованіе такія данныя, которыя обыкновенно пропускаются другимъ историками и безъ которыхъ въ сущности немислима полная характеристика общественнаго настроенія эпохи. Такихъ мелкихъ, но характерныхъ фактовъ изъ парламентарной жизни тогдашней Франціи собрано Грегуаромъ не мало; его трудъ, между прочимъ, наглядно показываетъ, какъ долженъ пользоваться истинный ученый литературой анекдотовъ, что именно онъ можетъ и долженъ брать оттуда. Разсказъ о государственномъ переворотѣ 2 декабря и о восстановленіи имперіи нѣсколько сжатъ сравнительно съ предыдущимъ изложеніемъ. Авторъ прекрасно сдѣлалъ, что остановился на тѣхъ слабыхъ проявленіяхъ протеста противъ второй имперіи, которыя имѣли мѣсто въ 1852 году и которыя исходили какъ отъ революціонныхъ партій, такъ и со стороны претендента-графа Шамбора. Этотъ протестъ былъ правда слишкомъ незамѣтенъ и безсиленъ, но совершенно замалчивать его все таки нельзя. Главы, посвященные ввѣшнимъ войнамъ имперіи, даютъ возможность близко ознакомиться съ европейскою дипломатіею того времени. Особенно хорошъ въ этомъ смыслѣ общій очеркъ европейскихъ отношеній передъ крымскою кампаніею, очеркъ, которому Грегуаръ посвятилъ начало семнадцатой главы. Книга кончается характеристикой внутренняго состоянія Франціи въ первые годы второй имперіи и описаніемъ дипломатическаго и военнаго вмѣшательства Наполеона въ дѣло итальянскаго объединенія.

Графъ Фонтъ-Шакъ. Исторія норманновъ въ Сициліи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. М. Соколова. С.-Петербургъ 1896.

Подъ предисловіемъ, написаннымъ самимъ авторомъ, стоитъ 1889 г., но достаточно прочесть книгу, чтобы усомниться, дѣйствительно ли она написана была въ 1889, а не 1789 или 1689. По методу, содержанію, манерѣ изложенія она ничѣмъ почти не отличается отъ ряда подобныхъ же трудовъ XVIII или XVII в. в., и напрасно мы разыскивали бы въ ней малѣйшихъ слѣдовъ примѣненія того метода, какой считается нынѣ обязательнымъ для изслѣдованія любой исторической

эпохи. Авторъ, впрочемъ, и самъ откровенно сознается, что, онъ „далеко стоялъ отъ исторіографіи“ (стр. VI). Онъ, какъ извѣстно, археологъ и, поѣздивши по острову, набравши случайно десятокъ другой книгъ, какія попались подъ руку, задумалъ вдругъ написать „исторію норманновъ“. Это видно и изъ списка сочиненій, которыми онъ пользовался, списка, приложеннаго въ концѣ книги. Какъ ни бѣдна сравнительно литература по исторіи Сициліи, но, и при этомъ условіи, просто изумительно, до чего мало знакомъ авторъ съ этою литературой. Ни изданія документовъ, ни новыя изданія хроникъ, ни рядъ изслѣдованій, вышедшихъ за послѣдніе годы, начинающая съ шестидесятыхъ годовъ, ни даже много лѣтъ издающійся въ Сициліи историческій журналъ (Archivio storico siciliano) съ перечнемъ всѣхъ выходящихъ ежегодно по исторіи Сициліи книгъ—ему неизвѣстны. Онъ имѣетъ даже наивность жаловаться, что въ Италіи, гдѣ онъ писалъ свою книгу, „съ большимъ трудомъ можно получить свѣдѣнія, что тѣ или иные книги существуютъ“ (пред. VII, прим.). Ученый багажъ автора оказывается, такимъ образомъ, легкимъ и просто случайнымъ. Хроники, да и то далеко не всѣ,—вотъ главная опора, главный источникъ въ его изслѣдованіи, и онъ почти слѣпо слѣдуетъ имъ. Его книга—простой, безконечно длинный и утомительный перечень всѣхъ сраженій, стычекъ, столкновеній, маршей и контрмаршей норманновъ, бароновъ, королей, вельможъ и т. п.

Авторъ жалуется, между прочимъ, что поэтъ находится въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ историкъ: за нимъ, говоритъ онъ, признается почти безграничная свобода распоряжаться своимъ матеріаломъ, какъ онъ хочетъ, а историкъ всегда имъ связанъ (стр. V). Но эта жалоба, видимо, сдѣлана изъ скромности. На дѣлѣ, фонъ-Шаккъ въ своей книгѣ вовсе не чувствуетъ себя стѣсненнымъ, и полеты его археолого-поэтической фантазіи украшаютъ чуть не каждую главу его изслѣдованія. Онъ изображаетъ передъ нами и „грохотъ трескающихся ледяныхъ горъ“, и религіозныя вѣрованія норманновъ, у которыхъ окружающая природа „будила удивленіе, полное какого то предчувствія“; онъ знакомитъ насъ съ „ужасающими чудовищами“ и рисуетъ рядъ удивительныхъ, вполне жанровыхъ картинъ, созданныхъ богатой фантазіей автора. „Рожеръ послалъ брату въ Калабрію ключи отъ города“... и вотъ, сообщаетъ нашъ авторъ, „получивъ это извѣстіе, Гвискаръ съ *пламеннымъ умиленіемъ* принесъ небу благодарность за побѣду брата... Войны съ *восторгомъ* бросились на корабли и подняли якоря. Небо было ясно, море гладко, какъ зеркало, и флотъ скоро вошелъ въ гавань Мессины“ (стр. 80). Такихъ блестящихъ, истинно по-

этических картинъ, безконечный рядъ. Авторъ видитъ, какъ Рожеръ, „*отроятно*“ посвященный во всѣ тонкости арабскаго языка, „*читаетъ* стихотворенія мухамеданскихъ пѣвцовъ“, описываетъ видъ города Палермо того времени, хотя никто изъ современниковъ объ этомъ не говоритъ ни слова. Видитъ онъ, какъ тотъ же Рожеръ „среди прелестныхъ женщинъ катается на челнокѣ по озерамъ“ и т. д., и т. д.

Съ поэзіей у нашего автора идетъ рука объ руку и замѣчательная философія. „Мы снова видимъ, восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ книги, какія роковыя послѣдствія часто приносить людская близорукость! Если бы Рожеръ II могъ предвидѣть, что отъ его внука Танкреда будетъ зависѣть сохраненіе норманнской династіи, онъ, *конечно*, съ радостью далъ бы согласіе на бракъ своего сына (герцога Апулейскаго) съ его прелестною любовницей. Вмѣсто этого онъ упрямо противился этому браку и достигъ того, что на Танкреда легло пятно незаконнаго происхожденія. Вирочемъ, — добавляетъ графъ фонъ-Шаккъ — говорятъ, что Рожеръ раскаивался вполнѣ въ своей жестокости и посылалъ къ своему сыну пословъ, чтобы изъяснить свое согласіе на бракъ. Но если это *неполнѣ* доказанное свидѣтельство и вѣрно, послы во всякомъ случаѣ пришли слишкомъ поздно, такъ какъ сынъ Рожера умеръ“ (328). Для автора это объясненіе является тѣмъ болѣе вѣскимъ, что оно подкрѣплено и оцѣнкой всего сицилійскаго народа, отличавшагося „*легкомысліемъ, свойственнымъ всѣмъ южанамъ*“. Король Вильгельмъ II, вѣдь, былъ молодъ, могъ еще править 40 — 50 лѣтъ, и въ Сициліи мало думали о томъ, что будетъ послѣ его смерти“ (357). И это, когда „тамъ, на сѣверѣ собиралась страшная непогода, которая, подымаясь все выше и выше, угрожала гибелью южному острову“. (331). Въ другихъ случаяхъ авторъ съ необыкновеннымъ глубокомысліемъ старается выяснить и событія, и даже происхожденіе обычаевъ... Рожеръ I приказалъ какъ-то выколоть глаза двѣнадцати заговорщикамъ. И вотъ авторъ начинаетъ философствовать. Вѣроятно, предполагаетъ онъ, это ужасное наказаніе было занесено изъ ихъ сѣверной родины во Францію, но возможно, спѣшить онъ добавитъ, что „гнусный обычай ослѣплять враговъ перешелъ въ Сицилію изъ Византіи, гдѣ онъ былъ въ ходу съ давнихъ поръ“ (стр. 111), т. е. существовалъ тамъ, какъ наказаніе такое же „*обычное*“, какъ и „у старыхъ скандинавовъ“, по словамъ того же графа фонъ Шакка (стр. 111).

Испещренная „поэтическими“ картинами, полная глубокой философіей книга автора должна, по его увѣренію, служить характеристикой самого блестящаго времени въ жизни „мрач-

наго періода средневѣковой исторіи“. „Трудно подавить въ себѣ чувство скорби по поводу того, что норманнское государство, гдѣ подѣ властью просвѣщенныхъ князей во время самого мрачнаго періода средневѣковой исторіи признавалась полная свобода духа..., должно было погибнуть подѣ грубой мощью выродившихся Гогенштауфеновъ“ (стр. V). Онѣ увѣряетъ, что „одна религіозная терпимость графа Рожера, почти безпримѣрная въ тѣ времена, дѣлаетъ его какимъ то фениксомъ“. Эта терпимость выражалась въ томъ, что мусульмане управлялись по корану, что они свободно исповѣдывали свою религію. Въ другихъ мѣстахъ дѣлается противоположеніе (стр. 120) съ испанскими порядками при Фердинандѣ и Изабеллѣ и ихъ подвигами въ Гренадѣ. Но графу фонъ-Шаку, вѣроятно не путешествовавшему по Испаніи, къ сожалѣнію, остались неизвѣстны хартіи или фуеросы испанскихъ городовъ, изслѣдованія о *mudejares*, ихъ нравахъ, о положеніи сарацинъ въ испанскихъ городахъ, такъ какъ извѣстно, что тоже, что было въ Сициліи, имѣло мѣсто и въ нихъ въ теченіе весьма долгаго времени...

Что такая книга могла появиться въ Германіи,—не представляетъ ничего удивительнаго: мало ли подобныхъ книгъ появляется въ ней. Но что она появилась въ переводѣ на русскій языкъ, этого мы уже никакъ не можемъ объяснить себѣ. Не потому, чтобы разсматриваемый въ книгѣ періодъ не имѣлъ значенія для русскаго читателя. Совершенно напротивъ. Современное состояніе Сициліи возбуждало и возбуждаетъ интересъ и у насъ, и всякое изслѣдованіе, способное путемъ ознакомленія съ прошлымъ (и въ частности съ прошлымъ Сициліи при норманнахъ, когда создана была феодализація земель) пролить свѣтъ на современное состояніе страны, было бы и полезно, и своевременно. Въ книгахъ и въ разныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, пригодныхъ для этой цѣли, недостатка нѣтъ; но ни одна строка въ книгѣ фонъ-Шака не способна пролить этотъ свѣтъ. Она въ значительной части наполнена сказками, легендами и проч., но какъ книга для дѣтей она не годится, ибо скучна и длинна, а ужъ взрослымъ въ ней почти и искать нечего.

Густавъ Шенбергъ. Положеніе труда въ промышленности. Переводъ съ нѣмецкаго Михаила Соболева, подѣ редакцію проф. А. И. Чупрова. Москва. 1896 г.

Книга эта есть переводъ статьи проф. Шенберга, входящей въ составъ извѣстнаго руководства по политической экономіи, издавнаго подѣ его же редакцію подѣ названіемъ *Handbuch der politischen Oekonomie*. Руководство это составляетъ плодъ

коллективного труда самых выдающихся современных нѣмецкихъ экономистовъ: каждый изъ нихъ написалъ для этого обширнаго учебника одну или нѣсколько главъ по тѣмъ вопросамъ, которые ближе всего подходятъ къ кругу его специальныхъ изслѣдованій.

Главное достоинство статьи проф. Шенберга заключается въ томъ, что она даетъ весьма богатый и всесторонній фактический матеріалъ по такъ называемому рабочему вопросу. Авторъ знакомитъ читателя прежде всего съ сущностью этого вопроса и съ различными направленіями, къ которымъ могутъ быть сведены разнообразныя взгляды на разрѣшеніе этой великой проблемы XIX столѣтія. Онъ изслѣдуетъ ватѣмъ матеріальныя лишенія и недостатки моральнаго характера, которые связаны съ современнымъ положеніемъ рабочаго класса, и въ заключеніе весьма обстоятельно и систематически обобщаетъ тѣ разнообразныя мѣры, которыя принимаются въ различныхъ странахъ, какъ правительственною властью, такъ и частными лицами для улучшенія быта трудящейся массы. Какъ сводка обширнаго фактическаго матеріала по одному изъ кардинальнѣйшихъ вопросовъ экономическаго науки, книга Шенберга является весьма полезной. Съ этой стороны она будетъ особенно цѣнна для русскаго читателя, такъ какъ на русскомъ языкѣ нѣтъ другого сочиненія, которое давало-бы столь всесторонній и систематическій матеріалъ по самымъ существеннымъ пунктамъ рабочаго вопроса.

Но если читатель ждетъ отъ этой книги не только фактическихъ свѣдѣній, но и общихъ принциповъ, если онъ будетъ искать въ ней безпристрастной оцѣнки различныхъ социальнополитическихъ направленій и, вообще, правильнаго философско-историческаго освѣщенія разбираемой здѣсь проблемы, то въ этомъ случаѣ онъ останется далеко неудовлетвореннымъ. Общая социальнополитическія воззрѣнія, проводимыя Шенбергомъ, либо совершенно несостоятельны, либо настолько банальны, что имъ скорѣе мѣсто въ скучныхъ прописяхъ, чѣмъ въ научномъ изслѣдованіи. Проф. Шенбергъ по своимъ социальнополитическимъ взглядамъ принадлежитъ къ такъ называемому социально-реформаторскому направленію, занимающему, по мнѣнію представителей этого направленія, золотую середину между индивидуализмомъ и социализмомъ. Не отличаясь почти никакой оригинальностью, питаясь крохами то индивидуализма, то социализма, заимствуя въ урѣзанномъ видѣ требованія, которыя намѣчены были Энгельсомъ еще полувѣка тому назадъ, смѣшивая въ одно подчасъ совершенно непримиримыя начала, социально-реформаторское направленіе создало программу полумѣръ и компромиссовъ, и это *mixtum compositum* оно выдаетъ, либо съ поразительной наивностью,

либо съ фарисейскимъ лицемѣріемъ, за какое-то новое великое слово. „Умѣренность и аккуратность“ — таковъ девизъ этого направленія. Но проф. Шенбергъ аккуратнѣйшій изъ аккуратныхъ. Онъ каждый разъ повторяетъ ту мысль, что для улучшенія быта рабочаго класса, хотя и необходимо вмѣшательство общественной власти, но это вмѣшательство должно быть „умѣренное“. Хотя онъ хорошо сознаетъ „тотъ вредъ, какой происходитъ отъ чрезмѣрнаго рабочаго дня для физической, умственной и нравственной жизни рабочихъ“, хотя, по его мнѣнію, „къ справедливѣйшимъ желаніямъ рабочаго класса принадлежитъ требованіе, чтобы рабочіе не были обременяемы трудомъ въ ущербъ ихъ здоровью и семейной жизни“, все-таки, когда дѣло доходитъ до законодательнаго регулированія рабочаго дня, онъ высказывается за „умѣренное сокращеніе“ (курсивъ въ подлинникѣ). Шенбергъ возстаетъ поэтому противъ восьмичасоваго рабочаго дня. „Не говоря уже о томъ, что осуществленіе этого требованія вредно отразилось бы на промышленныхъ предпріятіяхъ и на самомъ доходѣ рабочихъ, оно можетъ быть оспариваемо и съ точки зрѣнія общественнаго интереса, такъ какъ избытокъ досуга склонялъ бы массу рабочихъ къ безпорядочной трактирной жизни и подрывалъ бы такимъ образомъ ихъ семейную жизнь и рабочую силу“ (стр. 94).

При чтеніи книги Шенберга читателя поражаютъ прежде всего крайне оптимистическія надежды, какія авторъ возлагаетъ на „умѣренное государственное вмѣшательство“ и на частичныя мѣропріятія отдѣльныхъ лицъ. Совокупность мѣръ, принимаемыхъ государственною властью и обществомъ для упорядоченія быта рабочихъ, Шенбергъ называетъ соціальною реформой. „Своей реформой оно (соціально-реформаторское направленіе) хочетъ придать хозяйственному общенію нравственный характеръ и создать такой хозяйственный строй, при которомъ каждый классъ рабочихъ могъ-бы собственными силами достигнуть нравственно-культурнаго существованія, а соціальныя бѣдствія происходили бы лишь по собственной винѣ страдающихъ отъ нихъ лицъ“. Извѣстный манифестъ императора Вильгельма II, благодаря которому созвана была въ Берлинѣ международная конференція по рабочему вопросу, открываетъ, по мнѣнію Шенберга, какую то „новую эру въ соціальной политикѣ“. Пока что-то не видно, чѣмъ эта „новая эра“ отличается отъ старой.

Еще болѣе поражаетъ читателя другая особенность, проходящая красною нитью черезъ всю книгу Шенберга: особенность эта заключается въ чрезвычайно преувеличенномъ значеніи, какое авторъ придаетъ факторамъ моральнаго характера при объясненіи темныхъ сторонъ положенія рабочаго

класса. Всю социальную проблему онъ склоненъ свести къ вопросу о нравственности. „Къ неоспоримымъ принципамъ разума, хотя и не вездѣ признанной, нравственности принадлежитъ положеніе, что подобно тому, какъ нельзя вступать въ бракъ, когда нѣтъ средствъ для содержанія семьи, такъ точно нельзя давать жизнь дѣтямъ, если нѣтъ возможности ихъ прокормить и дать имъ образованіе... Этотъ нравственный долгъ часто нарушается среди рабочихъ классовъ, что служитъ причиной печальнаго хозяйственнаго и моральнаго состоянія множества семействъ и главной основой пролетаріата“. „Зло чрезмѣрнаго рожденія дѣтей, продолжаетъ Шенбергъ далѣе, составляетъ, быть можетъ, центръ социального вопроса. При выполненіи нравственнаго закона самообузданія социальный вопросъ сталъ бы сравнительно легкой проблемой; нарушение же его дѣлаетъ для государства и общества абсолютное рѣшеніе проблемы невозможнымъ“. Итакъ, только потому, что рабочіе не выполняютъ разумнаго нравственнаго закона, что у нихъ нѣтъ достаточнаго „самообузданія“, социальная проблема останется на вѣкъ неразрѣшимой.

Свой общій взглядъ на социальный вопросъ и на возможность его разрѣшенія Шенбергъ резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Какъ невозможно было-бы искоренить на землѣ всю злобу, низость, глупость и всѣ преступления, такъ же точно нельзя безусловно уничтожить пролетаріатъ и разные недостатки социальной и экономической жизни рабочаго класса... Пролетаріатъ и социальныя положенія, противорѣчащія требованіямъ морали, зависятъ не только отъ человѣческихъ учрежденій, но и отъ человѣческой природы, измѣнить которую мы не въ состояніи. Не смотря на самыя тщательныя заботы общества объ образованіи и воспитаніи, не смотря ни на какія социальныя учрежденія, всегда будутъ существовать люди, которые поступаютъ безнравственно, которые, женившись, не исполняютъ своихъ родительскихъ и супружескихъ обязанностей и производятъ дѣтей, не имѣя средствъ для ихъ пропитанія и воспитанія, всегда найдутся лѣнныя, расточительныя и т. п. люди, а, слѣдовательно, всегда будутъ существовать бѣдняки и пролетаріи“.

Нашъ взглядъ на книгу проф. Шенберга сводится такимъ образомъ къ слѣдующему: весьма полезно усвоить тотъ обильный фактический матеріалъ, какой она сообщаетъ, но общія квази-философскія воззрѣнія автора слѣдуетъ отбросить, какъ невужный балластъ. Переводчикъ заслуживаетъ особой благодарности не только за прекрасный переводъ, но и за многочисленныя примѣчанія, указывающія на законодательство и литературу по рабочему вопросу за послѣдніе годы. Вообще книга издана очень хорошо и изящно.

Промышленность. Статьи из *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе М. и Н. Водовозовыхъ. Москва. 1896 г.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ среди нѣмецкихъ экономистовъ возникла мысль собрать воедино обширный матеріалъ, относящійся къ разнообразнымъ сторонамъ народнаго хозяйства, финансовъ, статистики и хозяйственнаго законодательства, и надать такимъ образомъ энциклопедію общественныхъ знаній, которая могла-бы служить справочной книгой для всякаго, занимающагося общественными науками. Для подобнаго обширнаго изданія современная Германія представляетъ болѣе благоприятныхъ условій, чѣмъ какая либо другая страна: нигдѣ нѣтъ такого обилія научныхъ силъ, старыхъ и въ особенности молодыхъ, которыя съ такой тщательностью и добросовѣстностью занимались бы изслѣдованіемъ различныхъ сторонъ народнаго хозяйства. Во главѣ изданія сталъ проф. Конрадъ, давно извѣстный, какъ прекрасный организаторъ, проф. Лексисъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ экономистовъ по обширности и разносторонности своихъ познаній, проф. Эльстеръ и Ленингъ. Они привлекли къ своему энциклопедическому изданію почти всѣ наличныя научныя силы Германіи и Австріи, а также многихъ экономистовъ другихъ странъ, не исключая и Россіи. Въ результатѣ получилась обширнѣйшая и полезнѣйшая энциклопедія общественныхъ знаній, *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, далеко превосходящая по своимъ достоинствамъ все, что имѣлось до сихъ поръ въ этомъ родѣ. Изданный одновременно во Франціи *Dictionnaire d'économie politique*, подъ редакцію Леона Сэ, есть лишь слабое подражаніе нѣмецкому *Handwörterbuch'u*. Разница между этими двумя энциклопедическими изданіями вполне иллюстрируетъ то жалкое состояніе, въ которомъ находится политическая экономія въ современной Франціи, въ сравненіи съ ея состояніемъ въ Германіи. *Handwörterbuch der Staatswissenschaften* является необходимой справочной книгой, безъ которой въ настоящее время совершенно невозможно обойтись желающему специально заниматься хозяйственными вопросами. Можно положительно сказать, что въ Германіи нѣтъ теперь ни одного человѣка, болѣе или менѣе интересующагося общественными науками, будь то молодой доцентъ, добросовѣстный политическій дѣятель, серьезный чиновникъ, труженикъ печати или просто любовательный *Bürger*, который не заглядывалъ-бы время отъ времени въ эту драгоценную энциклопедію общественныхъ знаній. Главное достоинство этой энциклопедіи заключается не въ разработкѣ теоретическихъ вопросовъ, а въ тѣхъ богатѣйшихъ фактическихъ свѣдѣніяхъ, какія она включаетъ по различ-

нымъ вопросамъ прикладной экономіи, финансовъ, статистики и законодательства. Къ сожалѣнію, есть мало шансовъ, чтобы *Handwörterbuch der Staatswissenschaften* получилъ широкое распространѣніе въ Россіи: не говоря уже о томъ, что не всякій, интересующійся у насъ экономическими вопросами, владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ, это изданіе и по своей цѣнѣ мало кому доступно: оно стоитъ приблизительно рублей 50—60.

Въ виду вышесказаннаго заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія мысль М. и Н. Водовозовыхъ постепенно перевести на русскій языкъ наиболѣе интересныя части этой обширной нѣмецкой энциклопедіи, располагая при этомъ матеріалъ не въ алфавитномъ порядкѣ, какъ это имѣетъ мѣсто въ оригиналѣ, а въ систематическомъ, т. е. соединяя въ одну книгу статьи, относящіяся къ опредѣленному отдѣлу политической экономіи. Въ началѣ этого года вышла первая книга, озаглавленная „Землевладѣніе и сельское ховяйство“. На страницахъ нашего журнала („Рус. Бог.“ кн. 4-ая за 1896 г.) уже данъ былъ отзывъ объ этой книгѣ. Теперь предъ нами лежитъ вторая книга, „Промышленность“, заключающая въ себѣ наиболѣе интересныя статьи по этой важной отрасли народнаго хозяйства. Сюда вошли статьи Лексиса о производствѣ вообще, затѣмъ о крупномъ и мелкомъ производствѣ и о перепроизводствѣ, статьи Крюгера о разныхъ видахъ товариществъ, статья Геркнера о кризисахъ, Клейнвехтера о союзахъ предпринимателей и еще нѣкоторыя другія. Выборъ статей сдѣланъ весьма удачно, и переводъ очень хорошъ. Не понимаемъ только, зачѣмъ включена статья Роберта Мейера „о доходѣ“; она не имѣетъ прямого отношенія къ кругу тѣхъ вопросовъ, о которыхъ трактуетъ выпускъ „Промышленность“, да и вообще эта статья кажется намъ слабѣе другихъ. Издатели обѣщаютъ издать въ скоромъ времени еще слѣдующіе выпуски: „Освобожденіе крестьянъ въ связи съ исторіею поземельныхъ отношеній на Западѣ“, „Фабричное законодательство“, „Рабочій вопросъ“, „Народонаселеніе“ и проч. Пожелаемъ этому полезному изданію широкаго распространенія.

Экономическая оцѣнка народнаго образованія. Очерки И. И. Янжула, А. И. Чупрова и Е. Н. Янжуль. Съ приложеніемъ извлеченій изъ докладовъ на второмъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію, происходившемъ въ Москвѣ въ 1895—96 гг., Л. Л. Газришева, П. М. Шестакова, Ф. А. Данилова и А. В. Горбунова. Спб. 1896 г.

Вопросъ о народномъ образованіи, объ общедоступности народной школы принадлежитъ къ числу самыхъ наболѣвшихъ и животрепещущихъ вопросовъ современной русской

жизни. Можно положительно сказать, что за послѣдніе годы ни одному вопросу не удѣлялось у насъ столько глубокаго вниманія, столько живого интереса. На сельскихъ сходахъ, думскихъ засѣданіяхъ, земскихъ собраніяхъ, въ совѣщаніяхъ ученыхъ обществъ, въ кружкахъ столичной и провинціальной интеллигенціи, на страницахъ нашихъ органовъ печати словомъ повсюду, гдѣ только бьется слабый пульсъ нашей общественной жизни, вопросъ о расширеніи народнаго образованія, о всеобщности школьнаго обученія стоялъ чуть ли не на первомъ планѣ. И это весьма понятно. Если болѣе просвѣщенная часть нашего общества давно совнавала великую пользу народной школы, если лучшіе люди нашей немногочисленной интеллигенціи давно твердили, что безъ широкаго народнаго образованія Россія никогда не будетъ приобщена къ европейской культурѣ, какъ бы верхніе слои ея ни были образованы, то для массы населенія нужны были событія изъ ряда вонъ выдающіяся, для нея нужны были потрясающіе факты, чтобы убѣдиться во вредѣ и опасности народнаго невѣжества. Франція должна была испытать седанскій погромъ, чтобы воплію оцѣнить значеніе народной школы: до франко-прусской войны количество безграмотныхъ во Франціи простиралось до 58%, а теперь это число едва достигаетъ 15%. Австрія должна была въ 1867 году почувствовать надъ собою побѣду прусскаго школьнаго учителя, чтобы въ ней начался сильный подъемъ народнаго образованія. Россія за послѣдніе годы не претерпѣла, правда, никакихъ военныхъ пораженій, но она за то подверглась испытаніямъ не менѣе тяжелаго характера. У всѣхъ еще живы въ памяти страшныя бѣдствія, какія испытала наша родина въ тяжелую годину народнаго голода. Какъ ураганъ, пронеслась затѣмъ холера съ ужасными, потрясающими спенами дикихъ холерныхъ безпорядковъ. Когда русское общество очнулось отъ этого тяжелаго кошмара, оно было похоже на больного, недавно перенесшаго опасную, изнурительную болѣзнь. Теперь всѣ отъ мала до велика поняли, какую дикую силу представляетъ собою темная, невѣжественная масса.

Конечно, было бы грубымъ заблужденіемъ думать, что такое явленіе, какъ народный голодъ, совершенно немыслимое въ культурной странѣ, объясняется исключительно народнымъ невѣжествомъ. Въ основѣ этого явленія лежитъ цѣлый рядъ причинъ и причинъ очень глубокихъ. Столь же ошибочно думать, что распространеніе грамотности среди русскаго народа, расширеніе народнаго образованія и проч. поставятъ Россію на одинъ уровень съ З. Европой въ культурномъ и экономическомъ отношеніи. Но столь-же несомнѣнно, что повальное невѣжество является однимъ изъ самыхъ сильныхъ

тормазовъ экономическаго и общественнаго прогресса нашего обширнаго отечества. Всенародная школа будетъ первымъ шагомъ къ развитію русскаго народнаго хозяйства и болѣе культурныхъ гражданскихъ формъ. „Есть, конечно, не мало причинъ, тормозящихъ развитіе русскаго народнаго хозяйства, говоритъ проф. Чупровъ, но въ числѣ ихъ мы должны поставить на самомъ видномъ мѣстѣ ту почти повальную безграмотность, которая такъ рѣзко отличаетъ наше отечество отъ всѣхъ сколько нибудь культурныхъ странъ“.

Недавно Постоянная Комиссія по техническому образованію издала, по совѣту проф. Янжула, сборникъ статей, въ которыхъ собраны многочисленныя и убѣдительнѣйшіе аргументы *экономическаго* характера въ пользу народнаго образованія. Сборникъ этотъ состоитъ, во-первыхъ, изъ трехъ руководящихъ статей И. И. Янжула, А. И. Чупрова и В. Н. Янжуль, носящихъ болѣе или менѣе общій, теоретическій характеръ и доказывающихъ краснорѣчивыми фактами тѣ благіе экономическіе результаты, къ которымъ привело широкое развитіе народнаго образованія въ З. Европѣ и Америкѣ. Въ разбираемую книгу вошли кромѣ того извлеченія изъ весьма интересныхъ докладовъ, обсуждавшихся на второмъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію. Эти доклады, опирающіеся на факты и наблюденія изъ русской жизни и русскаго народнаго хозяйства, служатъ блестящими иллюстраціями къ выводамъ болѣе или менѣе общаго характера, вытекающимъ изъ упомянутыхъ трехъ руководящихъ статей. Проф. Янжуль въ своей интересной статьѣ, озаглавленной „Значеніе образованія для промышленности и торговли“, приводитъ рядъ краснорѣчивыхъ фактовъ и отзывовъ англійскихъ и американскихъ экономистовъ, доказывающихъ вліяніе грамотности и народнаго образованія на усиленіе производительности труда рабочаго. Онъ останавливается затѣмъ на богатомъ изслѣдованіи американскаго статистика Райта, который обращался съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ къ предпринимателямъ и профессиональнымъ школамъ различныхъ государствъ Европы и Америки, съ цѣлю выяснитъ вліяніе профессиональнаго школьнаго обученія не только на производительность труда, но и вообще на умственные и нравственные качества рабочаго. Многочисленные отвѣты, полученные Райтомъ, вполне подтверждаютъ великое экономическое и нравственное значеніе школьнаго обученія. „Райтъ доказалъ посредствомъ опроса массы лицъ на краснорѣчивомъ и безпристрастномъ языкѣ цифръ, что до него знали лишь по личнымъ наблюденіямъ отдѣльныхъ лицъ и частнымъ отзывамъ, и, слѣдовательно, всегда было мѣсто сомнѣніямъ, или же заключали о томъ чисто апіоріи“. Останавли-

ливаясь затѣмъ на поразительномъ ростѣ богатствъ въ Соединенныхъ Штатахъ, проф. Янжуль приходитъ къ заключенію; что одной изъ главнѣйшихъ причинъ этого быстрого прогресса молодой страны „является высокій уровень образованія массъ и постоянно растущая у американскаго народа и правительства заботливость и затраты на его дальнѣйшее и дальнѣйшее поднятіе и развитіе“. Въ Соединенныхъ Штатахъ 23% всего населенія находится въ школахъ, между тѣмъ въ Англіи эта цифра достигаетъ всего 16%, во Франціи 15%, а въ Австріи 13%. Другой, не менѣе краснорѣчивый примѣръ, доказывающій огромную экономическую важность народнаго образованія, „представляетъ собою наша ближайшая сосѣдка по дальнему Востоку, страна восходящаго солнца и восходящихъ ожиданій—Японія“. „Это сорокамилліонное государство въ настоящее время насчитываетъ у себя уже 25 тысячъ школъ съ 67-ю тысячами учителей и 3.302,000 учениковъ обоого пола, т. е., примѣрно, около 8% всего населенія въ школѣ, что, конечно, далеко уступаетъ Соединеннымъ Штатамъ, но относительно недурно, и нѣсколько государствъ въ Европѣ стоятъ гораздо ниже (въ Россіи, напр., 3,1%). Въ то же время промышленность ея развивается съ сказочной быстротой“. Конкуренція японской фабричной промышленности уже даетъ себя чувствовать въ 3. Европѣ, гдѣ общественное мнѣніе начинаетъ относиться съ нескрываеомой тревогой къ экономическому росту будущей опасной соперницы. Еще много другихъ весьма любопытныхъ фактовъ приводитъ проф. Янжуль изъ своихъ собственныхъ богатыхъ наблюденій надъ промышленностью и торговлею Соединенныхъ Штатовъ, Германіи и Россіи, подтверждающихъ великое экономическое значеніе общаго и профессиональнаго образованія.

Съ такимъ-же глубокимъ интересомъ читается блестяще написанная статья проф. Чупрова, подъ названіемъ „Знаніе и народное богатство“. „Немногіе рѣшатся теперь, говорить А. И. Чупровъ, отвергать въ принципѣ пользу образованія; но сплошь и рядомъ слышится мнѣніе, что въ ряду силъ, двигающихъ впередъ человѣческое общество, знаніе и образованіе имѣютъ лишь второстепенное значеніе; что они являются скорѣе украшеніемъ жизни, чѣмъ необходимостью; что заботамъ о просвѣщеніи народа должны предшествовать мѣры къ умноженію его достатка. Такіе толки въ области теоріи естественно вызываютъ на практикѣ ослабленіе интереса къ распространенію знаній, отгалкиваютъ лучшихъ людей отъ этой отрасли дѣятельности, ведутъ къ скупости въ затратахъ на школы и просвѣщеніе. На мой взглядъ, это ошибка,—ошибка, особенно бѣдственная по отношенію къ нашему отечеству“. И въ статьѣ проф. Чупрова мы находимъ много краснорѣчи-

выхъ фактовъ, доказывающихъ великую экономическую роль народнаго образованія.

Третья руководящая статья разбираемой книги принадлежитъ г-жѣ Янжуль. Она приводитъ рядъ весьма поучительныхъ данныхъ, заимствованныхъ изъ богатаго изслѣдованія американскаго ученаго, Эдуарда Дѣкарвиса, краснорѣчиво подтверждающихъ громадное вліяніе грамотности на производительность труда. Въ видѣ приложенія къ настоящему изданію помѣщены извлеченія изъ докладовъ Л. Л. Гавришева, П. М. Шестакова, А. Ф. Данилова и А. В. Горбунова. Первый изъ этихъ докладовъ составляетъ результатъ наблюденій надъ 1500 рабочими механическихъ заводовъ города Николаева. Исходя изъ того соображенія, что съ одной стороны большее или меньшее число лѣтъ, проведенныхъ въ школѣ, служитъ показателемъ большаго или меньшаго образованія рабочаго, а съ другой, что размѣръ заработной поденной платы можетъ служить показателемъ производительности труда, докладчикъ сопоставилъ эти два явленія и въ результатѣ получился общій выводъ, что „средняя заработная плата *непрерывно возрастаетъ, начиная съ неграмотныхъ до группы мастеровыхъ, проводившихъ въ школьномъ обученіи 6 лѣтъ*“. Остальные три доклада служатъ столь-же наглядными русскими иллюстраціями тѣхъ общихъ заключеній, къ которымъ пришли профессора Янжуль и Чупровъ.

Соціологія по даннымъ этнографіи. Д-ра Шарля Летурно. Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія подъ редакціей и съ предисловіемъ профессора А. Трачевскаго. Цѣна 1 р. 50 к. Спб. 1896 г.

„Соціологія“ Летурно не задается цѣлью установить новыя законы соціальныхъ явленій. Авторъ энергически указываетъ на несвоевременность попытокъ создать научную соціологію. Прежде чѣмъ приступить къ подобной задачѣ, „необходимо скопить богатый матеріалъ хорошо установленныхъ и тщательно наблюденныхъ фактовъ“ (стр. 2). Для этой „громадной подготовительной работы... потребуются навѣрно столѣтія; и тѣмъ не менѣе, пока она не будетъ совершенна, нечего надѣяться на построеніе научной соціологіи“ (стр. 2) „Наше дѣло, говоритъ авторъ (стр. 3),—послѣдовательно описать важнѣйшія проявленія человѣческой дѣятельности у главныхъ человѣческихъ породъ, сближая ихъ, гдѣ возможно, съ подобными явленіями, наблюдаемыми у животныхъ. Правда, почти всегда мы заключаемъ каждое наше изслѣдованіе попытками сдѣлать обобщенія и даже выводы; но читатель весьма легко отдѣлитъ наши личные взгляды отъ данныхъ, которыми, по нашему мнѣнію, они оправдываются,

и сдѣлаетъ изъ нихъ такія заключенія, какія покажутся ему болѣе вѣрными“.

Такимъ образомъ, разбираемая нами книга есть только послѣдовательное описаніе важнѣйшихъ проявленій человѣческой дѣятельности. Авторъ разсматриваетъ: 1) „Питательную жизнь человѣческаго рода“, т. е., пищу; кухонное искусство; опьяняющія, одуряющія и возбуждающія вещества; 2) „жизнь ощущеніями въ человѣчествѣ“ (жизнь половую, наряды и искусства); 3) „жизнь чувствами“ (нравственныя и религіозныя чувства въ человѣчествѣ); 4) „общественную жизнь“ и 5) „умственную жизнь“.

Принимая во вниманіе сравнительно небольшой объемъ книги и разнообразіе ея содержанія, мы не станемъ искать въ ней того обилія матеріаловъ, которое сдѣлало-бы ее настольною книгою ученыхъ, занимающихся социологіею. На эту роль съ гораздо болѣе широкимъ правомъ можетъ претендовать рядъ монографій того-же автора: „Эволюція собственности“, „Эволюція нравственности“ и т. д.; настоящая-же книга обращена скорѣе къ широкой публикѣ, къ образованнымъ людямъ, интересующимся социальными явленіями.

Эту задачу, т. е. задачу ознакомленія образованныхъ людей съ этнографическими данными социологіи, книга Летурно выполняетъ вполне удовлетворительно. Обширная начитанность автора, ясный, свѣтлый взглядъ на общественную жизнь и умѣнье искусно распредѣлять собранный матеріалъ оправдываютъ то вниманіе, которымъ разбираемая книга уже пользуется у читающей публики Европы.

Общая тенденція автора видна, какъ изъ слѣдующихъ словъ „Заключенія“: „Всякому, кто потрудится прочесть эту книгу, покажется, конечно, излишнимъ опровергать пессимистическія ученія, бывшія недавно въ модѣ между современными пресыщенными жизнью людьми“, — такъ и изъ эпиграфа, почерпнутаго авторомъ у Сень-Симона и гласящаго: „Золотой вѣкъ человѣчества вовсе не за нами, онъ еще впереди; онъ заключается въ совершенствѣ общественного строя: наши отцы вовсе не видали его, наши дѣти когда нибудь придутъ къ нему; на насъ лежитъ обязанность проложить имъ для этого путь“.

Счастье и трудъ. Составилъ П. Мантегацца, проф. антропологіи во Флоренціи. Перевелъ со 2-го итальянскаго изданія д-ръ Н. Лейненбергъ 3-е удешевленное изданіе (Ф. Павленкова). Цѣна 50 к. Спб. 1896.

Имя профессора Мантегацца уже извѣстно русской публикѣ и даже пользуется нѣкоторымъ авторитетомъ. Сочиненія Мантегацца охотно читаются и расходятся въ нѣсколькихъ

изданіяхъ. Слѣдуетъ-ли этотъ успѣхъ считать заслуженнымъ? Ограничивая нашъ отвѣтъ только подлежащимъ нашему разбору сочиненіемъ, мы не можемъ не сказать, что, несмотря на всѣ недостатки этого труда, успѣхъ книги слѣдуетъ считать заслуженнымъ. А недостатковъ этихъ у Мантегацци не мало. Поверхностность сужденій, нѣкоторая болтливость и порою несистематичность изложенія плохо рекомендуютъ автора, какъ мыслителя. Но если мы откажемся отъ безнадежной попытки видѣть въ Мантегацци ученаго и мыслителя, если мы приложимъ къ нему болѣе скромную мѣрку компюлятора, то несомнѣнныя достоинства труда Мантегацци сдѣлаются очевидными.

Прежде всего, основная мысль автора вѣрна и симпатична. „Эта маленькая книжка, вышедшая скорѣе изъ моего сердца, чѣмъ изъ головы, имѣетъ въ виду сообщить читателю то горячее чувство обожанія труда, которое вдохновляло меня при ея составленіи“.—такими словами начинается авторъ свое предисловіе. Вся книга наполнена восхваленіемъ труда. „Трудъ—мировой законъ“. „Трудъ—здоровье“. „Нравственное значеніе труда“. „Радость и поэзія труда“ и т. д. Все это маленькія главки, славословія трудъ.

Книга написана живымъ и легкимъ языкомъ, порою даже художественно (напр. стр. 7—8), переполнена множествомъ интересныхъ и поучительныхъ анекдотовъ; словомъ, какъ живая популяризація симпатичной и вѣрной идеи, книга Мантегацци можетъ быть рекомендована особенно молодому поколѣнію.

Другой вопросъ, не преувеличиваетъ ли авторъ пользу, которую можетъ принести его книга. Кто, подобно ему, всѣ бѣды выводитъ изъ одного „незнанія“ (стр. 5), кто думаетъ, что люди злы и несправедливы только вслѣдствіе „невѣжества“ (стр. 61), тотъ, конечно, можетъ мечтать, что, указавши лѣнтяю на пагубныя послѣдствія лѣни, исправить его. Но мы не думаемъ, чтобы дѣло исправленія было такъ легко. Самъ авторъ рассказываетъ (стр. 6) о томъ времени, когда увѣщанія его матери: „сынъ мой, работай; трудъ—краеугольный камень нравственности и лучшее наслажденіе въ жизни“,—когда эти прекрасныя увѣщанія оставались тщетными.

Но если мы и не раздѣляемъ оптимизма автора, то, все-таки, думаемъ, что чтеніе этой живо написанной книги можетъ иногда укрѣпить колеблющуюся волю юноши. Жаль только, что желаніе сказать возможно больше въ пользу труда заставляетъ автора часто приводить курьезные и даже просто нелѣпые доводы. „Человѣкъ работающій знаетъ политическую экономію, не изучая ея“ (стр. 24). Несостоятельность этого довода видна на примѣрѣ самого автора, человѣ-

ка, несомнѣнно работающаго, но политико-экономическія разсужденія котораго (напр., стр. 64 и 65) отличаются крайнею наивною. А вотъ образецъ курьезныхъ доводовъ: „Вниманіе и время, которое онъ (человѣкъ) тратитъ на дѣятельность ума и мышцъ, отвлекаютъ его отъ порока. Кто работаетъ, тотъ не пьянствуетъ, не распутничаетъ, не грабитъ, не проклинаятъ, не клеветаетъ, не завидуетъ, не злословитъ, не злоупотребляетъ временемъ, не издѣвается надъ семьей и надъ лучшими радостями жизни“ (стр. 22). При чтеніи этого нѣсколько курьезнаго и, во всякомъ случаѣ, слишкомъ многословнаго довода, иной читатель вспомнитъ, пожалуй, болѣе короткую и не менѣе выразительную поговорку: „кто спитъ, тотъ не грѣшитъ“.

Н. Н. Страховъ. Философское ученіе о познаніи и достовѣрности познаваемаго. Изданіе второе. Цѣна 50 к. Харьковъ. 896 г.

Авторъ (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ его извѣстнымъ однофамильцемъ, недавно умершимъ Н. Н. Страховымъ), вѣроятно, думаетъ, что, написавши брошюру „о познаніи и о достовѣрности познаваемаго“, онъ, тѣмъ самымъ, оградилъ себя отъ малѣйшей возможности упрека въ догматизмъ. Онъ изслѣдуетъ вопросъ о томъ: „имѣемъ-ли мы твердыя, несомнѣнныя *начала* и вѣрныя *средства* познанія, въ чемъ заключаются *условія* достовѣрнаго знанія и гдѣ *предѣлы* его“ (стр. 4), значитъ онъ конечно, критическій философъ. И „*начала*“ и „*средства*“ и „*условія*“ и „*предѣлы*“ познанія имъ изслѣдованы. Чего-же больше? Однако, компетентный человѣкъ, прочитавшій разбираемую нами брошюру, легко пойметъ, что весь этотъ критицизмъ автора только „на устахъ“, въ сущности-же онъ чистокровный догматикъ.

Прежде чѣмъ заняться „анализомъ познавательной дѣятельности“, авторъ разбираетъ „два главныхъ и совершенно противоположныхъ другъ другу взгляда“ на вопросъ о томъ, „имѣемъ-ли мы какія-либо несомнѣнныя начала или истины, которыя-бы могли служить надежнымъ фундаментомъ для построенія вѣрнаго и цѣльнаго философскаго міросозерцанія“ (стр. 5—6). Эти два „главныхъ и совершенно противоположныхъ“ взгляда суть: „философія здраваго смысла и философія непосредственнаго чувства“ съ одной стороны, и „скептицизмъ и позитивизмъ“ съ другой. Семь съ небольшимъ страницекъ, посвященныхъ изложенію и опроверженію скептицизма и позитивизма, представляютъ образецъ шаблонной, поверхностной критики этихъ ученій.

Но и „анализъ познавательной дѣятельности“ также не

может претендовать ни на глубину, ни на оригинальность. „Главными органами познанія являются: чувственное воспріятіе, разсудокъ и разумъ“,—такими словами начинаетъ авторъ свой анализъ. Переходя затѣмъ къ чувственному воспріятію, авторъ, вмѣсто того, чтобы заняться изученіемъ условій этого чувственнаго воспріятія, сейчасъ-же приступаетъ къ критикѣ матеріализма, и, конечно, догматическія тенденціи автора немедленно всплываютъ на верхъ. Догматизмъ, допущенный въ самомъ началѣ изслѣдованія, уже не можетъ не вліять на весь дальнѣйшій ходъ разсужденій автора. Да авторъ и не заботится объ этомъ... „Разсудокъ“, какъ источникъ „познанія раціональнаго“, даетъ возможность ему заняться рѣшеніемъ слѣдующаго вопроса: „если понятія сравнительно съ представленіями имѣютъ свою самостоятельность, то имѣютъ-ли они объективное значеніе,—выражаютъ-ли они что либо реально сущее въ самихъ вещахъ? (стр. 59). Авторъ не долго утруждаетъ себя рѣшеніемъ этого вопроса, и уже черезъ 2 страницы (стр. 61) находитъ, что „это „общее“ присуще и реальному бытію“. При этомъ нужно замѣтить, что вопросъ о томъ, что такое „реальность“ не былъ еще рассмотрѣнъ нашимъ философомъ. Тотъ-же отдѣлъ о „разсудкѣ“ украшенъ слѣдующимъ догматическимъ финаломъ: „Если наши апріорныя раціональныя понятія имѣютъ соотвѣтствіе съ реальными законами вещей, то не указываютъ-ли это на то, что между міромъ и человѣческимъ духомъ существуетъ напередъ установленная связь, *предустановленная гармонія*“ (стр. 81). Но вѣдь предустановленная гармонія и понадобилась Лейбницу только тогда, когда онъ понялъ, что нѣтъ никакой возможности мыслить взаимодѣйствіе между двумя субстанціями. Такимъ образомъ, она есть формальное признаніе существованія ненаполнимой бездны между моимъ и внѣшнимъ міромъ. А тогда разсуждать объ условіяхъ познанія этого міра, значитъ впадать въ противорѣчіе съ самимъ собою. Можно говорить только объ условіяхъ познанія своихъ собственныхъ состояній и больше ни о чемъ.

„Разумъ“, источникъ „познанія, идеальнаго“ занятъ у нашего автора, главнымъ образомъ, идеей Бога. Послѣ бѣглой и поверхностной критики ученій о происхожденіи идеи о Богѣ, авторъ приходитъ къ выводу, что „нужно признать два источника естественнаго богопознанія: объективный—воздѣйствіе Бога на самую душу человѣка, и субъективный—самодѣятельность человѣческаго мышленія“ (стр. 95). Здѣсь авторъ, очевидно, выходитъ изъ области философіи и переходитъ въ область богословія. А такъ какъ авторъ къ этому еще прибавляетъ (стр. 95), что „вслѣдствіе самой ограниченности своей природы, притомъ испорченной и поврежденной“, че-

ловѣкъ, даже, и обладая двумя указанными средствами естественнаго богопознанія, не можетъ „дойти до точнаго и правильнаго познанія всего того, что ему необходимо знать, какъ существу религіозно-нравственному“, что для этого нужно „сверхъестественное откровеніе Бога“ (стр. 96),—то мы можемъ очевидно сказать, что критика его брошюрки должна быть передана изъ рукъ философа въ руки богослова.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ:

Жизнь Шупова. Романъ. Сочиненіе А. Михайлова (А. К. Шеллера). Приложение къ газетѣ «Сынъ Отечества». Спб. 96.

Сочиненія Н. В. Гоголя. Изд. десятое. Тома: VI и VII. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 96. Ц. всѣмъ семи томамъ 10-го изд. 15 р.

Д. А. Горчаковъ. Мѣрской учитель. Разсказъ для народа. Сибирскъ. 96.

Марко Вовчокъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ I. Саратовъ. 96. Ц. 1 р.

И. Горбунова-Посадова. Живая любовь. Разсказъ о томъ, какъ жилъ, трудился и умеръ Даміанъ-де-Вестеръ, другъ прокаженныхъ. М. 96. Ц. 8 коп.

Жизни дяди Тома. Романъ Вичеръ-Стоу. Съ англійскаго, изложилъ Е. В. Изд. „Посредника“. М. 96. Ц. 30 к.

Стихотворенія В. К. Ладыженскаго. (Библ. „Русской Мысли“). М. 96. Ц. 25 к.

Думы и пѣсни. Сборникъ стихотвореній В. Грета. Изданіе автора. Екатеринбургъ. 96. Ц. 35 к.

И. Тѣнъ. О методѣ критики и объ исторіи литературы. Изд. I. Юровскаго. (Международная библ. № 44). Спб. 96. Ц. 20 к.

Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Издана подъ ред. Е. Я. Грота. 3 тома. Спб. 96. Ц. каждого тома 3 р.

Исповѣдь Тенора. 2 тома. М. 96. Ц. 2 р. (оба тома).

Сочиненія Людвига Верне, въ переводѣ Петра Вейнберга, въ 2-хъ томахъ. Изд. второе «книгопродавческой складчины». Спб. 96. Ц. 3 р.

К. Тимирязевъ. Луи Пастёръ. Изд. книжнаго магазина Гросманъ и Кнебель („Вопросы науки, искусства, литературы и жизни“. № 7). М. 96. Ц. 25 к.

К. Келлеръ. Жизнь въ морѣ. Переводъ Вл. Шацкого, подъ ред. д-ра зоологій А. М. Никольскаго. Часть I. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 96. Ц. 50 к.

П. Р. Фрейбергъ. Растенія—друзья человѣка. (Культурно-ботаническіе очерки). I. Финиковая и кокосовая пальма. Ц. 20 к. II. Вамбукъ. М. 96. Ц. 20 к.

Элизе Реклю. Физическія явленія на земномъ шарѣ. Переводъ съ

пятого франц. изд. съ примѣчаніями и дополненіями Д. А. Коропчевскаго. Изд. ред. журнала „Міръ Божій“. Спб. 97. Ц. 1 р. 60 к.

Н. П. Коломійцовъ. Труды сельско-хозяйственной метеорологической съѣти Императорскаго Моск. Общ. Сельскаго хозяйства. Сельско-хозяйственный и метеорологическій очеркъ Воронежской губерніи за августъ 1896 годъ. М. 96.

Henri Pensa. Les Russes et les anglais en Afghanistan ou la prépondérance européenne en Asie centrale. Paris.

Антонъ Менгеръ. Соціальныя задачи юриспруденціи. Переводъ съ нѣм. Н. А. Гредескула, Харьковъ. 96.

Протекціонизмъ и всемірное хозяйство. **Ф. Ко. Нейманъ-Спалларта.** Переводъ съ нѣмецкаго Л. С. Зака. (Библ. общественныхъ знаній, подъ ред. Л. С. Зака). Одесса. 96. Ц. 20 к.

Л. А. Рафаловичъ. Что говорятъ противъ биметаллизма. Спб. 96. Ц. 1 р.

Сооруженіе и открытіе памятника Императору Александру II въ Казани. (Краткій историческій очеркъ). Казань. 96.

М. А. Литвиновъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи. (Общепользная бібліотека для самообразованія). Изданіе М. В. Елюкина. М. 97. Ц. 1 р. 25 к.

В. Романовскій. Императрица Екатерина II. Историческій очеркъ. Тифлисъ 96. Ц. 60 к.

Давидъ Штраусъ. Ульрихъ фонъ Гуттенъ. Переводъ со 2-го нѣм. изд. подъ ред. Э. А. Радлова. Изд. Л. Ф. Пантелѣева Спб. 96. Ц. 3 р.

П. П. Подуярославцевъ. Заслуги Нижняго-Новгорода передъ отечествомъ въ Смутное время. Нижний-Новгородъ. 96.

Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Составлена подъ руководствомъ Эрнеста Лависса и Альфреда Рамбо. Т. I-ый. Зачатки средневѣковаго строя (395—1095). Переводъ В. Невѣдомскаго. Изд. К. Т. Сомдатенкова. М. 97. Ц. 3 р.

Архивъ кн. **Θ. А. Куракина.** Книга шестая. Изданіе кн. **Θ. А. Куракина** подъ ред. В. Н. Смольянинова. М. 96.

К. Вагнеръ. Молодежь, ея настоящее и будущее. Переводъ съ 16-го франц. изд. **Θ. Θ. Тровинеръ.** Спб. 97. Ц. 1 р.

К. Вагнеръ. Мужество, какъ идеалъ дѣятельной жизни. Перевела съ 11-го франц. изд. С. Леонтьева. Спб. 97. Ц. 75 к.

Цезарь Ломброзо. Безуміе прежде и теперь. Переводъ съ итальянскаго. Изд. Н. Лейненберга. Одесса. 97. Ц. 25 к.

К. Беллэгъ. Музыка съ соціологической точки зрѣнія (Международная библ. № 45). Изд. І. Юровскаго. Спб. 96. Ц. 90 к.

Вѣшніе восходы. Третья и четвертая книга для класснаго чтенія и бесѣдъ. Составилъ **Д. И. Тихомировъ.** Изд. ред. „Дѣтское чтеніе“. М. 96 г. Ц. 60 к.

Звуковой букварь. М. 96. Ц. 8 коп.

Предисловіе къ звуковому букварю. М. 66. Ц. 15 к.

Учебникъ по русской грамматикѣ. Отдѣлъ 2-ой. Составилъ **М. Азбукинъ.** Орелъ. 96. Ц. 15 к.

Викторъ Острогорскій. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. Изд. второе журнала „Міръ Божій“. Спб. 96. Ц. 40 к.

О. Есиоранскій. Желѣзнодорожные тарифы по перевозкѣ хлѣба. Спб. 96.

Сборникъ. Управленія дѣлами пенсіонной кассы служащихъ на казенныхъ жел. дорогахъ. Издавъ по случаю Всероссийской Художеств. и Промышленной Выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ. Спб. 96. Ц. 1 р. 50 к.

А. П. Аргамаковъ. Двѣ рѣчи, привѣтствующія открытіе Всероссийской выставки 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. Полоцкѣ. 96. Ц. 30 к.

Отчетъ Общ. взаимнаго вспоможенія учителямъ и учительницамъ Нижегородской губ., съ 1-го авг. 1895 г. по 1-ое мая 1896 г. Нижний-Новгородъ. 96.

Отчетъ о дѣятельности Воронежской комиссіи народныхъ чтеній за 1895—96 годъ. Воронежъ. 96.

Отчетъ Орловскаго комитета народныхъ чтеній за 1894 — 95 годъ. Орелъ. 96.

Дневникъ педагогическихъ курсовъ для сельскихъ учителей и учительницъ земскихъ народныхъ училищъ Конотопскаго уѣзда. М. 96.

Очеркъ дѣятельности Полтавской губернской земской управы въ 1895 году. (Изъ Отчета Полт. Губ. Зем. Упр. за 1895 г.) Полтава. 96.

Отчетъ Александровской уѣздной земской Управы Уѣзному Земскому собранію XXXI-й очер. сессіи за 1895 г. Александровскъ. 96

Журналы. Орловскаго Вятской губ. уѣзднаго земскаго собранія экстренной сессіи 15 марта 1896 г. и **доклады** Орловской уѣздной земской управы. Вятка. 96.

Журналы Орловскаго Вятской губ. уѣзднаго земскаго собранія XXIX-й очередной сессіи съ 5-го по 15-е сент. 1895 г. и **докладъ** Орловской уѣздной земской управы. Вятка. 96.

Стенографическій отчетъ XXXI очереднаго Новгородскаго губ. земск. собранія. Новгородъ. 96.

Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губ. за 1895 г. Новгородъ. 96.

Отчетъ Полтавской уѣздной земской управы за 1895 г. Полтава. 96.

Сельскохозяйственный обзоръ Псковской губ. за 1895 г. Вып. I. Псковъ. 96.

Русскій сельскій календарь И. Горбунова-Посадова. Годъ IV. 97 г. Ц. 20 к.

Изъ Австріи.

(Австрийскій клерикализмъ).

Кто внимательно слѣдилъ за внутренней жизнью Австріи въ послѣдніе годы, тотъ не могъ не замѣтить поражающаго роста клерикализма. Господствующая въ монархіи Габсбурговъ католическая церковь уже не довольствуется той выдающейся ролью, которую она до сихъ поръ играла въ духовной жизни австрийскихъ народовъ, и стремится къ гегемоніи на политическомъ поприщѣ. Во всѣхъ провинціяхъ Австріи, начиная съ издавна клерикальныхъ, въ родѣ

Форальберга, Зальцбурга или Тироля, и кончая такими странами, какъ Чехія, гдѣ католицизмъ до сихъ поръ былъ до нѣкоторой степени въ загонѣ, католическое духовенство начинаетъ принимать самое дѣятельное участіе въ политической, соціальной и литературной жизни народа. Духовенство старается выдвинуться на первый планъ и забрать въ свои руки все, что только можно: воспитаніе юношества, журналистику, всякія филантропическія учрежденія, экономическія организаціи, политическія общества и т. д. Устраиваются католическіе сѣзды: общеимперскіе, областные и провинціальныя. На этихъ сѣздахъ и конгрессахъ дебатировались вопросы самаго разнообразнаго свойства: политическіе, соціальные, чисто-экономическіе и литературные.

Воинствующая католическая церковь въ Австріи прибѣгаетъ къ самымъ разнообразнымъ средствамъ, чтобы обезпечить себѣ вліяніе на политику. Сообразуясь съ мѣстными условіями, она въ одной провинціи поддерживаетъ аристократическій элементъ; въ другой вывѣшиваетъ знамя христіанскаго соціализма и пытается опереться на рабочія массы; въ третьей она выступаетъ въ защиту мелкобуржуазныхъ интересовъ, рассчитывая на поддержку ремесленниковъ и крестьянъ, и поэтому идетъ объ руку съ антисемитами; наконецъ тамъ, гдѣ клерикализмъ уже успѣлъ пустить болѣе прочныя корни, онъ выступаетъ совершенно самостоятельно, въ качествѣ особой клерикальной партіи.

Особенное вниманіе удѣляютъ клерикалы литературѣ, и нужно сказать, что издаваемые ими труды, журналы и газеты ведутся прекрасно. Въ какомъ-нибудь іезуитскомъ ежемѣсячникѣ вы найдете массу интереснаго матеріала, искусно подобранаго и ловко освѣщеннаго. Въ лагерѣ клерикаловъ вы встрѣтите немало опытныхъ и образованныхъ людей, а среди іезуитовъ вамъ попадутся и философы, и экономисты, и соціологи, и юристы, и историки, и эстетики. Іезуита вы увидите и на литературномъ конгрессѣ, не имѣющемъ рѣшительно никакого вѣроисповѣднаго характера, и на крестьянскомъ митингѣ, и на сходкѣ рабочихъ соціалъ-демократовъ. Вездѣ онъ съумѣетъ вставить свое словечко, предложить какую-нибудь резолюцію и всегда внесетъ специфически клерикальный отгѣнокъ.

Въ послѣднее время это становится особенно замѣтнымъ: вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ клерикалы такъ часто заставляли говорить о себѣ, что съ ними дѣйствительно приходится считаться, какъ съ настоящею вліятельной силой, какъ съ выдающимся факторомъ внутренней жизни Австріи. Поэтому мы считаемъ не лишнимъ познакомиться читателей «Русскаго Богатства» съ основнымъ характеромъ и главными проявленіями клерикализма въ различныхъ провинціяхъ Австріи.

Въ австрійскомъ клерикализмѣ до сихъ поръ можно было наблюдать два теченія, которыя иногда выступали даже враждебно другъ противъ друга. Высшее духовенство держалось аристократія въ то

время, когда низшее желало опереться на народные массы. Высшее духовенство было проникнуто консервативнымъ духомъ, низшее замѣтно склонялось къ радикально-демократическимъ программамъ. На предпоследнемъ католическомъ сѣздѣ въ Линцѣ въ 1893 г. предполагалось примиреніе обоихъ теченій, но эта попытка не удалась, и гр. Сильва-Тарукка, который долженъ былъ созвать слѣдующій общеавстрійскій католическій сѣздъ, два года не созывалъ его, опасаясь даже открытаго конфликта.

Въ послѣднее время клерикаламъ, повидимому, удалось наконецъ уладить этотъ споръ келейно. Аристократическая фракція приняла нѣкоторые требованія христіанскихъ социалистовъ; священники-демократы перестали выдвигать на первый планъ требованія радикальныхъ социальныхъ реформъ. Оба теченія примирились на томъ, что нужно прибрать къ рукамъ всѣ позиціи, которыми клерикализмъ можетъ овладѣть въ странѣ. Съ утвержденіемъ новаго избирательнаго закона передъ цислейтанскими клерикалами открылись новыя перспективы. Пятая курія давала имъ возможность заняться серьезной политической агитаціей среди рабочихъ, мелкихъ ремесленниковъ и крестьянъ не безъ надежды на успѣхъ. Слѣдовало устроить смотръ клерикальнымъ кадрамъ, привести въ извѣстность имѣющіяся на лицо боевыя силы, организовать ихъ и выступить въ бой противъ непріятелей, т. е. либераловъ и демократовъ различныхъ оттѣнковъ. Съ этой цѣлью былъ созванъ общеавстрійскій католическій сѣздъ въ Зальцбургѣ.

Сѣздъ этотъ былъ особенно многолюденъ. Нѣсколько сотъ священниковъ и мірянъ сѣхалось туда, чтобы выработать систематическую программу дѣйствій. На сѣздѣ говорилось и о политическихъ вопросахъ вообще, и о социальныхъ вопросахъ, и о литературѣ, и объ искусствѣ. Особенно любопытны требованія клерикаловъ, относящіяся къ школьному дѣлу и выраженные въ слѣдующихъ пунктахъ:

1. Чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ не упоминалось ни о чемъ, что можетъ оскорбить религіозное чувство и самую религію.
2. Чтобы въ учительскихъ семинаріяхъ, въ которыхъ католическіе ученики составляютъ большинство, не могъ получить мѣсто преподавателя не католикъ или еврей.
3. Чтобы Законъ Божій опять сталъ обязательнымъ предметомъ при экзаменѣ на аттестатъ зрѣлости.
4. Чтобы епископъ данной епархіи высылалъ на окончательные экзамены комиссара, который имѣлъ бы право присутствовать при экзаменѣ и по свѣтскимъ предметамъ.
5. Извѣстные своей безнравственностью или нерелигіозностью ученики среднихъ учебныхъ заведеній не должны быть допускаемы къ испытанію на аттестатъ зрѣлости.
6. Что касается низшаго образованія, то требуется возстановленіе вѣроисповѣдной школы.

7. Церковь должна имѣть право надзора за преподаваніемъ въ школахъ.

Все общественное мнѣніе Австріи чутко слѣдило за преніями общекатолическаго съѣзда, а въ прогрессивномъ лагерѣ, безъ различія партій, проявилось сильное негодованіе, когда правительство высказало трудамъ съѣзда свое одобреніе. Дѣло въ томъ, что отъ лица правительства съѣхавшихся клерикаловъ привѣтствовалъ зальцбургскій намѣстникъ гр. Сигизмундъ Тунъ. Министръ земледѣлія Ледебуръ послалъ съѣзду телеграмму со всевозможными комплиментами по адресу клерикаловъ и съ выраженіемъ пожеланій, чтобы католическій съѣздъ привелъ къ единенію всѣхъ католическихъ теченій «для пользы народа и монархіи». Наконецъ съѣздъ предложилъ выразить министру народнаго просвѣщенія, Гаучу, благодарность за то, что онъ идетъ навстрѣчу католикамъ и исполнилъ уже не одно изъ ихъ требованій.

Теперь уже для всѣхъ стало яснымъ, что министерство гр. Бадени, т. е. правительство, идетъ рука объ руку съ клерикалами и, значитъ, въ Австріи наступаетъ эра господства клерикализма. Парламентъ пришелъ въ замѣшательство. Рѣшено было интерpellировать гр. Бадени. Членъ нѣмецкой либеральной партіи гр. Кюнбургъ спросилъ: съ соизволенія ли правительства привѣтствовалъ гр. Тунъ зальцбургскій съѣздъ? Прогрессивные элементы парламента полагали, что гр. Бадени какъ нибудь уклонится отъ категорическаго отвѣта на интерpellацию, однако австрійскій министръ-президентъ сбросилъ маску и откровенно заявилъ, что правительство дало свое согласіе, и гр. Тунъ привѣтствовалъ съѣздъ отъ лица правительства. Этимъ гр. Бадени далъ понять, что нынѣшнее правительство вступаетъ въ союзъ съ воинствующимъ клерикализмомъ, хочетъ его поддерживать и опираться на него. Само собой разумѣется, что такое заявленіе вызвало взрывъ восторга въ органахъ клерикальнаго лагеря. Теперь дѣятельность клерикаловъ особенно усилится, а оппортунистскіе элементы, видя, что правительство заодно съ клерикалами, будутъ толпами переходить въ клерикальный лагерь. Уже и теперь въ различныхъ клерикальных обществахъ число клерикаловъ не священниковъ значительно и очень быстро увеличивается. Въ настоящее время быть клерикаломъ—значитъ обезпечить себѣ карьеру, и каждый членъ любого клерикальнаго общества можетъ рассчитывать на очень сильную поддержку.

Чтобы дать читателю представленіе о дѣятельности клерикальных обществъ въ Австріи, мы познакоимъ ихъ съ положеніемъ одного изъ этихъ обществъ, чешскаго «Vlast».

Нужно замѣтить, что въ чешскихъ земляхъ существуетъ цѣлый рядъ клерикальных обществъ, развивающихъ самую энергическую дѣятельность. Такъ напр., въ Ольмюцѣ дѣйствуетъ общество «Наша Родина», въ Градцѣ «Общество св. Іоанна Непомуцкаго», въ Опавѣ «Общество для основанія христіанскихъ бібліотекъ», въ самой Прагѣ

«Общество Арношта изъ Пардубицъ», поддерживающее стипендіями «католическихъ студентовъ» и мн. др. Общество «Vlast» (отечество) существуетъ уже болѣе одиннадцати лѣтъ, а число его членовъ въ настоящее время 2000 съ чѣмъ-то. Такъ какъ каждый членъ вноситъ 50 гульденовъ, то однихъ только членскихъ взносовъ общество имѣетъ болѣе чѣмъ на сто тысячъ гульденовъ. Кромѣ этого, оно получало и постоянно получаетъ громадныя субсидіи изъ различныхъ церковныхъ фондовъ.

Главное вниманіе обратило общество на распространеніе среди народа книгъ и изданій католическаго характера. Поэтому оно основываетъ ежегодно громадное количество библіотекъ и читаленъ во всѣхъ уголкахъ Чехіи: при костелахъ, въ различныхъ обществахъ ремесленниковъ и рабочихъ, по деревнямъ и селамъ и т. д. Такъ какъ общество покупаетъ въ громадномъ количествѣ экземпляровъ всякую «истинно католическую» книгу или брошюру, то уже этимъ однимъ оно облегчаетъ книгопродавцамъ дѣло изданія клерикальных сочиненій. Издатель, рассчитывая на поддержку общества «Vlast», готовъ напечатать и такое сочиненіе, которое безъ этой поддержки разошлось бы гораздо медленнѣе. Теперь же онъ не рискуетъ ничѣмъ, такъ какъ общество постарается содѣйствовать всѣми силами «католическому» книгопродавцу. Въ силу этого за послѣднее время въ Чехіи значительно усилилась книгоиздательская дѣятельность въ области «католической» литературы,

Въ обществѣ «Vlast» существуетъ спеціальная книжная коммиссія, которая занимается разборомъ всѣхъ выходящихъ на чешскомъ языкѣ книгъ. Заглавія книгъ, одобренныхъ къ чтенію и распространенію, печатаются въ органѣ общества.

Общество не забываетъ и о чехахъ, живущихъ внѣ Австріи. Въ его отчетахъ мы постоянно встрѣчаемъ извѣстія о томъ, сколько послано книжекъ чешскимъ эмигрантамъ въ Америку или Австралію. Кромѣ книгъ, изданныхъ частными лицами и книгопродавцами, общество распространяетъ и свои изданія: преимущественно брошюры религіозно-нравственнаго, соціального и литературнаго содержанія, а также прекрасно редактированный ежемѣсячникъ «Vlast».

Не довольствуясь однимъ распространеніемъ уже изданныхъ книжекъ и брошюръ, общество «Vlast» старается побуждать молодыхъ писателей къ литературной дѣятельности въ католическомъ духѣ. Для этой дѣли въ обществѣ существуетъ спеціальнѣйшій «фондъ для католическихъ писателей». Основывая этотъ фондъ, руководители общества имѣли въ виду преимущественно писателей-мирянъ. Католическая партія должна быть повсюду и всегда независима—говорили они, а между тѣмъ есть писатели, которые проникнуты «истинно католическимъ духомъ», но которые не могутъ писать въ католическихъ изданіяхъ, такъ какъ они зависятъ отъ лицъ и учреждений, враждебно относящихся къ католицизму. Вотъ эти то писатели и должны найти поддержку въ обществѣ. Общество стремится къ тому,

чтобы всякій католическій писатель могъ надѣяться, что общество его не оставитъ въ случаѣ болѣзни, старческой слабости или какого нибудь конфликта съ лицами власти имущими, но не принадлежащими къ католическому лагерю.

Всякій юноша, обнаруживающій литературное дарованіе и желающій писать въ католическомъ духѣ, можетъ рассчитывать на стипендію общества, которое уже само заботится, чтобы молодой писатель могъ занять мѣсто, соответствующее его литературному таланту.

«Фондъ для католическихъ писателей» выплачиваетъ ежегодно извѣстныя суммы за лучшія сочиненія въ католическомъ духѣ, присланныя на конкурсъ. Далѣе, онъ заботится о снисканіи хорошаго литературнаго матеріала для приложений къ своему органу, выдаетъ субсидію католическому «историческому кружку» и т. д.

Хотя въ уставѣ общества «Vlast» ясно сказано, что политикѣ нѣтъ мѣста въ дѣятельности общества, однако это нисколько не мѣшаетъ обществу заниматься политикой подъ видомъ «соціальной» агитаціи. Заняться соціальнымъ вопросомъ заставляла общество постоянно усиливающаяся въ Чехіи соціаль-демократическая агитація. Духовенство увидѣло, что рабочіе начинаютъ все больше и больше переходить на сторону соціаль демократовъ, и рѣшило во что бы то ни стало помѣшать этому. Оно начало свою дѣятельность въ этомъ направленіи съ увѣщанія книгопродавцевъ не продавать брошюръ, изданныхъ соціаль-демократами, и не принимать подписки на органы рабочей партіи. Многіе книгопродавцы, особенно тѣ, которые извлекали главный доходъ изъ продажи клерикальных изданій, принуждены были прекратить продажу враждебныхъ клерикаламъ брошюръ и газетъ.

Отъ такой, чисто оборонительной, тактики, общество вскорѣ перешло къ наступательной. Его члены рѣшили войти въ ближайшія сношенія съ рабочимъ и вообще бѣднѣйшимъ классомъ. Духовенство начинаетъ основывать общества для помощи бѣднымъ, дешевыя столовыя и т. д. Сталкиваясь съ рабочими, члены общества поняли, что соціаль-демократической пропагандѣ слѣдуетъ противопоставить тоже пропаганду, поэтому они начали распространять въ громадномъ количествѣ экземпляровъ написанныя ad hoc брошюры: «Слово правды», «Когда человекъ истинно несчастенъ», «Соціализмъ и крестьяне», «Папская энциклика о соціальномъ вопросѣ» и т. д.

Въ 1891 г., по инициативѣ епископа Брнниха, былъ созванъ съѣздъ общества католическихъ подмастерьевъ изъ Чехіи, Моравіи, и Силезіи. На этомъ съѣздѣ было рѣшено послать папѣ Льву XIII благодарственный адресъ за его энциклику «Rerum novarum». Общество «Vlast» принялось собирать подписи между ремесленниками, рабочими и служанками. Вскорѣ благодарственный адресъ былъ покрытъ 12000 подписей, несмотря на то, что органы рабочей пар-

ти и вожаки социаль-демократовъ вели очень энергическую агитацію. Если припомнимъ, что такой же благодарственный адресъ папѣ даже отъ французскихъ рабочихъ былъ подписанъ всего 20000 лицъ, то будемъ имѣть понятіе о размѣрахъ вліянія общества «Vlast».

Войдя въ близкія сношенія съ ремесленниками и рабочими, общество поняло, что бороться съ организованной социаль-демократической партіей можно только тогда, когда есть возможность противопоставить ей организации — клерикальную рабочую организацию, ея агитаціонной прессѣ — католическую прессу. Поэтому общество «Vlast» вошло въ соглашеніе съ издателемъ ежедневнаго клерикальнаго органа «Czech» съ тѣмъ, чтобы при этой газетѣ выходило специальное приложение для ремесленниковъ и рабочихъ, посвященное социальнымъ вопросамъ и борьбѣ съ социаль-демократической агитаціей. Это приложение выходило три года, а затѣмъ оно было превращено въ самостоятельный органъ «Dielnické Noviny» («Рабочія Новости»).

Въ обществѣ «Vlast» образовалась специальная коммиссія, которая должна была заняться изученіемъ социального вопроса и веденіемъ «Рабочихъ Новостей». Благодаря умѣлой агитаціи въ пользу клерикальнаго рабочаго листка, онъ уже къ концу перваго года имѣлъ болѣе 3½ тысячъ подписчиковъ. По мѣрѣ распространенія «Рабочихъ Новостей», расширялась и дѣятельность социальной коммиссіи общества «Vlast». Эта коммиссія уже открыто заявляетъ, что она стремится къ организации католической социальной партіи въ Чехіи. Такимъ образомъ общество, «не признающее политики», стало поддерживать политическую агитацію чешскаго духовенства, желающаго опереться на народныя массы. Съ этой цѣлью социальная коммиссія начала устраивать въ провинціи собранія, на которыхъ читались лекціи о различныхъ сторонахъ социального вопроса и доказывалась необходимость строго-католической организации социальной партіи. Эти лекціи въ послѣднее время все учащаются, а нѣкоторые изъ патеровъ, принадлежащихъ къ социальной коммиссіи общества «Vlast», обнаруживаютъ по-истинѣ изумительную энергію, разъѣзжая по городамъ, мѣстечкамъ и селамъ и читая по нѣскольку десятковъ лекцій въ годъ. Содержаніе этихъ лекцій довольно однообразно. Вотъ главнѣйшія темы: «о социаль-демократахъ», «о необходимости христіанско-социальной организации», «объ энцикликѣ папы Льва XIII-го», «о машинахъ», «объ улучшеніи быта рабочихъ», «объ анархизмѣ и атеизмѣ» и т. д. Иногда эти лекціи читались въ закрытыхъ помѣщеніяхъ различныхъ христіанскихъ обществъ рабочихъ и ремесленниковъ, иногда же на многочисленныхъ митингахъ. Эти послѣдніе созываются исключительно тамъ, гдѣ клерикальная агитація чувствуетъ уже подъ собою твердую почву и не особенно боится контръ-агитаціи.

Лекціи обыкновенно значительно оживляютъ внутреннюю жизнь этихъ католическихъ обществъ ремесленниковъ и рабочихъ. Послѣ каждой лекціи количество членовъ такого общества значительно

возрастаетъ, увеличивается также и число подписчиковъ клерикальных листковъ. Въ настоящее время, кромѣ «Рабочихъ Новостей» въ Чехіи, выходитъ еще нѣсколько подобныхъ же органовъ въ Моравіи: «Рабочій» и «Защита труда» въ Брюннѣ, «Интересы рабочихъ» въ Островѣ и т. д. Почти всѣ они были основаны, благодаря примѣру, поданному обществомъ «Vlast».

Общество «Vlast» стремится къ тому, чтобы^{нѣ} сосредоточить въ своихъ рукахъ нити всего католическо-соціального движенія, руководимаго до сихъ поръ различными лицами и учрежденіями.

Фундаментомъ, на которомъ покоится все католическое соціальное движеніе въ чешскихъ провинціяхъ, являются «Общества католическихъ подмастерьевъ», находящіеся подъ протекторатомъ кардинала Груши. Эти общества распространены впрочемъ не только въ Чехіи, но также и въ другихъ провинціяхъ Австріи. Главная задача этихъ обществъ чисто воспитательная. Уставъ общества говоритъ, что они стремятся къ христіанскому образованію ремесленниковъ и рабочихъ и къ укрѣпленію въ нихъ католической вѣры. Руководители общества стараются, чтобы члены избѣгали людей и учреждений, которые могли бы въ нихъ «убить нравственность и вѣру», обучались закону божьему и «другимъ необходимымъ предметамъ», читали «хорошія» книги, находящіеся въ библіотекахъ общества, и исполняли обязанности христіанина по отношенію къ церкви, какъ можно чаще бывая у исповѣди и приобщаясь св. таинъ. «Общества католическихъ подмастерьевъ» разбросаны по всѣмъ главнѣйшимъ городамъ Чехіи, Моравіи и Силезіи, и нѣкоторые изъ нихъ располагаютъ довольно значительными фондами, имѣютъ собственные дома, богатые библіотеки и т. д. При нѣкоторыхъ обществахъ существуютъ даже часовни и капелланы. Всѣ эти общества находятся всецѣло въ рукахъ духовенства, и только въ рѣдкихъ изъ нихъ предсѣдатель не священникъ. Обыкновенно въ обществѣ, имѣющемъ свой собственный домъ, находится нѣчто въ родѣ гостиницы, гдѣ члены такихъ же обществъ, прѣзжающіе изъ другихъ городовъ, находятъ бесплатный или, по крайней мѣрѣ, очень дешевый пріютъ.

Тамъ, гдѣ «Общество католическихъ подмастерьевъ» развилось успѣшно, существуютъ спеціальныя общества для учениковъ-ремесленниковъ. Для доставленія средствъ «Обществамъ подмастерьевъ и учениковъ-ремесленниковъ» существуетъ еще «Охранная общества», куда поступаютъ подмастерья, ставши мастерами.

Въ маленькихъ мѣстечкахъ и селахъ, гдѣ «Общество католическихъ подмастерьевъ» не могло бы найти достаточнаго количества членовъ, духовенство основываетъ «Общества католическихъ юношей и мужчинъ», находящіеся въ вѣдѣніи мѣстнаго епископа. Кромѣ этихъ обществъ, существуетъ еще цѣлый рядъ другихъ, преслѣдующихъ такіа же строго католическія цѣли и руководимыхъ духовенствомъ. Во всѣхъ этихъ обществахъ главный, а иногда и един-

ственный контингентъ членовъ составляютъ ремесленники. Что касается промышленныхъ рабочихъ, то изъ нихъ только очень незначительная часть находится въ клерикальномъ лагерь.

Однако духовенство не теряетъ надежды на то, что современемъ и рабочіе будутъ въ его рукахъ. Въ 1893 г. былъ основанъ въ Прагѣ «Политическій клубъ католическихъ рабочихъ». Однако онъ ведетъ довольно плачевное существованіе, не смотря на нравственную и матеріальную поддержку со стороны духовенства. Священники завели въ этомъ клубѣ специальный курсъ ораторскаго искусства, задачей котораго является подготовленіе агитаторовъ, которые могли бы съ честью выступить противъ социаль-демократовъ на сходкахъ рабочихъ.

Всѣ эти общества находятся въ постоянномъ сношеніи другъ съ другомъ. Кромѣ этого, отъ времени до времени устраиваются съѣзды, на которыхъ разбираются дѣла, касающіяся всѣхъ обществъ, и утверждаются необходимыя реформы. Сначала это были съѣзды членовъ обществъ одного какого-нибудь небольшого округа, затѣмъ устраивались провинціальныя съѣзды, а наконецъ съѣзды членовъ всей Чехіи, Моравіи и Силезіи. На послѣднемъ такомъ съѣздѣ рѣшено было основать одинъ общій агитаціонный фондъ и центральный комитетъ, руководящій всѣми обществами. Такимъ образомъ возникла организація, которую можно назвать стройной политической партіей. Эта партія высылаетъ своихъ делегатовъ на католическіе съѣзды въ другихъ провинціяхъ Австріи, и такимъ образомъ вырабатывается общая программа для католической партіи всей имперіи.

Такъ какъ членами общества «Vlast» могутъ быть не только отдѣльныя лица, но и учрежденія, то руководители этого общества стараются привлечь къ нему всѣ христіанско-соціальныя организаціи, что имъ и удается. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ общество, «исключающее политику», является руководителемъ чисто политическаго движенія.

Борьба съ социаль-демократической агитаціей посредствомъ ремесленныхъ и рабочихъ организацій, лекцій и специальной печати не отвлекла общество «Vlast» и отъ другихъ задачъ. Желая приобрести расположеніе народныхъ массъ, общество не упускаетъ изъ виду и интеллигенцію. Всякое явленіе въ литературѣ и въ наукѣ, въ какой бы то ни было мѣрѣ невыгодное для католичества и клерикализма, тотчасъ же встрѣчаетъ отпоръ въ органѣ общества. Не довольствуясь этимъ, общество основало специальный «Историческій кружокъ», который долженъ противудѣйствовать антикатолической и антиклерикальной чешской исторіографіи. Главной задачей «Историческаго кружка» является изученіе чешской исторіи съ точки зрѣнія интересовъ католической церкви и опроверженіе всѣхъ тѣхъ «ложныхъ взглядовъ», которые распространяютъ историки, не проникнутые католическимъ духомъ или прямо враждебные католицизму. Такъ

какъ въ чешскомъ обществѣ довольно сильны протестантскія и гуситскія симпатіи, то «Историческій кружокъ» занялся преимущественно ихъ искорененіемъ. «Кружокъ» печатаетъ довольно много трудовъ по исторіи Чехіи, протестантизма и католической церкви въ спеціальному «Сборникъ».

Въ обществѣ «Vlast» существуетъ и «Философско-педагогическая коммисія» со спеціальнымъ органомъ «Vychovatel» (Воспитатель). Главная задача этой коммисіи, учрежденной только въ прошломъ году, состоятъ въ изученіи всѣхъ отдѣловъ педагогіи и «здоровой христіанской» философіи. Изученіе это ведется, разумѣется, «въ духъ католической церкви». «Философско-педагогическая коммисія» устраиваетъ лекціи для членовъ и не-членовъ общества, печатаетъ критическіе рефераты о всѣхъ новостяхъ педагогической и философской литературы и т. д. Эта коммисія не успѣла еще развиться какъ слѣдуетъ, но въ будущемъ она несомнѣнно окажетъ воинствующему клерикализму не одну важную услугу.

Въ августѣ этого года общество «Vlast» устроило съѣздъ, посвященный исключительно вопросамъ литературы. Здѣсь читались рефераты, между прочимъ, о библіотекахъ и распространенности католической печати; о направленіи современной поэзіи и ея главныхъ представителяхъ въ Чехіи; о характерѣ современнаго искусства; о новыхъ литературныхъ теченіяхъ (реалисты, прогрессисты, декаденты); о современномъ театрѣ; о литературѣ по естественнѣйшему и т. д.

Вообще дѣятельность клерикаловъ на литературномъ поприщѣ въ Чехіи заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Не говоря уже о чисто агитаціонной дѣятельности духовенства, о его органахъ для крестьянъ *), ремесленниковъ и рабочихъ, мы видимъ какъ клерикальный лагерь высылаетъ своихъ партизановъ и на поприще чисто художественной дѣятельности. Въ клерикально-литературномъ лагерьѣ есть даже различныя направленія, до декадентскаго включительно.

До недавняго времени единственный библіографическій журналъ въ Чехіи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ клерикальнымъ органомъ. Этотъ журналъ внимательно слѣдилъ за развитіемъ литературы въ Чехіи и за границей, а такъ какъ его рецензіи отличались формальной объективностью, то нерѣдко какое-нибудь мнѣніе клерикаловъ принималось на вѣру и читателями прогрессивнаго направленія. Съ этого года библіографическій журналъ клерикаловъ превратился въ прекрасно редактируемый еженѣсичникъ, посвященный наукѣ и литературѣ. Для вопросовъ чисто художественныхъ у клерикаловъ существуетъ спеціальныи органъ «Nový Život», въ которомъ первенствуютъ поэты-

*) Клерикальные поучительно-беллетристическіе листки: «Крестъ» и «Мая» распространяются въ 100.000 экз. среди крестьянства Чехіи, Моравіи и Силезіи.

декаденты. Такимъ образомъ въ чешской литературѣ существуютъ два лагеря декадентовъ: свѣтскій, о которомъ мы упоминали уже въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ, и клерикальный. Разница между ними только въ выборѣ темъ; форма и тамъ и здѣсь одинакова. Въ послѣднее время между обоими лагерями декадентовъ завязываются тѣсныя сношенія. Декаденты-клерикалы помѣщаютъ въ своемъ органѣ и произведенія свѣтскихъ декадентовъ, а въ недавно вышедшемъ альманахѣ «католической модерна» *) напечатанъ цѣлый рядъ стихотвореній декадентовъ-неклерикаловъ.

Такъ какъ въ настоящее время декадентство въ большой модѣ среди чешской молодежи, то путемъ дѣятельнаго участія въ литературныхъ чудачествахъ этого рода клерикалы приобрѣтаютъ вліяніе на молодежь.

Вообще клерикалы обратили свое вниманіе на ту литературу, которая особенно популярна среди молодежи, и предлагаютъ этой послѣдней произведенія въ томъ же внѣшнемъ, такъ сказать, родѣ, но въ совершенно иномъ духѣ. Такъ, напр., когда въ Краковѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ основанъ прогрессивный органъ «Кругука», который взялся знакомить польскую молодежь съ различными новыми теченіями въ западно-европейской литературѣ, то галиційскіе клерикалы стали сейчасъ же подыскивать людей, которые могли бы дѣлать то же самое въ ихъ органѣ, издаваемомъ іезуитами.

Въ борьбѣ съ различными радикальными теченіями въ обществѣ и въ литературѣ, клерикалы считаютъ главнымъ своимъ непріателемъ—масоновъ, которымъ они приписываютъ какую-то прямо баснословную силу. Читая клерикальные газеты и журналы, вы можете придти въ ужасъ отъ встрѣчаемыхъ тамъ разоблаченій всякихъ масонскихъ козней. Если вѣрить клерикаламъ, то масоны являются въ настоящее время и въ Европѣ, и въ Америкѣ организаціей, руководящей всею политикой. Напримѣръ правительства Соединенныхъ Штатовъ, Бразиліи, Италіи, Франціи и Венгріи въ рукахъ масоновъ. Главная задача масоновъ, по увѣренію клерикальной прессы, испроверженіе монархій и христіанства. Для достиженія этихъ цѣлей масоны пускаютъ въ ходъ самыя разнообразныя средства. Мы узнаемъ между прочимъ, что и либерализмъ, и социализмъ, и анархизмъ—все это дѣло тѣхъ же масоновъ...

Что клерикалы серьезнымъ образомъ убѣждены въ большой опасности масонскихъ обществъ, доказываютъ тѣ мѣры, которыя принимаются духовенствомъ для уничтоженія «масонской интриги». Недавно въ Триентѣ происходилъ даже интернаціональный анти масонскій конгрессъ, на который съѣхалось громадное количество пред-

*) Такъ называютъ себя клерикальные писатели декадентскаго лагеря. О «чешской модернѣ» вообще мы уже писали, говоря о литературныхъ отношеніяхъ современной Чехіи.

ставителей высшего и низшаго духовенства не только изъ Австрiи, но также и изъ Италiи, Германiи и Францiи. Въ процессiи, которою открылся сѣздъ, приняло участiе болѣе 30.000 народа, а на генеральномъ засѣданiи конгресса было до 1.500 участниковъ. На конгрессъ прислали привѣтственные телеграммы папа и императоръ австрiйскiй Францъ Iосифъ. Рѣшено было бороться съ масонами всѣми доступными для духовенства средствами. Генеральный совѣтъ основаннаго съ согласiя папы общества «Union generale antimasonique» долженъ сосредоточить въ своихъ рукахъ руководство антимасонскимъ движенiемъ въ цѣломъ мiрѣ. Каждое антимасонское общество должно находиться въ вѣдѣнiи епископа мѣстной епархiи и постоянно сноситься съ такими же другими обществами извѣстной страны. Каждое общество имѣетъ право высылать своего представителя въ провинціальное управленiе, и одинъ членъ cadaго провинциальнаго управленiя можетъ быть членомъ генеральнаго совѣта «Антимасонской Лиги» въ Римѣ. Генеральный совѣтъ имѣетъ право созывать періодически антимасонскiе конгрессы.

На конгрессѣ всплыло между прочимъ довольно курьезное дѣло пресловутой миссъ Воганъ, личности довольно загадочной, бывшей якобы выдающимся членомъ масонской организацiи, затѣмъ вернувшейся на лоно католической церкви и разоблачившей различныя тайны внутренней жизни масонскаго общества. Между прочимъ миссъ Воганъ утверждала, что масоны находятся въ непосредственныхъ сношенiяхъ съ сатаной, въ доказательство чего представила подлинныя письма повелителя адскихъ силъ. Разоблаченiя миссъ Воганъ надѣлали очень много шума, хотя болѣе умѣренная часть духовенства, особенно въ Германiи, отнеслась къ нимъ довольно скептически. На конгрессѣ завязался споръ между французскими и нѣмецкими клерикалами. Первые отстаивали подлинность показанiй миссъ Воганъ, вторые же относились ко всей этой исторiи, какъ къ сенсационной мистификацiи. Побѣда осталась за нѣмцами, и вскорѣ послѣ конгресса оказалось, что никакой миссъ Воганъ никогда не существовало. Тѣмъ не менѣе возможность серьезныхъ споровъ по такому поводу, какъ «сношенiя съ сатаной», доказываетъ, какой мрачный средневѣковой духъ господствуетъ въ средѣ современнаго католическаго духовенства и чего можно ожидать отъ усиленiя политическаго могущества клериковъ.

Какихъ успѣховъ достигла уже политическая агитацiя клериковъ, видно по результатамъ только что окончившихся выборовъ въ нѣкоторые ландтаги. Не говоря уже о Форальбергѣ, Тиролѣ или Зальцбургѣ, гдѣ клерикалы уже издавна выбирали въ ландтаги собственныхъ депутатовъ, не говоря о Штирiи, гдѣ клерикальная партiя была организована прежде, мы видимъ, что даже въ Моравiи, гдѣ клерикальная партiя существуетъ очень короткое время, кандидаты клериковъ избираются въ брюннскiй ландтагъ почти въ полномъ составѣ.

До сихъ поръ въ Моравіи соперничали двѣ чешскія партіи: народная (младочехи) и національная (старочехи). Только полтора года тому назадъ начали и чешскіе клерикалы организоваться въ самостоятельную политическую партію. Младочехи и старочехи относились иронически ко всѣмъ попыткамъ клерикаловъ на политическомъ поприщѣ, не подозрѣвая вовсе, что уже ближайшее будущее покажетъ, какъ неосновательно то пренебреженіе, съ которымъ относились старшія партіи къ новой.

Приближались выборы отъ куріи мелкой собственности. Старочехи вошли съ младочехами въ компромиссъ и выставили повсюду общихъ кандидатовъ. Клерикалы выставили съ своей стороны шесть кандидатовъ и принялись агитировать въ ихъ пользу. Патеры разъѣзжали по всей Моравіи, повсюду произнося зажигательныя рѣчи. Такія же чисто политическія рѣчи гремѣли и съ амвоновъ сельскихъ церквей. Духовенство старалось воздѣйствовать прежде всего на женщинъ, убѣждая ихъ повліять на мужей, сыновей и братьевъ. Оно не оставило въ покоѣ даже учениковъ народныхъ школъ, заставляя ихъ молиться за клерикальныхъ кандидатовъ. Повсюду служились торжественныя молебствія о ниспосланіи побѣды клерикаламъ.

Наступилъ день выборовъ. Съ самого утра уже готовилось духовенство къ бою. Во всѣхъ корчмахъ пиво лилось рѣкой. Избиратели, рѣшившіеся отдать свои голоса въ пользу клерикальныхъ кандидатовъ, могли пить сколько имъ было угодно, такъ какъ патеры угощали ихъ, не жалѣя денегъ. Результатъ былъ поразителенъ. Изъ шести клерикальныхъ кандидатовъ было выбрано *пять*. Ни одна изъ начинающихъ партій еще не могла похвалиться такой побѣдой, можно себѣ поэтому представить несказанную радость клерикальнаго лагеря. Всѣ чешскія клерикальныя газеты полны восторженныхъ кликовъ, такъ какъ даже сами клерикалы не надѣялись на такую блистательную побѣду. Клерикальные органы другихъ провинцій Австріи указываютъ теперь на примѣръ Моравіи и предсказываютъ такую же судьбу и Чехіи, Силезіи и т. д.

Дѣйствительно, можно ожидать, что при слѣдующихъ выборахъ клерикалы будутъ ставить повсюду своихъ кандидатовъ, а въ Чехіи они войдутъ въ союзъ съ остатками старочеховъ, что очень печально отзовется на судьбѣ младочешскаго лагеря.

Такіе же поразительные результаты дали и выборы въ пештскій парламентъ. До сихъ поръ въ венгерскомъ парламентѣ засѣдалъ только одинъ клерикалъ*) — Зеленьакъ, избранный словацкими крестьянами, среди которыхъ «народная» партія приобрѣла множе-

*) Въ Венгріи клерикалы, недовольные реформами либеральнаго правительства, организовали собственную партію, назвавъ ее «народной». Во главѣ партіи стали представители венгерской аристократіи и духовенства. Главная сила этой партіи лежитъ въ крестьянскихъ массахъ сѣверной и западной Венгріи.

ство приверженцевъ. Однако клерикалы питали надежду на то, что имъ удастся посадить въ парламентъ около десятка своихъ людей во время ближайшихъ выборовъ. И вотъ передъ нами лежатъ подробные отчеты о ходѣ избирательной кампаніи въ Венгріи. Побѣда, разумеется, осталась за правительствомъ, и либералы войдутъ въ новый парламентъ страшно усиленные; однако ихъ побѣда—ничто въ сравненіи съ успѣхомъ клерикаловъ. Не смотря на то, что господствующая либеральная партія, опираясь на правительственные органы, прибѣгала къ совсѣмъ не либеральнымъ средствамъ, не смотря на безчисленные злоупотребленія,—клерикаламъ удалось выбрать въ парламентъ *двадцать одного* депутата. Для партіи, существующей два года, это не бездѣлица. Каковы же будутъ успѣхи этой партіи при слѣдующихъ выборахъ!..

Наблюдая за развитіемъ клерикализма, мы видимъ, что нѣтъ ни одной провинціи въ Австріи и Венгріи, гдѣ бы не основывались самостоятельныя клерикальныя партіи или гдѣ бы, по крайней мѣрѣ, не замѣчалось стремленіе къ этому. Напримѣръ въ Галиціи, какъ западной, такъ и восточной, въ послѣднее время обнаруживается усиленная агитація въ пользу самостоятельной политической дѣятельности духовенства. До сихъ поръ правящая въ Галиціи консервативная партія относилась къ клерикализму съ большою симпатіей, хотя и не шла въ своихъ требованіяхъ такъ далеко, какъ настоящіе клерикалы. Она, напримѣръ, открыто высказывалась противъ вѣроисповѣдной школы. Однако эта партія охотно поддерживала кандидатуры священниковъ. Такимъ образомъ въ настоящее время среди депутатовъ польскаго парламентскаго клуба находится пять священниковъ, которые вносятъ во внутреннюю жизнь «Кола» специфически-клерикальный духъ. Однако, по мѣрѣ того, какъ въ Галиціи возрастало и усиливалось крестьянское движеніе, слѣдствіемъ котораго явилось вытѣсненіе феодальныхъ кандидатовъ изъ куріи мелкой собственности, шляхта переставала ставить кандидатуры священниковъ. Крестьяне съ своей стороны руководились лозунгомъ «не выбирать ксендза ни въ сеймъ, ни въ парламентъ», и такимъ образомъ дѣло дошло до того, что при послѣднихъ выборахъ въ львовскій ландтагъ не былъ избранъ въ депутаты *ни одинъ* священникъ.

Духовенство было задѣто этимъ за живое и открыто высказывало свое неудовольствіе правящей въ Галиціи партіи. «Мы вась всегда поддерживали и въ вашемъ спорѣ съ крестьянами постоянно становились на вашу сторону»—говорили священники станчикамъ—«а теперь вы насъ позабыли». На почвѣ этого неудовольствія у галиційско-польскаго духовенства стало расти убѣжденіе, что священникамъ выгоднѣе идти за одно съ крестьянами. Поэтому они, или, по крайней мѣрѣ, большая часть ихъ начали завязывать сношенія съ правымъ буржуазно-консервативнымъ крыломъ крестьянской партіи. Другая часть духовенства начала усиленно агитировать между

мелкими ремесленниками и рабочими въ пользу основанія христіанско-соціальной партіи. Третья же прямо выставила требованіе организаціи чисто клерикальной партіи, причемъ имѣлось въ виду вездѣ выставлать кандидатуры священниковъ: при выборахъ въ окружные совѣты, въ сеймы и въ парламентъ. Было устроено большое католическое вѣче въ Львовѣ, на которомъ неоднократно высказывалась мысль основать клерикальную партію. Тѣ же резолюціи повторялись и на мелкихъ окружныхъ сѣздахъ духовенства. По всей вѣроятности этотъ проектъ вскорѣ уже будетъ осуществленъ, и въ западной Галиціи появится новый факторъ политической жизни.

Въ восточной Галиціи, гдѣ по селамъ населеніе преимущественно русинское, замѣчается аналогическое явленіе. Собственно говоря, клерикализмъ въ Галицкой Руси уже давно пустилъ корни. Такъ какъ вся русинская аристократія и буржуазія денационализировалась, то естественными руководителями галиційской національно-русинской политики были священники, представлявшіе до недавняго времени единственную русинскую интеллигенцію. Однако русинскіе священники прежняго времени въ качествѣ уніатовъ, довольно таки сильно тяготѣвшихъ къ православію, не обладали тѣмъ специально-римскимъ, воистинно-клерикальнымъ духомъ, который характеризуетъ галиційское духовенство латинскаго обряда. Только въ послѣдніе годы, когда воспитаніе русинскихъ клириковъ стало вестись въ духѣ и подъ руководствомъ іезуитовъ, и на Руси начали появляться признаки нарожденія заправскаго клерикализма. Русинскіе священники новой школы вдохновляются примѣромъ своихъ собратьевъ латинскаго обряда и ступаютъ по ихъ слѣдамъ. Львовскому уніатскому митрополиту, кардиналу Сембратовичу, удалось забрать въ свои руки оппортунистскую часть русинской національной партіи (народовцевъ), руководимой до сихъ поръ извѣстнымъ депутатомъ Барвинскимъ. По настоянію кардинала Сембратовича былъ основанъ нѣсколько недѣль тому назадъ «Русинскій національно-католическій союзъ», который уже теперь претендуетъ на руководящую роль въ политикѣ Галицкой Руси.

Вліяніе «Русинско-національнаго союза» распространяется и на сосѣднюю съ Галиціей Буковину, гдѣ въ клерикальномъ духѣ дѣйствуютъ ставленники Барвинскаго и Сембратовича, группирующіеся около газеты «Буковина» въ Черновицахъ.

Среди словинцевъ клерикальная партія имѣетъ множество приверженцевъ. Въ Штиріи, Каринтіи и Крайнѣ клерикалы завладѣли цѣлымъ рядомъ избирательныхъ округовъ. Въ Нижней Австріи они усиленно работаютъ въ лагерѣ антисемитовъ и христіанскихъ социалистовъ. Тироль, Зальцбургъ, Форальбергъ и Верхняя Австрія de facto въ рукахъ клерикаловъ, которые, при послѣднихъ выборахъ въ ландтаги этихъ провинцій, значительно расширили кругъ своего вліянія и приобрѣли нѣсколько депутатскихъ полномочій.

Объ успѣхахъ клерикаловъ въ Транслейтаніи мы уже говорили,

упоминая о побѣдѣ венгерской «народной» партіи. Въ Хорватіи, собственно говоря, всѣ существующія тамъ партіи-клерикальны (разумѣется, за исключеніемъ социаль-демократической). Каждая изъ хорватскихъ партій выставляетъ какую нибудь программу, значительно отличающуюся отъ программы другихъ партій; однако, кто знаетъ закулисныя отношенія Хорватіи, тотъ видитъ, что и въ консервативной, и въ либеральной, и въ радикальной партіи хозяйничаютъ католическіе священники. А эти послѣдніе, какъ бы ни отличались ихъ взгляды на разные политическіе и экономическіе вопросы, всегда пойдутъ рука объ руку, разъ дѣло коснется интересовъ католической церкви.

Постоянно усиливающаяся дѣятельность австрійскихъ клерикаловъ послѣдняго времени обращала на себя мало вниманія, такъ какъ хитрые патеры вели свое дѣло очень осторожно и тактично. Они втирались въ различныя партіи, болѣе или менѣе близкія къ клерикализму, работали тамъ неустанно, вовсе не подавая виду, что они стремятся къ совершенно самостоятельной дѣятельности. Клерикалы дѣйствовали и среди консерваторовъ различныхъ оттѣнковъ, и въ чисто правительственномъ лагерѣ, и подъ маской антисемитизма. Только тамъ, гдѣ они знаютъ навѣрняка, что у нихъ нѣтъ слишкомъ опасныхъ соперниковъ, они выступаютъ совершенно открыто.

Однако, не слѣдуетъ думать, что австрійскіе клерикалы поступаютъ всегда и вездѣ одинаково умно и тактично. Нерѣдко, слишкомъ понадѣявшись на свои силы или не взвѣсивъ какъ слѣдуетъ силы непріятеля, они тоже терпятъ чувствительныя пораженія, и порой умный, но слишкомъ самоувѣренный іезуитъ неожиданно встрѣчаетъ отпоръ въ какомъ нибудь скромномъ ораторѣ рабочемъ. Это случилось, напримѣръ, недавно во Львовѣ съ однимъ изъ самыхъ образованныхъ и юркихъ галиційскихъ іезуитовъ — патеромъ Бадени — родственникомъ теперешняго австрійскаго министра-президента. Но особенно позорное пораженіе потерпѣло галиційское духовенство въ послѣднее время въ столкновеніи съ членомъ своего же сословія.

Мы рассказывали уже въ предъидущемъ письмѣ о патерѣ Стояловскомъ и о его агитаціонной дѣятельности. Въ настоящее время всѣ газеты, безъ различія направленій, опять интересуются судьбою злополучнаго патера и сообщаютъ своимъ читателямъ о каждомъ его шагѣ. Дѣло въ томъ, что галиційское духовенство, потерявъ всякую надежду на исправленіе этого «заблудшаго пастыря», прибѣгло къ послѣднему средству. Оно предало его анаемѣ, т. е. отлучило отъ церкви, причѣмъ это было отлученіе *latae sententiae*, въ силу котораго всякій католикъ, не прекращающій сношеній съ отлученнымъ, *eo ipso* подвергался тоже отлученію. Высшее галиційское духовенство, ходатайствуя передъ папой объ этой экстренной мѣрѣ, — надѣялось, конечно, на признанную религіозность гали-

ційскаго крестьянства, которое, думали епископы, будетъ съ этихъ поръ сторониться Стояловскаго, какъ зачумленнаго. На этотъ разъ, однако, они разсчитали плохо. Патеръ Стояловскій, со свойственной ему іезуитской изворотливостью, заявилъ, что считаетъ свое отлученіе прямо нелегальнымъ въ каноническомъ отношеніи, такъ какъ ему не предшествовали ни церковный судъ, ни обвиненіе въ ереси. Напрасно приходскіе священники, по распоряженію высшаго духовенства, предавали Стояловскаго анаемѣ съ амвоновъ приходскихъ церквей, напрасно противъ Стояловскаго гремѣли проповѣди, напрасно клерикальныя изданія выясняли крестьянамъ, какой грѣхъ они принимаютъ на душу, не порывая сношеній съ отлученнымъ отъ церкви патеромъ. Во время чтенія съ амвоновъ анаемы крестьяне толпами выходили изъ церквей, то же самое происходило и во время проповѣдей, направленныхъ противъ Стояловскаго, а газетныя статьи вызывали одно негодованіе. За то, гдѣ только появлялся Стояловскій, народъ шелъ къ нему, и его популярность со времени преданія анаемѣ удвоилась. На вѣчахъ, гдѣ выступаетъ Стояловскій, присутствуютъ тысячи, и никакія средства не могутъ убить въ этихъ тысячахъ фанатической любви къ отлученному отъ церкви патеру. Нѣсколько дней тому назадъ въ Рымановѣ саноцкаго округа происходило вѣче по поводу приближающагося выбора депутата изъ куріи сельскихъ общинъ. Вѣче было созвано сторонниками «Друга народа», однако было извѣстно, что на немъ появится и патеръ Стояловскій. Поэтому на вѣче явилось болѣе трехъ тысячъ крестьянъ изъ окрестныхъ селъ.

Рымановская помѣщица, извѣстная своею филантропическою дѣятельностью и любимая крестьянами графиня Анна Потоцкая рѣшилась, въ качествѣ вѣрной католички, предотвратить соблазнъ и обратилась къ Стояловскому съ просьбою не являться на вѣче, а ѣхать въ Римъ, чтобы тамъ оправдаться передъ папой *). Она предлагала Стояловскому и деньги на дорогу, но тотъ отвѣтилъ, что ему не въ чемъ оправдываться. Тогда гр. Потоцкая явилась на вѣче, полагая, что ей удастся склонить крестьянъ къ уходу изъ залы, въ которой долженъ былъ держаться рѣчь Стояловскій. Однако ея увѣщанія не привели ни къ какимъ результатамъ. Крестьяне остались и выслушали Стояловскаго, а затѣмъ, когда вѣче было распущено правительственнымъ комиссаромъ, проводили патера до гостиницы, оглашая улицы города восторженными кликами въ честь отлученнаго отъ церкви священника. Въ другомъ мѣстечкѣ жители устроили въ честь Стояловскаго блистательный факелцугъ.

Такимъ образомъ, старое оружіе католицизма, отлученіе, оказалось на этотъ разъ сильно притупившимся. Анаема только уси-

*) Отлученный отъ церкви *latae sententiae* можетъ въ теченіе одного года ходатайствовать въ Римѣ объ уничтоженіи анаемы. По истеченіи этого срока онъ считается безапелляціонно ересіархомъ.

лила обаяніе Стояловскаго и сильно подорвала авторитетъ духовенства въ народныхъ массахъ. Галиційскіе епископы, добившіеся въ Римѣ отлученія Стояловскаго, находятся теперь въ очень не-пріятномъ положеніи. Дѣло въ томъ, что Стояловскій, разъѣзжая по всей Галиціи, такъ сказать «заражаетъ» анаемой все ея населеніе, потому что анаемѣ подвергаются и тѣ, которые входятъ въ непосредственное сношеніе съ нимъ, и тѣ, которые имѣютъ дѣло съ входящими съ нимъ въ непосредственное сношеніе. Такимъ образомъ вскорѣ чуть не вся Галиція—эта самая католическая изъ католическихъ странъ — окажется отлученной отъ церкви. Іезуиты уже сообразили, въ какое неловкое положеніе поставлена церковь, и теперь уже начинаютъ возникать споры богословскаго характера о томъ, кого слѣдуетъ считать отлученнымъ отъ церкви: одного-ли Стояловскаго, всякаго-ли, кто *сознательно* его поддерживаетъ, или же всѣхъ, имѣющихъ съ нимъ какое нибудь дѣло.

Еще неизвѣстно, какъ окончится этотъ инцидентъ, однако во всякомъ случаѣ онъ отзовется очень скверно на всей дальнѣйшей судьбѣ клерикализма въ Галиціи, составляя значительный минусъ въ побѣдоносномъ шествіи клерикальнаго движенія послѣднихъ годовъ.

Л. Василевскій.

Изъ Франціи.

...«Такимъ образомъ буржуазный федерализмъ Мориса Барреса—близкая родня реакціонному социализму Дрюмона. И тотъ и другой не перестаютъ кричать: «долой космополитовъ! долой жидовъ! *ôte toi que je m'y mette!*» А когда вглядываешься въ этихъ пылкихъ реформаторовъ, то узнаешь давно знакомыя черты историческихъ эксплуататоровъ: буржуа шовиниста и фанатическаго католика!...»

Не успѣвъ референтъ кончить путемъ эту фразу, какъ среди молчаливаго и внимательнаго до сихъ поръ собранія вырвался громкій юношескій, почти дѣтскій крикъ: «да, мерзкій жидъ, долой, къ чорту! мѣсто христіанамъ! мѣсто французамъ!» Эта фраза была моментально подхвачена еще десяткомъ-двумя голосовъ, выходившихъ изъ одного угла обширной залы, и лекторъ не могъ больше произнести ни одного слова: «къ чорту жидъ, убери съ трибуны твой крючковатый носъ! отправляйся во свояси, шпионить и наушничать къ Бисмарку: тамъ тебѣ мѣсто, а не въ Франціи!»—Эти возгласы не переставали раздаваться и залпами, и одинъ за другимъ, все изъ того же угла, совершенно заглушая голосъ референта. Послѣдній встаетъ съ мѣста и пытается сказать что-то, напрягая всѣ усилія.

«можете.... послѣ... трибуна для всѣхъ».... Слова теряются въ неистовыхъ крикахъ: «прочь! вонъ изъ залы! отворите двери: жидомъ воняетъ!»... Вотъ какъ будто немного стихло. Референтъ снова садится: снова отчаянная ругань... Но громадная часть аудиторіи теряетъ въ свою очередь терпѣніе: «говорите, продолжайте! не обращайтесь вниманія на горлановъ! долой іезуитовъ! долой патриотиковъ (à bas les patriotards)!». Теперь уже окончательно ничего не разберешь: двѣ дюжины дружныхъ голосовъ осыпаютъ лектора всевозможными эпитетами; сердчающая зала отвѣчаетъ ревомъ и угрожающими жестами. Еще нѣсколько минутъ оглушительныхъ криковъ и наступаетъ психологическій моментъ. Большинство рѣшаетъ извергнуть изъ своей среды систематически мѣшающее слушать меньшинство. Вотъ и особый органъ, приводящій въ исполненіе коллективную волю: члены студенческаго союза, организуящаго лекціи по социальнымъ вопросамъ, одѣтые подобно большинству французскихъ студентовъ, — цилиндръ на головѣ, палка въ рукахъ, пенсне на носу; и пріятель-рабочіе, явившіеся на собраніе въ длинныхъ блузахъ, сверху пиджаковъ....

Dansons la carmagnole,
Vive le son, vive le son,
Dansons la carmagnole,
Vive le son—du canon!

прокатывается по шумной залѣ, и человѣкъ пятьдесятъ здоровыхъ, какъ на отборъ, парней устремляется въ тотъ уголъ аудиторіи, устроенной амфитеатромъ, гдѣ собрались рѣшительные «противники лектора. Скамьи по близости поля сраженія быстро пустѣютъ: дамы и смиренные слушатели отходятъ къ сторонѣ. «Къ чорту іезуитовъ! за дверь! не хотите слушать, уходите вонъ! не мѣшайте другимъ!», громко раздается изъ толпы нападающихъ, которые идутъ въ атаку на «нарушителей порядка», прыгая черезъ скамьи. А осажденные, выстроившись, на самой верхней скамьѣ, въ военномъ порядкѣ, — шляпы на бокренъ, палки впередъ, — подають свою реплику: «долой жидовъ! ура Дрюмонъ!»

И двѣ рати сошлись... Не пугайтесь, впрочемъ, дорогой читатель: здѣсь больше задору и юношеской запальчивости, чѣмъ серьезной злобы! Нѣсколько смятыхъ цилиндровъ, два разбитыхъ пенсне съ полдюжины палокъ, конфискованныхъ дюжими руками рабочихъ и баталія кончена... Нападающіе сдавливаютъ съ двухъ сторонъ осажденныхъ, эти одинъ по одному выскальзываютъ изъ живыхъ тисковъ, и обезоруженные, сопровождаемые толчеями, крича и жестикулируя, выскакиваютъ въ корридоръ, а оттуда на улицу....

Dansons la carmagnole,
Vive le son—du canon!

продолжаетъ распѣвать побѣдоносная армія, стуча въ тактъ ногами и палками и уже добродушно подсмѣиваясь надъ обращенными въ

бѣгство. «Вы можете продолжать», кричитъ аудиторія лектору: «ни одного іезуита не осталось!» И лекторъ снова на трибунѣ...

Мнѣ пришлось быть съ годъ тому назадъ свидѣтелемъ только что изображенной сцены. Дѣйствіе происходило въ такъ называемомъ «Отелѣ ученыхъ обществъ», недалеко отъ Сентъ-Жерменскаго бульвара. Собраніе было созвано однимъ изъ передовыхъ студенческихъ союзовъ. Лекторомъ былъ нѣкто Бернаръ Лазарь, родомъ еврей, но не раздѣляющій никакихъ племенныхъ предразсудковъ. Сама лекція была довольно безобиднаго характера, а именно насчетъ плановъ децентрализаціи, которые теперь начинаютъ занимать буржуазію Франціи. Громадное большинство аудиторіи состояло изъ студентовъ и рабочихъ, примыкавшихъ къ крайнимъ партіямъ. Меньшинство же, человѣкъ пятнадцать-двадцать, принадлежало къ студентамъ-католикамъ, приверженцамъ антисемита Дрюмона. Признаюсь, слышанное и видѣнное мною на этомъ собраніи сильно поразило меня. Я не о снятыхъ цилиндрахъ и не о конфискованныхъ палькахъ говорю: гдѣ жизнь и движеніе, тамъ всегда есть нѣкоторая неурядица...

Но обидно было думать, что къ общему потоку политическаго оживленія примѣшивало свои смутныя волны, если и не особенно широкое, то все же явственное теченіе антисемитизма: этого еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ почти не замѣчалось среди студентовъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ собранія я хотѣлъ тогда же обратить вниманіе читателей на это несомнѣнное проявленіе общественной реакціи во Франціи. Но, обдумавъ, отложилъ этотъ планъ въ сторону и занялся въ своихъ письмахъ другими вопросами: не хотѣлось сгоряча и подъ влияніемъ аффекта писать какъ разъ по такому предмету, который слишкомъ возбуждаетъ страсти въ ущербъ пониманію и принципиальной постановкѣ вопроса. «Пусть успокоится, отстоится мое настроеніе: и безъ меня было довольно на сказано по еврейскому вопросу и горячихъ и страстныхъ словъ», говорилъ я себѣ, а тѣмъ временемъ присматривался, читалъ и думалъ... Полагаю, что срокъ этого писательскаго карантина конченъ, и въ настоящей статьѣ изложу свою точку зрѣнія на французскій антисемитизмъ, справляясь лишь съ общимъ своимъ міровоззрѣніемъ и ни мало не заботясь о томъ, къ какому сонму причтутъ меня: къ жидолюбцамъ или жидоненавистникамъ. Говоря вообще, я вполне согласенъ съ постановкой этого вопроса, какъ понимаетъ его г. Южаковъ, и потому могу лишь отослать читателя къ «Дневнику журналиста» въ № 8 «Русскаго Богатства». Но въ качествѣ корреспондента изъ Франціи мнѣ приходится имѣть дѣло съ иными конкретными деталями, а потому и останавливаться болѣе на этихъ, чѣмъ на другихъ сторонахъ вопроса.

Еврейскій вопросъ—сложный вопросъ. Въ немъ, какъ въ запутанномъ клубкѣ, перепелось не мало нитей; а тутъ еще, на бѣду, всевозможные рѣшители этого вопроса и въ теоріи и на практикѣ

смѣшали окончательно различныя нити. Не удивляйтесь поэтому, что находится такъ много любителей не столько разрѣшить, сколько разрубить этотъ Гордіевъ узелъ: напимѣръ, перебить евреевъ, или выбросить всѣхъ ихъ поголовно за предѣлы цивилизованнаго міра, или изолировать ихъ внутри гетто, какъ и то, и другое, и третье продѣлывалось въ разные времена и у разныхъ народовъ.

Посмотримъ на Францію. Въ какой формѣ представляется здѣсь еврейскій вопросъ? Оставимъ пока въ сторонѣ разсужденія о добрѣ или злѣ антисемитизма. Ясно во всякомъ случаѣ одно: для того, чтобы это движеніе коренилось въ самихъ жизненныхъ условіяхъ, было естественнымъ продуктомъ національной жизни, надо, чтобы сами евреи существовали въ достаточномъ количествѣ, чтобы они соприкасались всегда и повсюду съ «французами Франціи», ежеминутно мозолили глаза имъ, мѣшали жить, работать, дѣйствовать. Но во Франціи число евреевъ сравнительно очень не велико. Какъ извѣстно, перепись 1872 г. была послѣдней, заключавшей въ себѣ данныя по вѣроисповѣданіямъ; кромѣ того, извѣстная часть евреевъ не исповѣдуетъ моисеева закона, перейдя въ католицизмъ, протестанство, применивъ къ свободнымъ мыслителямъ и пр. Точной статистики вы, стало быть, не имѣете. Но компетентные авторы высчитываютъ еврейское населеніе Франціи тысячъ въ сто или нѣсколько болѣе. Такъ, по Исидору Леббу *), всего евреевъ на французской территоріи должно быть 97790, изъ нихъ собственно во Франціи 63000 (при чемъ на Парижѣ съ подгородными мѣстами приходится 42000), да въ Алжиріи 34790. Теодоръ Ренакъ **) даетъ цифру въ 115500, а именно: 72000 для собственно Франціи (изъ которыхъ 40000 въ Парижѣ) и 43500 для Алжиріи съ частями Сахары. Международная ассоціація Alliance israélite вычисляла лѣтъ 10 тому назадъ цифру евреевъ въ 80000 для Франціи собственно, изъ которыхъ около 50000 для Парижа. Увеличьте упомянутыя цифры хотя бы въ полтора раза, отчасти за отсутствіемъ точной статистики, отчасти въ виду еврейской національности цитированныхъ нами авторовъ (умышленно скрывающихъ, какъ говорятъ намъ антисемиты, число своихъ единоплеменниковъ): вы получите всетаки, самое большее, тысячъ 175 евреевъ для Франціи съ Алжиріей, изъ нихъ тысячъ 75 для Парижа. Сопоставьте съ этимъ 1130211 иностранцевъ, приходящихся по переписи 1891 г. на 38133385 жителей французской территоріи; обратите вниманіе на очень крупныя цифры нѣкоторыхъ національностей,—465860 бельгійцевъ, 286042 итальянцевъ, 83333 нѣмцевъ, 83117 швейцарцевъ, 77736 испанцевъ и

*) См. статью (не подписанную авторомъ) «Juifs» въ «Nouveau Dictionnaire de Géographie Universelle» (подъ редакціей Saint-Martin и Rousselet); Paris, 1884, t. II, p. 998—1000.

**) См. слово «Juif» въ выходящей въ Парижѣ «Grande encyclopédie» (изд. Lamirault), t. 21, p. 286—280.

т. д. Вы не можете не придти къ заключенію, что «жидовское нашествіе» принимаетъ гораздо скромнѣйшіе размѣры, чѣмъ какіе придаютъ ему «патріотами своего отечества». А между тѣмъ эти самые патріоты, крича вообще насчетъ «извы иностранцевъ, развѣдающей Францію» — такая ужъ линія пошла на эти крики! — съ особеннымъ ужасомъ распространяются о «жидовскомъ завоеваніи».

Оставьте въ сторонѣ цифры, походите и посмотрите по Парижу, въ которомъ главнымъ образомъ и сосредоточены евреи; приглядитесь къ жизни великаго и шумнаго города: крючковатый носъ семита далеко не играетъ въ обыденномъ житіи-бытіи парижанина той заполняющей роли, какую приписываютъ ему юдофобы. Они повертываютъ этотъ несчастный носъ во всѣ стороны, рассматриваютъ его въ микроскопъ, приставляютъ его къ самому глазу, охваченному патріотическимъ ужасомъ, и не мудрено, если этотъ носъ на такомъ разстояніи закрываетъ чуть не весь, и безъ того узкій, горизонтъ антисемита. На самомъ же дѣлѣ, когда вы пытаетесь присмотрѣться къ громадному большинству парижскихъ евреевъ, къ рядовому еврейству, оно расплывается въ двухъ съ половиною милліонахъ человѣческихъ существъ, борющихся, подобно ему, за существованіе, за кусокъ хлѣба, день за днемъ, сегодня какъ вчера, пока не придетъ великая освободительница — смерть, и рубанокъ, молотокъ или циркуль не упадутъ изъ вашихъ рукъ...

Со времени декрета Законодательнаго Собранія (отъ 27 сентября 1791 г.), открывшаго двери Франціи евреямъ и установившаго политическую и гражданскую равноправность всѣхъ французовъ, прошло болѣе ста лѣтъ. И вотъ къ чему сводится завоеваніе Парижа Израилемъ, — по словамъ самихъ же антисемитовъ. Евреи расселились въ нѣкоторыхъ улицахъ, смежныхъ съ площадями Бастиліи и Республики, въ улицѣ, носящей ихъ имя (rue des Juifs), гдѣ ихъ предки обитали нѣкогда до изгнанія изъ Франціи въ 1394 г.; затѣмъ вокругъ Центральнаго Ломбарда (Mont-de-Piété) и рынка Temple; по близости церкви Свѣтъ-Мерри, отчасти воалѣ церкви Св. Евстаѣя. Въ послѣдніе годы колонія увеличилась пришельцами изъ Россіи, которые по преимуществу осяли при началѣ Свѣтъ-Антуанскаго предмѣстья. Чѣмъ занимаются они? — замѣтьте, мы говоримъ до сихъ поръ о рядовомъ еврействѣ. Большинство — ремесленники, особенно оптики, часовщики, портные, переплетчики, фабриканты издѣлій изъ дерева и кости; торговцы, перекупщики, мелкіе маклера. Изъ русскихъ евреевъ послѣдней формации довольно значительная часть пристроилась рабочими на фабрикахъ или занялась картузнымъ ремесломъ.

Каково отношеніе къ нимъ ихъ сосѣдей, коренныхъ французовъ? Обыкновенное отношеніе конкурентовъ! Среди рабочихъ собственно антисемитизма почти не замѣтишь. Конечно, фабричный рабочий не любитъ пришлаго еврея-рабочаго, который соглашается тру-

даться за самое нищенское вознаграждение. Но не меньше, если еще не больше, онъ вооруженъ противъ бельгийцевъ, итальянцевъ и нѣмцевъ, сбивающихъ его заработную плату, вооруженъ хотя бы уже потому, что эти національности на фабрикахъ встрѣчаются гораздо чаще. Еврея же парижанина изъ рабочей среды ничѣмъ не отличить отъ коренного француза. Нѣсколько замѣтнѣе струя антисемитизма пробивается среди ремесленниковъ и вообще мелкой буржуазіи. Но опять-таки приглядитесь хорошенько къ этому теченію. Лавочникъ—французъ жалуется на лавочника-еврея, но онъ жалуется и на своего брата француза, ибо съ каждымъ годомъ мелкая торговля отгѣсняется крупными фирмами. Ремесленникъ—французъ обвиняетъ въ упадкѣ своей профессіи ремесленника—еврея, но не падитъ и одноплемянника, такъ какъ все труднѣе и труднѣе становится ему отвоевывать свою независимость отъ хищническихъ операций крупныхъ скупщиковъ. Знаменательно, что если въ этой средѣ раздаются насмѣшки или ругательства по адресу «грязнаго жида», то всего менѣе по отношенію какъ разъ къ тѣмъ евреямъ, которые живутъ и работаютъ бокъ-о-бокъ съ французами: эти три-четыре десятка тысячъ семитовъ, повторяю, тонуть въ сѣромъ морѣ, состоящемъ изъ сотенъ тысячъ рабочихъ, ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ. Настоящая ненависть сказывается въ разговорахъ о крупномъ еврейскомъ капиталистѣ, а особенно о денежной еврейской аристократіи. Но тутъ слово «жидъ» зачастую берется не столько въ смыслѣ расы или національности, сколько въ смыслѣ общественной функціи эксплуататора.

Жизненный антисемитизмъ проявляется между средней и крупной буржуазіей, отчасти аристократіей и «идеологами» либеральныхъ профессій. Но и въ данномъ случаѣ не мѣшаетъ условиться. Колоссальныя еврейскія состоянія почти исключительно встрѣчаются въ самыхъ верхахъ капитализма, являющихся послѣдними результатами современной эксплуатаціи: кредитъ, банки, биржи. А по самому характеру своему эта сфера столько же международная, сколько и національная. Имена Альфонса Ротшильда, Эрлангера, Камандо вызываютъ сейчасъ же за собой представление о всемирномъ денежномъ хозяйствѣ и космополитической эксплуатаціи, хотя носители этихъ именъ и живутъ во Франціи. Недавно умершій въ Австріи Гиршъ тоже изрядное время гремѣлъ своими милліонами на французской почвѣ, но, и покинувъ территорію Республики, не измѣнилъ характеръ своихъ операций. Это я веду къ тому, чтобы указать читателю, какъ въ области крупныхъ биржевыхъ операций не можетъ быть специально-французскаго антисемитизма. А если и существуютъ антисемиты-биржевники въ Парижѣ, то ихъ крики и вопли противъ Ротшильда и ему подобныхъ мало могутъ интересовать истиннаго друга французскаго народа. Помните неудавшагося спекулятора-христианина въ «Деньгахъ» Золя, пресловутаго Саккара, который, «казалось, былъ охваченъ тѣмъ большей яростью

по отношенію къ евреямъ, что онъ собственно восторгался ими, завидовалъ ихъ удивительнымъ финансовымъ способностямъ, этой врожденной наукѣ цифръ, этой естественной ловкости при самыхъ сложныхъ операціяхъ, этому нюху и этой удачѣ, которые обезпечиваютъ торжество всему, за что только они ни примутся». Нашъ патріотъ злобился на евреевъ лишь потому, что никакъ не могъ продѣлать со своими соотечественниками такую основательную чистку кармановъ, какой подвергалъ ихъ еврей Гундерманъ романа. Такой антисемитизмъ, несомнѣнно, можетъ быть очень живучъ, но по самому характеру своему долженъ выростать въ специальной и узкой средѣ биржевыхъ пиратовъ. Для народа же рѣшительно все равно, какой поваръ и подъ какимъ соусомъ готовить его на сѣденье.

Въ сферѣ собственно промышленности и даже цѣлыхъ отраслей крупной торговли еврейскій капиталъ далеко не играетъ такой роли, какая выпала ему на биржѣ. Конечно, огромное количество «всеобщаго эквивалента», находящееся въ рукахъ капиталистовъ-семитовъ, заставляетъ часть еврейскихъ капиталовъ переливаться и въ сферу производства и крупной торговли. Однако, такіе капиталы здѣсь исключеніе и проявляютъ свое дѣйствіе по преимуществу въ акціонерныхъ предпріятіяхъ опредѣленнаго типа (напр., роль Ротшильда въ компаніи Сѣверной дороги и т. п.). А, напр., «короли желѣза» во Франціи, орудующіе такими заводами, какъ Жифъ (возлѣ теперешей нѣмецкой границы, въ департаментѣ Мёрты-и-Мозели) или Крезо (въ деп. Соны-и-Луары), самые подлинныя христіане. Директоръ перваго завода, Вендель, не только католикъ, но даже потомокъ дворянъ, эмигрировавшихъ временно изъ Франціи въ эпоху французской революціи. Династія властелиновъ Крезо, — фамилія Шнейдеровъ, — прославилась своимъ религіознымъ рвеніемъ, загоняя рабочихъ штрафами въ лоно католической церкви. Владѣльцы коней Кармо, баронъ Рейль и его зять Де-Солажъ — лютые клерикалы. Богатѣйшіе сахаровары, Лебоди, ведутъ свой родъ отъ коренного парижанина. И если бы это не выходило за предѣлы статьи, можно было бы дать подробный списокъ крупныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ Франціи, изъ котораго явствовало бы, что самые-то первостепенные промышленники какъ разъ не евреи.

Но что всего интереснѣе, такъ это преобладающая роль христіанъ въ гигантскихъ коммерческихъ предпріятіяхъ современной Франціи. Основатель магазина Бонмарше, Аристидъ Бусико, сынъ шляпочника-нормандца, былъ при началѣ своей стяжательной карьеры поддерживалъ католическими капиталами, благодаря рекламѣ іезуитовъ, которые растекались въ похвалахъ этому вѣрному сыну церкви среди набожныхъ слоевъ общества. Предпринимательская троица, основавшая Луврскій магазинъ, Геріо, Шошаръ и Фаре, — чистокровные французы; и курьезно, что этимъ обстоятельствомъ козыряли въ своей полемикѣ сами антисемиты, противопоставляя коммерческій геній этихъ «сыновъ своего отечества» робости и непониманію евреевъ.

Перейры и Фульда, которые лишь нехотя пристали къ предпріятію. Магази́нъ «Весна» (Printemps)—въ рукахъ Жюля Жалюзю, который родился въ семьѣ католика, нотаріуса изъ центра Франціи, и помимо модной торговли занимается еще сахароварствомъ, издаетъ спекулятивную газету «La Patrie» и пробрался въ Палату депутатовъ. Собственникъ моднаго базара «Самаритянка», нѣкій г. Коньякъ, воспитывался въ духовной семинаріи города Понсѣ (Pons). Феликсъ Потэнъ, родоначальникъ громадной фирмы, торгующей бакалейными и колоніальными товарами, сынъ коренного француза-фермера, жившаго недалеко отъ Парижа (въ Арпажонѣ). Есть, дѣйствительно, одна отрасль торговли, въ которой сравнительно очень много евреевъ: это оптовая торговля хлѣбомъ; но не надо забывать, что многіе изъ этихъ коммерсантовъ—простые агенты еврея Ефрусса, который спекулируетъ не столько на французскомъ, сколько на международномъ хлѣбномъ рынкѣ и, значить, принадлежитъ къ космополитическому міру биржи.

Въ аристократіи антисемитизмъ, несомнѣнно, существуетъ. Но и здѣсь сколько приходится сдѣлать оговорокъ! Возьмите самыя старинныя, самыя славныя фамиліи Франціи, всѣхъ этихъ герцоговъ, графовъ и маркизовъ: Ларошфуко, Бройль (котораго, не знаю почему, наши газеты упорно называютъ Брогли), Гаркуръ-Бёвронъ, Д'Юзестъ, Люинъ, Саганъ, Ноайль, Мортемаръ и т. д. Часть изъ нихъ сохранила старинную неприязнь къ «жиду»; но въ этой неприязни главнымъ элементомъ является не столько чистый антисемитизмъ, сколько историческая вражда крупнаго земельного собственника къ крупному владѣльцу денежныхъ капиталовъ: «буржуа» въ глазахъ нѣкоторыхъ лицъ этой категоріи равносильны «жиду». Другая часть пошла въ сторону капиталистическаго прогресса и живетъ не только доходами съ земель, но и участіемъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ: герцогиня Д'Юзестъ, мать которой была урожденная Клико, вынула, какъ извѣстно, три милліона на буланжистскую агитацію изъ фабрикаціи шампанскаго. Среди лицъ этой категоріи одни прекрасно ладятъ съ «жидомъ», въ особенности если послѣдній даетъ имъ своими спеціальными знаніями и коммерческимъ чутьемъ возможность наживать капиталы; другіе питаютъ лютую ненависть къ семитамъ, но какъ къ счастливымъ конкурентамъ. Наконецъ, не мало аристократовъ, не исключая самыхъ именитыхъ въ родѣ Ларошфуко-Бизаччіа, живутъ душа въ душу съ еврейскими королями банка и биржи и поженились на ихъ дочеряхъ и сестрахъ.

Самый искренній и опирающійся на реальную почву антисемитизмъ я нахожу у французовъ либеральныхъ профессій. Объясняйте это такъ или иначе, но фактъ остается фактомъ: пропорція евреевъ среди медиковъ, адвокатовъ, журналистовъ, депутатовъ, профессоровъ, администраторовъ и вообще политическихъ дѣятелей замѣтно выше, чѣмъ можно было предполагать на основаніи процентнаго

отношенія евреевъ къ общему населенію Франціи. Но вѣдь что бы ни говорили намъ буржуа, съ паеосомъ распространяющіеся о бѣ «отсутствіи классовъ въ современномъ обществѣ», совокупность либеральныхъ профессій, включая сюда управленіе государственной машиной, является въ нѣкоторомъ родѣ наслѣдственнымъ леномъ буржуазіи. Сюда торжествующій классъ направляетъ избытокъ силъ и энергій, не находящихъ приложенія въ области матеріальнаго производства и обмѣна. Исключенія лишь подтверждаютъ правило, и на примѣръ личности, выходящія изъ народа и стремящіяся подняться по лѣстницѣ богатства и положенія, въ большинствѣ случаевъ повертываются противъ интересовъ народа, лицемерно скрывая этотъ фактъ подъ звучными фразами о возможности сдѣлаться для «послѣдняго труженника первымъ гражданиномъ въ Республликѣ». Здѣсь-то, въ сферѣ либеральныхъ профессій, сыновья буржуазіи (nos fils, какъ многозначительно говоритъ нѣкій Жюль Леру въ «Фигаро») сталкиваются съ представителями того самого спосособнаго и энергичнаго племени, которое не безъ успѣха конкурируетъ съ отцами ихъ за конторкой банка и подъ колоннадой биржи. Этотъ фактъ былъ констатированъ въ довольно-циничной формѣ на одномъ собраніи антисемитовъ въ 1892 г., гдѣ ораторъ, нѣкій Геренъ, желая привлечь на свою сторону интеллигентную молодежь, не нашелъ ничего лучшаго, какъ обратиться къ слушателямъ со слѣдующей рѣчью: «Я взываю ко всѣмъ вамъ, французы Франціи, а въ особенности къ вамъ, молодые образованные люди, и приглашаю я васъ слѣдовать за нами, друзьями народа и врагами семитовъ! Дѣло идетъ не о философскихъ и теоретическихъ принципахъ, а о нашей и вашей жизни, о кускѣ хлѣба для васъ самихъ и вашихъ будущихъ семей. Вы студенты-медики, юристы и слушатели Сорбонны, вы скоро будете докторами, адвокатами, профессорами. И вотъ всюду, куда вы ни толкнетесь, вы найдете на пути своемъ дерзкаго и ловкаго жида-прониру, который отобьетъ у васъ пациентовъ, кліентовъ и слушателей. Начинайте борьбу съ жидомъ заблаговременно, пока онъ сидитъ еще съ вами на школьной скамьѣ, и не обращайтесь вниманія на глупыя и, при настоящихъ обстоятельствахъ, подлыя рѣчи о космополитизмѣ, международной наукѣ и братствѣ народовъ!...»

И дѣйствительно, интеллигентный еврей является страшнымъ противникомъ француза въ отмежеванномъ буржуазіей вертоградѣ либеральныхъ профессій. Въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ семитъ поднялся даже въ самые верхи этой «идеологической» храмины, и нѣкоторые выдающіеся представители правящаго персонала республики принадлежать къ этой расѣ. Я не буду уже говорить о Жюль Симонѣ (котораго настоящая фамилія Сюиссъ, передѣланная изъ нѣмецкой фамиліи швейцарскихъ евреевъ, Швейцеръ): этотъ «великій человекъ» буржуазіи принадлежитъ, по своимъ идеямъ собственно, къ переходной эпохѣ между либеральной оппозиціей

имперіи и водвореніемъ оппортунистскаго режима. Но посмотрите на центральную, вдохновляющую фигуру этого режима: это Гамбетта, потомокъ евреевъ Гамберле, окруженный цѣлымъ штабомъ второстепенныхъ дѣателей, между которыми семиты играютъ опять-таки немаловажную роль. Не интересенъ-ли, съ извѣстной точки зрѣнія, хотя бы тотъ фактъ, что изъ 87 префектовъ современной Франціи большинство («цѣлыхъ семьдесятъ», утверждаютъ насъ антисемиты)—евреи или еврейскаго происхожденія?..

Подведемъ итоги, къ которымъ приводитъ насъ объективное изложеніе фактовъ. Реальный антисемитизмъ, вытекающій изъ самой жизни, изъ столкновенья еврея и француза въ борьбѣ за существованіе, охватываетъ сравнительно незначительную часть французскаго населенія. Читатель уже замѣтилъ, что я даже и не упоминалъ о крестьянствѣ: ему приходится рѣдко имѣть дѣло съ евреемъ, по преимуществу жителемъ города. Но и въ рабочемъ классѣ собственно антисемитизма почти нѣтъ: для пролетарія Ротшильдъ представляетъ эксплуатирующій капиталъ, а не расу. Среди ремесленниковъ антисемитизмъ существуетъ, но въ слабой степени по отношенію къ еврею-ремесленнику, направляясь главнымъ образомъ противъ еврея-капиталиста, еврея-скупщика. Среди буржуазіи промышленной и торговой замѣчается несомнѣнное антисемитическое теченіе, но опять-таки не имѣющее силы общаго потока. И это понятно: въ индустріи, во многихъ отрасляхъ коммерціи чисто-французскій капиталъ играетъ преобладающую роль. Лишь въ сферѣ биржевыхъ спекуляцій патріоты типа Саккара (или директора католическаго банка Бонту, если вы предпочитаете дѣйствительное лицо фикціи романиста), патріоты этого типа, говорю я, поднимаютъ шерсть дыбомъ лишь при одномъ имени Ротшильда или Эрлангера, ненавидя въ нихъ счастливыхъ конкурентовъ. Въ аристократіи вы наткнетесь на смѣшанное отношеніе къ еврею: одни обрушиваютъ на него традиціонный гнѣвъ именитаго земельного собственника; другіе за панибрата съ денежной семитской аристократіей и не прочь породниться съ сынами Сіона. Вотъ, что касается до представителей либеральныхъ профессій, вербующихся главнымъ образомъ среди буржуазіи, то въ этой сферѣ французскій антисемитизмъ принимаетъ наиболѣе яркія и жизненные формы. Я не хочу сказать, что большинство лицъ либеральныхъ профессій—антисемиты. Вѣрне будетъ какъ разъ противное. Но значительное меньшинство ненавидитъ еврея, который является опаснымъ противникомъ «француза Франціи» на поприщѣ умственного труда.

И вотъ въ этомъ-то послѣднемъ обстоятельствѣ и лежитъ, по моему мнѣнію, отгадка той сравнительной силы, которой отличается за послѣднее десятилѣтіе французскій антисемитизмъ, не смотря на

малочисленность во Франціи евреевъ и на ограниченное число населенія, вступающаго въ непосредственное соприкосновеніе съ семитами. Въ самомъ дѣлѣ, массы до сихъ поръ проявляли свою коллективную волю гораздо больше въ стихійныхъ движеніяхъ, чѣмъ въ организованномъ и систематическомъ внимательствѣ въ ходѣ исторіи. Приходится имъ тяжело отъ чего бы-то ни было, и онѣ дѣйствуютъ по рефлексу и обрушиваются на ближайшія, конкретныя формы гнета: будутъ, напр., при случаѣ выпускать на вѣтеръ еврейскія перины, и этотъ пухъ заслонитъ отъ ихъ глазъ тотъ фактъ, что еврейская эксплуатація, тамъ гдѣ она есть, лишь маленкій лишній рычагъ въ гигантскомъ прессѣ. Не то буржуазная интеллигенція, которая привыкла бороться идейнымъ оружіемъ за свои грубо-матеріальныя интересы. Сравнительно незначительная группа журналистовъ, адвокатовъ, политическихъ дѣятелей, хорошо спѣвшихся между собой, производятъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ иллюзію, будто за ней стоятъ обширные слои населенія, и будто эгоистичныя желанія этой группы являются выраженіемъ «гласа народнаго—гласа божія».

Большинству французскаго населенія не приходится сталкиваться непосредственно съ евреями, и еврейскій вопросъ не существуетъ для массъ, которыя остаются «непростительно-равнодушны къ еврейскому завоеванію», какъ упрекаютъ ихъ сами же пылкіе антисемиты. Но когда еврей пробирается—пробирался и пробрался въ буржуазную цитадель либеральныхъ профессій, о, тогда въ этомъ болотѣ раздалось лягушечье кваканье, которое ничуть не уступаетъ вою биржевыхъ волковъ-католиковъ, отступающихъ передъ грознымъ рычаніемъ королевскаго тигра изъ Палестины. И митинги, и газетныя статьи, и книги—все было пущено въ ходъ, чтобы всколыхать «французовъ Франціи» и направить ихъ противъ ловкаго семита, постигнаго въ совершенствѣ тайну всеобщей конкуренціи, этой богини современнаго общества...

Но тутъ мнѣ придется сдѣлать оговорку: антисемитическая агитація среди интеллигенціи опирается главнымъ образомъ на самые прозаическіе интересы, но не на одни эти интересы. Несомнѣнно, между вожаками движенія есть люди, которые задаются очень опредѣленной и реальной цѣлью: устранить опаснаго конкурента и занять его мѣсто. Несомнѣнно, въ самой толпѣ антисемитовъ такой взглядъ раздѣляется болѣе или менѣе сознательно большинствомъ «французовъ Франціи». Но и здѣсь приходится считаться съ обычной сложностью психическаго механизма людей. «Матеріальныя интересы»—конечно! Но между антисемитами одни—и это наиболѣе холодныя и расчетливыя—сознательно завертываютъ свои низменныя стремленія въ пышныя фразы о безкорыстной любви къ отечеству и безкорыстной ненависти къ врагамъ его; другіе—и это, можетъ быть, большинство—примѣшиваютъ къ своей практической враждѣ по отношенію къ евреямъ теоретическую неприязнь

къ людямъ иной расы и иной религіи; что касается до меньшинства Донъ-Кихотовъ антисемитизма, то и вполне готовъ допустить ихъ идеальную, чистую отъ всякихъ примѣсей расчѣта, но тѣмъ болѣе жаркую ненависть къ людямъ, въ которыхъ они видятъ при плащевъ и паразитовъ.

Здѣсь-то мы и подходимъ къ тому пункту, съ котораго французскій антисемитизмъ представится намъ въ своемъ настоящемъ, пестромъ и смѣшанномъ освѣщеніи, исключающемъ лишь одну экономическую окраску. Расовый антагонизмъ и антагонизмъ религіозный играютъ извѣстную роль въ движеніи противъ евреевъ. И, именно, въ послѣднее время, когда экономической процессъ продолжается идти своимъ чередомъ, но среди буржуазіи обнаружилась несомнѣнная реакція въ идейномъ смыслѣ, антисемитизмъ могъ проявиться съ силою, какой онъ не имѣлъ до сихъ поръ во Франціи..

Я разсуждаю такъ. Жизненный антисемитизмъ, какъ мы уже видѣли, не захватываетъ широкихъ слоевъ населенія въ этой странѣ. Наиболѣе подвижная часть населенія, городской пролетаріатъ, борется противъ капитала вообще, и если еврей съ каждымъ годомъ усиливается въ сферѣ высшихъ банковыхъ и биржевыхъ операцій, то здѣсь онъ является непосредственнымъ врагомъ не для рабочаго, а для капиталиста-француза: рабочій видитъ въ Ротшильдѣ скорѣе теоретическое подтвержденіе свихъ взглядовъ на концентрацію капиталовъ въ рукахъ немногихъ владѣльцевъ, чѣмъ близкаго и ежедневнаго эксплуататора. Еврейскій капиталъ страшенъ, наоборотъ, для извѣстныхъ слоевъ средней и крупной буржуазіи и аристократіи, какъ еврейская сообразительность, настойчивость и ловкость страшны для представителей буржуазіи въ либеральныхъ профессіяхъ. Этимъ по преимуществу буржуазнымъ характеромъ и долженъ отличаться французскій антисемитизмъ. Но въ сферѣ экономической подобный антисемитизмъ чувствуетъ себя не всегда въ своей тарелкѣ: онъ очень трогательно распространяется о биржевыхъ спекуляціяхъ, объ эксплуатаціи народа евреями; но какъ только ему поставятъ ребромъ вопросъ о неизбѣжныхъ тенденціяхъ капитала, въ чьихъ-бы рукахъ онъ ни находился, этотъ буржуазный обличитель начинаетъ дѣлать видъ, что не слышитъ вашихъ возраженій, и на вопросъ о прибавочной стоимости отвѣчаетъ разговоромъ о прекрасной погодѣ и т. п.

Остаются другія сферы, въ которыя уходитъ буржуазный антисемитизмъ, ища тамъ и сознательно, и безсознательно оружія для защиты своихъ интересовъ. И это, именно, тѣ сферы, въ которыхъ сказалась идейная реакція, охватившая французскую буржуазію въ послѣдніе десять лѣтъ: шовинизмъ и католицизмъ.

Французскій шовинизмъ послѣдняго времени есть буржуазное изданіе прежняго расоваго вопроса, который волновалъ и еще волнуется, къ сожалѣнію, полу-сознательныя, задавленные трудомъ массы. Но въ этомъ изданіи къ старинному, какъ міръ, тексту

зоологической ненависти между двуногими звѣрями разной породы, къ этому тексту, говорю я, философы и публицисты буржуазіи сдѣлали свои мнимо-научныя поправки и дополненія. Такъ, вмѣсто расы, они подставили національность. Въ самомъ дѣлѣ, прогрессъ антропологіи и исторіи сдѣлалъ въ археологическій чуланъ теорію чистыхъ расъ. Напримѣръ, гордый фантомъ «арійца», созданный главнымъ образомъ схоластиками-лингвистами, совершенно растаялъ и улетучился при первомъ же научномъ освѣщеніи этнографическихъ фактовъ. И, по моему, нѣтъ ничего комичнѣе усилій, которыя продолжаютъ для реставраціи разсыпавшагося идола люди ученой рутинны, согласныя между собой лишь въ одномъ, въ необходимости найти этотъ несуществующій типъ, но ведущіе свирѣпую перебранку на счетъ каждой отдѣльной черты подлиннаго арійца.

И вотъ, если рутинные буржуа продолжаютъ культивировать старинный расовой предразсудокъ, «прогрессивные» буржуа смежевали себѣ сферу національности и разрабатываютъ этотъ вопросъ съ не меньшимъ рвеніемъ и не большей научностью, чѣмъ сторонники чистыхъ расъ. Я не стану отклоняться въ сторону отъ предмета этой статьи и подробно излагать противорѣчивыя мнѣнія этихъ мнимыхъ ученыхъ; о томъ можно повести разговоръ когда-нибудь въ другой разъ. Но знаменательно слѣдующее обстоятельство: когда эти господа стараются опредѣлить «національную душу», они сами же вынуждены выбросить за бортъ при опредѣленіи этой души такіе признаки, какъ общій языкъ (бретонецъ, говорящій по бретонски, все же французъ), общую религію (во Франціи есть и католики, и протестанты, и свободные мыслители), общее правительство (завоеваніе и гнѣтъ могутъ объединить подъ одной властью разныя національности), общее законодательство (это вытекаетъ изъ предыдущаго) и оставить лишь одинъ признакъ: сознаніе принадлежности къ нѣкому общему цѣлому. Съ этимъ опредѣленіемъ національности можно было бы еще согласиться. Но не забудьте, во имя этой во всякомъ случаѣ субъективной вещи, подающейся различнымъ толкованіямъ, буржуазные націоналисты шельмуютъ и предаютъ анафемѣ всѣхъ тѣхъ, которые не думаютъ точь-въ-точь, какъ они. «Сознаніе принадлежности» должно включать, напр., по мнѣнію этихъ господъ, умиленіе передъ капиталистической эксплуатаціей, лишь бы она была національная. Это-то «сознаніе» правящіе и имущіе классы пропагандируютъ усиленно между населеніемъ страны, которою они правятъ и въ которой пускаютъ въ ходъ свои капиталы. А для общаго укрѣпленія подобнаго «сознанія» проводятъ кругомъ народа рѣзкую черту «національной чести» и опредѣляютъ, напр., «истинно-французскую душу» отрицательнымъ способомъ, противопоставляя ей чужія «души», души сосѣдей, воспламеняя шовинизмъ населенія и возбуждая въ немъ ненависть къ «врагамъ отечества». Старый расовой предразсудокъ подогрѣвается и подается подъ соусомъ націонализма тѣмъ

самыми учеными и теми самыми политиками, которые презрительно пожимают плечами, когда услышать изъ устъ реакционера фразу о «глубоко-католической душѣ коренного француза».

«Ты—французъ, ибо ты не нѣмецъ, который взялъ у тебя Эльзась и Лотарингію; ты—французъ, ибо ты не англичанинъ, который такъ ловко, подъ самымъ носомъ твоимъ пристроился въ Египтъ; ты—французъ, ибо ты не итальянецъ, который не помнить, о неблагодарный! битвъ при Маджентѣ и Сольферино; ты—французъ, ибо ты не русскій, котораго мы покрываемъ теперь цвѣтами прикѣстныхъ за то, что онъ поможетъ отнять намъ у нѣмца завоеванныя провинціи.» Вотъ что на всѣ лады и всѣми способами твердить народу буржуазія третьей республики и твердить тѣмъ ожесточеннѣе, чѣмъ сильнѣе начинается среди развитыхъ представителей трудящагося большинства проявляться понятіе объ общечеловѣческой солидарности, которой дѣла нѣтъ до разноцвѣтныхъ пограничныхъ столбовъ. При жизни Гамбетты и въ первое время послѣ смерти его, пропаганда національной ненависти сводилась почти исключительно къ реваншу и имѣла въ виду нѣмца, причемъ глава оппортунизма совѣтовалъ даже «всегда думать объ этомъ и никогда не говорить вслухъ» (*raisonnez-y toujours, n'en parlez jamais!*) Но приблизительно лѣтъ 10 тому назадъ, такъ съ 1886 г., эта пропаганда шовинизма, вѣчно бередящаго раны «національной чести», приняла крикливый и выѣстъ съ тѣмъ общій характеръ, распространяясь и на англичанъ, и на итальянцевъ, и на австрійцевъ,—словомъ, на всѣхъ тѣхъ, въ комъ французская буржуазія видѣла «враговъ страны». Такая пропаганда, конечно, должна была всколыхнуть старинные расовые предразсудки и повести къ нелѣпнымъ и балаганнымъ проявленіямъ въ родѣ «національной партіи» буланжистовъ, обвиненій депутатами депутатовъ въ формальной продажѣ своего политическаго вліянія чужимъ правительствамъ (Милльвуа и Деруледъ противъ Клемансо), избіеній французскими рабочими-солеварями итальянскихъ (дѣло въ Эгъ-Мортъ, на югѣ Франціи). И представители «разумной и умѣренной политики» среди буржуазіи напрасно возмущаются этими «демагогическими приѣмами»: эти приѣмы—такое же логическое послѣдствіе національной пропаганды самихъ «разумныхъ» политиковъ, какъ папа—логическое послѣдствіе теорій католицизма. Когда образованные люди, въ родѣ Брунетьера, осмѣливаются вооружаться противъ общечеловѣческихъ идей Вольтера и Гёте, не стыдятся говорить, что если «патріотическій инстинктъ» сталкивается съ требованіями разума и науки, значить, разумъ въ данномъ случаѣ глупъ, а наука можетъ убираться куда-угодно (*c'est la raison qui a tort et tant pis pour la science!*), то чему же удивляться, если неразвитыя массы примутся «высаживать динце» людямъ, говорящимъ «я голодентъ» на другомъ языкѣ? И когда мосье Жозефъ Ренакъ, адъютантъ Гамбетты, Ферри и Дюпюи, играетъ въ Цидерона, громащаго Кати-

лину, по отношенію къ «презрѣннымъ демагогамъ, не имѣющимъ отечества», то какъ вы хотите остановить какого-нибудь пылкаго антисемита, чтобы онъ не крикнулъ, обращаясь къ упомянутому «разумному патріоту»: а! ты еще думаешь мѣшаться въ наши семейныя французскія распри съ твоимъ жидовскимъ патріотизмомъ? Развѣ ты французъ Франціи? Мой дѣдъ, можетъ быть, проливалъ кровь на поляхъ битвъ за отечество, въ то время, какъ твой дѣдъ сидѣлъ въ гетто какого-нибудь Франкфурта и обрѣзывалъ, по закону Моисееву, и своихъ дѣтей, и червонцы, которые онъ наживалъ, грабя христіанъ? Извольте доказывать этому человѣку, что г. Жозефъ Ренакъ есть самый подлинный патріотъ, ибо онъ полонъ «сознанія принадлежности къ великой французской націи». Онъ и слушать васъ не станетъ или же угоститъ своеобразнымъ антропологическимъ трактатомъ на счетъ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ типовъ арійца и семита, врожденнаго благородства перваго и врожденной подлости второго.

Такъ вся буржуазія, и самая передовая часть ея, повинна въ томъ, что тѣ слои ея, которымъ пришлось сталкиваться съ евреями, повернули оружіе шовинизма и «безошибочнаго патріотическаго инстинкта» противъ своихъ конкурентовъ семитскаго племени, не различая между горячимъ патріотомъ, г. Ренакомъ, и какимъ-нибудь «международнымъ жидомъ» изъ Берлина или Вѣны. Но буржуазія виновна и въ другомъ элементѣ, который входитъ въ антисемитское движеніе послѣднихъ десяти лѣтъ. Именно, съ этого времени среди правящихъ и имущихъ классовъ начинается разочарованіе въ антиклерикальной политикѣ Гамбетты и Ферри. Одинъ за другимъ оппортунистскіе дѣятели идутъ въ новую Каноссу. Самъ Ферри придалъ этому путешествію еще довольно умѣренный видъ: онъ осудилъ лишь, и осудилъ въ условной формѣ, («не лучше-ли, можетъ быть, было бы» и т. д.) черезчуръ боевой характеръ своей прежней дѣятельности; лично онъ остался убѣжденнымъ врагомъ клерикализма. Но у его учениковъ, продолжателей и сторонниковъ эта перемѣна фронта приняла характеръ какого-то публичнаго раскаянія. Конечно, правящій персоналъ не могъ рѣшиться на прямую реакцію и отмену законовъ о свѣтской школѣ, всеобщей повинности для семинаристовъ и пр. Но за то прибѣгли къ среднему пути: было предписано чиновникамъ примѣнять эти законы по возможности осмотрительно; за духовенствомъ, особенно высшимъ, стали ухаживать; въ оппортунистскихъ газетахъ съ восторгомъ описывали, какъ папа далъ поцѣловать туфлю такому-то раскаявшемуся антиклерикалу; ловили улыбку каждаго «присоединившагося» къ республикѣ католика-реакціонера. Словомъ, повѣяло «новымъ духомъ», какъ многозначительно выразился въ 1893 г. Спюллеръ.

Надо сказать, впрочемъ, что эта реакція въ высшихъ сферахъ, которая правила свои сатурналіи особенно въ пору Дюпюи и Ка-

жизни Перье, являлась отраженіемъ общей реакціи въ философскомъ мировоззрѣніи буржуа. Буржуазія, которая при концѣ имперіи и въ первые пятнадцать лѣтъ республики заявляла себя въ обществѣ сторонницею свободной мысли и забавлялась даже игрой въ бирюльки масонства, всѣ эти ложь, іерархію «братствъ» и «достопочтенныхъ», три магическихъ звѣздочки при фамиліи членовъ,— буржуазія эта была перепугана результатами своей же собственной пропаганды среди массъ и посыпала пепломъ раскаянія свою еще столь недавно вольнодумствующую голову. Народу каждый день отдавали на съѣденіе патера и католическаго монаха. А когда народъ нашелъ, что этого теоретическаго блюда было мало для удовлетворенія его реальнаго голода и попросилъ своей доли въ обществѣ счастья, общанномъ буржуазной республикой, имущіе классы спохватились и усиленно принялись за комментированіе знаменитой фразы Ренана: «ненависть къ несправедливости очень сильно ослабляется увѣренностью въ наградахъ на томъ свѣтѣ». Буржуазія скоро ввела въ моду, сдѣлала признакомъ фешіонбельнаго человѣка слѣдованіе всѣмъ народнымъ формамъ католицизма. Къ этому практическому побужденію присоединилось болѣе общее разочарованіе въ односторонне-понятномъ научномъ мировоззрѣніи (хотя опять-таки коренившееся въ социальныхъ условіяхъ нашей эпохи), и вопросъ о «банкротствѣ науки» сталъ и жизненнымъ, и академическимъ вопросомъ буржуазіи.

Но католицизмъ представляетъ собою цѣльное и логическое съ своей точки зрѣнія ученіе. Нельзя возвратиться къ католицизму и остаться вѣротерпимымъ. Поэтому папа Григорій XVI былъ, напр., совершенно послѣдовательнымъ вѣрующимъ католикомъ, громя одной изъ своихъ энцикликъ религиозную терпимость: «Мы изслѣдуемъ теперь другую крайне плодотворную причину золь, которая удручаютъ нынѣ оплакиваемую нами Церковь, а именно, индифферентизмъ или то жеученіе, распространяемое повсюду обманчивыми словами влочебивыхъ, будто бы можно достигнуть вѣчнаго спасенія души въ какомъ угодно вѣроисповѣданіи, лишь бы нравы управлялись понятіемъ о справедливомъ и честномъ» *). Усиленіе католической реакціи вполне естественно повело за собою борьбу противъ враждебныхъ или индифферентныхъ католицизму ученій, а въ томъ числѣ противъ мозаизма. Буржуазный антисемитизмъ нашелъ сейчасъ же лишнее оружіе противъ евреевъ въ усилившихся между имущими классами католическихъ тенден-

*) См. эту энциклику въ приложеніи къ надѣлавшей въ свое время шуму книгѣ: F. Laurent, *L'Eglise et l'Etat en Belgique*; Bruxelles-Leipzig, 1862, стр. 498 и слѣд.: *Alteram nunc persequimur causam malorum nobilissimam, quibus affligitari in praesens comploramus Ecclesiam, indifferentismum scilicet, seu pravam illam opinionem quae improborum fraude ex omni parte percrebruit, quolibet fidei professione aeternam posse animae salutem comparari, si mores ad recti honestique normam exigantur*... и т. д.

ціяхъ. Ибо не надо обманывать себя: какъ бы французскіе антисемиты ни увѣряли, что они борются противъ евреевъ исключительно на соціальной и экономической почвѣ, въ ихъ аргументаціи вражда евреевъ противъ католицизма «французовъ Франціи» играетъ значительную роль; и большое число ихъ сторонниковъ идетъ за ними не ради фантазмагорій реакціоннаго соціализма во вкусѣ Дрюмона—антисемиты преотлично уживаются съ католическимъ капиталомъ и эксплуатаціей!—а именно потому, что ихъ эгоистическій интересъ освободиться отъ опаснаго конкурента находить освященіе въ религіозной ненависти къ семиту. Замѣьте, что говоритъ самъ католическій святой Тома Аквинатъ, вѣротерпимость котораго приводитъ нынѣ въ умиленіе «либеральныхъ» антисемитовъ. «Прежде всего Ваша Свѣтлость (пишетъ онъ нѣкой Алисъ, Бургундской герцогинѣ, которая обращалась къ нему за совѣтомъ, какъ ей поступить съ евреями), прежде всего Ваша Свѣтлость спрашиваетъ, позволительно-ли ей иногда, и когда именно, производить усиленные поборы съ евреевъ. На этотъ вопросъ, предложенный въ такой безусловной формѣ, можно отвѣтить, что позволительно, какъ гласятъ о томъ и законы, держать евреевъ, *по причинѣ самаго преступленія ихъ*, въ постоянномъ рабствѣ; и такимъ образомъ власти могутъ считать имущества евреевъ за свои собственные (но соблюдая при этомъ извѣстную умѣренность, такъ чтобы у евреевъ не отнималось самое необходимое для жизни). Однако... *) Слѣдуютъ далѣе ограниченія, которыя, собственно, насъ не особенно интересуютъ. Довольно съ насъ было узнать того, что въ принципѣ Тома Аквинатъ былъ бы не прочь обратить евреевъ «по причинѣ» теологическаго преступленія въ состояніе рабовъ, не имущихъ ничего своего. И эта точка зрѣнія понятна и послѣдовательна. За то нелѣпа и противорѣчива тактика умѣренныхъ республиканцевъ, благодаря которой «новый духъ», состоящій въ примиреніи съ клерикальными тенденціями католицизма, приводится въ исполненіе хотя бы тѣми же самыми семьюдесятью префектами—евреями, что во время оно были поставлены именно для борьбы съ клерикализмомъ. Какъ нелѣпо и противорѣчиво умиленіе передъ подобной политикой со стороны уже упомянутаго мосье Жозефа Ренака, самое вліяніе котораго было основано сначала на антиклерикальной политикѣ гамбеттистовъ.

Посмотрите на юдофобскую агитацію. Съ самаго своего появленія она приняла общій реакціонный характеръ. Рядомъ съ евреями

*) См. латинское приложеніе къ полубогословской книжкѣ нѣкоего аббата—философа, вышедшей—знаменіе времени!—уже третьимъ изданіемъ: Abbé Gayraud, *L'antisémitisme de saint-Thomas d'Aquin*; Paris, 1896, стр. 344 и сл.:... Eicet. ut jura dicunt, Judeei, *merito culprae suae*, sint vel essent perpetuae servituti addicti, et sic eorum res terrarum Domini possint acciperi inquam suas (hoc tamen servato moderamine. ut necessaria vitae subsidia eis nullatenus subtrahantur) etc.

она атаковала и протестантовъ, и массоновъ, и свободныхъ мыслителей чистаго типа. И въ этой полемикѣ она поддерживается людьми вроде Кассаньяка, который безпрестанно приглашаетъ «придушить презрѣнную республику жидовъ и безбожниковъ», но который вась назоветъ «коммунаромъ» и «висѣльникомъ», если вы займетесь о католической эксплуатаціи Шнейдера или Рейля. Борьба интересовъ внутри буржуазіи, шовинизмъ и католическая реакція соединились вмѣстѣ для того, чтобы образовать французское антисемитское движеніе. И въ большей или меньшей степени въ этомъ повинна вся буржуазія, не исключая самой передовой. Эта послѣдняя не менѣе другихъ слоевъ буржуазіи трудилась надъ созданіемъ шовинистскаго духа. А въ это время клерикальное теченіе распространялось въ большинствѣ имущихъ классовъ, экономическая же конкуренція бросала часть французскихъ капиталистовъ, нѣкоторую долю ремесленниковъ и значительное меньшинство людей либеральныхъ профессій противъ ловкаго и изворотливаго еврея.

Нѣтъ ничего поучительнѣе, какъ разобрать антисемитизмъ и его различные элементы на примѣрѣ Эдуарда Дрюмона, единственнаго выдающагося представителя юдофобства во Франціи. До сорока лѣтъ этотъ пламенный жидоненавистникъ ничѣмъ не отличался отъ любого сотрудника умѣренно-либеральныхъ буржуазныхъ органовъ: я не говорю о несомнѣнномъ талантѣ, который замѣчается уже въ его сравнительно раннихъ вещахъ. Но характеръ, направленіе его литературной дѣятельности было совершенно въ униссонъ средней буржуазной прессѣ. Правда, онъ былъ католикомъ, увѣряетъ онъ самъ своихъ читателей. Но это нисколько не помѣшало ему сотрудничать въ газетѣ «La Liberté», издававшейся сначала Эмилемъ Жиранденомъ, который, какъ извѣстно, никогда не былъ клерикаломъ, а потомъ перешедшей—обратите вниманіе на это обстоятельство!—въ руки еврея Исаака Перейры, затѣмъ къ сыну послѣдняго, Густаву Перейрѣ. Тамъ-то, въ этой «жидовской редакціи», Дрюмонъ нисколько не стѣснялся писать цѣлыми годами; и только когда увидѣлъ, что ему не удастся занять мѣсто главнаго редактора, ушелъ изъ «Liberté» и объявился ярнымъ антисемитомъ. Я не стану вмѣнать ему этотъ поступокъ въ особую вину, какъ это было сдѣлано газетчиками-евреями. Дрюмонъ сдѣлалъ то, что сдѣлало бы большинство его строгихъ критиковъ, что принято дѣлать оплошъ и рядомъ въ буржуазной прессѣ: личный интересъ считается здѣсь основной пружиной человѣческой дѣятельности, служеніе убѣжденію—смѣшнымъ донекхотствомъ. Я и упоминаю объ этомъ внезапно въ вольтъ-фасѣ Дрюмона съ цѣлю указать читателю, что нашъ пылкій антисемитъ ничѣмъ не отличался отъ средняго буржуазнаго публициста въ такомъ зрѣломъ возрастѣ, какъ четыре десятка лѣтъ. Затѣмъ наступила боевая и вмѣстѣ съ тѣмъ очень прибыльная эпоха

литературной дѣятельности Дрюмона, которому лишь полторы сотни изданій «Жидовской Франціи» дали, по словамъ самого же автора, «цѣлый ящикъ золота». За «Жидовской Франціей» послѣдовали чуть не каждый годъ «Конецъ міра», «Послѣдняя битва», «Завѣщаніе антисемита» и т. д. *).

Съ 1892 г. Дрюмонъ принялся за изданіе газеты «Вольное слово» (*La libre parole*), которая во время ланамскихъ скандаловъ печаталась въ числѣ 200,000 экземпляровъ ежедневно, а теперь, хотя значительно потускнѣвшая и выдохшаяся, распродается каждый день въ количествѣ 40,000 номеровъ.

Какъ видите, Дрюмонъ не можетъ пожаловаться на равнодушіе къ нему публики, и объясняйте распространенность его книгъ и газеты жаждой скандала, потребностью сплетенъ, чѣмъ угодно, во всякомъ случаѣ у него есть читатели и сторонники, которые поддерживаютъ его. Какимъ запросамъ отвѣчаетъ его литературная дѣятельность,—вотъ это и интересно прослѣдить, говоря о французскомъ антисемитизмѣ. Въ свое время я читалъ книжки Дрюмона и не перестаю слѣдить за его публицистической ролью въ газетѣ. А задумавъ настоящий этюдъ о французскомъ антисемитизмѣ, я снова перечиталъ его произведенія и наиболѣе характерныя статьи въ «Вольномъ словѣ». Я и постараюсь подъ овѣжимъ впечатлѣніемъ этого чтенія дать общій анализъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается литературный успѣхъ автора... Много таланта, и таланта если не первостепеннаго, то несомнѣнно живого и оригинальнаго. Можетъ быть, нѣкоторыя страницы отзываются риторикой Виктора Гюго; можетъ быть, другія напоминаютъ невообразиморѣзкую, но страстную и убѣжденную полемику Луи Вейльё; можетъ быть, есть подражаніе нѣсколько мистическому, но временами столь яркому слогу Карлейля, кстати сказать, одного изъ любимѣйшихъ авторовъ Дрюмона... Все это можетъ быть. Но тѣ враги Дрюмона неправы, которые отзываются ему въ несомнѣнномъ художественномъ и публицистическомъ дарѣ. Посмотрите на его отступленія,—описаніе какого нибудь пейзажа, лирическій восторгъ передъ произведеніемъ искусства, патетическое воззваніе къ смерти à la Прудонъ: вы не можете удержаться отъ эстетическаго, а порою и идейнаго восхищенія. Возьмите его портреты живыхъ дѣятелей: его враги всегда черезчуръ перекрашены въ мрачный тонъ; его друзья отливаютъ слишкомъ голубыми и розовыми оттѣнками благородства и прекраснодушія. Но вы не можете не волноваться, читая эти характеристики: авторъ заставляетъ васъ улыбаться, когда

*) Вотъ списокъ главнѣйшихъ юдофобскихъ произведеній автора: E. Drumont, *La France juive*, Paris, 1886. 2 vol.—«*La France juive*» devant l'opinion; 1886.—*La fin d'un monde*; 1889.—*La dernière bataille*; 1890.—*Le testament d'un antisémite*; 1891.—*Le secret de Fourmies*; 1892.—*Du sang, de l'or, de la boue*; 1893.

онъ «отдѣлываетъ» вашего политическаго врага, негодовать, когда онъ чертитъ каррикатуру вашего идейнаго товарища.

И однако, все это не объясняетъ литературнаго успѣха Дрюмона. Тутъ надо еще считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что снѣ не столько создатель, сколько выразитель французскаго антисемитизма. Въ немъ вы находите родныя черты этого направленія во Франціи, этотъ винегретъ явно-реакціонныхъ и мнимо-прогрессивныхъ вождедѣній, которыя волнуютъ душу буржуазнаго антисемита, — ибо, повторяю, большинство антисемитовъ Франціи вербуются среди буржуазіи. Возьмите, напр., экономическій элементъ. Большинство книгъ Дрюмона представляютъ собой эпопеи биржевыхъ спекуляцій, банковыхъ краховъ, грабительскихъ концессій, въ которыхъ главную роль играютъ еврей-милліонеры. Что это, какъ не идеализированный вопль Саккара, которому семиты не дали пользоваться плодами ажіотажа? Въ одномъ мѣстѣ Дрюмонъ даже горько оплакиваетъ судьбу католическаго банка Бонту, загубленнаго-де во цвѣтъ лѣтъ евреями-конкуррентами. Какъ вамъ нравятся эта горестная эпитафія на гробъ заведомо-мошенническаго предпріятія? Не менѣе знаменательно и то обстоятельство, что Дрюмонъ почти никогда или лишь нечаянно останавливается на фабричной эксплуатаціи. Не ухитрился ли однажды нашъ обличитель евреевъ брякнуть въ «Вольномъ словѣ», что авторъ «Капитала» нарочно изобразилъ процессъ эксплуатаціи въ производствѣ, какъ основную форму капиталистической эксплуатаціи, чтобы отвести глаза рабочихъ отъ еврейской эксплуатаціи на биржѣ! Конечно, Дрюмонъ вынужденъ бываетъ отъ времени до времени въ своей газетѣ писать насчетъ алчности фабрикантовъ, устраивать подписки въ пользу стачечниковъ. Но это, что называется, мимоходомъ, стараясь даже и здѣсь лишній разъ ударить еврея рикошетомъ: вотъ, молъ, эксплуататоръ, достойный быть жидомъ! Съ другой стороны, какъ упорно Дрюмонъ и его сотрудники обличаютъ переполненіе евреями либеральныхъ профессій и правительственныхъ функцій! Его ненависть университетскаго и академическаго міровъ, равно какъ современнаго правительственнаго персонала, ненависть, доходящая порою до анархизма, коренится главнымъ образомъ въ томъ, что въ этихъ сферахъ рядомъ съ «французами Франціи» еврей играетъ не маловажную роль. А ужъ извѣстно, гдѣ еврей, тамъ «измѣна отечеству!»

Я перехожу, такимъ образомъ, къ другому элементу антисемитизма: шовинизму. И этимъ элементомъ Дрюмонъ, можно сказать, преизбыточествуетъ. Трудно представить себѣ что-либо комичнѣе, неистовѣе и подозрительнѣе дрюмоновскаго «патріотизма». Послушать его, весь составъ правящаго персонала продать, — кто Германіи (покойный Ферри и многіе ферристы, большинство семитовъ въ Парламентѣ), кто Англіи (Рибо, Фрейсинаэ и почти всѣ протестанты), кто Италіи (и тѣ и другіе). Въ пылу «патріотическаго» усердія

Дрюмонъ договорился однажды до того, что онъ, вѣрующій и богобоязненный католикъ, обозвалъ самого папу «чуждымъ Франціи старцемъ съ итальянской душой»! Къ числу любимѣйшихъ пріемовъ Дрюмона при патріотическомъ сыскѣ относится откапываніе еврейскаго происхожденія своихъ враговъ, и если порою въ этомъ смыслѣ у него можно найти интересныя чисто-біографическія подробности о томъ или другомъ политическомъ дѣятелѣ, то по большей части эти занятія генеалогіей приводятъ автора къ уморительнымъ результатамъ, чуть ли не въ родѣ того, что данное лицо происходитъ отъ Адама, а Адамъ былъ жидъ, или же въ родѣ того, что если, молъ, такой-то и не жидъ съ формальной стороны, то онъ вполнѣ жидъ со стороны психологической*). Буржуазные республиканцы, впрочемъ, сами выковали это орудіе для Дрюмона, бросая обвиненіе въ измѣнѣ всякому, кто не раздѣляетъ ихъ шовинизма.

Католическое изуверство и реакціонныя взгляды, достойныя Среднихъ вѣковъ, характеризуютъ нашего лютаго антисемита, какъ они характеризуютъ французскій антисемитизмъ вообще. Самыя страстныя и самыя несправедливыя страницы написаны Дрюмономъ при защитѣ католицизма и при нападеніи на представителей современнаго міровоззрѣнія. Здѣсь онъ ставитъ совершенно на одну доску евреевъ, протестантовъ, массоновъ, свободныхъ мыслителей; и подъ предлогомъ, что онъ отнюдь не нападаетъ на евреевъ, какъ на приверженцевъ извѣстной религіи, нападаетъ на всѣхъ не-католиковъ, какъ на враговъ истинной религіи и «истинной Франціи». Здѣсь онъ рѣшительно *plus papiste que le pape lui-même*, и самому Льву XIII-му досталось отъ Дрюмона за то, что Его Святѣйшество совѣтуетъ католикамъ «присоединиться къ безбожной республикѣ». Когда вглядываешься въ дѣятельность Дрюмона въ этомъ направленіи, то ясно видишь, что въ его католицизмѣ преобладаетъ не столько чисто догматическая, сколько клерикально-практическая сторона, которая желала бы подчинить все современное общество католическому игу «французовъ Франціи». И я склоненъ даже думать, что Дрюмонъ нарочно подчеркиваетъ эту часть своей программы, рассчитывая на поддержку отживающихъ партій. Тутъ онъ встрѣчается съ людьми въ родѣ Кассаньяка, исповѣдующими знаменитый политическій принципъ реакціонеровъ, выраженный Вейльйо: «когда либералы у власти, мы требуемъ у нихъ свободы во имя ихъ принциповъ, а когда мы у власти, то отказываемъ въ свободѣ либераламъ во имя нашихъ принциповъ».

На этомъ-то хаосѣ различныхъ представленій и держится глав-

*) Судьба захотѣла отмстить Дрюмону на почвѣ этнологическаго сыска, и въ толстой чисто-спекуляторской книжкѣ нѣкоего аббата (Ch. Renaut, *L'israélite Edouard Drumont*; Paris, 1896, особенно на стр. 326) доказывается, что если Дрюмонъ не еврей (Juif), то онъ самый подлинный израильтянинъ (israélite), потомокъ семитскихъ выходцевъ изъ мѣстности Дрюмона (Друмѳонъ) на границѣ Аттики и Беотіи!!!...

нымъ образомъ «соціологія» Дрюмона, какъ онъ любитъ называть свои толстыя книги, гдѣ рядомъ съ отдѣльными прекрасными страницами цѣлыя десятки страницъ заполнены нахватанными безъ всякой критики цитатами изъ всевозможныхъ реакціонныхъ, иногда социалистическихъ писателей, вырѣзками изъ газетъ, сiletными, уморительными этнографическими и философскими разсужденіями, достойными невѣжественнаго монаха Среднихъ вѣковъ, и т. д., и т. д. Мнѣ лучше нравится Дрюмонъ, какъ «психологъ», изображающій иногда очень ярко и рельефно нравственный типъ какого-нибудь современнаго дѣятеля. А еще выше я поставлю Дрюмона-публициста и полемиста, который, если попадетъ на вѣрный путь оцѣнки извѣстныхъ фактовъ или явленій, въ состояніи дать захватывающій духъ статьи, въ родѣ, напр., тѣхъ, которыя были написаны имъ противъ оппортунистской реакціи эпохи Казимира Перье. Несчастье его въ томъ, что онъ отражаетъ невообразимую мѣшанину, которая царитъ въ головахъ французскихъ антисемитовъ, и въ свою очередь усиливаетъ эту путаницу въ головахъ своихъ учениковъ. Католики сочувствуютъ ему, но не какъ социалисту; социалисты иногда могутъ сочувствовать ему, но не какъ католику; различные оттѣнки шовинистовъ сочувствуютъ ему то не какъ католику, то не какъ социалисту. Извольте разобраться въ этой разношерстной толпѣ постоянныхъ и случайныхъ поклонниковъ Дрюмона... Упомяну въ заключеніе объ одномъ, въ высшей степени непріятномъ и отдающемъ іезуитомъ приѣмѣ Дрюмона: его манерѣ прославлять свою собственную кротость и незлобивость своихъ сотрудниковъ бокъ-о-бокъ съ фразами, гдѣ ругань достигаетъ невозможныхъ предѣловъ...

И, однако, изображая проявленія и причины буржуазнаго антисемитизма во Франціи, я ни мало не думаю стоять на почвѣ буржуазнаго юдофильства, которое или лицемѣрно пытается отрицать несомнѣнный фактъ завоеванія евреями нѣкоторыхъ сферъ общественной жизни, или же, признавая этотъ фактъ, не можетъ по этому поводу удержаться отъ восхищенія передъ «избраннымъ народомъ». Курьезно, съ другой стороны, что многіе изъ буржуазныхъ либераловъ-филосемитовъ, по крайней мѣрѣ, въ пылу полемики, увѣряютъ, что евреевъ, какъ особаго цѣлаго, не существовало бы вовсе, если бы притѣсненія и ограниченія правъ не создали еврейскаго вопроса. Противъ такого утвержденія не мѣшаетъ выставить факты.

Да, еврей не существуетъ въ смыслѣ чистой расы, и тому не мало причинъ. Припомните лишь прозелитизмъ евреевъ среди язычниковъ, особенно въ первое тысячелѣтіе христіанства (юдаизированіе значительнаго числа галловъ въ Южной Франціи; хазаровъ въ нижнемъ бассейнѣ Волги и т. д.). Приведите себѣ на память ихъ смѣшеніе съ окружающими народностями путемъ браковъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ отъ противнаго и запрещенія цѣлаго ряда Толед-

скихъ соборовъ въ Испаніи, и декреты XIV-го вѣка въ Швейцаріи, и эдикты Сигизмунда I-го въ Польшѣ. Остановите свое вниманіе на этнографическихъ данныхъ (напр., громадной разницѣ антропологическаго типа между евреями восточной и евреями юго-западной Европы; констатированіи нѣмецкими антропологами смѣшаннаго характера польскихъ евреевъ, въ которыхъ эти ученые видятъ несомнѣнный результатъ скрещиванія первоначальнаго типа съ урало-алтайскими и славянскими племенами). Все это позволяетъ современной наукѣ такъ же скептически относиться къ «избранной расѣ», какъ и къ «гордому аріицу».

Съ другой стороны, еврейство не существуетъ какъ національность въ обычномъ смыслѣ этого слова: въ самомъ дѣлѣ, какъ говорить о національности безъ территорій, безъ опредѣленнаго языка (по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ), безъ правительства и т. п.? Но если считать существеннымъ признакомъ народности «сознаніе принадлежности къ одному цѣлому», то именно еврейство окажется такой народностью. Еврейскій міръ представляетъ собою не чистую расу и не политическую націю, но крайне опредѣленный соціологическій типъ, группу людей, стоящихъ на опредѣленной ступени развитія человѣчества, нѣчто въ родѣ эрратическаго камня первичной формации, брошеннаго среди новѣйшихъ наносовъ и наслоеній. Взятые въ цѣломъ, евреи являются народомъ, который застылъ на переходѣ отъ строя патріархальнаго (уже основаннаго на отцовствѣ, а не на материнствѣ) къ строю чисто-государственному, не считающемуся съ кровнымъ родствомъ, и въ то же время остался при понятіи о тождествѣ религіознаго и политическаго законовъ, что совершенно противно современнымъ воззрѣніямъ. Геніальный чудакъ, Фурье, какъ извѣстно ненавидѣвшій евреевъ, ближе другихъ писателей своей эпохи отмѣтилъ эту особенность юдаизма, говоря: «Евреи сохранили патріархальный духъ, который является зерномъ подлыхъ страстей и который принизилъ ихъ въ самую пору ихъ могущества. Въ самомъ дѣлѣ, была-ли когда-либо нація, болѣе презрѣнная въ цѣломъ, чѣмъ нація евреевъ, не сдѣлавшая никакого прогресса ни въ наукахъ, ни въ искусствахъ и отличающаяся лишь безпрестаннымъ совершеніемъ преступленій и насилій, рассказы о которыхъ возмущаютъ душу на каждой страницѣ ихъ отвратительныхъ лѣтописей!» *).

Это понятіе о своей этнической—увы, мнимой!—чистотѣ и это соединеніе политическаго и религіознаго элементовъ были причиной того интереснаго явленія, что евреи, не смотря на скрещиваніе съ другими народностями и свою жизнь внутри чуждыхъ имъ государствъ, сохранили духъ національной исключительности и гордости, мѣшающій массѣ еврейства раствориться въ окружающихъ народностяхъ. Сами евреи, совершенно освободившіеся отъ предраз-

*) *Oeuvres complètes de Ch. Fourier*; Paris, 1846, t. I. стр. 61.

судковъ филосемитизма, въ родѣ Бернара Лазара *), признають этотъ фактъ. Мало того, они не боятся утверждать, что это міросозерцаніе дало еврею рѣшительное преимущество надъ прочими народами въ борьбѣ за существованіе; что въ значительной мѣрѣ (и при извѣстныхъ соціальныхъ условіяхъ) оно же толкнуло ихъ въ сторону торговой и банковской эксплуатаціи, даже прежде чѣмъ законодательство закрыло имъ путь къ производительной дѣятельности; и что въ царствѣ современной буржуазной конкуренціи, изощрявшаяся вѣками практичность еврея и солидарность, которая выработалась между гонимой народностью, дѣлають изъ евреевъ страшныхъ соперниковъ другимъ народностямъ... **).

Что же дѣлать? спросить читатель. Заводить гетто или заняться избіеніемъ? Конечно, ни то, ни другое. Наоборотъ, такъ какъ всѣ расовые, національные и прочіе вопросы отступаютъ въ настоящее время все болѣе и болѣе передъ соціальнымъ, на соціальной же почвѣ и долженъ быть рѣшенъ еврейскій вопросъ. Стѣсненія еврейства только даютъ оружіе болтовни буржуазныхъ филосемитовъ. Вопросъ о преимуществѣ одного конкурента надъ другимъ и мѣры для уравновѣшенія борющихся силъ могутъ озабочивать лишь буржуазнаго юдофоба. Только паденіе конкуренціи устранить окончательно еврейскій вопросъ, и я склоненъ думать, что это случится во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ еврейство, какъ угодно это утверждать филосемитамъ, растворится безъ остатка въ человѣчествѣ. Не интересны-ли слѣдующія строки (еще въ 40-хъ годахъ) человѣка, который былъ не только евреемъ, но и проницательнымъ мыслителемъ: «Такъ какъ евреи могутъ освободиться въ политическомъ смыслѣ, и не освобождаясь совершенно и помимо всякихъ противорѣчій отъ своего еврейства, то и самая политическая эмансипація евреевъ не есть истинно-человѣческая эмансипація. Общественная эмансипація еврея должна быть прежде всего эмансипаціей всего общества отъ присущаго ему торгашескаго элемента!» ***).

Н. К.

*) Я рекомендую читателю добросовѣстную и интересную книгу этого автора: Bernard Lazare, *L'antisémitisme, son histoire et ses causes*; Paris, 1894; равно какъ его же брошюры: *Lettres prolétariennes. Antisémitisme et Révolution*; Paris, 1895 и *Contre l'antisémitisme (Histoire d'une polémique)*; Paris, 1896. Удивительное со стороны еврея безпристрастіе удивило даже Дрюмона, не на долго, впрочемъ. Дрюмонъ пришелъ въ ярость отъ статей Лазара въ газетѣ «*Voltaire*» и вызвалъ оппонента на дуэль, кончившуюся, какъ большинство французскихъ дуэлей, ничѣмъ. Ср. также курьезную брошюру: Joseph Agon, *La résurrection de Lazare*; Paris, 1896 (отчасти по поводу этой дуэли, въ которой снова встрѣчается начинающій теперь циркулировать между филосемитами слухъ о томъ, что Дрюмонъ въ нѣкоторомъ родѣ Іуда, ибо-де происходитъ самъ отъ евреевъ!..

**) Тутъ дѣло идетъ, конечно, главнымъ образомъ, объ евреяхъ-капиталистахъ. Если пропорція этого класса и выше въ еврейской средѣ, то все же $\frac{1}{2}$ евреевъ, живущихъ на немнгомъ шарѣ (7 миллионѣвъ изъ 8) принадлежать къ рабочему классу, по мнѣнію Лазара.

***) *Zur Judenfrage*; Deutsch-Französische Jahrbücher; Paris, 1844.

Изъ Германіи.

До середины текущаго столѣтія сельское хозяйство представляло главнѣйшій факторъ въ промышленной жизни Германіи. Съ этого времени экономическій порыворотъ, внесшій первоначально существенныя преобразованія въ общественныя и государственныя отношенія Англіи, отозвался затѣмъ и въ Германіи, грозя все болѣе вытѣснить здѣсь сельское хозяйство изъ его господствующаго положенія. Рядомъ съ безпокойнымъ «соціальнымъ» вопросомъ все болѣе выдвигается зловѣщій призракъ «аграрнаго вопроса», не менѣе безпокойщаго и правительственныя сферы, и борющіяся за господство политическія партіи. Вызванное аграрнымъ кризисомъ послѣднихъ лѣтъ, аграрное и въ частности крестьянское движеніе на сѣверѣ и югѣ Германіи настолько всполошило политическій міръ, что всѣ партіи на перебой стали обновлять свои программы, каждая на свой ладъ печалуясь о мужицкой долѣ. Но не только старыя партіи сочли нужнымъ, — часто по чувству самосохраненія, — приспособить свои программы къ тяжелымъ временамъ аграрной нужды; болѣе того: изъ нѣдръ этихъ партій и непосредственно изъ нѣдръ сельскаго хозяйства народились новыя партіи и группы, задавшіяся исключительно цѣлью вернуть землѣ и землепашцу ихъ бывшее значеніе и положить конецъ такъ называемому аграрному кризису. Этотъ кризисъ заслуживалъ бы здѣсь самостоятельнаго разсмотрѣнія, но я надѣюсь, что его главнѣйшіе элементы въ достаточной степени выяснятся изъ того обзора аграрнаго движенія и аграрныхъ программъ, который я намѣренъ представить на слѣдующихъ страницахъ.

Спеціально аграрныя организаціи не новость въ Германіи. Уже издавна существуютъ по всей Германіи болѣе или менѣе крупныя сельско-хозяйственныя общества, ферейны; въ 1884 году образовалось общегерманское общество: «Deutsche Landwirtschaftsgesellschaft», но дѣятельность всѣхъ этихъ союзовъ была проникнута до послѣдняго времени духомъ бюрократической рутинѣ, убивавшей часто полезныя практическія начинанія. Каждый годъ по традиціи устраивалась выставка скота, сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, говорились патріотическія рѣчи на торжественныхъ обѣдахъ, но затѣмъ достигали какихъ нибудь практическихъ результатовъ только тѣ хозяева, у которыхъ были вліятельныя связи съ членами центральныхъ комитетовъ. Въ этихъ послѣднихъ вершили дѣла крупныя помѣщики съ графскими и баронскими титулами. Этой идилліи наступилъ конецъ, какъ только, подъ вліяніемъ тяжелой земельной

нужды, зашевелились по всей странѣ сельскіе хозяева и для защиты своихъ интересовъ вызвали къ жизни рядъ новыхъ аграрныхъ и крестьянскихъ организаций. Мы начнемъ свой обзоръ съ пресловутаго «Союза сельскихъ хозяевъ».

Въ 1892 году образовалась изъ среды консервативной партіи рейхстага, прусскаго ландтага и прусской палаты господъ особая группа, задавшаяся цѣлью сдѣлаться средоточіемъ назрѣвшихъ нуждъ и интересовъ нѣмецкаго сельскаго хозяйства. Это и былъ тотъ знаменитый «Bund der Landwirte», который обратился теперь въ своего рода enfant terrible государственной жизни Германіи. Изъ основныхъ пунктовъ программы «Союза» заслуживаетъ упоминанія § 2, говорящій, что цѣль «Союза» сплотить всѣхъ представителей сельско-хозяйственныхъ интересовъ безъ различія партійно-политическаго положенія и величины земельного владѣнія, для обезпеченія за сельскимъ хозяйствомъ приличествующаго ему вліянія на законодательство и для обезпеченія за нимъ соотвѣтствующаго его значенію представительства въ парламентскихъ учрежденіяхъ. Согласно § 3, намѣченная здѣсь цѣль достигается: 1) путемъ обсужденія и резолюцій на собраніяхъ; — 2) путемъ воздѣйствія на выборахъ въ смыслѣ избранія въ парламенты независимыхъ людей, готовыхъ надлежащимъ образомъ и энергически отстаивать интересъ сельскаго хозяйства, и 3) путемъ надлежащей пропаганды сельско-хозяйственныхъ интересовъ въ обществѣ и особенно въ печати.

«Союзъ сельскихъ хозяевъ» впервые выступилъ публично въ февралѣ 1893 года въ достопамятномъ берлинскомъ собраніи, въ громадной пивоварнѣ Тиволи, откуда это собраніе въ лѣтописяхъ послѣднихъ лѣтъ извѣстно подъ названіемъ Tivoliversammlung. Болѣе 5.000 сельскихъ хозяевъ собралось тогда въ Берлинѣ; пришлось въ одинъ и тотъ-же день (18 февраля) устроить два другъ за другомъ сдѣдующихъ собранія, такъ какъ крестьянъ наѣхало такъ много, что ни одна берлинская зала не могла вмѣстить всей публики... Накопленная годами энергія аграріевъ съ примѣсью антисемитическаго, антилиберальнаго и всякаго другого изувѣрства вылилась здѣсь широкой лавиной. Ушедшій теперь за море Альвардтъ тогда еще былъ въ полной славѣ и, при дружныхъ аплодисментахъ дворянскаго бюро, отпускалъ крѣпкія антисемитскія словечки передъ крестьянской аудиторіей. Собраніе было открыто президентомъ «Союза», барономъ Плеомъ, троекратнымъ hoch— въ честь императора. Но прусскіе юнкеры, почтительно раскланявшись, перемѣнили тотчасъ тонъ и заговорили другимъ языкомъ. Вѣрноподанническая депеша еще не дошла по своему назначенію, когда ораторы, въ родѣ графа Лимбурга, барона Тюнгена и др., громили съ трибуны политику правительства... «Сердце радуется, когда съ устъ сорвется открытое крѣпкое слово! Прочь лизоблудство, прочь карьеризмъ и лакейство! Побольше смѣлости—это нашъ пароль!..» Такой приблизительно кличъ носился подъ сводами

обширной ливоварни, а въ заключеніе принята слѣдующая резолюція:

«Собравшіеся нынѣ представители сельскаго хозяйства изъ всѣхъ (!) частей Германіи заявляютъ: мы требуемъ, чтобы основы, на которыхъ покоится сила нашего отечества, оставались непоколебленными. Одушевленные этимъ требованіемъ, мы убѣждены, что только крѣпкая военная мощь можетъ намъ обезпечить внѣшній миръ, и потому готовы на всѣ жертвы, требуемыя военнымъ могуществомъ. Но мы въ то же время проникнуты убѣжденіемъ, что прочныя основы силы и величія нашего отечества лежатъ въ процвѣтаніи сельскаго хозяйства. Законодательство послѣднихъ лѣтъ, связанное съ заключенными торговыми договорами, поколебало между тѣмъ указанныя основы въ такой мѣрѣ, что это грозитъ самому существованію сельскаго хозяйства. Въ предоставленіи дальнѣйшихъ льготъ иностранному ввозу мы видимъ роковой вредъ нашему промыслу. Мы обращаемся поэтому къ высокому рейхстагу съ настоятельной просьбой: не давать своего согласія на всѣ тѣ торговые договоры, которые ведутъ къ пониженію существующихъ пошлинъ, и съ другой стороны содѣйствовать тѣмъ мѣрамъ, которыя способны усилить вывозъ продуктовъ нашего сельскаго хозяйства и тѣмъ самымъ обезпечить процвѣтаніе нѣмецкаго сельскаго хозяйства на благо всего отечества...»

Эта резолюція, полагавшая благо отечества въ милитаризмъ и аграрномъ своекорыстіи, какъ извѣстно, не имѣла успѣха. Торговые договоры были приняты рейхстагомъ съ помощью «враговъ отечества» — центра и социаль-демократовъ — въ виду чего страждущіе аграріи и впереди ихъ вожаки «Союза» открыли крестовый походъ противъ тогдашняго канцлера имперіи, гр. Каприви, и самого Вильгельма II. Еще раньше, тотчасъ послѣ достопамятнаго собранія въ Тиволи, депутація Прусскаго сельско-хозяйственнаго Общества въ личной аудіенціи представила императору докладную записку о положеніи сельскаго хозяйства и о требованіяхъ сельскихъ хозяевъ, на что Вильгельмъ проницательно замѣтилъ, что «очень заинтересованъ въ сохраненіи крѣпкаго крестьянскаго сословія, которое, безъ сомнѣнія, должно быть близко и сердцу помѣщиковъ».

Въ то время, какъ аграрная оппозиція въ Пруссіи была по преимуществу направлена противъ «генерала безъ кода и двора» и противъ тогдашняго министра земледѣлія фонъ-Гейдена, въ остальныхъ частяхъ Германіи «Союзъ сельскихъ хозяевъ» выставилъ громадный отрядъ агитаторовъ для повсемѣстнаго привлеченія крестьянскаго населенія на сторону «Союза». Это была лихорадочная дѣятельность. На сѣверѣ она увѣнчалась довольно крупными успѣхами. «Союзу» удалось существовавшій тамъ «крестьянскій ферейнгъ» съ его 80.000 членовъ перетянуть на свою сторону. На югѣ симпатіи къ прусскимъ юнкерамъ и ихъ союзу были незначительны. Вообще же грандіозная агитація въ теченіе 2—3 лѣтъ собрала около «Союза

сельскихъ хозяевъ» до 200.000 членовъ, причемъ на долю крестьянской Баваріи къ началу текущаго года приходилось приблизительно около 5.000 душъ.

Оппозиція противъ торговыхъ договоровъ осталась безъ результатовъ. Аграріи требовали жертвъ, которыми могла быть искуплена «измѣна отечеству». Тогда, подѣйствіемъ могущественной интриги придворной камарилы, палъ гр. Каприви, а за нимъ вскорѣ и фонтъ-Гейденъ. Преемникомъ Каприви сдѣлался князь Гогенлоэ, про котораго нельзя сказать, что онъ человѣкъ безъ кола и двора — ohne Ar und Holm, какъ упрекали его предшественника. Гогенлоэ богатѣйшій землевладѣлецъ Европы, значить, имѣетъ соприкосновеніе съ интересами сельскаго хозяйства, — но и этотъ канцлеръ оказался въ общемъ не на сторонѣ «Союза». Не менѣе горько ошиблись юнкера и насчетъ преемника фонтъ-Гейдена, теперешняго министра земледѣлія барона Гаммерштейна. Даже князь Бисмаркъ, котораго аграріи называютъ «величайшимъ крестьяниномъ германской имперіи», замѣтилъ какъ-то своимъ приверженцамъ, что въ качествѣ землевладѣльца онъ за, въ качествѣ же министра былъ бы противъ юнкерскихъ вожделѣній.

Это, въ общемъ мало симпатичное для аграріевъ, правительство оказало тѣмъ не менѣе достаточно вниманія ихъ постояннымъ жалобамъ. Но это вниманіе ограничивалось такъ называемыми здѣсь «малыми мѣропріятіями», аграріи же требуютъ «большихъ средствъ», потому что только Grosse Mittel могутъ спасти сельское хозяйство отъ окончательной гибели. Эти большія средства сводятся къ двумъ главнѣйшимъ требованіямъ: реформѣ денежной валюты и введенію хлѣбной монополіи.

Въ Германіи вопросъ о валютѣ сдѣлался особенно жгучимъ послѣ великихъ событій 1870—71 г., поведшихъ къ объединенію имперіи. Ощущаемая уже издавна крайняя пестрота денежной системы въ нѣмецкихъ странахъ съ объединеніемъ этихъ послѣднихъ, настоятельно вынуждала къ реформѣ. Предстояла дилемма: создать единую имперскую монету изъ опредѣленнаго количества серебра, подобно старымъ талерамъ, или же чеканить эту монету изъ золота опредѣленнаго вѣса. По зрѣломъ обсужденіи вопроса остановились на послѣднемъ, и съ 1873 года ведетъ свое начало въ Германіи золотая валюта въ видѣ 10-ти и 20 марковыхъ золотыхъ монетъ.

Чистая золотая валюта предполагала, что всѣ денежные обороты до самыхъ мелкихъ будутъ по возможности покрываться золотомъ, и что серебро извѣдено будетъ на степень разнѣнной монеты, а весь его излишекъ, за покрытіемъ потребности разнѣна, будетъ брошенъ на рынокъ по рыночной его цѣнѣ. Первое предположеніе было не трудно выполнить, такъ какъ въ милліардахъ французской контрибуціи Германія имѣла достаточно золота. До конца 1894 г. было вычеканено золотой монеты на 2891 милліонъ марокъ больше той суммы, которая вернулась въ кассы казначействъ.

Размѣнная монета была также немедленно приготовлена, по расчету 10 марокъ на душу населенія. Изъ старыхъ запасовъ серебра было взято необходимое количество и изъ каждыхъ 30 талеровъ (90 марокъ) вычеканено 100 марокъ въ пяти, двухъ, одно-марковыхъ и 50 ти, 20-ти пфенниговыхъ монетахъ, такъ что серебрянная размѣнная монета съ самаго начала была на 10%, малоцѣннѣй. До конца 1894 года было этой монеты вычеканено на 475¹/₂ милл. болѣе той суммы, которая поступила обратно въ казначейство. Сверхъ того было вычеканено 52,4 милл. никелевой и 12,7 милл. марокъ мѣдной размѣнной монеты. Предполагалось, что серебрянной имперской монетой могутъ быть дѣлаемы платежи до 20 марокъ, никелевой и мѣдной — только до одной марки. Золоту же предоставлялась неограниченная платежная сила, а старымъ талерамъ — только до тѣхъ поръ, покуда они не будутъ замѣнены золотомъ на рынкѣ благородныхъ металловъ. Въ виду этого, закономъ отъ 6 января 1876 г., давалось правительству полномочіе и послѣдній остатокъ талеровъ превратить въ размѣнную монету и окончательно завершить реформу валюты. Эта реформа осталась, однако, и до сихъ поръ незавершенной, такъ какъ денежная политика другихъ странъ ограничила сбытъ серебра какъ разъ въ то время, когда производство его и притокъ на рынки безостановочно растутъ.

Примѣру Германіи въ реформированіи валюты послѣдовали и другія страны. Въ 1873 г. скандинавскія государства перешли къ золотой валютѣ: Данія, Швеція и Норвегія сбывли на сторону свой излишекъ серебра, Голландія прекратила массовую чеканку серебра, шедшаго по преимуществу въ индійскія колоніи. Сѣверо-Американскіе штаты рѣшили въ 1873 г. перейти къ золотой валютѣ, хотя фактически еще долгое время продолжалось господство бумажныхъ денегъ. Такъ называемый латинскій денежный союзъ, въ который въ 1865 г. вошли страны франковой системы: Франція, Италія, Бельгія и Швеція, также приостановилъ въ 1874 г. чеканку серебра, чтобы ограничить притокъ серебрянной монеты. Бѣлый металлъ сдѣлался бездомнымъ во всемъ культурномъ мірѣ Запада. Оставались почти одни только индійскіе монетные дворы, гдѣ его можно было всегда перечековать въ монету. Кризисъ, наступившій для серебра на мировомъ рынкѣ, усиливался еще тѣмъ, что росло и самое добываніе серебра. Въ 1866 г. добыча серебра во всемъ мірѣ не достигала и 200 милл. марокъ; въ 1866 — 1870 гг. она уже измѣряется 240 милліонами, въ 1871 г. превышаетъ 300 милл., а затѣмъ, увеличиваясь изъ года въ годъ, достигаетъ суммы въ 400 милл. м. по старому отношенію цѣнности золота и серебра, т. е. 1 къ 15¹/₂. Между тѣмъ это отношеніе постепенно измѣнялось въ ущербъ серебру, такъ что въ 70-хъ годахъ оно по временамъ колебалось до 1 : 20%.

Германія далеко еще не закончила операцію сбыта своего серебра, когда паденіе цѣнъ на него приняло непредвидѣнные размѣры. До

1879 года она продала такое количество, которое при прежнихъ отношеніяхъ цѣнности равнялось бы 640,4 милл. марокъ; на самомъ же дѣлѣ она выручила всего 567,2 милл., потерявъ такимъ образомъ свыше 70 милл. марокъ. Въ этомъ же году правительство рѣшилось прекратить дальнѣйшую продажу. Реформа германской валюты осталась незавершенной. Въ Германіи имѣется еще приблизительно на 400 милл. марокъ старыхъ талеровъ, которые, согласно первоначальному плану, должны были быть совершенно изъяты изъ обращенія. Въ дѣйствительности этимъ талерамъ, въ противоположность громадному количеству вновь вычеканенной имперской серебрянной монеты, предоставлена закономъ неограниченная платежная сила. Это не серебрянная разнѣнная монета, которую можно брать въ уплату только до 20 марокъ, но и не золото, которое одно признается полноцѣнной денежной валютой.

Другія государства не могли и думать о томъ, чтобы направить свое серебро на германскій рынокъ. Они могли ограничиться чеканкой одного золота, но не были въ состояніи сократить изобиліе своей старой серебрянной монеты и замѣнить ее золотомъ. Потребность въ разнѣнной монетѣ была покрыта; для излишка серебра оставалось открыть доступъ и къ крупнымъ платежамъ, чтобы найти ему то или иное примѣненіе, не вызвавъ потрясенія курса, какой обыкновенно вызывается чрезмѣрнымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ.

Такимъ образомъ, кромѣ Англіи, нигдѣ не удалось вполнѣ провести золотую валюту. Нигдѣ не удалось низвести серебро до степени разнѣнной монеты и одному золоту предоставить безусловное господство. Золотая валюта, какъ выражаются въ финансовыхъ сферахъ, повсюду хромаетъ.

Прекращеніе продажи серебра и приостановка денежной реформы совпали по времени съ побѣдой реакціоннаго движенія надъ первымъ либерально-фритредерскимъ періодомъ имперской политики въ Германіи. Въ средѣ парламентскаго большинства этой реакціонной ары первоначально имѣлась лишь небольшая часть, которая на золотую валюту смотрѣла, какъ на гибельное порожденіе экономическаго либерализма. Столь популярный нынѣ пророкъ биметализма, консервативный депутатъ фонъ-Кардорфъ, въ 1880 году стоялъ еще почти одиноко. Но уже въ этомъ году онъ провозгласилъ, что именно золотая валюта виновна во всѣхъ невзгодахъ: въ кризисахъ, въ развитіи социаль-демократіи, въ антисемитизмѣ и пр. Специально антисемитизмъ прямо ведетъ свое начало съ обезцѣненія серебра... Вскорѣ послѣ того депутатъ прусскаго ландтага д-ръ Аридтъ открылъ свой биметалистскій походъ, продолжая его до сихъ поръ съ рѣдкой неутомимостью. Около этихъ двухъ вожаконъ собралась многочисленная группа сторонниковъ, ведущихъ и въ печати, и въ парламентахъ напряженную агитацію за восстановленіе серебра въ правахъ, одинаковыхъ съ золотомъ, въ то время, какъ

цѣнность серебра въ дѣйствительности понизилась до половины противъ прежняго, и нѣмецкій талеръ въ сущности стоитъ теперь какихъ нибудь $1\frac{1}{2}$ марки. *)

Требованіе биметалистовъ о свободной чеканкѣ серебра находятъ своихъ главныхъ сторонниковъ въ лицѣ собственниковъ серебряныхъ рудниковъ, въ нѣкоторой группѣ фабрикантовъ, сбывающихъ свои хлопчатобумажныя издѣлія на азіатскіе рынки, съ господствующимъ серебрянымъ обращеніемъ, и наконецъ, въ лицѣ аграріевъ съ задолженными помѣстьями. Интересующіе насъ здѣсь прежде всего аграрные слои увлекаются иллюзіей, что обезцѣненіе денегъ—это необходимое слѣдствіе свободной чеканки серебра—въ силахъ будетъ поднять упавшія цѣны на сельско-хозяйственные продукты. Около этой иллюзіи о восстановленіи развѣнчаннаго металла постепенно во всѣхъ странахъ столпились аграрныя массы. Въ сѣверо-американскихъ штатахъ къ нимъ принадлежатъ главнымъ образомъ фермеры, которыхъ положеніе крайне ухудшилось со времени хроническаго перепроизводства и громаднхъ потерь на вышнемъ и внутреннемъ сбытѣ, такъ что одна надежда остается на эксперименты съ денежной валютой. Извѣстно, какое громадное политическое значеніе имѣлъ этотъ вопросъ въ послѣднихъ президентскихъ выборахъ въ Сѣв. Америкѣ, закончившихся только что побѣдой республиканца протекціониста Макъ-Кинлея надъ демократическимъ кандидатомъ американскихъ биметалистовъ Брайаномъ. И въ континентальныхъ странахъ сельско-хозяйственнаго ввоза, какъ только покровительственные тарифы и другія запретительныя мѣры оказались неэффективными, измѣненіе валюты сдѣлалось однимъ изъ крупныхъ пунктовъ аграрно-политической агитаціи. Это замѣтно даже въ странѣ чистой золотой валюты—Англіи, а въ Германіи съ нѣкотораго времени принадлежитъ къ боевымъ лозунгамъ крупныхъ землевладѣльцевъ восточной Пруссіи.

Это и понятно: въ сельскомъ хозяйствѣ каждый дѣящійся упадокъ цѣнъ становится тѣмъ болѣе роковымъ, что одновременно съ этимъ продолжаютъ оставаться массы старыхъ долговъ или арендныхъ обязательствъ изъ времени болѣе высокаго состоянія цѣнъ на земледѣльческіе продукты. Проценты по долгамъ остаются на прежней высотѣ, въ то время какъ доходы землевладѣльца все болѣе сокращаются и все большая часть изъ нихъ безостановочно уходитъ въ пользу третьихъ лицъ. Покуда помѣщики сами были кредиторами, то

*) Литературнымъ органомъ биметалистовъ служить, помимо нѣкоторыхъ аграрныхъ изданій, какъ «Deutsches Wochenblatt» д-ра Арндта, специально для этой цѣли основанная въ 1895 г. «Bimetallistische Monatschrift», Organ des deutschen Bimetallistenbundes. Для оппозиціи этому движенію основался «Verein zum Schutze der deutschen Goldwährung», издающій неперіодическую «Währungsbibliothek». Для знакомства съ предметомъ можно еще рекомендовать общедоступную книжку: Karl Hellferich: Zur Geschichte der Goldwährung (имѣется и русск. пер.) Berlin. 1896. и Max Schippel: «Die Währungsfrage. Berlin, 1896.

они не шли ни на какія уступки, когда, напр., въ началѣ столѣтія послѣ освобожденія крестьянъ отъ феодальной зависимости въ Пруссіи рѣчь шла о взысканіи по высокой нормѣ установленныхъ выкупныхъ платежей; они также мало думали объ облегченіи долговыхъ тягостей крестьянъ въ пору тяжелаго сельско-хозяйственнаго кризиса, продолжавшагося отъ 20-хъ и вплоть до 40-хъ годовъ. Теперь же, когда сами юнкера по уши въ долгу, то не перестаютъ слышаться жалобы на прочную денежную валюту и прочныя денежные обязательства. Весьма вѣроятно, что пониженіе цѣнности денегъ и слѣдующее за этимъ повышеніе цѣнъ на время поможетъ задолженнымъ и угнетеннымъ конкуренціей хозяевамъ. Но главное горе не устранился: издержки производства у землевладѣльца съ теченіемъ времени повысятся снова, а цѣна продукта будетъ опредѣляться въ зависимости отъ конкуренціи болѣе благоустроенныхъ хозяйствъ. Менѣе капитальный хозяинъ раньше или позже упадетъ подъ бременемъ дефицита и новыхъ долговъ.

Чрезвычайная мѣра принесла бы, такимъ образомъ, въ лучшемъ случаѣ временный роздыхъ, за которымъ всетаки наступила бы неминуемая катастрофа. Нужно еще имѣть въ виду, что эта переходящая польза для землевладѣльцевъ была бы куплена цѣной весьма замѣтнаго пониженія въ жизненномъ обиходѣ безземельныхъ сельскихъ рабочихъ, такъ какъ заработная плата растетъ далеко не въ той прогрессіи и не съ той скоростью, съ какой растутъ цѣны на жизненные продукты при пониженіи цѣнности денегъ. Это справедливо не только для наемнаго труда обыкновеннаго неимущаго пролетаріата, но и для высшаго труда учителей, чиновниковъ и т. п.

Здѣсь не мѣсто для печальныхъ иллюстрацій изъ экономической исторіи различныхъ странъ. Но вотъ недвусмысленное свидѣтельство объ основной тенденціи нѣмецкихъ биметалистовъ: въ прошломъ 1895 г. въ засѣданіи рейхстага отъ 15 февраля одинъ изъ непримиримыхъ аграріевъ графъ Мирбахъ сдѣлалъ, между прочимъ, слѣдующее признаніе: «Въ одной изъ статей (такой-то газеты) сказано, что всѣ предметы потребленія *тотчасъ* растутъ въ своей цѣнѣ, вслѣдствіе повышенія цѣны серебра, тогда какъ наемная плата лишь *медленно* слѣдуетъ за этимъ повышеніемъ. *«Да, милостивые государи, это и есть то, чего мы добиваемся»...*

Этого признанія достаточно, чтобы понять, почему представители труда въ Германіи твердо оставались на сторонѣ чистой золотой валюты. Исходъ американскихъ выборовъ показалъ, что надежды, возлагавшіяся тамошними биметалистами на поддержку рабочихъ массъ, не оправдались. Побѣдѣ Брайана радовались бы очень нѣмецкіе биметалисты. Они уже давно отказались отъ изолированнаго проведенія своихъ плановъ въ собственномъ отечествѣ и стремятся урегулировать валюту на международныхъ началахъ. Но всѣ конференціи не привели покуда ни къ какому результату, а теперешнее

пораженіе серебряной партіи въ Америкѣ, вѣроятно, на долго повергнетъ въ меланхолію г. г. Кардорфа, Арендта, Мирбаха и др. Конечно, и выборы Макъ Кинлея не Богъ знаетъ какое счастье для Европы. Убѣжденнѣйшій протекціонистъ, онъ сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы провести излюбленную имъ доктрину Монроэ и обезпечить лозунгу «Америка для американцевъ» торжество не только въ политическомъ, но и въ экономическомъ отношеніи. Что такая политика означаетъ въ частности для Германіи, это ясно хотя бы изъ того, что торговныя сношенія ея съ С.-Американскими Штатами измѣряются суммой въ 800—900 милліоновъ марокъ ежегодно.

Вернемся, однако, на спеціальную почву нѣмецкихъ аграрныхъ вожделѣній и рассмотримъ второе «крупное средство» для устраненія аграрнаго кризиса. Это второе средство называется хлѣбной монополіей и связано съ именемъ одного изъ самыхъ рьяныхъ и самыхъ интеллигентныхъ аграріевъ—графа Каница. Сформулированный этимъ послѣднимъ «проектъ Каница» былъ впервые представленъ рейхстагу 13 апрѣля 1894 г. Послѣ чрезвычайно бурныхъ дебатовъ 14 апрѣля 1894 г. проектъ нашелъ поддержку лишь въ партіи юнкеровъ и былъ отвергнутъ громаднымъ большинствомъ 159 голосовъ противъ 46. Этотъ исходъ не обезкуражилъ партію Каница и прочихъ «бѣдныхъ крестьянъ съ соломенными крышами». Черезъ годъ, 29 марта 1895 г. проектъ Каница въ нѣсколько измѣненномъ видѣ былъ снова предложенъ вниманію рейхстага.

Въ этомъ измѣненномъ видѣ проектъ хлѣбной монополіи гласитъ:

1. Покупка и продажа потребнаго для Германіи иностраннаго хлѣба и муки совершается исключительно за счетъ государства.

2. Продажныя цѣны на хлѣбъ устанавливаются по расчету среднихъ цѣнъ на внутреннемъ рынкѣ за періодъ времени отъ 1850 до 1890 г.; продажныя цѣны мучныхъ продуктовъ—по расчету дѣйствительныхъ издержекъ и сообразно съ цѣнами на хлѣбъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ покрыты покупныя цѣны. При болѣе высокихъ покупныхъ цѣнахъ соотвѣтственнымъ образомъ повышаются и продажныя цѣны.

3. Назначеніе добытыхъ при продажѣ и закупкѣ излишковъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: а) ежегодно поступаетъ въ имперскую кассу сумма, равная по меньшей мѣрѣ той, которая получается въ настоящее время отъ хлѣбныхъ пошлинъ; б) часть поступаетъ въ кассу, предназначенную для чрезвычайныхъ надобностей (война и т. п.); в) часть идетъ въ резервный фондъ, изъ котораго, въ случаѣ высокихъ внутреннихъ и внѣшнихъ цѣнъ, обезпечивается причитающаяся имперской кассѣ сумма.

И этому измѣненному проекту посчастливилось не больше перваго. Главные доводы оппозиционныхъ партій противъ проекта группировались около трехъ пунктовъ: 1) несовмѣстности проекта съ заключенными въ 1892—94 гг. торговыми договорами; 2) со-

циалистической тенденціи проекта и 3) вытекающаго изъ него вздорожанія хлѣба для бѣднѣйшей части населенія. Второй доводъ былъ, очевидно, внушенъ проектомъ хлѣбной монополіи, представленнымъ почти одновременно депутатомъ Жоресомъ французской палаты. Но тенденція Жореса значительно разнилась отъ социализма графа Каница, пріобрѣтшаго теперь названіе Junkersocialismus. Для противуаграрныхъ партій вопросъ объ Junkерской утоніи былъ собственно исчерпанъ уже при первомъ обсужденіи, такъ что заведеніе рейхстага въ мартѣ 1895 г. было по преимуществу заполнено ораторскимъ турниромъ между аграріями и правительствомъ. Князь Гогенлоэ самолично высказалъ, что думаетъ имперское правительство по поводу всей аграрной затѣи. Не охотникъ до большихъ рѣчей, престарѣлый канцлеръ замѣтилъ, что правительство считало нужнымъ предоставить сперва общественному мнѣнію и печати основательно разобраться въ проектѣ. Теперь, когда общество и печать цѣлый годъ дебатировали вопросъ, наступила очередь и для правительства высказать свою точку зрѣнія. Она заключается въ слѣдующемъ: проектъ исключаетъ хлѣбъ, не предназначенный для внутренняго потребленія, — это означаетъ воспрещеніе ввоза, что стоитъ въ противорѣчій съ торговыми договорами. Репутація государства страдала бы во мнѣніи другихъ странъ, если бы Германія вздумала уже теперь приступить къ пересмотру договоровъ. Далѣе, разъ государство беретъ хлѣбную торговлю въ свои руки, то частная торговля тѣмъ самымъ прекращается, такъ какъ купецъ, покупая за границей хлѣбъ для Германіи, не воленъ въ выборѣ подходящаго ему рынка и шансовъ сбыта. Государство же не обязано покупать всякій хлѣбъ, который привозится къ его границѣ. По смыслу проекта, государство обязано было бы само радѣть о потребномъ ему хлѣбѣ. Это предполагаетъ такую сложную организацію, такихъ свѣдущихъ въ хлѣбномъ дѣлѣ людей, которыхъ среди имперскихъ чиновниковъ найдется лишь очень мало. Правительство не можетъ взять на себя ответственности передъ страной — обезпечивать ее достаточнымъ количествомъ хлѣба при всякихъ условіяхъ, въ случаяхъ неурожая и т. п. Наконецъ, проектъ не принесетъ и тѣхъ выгодъ, которыя онъ обѣщаетъ: по статистикѣ 1882 г. въ сельскомъ хозяйствѣ занято 19 милл. душъ, включая сюда же и дѣтей, прислугу и т. д. Изъ этого числа 15 милл. не имѣютъ никакой выгоды отъ болѣе высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ, такъ какъ они не продаютъ хлѣба. Напротивъ, они получаютъ отъ того прямой или косвенный вредъ...

Таковъ былъ въ общемъ взглядъ правительства на проектъ гр. Каница. Но благороднымъ и вліятельнымъ господамъ, искони пользующимся репутаціей опоры трона и отечества, нельзя такъ прямо безъ всякихъ церемоній отказать въ ихъ ни съ чѣмъ не сообразныхъ претензіяхъ, и потому послѣ рейхстага еще цѣлый рядъ учреждений «церемонился» съ проектомъ Каница. Его рассматри-

валъ «нѣмецкій сельско-хозяйственный совѣтъ» и принялъ незначительнымъ большинствомъ 4 голоса (36—за, 32—противъ). Затѣмъ императоръ созвалъ прусскій государственный совѣтъ, гдѣ подѣ личнымъ предсѣдательствомъ Вильгельма проектъ былъ отвергнутъ всѣми голосами противъ 4-хъ. Самъ Вильгельмъ назвалъ его утопией и энергично отбивался отъ навязываемой ему роли «хлѣбнаго ростовщика» (его собственное выраженіе). Министерство земледѣлія, подѣ натискомъ юнкеровъ, чуть ли не всецѣло занято разборомъ ихъ ходатайствъ, отправляетъ сельско-хозяйственныя экспедиціи, собираетъ свѣдѣнія,—и весьма вѣроятно, что съ началомъ парламентской сессіи, проектъ Каница въ томъ или иномъ видѣ займетъ вниманіе народныхъ представителей, какъ не перестанетъ еще занимать общество и печать.

Для такъ называемыхъ командующихъ классовъ Германіи характерно, что они прямо не говорятъ, чего хотятъ и добиваются. Когда группа наиболѣе вліятельныхъ рейнскихъ промышленниковъ-капиталистовъ задумаетъ отнять у своихъ рабочихъ остатки ихъ права союзовъ и свободной организаціи, то она не настаиваетъ прямо на измѣненіи конституціи, а, подѣ предлогомъ анархистскихъ ужасовъ, грозящихъ будто бы изъ-за три-девяти земель, вноситъ т. н. Umsturzvorlage. Точно также, когда сотня юнкеровъ вздумала, по примѣру отцовъ, добиться новой подачи со стороны государства, то изобрѣтаетъ т. н. сельско-хозяйственную нужду, упадокъ сельскаго хозяйства. При этомъ совершенно забывается, что сельскіе хозяева одинаково жалуются теперь и во Франціи, огражденной покровительственными тарифами, и въ фритредерской Англіи, и въ отсталой Россіи, и въ прогрессивной Америкѣ,—слѣдовательно, трудно винить тутъ ту или иную торговую систему, или искать спасенія въ той или иной торговой политикѣ. Прусскіе аграріи говорятъ о поголовной нуждѣ сельскаго хозяйства, не взирая на то, что сельско-хозяйственная нужда, примѣрно, силезскаго ткача, имѣющаго блочекъ картофельнаго огорода, и нужда, примѣрно, князя Плесса, имѣющаго въ одной восточной Пруссіи свыше 70 тысячъ гектаровъ **) земли — существенно различны. Аграріи называютъ низкія хлѣбныя цѣны главной причиной сельско-хозяйственной нужды, забывая, что подавляющая часть земледѣльческаго населенія Германіи, какъ это отмѣтилъ и имперскій канцлеръ, не имѣетъ никакого интереса въ высокихъ цѣнахъ или же прямо отъ нихъ страдаетъ. Для примѣра возьмемъ хотя бы слѣдующія группы *):

*) Известное ученое общество «Verein für Socialpolitik» опубликовало рядъ исследованийъ о положеніи крестьянъ. См. Bäuerlich Zustände in Deutschland, Bb. 1, 2, 3. Далѣе: «Wucher auf dem Lande» (ростовщичество въ деревняхъ). Въ послѣднее время: «Organisation des ländlichen Personalkredits» и т. д. Но съ этими исследованиями аграріи очень мало справляются.

**) Наша десятина равняется 1,2 гектара.

1) т. н. Marschbauern въ Голштиніи, Ольденбургѣ и Ганноверѣ; 2) горные крестьяне въ Верхней Баваріи. Обѣ эти группы занимаются исключительно или по преимуществу скотоводствомъ и должны покупать хлѣбъ; 3) лѣсные крестьяне (частью совпадаютъ съ горными) сѣютъ хлѣбъ только для собственной потребности. Тоже самое касается—4) крестьянъ-винодѣловъ; 5) занимающихся добычаніемъ овощей; 6) конопля и табаку; 7) хмѣля. Затѣмъ въ 8-хъ, слѣдуютъ мелкіе крестьяне и т. н. парцельные крестьяне хлѣбопашныхъ областей Германіи. Parzellenbauern называются тѣ, земельные наѣлы которыхъ такъ ничтожны, что доходъ отъ нихъ недостаточенъ для пропитанія семьи, и все недостающее приходится добывать поденщиной, фабричной работой и т. п. Большинство мелкихъ крестьянъ хотъ и продастъ на сторону хлѣбъ, но очень немного по сравненію съ другими продуктами крестьянскаго хозяйства: молочными и мясными. Кромѣ того, вмѣсто проданнаго хлѣба, эти крестьяне покупаютъ мучные продукты высшихъ сортовъ, которые въ старое время добывались домашнимъ способомъ. Наконецъ, въ 9-хъ, слѣдуетъ еще упомянуть сельско-хозяйственную прислугу и безземельныхъ сельскихъ рабочихъ, для которыхъ, при натуральной платѣ за трудъ, хлѣбныя цѣны безразличны, при денежной уплатѣ—высокія цѣны на хлѣбъ безусловно убыточны. У всѣхъ этихъ группъ населенія есть, конечно, свои нужды; такъ, напр., крестьяне воздѣлывающіе табакъ, жалуются на способъ табачнаго обложенія; винодѣлы—на низкія пошлины на вино; лѣсные и горные—на убыточный характеръ выкупа ихъ лѣсныхъ правъ, на принудительность этого выкупа, на громадный ущербъ, причиняемый имъ барской охотой.

Нѣмецкое хлѣбопашество имѣетъ своимъ главнымъ средоточіемъ прусскія провинціи къ востоку отъ Эльбы, патріархальный Ostelbien. На югѣ Германіи хлѣбопашество распространено по преимуществу въ Нижней Баваріи. Въ Пруссіи насчитывалось (въ перепись 1882 г.) 32.488 крупныхъ землевладѣльцевъ, 182.410—среднихъ, 266.187 мелкихъ, 1.078.627 парцельныхъ,—такимъ образомъ, кромѣ прислуги и сельскихъ батраковъ, 1.344.814 семействъ отъ высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ не имѣютъ никакой выгоды, и лишь 214.898 семействъ (крупныя и среднія) заинтересованы въ повышеніи хлѣбныхъ цѣнъ. Переводя расчетъ на всю Германію, мы видимъ, что изъ числившихся (въ 1882 г.) въ ней 5.200.000 сельскихъ хозяйствъ лишь какихъ нибудь 700.000 хозяевъ имѣли бы выгоду отъ проекта гр. Каница, между тѣмъ какъ около 4.500.000 хозяйствъ или не имѣли бы пользы, или потерпѣли бы прямой ущербъ. Данныя статистики показываютъ еще, что всѣ хозяйства ниже 50 гектаровъ составляютъ 98 $\frac{1}{4}$ % общаго числа всѣхъ хозяйствъ Германіи, заключаая въ себѣ лишь 3 $\frac{1}{4}$ милл. гект. обрабатываемой земли, между тѣмъ какъ хозяйства свыше 50 гектаровъ составляютъ только 1 $\frac{1}{4}$ %, владѣя при этомъ 9 $\frac{2}{3}$ милл.

гектар. обрабатываемой земли. Отсюда также очевидно, на чью долю выпали бы главные выгоды отъ проведенія Каницевскаго проекта. Это собственно владѣльцы т. н. рыцарскихъ помѣстій, такъ какъ самые крупные нѣмецкіе землевладѣльцы—магнаты, получающіе отъ своихъ земель сотни тысячъ и миллионы марокъ, стыдятся покуда открыто плакаться на нужды сельскаго хозяйства, хотя въ дѣйствительности и пополняютъ ряды аграріевъ. Рыцари-же помѣщики большей частью очень задолжены, отъ нихъ то и исходитъ главнымъ образомъ аграрное движеніе, охватившее первоначально также значительную часть крестьянскаго населенія. Подъ первымъ горячимъ натискомъ «союза сельскихъ хозяевъ» крестьянамъ трудно было разобраться и не попасть въ сѣти рыцарей. Этому способствовало своекорыстіе крупныхъ «хозяйственныхъ мужичковъ», вліявшихъ на своихъ малосильныхъ собратьевъ, частью боязнью этихъ послѣднихъ испортить свои отношенія съ «господами», частью непониманіе причинъ своей собственной нужды наконецъ, терроризмъ аграрной агитаціи. Рыцари-помѣщики носились по селамъ и на собраніяхъ вопили о гибели сельскаго хозяйства, обѣщали крестьянамъ золотыя горы, если они поддержать ихъ политику, будутъ вотивовать за консерваторовъ, слѣдовательно за самихъ рыцарей, да еще земскихъ — за ландратовъ — этихъ по преимуществу необузданныхъ аграріевъ. Въ крестьянскія избы посылались земледѣльческіе учителя и другіе агенты, которые съ громаднымъ цифровымъ аппаратомъ высчитывали, какъ на ладони, дефициты крестьянскихъ хозяйствъ и будущія блага отъ хлѣбной монополіи. Аграріи не ограничиваются агитаціей въ своихъ стародавнихъ округахъ и врываются въ сферу такихъ областей, которыя уже издавна имѣли своихъ либеральныхъ представителей. При этомъ нерѣдко и даже большею частью страдаетъ злополучный германскій либерализмъ. Вотъ на примѣръ, дополнительные выборы въ округъ Вестгавеландъ-Бранденбургъ, который считался доменой либераловъ и націоналъ-либераловъ. Это почти сплошь сельскій округъ, т. е. съ преобладаніемъ сельскаго населенія. Нѣсколько послѣднихъ мѣсяцевъ тамъ царилъ безпримѣрная выборная агитація, потому что «союзъ сельскихъ хозяевъ» всѣми правдами и неправдами хотѣлъ въ этотъ разъ провести тамъ своего кандидата, мѣстнаго ландрата Лебелля. И что-же случилось въ виду этого неожиданнаго вторженія «Союза»? Телеграммы только-что принесли вѣсть, что изъ перебалотировки вышелъ побѣдителемъ надъ ландратомъ социаль-демократъ Пеусъ!..

Крестьянство въ строгомъ смыслѣ сохранилось лишь въ западной и южной Германіи, гдѣ поэтому и развито крестьянское движеніе. Между тѣмъ восточная Пруссія есть классическая страна крупныхъ доменъ, латифундій, рыцарскихъ имѣній, чѣмъ объясняется господство въ этомъ краѣ аграрнаго движенія. Не мѣшаетъ указать, что преобладаніе латифундій къ Востоку отъ Эльбы имѣетъ своимъ источникомъ,—помимо исторически-достопамятнаго вытѣс-

ненія крестьянскихъ хозяйствъ, т. н. Bauernlegen,—систематическую и нынѣ продолжающуюся въ Пруссіи политику покровительства дворянскихъ владѣній. Это сказывается прежде всего въ образованіи т. н. фиденкомисныхъ владѣній, имѣющихъ цѣлью сохранить за извѣстными фамиліями высокое социальное положеніе. Регулированіе этого дѣла находится теперь на очереди, и весьма вѣроятно, что фиденкомисное право будетъ предоставлено и денежнымъ тузамъ, чтобы облегчить имъ добычу баронскаго титула. Но и до настоящаго времени замѣчался непрерывный ростъ фиденкомисныхъ владѣній. По статистическимъ даннымъ, приведеннымъ у проф. Конрада, въ семи восточныхъ провинціяхъ Пруссіи насчитывалось 547 фиденкомисныхъ владѣній съ 1.408.860 гектарами. Изъ нихъ лишь 153 владѣнія ведутъ свое происхожденіе отъ прошлаго вѣка, остальные суть порожденія нашего вѣка, а 135 изъ нихъ возникли въ короткій періодъ отъ 1881 до 1888 года—цвѣтущее время правленія «величайшаго крестьянина нѣмецкой земли», но и величайшаго юнкера, кн. Бисмарка. По даннымъ 1894 г. *) въ Пруссіи насчитывалось уже 1.833.783 гектара фиденкомисныхъ владѣній, — площадь, превосходящая всѣ мелкія сельскія хозяйства съ участками отъ 2 до 5 гектаровъ (1.402.115 гект.). Въ одной восточной Пруссіи 154 владѣльцы располагаютъ каждый участкомъ свыше 5.000 гект., всѣ—1761 помѣстьями съ 1.637.693 гект., изъ которыхъ 50,1% приходится на долю Фиденкомисъ, т. е. земель, гарантированныхъ отъ отчужденія и отъ тяжелаго обложенія. За личные долги отвѣтствуютъ лишь доходы имѣнія и то только при жизни должника. Такъ сложились земельныя отношенія въ странѣ «сельско-хозяйственной нужды». Для тѣхъ самыхъ слоевъ, которые теперь стоятъ въ рѣзкой оппозиціи къ правительству, создавалось и продолжаетъ создаваться привилегированное землевладѣніе, чтобы «сохранить извѣстныя фамиліи въ высокомъ социальномъ положеніи», т. е. чтобы сохранить ихъ во главѣ націи, обезпечить за ними высшія должности въ арміи, въ управленіи и т. д.

Представители этого искусственно консервируемаго слоя въ послѣднее время очень мѣтко изображаются въ произведеніяхъ Зудермана, который самъ родомъ изъ восточной Пруссіи. Возьмите хотя бы барона Рекница изъ послѣдней Зудермановской комедіи «Das Glück im Winkel» («Счастье въ уголку»—давалась, кажется, уже на нѣкоторыхъ русскихъ сценахъ), и вы будете имѣть представленіе о распространенномъ типѣ прусскаго, подъ гнетомъ сельско-хозяйственной нужды изнемогающаго, юнкера... Прежде всего онъ въ практическомъ сельскомъ хозяйствѣ очень мало понимаетъ, развѣ еще только въ лошадяхъ и въ лошадиномъ спортѣ. Въ виду этого

*) См. между прочимъ соотвѣтственныя главы «Handwörterbuch der Statswissenschaften» проф. Конрада и др.

его любимое орудіе—плеть, которой онъ нерѣдко проѣзжается и по плечамъ дворовой прислуги. Такъ какъ послѣ франко-прусской войны всякій нѣмецъ, а пруссакъ по преимуществу, считаетъ себя несчастнымъ человѣкомъ, если не имѣть, по крайней мѣрѣ, званія резервнаго лейтенанта, то юнкеръ и подавно прежде всего офицеръ. Это въ порядкѣ вещей, что сынъ благородныхъ сельскихъ хозяевъ начинаетъ свою жизненную карьеру съ военной службы въ качествѣ офицера по возможности одного изъ блестящихъ полковъ. Здѣсь онъ годы подъ рядъ живетъ, какъ того требуетъ достоинство его сословія—*Standesgemäss*, какъ здѣсь выражаются. Случается, что это достоинство грязнится самымъ недостойнымъ образомъ, если отцовскихъ денегъ оказывается недостаточно, и новые ресурсы ищутся въ игорныхъ домахъ, какъ это показали года 2-3 тому назадъ извѣстный ганноверскій процессъ, со всѣми его долговыми и картежными ужасами. Такой кавалеръ дотянулъ, наконецъ, до капитана или ритмейстера и просится на отдыхъ. Является желаніе «ограничить жизнь домашнимъ кругомъ»,—словомъ, начинаютъ плѣнять «семейственныя картины»... И вотъ, когда нѣтъ подходящихъ связей, то прибѣгаютъ къ посредничеству газетныхъ брачныхъ объявленій о томъ, что, дескать, «молодой, brave мущина изъ знатнаго рода, капитанъ резерва, съ твердымъ, характеромъ ищетъ, въ интересахъ женитьбы, знакомства съ дѣвицей такихъ-то лѣтъ, съ привлекательными формами и съ имуществомъ въ столько то сотенъ тысячъ. Секретъ—дѣло чести» и т. п. Тѣмъ или инымъ путемъ устраивается богатая женитьба. Въ этихъ экстренныхъ случаяхъ нерѣдко отбрасываются въ сторону антисемитическія соображенія. Изъ приданаго покрываются прежде всего накопленные въ холостую пору долги, а затѣмъ, если нѣтъ наслѣдственнаго имѣнія, то такое покупается, и молодая чета садится въ своемъ рыцарскомъ помѣстьи.

Чистокровный восточно-прусскій юнкеръ пользуется репутаціей очень грубаго патрона. Для него, по извѣстному выраженію князя Виндшигреца, человѣкъ начинается только съ барона, и эту точку зрѣнія онъ проводить всюду, гдѣ сталкивается съ человѣческими особами ниже барона. Онъ проводитъ ее во время военной службы въ казармахъ и на ученіи, чему доказательствомъ служатъ превратившіяся въ постоянную рубрику газетныхъ хроникъ и постоянную тему парламентскихъ дебатовъ истязанія нижнихъ чиновъ. Это тѣмъ болѣе странно, что юнкера самые горячіе энтузіасты охраняющаго отечество милитаризма, но это съ другой стороны и понятно, такъ какъ они рассматриваютъ милитаризмъ, какъ свою привилегію, какъ учрежденіе, куда съ наибольшимъ успѣхомъ можно пристраивать своихъ дѣтей. И въ дѣйствительности, настоящая военная карьера здѣсь доступна исключительно юнкерскимъ слоямъ. Здѣсь можно было бы привести подробную статистику, изъ которой явствуетъ, что милитаризмъ въ Германіи есть нѣчто въ родѣ учреж-

денія для призрѣнія и обезпеченія благородныхъ сыновей нѣмецкой знати. Эта привилегія углубляетъ лишь пропасть между классами; она создала изъ здѣшнихъ военныхъ касту, у которой по отношенію къ штатскимъ имѣется лишь чувство высокомерія и презрѣнія; она порождаетъ трагедіи въ родѣ той, которая недавно случилась въ Карлеруэ, гдѣ лейтенантъ, изъ чудовищнаго понятія о чести, намѣстѣ закололъ одного техника. Это юнкерское дятятко-фонъ-Бризевицъ.

Въ качествѣ сельскихъ хозяевъ, господа Рекницы и Бризевицъ и подавно не стѣсняются съ человѣческой личностью. Въ Остэлбін или Мекленбургѣ, какъ уже было упомянуто, крестьянство въ строгомъ смыслѣ почти отсутствуетъ. Здѣсь сельско-хозяйственное населеніе въ подавляющей массѣ состоитъ изъ поденщиковъ и сельскихъ рабочихъ, какъ будто прикрѣпленныхъ къ своему барину. Уровень ихъ жизни крайне низокъ: жилища, въ какія южно-нѣмецкій крестьянинъ постѣснится загнать свою скотину; питаніе состоитъ по преимуществу изъ картофеля и капусты. Умственный уровень характеризуется тѣмъ, что процентъ неграмотныхъ, обнаруживаемый при рекрутскихъ наборахъ, чуть ли не цѣликомъ приходится на восточную Пруссію и Мекленбургъ. О нравственномъ уровнѣ имѣ приходилось уже какъ-то говорить въ письмѣ, посвященномъ деревенской нравственности того края. Юнкеръ противникъ слишкомъ большого образованія и, въ качествѣ господина своей мѣстности, смотритъ за тѣмъ, чтобы не было «Zu viel Schule». Они это могутъ, потому что имъ принадлежитъ власть надъ школами, учителемъ и даже полицейская власть надъ всѣми деревнями, принадлежащими къ ихъ помѣстью; составляющими ихъ такъ называемый Gutsbezirk. Такихъ помѣстныхъ округовъ въ восточной Пруссіи имѣется 15,612. Вытекающія отсюда общинныя тягости для господъ сторицей вознаграждаются государственной субсидіей и причитающейся имъ суммой всего земельного налога. Въ результатѣ этого патронатства выходитъ, что нигдѣ въ Германіи не замѣчается такого жалкаго положенія учителей, школъ и школьнаго обученія, какъ въ царствѣ юнкеровъ. Ферейнъ померанскихъ учителей недавно нарядилъ интересное изслѣдованіе о размѣрахъ наемнаго земледѣльческаго труда дѣтей школьнаго возраста и его послѣдствіяхъ. Были разсланы учителямъ вопросные листы, на которые поступили отвѣты касательно 271 школьныхъ классовъ и 15,441 учениковъ *). Изъ этой анкеты оказывается, что изъ названнаго числа дѣтей 1433 совсѣмъ не получаютъ платы за свой трудъ, 14,008 работаютъ какъ наемщики. Это дѣти въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ и за все лѣто среднимъ числомъ зарабатываютъ отъ 15 до 30 марокъ (отъ 7 до 15 руб.).

*) Подробности см. въ статьѣ учителя Шульца «Lohnarbeitende Kinder in der pommerischen Landwirtschaft», помѣщенной въ «Soziale Praxis» № 37 за 1896 г.

Вопросъ о томъ, въ какой степени родители не могутъ обойтись безъ заработка ихъ дѣтей, разъясняется въ томъ смыслѣ, что, съ одной стороны, дѣти отдаются въ работу изъ «признательности къ хозяевамъ», съ другой же—бѣдность, болѣзнь родителя и крайнескудный заработокъ его вынуждаютъ дѣтей къ подспорному труду. Анкета показываетъ далѣе, что дѣти должны часто при очень плохомъ питаніи напряженно работать и на слѣдующее утро въ 6—7 часовъ являются въ школу сонными и физически изнуренными. Пастухи стерегутъ стада не защищенные отъ жестокаго зноя; при сѣнокосѣ и жатвенной работѣ обрасывается верхнее платье, что ведетъ къ простудѣ дѣтскихъ организмовъ; еще убійственнѣе вліяютъ уборка картофеля и подобныя работы, когда дѣти должны цѣлые дни ползать на колѣняхъ по твердой, холодной и сырой землѣ. Продолжительность дѣтскаго труда не находится ни въ какомъ соотношеніи съ силами и возрастомъ дѣтей. Въ табачномъ производствѣ, напр., цѣлыхъ четыре недѣли подрядъ дѣти работаютъ до часу ночи; ломаніе табачныхъ листьевъ при утренней росѣ также губельно отзывается на дѣтскомъ организмѣ. Въ эту пору дѣтскаго труда полагаются зародыши различныхъ хроническихъ болѣзней. Здѣсь дѣти сплошь страдаютъ простудной хрипотой. Нравственное распутство дѣтей отъ совмѣстной работы и жизни со всѣми рабочимъ людемъ обоихъ половъ констатируется всѣми показаніями учителей. Происходящій отсюда ущербъ для интересовъ школьнаго обученія самъ собою разумѣется. «За лѣто все идетъ прахомъ, что добыто школой въ теченіе зимы»—такъ говорятъ въ одинъ голосъ авторы нашей анкеты и энергически настаиваютъ на измѣненіи этого порядка вещей.

При такихъ условіяхъ труда для взрослого и дѣтскаго населенія, вполне понятно, что рабочее населеніе восточной Пруссіи все болѣе и болѣе подымается со своихъ мѣстъ и отъ отеческаго попеченія своихъ патроновъ идетъ въ чужія земли, или же, по крайней мѣрѣ, въ промышленные округа западной Пруссіи и другихъ частей Германіи. Юнкера, конечно, внѣ себя отъ этихъ предателей, совершенно отбившихся отъ господскихъ рукъ, проклинали дарованную еще закономъ 1842 г. свободу передвиженія, проклинали дешевый пассажирскій тарифъ (въ Пруссіи имѣются вагоны IV-го класса). Въ этомъ смыслѣ то и дѣло поступаютъ со стороны консервативной партіи рейхстага и прусскаго ландтага проекты, направленные къ сокращенію «железнодорожнаго бродяжничества». Баронъ Мантейфель проектировалъ въ 1891 и 1893 гг. въ рейхстагѣ, чтобы города западной Пруссіи взыскивали «Einzugsgelder» съ рабочихъ, приходящихъ изъ восточной Пруссіи, а графъ Каницъ упрекалъ въ ландтагѣ въ 1894 г. заводчиковъ и фабрикантовъ за то, что они платятъ слишкомъ высокую заработную плату и тѣмъ самымъ лишаютъ сельскихъ хозяевъ рабочихъ.

Существующее въ Пруссіи «Общество для насажденія полезныхъ

учрежденій въ деревняхъ» (Ausschuss für Wohlfartspflege auf dem Lande) обратился недавно къ публикѣ съ особымъ воззваніемъ. Въ немъ говорится, что въ нѣдрахъ нѣмецкаго народа въ теченіе многихъ лѣтъ замѣчается болѣзненный процессъ, грозящій не только хозяйственному, но и національному могуществу Германіи. Этотъ процессъ сказывается въ передвиженіи сельскихъ рабочихъ, въ сокращеніи сельскаго населенія и чрезмѣрномъ ростѣ городовъ. Бѣгство съ земли сельскаго населенія грозитъ большой бѣдой и этому слѣдуетъ противодействовать*). Общество думаетъ противодействовать этой болѣзни учрежденіемъ товарищескихъ кассъ помощи, больничныхъ кассъ и разнаго рода артелей... Совершенно справедливо, что по переписи 1882 г. приходилось еще 42,5% всего населенія имперіи на долю сельскаго хозяйства и только 35,5%—на долю промышленныхъ группъ другого рода. Теперь по послѣдней переписи 1890 г. отношеніе оказывается обратное: на долю сельскаго хозяйства падаетъ только 35,74%, а на промыслы 39% населенія. Спрашивается теперь, можно ли этотъ процессъ назвать безусловно болѣзненнымъ? Населеніе Германіи каждый годъ увеличивается болѣе чѣмъ на полмилліона, въ 10 лѣтъ, слѣдовательно—болѣе чѣмъ на 5 милліоновъ. Свободныхъ земель въ Германіи, вообще говоря, нѣтъ, а тамъ, гдѣ онѣ имѣются, какъ въ восточной Пруссіи, тамъ онѣ срослись въ латифундіи. Тамъ царитъ патріархальный строй, тамъ въ обшнномъ управленіи господствуетъ отеческая рука юнкера, заработная плата ничтожна, право коалиціи рабочихъ—страшный жупель и обращеніе съ людьми людей вообще недостойное. Неудивительно, что не только нельзя туда сбыть ежегодный приростъ населенія, но и самое тамошнее населеніе бѣжитъ оттуда куда глаза глядятъ.

Такъ называемыя «большія средства», требуемыя аграріями для подъема сельскаго хозяйства, остаются пока мечтаніями. Но цѣлый рядъ мелкихъ и среднихъ пособій, сдѣланныхъ въ послѣдніе годы, могли бы удовлетворить болѣе благодарную и не столь претенціозную публику. Взять хотя бы законъ 1887 года, даровавшій налоговыя льготы спиртнымъ заводчикамъ, извѣстныя теперь подъ названіемъ любовныхъ даровъ Liebesgabe. Эта льгота имѣла въ виду всѣхъ заводчиковъ, хотя и оказалась на пользу, главнымъ образомъ, крупнымъ. Любовный даръ измѣняется ежегодно 40 милл. марокъ, изъ которыхъ львиная доля въ 28 милл. м. приходится самымъ большимъ заводчикамъ. Можно еще упомянуть вывозную премію сахарозаводчиковъ, обезпеченную имъ закономъ 1891 года и доставившую «сельскимъ хозяевамъ» до настоящаго времени солидную сумму

*) Названное общество состоитъ изъ очень благомыслящихъ людей, не отождествляющихъ своихъ задачъ съ интересами юнкеровъ. Приведенныя здѣсь мысли подробно развиты въ книгѣ извѣстнаго дѣятеля этого общества Heinrich Sohnrey. Книга носитъ странное заглавіе: «Der Zug vom Lande und die sociale Revolution». Leipzig, 1894.

въ 300 милл. м. Сахарные бароны и въ усь не дуютъ, а нѣмецкіе потребители должны за нѣмецкій сахаръ платить дороже той цѣны, по которой его получаютъ англичане... Последнее маленькое средство, котораго добились сельскіе хозяева, заключается въ принятии въ 1895 г. прусской палатой господъ предложеніи 30 рыцарскихъ помѣщиковъ — сложить старые земельные долги въ размѣръ 16 милл. марокъ.

А. Ковровъ.

Муниципальные этюды.

Съ послѣднимъ днемъ нынѣшняго года истекаетъ первое четырехлѣтіе новаго Городового Положенія въ большинствѣ городовъ, гдѣ оно введено въ дѣйствіе съ конца 1892 года. Теперь какъ разъ время подвести итоги истекающему четырехлѣтію и, въ виду предстоящихъ въ недалекомъ будущемъ выборовъ, пораздумать надъ тѣмъ, что они могутъ и въ силахъ дать при наличномъ составѣ городскихъ избирателей и при данной организаціи городского управленія. Но, какъ гласитъ старая истина, — успѣвшая уже сдѣлаться избитою, — гадать сколько-нибудь основательно о будущемъ можетъ только тотъ, кто, хорошо зная настоящее, твердо помнитъ и прошедшее.

При сужденіяхъ о настоящемъ положеніи и о вѣроятномъ будущемъ нашего городского самоуправления такіа справки съ прошлымъ особенно важны. Не слѣдуетъ забывать, что городова реформа 1892 года имѣла цѣлью, съ одной стороны, «согласованіе порядка дѣйствій городского общественнаго управленія съ началами, преподаванными для дѣятельности земскихъ учреждений», а съ другой — «исправленіе несовершенствъ», обнаружившихся въ дѣятельности прежнихъ городскихъ управленій. Безъ сравненія съ прошлымъ нѣтъ возможности уразумѣть, насколько успѣшно выполнена эта задача: чтобы спредѣлить, удалось-ли Положенію 1892 г. устранить прежнія «несовершенства», нужно знать точно и опредѣленно, какія они были, въ чемъ они заключались.

Къ сожалѣнію, никакъ нельзя сказать, чтобы мы обладали достаточно полнымъ и систематическимъ матеріаломъ для характеристики того строя городской жизни, который былъ существенно измѣненъ Городовымъ Положеніемъ 11 іюня 1892 г. Разбросанность мелкихъ городскихъ общинъ по обширному пространству Россіи, слабое развитіе муниципальной печати, отсутствіе сводныхъ работъ, за исключеніемъ немногихъ официальныхъ сборниковъ (и

то преимущественно занятых только городскими бюджетами), необходимость въ силу этого собирать матеріалъ по клочкамъ, пользуясь главнымъ образомъ тѣми случайными обрывками данныхъ, какія попадали на страницы общей періодической печати, — все это дѣлало и дѣлаетъ для частнаго лица задачу всесторонняго и обстоятельнаго изслѣдованія нашей муниципальной жизни почти неосуществимой. Выполнить эту задачу съ надлежащимъ успѣхомъ могли бы, очевидно, только тѣ центральныя учрежденія, куда естественно сами собою стекались и стекаются всѣ данныя и свѣдѣнія изъ области муниципальной, и которыя располагаютъ возможностью собрать тѣ изъ этихъ данныхъ, какихъ для полноты картины не доставало бы. Но такихъ объединяющихъ изслѣдованій и сводовъ данныхъ о всѣхъ сторонахъ городского дѣла у насъ нѣтъ. Отмѣнѣ Городового Положенія 1870 года не предшествовала такая же кропотливая, трудная, солидная и обстоятельная подготовительная законодательная работа, такое же обстоятельное подведеніе итоговъ, какое предшествовало его изданію, выразившись въ *семи* большихъ томахъ труда: «Городскія поселенія въ Россійской Имперіи», въ *двухъ* крупныхъ томахъ изслѣдованія объ ихъ «экономическомъ состояніи» и, наконецъ, въ *пятитомныхъ* «Матеріалахъ, относящихся до новаго общественнаго устройства», одинъ форматъ которыхъ способенъ внушить къ нимъ невольное уваженіе.

Предполагая остановиться въ настоящихъ бѣглыхъ замѣткахъ на нѣкоторыхъ параллеляхъ между старыми и новыми городскими порядками,—мы не имѣемъ возможности и не претендуемъ дать законченное и систематическое сопоставленіе того и другого муниципального строя. Мы хотѣли бы коснуться только нѣкоторыхъ, многихъ сторонъ этого строя.

Въ ряду многочисленныхъ вареканій на прежнее городское самоуправленіе, наиболѣе тяжкія падали на долю представителей городской мелкоты—по новому Городовому Положенію совсѣмъ устраненной отъ непосредственнаго участія въ городскихъ дѣлахъ. «Третій разрядъ», «черная сотня», наконецъ, знаменитые «симферопольскіе цыгане», въ свое время были почти синонимами. Въ ту пору каждый разъ, когда наступалъ періодъ городскихъ выборовъ, газеты переполнялись сообщеніями о разныхъ безобразіяхъ, чинимыхъ избирателями третьяго разряда; предъ нами то и дѣло выступали: пьянство, подкупъ, бросаніе въ баллотировочные ящики пуговицъ, соленыхъ огурцовъ. Однако теперь, когда дѣятельность третьяго разряда можетъ быть разсматриваема уже на разстояніи, въ исторической перспективѣ,—въ настоящее время, даже прежніе антагонисты его, получивъ возможность хладнокровно оглянуться назадъ, должны сознаться, что во всемъ этомъ было много преувеличенія. Изъ-за деревьевъ не видѣли иногда лѣса. Изъ-за нѣсколь-

кихъ рѣзко бросавшихся въ глаза пьяныхъ фizioномій, изъ-за десятка подкупленныхъ крикуновъ наблюдатели не замѣчали сотенъ и тысячъ избирателей, трезво, честно и вполне сознательно отнесшихся къ своему гражданскому долгу. «Помплуйте!—слышался часто негодующій голосъ стороннихъ наблюдателей, людей интеллигентныхъ и притомъ безусловно благорасположенныхъ къ городской мелкотѣ,—помилуйте, вѣдь X. завѣдомый взяточникъ, а Z. чуть ли не конокрадъ; между тѣмъ посмотрите, съ какимъ единодушіемъ, какимъ подавляющимъ большинствомъ избираетъ ихъ эта легкомысленная орда!» Негодовавшие не хотѣли понять, что у этой «легкомысленной орды» не было другого выхода: и этотъ «завѣдомый взяточникъ», и этотъ «чуть ли не конокрадъ» были въ составѣ думы почти единственными, становившимися на дыбы, когда дѣло шло о защитѣ маленькихъ интересовъ, маленькаго третьеразряднаго человѣчка. На *принципально* благорасположеннаго къ третьему разряду наблюдателя должна была дѣйствовать расхолаживающимъ и отталкивающимъ образомъ самая внѣшность, самая обстановка третьеразрядныхъ выборовъ. Тамъ, въ 1 и 2 разрядахъ, наружно все было чинно, корректно и вполне благоприлично. Говорили другъ другу комплименты, дружно кричали «просимъ!» и на тарелкѣ подносили избирательные шары. Тамъ бывали единогласныя избранія, но не было скандальныхъ проваловъ съ грохотомъ и трескомъ. Не было и не могло быть, потому что не было мѣста избирательной борьбѣ. Если въ Нахичевани, напр., изъ 39 избирателей перваго разряда на выборы (въ 1888 г.) явилось только 25, а избрать имъ нужно было 24 гласныхъ, то, очевидно, что тутъ бороться было не изъ за чего. Или, если въ Екатеринославѣ изъ 65 избирателей перваго разряда на выборы явилось 40, изъ которыхъ опять-таки нужно было выбрать 24 гласныхъ, то и здѣсь избирательная борьба не могла отличаться особеннымъ ожесточеніемъ. Словомъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ первомъ и частью второмъ разрядѣ мы имѣли дѣло съ семьей, тѣсно сплоченною общими интересами, заранее уже все порѣшившей и всѣ роли распредѣлившей. На выборы являлись только для того, чтобы соблюсти формальность и официальнымъ актомъ санкціонировать тѣ негласные выборы, которые уже заранее произведены были внѣ стѣнъ избирательнаго собранія. Понятно, почему тутъ было все тихо, мирно и прилично, какъ не было и не могло быть на выборахъ по третьему разряду. Шумъ, гамъ, возбужденныя, раскраснѣвшіяся лица, шутки, остроты, гомерическій хототъ, даже свистки, безсильно дребезжащій звонокъ предсѣдательствующаго, охрипшіе, надорванные голоса его ассистентовъ, тщетно пытающихся придти на помощь звонку,—такова внѣшняя картина этихъ выборовъ. Человѣку постороннему, чуждому этой толпѣ, ея интересамъ, ея психикѣ, она дѣйствительно должна была иногда казаться сборищемъ бѣснующихся или пьяницъ. И какъ было тутъ разобрать, отъ чего рас-

краснѣлись эти лица, отъ чего охрипли эти голоса—отъ водки или отъ волненія и нервнаго возбужденія, отъ страха, что желанный провалится, а нежеланный выскочитъ? Тутъ было не до корректности и приличій. Здѣсь, если и раздавалось нѣсколько робкихъ закупленныхъ или задобренныхъ «просимъ!», то они или подхватывались шумомъ предательскаго «бросимъ!», или прямо встрѣчалось совсѣмъ уже не парламентскимъ ревомъ: «долой! не надо! не желаемъ!» Здѣсь, если проваливали, то съ громомъ и молніей, трескомъ и блескомъ. Уже въ силу многолюдности этого разряда онъ не могъ представлять собою одной тѣсно сплоченной семьи и являться въ собраніе только для того, чтобы санкціонировать заранее произведенные негласные выборы. Здѣсь же, на мѣстѣ, въ собраніи намѣчались кандидаты, здѣсь же громко, во всеуслышанье подвѣргались они безпощадной критикѣ, и здѣсь же шарами рѣшали ихъ участь. Нѣтъ сомнѣнія, избирательная оппозиція у самыхъ избирательныхъ урнъ,—это нѣчто рѣшительно противорѣчащее здравой теоріи и принципу свободы выборовъ. Но гоните жизнь въ дверь—она влетитъ въ окно. Разъ избирателямъ не было даровано права предвыборныхъ сходовъ и открытой предвыборной агитаціи, то агитація эта неотвратимо, неизбежно должна была перенестись въ самыя стѣны избирательнаго собранія, къ самымъ избирательнымъ урнамъ. Нельзя вѣдь забывать и того, что большинство третьеразрядныхъ избирателей, въ противоположность перво- и второразряднымъ, не состояли ни членами клубовъ, ни кредитныхъ, ни благотворительныхъ, ни какихъ-либо другихъ обществъ, гдѣ, сходясь въ засѣданія, могли бы, между прочимъ, столкнуться и относительно городскихъ дѣлъ; здѣсь, у избирательныхъ урнъ они впервые сходились и впервые получали возможность столкнуться другъ съ другомъ. Это, конечно, было нѣсколько похоже на то, какъ если бы войска начали строится въ боевой порядокъ уже въ то время, когда они очутились передъ жерлами непріятельскихъ пушекъ, подъ градомъ непріятельскихъ пуль и когда о спокойномъ, ровномъ строѣ, очевидно, не можетъ быть и рѣчи; но вѣдь виновать-то въ этомъ не третій разрядъ! За то,—говорять,—безусловно виновать онъ въ томъ, что былъ падокъ на подкупъ и лакомъ на водку. Это, однако, легче сказать, чѣмъ доказать, и истина, несомнѣнно, въ томъ, что здѣсь водка и прямой подкупъ играли роль не большую, если даже не меньшую, чѣмъ учтенный вексель, открытый кредитъ или семейныя связи въ двухъ первыхъ разрядахъ. Едва ли также кто нибудь изъ принимавшихъ когда-либо активное участіе въ муниципальных выборахъ откажется засвидѣтельствовать и наличность многочисленныхъ фактовъ подобнаго рода: водка добросовѣстно выпита, но, очутившись у избирательной урны, опьяненный избиратель какъ будто отрезвляется, вспоминаетъ о своемъ гражданскомъ долгѣ и... предательски кладетъ своему «благодѣтелю» *чернаго*. Спрашивается,

однако, кто же были эти люди, пускавшіе въ ходъ подкупъ и водку, вносявшіе растлѣніе въ ряды третьяго разряда? Мы категорически заявляемъ и всѣ знающіе подтверждаютъ это, что по своему избирательному цензу они къ *третьему разряду не принадлежали*, за рѣдкими исключеніями. Дѣло въ томъ, что, изолируя представителей противоположныхъ интересовъ, въ видахъ ихъ самостоятельности, въ особые разряды, составители Городового Положенія 1870 года не довели этого принципа до конца, такъ какъ предоставили избирателямъ высшихъ разрядовъ право баллотироваться въ низшихъ. Въ результатѣ получилось, что изгой первыхъ двухъ разрядовъ (потому-ли, что чѣмъ-либо не угодили этимъ разрядамъ, потому-ли, что имъ перешли дорсгу болѣе сильные и нужные кандидаты) пускали въ ходъ всѣ средства, чтобы попасть въ гласные черезъ третій разрядъ.

Горячо относились избиратели третьяго разряда къ выборамъ и не могли къ нимъ относиться иначе по той простой причинѣ, что этотъ разрядъ представлялъ собою основную массу городского населенія, ближе всего заинтересованную въ нормальномъ ходѣ муниципальнаго дѣла и больше всего страдающую и терпящую отъ его недостатковъ и несовершенствъ. Если окраины утопали въ грязи и погружены были въ египетскую тьму въ то самое время, какъ на центральныхъ улицахъ экипажи на резиновыхъ шинахъ катили по гранитнымъ или алфальтовымъ мостовымъ, при яркомъ сіяніи газовыхъ или электрическихъ фонарей,—то рѣзкость этого контраста должны были прежде всего чувствовать избиратели третьяго разряда, потому что мелкіе домовладѣльцы, мелкіе торговцы и мелкіе промышленники и суть именно жители окраинъ по преимуществу. Если не было элементарныхъ школъ и доступной врачебной помощи; если опѣочный сборъ и сопряженный съ домовладѣніемъ повинности, благодаря неравномѣрному распредѣленію ихъ, падали наименьшей тяжестью на крупныхъ домовладѣльцевъ; если возложенное на городскія управленія «попеченіе объ огражденіи и развитіи мѣстной торговли и промышленности» выражалось въ одномъ только покровительствѣ крупнымъ торговцамъ и промышленникамъ; если финансовый геній муниципаловъ проявлялся единственно въ томъ, что немедленно уловялся каждый еле народившійся мелкій промыселъ и немедленно подвергался обложенію по нормѣ, опредѣлявшейся принципомъ «содрать какъ можно больше»; если городскія оброчныя статьи эксплуатировались по такой системѣ, которая дѣлала ихъ совершенно недоступными для городской мелкоты и содѣйствовала концентраціи ихъ въ рукахъ немногихъ торговыхъ и промышленныхъ тузовъ; если, наконецъ, превыше всего ставились «интересы городской кассы» въ самомъ узкомъ смыслѣ, отъ котораго наиболѣе жутко приходилось маленькому человѣку, кого бы онъ ни изображалъ собой—производителя или потребителя,—то очевидно, болѣе всѣхъ все это должны были чувствовать именно

представители третьего разряда—мелкіе домовладѣльцы, мелкіе ремесленники, мелкіе торговцы. Если затѣмъ явившагося въ управу просителя не выслушивали со вниманіемъ и участіемъ, а огорошивали сухо-канцелярскимъ: «подайте прошеніе!», то обиднѣе всего это должно было быть именно третьеразрядному просителю, который былъ чаще всего безграмотенъ, долженъ былъ платить за написаніе ему прошенія, нести лишній расходъ и терпѣть излишнюю волокиту. Что же удивительнаго въ томъ, что избиратели третьего разряда проявляли особенную чувствительность ко всему, что сколько нибудь соприкасалось съ муниципальной областью; если они особенно зорко присматривались, особенно чутко прислушивались ко всему, что дѣлалось и творилось въ этой области. Характерно, что въ думскихъ засѣданіяхъ, за исключеніемъ случаевъ экстраординарныхъ, на мѣстахъ для зрителей никогда нельзя было встрѣтить представителей мѣстной «интеллигенціи», бюрократіи, буржуазіи, вообще провинціального, такъ называемаго, «общества», за то мѣста эти бывали буквально переполнены третьеразрядной публикой. Гласностью думскихъ засѣданій, ихъ общедоступностью эта публика дорожила чрезвычайно и съ горячимъ негодованіемъ встрѣчала все, сколько нибудь мѣшавшее этой общедоступности. Мы живо помнимъ случай, когда гласные третьего разряда, подъ давленіемъ своихъ избирателей, въ видѣ протеста перестали посѣщать думскія засѣданія, въ виду того, что они перенесены были изъ зала городской управы въ залъ англійскаго клуба, куда входъ «черной» публикѣ былъ затрудненъ уже по той простой причинѣ, что она не носитъ калошъ и, слѣдовательно, грозила загрязнить паркетъ.... Однако, хотя и безъ калошъ, третьеразрядная публика являлась въ думскія засѣданія не изъ простаго любопытства, не ради зрѣлища; она все видѣла, все слышала, все замѣчала, все запоминала и затѣмъ на выборахъ сводила счеты: однихъ изъ благодарности съ помпой избирала, другихъ съ трескомъ проваливала. При этомъ проваленнымъ часто тутъ-же прямо въ глаза выкрикивали ихъ грѣхи... Не нужно, кстати, упускать изъ виду и еще одного обстоятельства: уже по своему составу, представляя собою ту среду, изъ которой главнымъ образомъ вербуются низшіе агенты городского управленія, третій разрядъ былъ всегда лучше кого бы то ни было освѣдомленъ о закулисной сторонѣ дѣятельности муниципаловъ. Конечно, не всегда избранные третьего разряда были *лучшими* въ смыслѣ нравственныхъ качествъ, но всегда, за рѣдкими исключеніями, они были *лучшими* въ смыслѣ наибольшей приспособленности, наибольшей пригодности ихъ для борьбы за интересы своего разряда.

Такимъ представляется намъ третій разрядъ избирателей на основаніи впечатлѣній, вынесенныхъ изъ личнаго опыта и наблюденій. Но однихъ личныхъ впечатлѣній, понятно, еще далеко недостаточно и, для того, чтобы они могли получить какой нибудь вѣсъ и значеніе, необходимо найти для нихъ точку опоры въ какихъ

нибудь объективных данных. Мы знаемъ уже, что такихъ данныхъ въ настоящее время имѣется очень немного, но, къ счастью, кое что всетаки есть...

Предъ нами любопытное частное провинціальное изданіе, не только, кажется, до сихъ поръ не использованное, но, насколько помнится, въ моментъ своего появленія даже не обратившее на себя того вниманія, котораго оно заслуживало. Это «Сборникъ свѣдѣній о настоящемъ состояніи городского хозяйства въ главнѣйшихъ городахъ Россіи», составленный самарскимъ городскимъ головою П. Алабинымъ и городскимъ секретаремъ П. Коноваловымъ и изданный ими въ Самарѣ въ 1889 году. Хотя заглавіе сборника и не вполне отвѣчаетъ его содержанію, такъ какъ собственно «главнѣйшіе города» играютъ въ немъ второстепенную роль, но это не уменьшаетъ его достоинства, и данныя его, по крайней мѣрѣ, для 30—35 городовъ (изъ 69, о которыхъ имѣются какія нибудь свѣдѣнія) отличаются всей той полнотою, какую только можно требовать отъ такого рода частнаго, да еще провинціального, изданія. Затѣмъ, что очень важно для нашей цѣли, данныя сборника относятся къ послѣднему, наканунѣ городской реформы 1892 г., избирательному періоду. Особенно же для насъ цѣнно въ этомъ сборникѣ то, что въ немъ мы находимъ нѣчто, чего нигдѣ болѣе нельзя найти; это—*именные списки* городскихъ головъ, заступающихъ ихъ мѣсто, членовъ управъ и гласныхъ думы, въ большинствѣ случаевъ, съ подраздѣленіемъ ихъ на разряды, съ указаніемъ возраста, профессіи, образовательнаго ценза, времени первоначальнаго избранія или количества прослуженныхъ ими четырехлѣтій, размѣра оклада и т. д. Этими именными списками, занимающими почти 23 печатныхъ листа, мы главнымъ образомъ и воспользуемся.

По 32 городамъ*) относительно 2053 гласныхъ имѣются свѣдѣнія о времени избранія ихъ или о количествѣ прослуженныхъ каждымъ четырехлѣтій. Оказывается, что ко времени составленія сборника изъ общаго числа ихъ было состоящихъ въ этомъ званіи:

Первое четырехлѣтіе	725	или	35,4%
Второе	» 503	»	24,5%
Третье	» 417	»	20,3%
4 и болѣе	» 408	»	19,8%,
40,1%			

Слѣдовательно, наканунѣ городской реформы 1892 года въ средѣ городскихъ гласныхъ было только 35,4% новичковъ, впервые вы-

*) Астрахань, Вердянскъ, Владиміръ, Вильна, Гродно, Екатеринбургъ, Екатеринославъ, Житомиръ, Ирбитъ, Казань, Керчь-Еникаль, Кишиневъ, Кострома, Курскъ, Либава, Могилевъ, Н.-Новгородъ, Орелъ, Пермь, Полтава, Ревель, Ростовъ-на-Дону, Рыбинскъ, Самара, Смоленскъ, Сызрань, Таганрогъ, Тамбовъ, Тифлисъ, Тобольскъ, Херсонъ, Черниговъ.

ступившихъ на муниципальную арену, а наряду съ ними фигурировала почтенная группа «думскихъ старожилъ», цѣлые 40,1% гласныхъ, въ теченіе болѣе чѣмъ земской давности возсѣдавшихъ на своихъ муниципальных креслахъ. Изъ какихъ же разрядовъ рекрутировались, по преимуществу, думскіе старожилы съ одной стороны и новички съ другой? Подберемъ, подсчитаемъ и увидимъ, что изъ 726 новичковъ приходилось на долю:

I разряда	164	или	22,6%
II >	210	>	28,9%
III >	351	>	48,5%

Наоборотъ, изъ 825 (417+408) «старичковъ» приходилось на долю:

I разряда	361	или	43,8%
II >	292	>	35,4%
III >	172	>	20,8%

Этихъ данныхъ, полагаемъ, вполне достаточно для сужденія о тенденціи каждаго разряда. Онѣ едва ли оставляютъ сомнѣніе въ томъ, что въ то время, какъ первые два разряда предпочитаютъ имѣть своими представителями думскихъ старожилъ, третій, наоборотъ, чувствуетъ пристрастіе къ новичкамъ. Но всетаки поостережемся пока отъ окончательнаго вывода. Хотя, какъ мы знаемъ, каждый изъ разрядовъ выбиралъ одинаковое количество гласныхъ, но наши данныя, въ виду неполноты свѣдѣній сборника, охватываютъ не одинаковое для каждаго разряда число гласныхъ, и потому возможно, что полученныя характерныя процентныя отношенія являются только продуктомъ случайной комбинаціи цифръ. Будетъ поэтому гораздо осторожнѣе и попытаемся выяснитъ интересующее насъ явленіе по даннымъ каждаго разряда особо.

Разряды:	Всего гласныхъ:	Въ томъ числѣ служащихъ четырехлѣтнѣхъ:			
		1-ое	2-ое	3-е	4 и бол.
Первый	676	164	151	150	211
Второй	691	210	189	164	128
Третій	686	351	163	103	69
Итого	2053	725	503	417	408

Или же, перевода цифры этой таблички въ процентныя отношенія, получимъ, что въ послѣдній избирательный періодъ наканунѣ городской реформы среди гласныхъ каждаго разряда было состоявшихъ въ этомъ званіи:

Въ разрядахъ:			
Четырехлѣтнѣхъ:	I проц.	II проц.	III проц.
Первое	24,3	30,4	51,1
Второе	22,3	27,3	23,7
Третье	22,2	23,7	15,1
4 и болѣе	31,2	18,6	10,1

Такимъ образомъ, въ первомъ разрядѣ оказывается почти цѣлая треть (31,2%) совсѣмъ уже старыхъ стариковъ, засѣдающихъ на своихъ думскихъ креслахъ по 16 и болѣе лѣтъ; а если присоединить къ нимъ и тѣхъ, которые засѣдаютъ по 12 лѣтъ, то думскихъ старожилловъ окажется въ этомъ разрядѣ болѣе половины всего его численнаго состава—53,4%. Почти также многочисленна группа старожилловъ и во второмъ разрядѣ—42,3%. Что же касается новичковъ, то въ первомъ разрядѣ ихъ менѣе четвертой части (24,3%), а во второмъ—менѣе третьей (30,4%). Ясно, что составъ гласныхъ въ этихъ двухъ разрядахъ освѣжался и обновлялся очень туго, повидимому, не болѣе того, сколько необходимость въ этомъ обуславливалась такими естественными причинами: убыли старожилловъ, какъ смерть, болѣзни, выѣздъ изъ города, потеря ценза и т. п. Совершенно иную, прямо противоположнаго характера картину рисуютъ данныя о составѣ гласныхъ третьяго разряда. Здѣсь въ результатѣ послѣднихъ выборовъ стариковъ учѣтѣла едва одна десятая часть (10,1%), между тѣмъ какъ обновленъ составъ гласныхъ болѣе, чѣмъ на половину. Эти 51,1% новичковъ достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что гласные третьяго разряда не засиживались на своихъ мѣстахъ, въ противоположность перво и второразряднымъ. Но, конечно, самъ по себѣ фактъ болѣе быстрого обновленія состава гласныхъ третьяго разряда говорить еще немного. Важно знать, что вносили собою такіа измѣненія. Нѣкоторые косвенныя указанія на этотъ счетъ мы находимъ въ данныхъ нашего «Сборника». Для 26 городовъ *) имѣются болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія объ образовательномъ цензѣ гласныхъ. И оказывается вотъ что. Въ этихъ 26 городахъ мы насчитали 510 гласныхъ съ высшимъ и среднимъ образованіемъ, въ томъ числѣ «прежнихъ», т. е. такихъ, которые состояли въ своемъ званіи уже болѣе одного четырехлѣтія, 330 и новичковъ, служившихъ первое четырехлѣтіе, 180. Распредѣливъ и тѣхъ, и другихъ по соотвѣтствующимъ разрядамъ, получимъ слѣдующую интересную табличку:

Гласныхъ со среднимъ и высш. образованіемъ:				
Въ разрядѣ:	Прежнихъ:	Новыхъ:	Всего:	% прироста:
Первомъ	127	58	185	+ 45,6
Второмъ	126	66	192	+ 52,3
Третьемъ	77	56	133	+ 72,7

Ясно, что въ третьемъ разрядѣ число гласныхъ со среднимъ и высшимъ образованіемъ возросло несравненно быстрѣе, чѣмъ въ первомъ и второмъ разрядахъ. Т. е. болѣе быстрое, чѣмъ въ другихъ разрядахъ обновленіе состава гласныхъ вело въ третьемъ разрядѣ и къ болѣе быстрому повышенію ихъ средняго образовательнаго уровня.

*) Тѣ же, за исключеніемъ: Казани, Костромы, Ревеля, Рыбинска, Смоленска и Херсона.

Въ составѣ исполнительныхъ городскихъ органовъ—городскихъ управъ—представители 3-го разряда имѣли меньшее участіе, чѣмъ гласные двухъ остальныхъ разрядовъ. Изъ 194 управцевъ, о принадлежности которыхъ къ тому или другому разряду имѣются свѣдѣнія, принадлежало къ

I разряду	98	или	50,5%
II	>	59	> 30,4
III	>	37	> 19,1

Только на долю второго разряда, слѣдовательно, доставалась почти полностью та третья часть должностей, какая ему принадлежала по праву. Изъ остальныхъ затѣмъ двухъ третей представителямъ третьяго разряда досталось менѣе двухъ долей (19,1%), за то представителямъ перваго—болѣе 5 долей (50,5%). Такимъ образомъ, представители третьяго разряда наименьше были причастны къ городскимъ окладамъ, значить, и къ городскому пирогу. И чѣмъ выше были разряды или классы окладовъ, тѣмъ рѣже доставались они на долю представителей мелкоты, какъ это видно изъ слѣдующей таблички:

Принадлежали къ разрядамъ:	Городскіе головы:	Заступающіе мѣсто:	Члены управъ:
Первому	31	22	45
Второму	6	11	42
Третьему	2	7	28
Итого	39	40	115

А выведя процентныя отношенія, получимъ:

Изъ числа:	Принадлежали къ разрядамъ:		
	первому проц.	второму проц.	третьему проц.
Городскихъ головъ	79,5	15,4	5,1
Заступающихъ мѣсто	55,0	27,5	17,5
Членовъ управы	39,2	36,5	24,3

Вполнѣ очевидно, во-1-хъ, что ни на одной изъ ступеней управской іерархіи представители третьяго разряда не играли преобладающей роли, а на всѣхъ принадлежала она перворазряднымъ избранныкамъ, и, во-2-хъ, чѣмъ выше была управская должность, тѣмъ рѣже доставалась она представителямъ третьяго разряда и тѣмъ чаще избранныкамъ перваго. Но судьба не была до конца неблагоприятна къ третьему разряду: обдѣливъ его въ отношеніи количества окладовъ, она дала ему компенсацію въ другой формѣ и, нужно сознаться, въ формѣ весьма обидной для первыхъ двухъ разрядовъ. Все изъ тѣхъ же поименныхъ списковъ мы извлекли нижеслѣдующія свѣдѣнія объ окладахъ, которые получались управцами разныхъ ранговъ на закатѣ прежняго городского положенія. Такъ, *городскіе головы* получали:

Принадлежавшіе къ	Число лицъ:	Получали въ сложности:	На одного:
I разряду	26	94,300 р.	3,626 р. 92 к.
II »	6	23,000 »	3,833 р. 33 »
III »	2	9,000 »	4,500 р.

Однородное явленіе констатируютъ цифры и въ отношеніи *заступающихъ мѣсто городского головы*, а именно:

Принадлежавшіе къ	Число лицъ:	Получали въ сложности:	На одного:
I разряду	17	21,500 р.	1,264 р. 11 к.
II »	10	14,850 »	1,485 »
III »	4	7,500 »	1,875 »

Наконецъ, то же самое и въ отношеніи *членовъ управы*:

Принадлежавшіе къ	Число лицъ:	Получали въ сложности:	На одного:
I разряду	36	41,240 р.	1,145 р. 55 к.
II »	38	46,000 »	1,210 р. 52 »
III »	25	36,140 »	1,445 р. 60 »

Уже одна правильная повторяемость явленія исключаетъ предположеніе о его случайности. На всѣхъ ступеняхъ управской іерархіи представители третьяго разряда получали гораздо большіе оклады, чѣмъ занимавшіе однородныя должности представители первыхъ двухъ разрядовъ. Высшая оцѣнка труда одного и того же рода даетъ основаніе предполагать въ данномъ случаѣ, что третій разрядъ гласныхъ выдѣлялъ изъ своей среды лучшихъ работниковъ на думскихъ должностяхъ, чѣмъ другіе разряды.

Въ пользу этого предположенія говорятъ и цифры. Если мы раздѣлимъ всѣхъ управцевъ, объ образовательномъ цензѣ которыхъ имѣются свѣдѣнія въ поименныхъ спискахъ, на двѣ группы, отнеса въ одну людей съ высшимъ и среднимъ образованіемъ, въ другую съ низшимъ и домашнимъ, то получимъ слѣдующее:

	Число лицъ:	Получали въ сложности:	На одного:
а) Городскіе головы:			
со средн. и высшимъ образов.	26	108,500 р.	4,173 р.
съ низшимъ и домашн. образ.	14	33,700 »	2,407 »
б) Заступающіе ихъ мѣсто:			
со средн. и высшимъ образов.	23	38,200 »	1,661 »
съ низшимъ и домашн. образ.	9	10,650 »	1,183 »
в) Члены управы:			
со средн. и высшимъ образов.	36	56,400 »	1,567 »
съ низшимъ и домашн. образ.	69	86,700 »	1,257 »
г) Всѣ вмѣстѣ:			
со средн. и высшимъ образов.	85	203,100 »	2,389 »
съ низшимъ и домашн. образ.	92	131,050 »	1,424 »
Ж. П. Огдаль П.			10

Не остается, кажется, ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ періодъ дѣйствія городского положенія 1870 года въ дѣлѣ опредѣленія содержанія должностнымъ лицамъ городского общественнаго управленія образовательный цензъ игралъ роль весьма рѣшительную. Если же мы обратимъ затѣмъ вниманіе на то, какой изъ рядовъ выдѣлялъ изъ своей среды наибольшую долю дѣятелей съ высшимъ и среднимъ образованіемъ, то окажется въ отношеніи:

а) *Городскихъ ююговъ:*

	Всего.	Въ томъ числѣ со среднимъ и высшимъ образованіемъ.
Изъ I разряда. . .	31	15 или 48,7%
» II » . .	6	3 » 50,0%
» III » . .	2	2 » 100 %

б) *Заступающихъ изъ мѣсто:*

Изъ I разряда. .	22	9 » 45,4%
» II » . .	11	7 » 63,7%
» III » . .	7	5 » 71,1%

в) *Членовъ управы:*

Изъ I разряда. . .	45	13 » 28,8%
» II » . .	42	13 » 30,9%
» III » . .	28	9 » 32,1%

и г) *Всѣхъ амьствъ:*

Изъ I разряда. . .	98	37 » 37,7%
» II » . .	59	23 » 38,9%
» III » . .	37	16 » 43,2%

Эти цифры ясно и категорически свидѣтельствуютъ о томъ, что управцы, вышедшіе изъ рядовъ третьяго разряда, были въ общей массѣ образованнѣе своихъ коллегъ изъ остальныхъ двухъ разрядовъ и тѣмъ чаще могли предъявить дипломъ высшаго или средняго учебнаго заведенія, чѣмъ выше была ступень занимаемой ими должности. А въ такомъ случаѣ они въ общемъ должны были получать и высшее вознагражденіе за лучший трудъ, высшаго качества, большей напряженности и большей продуктивности.

Подведемъ итоги. Третій разрядъ избирателей, представляя собой основную массу городского населенія, наиболѣе заинтересованнаго въ должномъ направленіи и правильномъ теченіи муниципальнаго дѣла, былъ именно тѣмъ, черезъ который по преимуществу входили въ составъ упраздненныхъ муниципалитетовъ новыя и свѣжія силы. Это былъ именно тотъ разрядъ избирателей, который напрягалъ всѣ усилія съ цѣлью сдѣлать ряды муниципаловъ наиболѣе живыми и просвѣщенными и который въ этихъ видахъ отдавалъ въ распоряженіе муниципальныхъ учрежденій все, что было въ его средѣ лучшаго, наиболѣе образованнаго, энергичнаго и жизнѣдѣтельнаго. Таковы выводы, къ которымъ мы приходимъ не только на основаніи впечатлѣній, вынесенныхъ изъ личнаго опыта

но и на основаніи вполне объективныхъ цифровыхъ данныхъ, которыя всякій желающій свободно и легко можетъ провѣрить. Мы знаемъ, что и эти выводы, и эти цифры явятся большой неожиданностью для многихъ, не умѣющихъ отрѣшиться отъ ходячаго представленія о третьемъ разрядѣ, какъ о недисциплинированной дикой ордѣ; но фактъ остается фактомъ, какъ бы ни былъ онъ неожиданъ и парадоксаленъ. На первый же взглядъ тутъ дѣйствительно есть нѣчто совершенно парадоксальное. Не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ слои населенія, изъ рядовъ котораго рекрутировались избиратели перваго и втораго разрядовъ, по общему образовательному уровню, стоятъ значительно выше массы городского населенія, на половину малограмотной и на треть даже совершенно безграмотной. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ рядахъ третьаго разряда избирателей процентъ людей съ высшимъ и среднимъ образованіемъ всегда былъ несравненно ниже, чѣмъ въ первыхъ двухъ разрядахъ. Какъ же могло случиться, что третій разрядъ снабжалъ городскія учрежденія относительно большимъ количествомъ образованныхъ дѣятелей, чѣмъ первые два? Отвѣтить на этотъ вопросъ, однако, не такъ трудно, какъ кажется. Выше мы указали уже на то, что избиратели третьаго разряда ясно сознавали, что ихъ представители составляютъ въ думѣ меньшинство, которое можетъ получить нѣсь и значеніе только при томъ условіи, если оно по своему личному составу хотя сколько нибудь выдѣлится надъ общимъ уровнемъ думскаго большинства, если оно будетъ наилучшимъ образомъ вооружено для борьбы за интересы своихъ избирателей. Уже въ этомъ смыслѣ, какъ усовершенствованное орудіе для борьбы, третій разрядъ неизбежно долженъ былъ очень высоко цѣнить образованіе. Если гласный перваго или втораго разряда приносилъ съ собой въ думу свой образовательный цензъ, какъ естественный придатокъ, какъ бесплатную премію, то, въ прямую противоположность этому, въ третьемъ разрядѣ образовательный цензъ часто самъ собою являлся вполне самостоятельнымъ моментомъ въ оцѣнкѣ кандидатовъ, претендовавшихъ на званіе гласнаго: изъ двухъ равныхъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ кандидатовъ предпочтеніе всегда отдавалось тому, на сторонѣ котораго былъ дипломъ средняго или высшаго учебнаго заведенія. Но, спрашивается, откуда же брались эти образованные представители третьаго разряда: вѣдь въ его собственной средѣ, въ рядахъ домовладѣльческой и торгово-промышленной мелкоты, ихъ было очень и очень немного! Этотъ вопросъ ставить насъ лицомъ къ лицу съ однимъ изъ самыхъ любопытныхъ явленій нашего недавняго муниципальнаго прошлаго. Въ рядахъ муниципаловъ и даже въ составѣ городскихъ управъ, особенно въ послѣдніе годы, накануне упраздненія городского Положенія 1870 г., очень часто можно было встрѣтить людей съ высшимъ образованіемъ, нисколько непричастныхъ ни къ домовладѣнію, ни къ торговлѣ, ни къ промышленности, по-просту, интеллигент-

ныхъ пролетаріевъ. То были самые энергичные и въ то же время самые независимые муниципальные элементы,—самые независимые уже потому, что, не владея ни домами, ни торговыми, ни промышленными заведеніями, они были почти неуязвимы для обычныхъ скорпіоновъ, которыхъ пускали въ ходъ для усмиренія слишкомъ беспокойныхъ муниципаловъ: ихъ нельзя было запугать, напр., ни протоколомъ объ антисанитарномъ состояніи дворовъ, которыми они не владели, ни закрытіемъ торговаго или промышленнаго кредита, въ которомъ они не нуждались. Откуда же взялись эти люди? Они явились неизбежнымъ продуктомъ культурнаго роста городовъ. Благодаря этому культурному росту, все болѣе увеличивался классъ интеллигентныхъ квартиранимателей и вмѣстѣ съ тѣмъ все сильнѣе чувствовался тотъ вредъ, который приносило городскому дѣлу вообще, и самому этому классу въ особенности, устраненіе его отъ активнаго участія въ городскомъ управленіи. Рано или поздно, но квартираниматели должны были найти выходъ изъ становившагося все болѣе тяжелымъ положенія; его должна была указать сама жизнь. И она его указала. Сообразили, наконецъ, что не такъ уже трудно пріобрѣсти за 10—15 рублей промысловое свидѣтельство или купить какой нибудь грошовый домикъ на окраинѣ за 50 рублей и стать такимъ образомъ въ ряды избирателей третьяго разряда, который съ распростертыми объятіями встрѣчалъ пришлецовъ, разъ только имѣлась на лицо извѣстная гарантія, что они не измѣнятъ своимъ избирателямъ и не передадутся на сторону думскаго правящаго большинства. Съ каждымъ выборами такіе факты встрѣчались все чаще и чаще и, чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе становились они единичными и разрозненными, тѣмъ болѣе принимали они характеръ нѣкотораго опредѣлявшагося теченія. Здѣсь и лежитъ главный источникъ того, что на послѣднихъ выборахъ по старому Городовому Положенію количество гласныхъ со среднимъ и высшимъ образованіемъ по третьему разряду, какъ мы видѣли, сразу увеличилось на 72%.

Это движеніе ясно и опредѣленно указывало тѣ поправки, въ которыхъ нуждалось Городовое положеніе 1870 года для того, чтобы стать въ уровень съ требованіями времени и съ нуждами городского населенія. Законодательству, которое задалось бы цѣлью идти навстрѣчу запросамъ жизни, руководствуясь ея указаніями, предстоялъ прямой и ясный путь: ему оставалось бы только подхватить теченіе, выдвинутое самой жизнью, уложить его въ соответствующее правовое русло, урегулировать его и направить надлежащими юридическими нормами, иначе: ему оставалось бы только открыть квартиранимателямъ прямой доступъ къ участію въ городскомъ общественномъ управленіи. Но Городовое Положеніе 1892 года, какъ мы знаемъ, поступило какъ разъ наоборотъ: повысивъ цензъ, лишивъ избирательныхъ правъ основную массу городского населенія, представлявшую собою прежде третій и частью

второй разряды избирателей, устранивъ такимъ образомъ отъ участія въ городскомъ управленіи наиболѣе энергичные и дѣятельные элементы, оно вмѣстѣ съ тѣмъ закрыло и ту единственную отдушину, черезъ которую проникала въ наши муниципалитеты струя свѣжаго воздуха. Результаты этого не замедлили сказаться на первыхъ же выборахъ по новому Городовому Положенію. Казалось бы, радикальная реорганизация городского общественнаго управленія, рѣзкое измѣненіе условій ценза, наконецъ, новый порядокъ выборовъ,—все давало прочныя основанія предполагать, что выборы 1892—1893 года приведутъ къ радикальному измѣненію личнаго состава нашихъ городскихъ управленій. На дѣлѣ же оказалось слѣдующее. Въ составѣ нынѣшнихъ муниципалитетовъ вы не встрѣтите только прежнихъ гласныхъ третьяго разряда; исключенія рѣдки и имѣютъ они мѣсто единственно постольку, поскольку и прежде могъ имѣть мѣсто переходъ изъ низшаго разряда въ высшій, въ силу роста благосостоянія отдѣльныхъ лицъ. Зато имѣются на лицо не только всѣ прежніе «думскіе старожилы» первыхъ двухъ разрядовъ, но и большинство самыхъ старыхъ стариковъ, между тѣмъ какъ «новички» или совершенно отсутствуютъ, или же составляютъ меньшинство совершенно ничтожное, еще болѣе ничтожное даже, чѣмъ они составляли прежде въ первомъ разрядѣ. Такъ, напр., въ Нахичевани на-Дону изъ 40 нынѣшнихъ гласныхъ вновь избранныхъ въ 1893 году имѣется только 3, т. е. едва 7,5%. Въ Ростовѣ на-Дону новички не составляютъ и 5%. Еще меньше ихъ въ г. Керчи. Какъ видно изъ списка гласныхъ, приложеннаго къ отчету керченской управы за 1894 годъ*), изъ 24 гласныхъ, составляющихъ мѣстную думу, носятъ это званіе:

съ 1872 г. . . .	4	гласныхъ
» 1880 г. . . .	8	»
» 1882 г. . . .	1	»
» 1884 г. . . .	3	»
» 1888 г. . . .	5	»
и съ 1893 г. . . .	3	»

но изъ этихъ трехъ по выборамъ вошелъ въ составъ думы только одинъ; изъ остальныхъ двухъ — 1 депутатъ духовнаго вѣдомства и 1 — еврей, слѣдовательно, по назначенію администраціи. Однако, въ Керчи мы находимъ хотя одного новаго гласнаго, между тѣмъ, какъ есть города, гдѣ даже и этого нѣтъ,—все сплошь одни перво и второразрядные думскіе старожилы. Замѣчательно, что не наблюдается замѣтнаго обновленія думскаго состава даже въ тѣхъ городахъ, гдѣ, если не по общимъ указаннымъ выше причинамъ, то по причинамъ чисто мѣстнымъ, оно обязательно должно было бы

*) «Отчетъ Керчь-Еникальской управы за 1894 г.», Керчь, 1895, стр. 119—121.

имѣть мѣсто. Вотъ городъ, который поражаетъ небывалымъ торговопромышленнымъ ростомъ, въ которомъ, благодаря усиленной иммиграціи, населеніе удвоилось менѣе, чѣмъ въ 10 лѣтъ, гдѣ необычайно возросла цѣнность недвижимыхъ имуществъ, гдѣ за одно десятилѣтіе вчетверо увеличился городской бюджетъ, словомъ, городъ съ громаднымъ притокомъ новыхъ свѣжихъ силъ, при томъ силъ того, именно, крупнаго калибра, какой обуславливается новымъ Городовымъ Положеніемъ для права участія въ городскомъ управленіи. Люди, знающіе югъ Россіи, понимаютъ, что мы говоримъ о Екатеринославѣ. Здѣсь уже во всякомъ случаѣ были всѣ основанія ожидать, что выборы 1893 года принесутъ съ собою радикальное обновленіе думскаго состава. Между тѣмъ, если мы сравнимъ списки гласныхъ по выборамъ 1887, 1891 и 1893 гг., то окажется слѣдующее: въ 1891 году было избрано гласныхъ:

По разряду.	Всего.	Въ томъ числѣ новыхъ.
первому	24	10
второму	24	9
третьему	24	16

Всего . . 72 35 или 48,6%.

Такимъ образомъ, на выборахъ 1891 года составъ Екатеринославской городской думы, благодаря, главнымъ образомъ, третьему разряду, обновился почти на половину. Иной результатъ дали выборы 1893 года. Изъ 43 гласныхъ, избранныхъ по Городовому Положенію 1892 г., новыхъ оказывается только 14, т. е. 32,5%. Однако, эти 14 новыхъ гласныхъ отнюдь не знаменуютъ собою обновленія, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это по отношенію къ выборамъ понимать должно, т. е., въ смыслѣ освѣженія, замѣны прежнихъ, почему либо неудобныхъ или же нежелательныхъ гласныхъ, болѣе удобными и желательными: въ дѣйствительности они явились только въ силу необходимости заполнить тѣ пустоты въ думскомъ составѣ, какія образовались въ немъ, благодаря извѣстнымъ требованіямъ новаго Городоваго Положенія. Дѣло въ томъ, что въ Екатеринославѣ изъ 72 гласныхъ было 24 еврея, по 8 въ каждомъ разрядѣ. Если исключить третій разрядъ, то на 48 гласныхъ остальныхъ двухъ разрядовъ приходилось 16 евреевъ. Иначе, при соблюденіи той же нормы и на новыхъ выборахъ, на 43 гласныхъ должно было быть 14 евреевъ. По новому Городовому положенію *) евреи лишены избирательныхъ правъ; такимъ образомъ получилось 14 *пустыхъ мѣстъ*, которыя и пришлось заполнить 14 новыми гласными. Очевидно, если бы для 14 гласныхъ перваго и втораго разряда не наступило юридической невозможности оставаться на своихъ мѣс-

*) Собственно не по Городовому Положенію, а въ силу 14 ст. Высочайше-утвержденнаго Мнѣнія Государственнаго Совѣта 11 іюня 1892 г. объ изданіи новаго Город. Положенія.

тахъ, то въ Екатеринославѣ, несмотря ни на новое Городовое Положеніе, ни на исключительныя мѣстныя условія, не было бы ни одного новаго гласнаго, и городскими судьбами управляли бы исключительно думскіе старожилы.

Однако, новое можетъ быть желательно только тогда, когда оно хотя сколько нибудь лучше стараго, чего, къ сожалѣнію, рѣшительно невозможно сказать относительно того немногаго новаго, которое появилось въ нѣкоторыхъ городахъ продуктомъ выборовъ 1893 года. Фактъ несомнѣнный, что значительная часть вновь избранныхъ гласныхъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые прежде не разъ на выборахъ съ трескомъ проваливались. Это относится, впрочемъ, не столько къ гласнымъ, сколько къ личному составу современныхъ городскихъ управъ.

Наряду съ усиленіемъ господства думскихъ старожилъ, выборы 1893 года принесли съ собою и нѣчто такое, что на первый взглядъ ставить современные муниципалитеты значительно выше прежнихъ, именно, замѣтное повышеніе процента гласныхъ со среднимъ и высшимъ образованіемъ. Однако, это повышеніе образовательнаго уровня современныхъ муниципаловъ не столько абсолютное, сколько относительное. Соотвѣтственно составу избирателей, образовательный уровень гласныхъ перваго и втораго разрядовъ былъ выше уровня гласныхъ третьяго разряда. Естественно, что, разъ гласные перваго и частью втораго разряда остались на своихъ мѣстахъ, а третье-разрядные ушли, причемъ численный составъ городскихъ думъ значительно сократился, то процентъ гласныхъ со среднимъ и высшимъ образованіемъ долженъ былъ возрасти. Если бы, впрочемъ, повышеніе образовательнаго уровня современныхъ муниципаловъ было не только относительнымъ, но и абсолютнымъ, то и въ такомъ случаѣ оно не могло бы представить собою достаточной компенсаціи отсутствію представителей третьяго разряда. Нынешніе думскіе интеллигенты—будь то врачи, адвокаты, инженеры и т. п.—очевидно, не могли бы быть гласными, если бы они не были или крупными домовладѣльцами, или крупными промышленниками. Нынешніе думскіе интеллигенты, слѣдовательно, принадлежатъ исключительно къ тому классу, которому чужды интересы массы городского населенія, интересы городской мелкоты. Для тѣхъ, которые думали бы возразить намъ по вопросу о роли современной думской интеллигенціи, мы имѣемъ въ запасѣ достаточно вѣскій и непреложный аргументъ: ея поразительное равнодушіе въ дѣлѣ, которое ей, казалось бы, должно было быть ближе и дороже всего. Россія переживаетъ (можетъ быть даже пережила уже) моментъ чрезвычайнаго оживленія интереса къ нуждамъ народнаго образованія. Развѣ не въ высшей степени знаменательно, что наши городскіе центры остались совершенно въ сторонѣ отъ этого движенія, хотя, казалось бы, по логикѣ вещей, они должны были быть во главѣ его. Мало того, налицо имѣются признаки несомнѣннаго регресса въ

области муниципальных заботъ о народномъ образованіи. Такъ какъ болѣе подробно познакомить читателя съ относящимися сюда данными мы имѣемъ въ виду при разсмотрѣніи городскихъ бюджетовъ, то теперь считаемъ возможнымъ ограничиться нѣсколькими примѣрами. Такъ, по смѣтамъ г. Екатеринослава, расходы на народное образованіе представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Годы.	Всего расходовъ.	На народное образованіе.	Отнош. къ общей суммѣ расходовъ.
1893	400996 р.	37035 р.	9,2%
1896	577434 р.	40559 р.	7,02%.

Слѣдовательно, въ результатъ перваго четырехлѣтія реформированнаго городского управленія получилось относительное сокращеніе расходовъ на дѣло народнаго образованія болѣе, чѣмъ на 2%. Если же мы выдѣлимъ особо расходы собственно на низшую начальную школу, то окажется, что на нее было ассигновано:

въ 1893 г.	13584 р. или 3,4 ⁰ / ₀ бюджета
въ 1896 г.	16269 р. » 2,8% »

Но, какъ извѣстно, забота городского управленія о народномъ образованіи можетъ выражаться въ трехъ формахъ: 1) въ открытіи и содержаніи собственно городскихъ школъ, 2) въ субсидированіи казенныхъ и частныхъ училищъ и 3) въ выдачѣ стипендій и пособій учащимся. Изъ этихъ трехъ формъ самая хлопотливая, конечно: первая, требующая отъ городского управленія инициативы и активного, дѣятельнаго отношенія къ нуждамъ народнаго образованія: гораздо легче, проще и менѣе хлопотливо выдать кому нибудь пособіе въ 2 тысячи рублей, чѣмъ содержать на тѣ же средства собственную городскую школу. Можно поэтому смѣло и безошибочно судить о характерѣ отношеній даннаго городского управленія къ дѣлу народнаго образованія по той формѣ заботъ о немъ, какую это управленіе практикуетъ. И если мы, исходя изъ этихъ соображеній, выдѣлимъ особо расходы собственно на содержаніе городскихъ школъ, то окажется, что на этотъ предметъ ассигновано было въ 1893 г. 8253 р. или 60,7% общ. суммы расход. на народн. образ. въ 1896 г. 9626 р. » 59,1% » » » » » »

Едва-ли можно спорить противъ того, что мѣстное городское управленіе проявило въ истекающемъ 4-лѣтіи весьма замѣтную склонность свалить съ себя бремя непосредственныхъ активныхъ заботъ о нуждахъ начальнаго образованія, откупившись отъ нихъ усиленной выдачей субсидій. Мало того. При болѣе чѣмъ стотысячномъ населеніи города, при болѣе чѣмъ полумилліонномъ бюджетѣ, не затрачивая на начальныя городскія школы даже 10 тысячъ рублей, екатеринославская городская дума ни на минуту не затруднилась ассигновать 200 тысячъ рублей на устройство въ Екатеринославѣ горнаго института,—фактъ, который былъ бы совершенно невозможенъ при наличности въ составѣ думы прежнихъ гласныхъ третьяго разряда...

Въ приведенномъ примѣрѣ мы имѣли, однако, случай только относительнаго сокращенія расходовъ на народное образованіе. Не рѣдки и случаи абсолютнаго сокращенія ихъ. Вотъ хотя бы данныя, которыя мы находимъ въ «Обзорахъ» Екатеринославск. губ. (Приложенія къ Всеподданныѣш. отчетамъ) за 1891—1894 гг. На дѣло народнаго образованія израсходовано:

Годы:	Всѣ 9 городовъ	Въ томъ числѣ:	
	губерніи.	Александровскъ.	Бахмутъ.
1891	86.290 р.	9.526 р.	12.687 р.
1892	113.861 »	13.661 »	15.680 »
1893	109.708 »	13.662 »	11.212 »
1894	112.711 »	12.470 »	10.881 »

Въ области муниципальных заботъ о народномъ образованіи 1892 годъ ясно образуетъ рѣзкую демаркаціонную линію, по ту сторону которой расходы на школьное дѣло абсолютно возрастаютъ, по сю сторону — абсолютно падаютъ. А такъ какъ рѣчь идетъ о такой сферѣ муниципальной дѣятельности, которая должна быть особенно близка и дорога образованной части гласныхъ, то мы вправе заключить, что повышеніе общаго образовательнаго уровня современныхъ муниципаловъ, въ качествѣ прогрессивнаго общественнаго фактора, представляетъ собою величину *минимую*...

На ряду съ минимымъ и, во всякомъ случаѣ, только относительнымъ увеличеніемъ количества думцевъ со среднимъ и высшимъ образовательнымъ цензомъ, наблюдается почти повсемѣстное дѣйствительное и абсолютное пониженіе образовательнаго уровня городскихъ управъ. Это прямой и неизбежный результатъ выхода изъ ихъ состава тѣхъ 20 % представителей третьяго разряда, которые, какъ мы видѣли, представляли собою наиболѣе просвѣщенную группу управцевъ. О замѣщеніи же сошедшихъ со сцены третьеразрядныхъ управцевъ современными муниципальными интеллигентами почти не можетъ быть и рѣчи: для выѣздившихъ, пользующихся избирательными правами, интеллигентовъ — крупныхъ врачей, крупныхъ адвокатовъ, солидныхъ чиновниковъ и т. п. — городская служба не можетъ быть настолько соблазнительной, чтобы они рѣшились промѣнять на нее свои прибыльныя профессіи. Если они и рѣшаются на это, то единственно подъ условіемъ чрезвычайнаго увеличенія городскихъ окладовъ до такихъ размѣровъ, о какихъ прежде третьеразрядные интеллигенты и не мечтали, а это, какъ мы въ свое время увидимъ, ведетъ къ небывалому росту расходовъ на содержаніе городского общественнаго управленія.

Гр. Шрейдеръ.

Дневникъ журналиста.

I.

Прежде всего, маленькое дополненіе къ прошлому *Дневнику*... Событія развиваются и выясняются (если впрочемъ еще есть надобность выясняться). Опять на берегахъ Босфора... Корреспонденція «Новаго Времени» рисуетъ замѣчательную «бытовую» картинку съ этихъ историческихъ береговъ. Это—*бытовая* картинка, потому что является характерною чертою всего турецкаго быта, но это и картинка *историческая*, потому что не иначе творилась, творится и будетъ твориться турецкая исторія. Читатели не посѣтуютъ, если мы имъ напомнимъ эту «картинку». Вотъ она, какъ ее передаетъ г. О. Д., упомянутый корреспондентъ, повидимому, не дурно освѣдомленный:

«Вечерѣтъ, солнце только-что зашло и еще золотитъ верхушки минаретовъ... На казенной пристани, на Босфорѣ, какая-то толпа; слышенъ стукъ оружія, лязгъ оковъ, сдержанный говоръ, командныя слова. Между двухъ рядовъ низама, конвоируемые полицейскими, по одному и по два переходятъ арестанты съ пристани на маленькій военный пароходъ. Нагрузка живого груза идетъ быстро, хотя, на первый взглядъ, движенія кажутся вялыми, походка — медленною; но это только на первый взглядъ, въ сущности же вся эта работа дѣлается живо, безъ пререканій, безъ недоразумѣній, въ полномъ порядкѣ. Начальникъ выкликаетъ имена; Ахметы и Фуады, не откликаясь, молча, съ апатичными лицами, занимаютъ свои мѣста въ шествѣи, и постепенно пристань освобождается отъ арестантовъ, а трюмъ и палуба парохода наполняются ими. Тутъ и армяне, и курды, и турки, большею частью молодежь, особенно среди турокъ много молодыхъ лицъ, частью скованныхъ по рукамъ и по ногамъ, частью оставленныхъ на свободѣ. Это—выселяемые «непокойные» элементы константинопольскаго населенія. Армяне, по словамъ турецкихъ полицейскихъ, подозрѣваются въ «несочувствіи» турецкому режиму, и подозрѣваются довольно основательно, такъ какъ «сочувствующихъ» этому режиму между армянами трудно найти; курды, конечно, рѣзали и били, но выселяются не поэтому, а потому что въ Ильдизъ-кюскѣ бояться, какъ бы они отъ упражненій надъ «райей» не перешли къ упражненіямъ надъ правовѣрными; турки, или, вѣрнѣе, младо-турки выселяются не за то, что били или рѣзали, а за «опасныя мечтанія», которыя заронились въ ихъ правовѣрныхъ головахъ. Поклонникамъ Магомета разрѣшается мечтать лишь о посмертныхъ наслажденіяхъ съ гуріями, эти же заблудшія овцы нарушили за-

вѣтъ пассивной покорности фатуму и отъ невѣрныхъ гяуровъ заразились мечтаніями о переустройствѣ своего земного существованія. И вотъ ихъ обили тутъ въ одно стадо: курдовъ, армянъ, младо-турокъ и нагружаютъ на пароходъ, который долженъ развести ихъ по мѣстамъ «не столь» «и болѣе» отдаленнымъ.

«И тутъ то, на пристани и на пароходѣ, восточный фатализмъ снова восторжествовалъ и надъ озвѣреніемъ курдовъ, и надъ страданіями христіанъ, и надъ фрондерствомъ оевропеившихся младо-турокъ. Ни одного протеста, ни одной жалобы не раздастся изъ толпы высылаемыхъ; равнодушно и покорно повинуются они команднымъ словамъ и съ тупою безсознательностью слѣдуетъ это стадо за своими вожаками.

«Сумерки ступились, настала ночь; на пароходѣ и на пристани зажгли фонари. Погрузка окончена. Последними заняли мѣста конвойные солдаты, столь же равнодушные и съ тѣмъ же тупымъ выраженіемъ лицъ, какъ и высылаемые. Невольно приходитъ на мысль, что ихъ нисколько не удивитъ, если завтра же имъ придется занять мѣсто конвоируемыхъ арестантовъ. Капитанъ окомандовалъ, пароходъ двинулся въ путь и скоро скрылся въ ночной тьмѣ, направляясь къ Мраморному морю».

Покажѣте это только красиво написанная бытовая картинка. Покорность восточная хорошо намъ извѣстна, какъ и эта массовая расправа безъ суда... Однако, какая расправа?

Послушаемъ повѣствованіе далѣе: «Утромъ, когда опять ояло солнце во всей своей красотѣ и лучезарно сверкали волны Босфора у подножія мраморныхъ дворцовъ, маленькій военный пароходъ опять стоялъ у пристани, очищаясь послѣ ночного рейса и готовясь къ погрузкѣ новаго стада. «А гдѣ же высылавшіеся?» — освѣдомился я. «Они доставлены по назначенію», — отвѣчали мнѣ.

«Потомъ рассказывали, что ночью на Мраморномъ морѣ на проходившихъ судахъ слышали какіе-то крики, стоны, вопли...

«Не знаю, насколько во всемъ правды, но фактъ тотъ, что европейцы въ Константинополѣ теперь не ѣдятъ рыбы. И мнѣ босфорская рыба противна: она слишкомъ жирна».

Ясно-ли вы представляете себѣ, читатель, почему босфорская рыба «слишкомъ жирна» и почему европейцы не ѣдятъ теперь босфорской рыбы? Рѣзня 14, 15, 16 и 17 августа вызвала всеобщее негодованіе и грозила осложненіями. Методъ откармливанія босфорской рыбы спокойнѣе, удобнѣе и безопаснѣе... Когда не хотѣть видѣть, этого можно и не видѣть. Нельзя не замѣтить, когда рѣжутъ на улицахъ передъ окнами пословъ. Впрочемъ и прежній методъ не оставленъ, гдѣ это возможно и удобно. Отъ 29 октября телеграмма сообщаетъ, «что въ Эверекѣ у Цезарей возникли безпорядки, при чемъ турками убиты сто армянъ и разгромлено множество армянскихъ домовъ». Методъ ложныхъ реформъ тоже продол-

жають практиковаться. Такъ отъ 28 октября изъ Константинополя телеграфируютъ:

«На бывшемъ вчера совѣщаніи послы рѣшили заявить Портѣ, что они не получали еще officialнаго извѣщенія о назначеніи оттоманскаго делегата въ комиссію по преобразованію жандармеріи и введенію судебной реформы на островъ Критъ. Сверхъ того послы представили возраженія противъ недавняго распоряженія, по которому взимаемые коммерческими судами денежные сборы должны поступить въ государственное казначейство. По случаю повышенія названныхъ сборовъ, между Портою и послами состоялось соглашеніе въ томъ смыслѣ, что сборы эти предназначаются лишь для уплаты жалованья чиновникамъ коммерческихъ судовъ; вслѣдствіе же упомянутаго распоряженія чиновники эти рискуютъ получить слѣдующее имъ содержаніе неправильно».

Оттуда же сообщаютъ отъ 29 октября:

«Великимъ визиремъ отданъ былъ приказъ критскому вали, чтобы суды до ихъ преобразованія по новой реформѣ дѣйствовали по старой системѣ. Послы возбудили противъ этого протестъ и потребовали отмены приказа, указавъ на то обстоятельство, что подобные приказы должны быть издаваемы самимъ вали въ согласіи съ народнымъ собраніемъ».

Словемъ, все по старому. Христіанъ рѣжутъ, топятъ и грабятъ, частью съ соизволенія, частью по распоряженію правительства; реформы искажаютъ и затягиваютъ; послы совѣщаются и дѣлаютъ представленія; дѣло не двигается... Впрочемъ, двигается, потому что райю истребляютъ и раззоряютъ. Въ это время въ Европѣ парламентскіе ораторы говорятъ рѣчи о восточныхъ дѣлахъ и пожимаютъ рукоплесканія за свою гуманность, проникательность и краснорѣчіе. Говорили Ганото и Салисбюри. Напомнивъ на этихъ страницахъ, что продолжаетъ твориться въ Турціи, любопытно теперь послушать эти рѣчи сановныхъ ораторовъ, руководителей европейской политики, министровъ двухъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ земного міра. Если читатели не забыли содержанія нашего прошлаго *Дневника* (октябрьскаго), то они легко увидятъ, что сановныя рѣчи эти представляются прекрасною иллюстраціей нашихъ замѣтокъ. Особенно хорошимъ иллюстраторомъ является г. Ганото. 22 октября обсуждался въ палатѣ депутатовъ въ Парижѣ запросъ Кошена и Гюббара о восточныхъ дѣлахъ. Послѣ рѣчей интерпелаторовъ всталъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ. Сначала онъ представилъ объясненія по поводу убійства католическаго мисіонера Сальватора. Убить—итальянецъ и подданный короля Гумберта, но Франціи издавна принадлежитъ право протектората надъ католическимъ населеніемъ Востока. Поэтому убійство патера Сальватора, конечно, гораздо важнѣе всѣхъ остальныхъ событій. Католическій протекторатъ—это уже занятая позиція. Французы не изъ тѣхъ, которые добровольно откажутся отъ разъ прибрѣтенныхъ

позицій, и Ганото начинаетъ свое обсужденіе со смерти патера Сальватора. Онъ сообщаетъ, что Порта отдала подъ военный судъ Мага-бей, начальника отряда, въ рядахъ котораго служили виновные, которые понесутъ должное наказаніе. При этомъ Ганото отмѣчаетъ заслуги французскаго посла Камбона и хвалить его энергію: «на его бдительность и авторитетъ палата можетъ вполне разсчитывать». Разумѣйте языци! Франція своего не упустишь... Иное дѣло — иныя прочія дѣла. Перейдя затѣмъ къ армянскимъ событіямъ, Ганото говоритъ, что въ виду малочисленности и раздробленности трехъ милліоновъ армянъ, состоящихъ турецкими подданными, движеніе не приняло бы столь крупныхъ размѣровъ, еслибъ сношенія съ Европою не возбудили въ нихъ надежды на независимость и въ особенности если бы дурные оттоманскіе административные порядки не подавали имъ повода къ частымъ и законнымъ жалобамъ. Продолжая историческій очеркъ вопроса, Ганото сказалъ, что «сильное возбужденіе вызвалъ вопросъ въ Англіи, гдѣ разные комитеты стремились къ развитію духа вмѣшательства, который уже неоднократно заставлялъ Европу прибѣгать къ силѣ для того, чтобы навязать свою волю Востоку»... Это безподобно — эта защита свободы Востока! Видите-ли, Европа (т. е. Россія, никто вѣдь другой) «неоднократно» прибѣгала къ силѣ, чтобы «навязать» бѣдному Востоку «свою волю»! Видите-ли, Востокъ желаетъ кормить босфорскую рыбу тѣлами христіанской райи, а Европа вдругъ навязала бы ему свою волю... По какому праву? Другое дѣло — смерть отца Сальватора: въ этомъ случаѣ «палата можетъ положиться на бдительность и авторитетъ» французскаго правительства... Напомнивъ затѣмъ о нападеніи на Оттоманскій банкъ, министръ присовокупилъ: «Державы остались равнодушными, но Франція заговорила такимъ языкомъ, что нельзя было заблуждаться на счетъ его силы и значенія. Зло, между тѣмъ, распространилось на другія части Оттоманской имперіи: на Македонію, гдѣ опасность была предотвращена удачною инициативою Австро-Венгріи, и на Критъ, относительно котораго дипломатія выработала условія новой и либеральной системы управленія». Очень гордо и властно это сказано, но очевидно министръ имѣлъ право такъ говорить: державы дѣйствительно слѣдуютъ указаніямъ Франціи. Характеренъ очень комплиментъ по адресу Австро-Венгріи. Въ Вѣнѣ и Пештѣ, вѣроятно, болѣе всего были удивлены извѣстіемъ о какой-то «удачной инициативѣ» Австріи и Венгріи, устранившей македонскій кризисъ. Единственная инициатива Австро-Венгріи въ послѣднее время заключалась въ предложеніи блокировать возставшій Критъ. Инициатива была очень неудачна и потерпѣла fiasco. Какъ бы ни удивились въ Вѣнѣ извѣстію о собственной инициативѣ, тамъ конечно оцѣнить этотъ авансъ. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ Франціи, въ настоящее время одна Австрія можетъ искренно желать сохраненія status quo на Востокѣ...

Ганото продолжаетъ: «Частныя рѣшенія не уничтожили, конечно, ~~эти~~ въ корнѣ, но по крайней мѣрѣ позволили установить нѣсколько принциповъ, которыми могли руководствоваться державы при разрѣшеніи этихъ ~~противоположныхъ~~ и опасныхъ вопросовъ. Не смотря на скрытыя соперничества и интересы и вопреки ~~воздѣйствію~~, оказываемому страстями, принципы ~~эти~~, повидимому, показались убѣдительными для всѣхъ державъ. Державы, очевидно, убѣждены въ томъ, что прежде всего необходимо прочное и ~~долговѣчное~~ соглашеніе. Правительства соединенными силами изыскиваютъ ~~адекватны~~ такого соглашения и для упроченія его стараются устранить или ~~уладить~~ всякія причины разногласій. Съ самаго начала кризиса въ ~~современныхъ~~ дѣйствіяхъ посольствъ въ Константинополѣ обнаруживалась послѣдовательность и единогласіе, за которыя слѣдуетъ хвалить не одно изъ нихъ, а всѣхъ вмѣстѣ. Это единеніе, которому придало еще больше силы одобреніе кабинетовъ, достигло именно на островѣ Критѣ и въ Македоніи только что упомянутыхъ результатовъ. Изъ этого перваго положенія вытекаетъ, что всякую мысль объ изолированныхъ дѣйствіяхъ должно устранить. Другимъ послѣдствіемъ является вопросъ, могло ли и должно ли было быть оказано воздѣйствіе державъ въ Константинополѣ, чтобы добиться отъ султана улучшенія условій общественной и частной жизни въ его имперіи. Такое воздѣйствіе не должно было, однако, никоимъ образомъ быть посягательствомъ на цѣлость Оттоманской имперіи и на положеніе, созданное договорами. Этой точки зрѣнія мы всегда держались. Франція,—это одна изъ самыхъ почтенныхъ традицій ея политики и исторіи—счастлива, что всѣ державы готовы на соглашеніе, видя въ немъ одну изъ прочнѣйшихъ основъ европейскаго равновѣсія».

Послѣ этой шумихи громкихъ и ничего незначащихъ словъ о единеніи державъ (хорошее единеніе!) и достигнутыхъ результатовъ (для кого? не для босфорской-ли рыбы?), тирада эта кончается признаніемъ, что цѣлость Оттоманской имперіи, по прежнему, является задачей Франціи, по прежнему, служа «равновѣсію» и «это одна изъ самыхъ почтенныхъ традицій политики и исторіи» Франціи... О почтенности этихъ традицій можно, конечно, спорить, но нельзя отрицать, что это изъ самыхъ прочныхъ и устойчивыхъ традицій: отъ Франсуа I и до нашихъ дней, въ теченіе пяти полныхъ столѣтій (полтысячелѣтіе!) Франція является неизмѣннымъ другомъ и союзникомъ турковъ, сначала противъ австрійцевъ и испанцевъ, потомъ противъ русскихъ... А теперь противъ кого-же? Не противъ англичанъ, конечно... Еще менѣе противъ нѣмцевъ. Вѣроятно, противъ дагомеевъ. Г. Ганото говорилъ еще много и долго, и о замѣчательномъ единодушіи державъ, и о соглашеніи съ Портою, и о реформахъ, упомянулъ даже о гуманности... Все это, однако, мало интересно и предназначено затуманить публику. Опять характерно только окончаніе: «Я попытался отвѣтить по возможности, въ предѣлахъ, которые мнѣ предоставлены, на поставленные мнѣ вопросы»

и на выраженные здѣсь тревожные чувства, вызванные новыми событиями, усложнившими еще болѣе вѣчный восточный вопросъ. Я думаю, что палата пойметъ и что поймутъ за стѣнами этого зданія, какія побужденія направляютъ политику нашей страны. Франція, *отъносясь своимъ традиціямъ*, желаетъ улучшенія участи восточныхъ народовъ; она не забываетъ своего долга по отношенію къ оказываемому ей *ремиозному протекторату*; она знаетъ, что порядокъ и безопасность необходимы для всѣхъ великихъ интересовъ, которые она защищаетъ; *она не забываетъ также узъ, соединяющихъ ее издавна съ Оттоманской имперією, и причинъ, заставляющихъ ее желать сохраненія цѣлости послѣдней*. Это по крайней мѣрѣ коротко и ясно! Послѣ того, какъ Франція подписала коллективную ноту 31 августа (мы ее привели въ прошломъ *Дневникѣ*), говорить о давнишнихъ узакъ съ Турціей какъ будто неловко. За то откровенно... Можно еще прибавить, что, воспрянувъ съ новою мощью изъ своего паденія, Франція ничего не забыла и ничему не научилась. Это очень печальный шансъ для восточныхъ народовъ, угнетаемыхъ турецкою ордою. Мы не можемъ не желать Франціи всяческаго успѣха и процвѣтанія, потому что знаемъ, какъ много она поработала для человѣчества, но не можемъ не отмѣтить грустныхъ послѣдствій французскаго возрожденія для нашихъ анатолійскихъ и балканскихъ сосѣдей, заслуживающихъ лучшей участи. Если Россіи и впредь суждено трудиться надъ разрушеніемъ турецкаго господства надъ народами Востока, то повидимому именно Франція, не Англія, станетъ поперекъ пути, а покуда ясно, что для существованія франко-русской комбинаціи будетъ сохраняться и господство турковъ. Если нужна эта комбинація, то нужно и сохраненіе status quo на Востокѣ. Мы уже указывали на это обстоятельство въ нашемъ прошломъ *Дневникѣ*. Рѣчь французскаго министра иностранныхъ дѣлъ не оставляетъ въ томъ сомнѣнія.

Говорилъ рѣчь и Салисбюри на Гильдгольскомъ обѣдѣ 27 октября. Руководящая роль на Востокѣ принадлежитъ теперь Франціи и рѣчь Салисбюри имѣетъ интересъ, единственно какъ осторожная оппозиція. Такъ онъ заявилъ, что соглашается почти со всѣмъ, что говорилъ Ганото объ единодушномъ дѣйствіи державъ. Изъ этого можно косвенно вывести, что англійскій министръ не соглашается съ остальною частью заявленія французскаго министра. Очень характерна слѣдующая фраза: «у меня есть *полное основаніе* думать, что Россія преслѣдуетъ тѣ же идеи и имѣетъ тѣ же намеренія, что и Англія, во всемъ, что касается ужасныхъ событій на Востокѣ». Другими словами, что Россія по прежнему желаетъ освобожденія христіанъ и разрушенія турецкаго господства. Маркизь Салисбюри имѣетъ «полное основаніе», думать. Это, конечно, касается русскихъ дипломатическихъ сферъ. Если бы благородный лордъ читалъ русскія газеты, онъ пришелъ бы въ недоумѣніе передъ непонятнымъ тур-

кофилъствомъ ихъ тонкихъ политиковъ... Господь съ ними, однако. Достоинъ замѣчанія, что говоря о своемъ согласіи съ заявленіемъ Ганото по поводу коллективнаго воздѣйствія державъ, Салисбюри упоминаетъ одну Россію, когда рѣчь зашла объ отношеніи къ «ужаснымъ» событіямъ на Востокъ... Все это черточки, характерно дополняющія выше проанализованную рѣчь французскаго министра.

Всѣ обратили вниманіе на заявленіе англійскаго министра, что Англія не очиститъ ни пяди занятыхъ ею территорій, т. е. Египетъ. Послѣ этого египетскій вопросъ можно поставить на очередь не иначе, какъ рѣшившись на войну. Такъ какъ такая рѣшимость на берегахъ Сены не очень вѣроятна, то можно считать этотъ вопросъ до поры до времени снятымъ съ очереди. Въ сущности снять съ очереди и турецкій вопросъ. Рѣчь Ганото это сдѣлала. Султанъ согласился на реформы, обнародовалъ ираде и скоро начнется обычное турецкое проведеніе реформъ. Послы будутъ совѣщаться и дѣлать представленія, парламентскіе ораторы будутъ восхвалять гуманную инициативу державъ, а затѣмъ... турки будутъ заниматься рыбоводствомъ въ Босфорѣ и другихъ водахъ... Занятія этого хватить надолго. Хватило бы его даже очень надолго, если бы турки были настолько благоразумны, чтобы заниматься pisciculture втихомолку, безъ рѣзкихъ эксцессовъ. Тогда бы и денегъ имъ дали бы. Выдержать-ли только турки характеръ?

Дадутъ-ли въ самомъ дѣлѣ денегъ туркамъ, вопросъ очень любопытный. Несомнѣнно, что реформы нельзя провести безъ денегъ, но несомнѣнно, что и съ деньгами реформы будутъ одною комедіей. Деньги нужны Портѣ на вооруженія, какъ то совершенно откровенно и заявляется турками. Отъ 3 ноября сообщаютъ, что въ Турціи проектируются обширныя вооруженія. Рѣшено приобрести 500,000 маузеровскихъ ружей, отъ 50 до 100 милліоновъ патроновъ къ нимъ, большое количество бездымнаго пороха для полевой артиллеріи и значительнаго числа крѣпостныхъ орудій для вооруженія эрзерумскихъ и адрианопольскихъ верховъ, въ томъ числѣ 100 12-ти-миллиметровыхъ орудій. Заказъ маузеровскихъ ружей состоялся по приказу султана, вслѣдствіе доклада военнаго министра, предложившаго установить численность турецкой арміи по штатамъ военнаго времени въ 1.200,000 человекъ. Отмѣтимъ, что вооруженія предполагается усилить не въ морскихъ портахъ или Дарданеллахъ (противъ Англіи) и не въ Македоніи (противъ Австріи), а въ Эрзерумѣ и Адрианополѣ (противъ Россіи)... Денегъ однако нѣтъ и державы думаютъ, какъ бы выручить бѣдную Порту. Объ этомъ сообщаютъ изъ Лондона, будто тамъ циркулируетъ французскій проектъ «относительно упорядоченія финансоваго положенія Турціи».

Предложенія эти направлены къ конверсіи всѣхъ турецкихъ государственнхъ долговъ посредствомъ крупнаго займа подъ гарантіей всѣхъ великихъ державъ. Всѣ налоги, монополіи и таможенныя сборы поступаютъ въ вѣдѣніе commissioи dette publique, ком-

петентность которой будетъ расширена и которой будетъ присвоенъ официальный характеръ органа державъ. Излишки будутъ предоставляемы комиссіей въ распоряженіе турецкаго правительства. «Неизвѣстно еще, выразилъ ли султанъ согласіе на это предложеніе, но безспорно, что вопросъ о финансовомъ «оздоровленіи» Турціи поставленъ теперь официально на очередь. Не подлежитъ также сомнѣнію, что фактъ этотъ находится въ связи съ политическими проектами и въ особенности съ административными реформами въ Турціи». Это англійская версія о финансовомъ оздоровленіи. Другія версія умѣреннѣе, но несомнѣнно переговоры ведутся и державы озабочены снабдить турковъ деньгами «для проведенія реформъ». Не въ этихъ-ли видахъ проектируется и конференція, о которой было умолкло, а въ телеграммѣ отъ 3 ноября вновь заговорили?

Все это очень любопытно, если только эта тонкая дипломатическая игра не споткнется объ историческій антагонизмъ интересовъ и стремленій... Пять столѣтій существовала *amitié franco-turc*. Въ послѣдніе годы проявилась *amitié franco-russe*. Ганото напоминаетъ о первой, какъ о неизмѣнной традиціи. Удастся ли французской дипломатіи согласовать эти двѣ комбинаціи, или одна изъ нихъ должна будетъ скорѣе увидѣть свой конецъ?

Рѣчь Ганото, которую султанъ приказалъ передать ему по телеграфу *in extenso*, подала поводъ Абдуль-Гамиду указать на многовѣковую дружбу, связывающую Турцію съ Франціей, и выразить Камбону благодарность за исполненныя такта заявленія французскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Въ то же время султанъ обѣщалъ, что къ проведенію реформъ будетъ приступлено безотлагательно». Это изъ парижскаго Телгр. Значитъ, съ французской точки зрѣнія все идетъ прекрасно. И французское вліяніе на Востокъ, и оттоманскія реформы, и турецкое рыбководство, все процвѣтаетъ. Остается процвѣсти финансамъ султана...

II.

Выше мы говорили уже о гильдгольской рѣчи маркиза Салисбюри. Какъ ни интересны ея сообщенія по восточному вопросу, несравненно большее значеніе, быть можетъ по истинѣ мировое, имѣетъ другое мѣсто этой замѣчательной рѣчи, пролившей такъ много свѣта на современное политическое положеніе. Мировое значеніе можетъ приобрести англо-американское соглашеніе по Венецуэльскому вопросу, извѣстіе о которомъ маркизъ Салисбюри приберегъ для своей гильдгольской рѣчи.

Венецуэльскій вопросъ, какъ извѣстно, возникъ въ прошломъ году, вслѣдствіе открытія богатыхъ золотыхъ мѣсторожденій въ нижнемъ бассейнѣ рѣки Ориноко, въ мѣстности, которую Венецуэла считала своею, но это оспаривалось англичанами. Открытіе золота

придало значеніе этому пограничному спору. Англія распорядилась по своему обыкновенію, оккупировавъ спорную территорію. Такъ раньше она отняла у Оранжевой республики въ Южной Африкѣ алмазную территорію Гриколенда. Такъ еще въ прошломъ году она оккупировала береговую полосу Свазиленда, добровольно присоединившагося къ трансваальской республикѣ. Въ Венецуэльскій споръ вмѣшались, однако, Соединенные Штаты и нѣкоторые ожидали даже вооруженнаго столкновенія. Время англо-американскихъ войнъ прошло, однако, безвозвратно и миръ ихъ не увидитъ болѣе. Въ сущности это были междоусобія въ средѣ единой англо-саксонской націи, одинаково великой, богатой и просвѣщенной въ обѣихъ отрасляхъ своихъ. Сознаніе единства никогда не умирало. Оно было временно затемнено междоусобіемъ. Восемидесятилѣтній миръ (1815—1895 гг.) умиротворилъ страсти, воспитанныя усобицами предъидущаго періода, и великая нація снова сознала свое единство. При этихъ условіяхъ война была невозможна. Надо было найти компромиссъ и, конечно, его нашли. Подробности объ этомъ первостепенной важности соглашеніи заключаются въ слѣдующихъ двухъ телеграммахъ изъ Вашингтона:

«29-го (10-го ноября), Вчера подписанъ договоръ касательно третейскаго рѣшенія, постановленнаго по венецуэльскому вопросу. Третейская комисиія, состоявшая изъ двухъ представителей Англіи, двухъ представителей Соединенныхъ Штатовъ и одного члена, избраннаго четырьмя прочими членами, рѣшила, что право владѣнія колонизованною территоріей основано на фактѣ неоспореннаго занятія ея въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Сверхъ того въ договоръ заключается соглашеніе, по которому отнынь всѣ спорные вопросы между говорящими на англійскомъ языкѣ націями должны быть рѣшаемы третейскимъ судомъ.

30-го (11-го ноября). Въ исправленіе вчерашней телеграммы касательно третейской комисиіи по венецуэльскому вопросу сообщаютъ, что рѣшеніе не послѣдовало со стороны уже образовавшейся комисиіи, такъ какъ комисию придется еще сформировать, при чемъ двое англійскихъ ея членовъ будутъ назначены англійскимъ лордомъ-верховнымъ судьей, двое американскихъ — представителемъ верховной судебной палаты, а пятый членъ будетъ избранъ этими четырьмя членами. По слухамъ, имѣется въ виду король шведскій. Въ касающемся третейскаго рѣшенія договоръ провозглашенъ принципъ, что право собственности на колонизируемую территорію основывается на фактѣ неоспоренной ея окупаціи въ теченіе пятидесятилѣтняго періода».

Было бы въ высшей степени важно, если бы договоръ просто отказался отъ войнъ между Соединеннымъ Королевствомъ (какъ обыкновенно англичане официально называютъ свое государство) и Соединенными Штатами. Это конечно и есть самое важное, но знаменательно при этомъ, что договоръ счелъ необходимымъ упо-

минути объ единствѣ языка двухъ государствъ, единствѣ, стало быть, происхожденія, культуры, литературы. Это упоминаніе провозглашаетъ національное единство двухъ отраслей англо-саксонской націи. Знаменательно такъ же, что представители назначаются не правительствами, а прямо верховными судами обѣихъ сторонъ. Это изъ посреднической комиссіи превращается въ подлинный судъ, гдѣ никакое правительство не можетъ дать инструкцій и дѣло рѣшится на строгихъ юридическихъ, отнюдь не политическихъ соображеніяхъ. Будутъ отстаиваться не интересы спорящихъ, а лишь ихъ права. Если бы споръ шелъ прямо между Англіей и Штатами, можно было бы привѣтствовать англо-американскую конвенцію, какъ величайшее торжество гуманности и справедливости въ наше время. Дѣло, однако, измѣняетъ нѣсколько свою физіономію, если вспомнимъ, что вопросъ идетъ о Венецуэлѣ, ея интересахъ и ея правахъ. Объ ея представителяхъ конвенція совершенно позабыла. Конечно, Венецуэла—истецъ и въ обыкновенномъ судѣ истцы не допускаются въ члены суда, но тогда не допускаются отвѣтчики. Англія однако отвѣтчикъ. Соединенные Штаты являются властнымъ представителемъ истца. Въ сущности это является косвеннымъ установленіемъ англо-саксонскаго протектората надъ южно-американскими республиками. «Паны дерутся, у хлоповъ чубы болятъ» говорить малорусская поговорка. Оказывается, что у хлоповъ чубы болятъ и тогда, когда паны мирятся. Матерьяльные интересы Венецуэлы Штаты, конечно, защищать, но независимость романской республики кажется довольно проблематичною. Это судить такія перспективы англо-саксонской націи, что временно можно кое чѣмъ и поступиться. По сю сторону Атлантики это отлично поняли и согласились кое что пожертвовать ради будущаго, которое значительно просияется и укрѣпляется благодаря Вашингтонской конвенціи 9 ноября.

Десять лѣтъ тому назадъ въ одной статьѣ, трактовавшей вопросъ объ ирландской автономіи, стоявшій тогда на очереди, я уже указалъ на это, тогда лишь зарождавшееся, *Панбританское* движеніе. Напомню теперь существенные факты этого движенія и его основы, въ свѣтъ которыхъ только и можно оцѣнить все по истинѣ міровое значеніе Вашингтонской конвенціи, этого перваго официального выраженія идеи панбританизма. Если мы возьмемъ число говорившихъ на главныхъ европейскихъ языкахъ въ началѣ XIX вѣка и въ 1870 г. (послѣдній годъ, для котораго сдѣланъ общій подсчетъ по единообразному методу), то по Мельголю (въ книгѣ его «Прогрессъ міра въ XIX в.») получимъ для 1801 года нижеслѣдующія числа:

Говорило въ этомъ году:

1. По нѣмецки	38	милліоновъ душъ
2. По французски . . .	34	» »
3. По испански	32	» »

4. По русски	30 миллионѣвъ душъ
5. По англійски	22 » »
6. По итальянски	18 » »

Нѣмцы занимали первое мѣсто; англичане—предпоследнее, уступая по численности четыремъ націямъ Европы и превосходя только однихъ итальянцевъ. Съ тѣхъ поръ и до 1870 года число европейцевъ, живущихъ въ Европѣ и внѣ ея, приблизительно удвоилось, но это удвоеніе весьма неравномѣрно распредѣляется между разными націями. Въ 1870 году говорящихъ на разныхъ европейскихъ языкахъ оказалось:

	Прибыль:
1. По англійски 90 мил.	310%
2. По нѣмцѣмъ 66 »	70
3. По русски 63 »	110
4. По французски 46 »	36
5. По испански 44 »	36
6. По итальянски 30 »	66

Англійскій языкъ съ предпоследняго мѣста передвинулся въ первые семьдесятъ лѣтъ XIX вѣка на первое мѣсто. Приращеніе говорящихъ по англійски втрое превзошло среднее для европейцевъ вообще. Въ 1801 году по англійски говорила одна восьмая цивилизованнаго человѣчества, а въ 1870 году уже одна четвертая, такъ что одинъ американскій писатель могъ съ гордостью сказать «цивилизованный міръ дѣлится на двѣ націи: одна говоритъ по англійски, другая—на иныхъ языкахъ». Это быстрое приращеніе англо-саксонской націи обязано отчасти большей быстротѣ размноженія, отчасти громадной ассимиляціи европейскихъ колонистовъ, переселяющихся въ Соединенные Штаты и въ англійскія колоніи Америки, Африки и Австраліи. Эта работа ассимиляціи и понынѣ продолжается въ самомъ широкомъ масштабѣ и открываетъ англо-саксонской расѣ громадныя и заманчивыя перспективы мірового преобладанія. Англо-саксонскіе патріоты по обѣ стороны Атлантическаго океана надѣются на это и работаютъ для этого. Соперничество между Старою и Новою Англіей долго являлось серьезнымъ препятствіемъ, но уже десять лѣтъ тому назадъ, когда я писалъ упомянутую статью, можно было предвидѣть, что препятствіе это не будетъ непреодолимо. Вотъ что, между прочимъ, я счелъ возможнымъ уже тогда замѣтить:

«Great Britain» (Великобританія) уже болѣе не удовлетворяетъ патріотовъ. Они проектируютъ Greatest Britain, Величайшую Британію, какъ бы *панбританизмъ*. Осуществимъ, конечно, панбританизмъ лишь въ формѣ очень широкой федераціи, которая и стала съ нѣкотораго времени (писано въ 1886 г.) предметомъ оживленной пропаганды въ Англіи. Такъ называемая ненависть американцевъ и англичанъ была, конечно, вздоромъ, которымъ утѣшались

легковѣрные французы и еще болѣе легковѣрные россияне. Была непріязнь, какъ естественное наслѣдіе еще не забытой жестокой борьбы и какъ выраженіе двухъ несогласныхъ между собою политическихъ теченій одного и того же народа. Непріязнь эта еще поддерживалась заносчивымъ и безтактнымъ джингоизмомъ англійской политики, систематически вредившей американцамъ. Но традиціи борьбы все дальше отодвигаются въ исторію; политическіе контрасты двухъ культурныхъ теченій постепенно сглаживаются съ отиѣною рабства въ Америкѣ и съ демократизаціею Англіи; мудрая примирительная политика Гладстона устранила питавшія непріязнь недоразумѣнія.. и пресловутая ненависть разсѣялась, какъ призракъ. Она и была призракомъ. Американцы теперь все съ большею нѣжностью говорятъ о своемъ *старомъ домѣ*, какъ они все чаще начинаютъ называть Англію, и передовые люди обоихъ государствъ начинаютъ задумываться надъ вопросомъ, зачѣмъ братьямъ жить врозь? И въ самомъ дѣлѣ, тому назадъ сто лѣтъ, между торійскою, узко-аристократическою Англіею Георга III и Пятта, исполненной джингоизма и нетерпимости ко всему, что не есть англійская аристократія, и демократической Америкой Вашингтона и Франклина лежала цѣлая принципиальная пропасть. Онѣ не могли ужиться вмѣстѣ, не могли не возненавидѣть другъ друга (какъ только братья умѣютъ ненавидѣть). Онѣ и разстались. Прошло столѣтіе, и двѣ вѣтви одной и той же націи, каждая развиваясь самостоятельно, пришли приблизительно къ одному и тому же состоянію. Онѣ не разошлись, но сошлись культурно. Зачѣмъ имъ не сойтись и политически?

Прошло, однако, еще десять лѣтъ прежде нежели Вашингтонская конвенція 9 ноября 1896 года, наконецъ, явилась первымъ официальнымъ шагомъ къ такому возстановленію политической связи, порванной слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ. Третейскіе суды между Англіею и Штатами были и раньше. Конвенція 9 ноября ихъ дѣлаетъ постояннымъ обязательнымъ установленіемъ, совершенно устраняетъ политическій элементъ, воспрещаетъ войну между договаривающимися сторонами и мотивируетъ это не только соображеніями гуманности и справедливости, но и національнымъ единствомъ (единствомъ языка). Иначе говоря, Вашингтонская конвенція англо-американскія разногласія какъ бы выводитъ изъ компетенціи международнаго права и дѣлаетъ ихъ предметомъ національнаго англо-американскаго права. Чтобы достигнуть такихъ блистательныхъ результатовъ, государственные люди Англіи были правы, жертвуя нѣкоторыми матеріальными интересами въ пограничныхъ областяхъ англійской Гвіаны. И это обстоятельство, что именно Англія будетъ платить за возстановленіе политической связи съ Америкой, можно было предвидѣть десять лѣтъ назадъ. «Дорогу къ этому соединенію двухъ вѣтвей англо саксонской расы (писалъ я въ цитированной статьѣ) должна проложить Англія. Она и больше нуж-

дается въ общей охранѣ интересовъ. Въ ней же и больше препятствій къ единенію въ неудовлетворительной колоніальной системѣ». Это исполненіе предвидѣній, указанныхъ еще въ 1886 году, не доказываетъ ли, что мы имѣемъ дѣло съ правильною группировкою текушаго историческаго матерьяла, и что, стало быть, мы можемъ довѣриться этой группировкѣ, въ свѣтъ которой конвенція объ улаженіи совсѣмъ неинтереснаго Европѣ пограничнаго спора представляется событіемъ міровой важности? Это первый офіціальный шагъ къ восстановленію политическаго единства двухъ отраслей англосаксонской націи. До такого восстановленія, вѣроятно, еще не близко, но оно уже не мечта и съ его значеніемъ уже надо считаться при всякихъ соображеніяхъ о возможныхъ судьбахъ нашего міра и его главныхъ народовъ.

Съ этой точки зрѣнія не малое значеніе имѣютъ и недавніе президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ. Они имѣютъ громадное значеніе и въ другихъ отношеніяхъ. Остановимъ и на нихъ нѣкоторое вниманіе.

III.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Англія рѣшила, не смотря на крупныя затрудненія и пожертвованія, для того требуемыя, отмѣнить въ Индіи серебряную валюту, тамъ принятую многія тысячелѣтія, и замѣнить ее золотою валютою, совершенно неизвѣстною всему Востоку. Интересы англійской торговли и англійской промышленности того вовсе не требовали. Цѣна товаровъ легко приспособляется къ колебаніямъ валюты, повышаясь съ пониженіемъ цѣны серебра. Если кто либо терпѣлъ убытки, то скорѣе всего индусы-работники, заработная плата которыхъ не такъ эластична, какъ цѣна англійскихъ товаровъ. Убытки индусовъ-работниковъ не были убыточны англичанамъ, конечно. Совсѣмъ другое дѣло интересы англійскихъ заимодавцевъ Индіи. Получая проценты въ серебряной валютѣ (которая была законною валютою въ Индіи), эти заимодавцы, при каждомъ новомъ пониженіи цѣны серебра, получали все меньше и меньше дохода, хотя число рупій индусы имъ выплачивали прежнее. Если вспомнить, что англійскіе капиталисты затратили милліарды въ индійскіе займы и индійскія предпріятія, то легко понять тѣ громадныя потери, которыя несли англійскіе капиталисты отъ господства въ Индіи серебряной валюты. Обозрѣвая событія 1895 г., я уже указалъ, что интересы англійскихъ заимодавцевъ начинаютъ брать въ Англіи преобладаніе надъ интересами англійской промышленности, которая еще недавно была любимымъ дѣтищемъ Англіи. Въ 1895 году Англія, въ ущербъ этого дѣтища своего, обложила ввозною пошлиною ввозимые въ Индію англійскіе товары (хлопчатобумажныя ткани). Это сдѣлано было въ угоду другого своего дѣтища, такъ быстро переросшаго значеніе англійской промышлен-

ности, въ угоду англійскаго капитала, затраченнаго въ индійскую промышленность. Въ его же угоду Англія замѣнила серебряную валюту золотомъ. Изъ этой англійской экономической политики въ Индію явствуется, что новый фазисъ экономического развитія Англіи требуетъ, чтобы экономически отсталыя страны обставлялись протекціонными тарифами и замѣняли серебряную валюту золотомъ. Последнее позволяетъ англійскому капиталу безъ всякаго риска затрачиваться въ промышленность этихъ экономически отсталыхъ странъ, тогда какъ первое гарантируетъ искусственно повышенную прибыль. Конечно, Америка не Индія, но и она по сравненію съ Англіей является экономически отсталою страной. Поэтому и здѣсь экономическіе интересы Англіи требовали бы торжества протекціонизма и золотой валюты. Протекціонизмъ и золотая валюта и являлись главными пунктами платформы Мак-Кинлея. Протекціонизмъ и золотая валюта и побѣдили на президентскихъ выборахъ; фритредерство и серебряная валюта потерѣли поражение. Восторжествовала, стало быть, англійская программа, а это, конечно, расчищаетъ путь къ дальѣйшему сближенію. Кто знаетъ, какіе громадныя англійскіе капиталы уже затрачены въ Америкѣ, тотъ пойметъ, какую важную побѣду одержали англійскіе капиталисты. А кто знаетъ, какъ богата Англія свободными капиталами, ищущими выгоднаго помѣщенія, тотъ увидитъ и широкія перспективы для этихъ капиталовъ въ Америкѣ, гдѣ утвержденіе золотой валюты облегчило имъ доступъ, а протекціонизмъ обезпечиваетъ высокія прибыли, совершенно невозможныя на родинѣ. Президентскіе выборы 4 ноября 1896 года въ такой же мѣрѣ скрѣпляютъ экономическія узы между двумя вѣтвями англійской націи, въ какой мѣрѣ Вашингтонская конвенція 9 ноября сдѣлала для скрѣпленія узъ политическихъ. И эти два событія находятся, конечно, въ тѣсной взаимной зависимости и связи. Весьма возможно, что Кливлендъ не рѣшился бы утвердить соглашеніе, если бы побѣдителемъ на выборахъ вышелъ О'Брайанъ, у котораго экономическая борьба съ Англіей была одною изъ основъ политической программы. Весьма возможно, что и государственные люди Британіи задумались бы, дѣлать ли имъ нынѣ сдѣланныя уступки, если бы имѣли въ виду приближеніе этой экономической борьбы съ Америкой. Съ другой стороны, конвенція 9 ноября, устраняя политическій антагонизмъ, еще болѣе гарантируетъ англійскимъ капиталамъ выгоды при ихъ помѣщеніи въ Америкѣ. Такимъ образомъ, событія 4 и 9 ноября находятся въ тѣсной зависимости и являются выраженіемъ одного и того же историческаго факта, первыми шагами по пути осуществленія панбританской идеи.

Связь этихъ событій раскрывается еще съ одной въ высшей степени любопытной стороны. Споръ между Англіей и Соединенными Штатами изъ за Венецуэлы имѣлъ между прочимъ и серьезную экономическую подкладку (о которой я уже упоминалъ въ обзорѣ

1895 года). Доктрина Монроэ, впервые возникшая на чисто политической почвѣ, съ теченіемъ времени получила прочный экономическій фундаментъ. Южно-американскія и центрально-американскія республики, съ населеніемъ около 50 милліоновъ, съ богатою природою и замѣчательными минеральными богатствами, но безъ всякой промышленности, являются тѣми экономически отсталыми странами, которые представляютъ новое (и на этотъ разъ неподдѣльное) Эльдorado для странъ капиталистическихъ. Европейская промышленность и европейскіе капиталы давно жадными очами поглядываютъ на эти страны. Однако, постоянныя внутреннія волненія этихъ странъ такъ же мѣшаютъ безопасной затратѣ капиталовъ, какъ протекціонныя тарифы ввозу продуктовъ европейской промышленности. Доктрина Монроэ, которую Соединенные Штаты сумѣли внушить южно-американскимъ и центрально-американскимъ государствамъ, повела къ тому, что эти государства, по большей части, одобрили разныя взаимныя льготы для между американскихъ экономическихъ сношеній. Взаимность, конечно, оказывается только юридическая. Фактически же просто это — привилегія въ пользу сѣверо-американской промышленности и въ ущербъ европейской, которой большая удаленность и безъ того представляется невыгоднымъ шансомъ. Соединенные Штаты, быстро развивающіе капиталистическую промышленность, очень нуждаются для нея во внѣшнихъ рынкахъ. Доктрина Монроэ явилась очень кстати, чтобы гарантировать такой значительный рынокъ сѣверо-американцамъ, которые за это должны гарантировать политическіе интересы южно-американцевъ. Иначе тѣ откажутся отъ доктрины Монроэ, и европейская конкуренція можетъ подорвать сѣверо-американское экономическое преобладаніе. Горячее заступничество за Венецуэлу являлось, такимъ образомъ, прямымъ результатомъ развитія капиталистической промышленности въ Соединенныхъ Штатахъ. Если бы въ Англіи продолжали преобладать интересы промышленности, то едва-ли она пошла бы на уступки и соглашенія, но преобладаніе интересовъ всемірныхъ заимодавцевъ указывало на выгоды соглашенія. Англійская промышленность ставится въ неполноправное положеніе сравнительно съ сѣверо-американскою, но зато англійскіе капиталы, которые затрачены и будутъ затрачены въ сѣверо-американскую промышленность, получать высшіе барыши, а конкуренція другихъ европейцевъ будетъ парализована. Доктрина Монроэ становится съ этой точки зрѣнія выгодна и Англіи, но при условіи протекціонизма въ Соединенныхъ Штатахъ и одобренія тамъ золотой валюты. Такимъ образомъ торжество Мак-Кинлея сдѣлало для Англіи выгодною доктрину Монроэ и облегчило, слѣдовательно, заключеніе Вашингтонской конвенціи, явившейся признаніемъ и международнымъ освященіемъ этой доктрины. *Tout s'enchaîne dans ce monde*, а при современныхъ условіяхъ исторической жизни все служить при этомъ

золотому тельцу. Вашингтонская конвенція и президентскіе выборы 1896 года въ томъ числѣ.

Въ анализируемыхъ нами комбинаціяхъ любопытна еще одна черта, представляющаяся совершенно новымъ историческимъ явленіемъ, обобщающимъ развитие, богатое результатами. Я разумѣю только что указанный компромиссъ интересовъ двухъ капиталистическихъ странъ различныхъ фазисовъ развитія. Когда натуральное хозяйство замѣняется товарнымъ и начинается развитіе капитализма, страна, вступившая на этотъ путь, естественно проходитъ три фазиса капиталистическаго состоянія, фазисы капиталистическаго обращенія, капиталистическаго производства и международного капитализма. Каждый слѣдующій фазисъ, заключая въ себѣ явленія предыдущаго, прибавляетъ новое, составляющее его отличительную особенность, подготавливая выѣстъ съ тѣмъ слѣдующій фазисъ, собирая силу для возникновенія новой отличительной особенности. Такъ, послѣ того, какъ денежное хозяйство, замѣнивъ натуральное, создаетъ то, что называютъ капиталистическимъ обращеніемъ, возникаетъ процессъ *капитализации доходовъ*. Одни называютъ этотъ процессъ кудачествомъ, другіе—сбереженіемъ, но всѣ согласны, что онъ ведетъ къ концентраціи капитала въ рукахъ особаго класса капиталистовъ и къ возникновенію пролетаріата. Когда этотъ процессъ подвинется достаточно, т. е. когда съ одной стороны концентрація капитала достигнетъ серьезнаго значенія, а образованіе пролетаріата, уже лишеннаго самостоятельнаго хозяйства, слѣдовательно и самостоятельнаго дохода, затруднитъ процессъ капитализаціи доходовъ (за его постепеннымъ упраздненіемъ), появляется и возможность, и необходимость слѣдующаго фазиса капиталистическаго процесса, начинается *капитализація промысловъ*, возникаетъ капиталистическое производство, крупная промышленность. Это не значитъ, чтобы прекратилось капиталистическое обращеніе и упразднилась капитализація доходовъ. Напротивъ того, эти процессы получаютъ сначала новую силу въ соединеніи съ капиталистическимъ производствомъ и капитализаціей промысловъ, которые, однако, представляются отличительною особенностью новаго фазиса экономическаго развитія. Теоретики экономической доктрины, изучившіе эту сторону экономической исторіи человѣчества, обыкновенно останавливаются на этомъ фазисѣ и замѣчаютъ, что послѣ періода капитализаціи промысловъ необходимо долженъ наступить періодъ возстановленія самостоятельнаго народнаго хозяйства, на началахъ обобществленнаго, не разрозненнаго труда. Основатель ученія скончался раньше, нежели исторія ярко обнаружила нѣкоторые факты, указывающіе, что капиталистическое развитіе передовыхъ націй вступаетъ въ новый третій фазисъ, еще очень далекій отъ желаннаго возстановленія самостоятельнаго народнаго хозяйства. Это обстоятельство нисколько не является опроверженіемъ научнаго анализа капитализма, какъ онъ былъ предсказанъ упомянутыми экономи-

стами. Напротивъ, оно является въ значительной степени его оправданіемъ и продолженіемъ. Сколько нибудь замѣтно новое явленіе обнаруживалось лишь въ восьмидесятые годы. Мнѣ удалось его впервые констатировать въ статьѣ «Международная экономическая борьба», появившейся въ 1887 году *), но только въ самое послѣднее время, въ 1895 — 96 гг., можно намѣтить нѣкоторыя его послѣдствія, въ высшей степени поучительныя и, повидимому, подготавливающія комбинаціи, тогда едва-ли допустимыя и предвидѣнныя.

Вернемся къ нашему бѣглому обзору фазисовъ капиталистическаго развитія. Концентрація капитала, созданная капиталистическимъ обращеніемъ въ процессъ капитализаціи доходовъ, приводитъ къ необходимости затратить накопленные капиталы въ производство, создать капитализацію промысловъ и крупную промышленность. Развитие этого процесса выражается количественно, поглощеніемъ и упраздненіемъ мелкаго кустарнаго производства, качественно же усиленіемъ производительности труда, ростомъ постоянного капитала сравнительно съ оборотнымъ и пониженіемъ прибылей. Эти три явленія состоятъ въ непосредственной причинной связи между собою, и пониженіе прибылей прогрессирующаго капиталистическаго производства несомнѣнно является закономъ этого развитія. Предвидя необходимость этого процесса и предсказывая такъ же все большую и большую концентрацію капитала, нѣкоторые экономисты и находятъ въ этихъ двухъ обстоятельствахъ основаніе для предсказанія о возстановленіи самостоятельнаго народнаго хозяйства. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ этихъ предсказаній по существу. Скажемъ только, что капитализмъ нашелъ куда иной путь. Прибыли понижаются дома: надо ихъ искать за границею. Капиталъ передовыхъ странъ и повалилъ за границу. Капитализація доходовъ, упраздняя мелкіе доходы, подлежавшіе капитализаціи, должна была привести къ капитализаціи промысловъ и развитію крупнаго производства. Крупное же производство, понижая прибыль, столь же естественно вызвало выселеніе капитала за границу, гдѣ прибыль выше. Такимъ образомъ, Англія, Франція и Нидерланды въ послѣднюю четверть XIX вѣка обнаружили совершенно явственное превращеніе изъ всемірнаго торговца-промышленника во всемірнаго заимодавца. Выше я показалъ, что въ этомъ случаѣ такіа экономическія господствующія націи прямо заинтересованы въ томъ, чтобы экономически отсталыя страны обставлялись протекціонными тарифами, но чтобы установилась по возможности полная политическая и экономическая безопасность для затрачиваемыхъ капиталовъ. Въ прошломъ *Дневникъ* я показалъ, какъ именно эта эволюція превратила Англію изъ защитницы варварскихъ могу-

*) Статья эта, пересмотрѣнная и дополненная, вошла во второй томъ моихъ «Соціологическихъ этюдовъ» подъ заглавіемъ «Экономическое начало и общественная борьба».

ществъ въ ихъ разрушительницу. Варварское могущество нарушаетъ политическую безопасность. Экономически не менѣе опаснымъ нарушеніемъ является серебряная валюта и необезпеченное бумажное денежное обращеніе. Металлическое обращеніе и золотая валюта, по мѣрѣ торжества своего въ разныхъ странахъ міра, все шире и шире открываютъ ворота для указаннаго процесса международнаго капитализма, вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливая новыя экономическія комбинаціи, ради выясненія которыхъ я и сдѣлалъ это отступленіе.

Англія, Франція, Нидерланды дальше всѣхъ націй продвинулись по пути капиталистическаго развитія. Покуда ихъ экономическое господство опиралось преимущественно на торговлѣ и промышленности, являлась очень проблематичнымъ возможность для другихъ націй достигнуть въ этомъ отношеніи значительныхъ успѣховъ. Блестящее экономическое развитіе передовыхъ странъ обезпечивалось выѣшними рынками, которые всѣ были разобраны и захвачены. Отнимать ихъ представлялось задачей, мало благодарною. Теперь, однако, дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. По крайней мѣрѣ, Англія начинаетъ добровольно уступать рынки, расширяя взаимнѣ того затрату капиталовъ. Экономическое значеніе Вашингтонской конвенціи именно и имѣетъ этотъ смыслъ. Англія могла бы войти въ подобныя же комбинаціи съ Германіей въ Европѣ и Японіей — въ Азіи. Нѣчто подобное не начинается ли обрисовываться въ отношеніяхъ между Франціей и Россіей? Не рѣшаюсь пускаться въ гипотезы, но считаю необходимымъ констатировать эту новую комбинацію, которая дозволяетъ капиталистическое развитіе и нѣкоторымъ изъ остальныхъ странъ, еще недавно невозможное вслѣдствіе отсутствія выѣшнихъ рынковъ, захваченныхъ передовыми націями.

IV.

Президентскіе выборы 4 ноября мы разсматривали выше съ точки зрѣнія ихъ международнаго значенія, какъ событіе міровое. Но и какъ американское событіе, съ мѣстной точки зрѣнія, ихъ значеніе не менѣе интересно и поучительно. Борьба шла главнымъ образомъ на вопросъ о серебряной валютѣ. Это уже сказано нами выше. Теперь необходимо сдѣлать два существенныхъ добавленія: 1) демократическая платформа, внесшая кардинальнымъ своимъ пунктомъ одобреніе серебряной валюты, была дѣйствительно народною программой, потому что рядомъ съ этимъ она требовала подоходнаго налога, возставала противъ злоупотребленій банковъ и синдикатовъ, настаивала на непереизбираемости президента, была наконецъ цѣликомъ принята радикальной партіей, такъ называемыми *популистами*; и 2) требованіе возстановленія серебряной валюты сопровождалось требованіемъ свободной чеканки, т. е. права каж-

даго гражданина представлять въ монетный дворъ любое количество серебра для полученія его обратно въ формѣ монеты. Несомнѣнно, радикальный характеръ партіи серебряной валюты и свободная чеканка монеты и представляются, такимъ образомъ, тѣми существенными дополненіями демократической платформы, которыя необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ мѣстнаго американскаго значенія президентской кампаніи 1896 года.

По другому поводу и при другихъ случаяхъ мнѣ уже не разъ случалось указывать на существующую особенность сѣверо-американской общественности. Эта особенность заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, что буржуазный элементъ, *преобладающій* и въ современной западно-европейской жизни, является *единственнымъ* въ американской. Государство, деревь, феодальныя сословія, разныя общинныя организациі ограничиваютъ буржуазное господство въ Европѣ, еще болѣе того ограниченное могучимъ развитіемъ европейскихъ идей. Никакихъ такихъ ограниченій Америка не знаетъ и буржуазный режимъ здѣсь получаетъ свое полное логическое развитіе и выраженіе. Онъ до такой степени проникъ всю американскую жизнь, что американская мысль не можетъ освободиться отъ его господства и руководства даже тогда, когда возстаегъ противъ него. Не разъ уже возникали въ Америкѣ самыя, повидимому, радикальныя программы общественныхъ и экономическихъ реформъ. При ближайшемъ анализѣ они всегда оказывались лишь новымъ развитіемъ или видоизмѣненіемъ все того же буржуазнаго принципа, все того же режима плутократіи, который руководить общественною жизнью Сѣверной Америки. Я уже замѣтилъ, что мнѣ случалось останавливаться на этой сторонѣ американской исторіи. Напомню вкратцѣ такой разборъ нѣкоторыхъ радикальныхъ общественныхъ реформъ, предлагавшихся въ Америкѣ. Это освѣтитъ намъ и современный серебряный радикализмъ американской демократіи. Остановимся съ этою цѣлью на трехъ реформаторскихъ провѣткахъ, на фрисойлерствѣ, ланднаціонализациі и гринбюкерствѣ.

Первая реформа частью даже нашла осуществленіе въ законодательствѣ Союза. Эта доктрина очень ярко характеризуетъ на правленіе американскаго общественнаго мышленія. *Фрисойлерство*—это доктрина свободной почвы (*free soil*), программа, основанная на принципѣ, что свободная земля должна отводиться исключительно земледѣльцу, лично руками своими воздѣлывающему землю и въ предѣлахъ, не превышающихъ среднюю рабочую силу семьи. Правда, эта доктрина была провозглашена и нѣкоторыя законодательныя мѣропріятія были проведены уже послѣ того, какъ лучшія земли дѣвственнаго Запада были въ громадномъ количествѣ розданы спекуляторамъ и концессионерамъ и созданы латифундіи такого размѣра, какого не знаетъ и феодальная Европа. Само фрисойлерство явилось реакціей противъ этихъ неограниченныхъ хищеній плутократіи. Несомнѣнно, то демократическое чувство народнаго боль-

шинства подняло голодъ. Несомнѣнно, именно, это чувство вырвало у жадной и корыстной плутократіи эту уступку. Я не буду говорить о томъ, какъ осуществилась эта уступка и какая судьба ее постигла въ настоящее время. Объ этомъ имѣется также мало утѣшительнаго и исторія лишній разъ обнаруживаетъ силу плутократіи и безсиліе дезорганизованной народной массы. Меня теперь интересуетъ сама идея, какъ она была затребована фрисойлерами. Основной принципъ, несомнѣнно демократичный и несомнѣнно ранѣе того изготовленный въ Европѣ, получилъ форму программы уже изъ рукъ американцевъ. Программа эта разбивала свободную землю на равномерные участки, каждый въ одной межѣ. Эти участки распродавались по дешевой цѣнѣ (не болѣе двухъ въ однѣ руки) и покупатели обязывались въ опредѣленный срокъ обстроить и обзавести свой участокъ. *Никакихъ ограниченій по части отчуждаемости.* Методъ разбивки участковъ, а равно обязанность обстроить и обзавести *каждый* участокъ—прямо указывали, что не только *никто не заботился организовать сельское общество* (не говоримъ уже общину), но *прямо создавались условия, дѣлавшія такое образованіе невозможнымъ.* Каждый мелкій собственникъ предоставлялся исключительно собственнымъ силамъ, а рядомъ кругомъ—безпощадная и всесильная плутократія! Фрисойлерство—прекрасная идея по своимъ стремленіямъ, но совершенно безсильная на практикѣ. Программа фрисойлерства какъ бы даже рассчитана для удобства плутократіи, да иначе и быть не могло, потому что американская жизнь покуда не представляетъ элементовъ для иного рѣшенія.

Еще характернѣе съ занимающей насъ точки зрѣнія программа націонализаціи земли, предложенная Джорджемъ. Какъ извѣстно, это очень радикальная программа, исходящая изъ идеи, что земля не можетъ быть частною собственностью, но должна быть достояніемъ всего народа. Идея эта до такой степени радикальна (хотя, впрочемъ, ее раздѣляли въ принципѣ Милль и Спенсеръ), что нѣкоторые европейскіе мыслители зачислили ея автора въ число социалистовъ. Нѣсколько болѣе внимательный анализъ скоро обнаруживаетъ, что и его программа какъ бы нарочно приспособлена для вѣщаго процвѣтанія плутократіи. Конечно, Джорджъ, какъ и фрисойлеры, искренній демократъ по своимъ чувствамъ и стремленіямъ, но, какъ и они, прикованный къ американскимъ формамъ жизни, онъ предлагаетъ планъ, съ виду весьма радикальный, а по существу нисколько не колеблющій этихъ формъ общественной жизни, скорѣе даже служащій ихъ логическимъ развитіемъ. Идея, что земля должна принадлежать государству,—принадлежать, какъ мы уже выше замѣтили, не Джорджу, но многимъ выдающимся мыслителямъ, писавшимъ за долго до него. Прибавлю, что англійское право въ принципѣ никогда не отказывалось отъ этой идеи. Все это не ново, хотя отъ этого и не становится менѣе важнымъ; ори-

гинальность доктрины Джорджа заключается въ формѣ осуществленія, въ практической программѣ, имѣ предлагаемой. Исходя изъ той экономической особенности поземельной собственности, что она приноситъ доходъ, сообразно своимъ внутреннимъ достоинствамъ и окружающему сосѣдству, а не только сообразно количеству затраченного въ нее труда и капитала, Джорджъ предлагаетъ обратить въ пользу государства именно эту разницу, т. е. ту часть дохода, которая экономистами называется *рентой*. Для него земля не есть родина гражданина, его отчина и дѣдина, его очагъ и привязанность, а только источникъ дохода, такой же, какъ акція и облигація. Для него ланлордизмъ и латифундіи интересны не тою страшною властью, которою они обладаютъ надъ населеніемъ, а только какъ источники дохода, не сообразно съ количествомъ затраченного капитала. Акція и облигація всегда приносятъ доходъ сообразно затраченному капиталу. Уравняйте доходъ поземельной собственности съ затраченнымъ въ нее капиталомъ и, по мнѣнію Джорджа, вы отнимете у поземельнаго строя (хотя бы это былъ самъ ирландскій ланлордизмъ или римскія латифундіи) всѣ его дефекты. Я не вхожу въ анализъ достоинствъ и недостатковъ программы Джорджа (въ другомъ мѣстѣ въ свое время мнѣ случилось говорить о ней достаточно подробно), я лишь указываю ея направленіе, а это направленіе состоитъ въ стремленіи уравнять экономическое значеніе земли со значеніемъ капитала. Аргументація ведется въ высшей степени радикально, а выводъ оказывается въ тѣсномъ согласіи съ плутократическимъ строемъ. У землевладѣнія эта программа стремится отнять лишь его *специфическую* силу, но свято соблюдаетъ его силу, какъ капитала, и на малѣйшей попытке въ формахъ землевладѣнія найти гарантію слабой одинокой личности противъ всеильной плутократіи. Достаточно сравнить эту программу съ единовременно появившеюся въ Англіи программой ланднаціонализаціи Уоллеса, съ идеями Лоренца Штейна, съ русскою крестьянскою реформою 61 года, съ гладстоновскими ландбиллями для Ирландіи и Шотландіи, съ циркулирующими въ Англіи планами поземельной реформы, съ разными планами, обсуждавшимися въ русской литературѣ, чтобы съ яркою рѣзкостью бросилось въ глаза различіе въ направленіи общественнаго мышленія европейскаго и американскаго. Даже умѣренные европейскія программы призываются служить демократизаціи поземельнаго строя. Даже наирадикальнѣйшая, почти революціонная американская программа является лишь логическимъ развитіемъ плутократическаго режима. Фрисойлерство служитъ плутократіи, лишая земледѣльческую демократію какой либо возможности обрѣсти экономическую организацію, безъ чего она безсильна передъ плутократіей, но для чего нужны не хутора, а село (село, по крайней мѣрѣ, для начала). Ланднаціонализація (какъ она выражена у Джорджа) съ другой стороны превратила бы землю въ капиталъ и въ этомъ объедине-

ни нинѣ соперничающихъ экономическихъ факторовъ и было бы ея главное экономическое значеніе. Это поглощеніе капиталомъ другихъ экономическихъ факторовъ (кромя труда, который не поглощается, но подчиняется) — очень характерно для американской жизни и американской мысли. Джорджъ предлагалъ это поглощеніе для землевладѣнія. Гринбэкеръ для эмиссіонной прерогативы государства. Недавняя программа О'Брайна — то же самое для такой же государственной прерогативы чеканить монету. Все отдать въ руки плутократіи — таковы даже самые радикальныя американскія программы, пытающіяся добросовѣстно бороться съ плутократами.

Гринбэкерство — это своеобразная теорія и программа бумажно-денежнаго обращенія. Центръ тяжести доктрины заключается въ томъ, что деньги, будучи просто цѣнностями, удобными къ рыночному обращенію, не непременно должны быть драгоценными металлами. Эти металлы могутъ быть замѣнены бумагами, лишь бы эти бумаги представляли дѣйствительную реальную цѣнность. Недостатокъ теперешнихъ бумажныхъ денегъ заключается въ томъ, что онѣ такой реальной цѣнности не представляютъ, не обезпечены *определеннымъ* залогомъ и никогда не приносятъ доходы. Не вдаваясь въ подробности, скажемъ только, что гринбэкеръ предложилъ очень остроумный планъ, при помощи котораго бумажныя деньги (гринбэки) должны были, по ихъ мнѣнію, приобрести эти два достоинства. При этомъ всякая цѣнность, общественная и частная, но только залогоспособная, могла быть обращена въ деньги. Планъ предлагалъ разныя гарантіи этой эмиссіонной операціи, которыя, по мнѣнію авторовъ, обезпечивали и отъ злоупотребленія этой частной эмиссіонной операціи, и отъ переполненія рынка денежными знаками. Не мѣсто входить въ анализъ этого плана, его осуществимости и практичности. Намъ важны цѣли, которыми задалась реформа. Нынѣ чеканка монеты всюду есть привилегія государства; эмиссіонная операція, находится или въ рукахъ государства или въ рукахъ монопольныхъ учрежденій, тѣсно связанныхъ съ государствомъ. Проектъ въ корнѣ уничтожалъ привилегію государства. Всякій обладатель цѣнности могъ обратить ее въ бумажныя деньги не посредствомъ купли-продажи, а при посредствѣ эмиссіонной операціи. Всѣ остальные стороны плана были приспособлены къ этой главной и центральной цѣли. Придать не номинальную (какъ нынѣ), а реальную цѣнность бумажнымъ деньгамъ было необходимо прежде всего, потому что безъ этого онѣ всегда осуждены оставаться государственною привилегіей и не могутъ стать правомъ каждого обладателя цѣнностей. Установить точныя гарантіи этой стороны вопроса было особенно необходимо, какъ и найти средство, предупреждающее переполненіе денежнаго рынка бумажными знаками. Вопросъ не въ томъ, нашли-ли гринбэкеръ эти гарантіи и эти средства, а въ томъ, что осуществленіе ихъ плана

передавало бы изъ рукъ государства еще одну въ высшей степени важную функцію въ руки плутократіи, т. е. всякаго богатаго чело-вѣка. Если мы въ параллель этой «радикальной» американской ре-формѣ вспомнимъ, что и въ Европѣ возникала идея замѣны ме-таллическихъ денегъ бумажными, но эти послѣднія должны были бы представлять собою количество труда, то оставляя въ сторонѣ во-просъ объ осуществимости и практичности (американская идея тоже не блещетъ этими качествами), тѣ направленія, въ которыхъ работаетъ американская и европейская мысль, обрисуются съ доста-точною рельефностью.

•Новѣйшая, тоже «радикальная» программа свободы чеканки се-ребряной монеты явилась въ сущности повтореніемъ гринбэкерства въ этомъ существенномъ смыслѣ, въ смыслѣ передачи монетнаго выпуска въ руки каждаго богатаго чело-вѣка, безъ всякаго регули-рующаго и руководящаго вмѣшательства государства. Программа О'Брайана потерпѣла пораженіе. Характерно, однако, было кон-статировать, что, направленная противъ плутократіи, она не могла найти никакихъ иныхъ принциповъ, кромѣ плутократическихъ же. То же самое раньше продѣлали программы гринбэкерства, фрисой-лерства и ланднаціонализаціи. Всѣ эти радикальныя общественныя идеи, одна за другого возникающія въ Соединенныхъ Штатахъ, представляются, какъ выше сказано, логическимъ развитіемъ той или другой стороны плутократическаго режима. Въ этомъ смыслѣ онѣ въ высшей степени поучительны и, вдумываясь въ ихъ вну-тренній историческій смыслъ (внѣ вопроса ихъ практичности и осу-ществимости), нельзя не признать, что американская мысль всецѣло проникнута идеями плутократическаго режима, прочно скована бур-жуазнымъ міросозерцаніемъ, внѣ которой ничего не видитъ и не понимаетъ. Даже тѣ, кто совершенно добросовѣстно выступаетъ на борьбу съ плутократіей, предлагаютъ средства служащія лишь къ дальнѣйшему развитію разныхъ сторонъ плутократическаго строя. Если нужно доказывать, что и въ послѣднее время въ этомъ отно-шеніи ничего не измѣнилось въ Америкѣ, серебряная программа О'Брайана служить лучшимъ тому доводомъ. Характерно, что въ Европѣ не только никогда не возникали подобныя «радикальныя» программы, но никогда никѣмъ серьезно даже не принимались къ обсужденію. Переплывая океанъ, онѣ теряли значеніе идеи, стано-ваясь только любопытными фактами. Немногимъ больше имѣють успѣха европейскіе реформаторскіе планы въ Америкѣ. Быть мо-жетъ, это обстоятельство лучше всякаго другого обнаруживаетъ, что Европа, допустившая у себя столь широкое развитіе плутократіи, все-таки не подчинилась всецѣло ни плутократическому режиму, ни плутократическому міропониманію. Зато историческая роль Америки, повидимому, и будетъ заключаться въ томъ, чтобы дать этому режиму опытъ полнаго логическаго внутренняго развитія.

Выборъ Мак-Кинлея есть новое торжество американской плуто-

кратіи и мы уже указали, при какихъ благопріятныхъ политическихъ и экономическихъ обстоятельствахъ начинается управленіе новаго президента (или, вѣрнѣе, начнется 4 марта). Далеко не въ такихъ блестящихъ условіяхъ находится нынѣ другая вѣтвь англосаксонской націи, живущая по сю сторону Атлантическаго океана. Приготовляя лучшее будущее предъ усмотрительнымъ соглашеніемъ съ англо-американцами, Англія сама окружена затрудненіями и невзгодами. Къ общезвѣстнымъ политическимъ затрудненіямъ въ послѣднее время прибавилось страшное бѣдотвіе, обрушившееся на многострадальную Индію. Голодъ, поразившій весь Пенджабъ, Аудъ, Бегаръ, Гуджеретъ, Верхнюю Бенгалію, словомъ всю сѣверную Индію съ населеніемъ свыше ста двадцати милліоновъ, дополняется появленіемъ чумы въ Бомбеѣ, Гуджеретѣ и Калькуттѣ. Противъ голода Англія, однако, съумѣетъ принять надлежащіе мѣры. Трудно будетъ справиться, если онъ осложнится значительнымъ расширеніемъ ужасной эпидеміи.

Нельзя, однако, не сочувствовать положенію индусовъ. Нельзя не пожелать, чтобы англичане, такъ много извлекшіе изъ Индіи, оказались на высотѣ предлагаемой имъ трудной задачи. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы поднятая нѣкоторыми газетами агитація съ цѣлью оказать русскую помощь индусамъ была достойна одобренія и поддержки. Въ это время, когда уже официально констатированъ въ самой Россіи недородъ въ 12 $\frac{1}{2}$ милліоновъ четвертей и когда многія мѣстности будутъ несомнѣнно нуждаться въ помощи, эта агитація является жалкимъ политиканствомъ, тѣмъ болѣе жалкимъ, что и возможные сборы будутъ конечно жалкою лептотою. Можно быть увѣреннымъ, что англичане сами съумѣютъ справиться съ выпавшею на ихъ долю тяжелой задачей. Намъ же лучше было бы подумать о своихъ задачахъ.

С. Южановъ.

Къ вопросу о внѣ-школьномъ образованіи народа.

I.

Публичныя народныя чтенія *).

Въ Западной Европѣ давно уже лекціи, бесѣды или conférences курсы являются однимъ изъ могущественныхъ орудій распространенія научныхъ и прикладныхъ знаній. Странствующие лекторы—обыденное явленіе ли быго американскаго, англійскаго или германскаго городка или даже деревни.

Публичныя народныя чтенія при нашихъ условіяхъ являются однимъ изъ такихъ орудій просвѣщенія, которымъ особенно приходится дорожить. Наша отсталость въ сферѣ народнаго просвѣщенія заставляетъ особенно цѣнить пути распространенія образованія, имѣющіе возможность оказывать просвѣдательное воздѣйствіе на взрослое населеніе. Крайне ничтожное распространеніе въ странѣ грамотности, вслѣдствіе отсутствія школъ, оставило внѣ вліянія просвѣщенія всю многомилліонную взрослую часть населенія, навсегда лишившую возможности пріобрѣсти даже грамотность. Да, наконецъ, одна простая грамотность, которую даетъ наша начальная школа, еще не спасеніе отъ невѣжества.

«Маленькая Японія, говоритъ Португаловъ, бьетъ большой Китай, а мы это радуемся, потому что мы это символизируемъ и утверждаемъ, что европейская цивилизація поражаетъ азіатское варварство и азіатскую ко вость... Весь Китай (однако) грамотенъ, ко вечно, по-своему. Всѣ его вооруженія, въ большинствѣ, заимствованы у Европы, но сердцевина его варварская, онъ внутри со всѣмъ прогнилъ, и вѣнчанный культурный лоскъ не спасъ его отъ поражений и униженій... Значитъ, научить грамотѣ населеніе и заставить на этомъ недостаточно. Необходимо еще и еще дальше вести дѣло народнаго образованія, чтобы прочтѣ стать на свои ноги, самоувѣреннѣе проявлять свою самостоятельность и независимость. А этого одною грамотностью не достигнешь».

Итакъ, наши условія жизни заставляютъ придавать громадное значеніе всѣмъ путямъ внѣ школьнаго распространенія образованія.

Литература, народныя библіотека, музеи, выставки, публичныя народныя чтенія и даже театры—вотъ тѣ пути, которые даютъ возможность восполнить хотя отчасти, недочеты прошлаго, въ силу

* Извлеченіе изъ доклада, представленнаго авторомъ всероссійскому торгово-промышленному съѣзду въ Н.-Новгородѣ.

которыхъ большинство населенія Россіи осталось внѣ влияния просвѣщенія.

Публичныя народныя чтенія въ ряду этихъ просвѣтительныхъ средствъ играютъ далеко не послѣднюю роль, такъ какъ имѣютъ возможность внести научныя и прикладныя знанія въ среду, которой, по ея безграмотности, книга совершенно недоступна. Дѣятельность теперь существующихъ публичныхъ народныхъ чтеній указываетъ и на то, что они имѣютъ громадное значеніе и для грамотной части населенія не только непосредственно, т. е. внося въ нее знанія, но и косвеннымъ путемъ,—пропагандируя въ народной средѣ книгу, изъ которой народъ не привыкъ еще черпать нужныя ему свѣдѣнія. Народъ не имѣетъ, конечно, никакого представленія о томъ, что можетъ дать ему книга. По традиціи, переданной ему всей прошлой исторіей народнаго образованія въ Россіи, нашъ народъ привыкъ искать въ книгѣ исключительно только отвѣты на свои нравственные и религиозные запросы. Книга научная, книга, сообщаящая какія-либо прикладныя знанія, не пользуется еще среди нашихъ грамотѣевъ изъ народа большимъ распространеніемъ.

«Отдѣлы: сельскохозяйственный, промысловъ, ветеринарный, медицинскій и друг. почти совсѣмъ не читаются», говоритъ отчетъ о дѣятельности народной библіотеки въ с. Самойловкѣ, Балашевского у., Саратовской губ.

«Отъ предлагаемой книги отдѣлываются шуткой: мнѣ не надо книжки о лошади; была бы только лошадь, а ужъ какъ за ней ходить, мы и безъ книжки сумѣемъ. Мы это и такъ знаемъ. Намъ это не идетъ».

Такое отношеніе къ книгѣ, сообщаящей научныя и особенно прикладныя знанія, не составляетъ какого-либо исключенія, а повсемѣстно.

«Часто случается, говоритъ отчетъ той-же библіотеки, что хорошая книжка считается «поганой» до тѣхъ поръ, пока не попадетъ въ руки толковаго человѣка, который своими разсказами о книгѣ сумѣетъ заинтересовать своихъ товарищей, и тогда книжка, которую обѣгали, сразу дѣлается «гарной» (хорошей) и берется нарасхват».

Вотъ такую роль популяризатора научной книжки играютъ вездѣ съ громаднымъ успѣхомъ публичныя народныя чтенія. Успѣхъ ихъ тѣмъ значительнѣе, что чтенія изъ области естественно-историческихъ знаній, столь необходимыхъ для сельскаго хозяйства и промышленности, могутъ демонстрироваться рядомъ опытовъ, обставляться различными пособіями и картинами, безъ которыхъ знанія изъ этой области наукъ не могутъ быть даже достаточно основательно усвоены. Практика существующихъ у насъ публичныхъ народныхъ чтеній показываетъ, какой прекрасной пропагандой книги служатъ публичныя лекціи. При многихъ народныхъ аудиторіяхъ устроена продажа книгъ, и слушатели обыкновенно послѣ чтенія

приобрѣтають во множествѣ книги, трактующія одинаковыя (съ прочитанной лекціей) темы.

По словамъ отчета за 94—95 гг. о народныхъ чтеніяхъ въ г. Баку, даже такое узко специальное и мало интересное чтеніе, какъ посвященное оспопрививанію, привлекло массу слушателей, и «ближайшимъ результатомъ этой лекціи было то, что въ первую же за нею недѣлю было принесено въ пріемный покой для прививки оспы 120 дѣтей». Фактами такого рода переполнены всѣ отчеты о происходившихъ въ разныхъ концахъ Россіи публичныхъ народныхъ чтеніяхъ.

Нельзя не обратить вниманія на значеніе публичныхъ народныхъ чтеній, какъ средства дать народу простое, здоровое и полезное развлеченіе, которое онъ находитъ теперь только въ пьяномъ кабацкомъ разгулѣ или въ увеселеніяхъ такихъ мѣстъ, какъ знаменитая въ своемъ родѣ Самокатская площадь Нижегородской ярмарки.

«Самокатскій увеселитель, говорить корреспондентъ одной газеты, раздражаетъ, какъ и другіе его собратья, чувственные и животныя инстинкты, и старается въ то-же время затронуть любопытство и любознательность своихъ наивныхъ посѣтителей, удовлетворяя ихъ то панорамой, то звѣринцемъ, то яко бы «анатоміей». Все это аляповато и грубо, но самая попытка свидѣтельствуетъ о живыхъ и свѣжихъ непосредственныхъ вкусахъ этой толпы. Отсюда, разумѣется, слѣдуетъ прямой выводъ: «поставьте народные развлечения на болѣе разумную почву, дайте имъ образовательное, безъ морали и педантизма, направленіе,—чтобы они не потеряли характера отдыха и развлечения,—и, конечно, вы не узнаете этой толпы, и самокаты преобразятся гораздо успѣшнѣе, чѣмъ это могутъ сдѣлать всевозможные «приказы». И даже удивительно, что до сихъ поръ никто еще не пытался сдѣлать хоть что нибудь въ этомъ направленіи. Асфальтъ и электричество, театры и французскія пѣвицы. А для толпы—только дешевый кабакъ и дозволеніе привозить сколько угодно звѣринцевъ и сколько угодно падшихъ женщинъ».

Вопросъ о народныхъ развлеченияхъ далеко не изъ такихъ, которымъ можно бы было не придавать большого воспитательнаго значенія.

«Какъ велика опасность, грозящая народу безъ разумныхъ человѣческихъ развлеченій, доказываютъ, говоритъ г. Вахтеровъ, признаки, встрѣчающіеся на каждомъ шагѣ. А. А. Штевень, прожившая 10 лѣтъ въ глухой деревнѣ, учившая народъ, устраивавшая библіотеки и школы, пришла къ выводу, что гдѣ не удовлетворяется духовная жажда, «тамъ наступаетъ полный просторъ всѣмъ животнымъ инстинктамъ, тамъ вся цѣль—гроши и барыши, какъ все счастье—пьяный разгулъ; тамъ нѣтъ уже ничего святого и совершаюся тѣ ужасы, о которыхъ страшно даже вспомнить—такъ они непонятны и дики».

Всѣ существующія у насъ, преимущественно въ губернскихъ городахъ, публичныя народныя чтенія пользуются громаднымъ успѣхомъ. Аудиторіи мѣстами ломятся буквально отъ наплыва слушателей и бывають иной разъ вынуждены изыскивать мѣры, за недостаткомъ мѣста въ залахъ, къ ограниченію доступа публики.

Вотъ нѣсколько взятыхъ наугадъ характерныхъ цифръ числа посѣтителей въ теченіе 94 или 95 года:

г. Тифлисъ . . .	на 95 чтенійхъ	11,427 чел.,	на каждомъ	118 чел.
» Курскъ . . .	» 27	» 10,057	»	» 400
« Н.-Новгородъ .	» 19	» 12,893	»	причемъ болѣе поло-

вины посѣтителей было платныхъ. Александрійскій уѣздъ, Херсонской губ.: на 148 школьныхъ чтенійхъ, происходившихъ въ 47 земскихъ школахъ, перебивало взрослыхъ 11,038 чел. и 10,237 дѣтей, на каждомъ въ среднемъ по 144 человека.

Платныхъ перебивало:

г. Бердянскъ . .	на 30 чтенійхъ	15,000 чел.,	на каждомъ	500 чел.
» Ставрополь -				
Кавказскій . .	» 18	» 12,970	»	» 730
а всего въ теченіе 4-хъ лѣтъ.	» 76	» 45,000	»	» 590
» Елизаветградъ.	» 27	» 10,228	»	» 400
» Тамбовъ . . .	» 101	» 63,000	»	» 624

тогда какъ всѣхъ жителей въ городѣ около 40 тысячъ, и т. д.

Цифры эти, такъ ясно говорящія за стремленіе народа къ просвѣщенію, еще болѣе будутъ убѣдительны, если имѣть въ виду тѣ условія, крайне неблагоприятныя для успѣха, въ которыхъ они стоятъ. На основаніи § 5 «Правилъ для устройства народныхъ чтеній въ губернскихъ городахъ», къ произнесенію въ народныхъ аудиторіяхъ допускаются только сочиненія, одобренныя для этой цѣли Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Общаго каталога допущенныхъ этими правилами книгъ нѣтъ. Это одно уже ставитъ устроителей въ положеніе ненормальное...

Если взять на себя трудъ подвести итоги всему литературному матеріалу, допущенному къ произнесенію въ народныхъ аудиторіяхъ, то получимъ слѣдующія данныя, которыя могутъ расходиться съ дѣйствительностью только въ единицахъ. Всего, напри- мѣръ, въ аудиторіяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, — а онъ пользуется особой привилегіей болѣе широкаго выбора, — дозволено къ произнесенію 287 произведеній по различнымъ отдѣламъ, 287 тощихъ брошюръ—это весь запасъ, изъ котораго только можетъ черпать лекторъ матеріалъ для народныхъ чтеній по всѣмъ отраслямъ знаній! Если исключить изъ этого числа 61 брошюру религіознаго содержанія и 62 — беллетристическаго, то на долю, такъ называемыхъ, научныхъ отдѣловъ останется 164 чтенія, изъ кото-

рыхъ на русскую исторію приходится 55 брошюръ, и 21 брошюра посвящены описанію торжественныхъ событій и военнымъ разсказамъ. На всѣ остальные отдѣлы остается, такимъ образомъ, 88 чтеній, долженствующихъ обнять собою всѣ отрасли человѣческихъ знаній, какъ научныхъ, такъ и профессиональных. Изъ этихъ 88 брошюръ на долю всеобщей исторіи приходится—1, географіи Россіи—20, всеобщей географіи—16, физической географіи и физики—по 8, ботаникѣ посвящено 6 брошюръ, минералогіи—3, медицинѣ и гигиенѣ—8, зоологіи—11, юридическія знанія даютъ 1 чтеніе, посвященное вопросу объ отбываніи воинской повинности.

Эти цифры сами по себѣ на столько краснорѣчивы, что не требуютъ никакихъ другихъ доказательствъ того печальнаго положенія народныхъ чтеній, при которомъ, если даже предположимъ, что всѣ эти 88 брошюръ перлы русской научной и прикладной литературы, было бы странно думать достигъ нашими публично-народными чтеніями какихъ либо результатовъ. Всѣ существующія у насъ немногочисленные народныя аудиторіи поставлены почти полнымъ отсутствіемъ матеріала для чтеній въ положеніе безвыходное: онѣ принуждены сотни разъ повторять одни и тѣ же чтенія и, топчась на одномъ мѣстѣ, ожидать, когда какія-нибудь чтенія, въ родѣ «Добраго сына временъ отеческихъ» или «Похожденія денщика Ипата за Дунаемъ», станутъ, какъ классическія вещи, извѣстны всей округѣ.

Въ книгѣ г. Пругавина: «Запросы народа и обязанности интеллигенціи» приведена, не лишенная интереса, таблица, регистрирующая всѣ брошюры, разсмотрѣнныя и допущенныя Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія съ 1877 по 1891 годъ. Изъ этой таблицы видно, что въ промежутокъ 15 лѣтъ разсмотрѣно Ученымъ Комитетомъ 132 брошюры. Изъ нихъ по естествознанію — 15 произведеній, т. е. по 1 брошюрѣ ежегодно. По литературѣ — 1,6 ежегодно; біографій—0,5; исторіи и географіи—3,1; разныхъ—0,7. Всего, въ среднемъ, Ученымъ Комитетомъ разсматривалось въ это время по всѣмъ отраслямъ знанія и литературы 8,8 брошюръ ежегодно.

За послѣдніе 4 года допускается брошюръ Ученымъ Комитетомъ еще менѣе.

Такъ, въ 1892 г. допущена всего одна брошюра и притомъ такая, которая была разсмотрѣна и допущена Ученымъ Комитетомъ еще въ 1885 г. (Крымъ и крымскіе татары—изданіе «Кіевскихъ губернскихъ Вѣдомостей»).

Въ 1893 г.—2 брошюры, уже одобренныя въ старыхъ изданіяхъ въ 1877 и 1881 годахъ.

Въ 1894 г. одобрена одна брошюра и, наконецъ, въ теченіе прошлаго 1895 года допущены къ произнесенію въ народныхъ аудиторіяхъ 3 брошюры. Изъ нихъ 2 посвящены жизнеописанію Императора Александра III и одна, одобренная уже ранѣе.

Такимъ образомъ, въ теченіе 4-хъ лѣтъ каталогъ допущенныхъ для народныхъ чтеній брошюръ увеличился всего на 3 новыхъ произведенія, причемъ научные отдѣлы не обогатились ни одной книжкой.

Я не буду долго останавливаться на внутреннемъ достоинствѣ этой признанной литературы для народныхъ аудиторій. Достаточно сказать, что изъ нашихъ писателей, составляющихъ нашу славу и гордость, почти никто не попалъ въ каталогъ. Изъ Пушкина выбраны: «Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ», нѣсколько мелкихъ стихотвореній, «Полтава» и «Капитанская дочка» и... только. «Іоаннъ Дамаскинъ»,—только по названію принадлежитъ А. Толстому, «Тарасъ Бульба»—въ сокращеніи. Даже Жуковский представленъ народу, только какъ авторъ нѣсколькихъ высоко нравственныхъ стиховъ и сказки: «Иванъ Царевичъ и сѣрый волкъ». За то русскій слушатель и читатель впервые знакомится на этой признанной литературѣ съ именемъ такой писательницы, какъ г-жа Катенkampъ, имѣвшая смѣлость «Короля Лира» передѣлать въ «Старика Никиту и трехъ дочерей». Перу этой писательницы принадлежатъ почти половина (изъ 23—9) всѣхъ книгъ, изданныхъ Постоянной Комиссіей народныхъ чтеній при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

Научные отдѣлы вполне гармонируютъ съ достоинствомъ книгъ по отдѣлу беллетристики, и для оцѣнки ихъ трудно найти какой либо критерій.

Эти данныя достаточно ясно говорятъ, что наши публичныя народныя чтенія стоятъ теперь въ такомъ положеніи, при которомъ они, строго говоря, не могутъ даже считаться въ числѣ орудій просвѣщенія.

И при всемъ томъ они пользуются въ населеніи громаднымъ успѣхомъ.

Только совершенной безпритязательностью слушателя изъ народа, за отсутствіемъ у него сколько-нибудь высокаго критерія для оцѣнки той духовной пищи, которая ему приподносится на публичныхъ народныхъ чтеніяхъ, и можно объяснить себѣ этотъ успѣхъ, который держится исключительно невѣжествомъ слушателя.

Другими неблагоприятными условіями, влияющими уже на самое распространеніе публичныхъ народныхъ чтеній, является почти полная невозможность добиться разрѣшенія на ихъ открытіе.

«Правила для устройства народныхъ чтеній въ губернскихъ городахъ, Высочайше утвержденныя 24-го декабря 1876 г.», толкуются не только мѣстной администраціей, но и центральной, т. е. Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, въ томъ смыслѣ, что ими допускаются чтенія только въ губернскихъ городахъ. Ни одинъ изъ 9 §§ этихъ «Правилъ» не даетъ, однако, прямого указанія на запрещеніе устройства народныхъ чтеній внѣ губернскихъ городовъ, и, тѣмъ не менѣе, такое толкованіе ихъ до послѣдняго времени

не давало возможности воспользоваться этими средствами народного образования множеству наших уездных городов и селъ, гдѣ отдѣльными лицами и многими учреждениями и обществами неоднократно возбуждался вопросъ объ устройствѣ народныхъ чтеній.

Часто приходится слышать, что попытки устройства народныхъ чтеній въ уѣздахъ не увѣнчиваются успѣхомъ, только вслѣдствіе неумѣнія инициаторовъ, незнанія ими тѣхъ путей, по которымъ надо направить свои хлопоты, чтобы они увѣнчались успѣхомъ. Въ отвѣтъ на эти обвиненія г. Кремлевъ, въ своемъ докладѣ Петербургскому Комитету Грамотности, говоритъ о своихъ попыткахъ получить право читать, обставленныхъ всѣми законными мѣрами. Докладчикомъ были испробованы всѣ пути, и тѣмъ не менѣе онъ потерпѣлъ полную неудачу, которая говоритъ прямо о томъ, что дѣло разрѣшенія зависить не отъ какихъ либо случайныхъ причинъ и недоразумѣній, а отъ крайней ненормальности постановки всего дѣла народныхъ чтеній. Въ 1891 году г. Кремлевъ служилъ городскимъ судьей г. Кашина Тверской губерніи. Желая открыть народныя чтенія, г. Кремлевъ убѣдился, что никакого принципа или закона, на которыхъ можно было бы основать свои хлопоты по устройству народныхъ чтеній, не существуетъ. Кашинъ принадлежитъ къ Московскому учебному округу, въ предѣлахъ котораго дѣйствуетъ особая коммиссія по устройству въ Москвѣ публичныхъ народныхъ чтеній. Кремлевъ обращался къ содѣйствію этой коммиссіи, которая сообщила, что народныя чтенія невозможны въ г. Кашинѣ, такъ какъ «Правила 24 декабря 1876 г.» существуютъ только для губернскихъ городовъ. Но коммиссія указала другой путь организациі чтеній—черезъ епархіальное начальство, при участіи священника и съ разрѣшенія епископа Тверского. Устройство чтеній этимъ путемъ, говорила коммиссія, обезпечиваетъ ихъ «съ цензурной и полицейской стороны». Заручившись согласіемъ на участіе въ чтеніяхъ мѣстнаго протоіерея, преподавателя духовнаго училища и магистра богословскихъ наукъ, а также другихъ мѣстныхъ лицъ, г. Кремлевъ обратился къ преосвященнѣйшему Саввѣ, епископу Тверскому, выяснивъ ему всю необходимость чтеній. Сборъ съ чтеній (5 коп.) предполагался въ пользу Кашинскаго благотворительнаго общества, находящагося въ вѣдѣніи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Но архіерей сообщилъ, что онъ говорилъ по этому поводу съ губернаторомъ, который заявилъ, что архіерей не имѣетъ права разрѣшить никакихъ чтеній, такъ какъ «Правила 24 декабря 1876 г.» разрѣшаютъ чтенія только въ губернскихъ городахъ. Тогда г. Кремлевъ рѣшается дѣйствовать черезъ Императорское Человѣколюбивое Общество, прося его ходатайствовать у Министра Народнаго Просвѣщенія. Императорское Человѣколюбивое Общество съ полнымъ сочувствіемъ отнеслось къ его предложенію и обратилось въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ. Министерство отвѣтило, что просьба об-

щества «не можетъ подлежать удовлетворенію, потому что на основаніи «Правилъ 24 декабря 1876 г.» устройство чтеній разрѣшается только въ губернскихъ городахъ».

Таковы попытки, дѣлавшіяся частными лицами. Я привелъ первые попавшіеся мнѣ подъ руку примѣры; имъ же нѣтъ числа.

Но не съ большимъ успѣхомъ производились онѣ тоже и со стороны всевозможныхъ учреждений и обществъ.

Такъ, напримѣръ, Барнаульское общество народнаго образованія, во главѣ котораго стоитъ такое официальное лицо, какъ генералъ Болдыревъ, начальникъ Барнаульскаго округа, входило въ 1890 г. съ ходатайствомъ о разрѣшеніи устройства народныхъ чтеній въ г. Барнауль и получило отказъ, мотивированный тѣми же ссылками на «Правила 24 декабря 1876 г.»—«Для одного г. Барнаула, говоритъ г. попечитель западно-сибирскаго учебнаго округа, не стоитъ возбуждать ходатайство объ измѣненіи «Правилъ», тѣмъ болѣе, что изъ жителей г. Барнаула г. попечитель не находитъ ни одного лица, достаточно благонадежнаго, которому по «Правиламъ» слѣдуетъ поручить наблюденіе за народными чтеніями».

Наши земства, какъ губернскія, такъ и уѣздныя, неоднократно входили съ ходатайствами объ организаціи народныхъ чтеній, и я не могу назвать хотя бы одного примѣра, когда такое ходатайство было бы удовлетворено.

Попытки этихъ ходатайствъ имѣютъ уже за собою цѣлую многолѣтнюю исторію. Напримѣръ, еще въ 1884 г., Херсонское уѣздное земство просило объ этомъ Министерство Народнаго Просвѣщенія и получило слѣдующій отвѣтъ:

«По дѣйствующимъ узаконеніямъ, устройство народныхъ чтеній разрѣшается лишь въ столицахъ и губернскихъ городахъ; Министерство Народнаго Просвѣщенія, признавая пользу означенныхъ чтеній, выработало проектъ правилъ для устройства таковыхъ въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ. Проектъ этотъ въ непродолжительномъ времени будетъ внесенъ, черезъ комитетъ министровъ, на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе, и такимъ образомъ вопросъ, возбужденный нынѣ Херсонскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, получить надлежащее разрѣшеніе».

Наконецъ, въ 1894 г., т. е. спустя десять лѣтъ по полученіи приведеннаго выше отвѣта Министерства Народнаго Просвѣщенія на ходатайство Херсонскаго уѣзднаго земства, по ходатайству Тверскаго губернскаго земства, явились правила о народныхъ чтеніяхъ въ губернскихъ городахъ.

11 октября 1894 года утверждено положеніе Комитета Министровъ, на основаніи котораго ходатайство о разрѣшеніи устраивать народныя чтенія въ губернскихъ городахъ можетъ быть удовлетворено «не иначе, какъ при личномъ, каждый разъ», соблюденіи слѣдующихъ условій:

Для разрѣшенія народныхъ чтеній должно послѣдовать соглаше-

ніе *трехъ министерствъ* (Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ и Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода), лицо, устраивающее чтеніе, должно получить одобрительную аттестацію трехъ вѣдомствъ, но отвѣтственность и наблюденіе за народными чтеніями все же возлагаются не на это, такъ сказать, тройной благонадежное лицо, а на представителя духовнаго или учебнаго вѣдомства, и, сверхъ всего этого, нравственная и политическая благонадежность лицъ, выступающихъ чтецами, должна быть и надлежащимъ образомъ удостовѣрена.

Какъ видимъ, и законъ 1894 г. не устраняетъ тѣхъ многочисленныхъ формальностей и проволочекъ, съ какими сопряжено у насъ полученіе разрѣшенія на открытіе народныхъ чтеній. И послѣ изданія этого закона ничто не измѣнилось въ положеніи народныхъ чтеній. И до сихъ поръ народныя чтенія не могутъ открываться свободно, подъ контролемъ мѣстной власти, повсемѣстно. И до сихъ поръ отказы въ разрѣшеніи народныхъ чтеній не стали рѣже и по прежнему мотивируются отсутствіемъ достаточно благонадежнаго лица для наблюденія за ними. И до сихъ поръ, наконецъ, открытыя, послѣ долгихъ мытарствъ, народныя чтенія стоятъ въ самыхъ тяжкихъ условіяхъ относительно права выбора матеріала для чтенія.

По отношенію къ расширенію литературы народныхъ чтеній можно указать только одну попытку, которая увѣнчалась большимъ успѣхомъ и которая въ то же время показала, что принципиальныхъ препонъ къ расширенію признаннаго матеріала нѣтъ, а есть скорѣе какое-то недоразумѣніе.

Одесская народная аудиторія, поставленная, какъ и всѣ другія, въ совершенно безвыходное положеніе и невозможность продолжать чтенія безъ матеріала для нихъ, послѣ многихъ безуспѣшныхъ хлопотъ, обратилась въ 1888 г. къ содѣйствію Одесскаго генералъ-губернатора, который согласился взять на себя ходатайство передъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія о расширеніи выбора книгъ тѣмъ спискомъ ихъ, который былъ составленъ Одесскимъ славянскимъ обществомъ св. Кирилла и Меѳодія, ведущимъ народныя чтенія въ г. Одессѣ. Это ходатайство было, наконецъ, уважено, и въ результатѣ списокъ дозволенныхъ книгъ сразу увеличился *семьюдесятью* новыми чтеніями.

Изъ представленнаго списка книгъ нѣкоторыя, однако, не были тогда Ученымъ Комитетомъ допущены; таковы, напримѣръ, Сорочинская ярмарка, Майская Ночь и Ночь передъ Рождествомъ — Гоголя, Дѣдушка Назарычъ — Погосского и друг. Между тѣмъ, эти, запрещенныя для Одесской аудиторіи, произведенія читаются въ аудиторіяхъ «Учрежденной по Высочайшему повелѣнію постоянной комиссіи народныхъ чтеній», дѣйствующей въ Петербургскомъ учебномъ округѣ.

Такимъ образомъ, то, что считается доступнымъ, безвреднымъ,

а можетъ быть, даже и полезнымъ въ Петербургскомъ учебномъ округѣ, не разрѣшается для всей остальной Россіи. Въ циркулярѣ, изъ котораго я заимствую эти свѣдѣнія, прямо сказано, что хотя эти произведенія и произносятся въ аудиторіяхъ Петербургскаго Солянаго Городка и отчасти Постоянной Комисіи народныхъ чтеній, «но изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что всё эти сочиненія одобрены для публичныхъ народныхъ чтеній». И дѣйствительно, въ аудиторіяхъ Петербургскаго учебнаго округа допущено, кромѣ указанныхъ, болѣе 2-хъ десятковъ такихъ чтеній, которыя произносить въ прочихъ аудиторіяхъ той же Россійской Имперіи не разрѣшено. Впрочемъ, такое дѣленіе по территоріямъ не является исключительнымъ явленіемъ только въ области народныхъ чтеній. Не избавлены отъ него и народныя бібліотеки. Такія ограниченія существуютъ не только по территоріямъ, но даже и по различнымъ вѣдомствамъ. У насъ есть книги, допущенныя въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, есть другія—допущенныя въ предѣлахъ вѣдомства Военнаго Министерства, но не допущенныя въ первомъ или въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи и т. п. Есть книги, которыя въ предѣлахъ одного вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія допущены къ обращенію въ одномъ учебномъ округѣ и не допущены въ другомъ. Есть даже книги, дозволенныя для бібліотеки одного села и не допущенныя въ другомъ. Правда, если эти села находятся по сосѣдству, то частнымъ и совершенно случайнымъ путемъ полученное свѣдѣніе о такомъ допущеніи можетъ вызвать соответственное ходатайство, которое, вѣроятно, будетъ уважено, но не иначе.

Для того, чтобы публичныя народныя чтенія приносили всю ту пользу, какой можно отъ нихъ ожидать, въ организацію этого дѣла должны быть внесены существенныя измѣненія. Эти измѣненія, на основаніи до очевидности выяснившихся потребностей, могутъ быть намѣчены такъ:

1) Публичныя народныя чтенія разрѣшаются по просьбамъ различныхъ учреждений, обществъ и частныхъ лицъ тѣмъ же общедминистративнымъ порядкомъ, какъ публичныя лекціи и всякаго рода зрѣлища.

2) Частныя общества: ученыя, сельскохозяйственныя, техническія, трезвости и другія—могутъ, каждое въ предѣлахъ своей спеціальности, организовывать публичныя народныя чтенія, сообщая предварительно мѣстной полицейской власти о мѣстѣ, времени и программѣ предполагаемыхъ чтеній.

3) Ближайшій надзоръ и отвѣтственность за публичныя народныя чтенія возлагаются на устроителя чтеній или на то лицо, которое послѣдній укажетъ. Отвѣтственность за публичныя народныя чтенія, открываемыя на основаніи п. 2, несетъ на себѣ Правленіе того Общества, которое организуетъ чтенія. За веденіе публичныхъ

народныхъ чтеній, открываемыхъ какимъ-либо учрежденіемъ, отвѣтственность несетъ исполнительный органъ этого учрежденія.

4) Устроители публичныхъ народныхъ чтеній обязываются представлять на утвержденіе администраціи списокъ тѣхъ лицъ, которымъ будетъ поручаться веденіе чтеній.

5) Къ публичному произнесенію въ народныхъ аудиторіяхъ допускаются только тѣ сочиненія, которыя разрѣшено имѣть въ публичныхъ народныхъ бібліотекахъ или въ ученическихъ бібліотекахъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ.

6) Публичныя народныя чтенія, сообщающія свѣдѣнія по сельскому хозяйству, техники, искусствамъ, медицинѣ, ремесламъ и другимъ спеціальнымъ и прикладнымъ знаніямъ, могутъ произноситься и по сочиненіямъ, не вошедшимъ въ официальные списки допущенныхъ книгъ, а равно и по рукописнымъ сочиненіямъ или произноситься лекторомъ устно. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ каждый разъ должна быть представляема на утвержденіе мѣстной администраціи программа чтеній.

II.

Каталоги для народныхъ бібліотекъ.

Наши народныя бібліотеки—учрежденія только самаго послѣдняго времени. Замѣчательный ростъ ихъ за эти два-три года и обиліе читателей во всѣхъ существующихъ бібліотекахъ указываютъ, въ какой мѣрѣ ощущается повсемѣстно нужда въ такихъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ.

По «правиламъ 15 мая 1890 г.», регулирующимъ дѣятельность народныхъ бібліотекъ, онѣ пользуются ограниченнымъ правомъ выбора книгъ, въ предѣлахъ официальныхъ каталоговъ книгъ, допущенныхъ въ среднія и низшія учебныя заведенія.

Нечего и говорить, конечно, что предѣлъ этотъ крайне стѣснителенъ для народныхъ бібліотекъ, какъ потому, что выборъ книгъ при этихъ условіяхъ ограниченъ ничтожной цифрой 2¹/₂—3 тысячъ названій *) изъ 80-90 тысячъ всѣхъ существующихъ на русскомъ языкѣ книгъ, такъ и потому, что официальные каталоги, имѣющіе въ виду школьныя бібліотеки, даютъ подборъ главнымъ образомъ дѣтскихъ книгъ. Эти условія выбора оказываютъ вліяніе даже на размѣръ матеріальныхъ затратъ нашихъ скудныхъ средствами народныхъ бібліотекъ.

Въ какое неудобное положеніе ставятся народныя бібліотеки, благодаря этимъ условіямъ, видно хотя бы изъ того, что въкоторыя городскія народныя бібліотеки имѣютъ читателей болѣе, чѣмъ книгъ и вынуждены теперь для удовлетворенія читателей увеличивать

(*) Maximum, не считая отдѣла духовныхъ книгъ.

свои книжные запасы дубликатами уже имѣющихся въ библіотекъ книгъ. Къ этому не лишне прибавить, что, строго говоря, и самихъ каталоговъ, которые даны въ руководство народнымъ библіотекамъ, не существуетъ. Единственнымъ полнымъ источникомъ, изъ котораго можно почерпнуть свѣдѣнія о всѣхъ допускаемыхъ въ учебныя заведенія книгахъ, служить «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія».

«Каталогъ книгъ для бесплатныхъ народныхъ читателей», изданный въ текущемъ году по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія, также не можетъ удовлетворить этой цѣли, такъ какъ не составляетъ полного свода всѣхъ допущенныхъ къ обращенію книгъ.

Сравнивая этотъ каталогъ съ такъ называемымъ «Опытъ-омъ каталога ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній», изданнымъ Минист. Народнаго Просвѣщенія въ 89 г., найдемъ болѣе 400 названій, имѣющихся въ «Опытѣ» и пропущенныхъ каталогомъ для читателей. Не менѣе книгъ пропускается послѣднимъ каталогомъ и изъ числа допущенныхъ въ низшія учебныя заведенія.

Такіе значительные пропуски, очевидно намѣренныя, даютъ основаніе думать, что изданіемъ каталога имѣлось въ виду дать не простой перечень допущенныхъ уже ранѣе книгъ, а списокъ сочиненій, наиболѣе, по мнѣнію составителей, пригодныхъ для народныхъ библіотекъ. Въ правильности такого взгляда на цѣли изданнаго каталога убѣждаетъ еще и то обстоятельство, что составители сочли нужнымъ дать въ каталогѣ мѣсто нѣкоторымъ книгамъ «духовнаго содержанія», тогда какъ этого рода книги по существующимъ правиламъ допускаются въ народныя библіотеки всѣ безъ изыятія.

Такого рода каталоги лучшихъ книгъ изъ числа допущенныхъ издавали въ послѣднее время нѣкоторыя частныя общества народнаго образованія, напр., бывшіе столичные комитеты грамотности, Харьковское общество грамотности и друг. Въ такихъ каталогахъ несомнѣнно ощущается большая нужда, чѣмъ въ простомъ перечнѣ всѣхъ допущенныхъ книгъ, така какъ большинство послѣднихъ заключаетъ множество матеріала, или мало пригоднаго для читателей (напр., учебники, руководства, собраніе классиковъ съ подстрочными примѣчаніями и коментаріями и проч.), или на столько устарѣвшаго, что онъ исчезъ уже съ книжнаго рынка.

Однако болѣе внимательное знакомство съ литературнымъ матеріаломъ каталога заставляеть придти къ заключенію, что и въ качествѣ рекомендательнаго каталога лучшихъ и наиболѣе пригодныхъ для народныхъ библіотекъ книгъ изданный списокъ еще менѣе способенъ удовлетворить самымъ невысказаннымъ требованіямъ. Правда, къ такому заключенію при оцѣнкѣ какого либо каталога избранныхъ книгъ можно придти, исходя изъ чисто субъективной точки зрѣнія, не сходной со взглядами, положенными въ основу даннаго каталога. Но независимо отъ той или иной точки

зрѣнія, не трудно намѣтить рядъ такихъ требованій, удовлетворять которымъ долженъ всякій каталогъ, имѣющій претензію рекомендовать себя народной библіотекѣ. Въ основу такого каталога должна лечь мысль, что народная библіотека—учрежденіе просвѣтительное, имѣющее цѣль дать народу возможность удовлетворить его стремленія къ самообразованію, поддержать и поощрить это стремленіе народа, обративъ его въ потребность. Съ этой точки зрѣнія каталогъ, во-первыхъ, долженъ заключать въ себѣ систематическій подборъ книгъ по всѣмъ главнѣйшымъ отраслямъ знанія, представлять собою законченное цѣлое. Во-вторыхъ, такой каталогъ долженъ содержать въ каждомъ своемъ отдѣлѣ въ извѣстной послѣдовательности, какъ книги, доступныя самому широкому кругу читателей, такъ непремѣнно и такія, которыя рассчитаны на большую подготовленность и строгость требованій читателя, приобрѣтшаго уже извѣстный читательскій навыкъ. Словомъ, каталогъ долженъ имѣть въ виду необходимость для библіотеки удовлетворять *всякій* умственный запросъ *всякаго* читателя. Чтобы хотя сколько нибудь удовлетворить этимъ требованіямъ, каталогъ долженъ содержать въ себѣ по возможности все лучшее, что можетъ предложить русская литература въ области популяризаціи знаній; каталогъ не долженъ быть тенденціозенъ въ какомъ бы то ни было направленіи. Нечего и говорить, конечно, что каталогъ долженъ имѣть въ виду и матеріальныя средства, которыми располагаетъ народная библіотека. Каталогъ, наконецъ, долженъ содержать въ себѣ по возможности книги новѣйшихъ послѣднихъ изданій, не избѣгая, конечно, указывать лучшія книги изъ старейшей литературы. Надо сознаться, однако, что этимъ требованіямъ не удовлетворяетъ ни одинъ изъ каталоговъ, изданныхъ какъ частными обществами грамотности, такъ и, еще въ большей степени, указанный нами каталогъ. Но если въ каталогахъ частныхъ обществъ такіе недостатки совершенно естественны и понятны, то въ каталогѣ, изданномъ по распоряженію Минист. Народнаго Просвѣщенія, они не находятъ себѣ никакихъ удовлетворительныхъ объясненій: составители его стояли совершенно въ другихъ условіяхъ выбора матеріала, который они могли свободно черпать въ предѣлахъ всего существующаго въ русской литературѣ. Министерскій каталогъ носитъ характеръ совершеннаго случайнаго подбора книгъ, преимущественно изъ числа вышедшихъ изъ продажи, устарѣвшихъ въ научномъ отношеніи и въ большинствѣ случаевъ трактующихъ темы узко-спеціального характера, не интересныя и не доступныя даже и для болѣе широко образованной публики. Возрастъ большинства регистрируемыхъ каталогъ книгъ на столько почтененъ, что, по крайней мѣрѣ, половину его книгъ библіотеки не будутъ имѣть возможности прибрѣсти. Изданій текущаго 96 года въ каталогъ пошло всего 12 назв., 95 г.—59, 94 г.—106, 93 г.—132, 92 г.—90. Такимъ образомъ книгъ, насчитывающихъ 5 и менѣе лѣтъ

существованія, всего 399, что составляетъ менѣе 14%, всѣхъ книгъ каталога. Книгъ, изданныхъ отъ 5 до 10 лѣтъ тому назадъ, около 18% (532 назв.). Остальные книги (2001 назв.) всѣ старше 10 лѣтъ. Книгъ, насчитывающихъ 20 и болѣе лѣтъ жизни, 1023, почти 40%! Есть книги въ возрастѣ 30, 40 и даже 50—54 лѣтъ (почти 10% всѣхъ).

Очевидно, что по почтенному возрасту большинства своихъ книгъ этотъ каталогъ представляетъ собою скорѣе всего списокъ антикварныхъ книгъ.

Это предпочтеніе старыхъ книгъ въ «новомъ» каталогѣ доведено до того, что многія книги, получившія одобреніе Министерства въ болѣе новыхъ, часто исправленныхъ, дополненныхъ и удешевленныхъ изданіяхъ, помѣщены въ каталогъ въ прежнихъ, уже вышедшихъ изъ продажи изданіяхъ. *)

Чтобы понять всѣ неудобства пользованія подобнымъ каталогомъ, надо имѣть въ виду, что его указаніями на годъ изданія книги руководствоваться обязательно. Библиотеки не имѣютъ права приобрести одобренную книгу не того года изданія, который указанъ официальнымъ каталогомъ. **) Благодаря этому правилу, тѣ книги, годъ изданія которыхъ показанъ въ каталогѣ прямо ошибочно, приобретены быть не могутъ. Напр., книга Брифа — Собраніе знаменитѣйшихъ путешествій показана въ несуществующемъ изданіи

*) Такъ, напр., книга Румеля—Философская пропедевтика помѣщена въ изданіи 80 г., тогда какъ въ числѣ «одобренныхъ» есть изданіе этой книги 90 г. (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія 90 г., 2), Толычева—Спасо-Бородинскій монастырь (эта книга для чего то помѣщена въ каталогѣ три раза. Книгъ, регистрируемыхъ каталогомъ по нѣскольку разъ, мнѣ попалось на глаза болѣе 40) въ изд. 75 г., тогда какъ есть въ числѣ одобренныхъ изданій 89 г. Жукъ. Мать и дѣтя въ изд. 85 г., а есть «рекомендованное» М. Н. П. изд. 91 г. Ж. М. Н. П. 92, 6), вновь обработанное и дополненное (въ 96 г. вышло новое изданіе). Петръ Великій, брошюра изданія О—ва Распр. Пол. книгъ 71 г.—есть допущенное изд. 92 г. (Ж. М. Н. П. 92, 6). Кудрявцевъ. Арифметика на счетахъ, изд. 89 г.—есть одобренное изд. 92 г. (Ж. М. Н. П. 92, 10). Горбовъ. Русская Исторія 90 г. одобрено и изд. 94 г. Ж. М. Н. П. 94, 4. Ишимова. Русская исторія въ разговорахъ съ дѣтьми помѣщена въ каталогѣ въ изд. 1850 г., тогда какъ та же книга «исправленная» одобрена М. Н. П. въ изданіи 91 г. (Ж. М. Н. П. 91, 2), т. е., спустя 41 годъ и т. д.—Такихъ старыхъ изданій, уже вышедшихъ изъ продажи и повторившихъ въ новыхъ, тоже одобренныхъ изданіяхъ, помѣщено въ каталогѣ множество.

**) Правда, послѣднія распоряженія М. Н. П. смягчаютъ нѣсколько строгость этого правила; но дѣло въ томъ, что это смягченіе обставлено такими условіями, при которыхъ могутъ воспользоваться даваемымъ облегченіемъ только учебныя заведенія. Для нар. б.—къ правилу остается и до сихъ поръ въ полной силѣ и даетъ поводъ къ цѣлому ряду пререканій между формалистомъ-наблюдателемъ надъ библиотекою и ея организаторами. Первый всегда гораздо болѣе склоненъ пересолить въ ограниченіи правъ, чѣмъ недосолить, зная что за недосоль онъ несетъ отвѣтственность, во второмъ же случаѣ никакихъ, ощутительныхъ для него, худыхъ послѣдствій не предвидится.

84 г., тогда какъ эта книга вышла въ свѣтъ еще въ 1857 г. (Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія, 57 г. 5.), или книга Любе—Исторія пластики, показанная въ изданіи 1770 г.—тогда какъ авторъ книги нашъ современникъ.

Въ другихъ случаяхъ такіа указанія на старыя изданія, если не лишаютъ совсѣмъ возможности воспользоваться правами пріобрѣтенія книги, то жестоко наказываютъ народную бібліотеку матеріально, заставляя платить за эти изданія гораздо дороже существующихъ цѣнъ на новыя изданія той же книги. Такъ, собраніе соч. Достоевскаго, впервые одобренное этимъ каталогомъ внесено въ изданіи 83 г. цѣною въ 30 р., тогда какъ новыя изданія стоятъ всего 10 р., или соч. Лермонтова—въ изд. 87 г., цѣною въ 4 р. въ то время, какъ новыя изданія, вышедшія послѣ окончанія срока правъ собственности на нихъ, стоятъ отъ 60 к., и лучшее изъ нихъ, изданіе Маркса, стоитъ всего 1 р. 50 к. *).

Говоря вообще, въ Министерскомъ каталогѣ преобладаютъ, такъ называемыя «народныя» изданія въ брошюрахъ, цѣною ниже гривенника (около 18%) и изданія дорогія, стоимостью отъ 2 до 63 рублей. Послѣднія составляютъ почти 43% всѣхъ книгъ каталога. Такимъ образомъ добрая половина книгъ, допускаемыхъ каталогомъ, по своей высокой цѣнѣ совершенно недоступна народнымъ бібліотекамъ, располагающимъ очень часто годовымъ бюджетомъ на книги въ 10—15 р. «Допущеніе» сочиненія только въ томъ его изданіи, которое было на разсмотрѣніи Ученаго Комитета М. Н. П., мотивируется тѣмъ, что въ послѣдующихъ изданіяхъ сочиненія могутъ оказаться «предосудительныя вставки». Существуетъ, однако, цѣлый рядъ книгъ, къ которымъ примѣнять эту мѣру по такому мотиву нѣтъ никакихъ основаній, и, тѣмъ не менѣе, мѣра эта примѣняется и къ нимъ всецѣло. Такъ, напр., сочиненія отечественныхъ писателей уже умершихъ, произведенія которыхъ печатаются въ видѣ изданій безъ всякихъ измѣненій. Правда, «Опытъ каталога» для среднихъ учебныхъ заведеній, который, повидимому, легъ въ основіе разбираемаго каталога, допускалъ по отношенію къ различнымъ изданіямъ нѣкоторую свободу выбора, но составители каталога для нашихъ бібліотекъ, очевидно, съ намѣреніемъ выпустили всѣ такіа оговорки «Опыта». — Новымъ каталогомъ выпущено, напр., слѣдующее примѣчаніе «Опыта»: «Означая тѣ или другія изданія

*) Интересно, что въ новомъ изданіи «Опыта каталога» среднихъ учебныхъ заведеній вышедшаго одновременно съ каталогомъ для нашихъ бібліотекъ, нашли возможнымъ не помѣщать совершенно года изданія соч. Лермонтова, предоставивъ тѣмъ право пріобрѣтать всѣ изданія, а въ примѣчаніи, съ цѣлью облегчить выборъ, указать на существованіе такого дешеваго изданія сочиненій Лермонтова, какъ изданіе Павликова. Между тѣмъ въ каталогъ для нашихъ бібліотекъ сдѣлано совершенно обратное: изъ примѣчанія къ соч. Пушкина, взятаго изъ «Опыта» въ изд. 89 г., выпустили указаніе на дешевое изд. Павликова.

сочиненій русскихъ авторовъ, Ученый Комитетъ имѣлъ въ виду выбрать изъ имѣющихся въ продажѣ изданій тѣ, которыя болѣе соотвѣтствуютъ требованіямъ ученическихъ библіотекъ, *но указаніями его не исключаются и другія изданія*... Выпущены каталогомъ для народныхъ библіотекъ примѣчанія къ соч. Диккенса, Теккерея, В. Скотта, Лермонтова, Шекспира и Крылова, которыя давали право пріобрѣтать эти книги во всѣхъ изданіяхъ.

Старческий возрастъ большинства книгъ, вошедшихъ въ каталогъ для народныхъ библіотекъ, имѣетъ еще и другую печальную сторону: комитетъ рекомендуетъ такія книги, которыя даютъ совершенно невѣрныя, устарѣвшія въ научномъ отношеніи свѣдѣнія.—Особенно страдаетъ этимъ недостаткомъ отдѣлъ книгъ по естествознанію.

Болѣе трети книгъ, вошедшихъ въ этотъ отдѣлъ, изданы 20—40 лѣтъ назадъ и могутъ имѣть чисто историческое значеніе.

Та же погоня за зрѣлыми книгами, а можетъ быть и небрежность, заставляетъ составителей внести въ отдѣлъ юридическихъ книгъ книжку Фармаковского «О мировомъ судѣ» (изд. 79 г.), Горбунова—«Новый мировой судъ», Овчинникова—«О волостномъ судѣ» (изд. 79 г.).—Всѣ эти книги, послѣ почти полного упраздненія мирового суда и введенія института земскихъ начальниковъ, потеряли, очевидно, всякое значеніе.

Надо сознаться, что и подборъ новыхъ изданій книгъ сдѣланъ такой, что возбуждаетъ большое сомнѣніе въ пригодности большинства книгъ этого каталога для народныхъ библіотекъ.

Отдѣлъ «духовныхъ книгъ», давая такія дорогія и мало пригодныя изданія, какъ Солярскаго—Опытъ библейскаго словаря собственныхъ именъ, цѣною въ 17 р. 50 к., Иеронима—Библейскую археологію въ 3 р. 25 к., Сергія—Полный мѣсяцесловъ Востока въ 6 р. 35 к., Сильвестра—Опытъ догматическаго богословія въ 14 р., Филарета—Обзоръ русской духовной литературы за 62—63 гг. въ 3 р., въ то же время Библию совсѣмъ пропускаетъ, а Евангеліе и Псалтирь—въ дешевыхъ изданіяхъ сѣнода. Выпускаются также каталогомъ книги Фаррара, одобренныя М. Н. П.

Въ отдѣлъ русской исторіи вносятся книги такого узко-спеціального интереса, какъ: Историко-археологическое описаніе Успенско-Дранскаго монастыря, Кваснецкаго—Объ упраздненныхъ приходахъ Холмской епархіи, Кушнерева—Русская военная сила, Надлеръ—Александръ I и идея священнаго союза (10 р.), Открытое письмо ультрамонтана-католика къ редакторамъ журналовъ, Петрушевскій—Суворовъ (10 р.)*), Синдѣвъ—Исторія г. Старо-Оскола, Симеонъ—Исторія Серпухова, Собраніе русскихъ лѣтописей по Лаврентіевскому, Ипатьевскому и Синодальному спискамъ (6 р.), Теодоро-

*) Въ небольшомъ отдѣлѣ Р. Исторіи помѣщено 6 крупныхъ и мелкихъ сочиненій, посвященныхъ біографіи Суворова.

вичъ—Въ память юбилея Виленской епархіи, Успенскій — Какъ возникъ и развивался восточный вопросъ, Царевскій — Саровская пустынь, Юрьевъ—1) Состояніе города Вятки при Екатеринѣ II, 2) Исторія герба г. Вятки, 3) Вятская гимназія въ первые свои восемь лѣтъ, 4) Историческое описаніе Благовѣщенской церкви села Ржа-поломского и т. д., и т. д.

Въ то же время въ этомъ отдѣлѣ мы не находимъ книгъ Костомарова; выпущены даже тѣ двѣ его монографіи, которыя были въ «Опытѣ». Выброшены изъ этого отдѣла бывшіе тамъ ранѣе сочиненія Ткачева, Минье, Гейсера и Маколеев. Изъ отдѣла Географіи выпущены всѣ сочиненія Реклю, Ренана, всѣ указанія на дешевыя изданія Павленкова и т. п.

Въ большинствѣ, однако, случаевъ, трудно найти какую нибудь причину пропуска книгъ, фигурировавшихъ въ прежнихъ каталогахъ. Выкинуть, напр., весь отдѣлъ математики. Остались представителями этой науки въ каталогѣ только книга Люкаса—Математическія развлеченія и Обренимова—Тройная головоломка и Математическіе софизмы! Отдѣлъ минералогіи тоже упраздненъ, такъ какъ выкинуты единственныя книги этого отдѣла—прекрасные учебники Герда и книга Котта.

Въ отдѣлѣ словарей помѣщенъ не существующій въ продажѣ энциклопедическій словарь Березина въ 50 р., тогда какъ теперь есть прекрасный словарь Граната, стоящій значительно дешевле березинскаго.

Составители, выпуская рядъ книгъ прежнихъ списковъ, почему то не пожелали включить въ свой каталогъ даже тѣхъ книгъ, которыя Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. специально одобрены для народныхъ чтеній *).

Единственный отдѣлъ каталога, который нашли возможнымъ по полнить книгами, которыхъ не было въ прежнихъ спискахъ—это отдѣлъ беллетристики. Но и это дополненіе сдѣлано очень своеобразно. Тутъ есть сочиненія Богдановича, Бенедиктова, Гребенки, Ѳ. Глинки, Давыдова, Дружинина, Екатерины II, Кострова, Аблесимова, Муравьева, Митяева въ изданіяхъ 40, 50 и 60-хъ годовъ. Попали сюда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже и недурныя вещи, какъ напр., нѣсколько романовъ Дюма, Коллина, Крашевскаго, Эліотъ, даже Додэ и Бретъ-Гартъ, но въ такихъ архаическихъ изданіяхъ, что ихъ и не достанешь на книжномъ рынкѣ. Изъ современныхъ писателей этотъ отдѣлъ пополненъ произведеніями Всева, Крестовскаго (не псевдонима, конечно), Ключникова, Карновича, Маркевича, Каразина, Печерскаго, Достоевскаго и нѣкоторыхъ другихъ.

*) Напр.: Максимовъ—Голодовка и зимовка на Новой Землѣ, Красновъ—Какъ живутъ китайцы, Вольте—Открытіе Н. свѣта. Изданія Калмыковой: 1) Живые мертвецы, 2) Труженики-просвѣтители, 3) Въ турецкой неволѣ. Павловъ—Русская исторія. Миллеръ—Заселеніе Новороссійскаго края и др.

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ, кажется, ясно до какой степени министерскій каталогъ страдаетъ случайностью подбора книгъ. При такомъ составѣ каталога не можетъ быть и рѣчи, конечно, о томъ, что каждый отдѣлъ науки въ каталогѣ обнять возможно полно, какъ произведеніями, рассчитанными на элементарныя требованія мало подготовленнаго читателя, такъ и сочиненіями болѣе серьезнаго научнаго характера.

Своимъ разборомъ я не указываю и малой доли тѣхъ недостатковъ этого изданія, которые всѣ въ совокупности и каждое отдѣльно дѣлають его совершенно непригоднымъ для народныхъ библіотекъ, какъ со стороны полноты всего допущеннаго въ нихъ, такъ и, тѣмъ болѣе, выбора того, что изъ допущеннаго вошло въ этотъ списокъ.

Но, можетъ быть, изданіемъ каталога имѣлось въ виду только *дополнить* прежніе каталоги нѣкоторыми произведеніями «словесности» и другихъ отдѣловъ старыхъ списковъ.

Но если это такъ, то является совершенно непонятнымъ, зачѣмъ внесено въ каталогъ все остальное старье, которое могло бы безъ ущерба для библіотекъ покониться въ прежнихъ каталогахъ и не топить въ себѣ того небольшого новаго, что внесено въ этотъ каталогъ.

Это старье изъ прежнихъ каталоговъ только дало поводъ къ одному очень печальному недоразумѣнію, возбужденному выходомъ въ свѣтъ каталога для народныхъ библіотекъ. Недоразумѣніе это родилось въ виду того, что § 4 «Правилъ о бесплатныхъ народныхъ читальняхъ» обуславливаетъ право выбора книгъ для народныхъ библіотекъ предѣлами, перечисляемыми въ параграфѣ официальныхъ каталоговъ, только до времени выхода въ свѣтъ спеціального каталога для народныхъ библіотекъ, за каковой и принимается многими вышедшій каталогъ. Очевидно, что такой взглядъ на назначеніе новаго каталога, при указанныхъ недостаткахъ его, способенъ породить рядъ самыхъ нежелательныхъ недоразумѣній между мѣстной администраціей, склонной толковать всякое недоразумѣніе въ ограничительномъ смыслѣ, и организаторами библіотекъ. Сохраненіе каталога даетъ достаточно причинъ опасаться за участь народныхъ библіотекъ въ томъ случаѣ, если администрація будетъ смотрѣть на этотъ каталогъ, какъ на списокъ книгъ, ограничивающій прежнее, болѣе широкое право выбора.

Однако, есть цѣлый рядъ косвенныхъ указаній, которыя совершенно ясно говорятъ, что новый каталогъ не можетъ отмѣнять прежнее право выбора, и на него надо смотрѣть только какъ на *дополненіе* и расширеніе, хотя и очень небольшое, ранѣе существовавшихъ каталоговъ.

Правильность такого взгляда на каталогъ подтверждается, между прочимъ, многочисленными пропусками въ каталогѣ книгъ изъ числа допущенныхъ въ низшія училища: книги эти очевидно, не могутъ

быть не допущены въ народныя библіотеки. Наконецъ, такое толкованіе назначенія каталога исключало бы изъ народныхъ библіотекъ и тѣ книги, которыя прямо уже допущены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ народныя читальни ранѣе выхода каталога, хотя онѣ въ него почему-то и не попали. Мало того, ограниченіе новымъ каталогомъ прежнихъ правъ выбора изъясло бы изъ обращенія въ народныхъ библіотекахъ рядъ официальныхъ изданій Департамента Земледѣлія и другихъ вѣдомствъ.

Въ § 4 Правиль о читальняхъ говорится о каталогѣ, который имѣеть быть составленъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ. Вышедшій каталогъ не носитъ никакихъ видимыхъ признаковъ, по которымъ можно было бы убѣдиться, что онъ является плодомъ труда этихъ двухъ вѣдомствъ: нѣкоторая официальность происхожденія каталога только и можетъ быть усмотрѣна въ надписи на немъ: «изданъ по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія». Изданный каталогъ не сопровождался никакимъ циркуляромъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, выясняющимъ его значеніе, и о выходѣ его и обязательности только имъ и руководиться не было опубликовано ни въ «Журналѣ М. Н. П.», ни въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Что послѣднее является не упущеніемъ со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія, ясно изъ того, что одновременно съ каталогомъ вышедшій списокъ допускаемыхъ въ народныхъ читальняхъ поврежденныхъ изданій былъ опубликованъ въ «Правит. Вѣстн.» для руководства, и въ то время, какъ каталогъ не сопровождался никакимъ объясненіемъ, на списокъ поврежденныхъ изданій значится: «Согласно п. ж. § 4 Правиль о бесплатныхъ народныхъ читальняхъ утвержденъ... *сзаны* списка, утвержденнаго 6 мая 189 2г.»

Не смотря, однако, на всѣ эти соображенія, существуетъ другой взглядъ на изданный каталогъ; послѣдній будто бы лишаетъ народныя библіотеки права выбирать книги изъ числа всѣхъ ранѣе допущенныхъ изданій. Насколько такое толкованіе цѣли изданія каталога распространено, особенно въ провинціи, можно видѣть хотя бы потому факту, что мнѣ лично за одинъ сентябрь мѣсяцъ пришлось списываться по этому поводу съ четырьмя учрежденіями, которымъ я весною составлялъ, руководясь прежними допущеніями, примѣрные списки книгъ для открываемыхъ народныхъ библіотекъ. Всѣ четыре учрежденія обращались ко мнѣ съ просьбою измѣнить составленные списки согласно вышедшему каталогу, такъ какъ мѣстная администрація исключила изъ нихъ всѣ книги, не вошедшія въ послѣдній, какъ не разрѣшенныя будто бы къ обращенію въ читальняхъ.

Списокъ періодическихъ изданій, вышедшій одновременно съ каталогомъ, перечисляетъ 88 журналовъ и газетъ, разрѣшаемыхъ къ обращенію въ народныхъ библіотекахъ. Прежній списокъ допускалъ въ народной библіотекѣ 70 изданій. Въ новый списокъ

внесено 20 новыхъ изданій и исключены изъ прежнихъ—2 газеты (Биржевыя Вѣдомости и Гражданинъ). Пополненъ списокъ, между прочимъ, слѣдующими изданіями: Вѣстники: винодѣлія, трезвости, птицеводства, садоводства и хмѣлеводства. Журналы: Живая Старина, Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, Наша Пища, Слѣпецъ, Общ. спасенія на водахъ, Пожарное дѣло, Русскій Охотникъ и нѣкоторыми другими. Въ общемъ, списокъ содержитъ въ себѣ различныхъ спеціальныхъ органовъ печати 56 названій, духовнаго содержанія и такъ называемыхъ «патріотическихъ» по 7, иллюстрированныхъ еженедѣльниковъ—8 и журналовъ и газетъ общаго и литературнаго содержанія—10 названій.

Изъ этихъ данныхъ не трудно усмотрѣть руководящую идею, положенную въ основаніе при выборѣ изданій. Наиболѣ полезнымъ чтеніемъ для народа признана литература по прикладнымъ, практическимъ знаніямъ (63,6% всѣхъ допущенныхъ изданій). Чтеніе такого рода литературнаго матеріала признается за столько полезнымъ, что въ списокъ вносятся органы, посвященные даже такимъ спеціальностямъ, какъ коннозаводство, винодѣліе (есть и трезвости), ветеринарія, счетоводство, медицина, охота, рыболовство. Даже журналъ «Слѣпецъ» находитъ себѣ мѣсто въ списокѣ рекомендуемыхъ органовъ прессы. Труды различныхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ тоже вошли въ списокъ, какъ напр. И. В. Экономическаго, Географическаго, Техническаго, И. О-ва исторіи и древностей, Краснаго Креста, Покровительства животныхъ и проч.

Изъ всей провинціальной прессы въ списокъ не попало ни одного органа общаго характера, если не считать официальной газеты «Варшавскій Дневникъ». Впрочемъ, и спеціальныхъ вошло всего три: два кіевскихъ изданія и одно варшавское. Изъ имѣющихся у меня подъ рукою данныхъ видно, что въ 1891 г. выходило въ Россіи всего 227 журналовъ и 296 газетъ—всего 523 періодическихъ изданія. Такимъ образомъ, допущенныя въ народныя бібліотеки изданія составляютъ (если принять 523 ном. и для 96 г.) около 17%. Въ числѣ этихъ органовъ провинціальныхъ было 249—изъ которыхъ 245 не числятся въ числѣ допущенныхъ...

В. Девель.

Хроника внутренней жизни.

Нѣсколько итоговъ Нижегородской выставки.

9700 промышленниковъ, торговцевъ, частныхъ компаній, общественныхъ и правительственныхъ заведеній или учрежденій доставили въ Нижний Новгородъ образцы производимыхъ ими продуктовъ промышленности или искусства, модели, изображенія, систематическія коллекціи, чертежи, планы, книги и карты, обрисовывающія положеніе разныхъ сторонъ частнаго и общественнаго хозяйства, промышленности, культуры,—въ тѣхъ рамкахъ, въ какихъ эти стороны захватываются каждымъ даннымъ предпріятіемъ или учрежденіемъ. Для помѣщенія всѣхъ этихъ предметовъ, распределенныхъ по роду и характеру своему на 20 большихъ отдѣловъ, а внутри этихъ отдѣловъ на 223 группы и 690 классовъ—выстроенъ былъ на пустырь близъ Нижняго Новгорода цѣлый временный городокъ, составленный изъ нѣсколькихъ десятковъ грандіозныхъ и изящныхъ построекъ, перемежающихся съ красивыми газонами, цвѣтниками и площадками, съ бассейнами, фонтанами, колоннами и т. п. декораціями. Кругомъ всего этого городка, внутри его проложена была электрическая желѣзная дорога, по которой цѣлый день ежeminутно бѣгали миниатюрные вагоны, поддерживавшіе сообщеніе между всѣми частями занятой городкомъ территоріи (около 77 десятинъ). Извѣтъ къ нему примыкалъ рядъ временно же сооруженныхъ зданій, которыхъ нельзя было назвать ни грандіозными, ни красивыми. Эти деревянныя сараеподобныя сооруженія предназначались для помѣщенія тѣхъ людей, которые должны были, по предположенію, съѣхаться въ Нижний со всѣхъ концовъ свѣта для обозрѣнія свезенныхъ туда предметовъ.

Всѣ эти устройства стоили государству, — по инициативѣ котораго было предпринято дѣло, — около 9 милл. рублей (8.800,000). Во много разъ большія суммы, — учета которыхъ не сдѣлано, да едва ли и можетъ быть сдѣлано—затрачены были частными лицами, участвовавшими въ предпріятіи.

Временный городокъ съ размѣщеннымъ въ немъ товаромъ и коллекціями существовалъ 4 мѣсяца и 4 дня: съ 28 мая по 1 октября настоящаго года. За это время его ежедневно посѣщало по нѣскольку тысячъ человекъ. Всѣхъ посѣщеній за всѣ 4 мѣсяца и 4 дня насчитано было около милліона (991,000), слѣдовательно, на каждое такое посѣщеніе падало около 9 р. предварительныхъ казенныхъ затратъ.

1-го октября городокъ былъ закрытъ для посѣтителей. Собранные

тамъ предметы развезены обратно, зданія частью разобраны и увезены, частью подлежатъ сломѣ, декораціи разрушены, и чрезъ нѣсколько времени на мѣстѣ, гдѣ стоялъ фантастическій городокъ, будетъ по всей вѣроятности такой же пустырь, какой былъ тамъ и прежде.

Очень многіе выдвигаютъ на первый планъ въ сужденіяхъ о большихъ національныхъ выставкахъ ихъ *дидактическое* значеніе. Выставка разсматривается при этомъ, какъ очень большое по размѣрамъ наглядное пособие по отчизновѣдѣнію съ одной стороны,—практической технологіи и товаровѣдѣнію — съ другой. Отсюда возникаютъ и соответственные требованія по отношенію къ ея составу и организаціи. Выставка, какъ мы упоминали, стоитъ для одной казны около 9 милл. рублей. За эти деньги доставлена была возможность толпѣ въ нѣсколько сотъ тысячъ людей,—въ доброй своей части составленной изъ праздныхъ туристовъ и фланеровъ,—бѣгло оглядѣть огромную массу самыхъ разнородныхъ экспонатовъ, размѣщенныхъ на очень большомъ пространствѣ, одинъ обходъ котораго требовалъ уже затраты довольно значительнаго времени. Едва ли тутъ могла быть и рѣчь о какомъ нибудь «изученіи» въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Для большой публики оно было недоступно; для специалистовъ выставка была въ состояніи дать очень мало такого, чего они не могли бы получить другимъ, болѣе прямымъ путемъ; притомъ же эти специалисты составляли едва замѣтную долю въ общей массѣ посѣтителей и обозрѣвателей выставки.

Но, хотя на всѣхъ большихъ выставкахъ дидактической элементъ несомнѣнно присутствуетъ,—нигдѣ, однако, онъ не является рѣшающимъ въ организаціи выставки. То же слѣдуетъ сказать и по отношенію къ выставкѣ нижегородской. И здѣсь, несомнѣнно, преслѣдовались извѣстныя учебныя цѣли—доказательствомъ этого служитъ уже стараніе привлечь на выставку народныхъ учителей, учащихся и рабочихъ. Но, конечно, никто не скажетъ, чтобы выставка построена была съ тѣмъ, чтобы дать извѣстнымъ группамъ населенія возможность научиться тому или другому. Гораздо меньшій по размѣрамъ и по стоимости національный музей могъ бы выполнять соответственные задачи во много разъ лучше, чѣмъ выставка, и притомъ дѣйствовалъ бы онъ постоянно, а не только въ теченіе краткаго промежутка четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Выставка, какъ коллективное цѣлое, не можетъ преслѣдовать цѣлей, качественно отличныхъ отъ тѣхъ, какія преслѣдуются въ каждой изъ ея составныхъ частей. А экспонирующіе промышленники, конечно, очень мало думаютъ о томъ, чтобы помочь публикѣ что либо изучить, и еще менѣе о томъ, чтобы облегчить своимъ конкурентамъ возможность перенять что нибудь изъ своего производства. Главнымъ побудительнымъ мотивомъ каждого изъ выставочныхъ экспонентовъ является *реклама* своихъ произведеній.

Однородный характеръ должны носить и тѣ побужденія, ради

которыхъ всё эти отдѣльные экспонаты собираются въ одно большое цѣлое. Если отдѣльные промышленники задаются цѣлью рекламировать путемъ выставки свое производство, то общая сумма этихъ наглядныхъ рекламъ, умѣло и цѣлессобразно собранныхъ, можетъ создать довольно краснорѣчивую манифестацію промышленной силы и промышленныхъ успѣховъ всей страны.

Подобно тому, какъ устраиваются демонстраціи военного могущества государства, — демонстрація, выполняемая путемъ большихъ маневровъ, смотровъ, передвиженій большихъ массъ войска и флота — также точно могутъ имѣть мѣсто и демонстраціи мирныя, демонстраціи могущества національнаго труда, національной промышленности, искусства, культуры. Такими демонстраціями и являются національныя выставки.

Всякая демонстрація имѣетъ цѣлю произвести извѣстное *впечатленіе*, или — говоря моднымъ словомъ — сдѣлать извѣстное *внушеніе*. Отсюда погоня за внѣшностью, за всѣмъ тѣмъ, что можетъ бить на чувство — массою, красивою внѣшностью, блескомъ, — и что со всѣмъ излишне въ цѣляхъ *изученія* даннаго предмета. Отсюда же и стремленіе привлечь на выставку возможно большее количество посѣтителей. Путь воздѣйствія непосредственнымъ, живымъ впечатлѣніемъ есть путь, рассчитанный, главнымъ образомъ, на массы, на толпу. Конечно, полученное впечатлѣніе передается и далѣе и разливается въ болѣе широкихъ кругахъ, не ограничиваясь однимъ контингентомъ выставочныхъ посѣтителей. Но, чѣмъ далѣе отъ непосредственнаго источника, тѣмъ слабѣе и менѣе эффективно оно должно становиться. Слышать или читать отчетъ или рассказъ о видѣнномъ — это далеко не то, что видѣть собственными глазами.

Само собою разумѣется, что государство ни въ какомъ изъ своихъ предпріятій не можетъ преслѣдовать цѣли рекламы (мы употребляемъ здѣсь этотъ терминъ въ самомъ общемъ и широкомъ значеніи этого слова) съ такою же исключительностью, какъ частные предприниматели, руководимые не общими, а частно-хозяйственными интересами. На національныхъ выставкахъ, рядомъ съ выдвигаемыми впередъ казовыми концами, не могутъ затухиваться и тѣневныя стороны тѣхъ или иныхъ явленій. Демонстрироваться должна дѣйствительная картина промышленнаго развитія и культуры страны, а не фантастическія иллюзіи. Съ другой стороны, каждая большая выставка должна давать и всегда даетъ кое-что и тому (въ общемъ правилѣ небольшому) меньшинству ея посѣтителей, которое ищетъ матеріаловъ для болѣе внимательнаго и подробнаго ознакомленія съ тою или иною группою захватываемыхъ выставкою явленій. Но не для этого меньшинства выставки строятся. Главнымъ образомъ, онѣ рассчитаны всегда на широкое массовое воздѣйствіе, на тѣ большіе круги, для которыхъ наиболѣе пригоднымъ орудіемъ пропаганды является непосредственное, живое впечатлѣніе. Точно также, при организаціи выставокъ никогда не задаются цѣлю что либо *выяс-*

нить. Выставка только подчеркивает то, что уже предполагается известнымъ, и придаетъ тому, что имѣется въ виду доказать, такіа формы, которыя доступны для воспріятія большою толпою и не требуютъ затраты труда и времени, необходимыхъ для внимательнаго и серьезнаго изученія.

Прилагая эти общія соображенія къ только что закончившейся «всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ», мы должны замѣтить, что уже въ виду приведенныхъ выше общихъ цифръ, ее никакъ нельзя назвать *во всякъ отношеніяхъ* удавшеюся. Экстенсивность, широта ея воздѣйствія оказывается болѣе чѣмъ сомнительною. Менѣе милліона посѣтителей въ теченіе всѣхъ четырехъ мѣсяцевъ выставки — это, конечно, слишкомъ скромная цифра для предпріятія, главный смыслъ котораго заключается въ непосредственномъ впечатлѣніи на большія массы. Не говоря уже о выставкѣ Чикагской — гдѣ число посѣтителей *въ одинъ день* нерѣдко превышало милліонъ — всѣ происходившія одновременно съ нашей европейскія выставки были гораздо многочислѣе ея. Національная выставка въ Буда-Пештѣ привлекла около 4 милл. посѣтителей; берлинская выставка насчитывала болѣе 3 милл. посѣщеній, женеvская — около 2 милл.

Несомнѣнно, что главною причиною относительнаго малолюдства на всероссійской выставкѣ 1896 г. являлось мѣсто для нея выбранное. Каковы бы ни были тѣ соображенія, которыя обусловили выборъ именно Нижняго Новгорода, во всякомъ случаѣ на эффектности выставки этотъ выборъ не могъ отразиться благоприятно. Представьте себѣ, что, желая широко оповѣстить какое нибудь ваше предпріятіе, вы избираете для рекламированія его провинціальную газету, хотя и очень почтенную, но имѣющую небольшую кругъ подписчиковъ и трудно доступную для розничной покупки. Если отъ этого что нибудь и кто нибудь выиграетъ, то уже, конечно, не успѣшность вашей рекламы...

Выборъ мѣста повліялъ и на финансовыя итоги выставки. По оффиціальнымъ вычисленіямъ сумма прибавочныхъ расходовъ, вызванныхъ организаціею выставки въ провинціальномъ городѣ, должна составлять не менѣе 3 милл. руб. Съ другой стороны, меньшій притокъ посѣтителей долженъ былъ уменьшить и выручку отъ входной платы на выставку. Въ концѣ концовъ, наша выставка явилась крупнымъ расходомъ для государственнаго казначейства, — тогда какъ, напр., выставка чикагская была коммерческимъ предпріятіемъ, давшимъ солидный барышъ.

Теперь, когда выставка уже закончена, никто не споритъ, что ея малолюдность не могла отразиться иначе, какъ неблагоприятно на общихъ ея результатахъ.

Читатель, конечно, не потребуетъ отъ насъ обстоятельнаго обзора всѣхъ 223 группъ и 690 классовъ выставочныхъ экс-

понатовъ. Мы можемъ только очень крупными чертами охарактеризовать главнѣйшія стороны выставки.

Ядро выставки составляли тѣ ея отдѣлы, которые были посвящены *крупной промышленности*: горной, фабричной, заводской и крупнымъ транспортнымъ предпріятіямъ. Эти отдѣлы наполняли собою большую часть выставочныхъ зданій; они по преимуществу поражали и своею грандіозностью, и количествомъ, и качествомъ выставленныхъ экспонатовъ. Дѣйствительствъ промышленнаго прогресса и роста всего болѣе можно было искать именно здѣсь. И несомнѣнно, выставка крупно-промышленныхъ предпріятій давала не мало указаній въ этомъ смыслѣ.

Особенно полно и богато былъ обставленъ горный отдѣлъ. Въ выставкѣ приняла участіе большая часть всѣхъ крупныхъ горныхъ заводовъ. Въ витринахъ этихъ заводовъ или отдѣльныхъ павильонахъ, ими построенныхъ, фигурировали въ разнообразныхъ формахъ громадныя массы чугуна, желѣза, стали. Донецкій каменноугольный районъ представленъ былъ въ особомъ оригинальномъ павильонѣ, изображавшемъ собою рудникъ, въ которомъ показаны были способы производства работъ, выставлены инструменты и проч. Павильонъ Нобеля, экспонирующій нефть и нефтяные продукты, вмѣщалъ въ себѣ большую панораму чернаго городка близъ Баку и бакинскихъ нефтяныхъ промысловъ. Въ цѣломъ экспонаты горнаго отдѣла давали очень полную и импонирующую картину горныхъ богатствъ страны. Многочисленныя таблицы и діаграммы помогали посетителю выставки ориентироваться среди этихъ экспонатовъ и составить себѣ общее представленіе о размѣрахъ и движеніи горной промышленности. Всѣхъ экспонентовъ по этому отдѣлу на нижегородской выставкѣ было 277, на послѣдней московской выставкѣ 1882 года—91, т. е. втрое менѣе. Это расширеніе размѣровъ выставки вполне отвѣчаетъ и расширенію самого горнозаводскаго дѣла за это время. Извѣстно, что ни одна отрасль нашей промышленности не обнаруживала за послѣдніе годы такого быстрого и непрерывнаго роста, какъ горное дѣло и металлургія.

Показателями этого роста могутъ служить слѣдующія цифры, относящіяся къ тремъ основнымъ продуктамъ горной промышленности: чугуну, каменному углю и нефти.

Въ 1880 г. на всѣхъ русскихъ заводахъ выплавлено было чугуна 28,4 милл. пудовъ; въ 1893 году это количество повышается до 70,1 милл. пуд.; приблизительное исчисленіе для 1895 г. дастъ уже цифру въ 88,8 милл. пуд., болѣе чѣмъ въ *три раза* превышающую добычу 1880 года.

Такъ же быстро идетъ и возрастаніе добычи каменнаго угля. Въ 1880 г. она выражалась цифрою 200,8 м. пуд.; въ 1893 году

каменного угля получено уже 464,8 м. п., а въ 1894—528,5 м. т. е. въ пятнадцать лѣтъ производство выросло *болѣе чѣмъ въ 2 1/4 раза.*

Но самый быстрый количественный прогрессъ обнаруживаетъ промышленность нефтяная. Общее количество добытой въ Россіи (почти исключительно въ окрестностяхъ Баку) сырой нефти въ пятилѣтіе 1880—84 г. составляло въ среднемъ 52,3 м. п. въ годъ, въ слѣдующее пятилѣтіе уже 160 милл. п., и въ пятилѣтіе 1890—94 г.—301 милл., т. е. почти *въ 6 разъ больше, чѣмъ въ первое пятилѣтіе.*

Россія не только освѣщается собственнымъ керосиномъ, но уже давно онъ является крупною статью вывоза. Въ среднемъ за 3 года, 1892—94, ежегодно выдѣлывалось керосина 73 милл. пуд., изъ нихъ внутри страны потреблялось 29 м. п. и 44 милл. шло на вывозъ.

Успѣхи горнозаводской промышленности за послѣднее время не ограничиваются тремя названными ея отраслями. Разработка *марганца* началась послѣ московской выставки 1882 г. Теперь она достигаетъ уже 15 милл. пуд.; міровая добыча марганца не превышаетъ 29 милл. пуд., такимъ образомъ на Россію падаетъ болѣе половины этой добычи. Марганецъ является уже крупнымъ экспортнымъ продуктомъ (ежегодный вывозъ на 3 м. р.) и употребляется при выдѣлкѣ желѣза и стали. *Ртуть* на московской выставкѣ тоже не было; она стала добываться только съ 1887 (на единственномъ заводѣ въ Россіи Ауэрбаха и К^о, въ Екатеринославской губ.). Въ 1893 г. ея получено было 12270 п. пудовъ; размѣры міровой добычи ртути опредѣлялись въ этомъ году въ 231.800 пуд.

Изъ крупныхъ отраслей горнаго дѣла въ неподвижномъ состояніи находится добыча *золота*, регрессируютъ—свинецъ и серебро, не занимающіе, впрочемъ, сколько нибудь замѣтнаго мѣста въ нашемъ горномъ производствѣ.

Горная промышленность представляетъ собою *наиболѣе растущую* за послѣднее время отрасль нашей капиталистической индустріи. Самымъ крупнымъ и обширнымъ отдѣломъ этой индустріи *по размѣрамъ уже достигнутымъ* является несомнѣнно *обработка волокнистыхъ веществъ* (промышленность текстильная). На нее приходится около 1/2 общей цѣнности производства всѣхъ фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ (кромѣ мелкихъ и кустарныхъ заведеній), исчисляемой, по даннымъ официальной статистики, приблизительно суммою около 2 миллиардовъ рублей.

На первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь *хлопчатобумажная промышленность*, затѣмъ слѣдуетъ *шерсть, ленъ и пенька, шелкъ*. Годовой оборотъ всѣхъ текстильныхъ фабрикъ слѣдуетъ считать свыше 600 милл. рублей. Занято на нихъ до 425 тыс. рабочихъ (это официальная цифра, вѣроятно, нисшая противъ дѣйствительной).

Мануфактура (какъ называютъ обычно, хотя и не совсѣмъ точно

текстильное производство) представлена была на выставкѣ не менѣе полно, чѣмъ горное дѣло. Въ особенности это нужно сказать о хлопчатобумажной группѣ. Наши коттонъ-лорды явились въ полномъ составѣ на выставку и соперничали другъ передъ другомъ въ великолѣпіи выставленныхъ экспонатовъ—и выставочныхъ витринъ.

Всѣхъ экспонентовъ въ хлопчатобумажной промышленности насчитывалось на выставкѣ 89. Всѣ они вмѣстѣ (за исключеніемъ двухъ фирмъ, относительно которыхъ каталоги выставки не даютъ надлежащихъ свѣдѣній) представляли общую сумму годового производства въ 303 милл. рублей. Значить, на выставкѣ представлена была наибольшая часть хлопчатобумажной промышленности.

Изъ приведеннаго выше общаго итога (303 милл. рубл.), 13 милліоновъ приходилось на долю 31 фирмы съ оборотомъ менѣе чѣмъ на милліонъ рублей въ годъ каждая. Остальные 290 милл. рубл. опредѣляли стоимость выработки 56 фирмъ съ *милліонными оборотами*; среди этихъ фирмъ мы находимъ 32 фирмы, производящія въ годъ на сумму отъ 1 до 5 милл. каждая или *82,5 милл. рублей* вмѣстѣ, 15—съ оборотами отъ 5 до 10 милл. рубл. въ годъ (всего на *100,8 м. р.*) и наконецъ 9 фирмъ, изъ которыхъ каждая производить въ годъ товаровъ на 10—17 милл. рубл., а всѣ вмѣстѣ на *106,7 милл. рубл.*

Вообще, ни въ одномъ отдѣлѣ выставки не было сосредоточено столько милліонныхъ предпріятій, какъ въ отдѣлѣ мануфактурномъ. Къ 56 хлопчатобумажнымъ фирмамъ нужно прибавить еще 40 шерстяныхъ, 13 льнопрядильныхъ и 2 шелковыхъ. Въ общемъ итогѣ въ мануфактурномъ отдѣлѣ блистало 111 экспонентовъ-милліонеровъ—изображавшихъ собою сумму годового производства въ 407 милл. рублей.

Эти цифры характеризуютъ опредѣленно данную отрасль промышленности, какъ крупную по преимуществу. Всего явственнѣе такой характеръ выражается въ производствѣ хлопчатобумажномъ.

Хлопчатобумажное дѣло существуетъ въ Россіи уже очень давно. Еще въ XVIII в. выдѣлка простыхъ хлопчатобумажныхъ тканей изъ выписной пряжи, получавшейся изъ Англіи, была сильно распространена въ Московской и Владимірской губерніяхъ. Въ началѣ текущаго столѣтія начали возникать одна за другой и прядильныя фабрики, но быстрый ихъ ростъ можетъ быть отмѣченъ только начиная съ 1842 года, послѣ того какъ отмѣнено было въ Англіи запрещеніе вывозить прядильныя машины. Какъ далеко двинулся ростъ бумаго-прядильнаго дѣла съ тѣхъ поръ, можно судить по слѣдующимъ итоговымъ даннымъ: въ 1843 году въ Россіи насчитывалось всего 350 тыс. веретенъ, и годовая выработка одного веретена равнялась 1 пуду пряжи, черезъ 50 лѣтъ число веретенъ дошло уже до 5 милліоновъ, и средняя выработка каждого повысилась слишкомъ вдвое.

Въ настоящее время на всѣхъ русскихъ бумажныхъ фабрикахъ обрабатывается около 12½ милл. пудовъ хлопка; изъ него готовится 10½ милл. пудовъ разныхъ тканей, общою стоимостью отъ 350 до 400 милл. рублей. Мировое потребление хлопка въ 1893—1894 г. опредѣлялось въ 129 милл. пудовъ въ годъ; изъ этого числа приходилось на Англію 45,1 милл., на континентъ Европы (включая и Россію) 52,8 милл. и на Америку 31,1 милл. Такимъ образомъ русское производство (12,5 милл. пуд.) составляетъ 9,7% мирового, 26,6% производства Англіи и 40,3% американскаго производства.

Хлопчато-бумажная промышленность въ Россіи издавна ограждена отъ иностранной конкуренціи высокими ввозными пошлинами на иностранные товары. Благодаря этому и при быстромъ ростѣ производства, промышленность эта успѣла уже овладѣть внутреннимъ рынкомъ, который насыщается почти исключительно бумажными продуктами отечественнаго изготовленія; ввозъ бумажныхъ тканей очень невеликъ и притомъ сокращается изъ года въ годъ, наоборотъ вывозъ постепенно растетъ *), хотя и не достигаетъ еще особо крупныхъ размѣровъ. Направляется онъ главнымъ образомъ на восточные рынки—въ Персію, Турцію, Китай. Особенно оживленная борьба идетъ въ послѣднее время за овладѣніе персидскимъ рынкомъ.

Движеніе въ хлопчато-бумажной промышленности за послѣдній періодъ, отмѣчаемое отчасти и выставкой, имѣло мѣсто и по отношенію къ количественной, и по отношенію къ качественной сторонѣ производства. По данной оффиціальной статистикѣ, годовая производительность всѣхъ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ составлена въ среднемъ за пятилѣтіе 1883—86 г. 266 м. р., за пятилѣтіе 1887—92 она поднялась до 375 м. р.

Что касается качественной стороны дѣла, то, хотя, конечно, по казовымъ экспонатамъ, изготовленнымъ для выставки, трудно судить о достоинствахъ массы ходового товара—есть, однако, и нѣкоторыя объективныя указанія на усовершенствованіе техники производства. Такъ, до послѣднихъ лѣтъ наши прядильни изготовляли исключительно пряжу низкихъ и среднихъ номеровъ; теперь распространяется уже и производство высокихъ сортовъ пряжи; явились и фабрики (экспонирующія на выставкѣ), которыя работаютъ только высокіе номера пряжи и швейныя нитки, раньше у насъ не производившіяся. Наконецъ, говоря о хлопчатобумажномъ дѣлѣ, нельзя не отмѣтить также и роста русскаго *хлопководства*. Въ особенности расширились за послѣдніе годы хлопчато-

*) За 5 лѣтъ съ 1881 по 1886 г. вывозилось въ среднемъ бумажныхъ нитѣй на 2,1 м. р. въ годъ, въ слѣдующее пятилѣтіе это количество возросло до 5,2 м. р., за четырехлѣтіе 1891—94 цѣнность годового вывоза опредѣлялась уже въ 7,8 м. р.

бумажныя плантаціи въ Туркестанѣ. Въ настоящее время хлопокъ мѣстнаго русскаго производства составляетъ уже около $\frac{1}{4}$ всего перерабатываемаго нашими бумагопрядильными сырьемъ.

Мы не задаемся цѣлью дать обзоръ нашей крупной промышленности, поэтому ограничимся въ дополненіе къ оказанному только двумя-тремя типическими примѣрами изъ остальныхъ областей крупнаго производства.

Такіе примѣры въ изобиліи можетъ дать огромный отдѣлъ фабрично-заводскихъ производствъ, совмѣщавшій въ себѣ массу экспонатовъ по самымъ разнообразнымъ развѣтвленіямъ нашей промышленности. Мы находимъ здѣсь и указанія на совершенно новыя отрасли производства, возникшія и разившіяся за послѣднее время, и любопытныя данныя для характеристики процессовъ, происходящихъ въ старыхъ уже отдѣлахъ промышленности, пользующихся и не пользующихся таможеннымъ покровительствомъ.

Изъ числа производствъ новѣйшаго происхожденія особенное вниманіе обращаютъ на себя нѣкоторые отдѣлы *химической промышленности*, главнымъ образомъ производство двухъ основныхъ химическихъ продуктовъ—*сода* и *серной кислоты*, насчитывающее лишь нѣсколько лѣтъ существованія и тѣмъ не менѣе разившееся уже настолько, что почти покрываетъ собою спросъ на эти продукты, имѣющіе весьма важное значеніе для многихъ фабрично-заводскихъ процессовъ. Признаки крупнаго и быстрого роста носить на себѣ и вся группа химическихъ производствъ въ цѣломъ (въ частности особенно сильно растетъ производство спичекъ, поднявшееся съ 1888 по 1894 г. съ 59 до 157 милліардовъ штукъ), точно такъ же какъ выдѣлка издѣлій изъ *гуттаперчи* *), *сахарное* производство, мукомольное дѣло и многія другія отрасли фабрично-заводской промышленности. Въ кампанію 1881—82 г. на всѣхъ свеклосахарныхъ заводахъ выработано было около 16 м. пуд. сахара, въ 1891—92 выработка увеличилась до 29,6 милл., въ текущую кампанію она вѣроятно дойдетъ до 40 м. пуд. (за 6 мѣсяцевъ было учтено 37 милл. пуд.). Это увеличеніе произошло главнымъ образомъ благодаря возрастанію нормы выходовъ сахара изъ свекловицы и усовершенствованію техническихъ процессовъ производства: число заводовъ, площадь посѣвовъ подъ свекловицей и количество посѣянной свеклы очень мало измѣнились за названный періодъ. По количеству производимаго сахара, Россія стоитъ наравнѣ съ Франціей, уступая въ этомъ отношеніи только Герма-

*) Любопытство посѣтителей выставки привлекала огромная пирамида резиновыхъ галошъ, выставленныхъ Россійско-Американскою мануфактурою. Быть можетъ не безынтересно будетъ отмѣтить, что однихъ галошъ этою мануфактурою выдѣлывается ежегодно на 7,6 милл. рублей. Общіе обороты всего гуттаперчеваго производства достигали въ 1895 г. 25 милл. рублей. Въ 1869 г. гуттаперчевыхъ издѣлій выдѣлывалось только на 1 $\frac{1}{2}$ милл. рублей.

ни и Австро-Венгрии. Общая ценность производимаго въ годъ песка и рафинада въ настоящее время можетъ быть опредѣлена приблизительно въ 180 милл. рублей.

Всѣ виды фабричной и заводской промышленности, о которыхъ намъ доводилось до сихъ поръ говорить, въ большей или меньшей степени развивались подъ вліяніемъ искусственныхъ мѣръ таможеннаго покровительства. Любопытный примѣръ крупнаго производства, слагающагося изъ воздѣйствія этихъ мѣръ, представляютъ наши большія паровыя мукомольныя мельницы.

Мукомольное дѣло очень давняя и очень широко у насъ распространенная вѣтъ промышленной дѣятельности. Всѣ русскія мельницы, большія и малыя, пользующіяся всякими двигателями, перемалываютъ въ годъ вѣроятно не менѣе 2 милліард. пуд. разнаго зерна. По господствующему своему характеру наша мукомольная промышленность есть промышленность мелкая; въ значительной долѣ она является даже не самостоятельнымъ промысломъ, а подсобною вѣтвью сельскохозяйственнаго производства. Промышленное значеніе мукомолье стало пріобрѣтать въ Россіи съ двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія, когда появились у насъ усовершенствованныя мельницы американскаго типа. Но до конца семидесятыхъ годовъ размѣръ промышленнаго мукомолья былъ въ общемъ не великъ. Только съ этого времени оно начинаетъ быстро расти. На этотъ ростъ оказали вліяніе съ одной стороны развитіе желѣзно-дорожной сѣти, расширявшее рынокъ сбыта муки, а съ другой измѣненія въ техническихъ условіяхъ производства и распространеніе на Волгѣ дешеваго жидкаго топлива (нефтяныхъ остатковъ). Этими обстоятельствами воспользовались прежде всего крупныя мельницы. Крупная мукомольная промышленность стала быстро идти вверхъ, въ особенности въ Поволжьѣ, гдѣ работаетъ теперь нѣсколько очень большихъ паровыхъ мельницъ, перемалывающихъ каждая по нѣскольکو милліоновъ зерна въ годъ. По отчету московской выставки 1882 г. въ поволжскомъ районѣ насчитывалось 24 мельницы съ общою производительностью въ 5 милл. пудовъ. Теперь поволжскія мельницы перерабатываютъ въ годъ не менѣе 40 милл. пуд. зерна (преимущественно пшеницы).

На выставкѣ мукомольное производство представлено было 53 экспонентами. Всѣ мукомолы старались представить свое производство съ возможной полнотой, выставя болѣе или менѣе внушительный рядъ промежуточныхъ перемолочныхъ продуктовъ: у крупнѣйшихъ нижегородскихъ крупчатниковъ выставлено было 70—90 образцовъ зерна и продуктовъ перемола.

Примѣненіе усовершенствованныхъ способовъ переработки зерна на паровыхъ мельницахъ повело за собою значительное повышение качества той части русской муки, которая выпускается этими мельницами. Экспертная коммиссія московской выставки 1882 г. нашла, что по качеству своему русская мука «хуже чѣмъ во всей

Западной Европѣ, за исключеніемъ Италіи»; въ настоящее время (какъ видно изъ данныхъ, собранныхъ въ отчетахъ съѣздовъ мукомоловъ) качество русской муки достигаетъ уровня ходячихъ сортовъ муки иностранной.

Развитіе механическаго мукомолья представляетъ собою очень яркій примѣръ начинающагося перехода въ извѣстномъ промыслѣ отъ мелкой формы производства къ крупной. До сихъ поръ этотъ процессъ охватилъ только небольшую долю всей мукомольной промышленности, но онъ быстро идетъ впередъ. Конечно никакъ нельзя думать, чтобы въ сколько нибудь близкомъ будущемъ паровая мельница замѣнила собой деревенскую вѣтрянку, перемалывающую хлѣбъ для непосредственнаго потребленія въ данномъ хозяйствѣ, но несомнѣнно также, что процессъ централизаціи и «укрупненія» мукомольнаго производства замѣтно подвигается впередъ.

Тотъ же процессъ обнаруживается и въ очень многихъ отрасляхъ промышленности, представленныхъ на нижегородской выставкѣ. Такъ, въ другой такой-же старинной, какъ и мукомолье, отрасли русскаго сельскаго хозяйства—маслобойномъ дѣлѣ—наряду съ мелкими маслобойнями кустарнаго типа развивается и заводская обработка масличныхъ сѣмянъ. Очень многіе изъ такихъ заводовъ экспонировали свои произведенія на нижегородской выставкѣ.

Въ фабрично-ремесленныхъ производствахъ стремленіе къ повышенію средняго размѣра предпріятій, къ превращенію чисто ремесленныхъ заведеній въ фабрично-ремесленные очень замѣтно проявлялось въ послѣдніе годы. На выставкѣ эта тенденція всего рельефнѣе выступила въ группѣ экспонатовъ, посвященныхъ производству одежды и обуви. Здѣсь фигурировали такія крупныя предпріятія, какъ напр. московская фирма Мандль (готовое платье) съ годовымъ оборотомъ производства въ 2 милл. руб., петербургское товарищество механической обуви, изготовляющее въ годъ на 1 м. р. своихъ продуктовъ и т. д. Точно также въ фабричную форму перешли и нѣкоторые крупныя отдѣлы металлической промышленности, напр. гвоздарное дѣло. Фабричное производство растетъ на счетъ кустарнаго и мелкаго и въ изготовленіи ножей, замковъ и другихъ предметовъ стали-слесарнаго промысла.

И въ тѣхъ областяхъ промышленности, которыя уже вполнѣ носятъ на себѣ заводскій и фабричный характеръ, процессъ централизаціи производства, сокращенія числа промышленныхъ заведеній и увеличенія ихъ размѣровъ играетъ очень большую роль. За послѣднія 10—15 лѣтъ онъ рѣзко обнаруживается въ табачной фабрикаціи, винокурениі, водочномъ дѣлѣ, пивоваренной промышленности, мыловареніи, кожевенномъ дѣлѣ. Слѣды его можно замѣтить и въ горнѣмъ дѣлѣ—и безъ того уже носящемъ на себѣ крупно-промышленный характеръ. Такъ, мы видимъ, что донецкая каменно-угольная промышленность, развиваясь съ каждымъ годомъ, группируется все въ болѣе крупныя предпріятія. Въ 1893 г. изъ 240 милл. пуд. до-

бытаго угля 129 милл. (т. е. болѣе половины) добыто на 11 копяхъ, дававшихъ не менѣе 5 милл. пуд. каждая. Въ другомъ крупномъ угольномъ районѣ—домбровскомъ—централизація производства еще ранѣе получила очень рѣзкія формы: всѣ копи находятся во владѣніи 15 владѣльцевъ, пятерымъ изъ которыхъ принадлежитъ 85% всей производительности бассейна.

На ряду съ указаннымъ процессомъ сосредоточенія производства въ болѣе крупныхъ предпріятіяхъ, въ послѣдніе годы въ области нашей крупной капиталистической промышленности наблюдался еще другой процессъ, выходящій уже изъ сферы собственно производственныхъ отношеній. Это именно процессъ извѣстной союзной организаціи, охватывавшій собою, одну за другой, нѣсколько широко распространенныхъ отраслей производства. Такіе постоянные союзы предпринимателей существовали и существуютъ въ промышленности свеклосахарной, желѣзодѣлательной, угольной, нефтяной, мукомольной. Они принимаютъ очень разнообразныя формы,—начиная отъ простыхъ періодическихъ съѣздовъ и учрежденія постоянныхъ справочныхъ и совѣщательныхъ бюро до организованныхъ синдикатовъ, въ родѣ пресловутаго свеклосахарнаго и проектировавшагося синдиката керосино-заводчиковъ,—но во всѣхъ этихъ формахъ сказывается одна общая тенденція къ сплоченію данной группы крупныхъ промышленниковъ и организаціи постоянного ихъ представительства. Всѣ подобные союзы ведутъ свое начало съ восьмидесятыхъ годовъ, когда вообще получило довольно широкое развитіе спеціальное представительство отдѣльныхъ группъ частныхъ интересовъ.

Говоря о развитіи крупной промышленности, нельзя не коснуться еще двухъ группъ выставочныхъ экспонатовъ, именно экспонатовъ посвященныхъ *машинно-строенію*, съ одной стороны, и *железнодорожному дѣлу*—съ другой.

Машина есть нервъ крупной промышленности. Примѣненіе въ производствѣ механическихъ процессовъ вмѣсто ручныхъ и замѣна простыхъ, первобытныхъ орудій усовершенствованными аппаратами вызывали и сосредоточеніе производства въ большихъ фабричныхъ и заводскихъ предпріятіяхъ, возникшихъ на мѣстѣ прежнихъ мелкихъ и разрозненныхъ мастерскихъ единичныхъ производителей или небольшихъ группъ работниковъ. Развитіе машиннаго дѣла является необходимымъ условіемъ развитія крупной обрабатывающей промышленности вообще.

Русское машиностроеніе сравнительно одна изъ новыхъ отраслей нашей промышленности. Оно насчитываетъ не болѣе 35 лѣтъ своего существованія; до этого періода времени машинное дѣло у насъ успѣло уже, однако, принять значительныя размѣры. По официальнымъ даннымъ, относящимся къ 1892 г., всѣхъ машинныхъ

заводовъ и мастерскихъ, большихъ и малыхъ, насчитывалось 569, съ годовымъ оборотомъ производства въ 53,5 милл. рублей.

На выставкѣ машинный отдѣлъ занималъ два большихъ зданія и нѣсколько отдѣльныхъ павильоновъ. Главное зданіе машиннаго отдѣла, изъ желѣза и стекла, являлось однимъ изъ самыхъ грандіозныхъ сооружений выставки. Всѣ машины и аппараты, помѣщавшіяся какъ въ этомъ зданіи, такъ и въ дополнительномъ павильонѣ, приводились въ движеніе 3 большими паровыми машинами. Два часа каждый день выставленные машины можно было видѣть въ дѣйстви. Всѣхъ экспонентовъ въ машинномъ отдѣлѣ насчитывалось болѣе 500. Выставленные экспонаты захватывали разнообразныя отдѣлы машиностроенія; нѣкоторые изъ этихъ отдѣловъ появлялись въ первый разъ, другіе—были обставлены богаче и полнѣе, чѣмъ на предъидущей выставкѣ 1882 г. Громадные паровые котлы, различныя паровыя машины, керосиновые и газовые двигатели, насосы, подъемныя машины, спеціальныя машины по разнымъ отраслямъ производства (между которыми обращали на себя вниманіе довольно многочисленныя ткацкія станки), наконецъ, новый отдѣлъ электротехники—все это говорило объ извѣстномъ прогрессѣ нашего машиннаго дѣла за послѣднее время. Однако прогрессъ этотъ шелъ значительно медленнѣе, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ крупнаго производства, представленнаго на выставкѣ: за десятилѣтіе 1882—92 г. производительность нашихъ механическихъ заводовъ поднялась только на 15%, въ то время какъ число ихъ увеличилось почти въ 2 $\frac{1}{2}$ раза (значить росли преимущественно мелкія, ремонтныя мастерскія). Затѣмъ, по отзыву специалистовъ, и въ качественномъ отношеніи машиностроеніе наше далеко не во всѣхъ отдѣлахъ своихъ стоитъ на уровнѣ тѣхъ требованій, которыя предъявляются къ нему со стороны промышленности и земледѣлія.

Объясненіе медленнаго относительно роста и развитія нашего машиностроительнаго дѣла лежитъ прежде всего въ особенностяхъ воздѣйствія того самого фактора, которымъ оно вызвано къ жизни. Какъ многія другія отрасли крупной промышленности, наше машиностроеніе создавалось и выросло подъ охраною таможеннаго покровительства. Но интересы различныхъ покровительствуемыхъ производствъ очень пестро переплетаются другъ съ другомъ; покровительство отечественному производству чугуна, желѣза и стали—являвшихся главнымъ матеріаломъ для машиннаго дѣла, покровительство такъ усилившееся за послѣднее время, сталкивалось съ интересами машиностроенія и наносило имъ чувствительный вредъ. Русскій машинный заводчикъ вынужденъ былъ работать на матеріалъ гораздо болѣе дорогое, чѣмъ западный: чугуны, защищенный высокою пошлиной, обходился ему въ 2—2 $\frac{1}{2}$ раза дороже. Вмѣстѣ съ этимъ покровительство угольной промышленности увеличивало для него и стоимость топлива.

Но помимо этого есть и болѣе общія причины, задерживающія

у насъ прогрессъ машиннаго дѣла. Если машина является преддверіемъ крупной промышленности, то высокое развитіе машиностроенія является ея увѣличаніемъ. Для технического совершенства машиннаго производства также нужна специализація, какъ и для другихъ отраслей промышленности. Механическая фабрика, изготовляющая всякія машины, никогда не можетъ достигнуть высокаго качественного уровня своихъ издѣлій. А специализированіе различныхъ отдѣловъ машиностроительнаго дѣла возможно только при широкомъ спросѣ на машины, обусловленномъ массовымъ ихъ употребленіемъ. Съ другой стороны, для прогресса механическаго производства необходимо и сознательное отношеніе къ работѣ машинъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности; только наблюденія надъ этою работою, выясняющія тѣ или другіе недостатки дѣйствующихъ механизмовъ, могутъ дать толчокъ къ ихъ усовершенствованію, а для этого необходимъ извѣстный уровень общаго и технического образованія среди работающаго персонала. Грамотный рабочій и технически-образованный заведующій мастерской также нужны для улучшенія машины, какъ сама машина нужна для промышленности.

Русская дѣйствительность еще очень далека отъ удовлетворенія своихъ названныхъ условій, необходимыхъ для прочнаго развитія машиностроительнаго дѣла.

Примѣненіе нара къ *транспортному дѣлу* имѣло огромное и многообразное вліяніе на ростъ нашей промышленности вообще и крупной промышленности въ частности. Желѣзныя дороги и сами по себѣ составляютъ одну изъ самыхъ крупныхъ вѣтвей капиталистической промышленности; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ являются главными потребителями продуктовъ нѣкоторыхъ другихъ отдѣловъ этой промышленности. Такъ, уже по тому, что даетъ выставка, можно видѣть, въ какой тѣсной зависимости находится ростъ нашего металлургическаго дѣла отъ усиленія за послѣднее время желѣзнодорожнаго строительства. Наконецъ, — и самое главное, — только достигаемое при помощи пароваго транспорта сближеніе районовъ производства съ районами потребленія дѣлаетъ возможнымъ самое существованіе многихъ отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности (укажемъ для примѣра хотя бы на каменноугольное производство на югѣ).

Ростъ желѣзнодорожнаго дѣла за послѣднія десятилѣтія обрисовывается слѣдующими цифровыми данными.

Длина желѣзнодорожной сѣти въ 1880 году составляла 21,2 тыс. верстъ, къ концу 1894 г. она возросла до 31,2 тыс. (т. е. на 47%). по свѣдѣніямъ на 1 апрѣля 1896 г. протяженіе всѣхъ открытыхъ для движенія желѣзныхъ дорогъ въ Европейской и Азіатской Россіи составляло 36,890 в., а съ присоединеніемъ дорогъ Вел. Кн. Финляндскаго — 39,224 версты.

Пассажирское движеніе по всѣмъ русскимъ желѣзнымъ доро-

гамъ въ 1880 г. измѣрилось 2,9 миллиарда пассажиро-верстъ, въ 1894 году всѣми проѣхавшими по желѣзнымъ дорогамъ пассажирами сдѣлано было уже 4,4 миллиарда пассажиро-верстъ, т. е. пассажирское движеніе возросло на 52%. Еще сильнѣе былъ ростъ товарнаго движенія. Въ 1880 г. число пудо-верстъ по перевозкѣ всѣхъ товаровъ малой скорости составляло 409 миллиардовъ, въ 1894 году оно дошло до 1,078 миллиардовъ; приростъ товарнаго движенія составлялъ такимъ образомъ за 15 лѣтъ 163%.

Вся желѣзнодорожная сѣть въ цѣломъ въ 1894 году—последнемъ, къ которому относились сгруппированныя на выставкѣ таблицы и діаграммы, — представляла собою громадное сооруженіе, общую стоимость въ 2.381.000,000 р. Наибольшая часть вложенныхъ въ желѣзнодорожныя предпріятія капиталовъ доставлена была правительствомъ. Только 6% всей затраченной на сооруженіе желѣзнодорожной сѣти суммы собраны были частными предпринимателями; остальные 94% составляли долю государственнаго казначейства.

Желѣзнодорожные экспонаты на выставкѣ наполняли собою нѣсколько большихъ зданій и частью размѣщены были въ этихъ зданіяхъ на открытомъ воздухѣ. Они являлись существеннымъ пополненіемъ той картины настоящаго положенія нашей крупной промышленности, которую обрисовали экспонаты центральныхъ отдѣловъ выставки, посвященные горному дѣлу, мануфактурной промышленности, фабрично-заводскимъ производствамъ и машиностроенію. Эти отдѣлы въ суммѣ составляли самый казовой конецъ всей выставки.

Во всемъ этомъ великолѣпіи есть, однако, и своя обратная сторона.

Несомнѣнно, что наша крупная промышленность растетъ, но не слѣдуетъ забывать, при какихъ условіяхъ происходитъ этотъ ростъ. Нашъ промышленный прогрессъ до сихъ поръ держится на трехъ устояхъ: однимъ изъ нихъ является *дорогая цѣна на продукты*, выпускаемые на внутренній рынокъ, другимъ—*дешевизна наемнаго труда*, третьимъ — *высокій уровень* предпринимательской *прибыли*.

Поддержаніе высокихъ цѣнъ на внутреннемъ рынкѣ достигается искусственно, мѣрами таможеннаго покровительства. Доступъ на этотъ рынокъ дешевыхъ продуктовъ промышленно-развитыхъ странъ совсѣмъ заграждается или затрудняется высокими таможенными пошлинами. Таможенной охраной пользуются всѣ отрасли нашей крупной промышленности, въ которыхъ можетъ имѣть мѣсто конкуренція иностраннаго производства съ отечественнымъ. Какъ извѣстно, именно за то пятнадцатилѣтіе, промышленные успѣхи

котораго должна показать выставка, эта охрана приняла особенно рѣзкія формы *).

Покровительственные пошлины устанавливаются на тѣ предметы, на которые уже имѣется спросъ на рынкѣ: нѣтъ надобности ограждать отъ несуществующаго ввоза. Послѣ того, какъ потребность въ извѣстныхъ продуктахъ уже явилась въ странѣ, между потребленіемъ и его источникомъ ставится стѣна. Въ результатѣ потребность уже существующая должна удовлетворяться дороже и хуже. Вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняется и дальнѣйшее ея расширение.

Тарифная политика послѣдняго пятнадцатилѣтія въ особенности выдвинула впередъ усиленную охрану горнаго и металлургическаго дѣла и механическаго производства. Въ 1884 году въ нашемъ таможенномъ тарифѣ появилась впервые пошлина на *каменный уголь*; въ 1891 г., послѣ нѣсколькихъ повышеній, она достигла величины 4 коп. золотомъ съ пуда для угля привозимаго къ портамъ Чернаго и Азовскаго морей, конкурирующаго съ донецкимъ. Средняя стоимость этого послѣдняго, на мѣстахъ добычи, по официальнымъ даннымъ, опредѣляется въ $6\frac{1}{2}$ — $7\frac{1}{2}$ коп. за пудъ. Значить, таможенная пошлина (4 коп. золотомъ или 6 коп. кредит.) составляетъ прибавку, почти равную цѣнѣ угля мѣстнаго производства. Уголь, подвозимый къ западной сухопутной границѣ (конкурирующій съ домбровскимъ углемъ, болѣе дешевымъ, чѣмъ донецкій) и уголь, идущій въ балтійскіе порты (который ни съ какимъ мѣстнымъ углемъ не конкурируетъ) обложены нѣсколько ниже.

Между тѣмъ наша угольная промышленность, не смотря на весь свой ростъ, далеко не въ состояніи удовлетворить предъявленному на каменный уголь спросу; поэтому ввозъ угля не уменьшается и послѣ введенія пошлинъ, только потребители должны платить за него много дороже чѣмъ прежде. Въ 1881—85 г. каменнаго угля ввозилось въ среднемъ 115 милл. пуд. въ годъ, въ 1886—90 гг. — 110 милл. и въ 1891—94 год. — 117 милл. пуд. Пошлины за это приходилось уплачивать въ среднемъ около $2\frac{1}{2}$ милл. руб. въ годъ. Въ нѣсколько разъ большую сумму составили переплаты на высокой цѣнѣ мѣстнаго угля.

Такимъ образомъ прогрессъ углепромышленности покупается довольно дорогою цѣною. Немудрено, что при общей бѣдности страны она не въ силахъ довести свое потребленіе угля до тѣхъ размѣровъ, какіе оно имѣетъ на западѣ. Въ 1893 году общее количество потребляемаго въ Россіи угля, т. е. добытаго на мѣстѣ и привознаго, составляло по расчету на 1 жителя 4,9 пуда; въ то же время во

*) О ростѣ таможеннаго обложенія за это время можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: за пятилѣтіе 1881—86 г. таможенные пошлины составляли 20% общей цѣнности всѣхъ введенныхъ товаровъ, за пятилѣтіе 1886—90 г. — 29%, а за четыре послѣднихъ года, о которыхъ имѣются свѣдѣнія — 33%.

Франціи потребление угля достигало 60 п. на 1 человека, въ Германіи 120 пуд., въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ—150 пуд., въ Бельгіи 200 пуд. и въ Англіи 250 пудовъ. Выходить, что еще слишкомъ рано намъ хвалиться нашимъ угольнымъ богатствомъ.

То же, что сказано было о каменномъ углѣ, можно сказать и о металлургическомъ дѣлѣ.

Обложеніе пошлинами ввозимыхъ металловъ началось ранѣе, чѣмъ обложеніе угля, но особенно усиливается оно тоже съ половины 80-тыхъ годовъ. Въ 1884 г. пошлина на чугуны назначена была въ 6 коп. золотомъ съ пуда, къ 1891 г. она поднялась до 30—35 коп. золотомъ. Соотвѣтственно этому повышены были и пошлины на желѣзо и сталь (теперь, при ввозѣ изъ заграницы съ каждаго пуда желѣза и стали платится 60 коп. золотомъ, т. е. 90 к., кредитными деньгами). Благодаря этому цѣны на металлы у насъ много выше заграничныхъ: чугуны стоятъ у насъ около 1 руб. за пудъ, тогда какъ за границей онъ стоитъ 30 коп., желѣзо стоитъ у насъ около 2 р. за пудъ, а за границей цѣна его держится около 80—85 коп.

Размѣры потребления чугуна принято считать до извѣстной степени показателемъ культурнаго развитія страны. Въ этомъ отношеніи мы еще очень отстаемъ отъ нашихъ западныхъ сосѣдей. Если взять всю сумму выплавленного въ странѣ чугуна (въ которую войдутъ, какъ составныя части, и количества произведеннаго желѣза и стали, такъ какъ эти металлы составляютъ продуктъ переработки чугуна), присоединить сюда ввозъ чугуна, желѣза и стали изъ за границы, въ сыромъ видѣ и въ издѣльяхъ, и вычесть вывозъ (приводя желѣзо и сталь по принятому коэффициенту къ чугуну), то общее количество потребленнаго въ Россіи чугуна за 1894 г. опредѣлится въ 118,2 милл. пуд. По расчету на одного жителя это составитъ только 0,98 пуда. Въ Германіи среднее потребленіе чугуна составляетъ 5,4 пуда на человека, въ Бельгіи 6,6 пуд., въ Соединенныхъ Штатахъ Америки—6,8.*)

Учестъ сколько нибудь точно всю сумму тѣхъ жертвъ, которыя налагаются на страну таможеннымъ покровительствомъ отечественному производству очень трудно. Но несомнѣнно, онѣ измѣряются не одною сотнею миллионовъ рублей въ годъ на одной только платѣ къ цѣнамъ потребляемыхъ товаровъ, не говоря уже о задержкѣ въ развитіи размѣровъ потребленія. За одни металлы и металлические издѣлія, ввезенные изъ-за границы въ 1894 г. уплачено было таможенныхъ пошлинъ 38,7 милл. рублей, между тѣмъ ввозъ этихъ предметовъ составлялъ значительно меньшую противъ внутреннего ихъ производства величину, такимъ образомъ на цѣнахъ

*) Заимствуемъ эти данныя изъ статьи г. Кулибина «Горное дѣло и металлургія», помѣщенной въ сборникъ «Производительныя силы Россіи», изданномъ къ Нижегородской выставкѣ М-ствомъ Финансовъ.

металлическихъ товаровъ внутренняго производства переплачено было гораздо болѣе означенной выше суммы.

Правда, всѣ эти жертвы только «временныя». Защитники протекціонной политики противопоставляютъ имъ перспективы обильнаго и дешеваго снабженія внутренняго рынка, послѣ того какъ покровительствуемая промышленность окрѣпнетъ и станетъ на ноги. Но когда придетъ такое время, объ этомъ пока еще трудно гадать. Хлопчато-бумажная промышленность уже болѣе полувѣка находится подъ усиленною таможенною охраною, она уже вполне господствуетъ на внутреннемъ рынкѣ, однако, все еще потребители должны платить немалую дань. Количественный ростъ и техническое усовершенствованіе бумажнаго производства слабо отражается на пониженіи цѣны бумажныхъ издѣлій. Средняя цѣна мяткаля въ Москвѣ (по бюллетенямъ московской биржи) составляла въ 1882-85 г.—6 коп. за аршинъ, въ 1885-89 г.—6 $\frac{1}{4}$ коп., а въ 1890-93 г.—5 $\frac{1}{2}$ коп.; пониженіе цѣны въ послѣднее четырехлѣтіе противъ перваго составляетъ только 8%, размѣры производства возросли за то же время на цѣлую треть.

Помимо покровительственныхъ пошлинъ, высокія цѣны на предметы нашей крупной промышленности поддерживаются и другими мѣрами. Такъ, очень чувствительное воздѣйствіе на цѣны оказываетъ поддержка промышленныхъ предпріятій крупными казенными заказами. Эта система промышленнаго покровительства получила въ послѣднее время особенно широкое распространеніе по отношенію къ горной и металлургической промышленности. Очень значительная часть всей работы желѣзодѣлательныхъ и механическихъ заводовъ поглощена выполненіемъ заказовъ казны и частныхъ желѣзныхъ дорогъ, обязанныхъ извѣстную часть своего подвижнаго состава приобретать непременно на русскихъ заводахъ. Усиленные казенные заказы на потребности желѣзнодорожнаго строительства (особенно со времени постройки большой сибирской дороги) въ значительной степени повліяли на ростъ металлическаго производства на югѣ. Ими же вызвана была и та игра биржевыми бумагами желѣзныхъ заводовъ, которая привела къ извѣстному биржевому краху осенью прошлаго года.

Поддержка на извѣстномъ высокомъ уровнѣ цѣнъ внутренняго рынка достигается и путемъ мѣропріятій, направленныхъ къ ослабленію взаимной конкуренціи производителей между собой и къ ограниченію самаго количества продуктовъ, выпускаемыхъ на внутренній рынокъ. Средствомъ для такого урегулированія производства является та союзная организація разныхъ отраслей крупной промышленности, которая, какъ мы уже упоминали, начала складываться съ восьмидесятыхъ годовъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ соотвѣстственные мѣры принимаются и государствомъ. Типичнымъ примѣромъ этого служить исторія сахарнаго дѣла.

Наконецъ, въ качествѣ фактора, воздѣйствующаго на уровень

цѣнъ, является и фискъ со своими требованиями. Возростаніе государственныхъ потребностей при господствующей у насъ системѣ косвенныхъ налоговъ заставляетъ государство искать источника доходовъ въ увеличеніи обложенія предметовъ массоваго потребления. Поэтому во многихъ случаяхъ, когда сокращеніе издержекъ производства даетъ возможность удешевленія цѣны продуктовъ, это удешевленіе поглощается, вполнѣ или частью, усиленіемъ размѣра обложенія. Такъ, когда усиленная добыча нефти повела, въ періодъ 1877—86 гг., къ значительному распространенію потребления керосина и пониженію его цѣны, — дальнѣйшее пониженіе приостановлено было установленіемъ налога на керосинъ (въ размѣрѣ сначала 40, а потомъ 60 коп. на пудъ). Въ настоящее время этотъ налогъ приноситъ до 19 милл. рублей, что составляетъ около $\frac{1}{2}$ общей стоимости керосина для внутреннихъ потребителей. Точно также значительное пониженіе цѣнъ на хлопокъ-сырецъ на рынкахъ его покупки въ 1894 г. повело къ повышенію съ 1895 года ввозной пошлины съ 1 руб. 40 коп. до 2 руб. 10 коп. золотомъ за пудъ хлопка. Стоимость привознаго сырого матеріала въ хлопчатобумажномъ дѣлѣ составляетъ около 20% общей стоимости производства. Поэтому увеличеніе обложенія его на 50% не могло не отразиться чувствительно на цѣнахъ бумажныхъ издѣлій: оно поглотило собою то пониженіе цѣны, которое должно бы явиться послѣдствіемъ удешевленія сырья.

Другую характеристическую черту нашей крупной промышленности составляетъ *низкая оплата наемнаго труда*. Какъ извѣстно, рабочія руки у насъ гораздо дешевле, чѣмъ въ промышленныхъ странахъ западной Европы. Эта дешевизна труда въ значительной мѣрѣ влияетъ и на самый строй нашихъ промышленныхъ предприятий. При отсутствіи у насъ сколько-нибудь разработанной рабочей статистики очень трудно провести точную параллель между среднею величиною рабочей платы разнымъ категоріямъ рабочихъ въ главнѣйшихъ отрасляхъ крупной промышленности въ Россіи и на западѣ. Не прибѣгая къ сложнымъ вычисленіямъ, мы можемъ дать здѣсь лишь нѣсколько иллюстрирующихъ сопоставленій, относящихся къ отдѣльнымъ районамъ и отдѣльнымъ отраслямъ труда. Въ извѣстной книгѣ г. Дементьева «Фабрика», на основаніи личныхъ изслѣдованій автора по 3 уѣздамъ Московской губерніи, сдѣланъ подробный расчетъ средней рабочей платы въ мануфактурной промышленности въ районѣ, занятомъ этими уѣздами, и полученные выводы сопоставлены съ соответственными данными о стоимости рабочаго труда въ Англіи и Америкѣ (въ Массачузетѣ). Въ результатѣ этого сопоставленія оказывается, что средняя денежная плата въ Англіи выше почти *четверго* (на 284,5%), а въ Массачузетѣ болѣе чѣмъ въ *пять разъ* (на 423%) противъ

московскаго промышленнаго района. Въ статьяхъ г. Зотова «Очерки современнаго положенія рабочихъ въ Англіи» *), мы находимъ систематическія данныя о заработной платѣ на фабрикахъ, занятыхъ обработкою волокнистыхъ веществъ въ Англіи, заимствованныя изъ трудовъ королевской комиссіи 1891 года для изслѣдованія положенія рабочаго класса въ соединенномъ королевствѣ. Сопоставленіе средней величины платы труда прядильщика и ткача на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ въ Англіи съ соотвѣстственными средними по московскому промышленному району (выведенными по даннымъ, помѣщеннымъ какъ въ упомянутой выше книгѣ г. Дементьева, такъ и въ работахъ г. Янжула и г. Пескова) приводитъ автора къ заключенію, что заработокъ англійскаго прядильщика больше русскаго въ $3\frac{1}{2}$ раза, а заработокъ ткача въ 3 раза.

Оба эти примѣра относятся къ хлопчатобумажному производству. Въ статьѣ Д. И. Менделѣева «Обзоръ фабрично-заводской промышленности и торговли Россіи» (составляющей введеніе къ сборнику «Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи», изданному министерствомъ финансовъ къ Колумбовой выставкѣ въ Чикаго) мы находимъ аналогичное сопоставленіе, относящееся къ горнозаводскому дѣлу. Г. Менделѣевъ дѣлаетъ сравнительный расчетъ стоимости труда въ угольной промышленности Великобританіи и Донецкаго района. Въ результатъ этого расчета оказывается, что по годовой платѣ на 1 рабочаго приходится въ Великобританіи въ $2\frac{1}{2}$ раза, а по дневной въ 2 раза болѣе чѣмъ у насъ. Этотъ примѣръ г. Менделѣевъ приводитъ какъ объективное, числовое доказательство того основнаго положенія, что цѣнность труда въ Россіи дешевле, чѣмъ въ большинствѣ странъ Запада.

Какъ бы ни отражалась низкая величина заработной платы на доходности нашихъ промышленныхъ предпріятій, — для интересовъ того многочисленнаго класса русскаго населенія, который занятъ въ этихъ предпріятіяхъ, она не можетъ не считаться факторомъ крайне неблагоприятнымъ. Въ связи съ этимъ находятся и другія неблагоприятныя стороны въ положеніи труда въ нашей крупной промышленности, о которыхъ намъ болѣе подробно доводилось говорить въ предыдущей нашей хроникѣ **): большая противъ другихъ промышленныхъ странъ продолжительность рабочаго дня, необезпеченность рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ въ работѣ и ихъ послѣдствій и, наконецъ, плохая гигиеническая и санитарная обстановка этой работы.

Выставка не даетъ намъ указаній, чтобы и въ этой области можно было констатировать прогрессъ, сколько нибудь соотвѣтственный тому, какой обнаруживается по отношенію къ росту нашей

*) Помѣщенныхъ въ 1—2 №№ нашего журнала за 1895 г.

**) См. № X «Русскаго Богатства» за нынѣшній годъ: «Вопросы труда на торгово-промышленномъ сѣздѣ».

крупной промышленности. Фотографія и краткія описанія фабричныхъ школъ и больницъ, а также устроенныхъ жилыхъ помѣщеній для рабочихъ, выставленныя нѣсколькими крупными фабрикантами, извѣстныя приспособленія для огражденія опасныхъ частей машинъ, имѣющіяся при многихъ экспонатахъ машиннаго отдѣла, — вотъ почти все, что мы находимъ въ этомъ отношеніи. Ничего систематическаго для сужденія о положеніи труда въ нашей фабричной промышленности выставка не представила. На ней не было устроено даже особаго отдѣла фабричной гигиены. По справедливому замѣчанію одного изъ компетентныхъ дѣятелей въ данной области, доктора А. В. Погожева, этотъ фактъ самъ по себѣ уже можетъ свидѣтельствовать о крайне слабой постановкѣ у насъ дѣла профессиональной гигиены и фабричной санитарной техники, развитіе которыхъ на культурномъ западѣ сдѣлало такіе крупные успѣхи за послѣднее время.

Если русскій потребитель продуктовъ покровительствуемой отечественной промышленности долженъ платить за нихъ много, а рабочий получаетъ мало, — то взаимнѣ этого уровень предпринимательской прибыли у насъ выше, чѣмъ въ большинствѣ культурныхъ странъ. Чистая прибыль въ размѣрѣ 20—30% на вложенный въ предпріятіе капиталъ не представляетъ собою исключенія въ нашей промышленности. Крупные барыши вызываютъ, конечно, приливъ капиталовъ къ промышленности и ведутъ къ ея оживленію и росту. Но такое оживленіе приобретаетъ нерѣдко нѣсколько лихорадочный и спекулятивный характеръ. Промышленный прогрессъ можетъ считаться прочнымъ только тогда, когда каждый шагъ впередъ завоёвывается упорнымъ трудомъ. Быстрый ростъ промышленности, подгоняемый высокими барышами, которые летятъ какъ съ неба, благодаря стеченію обстоятельствъ, очень мало зависящихъ отъ энергій и умѣнія самихъ промышленниковъ, легко можетъ смѣниться такою же быстрою реакціею. Онъ всегда носитъ въ себѣ элементы извѣстной искусственности и случайности.

Если къ этому нужна иллюстрація, ее можетъ дать ходъ дѣлъ въ той самой промышленной отрасли, усиленное прогрессированіе которой особенно подчеркивается выставкою. Мы имѣемъ въ виду металлургическое дѣло на нашемъ югѣ. Горные и желѣзодобывательные заводы растутъ тамъ какъ грибы, одинъ за другимъ, итоги добычи и выдѣлки металловъ каждый годъ насчитываютъ все новыя и новыя миллионы пудовъ. Но чѣмъ же объясняется вся эта лихорадочная дѣятельность? Больше всего громаднымъ приливомъ заказовъ на рельсы и желѣзнодорожныя принадлежности, отъ казны и частныхъ желѣзныхъ дорогъ, вызваннымъ усиленіемъ желѣзнодорожнаго строительства и запрещеніемъ приобретать предметы, нужные дорогамъ, за границую. Всѣ южныя заводы и новыя, и старыя, дѣ-

лаютъ главнымъ образомъ рельсы, въ обилии наполнявшія и витрины горнаго отдѣла на выставкѣ. Близость дешеваго топлива, неисощенная пока руда, дешевизна труда и обезпеченные по высокой цѣнѣ казенные или обязательные заказы позволяютъ имъ реализовать при этомъ очень крупныя барыши, вызывающіе, въ свою очередь, обильный притокъ все новыхъ и новыхъ капиталовъ къ этой отрасли промышленности. Чтобы судить о размѣрѣ прибылей, доставляемыхъ теперь горнымъ дѣломъ на югѣ, приведемъ слѣдующій примѣръ, который мы беремъ изъ официального органа министерства финансовъ *). Южно-русское металлургическое общество, на основаніи капиталъ въ 5 милл. въ акціяхъ и въ 2½ м. р. въ облигаціяхъ, получило въ 1894—95 г. прибыли 3.650,000 р., за отчисленіемъ изъ этой прибыли очень крупныхъ суммъ на погашеніе стоимости имущества и на расширеніе предпріятія, акціонеры получили 30% дивиденда на свои акціи. Что мудренаго, что при такой прибыльности предпріятій, западные капиталы обильною рѣкой текутъ въ наше горнозаводское дѣло. Но что сдѣлается со всѣмъ этимъ блескомъ, когда прекратится или приостановится золотой дождь казенныхъ заказовъ? Благоразумные люди уже обезпечиваютъ себѣ отступленіе заранѣе; уже теперь можно указать случаи, когда учредители новыхъ предпріятій, доведя ихъ акціи до высокой цифры, ретируются изъ дѣла, предоставляя поле дѣйствія другимъ охотникамъ легкой наживы.

«Необходимо стремиться къ тому—говорилъ при открытіи выставки министръ финансовъ—чтобы то, что дома производится, въ возможно большей степени дома же и потреблялось, ибо народный желудокъ есть вѣрный рынокъ потребления».

Указаній о томъ, въ какомъ состояніи находится этотъ рынокъ и насколько онъ прогрессируетъ, мы должны искать въ тѣхъ отдѣлахъ выставки, которые посвящены основнымъ предметамъ народного труда,—сельско-хозяйственному и кустарному. Нельзя сказать, чтобы такіе поиски приводили къ блестящимъ результатамъ.

Отдѣлъ сельскаго хозяйства, не смотря на довольно большое количество экспонатовъ на немъ сосредоточенныхъ, представляется однимъ изъ блѣдныхъ и тусклыхъ отдѣловъ выставки. Прежде всего поражала въ немъ крайняя бѣдность экспонатовъ, относящихся къ наибольшей массѣ земледѣльческихъ хозяйствъ. Крестьянинъ, какъ непосредственный экспонентъ, почти совсѣмъ отсутствовалъ на выставкѣ, точно также не замѣтны были и экспонаты мелкихъ и среднихъ частныхъ хозяйствъ. Только нѣсколько десятковъ крупныхъ частныхъ владѣній выступили на выставкѣ съ новыми коллекціями экспонатовъ, характеризующихъ положеніе ихъ хозяйствъ.

*) См. «Вѣстникъ Финансовъ» № 27, 1896, стр. 13.

Что на Руси существуют благоустроенные и прогрессивные единичные хозяйства, это не подлежит сомнѣнію; но по ходу дѣлъ въ этихъ хозяйствахъ, конечно, еще ничего нельзя заключать о томъ, какъ течетъ основное русло сельско-хозяйственной жизни, охватывающее собою главную массу всѣхъ земледѣльческихъ хозяйствъ.

Никакихъ указаній на прогрессивное направленіе этого теченія выставка не давала.

Спеціально крестьянское хозяйство представлено было на выставкѣ (помимо тѣхъ данныхъ о немъ, которыя заключались въ экспонированныхъ нѣсколькими земствами результатахъ выполненныхъ ими статистическихъ изслѣдованій) только коллекціями крестьянскихъ хлѣбовъ, входящими въ составъ земскихъ экспонатовъ, и кромѣ того спеціально собранными по нѣсколькимъ волостямъ разныхъ губерній. Всѣхъ образцовъ въ тѣхъ и другихъ коллекціяхъ насчитывалось до 64,000. Представляли они по большей части довольно жалкій видъ,—особенно по сравненію съ казовыми экспонатами, которыми щеголяли крупныя сѣменные хозяйства. Крестьянское зерно было мелко, тоще и очень плохо очищено отъ примѣсей. Хвастать имъ было трудно, да и собрано оно было не для рекламы.

Самымъ прогрессивнымъ явленіемъ въ сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ нижегородской выставкѣ было, конечно, присутствіе здѣсь земскихъ экспонатовъ, отсутствовавшихъ на московской выставкѣ 1882 г. Этими экспонатами обозначается замѣтное теченіе въ нашей общественной жизни, выражающееся въ земской дѣятельности, направленной на нужды сельскаго хозяйства. На выставкѣ рядъ систематическихъ экспонатовъ, иллюстрирующихъ эту дѣятельность и достигнутые ею результаты, дали земства четырехъ губерній: Вятской, Московской, Нижегородской, Херсонской.

Земскія работы шли въ двухъ направленіяхъ: однѣ изъ нихъ имѣли цѣлю *изученіе* условій русскаго, преимущественно крестьянскаго, земледѣльческаго хозяйства, другія—задавались организаціей мѣръ для *подъема и улучшенія* этого хозяйства. Блестящіе результаты работъ перваго типа,—въ смыслѣ научной цѣнности и практической важности добытыхъ при этомъ данныхъ—слишкомъ общеизвѣстны, чтобы о нихъ нужно было распространяться. Гораздо болѣе скромными представляются результаты, достигнутые земскою дѣятельностью на другомъ изъ названныхъ путей. Здѣсь они не выходятъ еще изъ области исканій и начинаній. Да и слишкомъ и недостаточными представляются средства и силы отдѣльныхъ, разнородныхъ земствъ, сравнительно съ тѣми задачами, которыя выдвигаются напередъ насущными нуждами и потребностями русскою сельскихъ ж. Огромною заслугою земствъ является уже то, что ими наго строите, *выясненія* этихъ нуждъ. Для крупныхъ шаговъ на дорогамъ, зачетворенію указанныхъ нуждъ требуются мѣры болѣе

широкаго масштаба, нежели тотъ, который доступенъ земскимъ училищамъ. Но до сихъ поръ еще такія общія и крупныя мѣры находятся скорѣе въ области чаяемаго и желаемаго, нежели въ области дѣйствительности. Наглядною иллюстраціею этого могутъ служить тѣ данныя, которыя имѣлись на выставкѣ по отношенію къ положенію нашего сельско-хозяйственнаго образованія. Для удовлетворенія этой насущной и всеми безусловно признаваемой потребности во всей странѣ со стомилліоннымъ населеніемъ, въ главной своей долѣ земледѣльческимъ, насчитывается всего 89 учебныхъ заведеній, высшихъ, ореднихъ и низшихъ. Общее число учащихся во всѣхъ этихъ заведеніяхъ составляетъ 3,860 человекъ. Правда, въ недавнемъ прошломъ число заведеній и учащихся было еще меньше (21 училище открыто за 3 послѣдніе года), но это можетъ служить очень слабымъ утѣшеніемъ для настоящаго.

Нѣсколько общихъ данныхъ о нашемъ сельскомъ хозяйствѣ сообщали экспонаты статистическаго отдѣла министерства земледѣлія. Въ центрѣ одного изъ павильоновъ, въ которыхъ размѣщены были сельско-хозяйственные экспонаты, обращалъ на себя вниманіе огромный четырехгранный столбъ, доходившій почти до самой крыши. Этотъ столбъ изображалъ изъ себя милліонную часть того закрома (въ 1 версту вышиной и 6 десятинъ въ основаніи), который понадобился бы для вмѣщенія всего урожая 1896 г. На всѣхъ 4 сторонахъ этой колонны выставлены были карты и графики, показывавшіе движеніе за 10 послѣднихъ нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ фактовъ. Постоянное возростаніе эти графики показывали только по отношенію къ размѣрамъ *вывоза* нашихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Въ виду большой сомнительности того, что мы вывозимъ «излишки» хлѣба, сверхъ потребностей собственнаго потребленія, — представляется очень условнымъ и прогрессивное значеніе возрастающаго вывоза. Эта условность усиливается еще болѣе, если сопоставить размѣры вывоза съ его цѣнностью. Въ то время, когда первые растутъ, стоимость вывозимаго хлѣба падаетъ. Выходитъ, что страна отдаетъ все большія количества своихъ сельскихъ продуктовъ и получаетъ за нихъ все меньшую и меньшую плату.

Кустарный отдѣлъ выставки тоже былъ не изъ казовыхъ. Можно это сказать и по отношенію къ его организаціи, и по отношенію къ тому впечатлѣнію, которое производили сосредоточенныя въ немъ экспонаты. Цѣльнаго и полнаго представленія о настоящемъ положеніи нашей народной промышленности онъ не давалъ. Составъ экспонатовъ былъ довольно случаенъ. Многого не доставало, многое было излишнее, среди кустарей были и мелкіе фабриканты и крупные скупщики. Болѣе систематическимъ характеромъ отличались только коллекціи, собранныя нѣсколькими земствами и нѣкоторыми частными лицами.

Въ общемъ всѣ собранныя экспонаты далеко не указывали на

процвѣтаніе нашихъ народныхъ промысловъ; хотя тамъ и самъ на общемъ тускломъ фонѣ и выдавались свѣтлыя пятна.

Самый крупный фактъ, отмѣчаемый выставкою по отношенію къ кустарнымъ промысламъ—это извѣстное движеніе для помощи этимъ промысламъ, идущее извнѣ, со стороны земствъ и частныхъ лицъ, посвятившихъ свои усилія усовершенствованію тѣхъ или иныхъ отраслей мелкаго, кустарнаго производства.

Съ наиболѣе полными и систематическими коллекціями на выставкѣ выступили губернскія земства: вятское, московское и нижегородское. Первые два уже довольно широко развили рядъ практическихъ мѣропріятій въ данной области. Кромѣ того на выставкѣ были экспонаты еще нѣсколькихъ земствъ (губернскихъ и уѣздныхъ), руководѣльных школъ и частныхъ лицъ, работающихъ на пользу кустарнаго дѣла, и нѣсколькихъ кустарныхъ артелей (павловской стали-слесарной, златоустовской и др.). Собственно только въ тѣхъ отдѣлахъ производства, которые захватывались дѣятельностью названныхъ учреждений и интеллигентныхъ дѣятелей, и можетъ быть отмѣченъ извѣстный прогрессъ. Прогрессъ этотъ касается главнымъ образомъ улучшеній въ технику промысловъ и въ качества изготовляемыхъ издѣлій. По большей части онъ распространяется на такіе виды издѣлій, которые составляютъ предметъ потребления не народныхъ массъ, а болѣе достаточныхъ круговъ населенія и могутъ находить сбытъ по цѣнамъ болѣе высокимъ, чѣмъ ходовые товары, пускаемые въ народное обращеніе. Быть можетъ наиболѣе крупные успѣхи за послѣдніе годы слѣдуетъ признать за кружевнымъ производствомъ, точно также можно отмѣтить крупныя улучшенія въ корзиночномъ, игрушечномъ, шеточномъ производствѣ, въ мебельномъ дѣлѣ и т. п. Обращали на себя вниманіе на выставкѣ также и высокаго качества издѣлія павловской артели (въ составѣ которой имѣются образованные техники) и т. д.

Но все это вмѣстѣ составляетъ, конечно, только очень малую долю той «разсыпанной хранины» народныхъ промысловъ, значительная часть которой остается внѣ всякихъ культурныхъ воздѣйствій и не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ изнутри идущаго прогрессивнаго развитія.

Все, что мы говорили до сихъ поръ, касалось собственно хозяйственныхъ отдѣловъ выставки. Но выставка имѣла цѣлью представить собою итоги не только хозяйственнаго, а также и духовнаго роста Россіи.

Очень мало матеріаловъ для національной гордости давалъ намъ, однако, тотъ отдѣлъ выставки, который посвященъ былъ двумъ главнымъ показателямъ духовной культуры страны—школамъ и работѣ научной мысли. И составленъ былъ этотъ отдѣлъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ довольно странно. Особенно наука хромала на обѣ ноги. Совершенно случайный подборъ экспонатовъ, сюда относящихся, можно видѣть уже изъ тѣхъ обозначеній состава

научной группы «научно-учебнаго отдѣла», которая давали каталоги выставки. Группа научная состояла изъ двухъ классовъ экспонатовъ; одинъ изъ нихъ обнималъ собою «научныя и ученыя учрежденія и общества; статистическія учрежденія; страховыя общества (sic!)»; въ другомъ экспонировались точныя инструменты для народныхъ цѣлей (волшебные фонари и картины къ нимъ, оптическіе инструменты). И только. Посѣтителѣ выставки должны были сильно недоумѣвать, почему именно второе русское отъ огня общество, комитетъ учреждений русскаго земельного кредита и правленіе страховаго общества Россія должны были олицетворять русскую науку, вмѣстѣ съ кievскимъ отдѣломъ общества покровительства животнымъ, счетоводными курсами Езерскаго и другими подобными учрежденіями, быть можетъ и очень почтенными, по имѣющимъ, повидимому, и малое касательство къ тѣмъ задачамъ, которыя долженъ былъ преслѣдовать выставочный отдѣлъ, куда они попали. Точно для того, что бы заткнуть пустое, мѣсто этого до крайности бѣднаго отдѣла, туда толкали все что ни попало.

Въ учебной части отдѣла, кажется, всего болѣе было руководѣльныхъ экспонатовъ. Женскія гимназіи почти исключительно представлены были рукодѣльными (точно также, какъ мужскія гимназіи и высшія учебныя заведенія—фотографіями, чертежами и планами); рукодѣльныя работы церковныхъ школъ заполняли собою массу мѣста и въ центральномъ зданіи учебнаго отдѣла и въ особомъ павильонѣ церковъ-школа.

Полиѣ представлены были техническія училища, многія изъ которыхъ давали довольно богатые коллекціи разнородныхъ ученическихъ работъ. Но наибольшій интересъ представляли экспонаты по начальному образованію. Земскіе экспонаты и здѣсь занимали довольно видное мѣсто, хотя по относительному значенію своему въ просвѣтительной работѣ на поприщѣ народной школы земская дѣятельность выступала не совсѣмъ въ той перспективѣ, какая бы ей подобала. Земская школьная выставка пріютилась главнымъ образомъ въ павильонѣ образцовой школы, организованномъ нижегородскимъ уѣзднымъ земствомъ. Въ главномъ зданіи отдѣла земскіе экспонаты выглядели какъ то разбросано и безсистемно. За то выступала на показъ объединенная выставка церковно-приходскихъ школъ разныхъ епархій.

Сводныя таблицы и графики, висѣвшія по стѣнамъ отдѣла, давали мало утѣшительныя, хотя и не представлявшіе собою новости, общіе выводы относительно положенія просвѣщенія въ странѣ.

Совершенно иное впечатлѣніе посѣтителѣ выставки должны были вынести изъ обозрѣнія двухъ другихъ отдѣловъ, тоже не имѣвшихъ хозяйственнаго характера, которыя помѣщались рядомъ съ научно-учебнымъ. Это были отдѣлы, обрисовывающіе состояніе *обороны государства*—военный и военно-морской. Оба эти отдѣла

съ дополнительными къ нимъ павильонами воздухоплавательнаго парка и водолазной части принадлежали къ числу наиболее богато обставленныхъ и благоустроенныхъ на выставкѣ.

Внушительно и ярко говорили они о военной силѣ и военномъ могуществѣ государства и о тѣхъ усиліяхъ и матеріальныхъ жертвахъ, которые приложены были для достиженія этого могущества.

Дѣятельность *общественныхъ* учреждений не была представлена на выставкѣ въ цѣломъ и объединенномъ видѣ. Мысль объ организаціи особаго *земскаго* отдѣла, о которомъ хлопотали многія земства, не получила, какъ извѣстно, осуществленія. Земскіе экспонаты разбросаны были по разнымъ отдѣламъ выставки, что не мало затрудняло составленіе общаго представленія о значеніи земской дѣятельности для хозяйственной и культурной жизни страны. Только одному изъ крупныхъ общественныхъ учреждений, московскому городскому самоуправленію, удалось собрать всѣ свои экспонаты въ одномъ особомъ павильонѣ города Москвы. Это былъ изъ наиболее интересныхъ и поучительныхъ уголковъ выставки. Обзорніе тщательно собранныхъ и очень умѣло систематизированныхъ городскихъ экспонатовъ заставляло еще болѣе пожалѣть объ отсутствіи на выставкѣ однороднаго отдѣла, посвященнаго изображенію дѣятельности русскихъ земствъ.

Особую группу выставочныхъ экспонатовъ составляли отдѣлы выставки, посвященные нашимъ далекимъ окраинамъ, крайнему сѣверу, Сибири, Степному краю и Средней Азіи. Это были отдѣлы скорѣе музейнаго, чѣмъ выставочнаго характера. Съ особенною тщательностью и полнотой организованы были группы экспонатовъ, обрисовывавшихъ сибирскія окраины.

Къ промышленной сторонѣ выставки окраинные отдѣлы примыкали тѣмъ, что помимо этнографическихъ данныхъ они должны были характеризовать и положеніе нашей торговли на дальнемъ востокѣ; XIII отдѣлъ посвященъ былъ «Сибири и торговлѣ Россіи съ Китаемъ и Азіею», XIV—представилъ «Среднюю Азію и торговлю Россіи съ Персіей»; экспонаты крайняго сѣвера (XX отдѣлъ) давали картину рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ въ сѣверныхъ водахъ.

Обзорніе выставленныхъ во всѣхъ окраинныхъ отдѣлахъ экспонатовъ приводило къ несомнѣнному заключенію, что торговая и промысловая дѣятельность метрополи на дальнихъ окраинахъ сдѣлала гораздо болѣе успѣховъ, нежели культурная. Выполненіе этой послѣдней, культурной миссіи Россіи среди инородческаго населенія Сибири, степей и сѣверной окраины составляетъ еще почти цѣликомъ дѣло будущаго.

Если общее впечатлѣніе, даваемое выставкою, должно отражать собою настоящее положеніе русской дѣятельности въ различныхъ группахъ явленій, изъ которыхъ она складывается,—то это достигается всего болѣе указанною выше перспективою отдѣльныхъ оставшихъ частей выставки.

Н. Анненскій.

II.

В. О. Португаловъ.—А. П. Батуевъ и трагедія въ Вяткѣ.

Въ ночь на 20 октября умеръ въ Самарѣ извѣстный врачъ, общественный дѣятель и публицистъ В. О. Португаловъ. Едва-ли есть читающій человекъ въ Россіи, которому было-бы неизвѣстно это имя. Вѣроятно мѣстная пресса доставитъ современемъ не мало интереснаго матеріала для его біографіи, — здѣсь же мы считаемъ нужнымъ отмѣтить эту утрату хотя-бы нѣсколькими, поневолѣ бѣжными и поверхностными чертами.

В. О. Португаловъ родился въ Полтавѣ, въ 1835 году, въ образованномъ еврейскомъ семействѣ. Отецъ его былъ, какъ пишутъ въ одномъ изъ газетныхъ некрологовъ *), «эстетикъ, жуиръ и джентльменъ». Сыну онъ далъ всѣ средства для образованія, и въ 1854 году молодой Португаловъ, охваченный уже настроеніемъ пробуждавшей «молодой Россіи», поступилъ въ харьковскій университетъ. Вскорѣ Португаловъ перешелъ въ университетъ кіевскій, гдѣ въ это время попечителемъ былъ Пироговъ, а въ числѣ профессоровъ—Павловъ, одинъ изъ первыхъ учредителей воскресныхъ школъ въ Россіи. Здѣсь, однако, безпокойный юноша пробылъ тоже не долго и уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ очутился въ Казани, гдѣ окончилъ курсъ по медицинскому факультету. Получивъ мѣсто врача, онъ поселился въ Пирятинскомъ уѣздѣ, но отсюда какая-то новая волна, а можетъ быть отголоски какой-нибудь изъ прежнихъ исторій — уносятъ его на сѣверо-востокъ. 1863 годъ застаётъ его въ городѣ Шадринскѣ, а черезъ 3 года онъ переведенъ въ Чердынъ, безъ права заниматься врачебной практикой.

Здѣсь Португаловъ выступилъ, во время невольнаго досуга, на литературное поприще, напечатавъ въ «Архивѣ судебной медицины и общественной гигиены» очеркъ «Шадринскъ и Чердынъ». За этимъ первымъ трудомъ послѣдовалъ трактатъ по общественной гигиенѣ («Причины болѣзней»), а затѣмъ началось дѣятельное сотрудничество въ общей прессѣ. Въ теченіе многихъ лѣтъ Португаловъ работалъ въ «Дѣлѣ» (во времена Благосвѣтлова и Писарева), въ «Знаніи», «Московскомъ Телеграфѣ», «Русскомъ Курьерѣ», «Медицинскомъ Вѣстникѣ», «Русской Мысли», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Новостяхъ», «Недѣлѣ», «Волжскомъ Вѣстникѣ» и многихъ другихъ изданіяхъ, и очень трудно сказать, какой родъ его разносторонней литературной дѣятельности доставилъ покойному ту широкую извѣстность, какой пользовалось его имя среди читающей Россіи. Это былъ человекъ живой, необыкновенно увлекающійся и страстный. Своей спеціальностью Португаловъ избираетъ гигиену,

*) «Самарскій Вѣстникъ».

какъ отрасль, ближе всего соприкасающуюся съ живыми общественными условиями. По обстоятельствамъ своей измѣнительной карьеры онъ беретъ свой предметъ въ условіяхъ «Шадринска и Чердыни» (заглавіе первой его работы). Кружковья увлеченія центровъ и спячка медвѣжьихъ угловъ, «последнія слова науки» и суровыя условія Чердыни, — таковы контрасты, среди которыхъ протекали первые годы его сознательной жизни и общественной дѣятельности. Португаловъ принадлежитъ къ числу людей, для которыхъ эти первые годы явились опредѣляющими. Онъ остался навсегда въ провинціи и вся послѣдующая его жизнь прошла цѣликомъ среди мелкой, но неустанной борьбы со средой, борьбы безпокойнаго человѣка, вступившаго съ послѣдними словами науки въ среду, переполненную диковинами и мракомъ дореформенной и туго подававшейся вліяніямъ реформеннаго періода провинціальной жизни... Въ теченіе послѣднихъ 10 — 15 лѣтъ не одинъ разъ глаза всей читающей и интересующейся общественной жизнью публики обращались къ Самарѣ, гдѣ безпокойный обличитель подымалъ страстную борьбу съ той или другой неправдой мѣстной жизни. Одинъ изъ столичныхъ писателей, сообщавшій впечатлѣнія, вынесенныя изъ знакомства съ Португаловымъ, называлъ его «совѣстью Самары». Названіе очень характерное и въ значительной степени исчерпывающее типическую роль людей, подобныхъ Португалову, въ провинціальной средѣ. Въ этомъ смыслѣ подробная біографія В. О. Португалова дала бы много поучительнаго и могла бы нарисовать намъ очень характерную драму цѣлой категоріи русскихъ людей, отмѣтившихъ собою извѣстный періодъ въ культурномъ развитіи провинціи. Натура у Португалова была сложная, и драма тоже вышла бы необыкновенно усложненная. Повидимому борьба, — въ значительной своей части почти одинокая — не проходила безъ значительныхъ уроновъ для самого Португалова. На компромиссы онъ, правда, былъ совершенно неспособенъ. Всѣ его поступки, слова и писанія отмѣчены необыкновенной прямою, рѣзкостью и прямолинейностью, до послѣднихъ дней онъ сохранилъ неприкосновенно отзывчивую чуткость натуры, не успокаивался самъ и не давалъ покоя другимъ. Тѣмъ не менѣе въ послѣдніе годы именно эта рѣзкость и прямолинейность подчеркивали нѣкоторые оттѣны взглядовъ покойнаго, противорѣчившихъ его прежнимъ воззрѣніямъ. Еврей по происхожденію, нѣкогда написавшій въ «Днѣ» горячее письмо И. С. Аксакову по еврейскому вопросу, — онъ проявлялъ порой совершенно неожиданное отношеніе къ своимъ единоплеменникамъ, и страстная несдержанность отзывовъ вовлекала его, всю жизнь служившаго печатному слову, въ конфликты съ мѣстной печатью, въ которыхъ онъ не всегда бывалъ правъ. Тѣмъ не менѣе, вадъ свѣжею могилой этого много поработавшаго на разнообразныхъ поприщахъ человѣка, даже его недавніе противники съ полной искренностью признають, что въ этой старческой груди билось

горячее, страстное и любящее сердце, а въ сѣдой головѣ бродила живая, чуткая и безпокойная мысль, долгое время освѣщавшая глухой сумракъ мѣстной жизни.

Не успѣли еще замолкнуть толки приволжской печати, вызванные смертью В. О. Португалова, какъ разыгралась въ Вяткѣ захватывающая и мрачная трагедія, надолго взволновавшая мѣстное общество и отдавшаяся болѣе или менѣе оживленными отголосками по всей Россіи. Психопатъ или сумашедшій дворянинъ Шабалинъ застрѣлилъ изъ револьвера председателя вятской губернской земской управы Авксентія Петровича Батуева.

Начиная съ личности убитаго и кончая обстоятельствами самого убійства, — все въ этой исторіи соединилось какъ будто нарочно, чтобы сдѣлать эту трагедію болѣе захватывающей и потрясающей. А. П. Батуевъ, какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, родился 17 августа 1863 года, значить, теперь ему было только 31 годъ. Воспитывался онъ въ городѣ Малмыжѣ, въ купеческой, но образованной семьѣ. Еще до поступленія въ гимназію онъ пристрастился къ чтенію и получилъ вкусъ и стремленіе къ литературѣ, чему способствовала разнообразная и богатая бібліотека въ домѣ его отца. Въ 1882 году, окончивъ гимназію, онъ поступилъ въ университетъ по юридическому факультету, а въ 1886 г. записался помощникомъ присяжнаго повѣреннаго въ гор. Казани. Но жить онъ переѣхалъ въ Малмыжъ, гдѣ занялся адвокатурою и преимущественно крестьянскими дѣлами, которые часто велъ бесплатно. Въ это время завѣтной мечтой Батуева была литературная карьера, но дѣятельная и увлекающаяся натура, а равно возростающая въ мѣстной средѣ популярность молодого, образованнаго и безкорытнаго юриста привлекли его на дорогу практической работы. Уже съ 1891 года онъ сталъ гласнымъ малмыжскаго уѣзднаго земства, вмѣстѣ съ нѣсколькими сверстниками, одновременно окончившими университетъ. Кружокъ этотъ вскорѣ оказалъ замѣтное вліяніе въ мѣстной жизни и способствовалъ обновленію малмыжскаго земства, «находившагося въ это время въ рукахъ кучки своекорыстныхъ и недобросовѣстныхъ дѣльцовъ, представшихъ недавно передъ судомъ послѣ многолѣтняго слѣдствія» *). Въ этомъ обновленіи малмыжскаго земства А. П. Батуевъ принималъ самое дѣятельное участіе и, попавъ въ губернскіе гласные отъ малмыжскаго уѣзда, — уже въ декабрѣ 1891 года огромнымъ большинствомъ былъ избранъ на должность председателя губ. земской управы.

Можно сказать безъ преувеличенія, что пятилѣтіе, протекшее со времени этого избранія, составляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи не одного только вятскаго земства, но

*) «Вятскій Край».

и русского земскаго дѣла вообще. «Можно подумать, говорить мѣстные биографы, обозрѣвая эту кипучую и необыкновенно полную дѣятельность, что А. П. Батуевъ торопился сдѣлать на пользу земства какъ можно больше въ короткій срокъ, назначенный ему судьбой. Учрежденіе трехъ тысячъ народныхъ библиотекъ, законченныхъ составленіемъ и разсылкой уже въ этомъ году, основаніе бесплатной мѣстной «Вятской газеты», въ которой самъ онъ принималъ дѣятельное участіе; учрежденіе капитала (въ 50 т. рублей) для бесплатной раздачи книгъ населенію, устройство народныхъ чтеній въ селахъ, наконецъ, основательно разработанный проектъ объ учрежденіи въ губерніи 600 новыхъ начальныхъ школъ—таковы слѣды его дѣятельности въ области народнаго образованія, служившаго, повидимому, основнымъ пунктомъ его программы. Далѣе,—вниманіе всѣхъ остальныхъ земствъ и прессы привлекали смѣлые и по большей части удачные опыты въ другихъ областяхъ земской дѣятельности. Устройство кустарнаго музея и склада, съ отдѣленіями въ уѣздахъ, устройство учебныхъ мастерскихъ по кустарнымъ производствомъ, расширеніе дѣятельности агрономическаго института, учрежденіе нѣсколькихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ фермъ, покупка въ степяхъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ лошадей и раздача ихъ въ ссуду безлошаднымъ крестьянамъ,—таковы были въ эти годы главныя мѣропріятія вятскаго земства въ экономической области. Разумѣется, много, быть можетъ, можно сказать и за, и противъ тѣхъ или другихъ изъ этихъ мѣръ въ частности; въ самой мѣстной средѣ и на столбцахъ мѣстной печати мы встрѣчали оживленные споры по этимъ вопросамъ, настойчиво и настоятельно выдвигаемые жизнью,—несомнѣнно однако, что рѣдко гдѣ въ другомъ мѣстѣ они ставились такъ энергично и ясно, такъ умно и такъ практично. Тѣ самыя начинанія, которыя служатъ въ другихъ мѣстахъ предметомъ разговоровъ и платоническаго обсужденія—на вятской почвѣ принимали характеръ живого дѣла, облекались плотью и кровью. Пусть часть этихъ опытовъ окажется даже неудавшейся,—и тогда нужно будетъ признать заслугу вятскаго земства въ умѣлой и дѣльной постановкѣ эксперимента, неудача котораго сторицей окупается результатами того, что привилось и разрастается, благодаря бодрой работѣ въ этой области, не останавливающейся на рутинныхъ приемахъ и не боящейся новизны.

Обаяніе и личныя свойства А. П. Батуева несомнѣнно играли огромную роль въ этой блестящей работѣ. По дѣламъ вятскаго земства покойный много разъ пріѣзжалъ въ столицу, и здѣсь въ литературныхъ кружкахъ, съ которыми онъ сохранялъ постоянныя связи и симпатіи, нерѣдко можно было встрѣтить обаятельную фигуру вятскаго земца. Въ одномъ изъ провинціальныхъ изданій (Самарской Газетѣ) намъ попалось сравненіе А. П. Батуева съ Ленскимъ изъ Евгенія Онегина. Сравненіе кажется намъ чрезвычайно удачнымъ. Необыкновенно привлекательныя черты, большіе мечтатель

ные глаза, длинные кудри, сильно тронутые красивой сѣдиной при совершенно молодомъ лицѣ, мягкая улыбка и мягкій вятскій говоръ, все это давало впечатлѣніе именно романтика-мечтателя, и было очень трудно подъ этой выѣшностію признать одного изъ выдающихся практиковъ нашей земской жизни. Правда, это и была практика совершенно особая, насквозь проникнутая идеологіей человека, осуществлявшего на земской почвѣ мечты и стремленія своей еще совсемъ недавней, еще не остывшей юности.

Небольшая, но чрезвычайно трогательная черта. Мѣстные газеты, надгробныя рѣчи, стихотворенія, посвященные памяти покойнаго, слегка и съ деликатной осторожностію открываютъ передъ нами уголокъ личной жизни этого баловня общественной дѣятельности—съ сѣдыми волосами въ 30 лѣтъ. Дѣло въ томъ, что эта сторона его существованія сложилась, повидимому, несовсѣмъ удачно и только передъ неожиданнымъ концомъ ему, наконецъ, удалось устроить и свою личную судьбу.

Въ это-то время выѣшивается обидная и глупая случайность.

Имя дворянина В. Н. Шабалина, пишутъ въ «Вятскомъ Краѣ», (№ 126) впервые встрѣчается въ журналахъ малмыжскаго уѣзднаго земскаго собранія XVIII сессіи 1894 года, гдѣ помѣщено слѣдующее его заявленіе: «Имѣя въ своемъ владѣніи 56 десятинъ крѣпостной земли, составляющей пашню и сѣнокосъ, находящуюся близъ города Малмыжа, въ дер. Ключахъ, я желаю-бы сдать ее для цѣлей земства въ аренду».

Обладатель этихъ 56 десятинъ учился въ Нижегородской Аракчеевской военной гимназій, но изъ 2 класса исключенъ по неспособности. Послѣ этого нѣкоторое время онъ служилъ на Харьковско-Лозовской ж. дор., а затѣмъ, лѣтъ 10 назадъ, появился въ Малмыжскомъ уѣздѣ, гдѣ и поселился въ своемъ небольшомъ имѣніи. Здѣсь онъ тотчасъ-же пересталъ сдавать въ аренду свою пахатную землю крестьянамъ сосѣднихъ деревень, но не пытался обрабатывать ее и самъ, а оставилъ ее впускъ. Лично онъ, вообще, ничего не дѣлалъ и все время проводилъ праздно, считая себя къ труду неспособнымъ.

Живя въ небольшой избушкѣ, въ которую рѣшительно никто не имѣлъ доступа, онъ постоянно осорился съ крестьянами и судился съ ними, почти всегда безъ всякаго успѣха. «Это обстоятельство, — говоритъ авторъ замѣтки въ «Вятскомъ Краѣ» (№ 129), откуда мы заимствуемъ эти очень характерныя свѣдѣнія, — его сильно раздражало, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что всякая жалоба его должна быть непремѣнно удовлетворяема. Не получая удовлетворенія, онъ сталъ прибѣгать къ угрозамъ, страшая сначала крестьянъ, а потомъ и должностныхъ лицъ, что онъ убьетъ ихъ изъ револьвера», (надо замѣтить, въ дополненіе этого эскизнаго портрета, что Шабалинъ постоянно ходилъ съ револьверомъ). Крестьяне деревни Ключей, выведенные изъ терпѣнія постояннымъ осаднымъ

положеніемъ, прибѣгли къ «своимъ средствѣмъ» и съ своей стороны «пострадали» грознаго барина, — проще сказать, побили его, послѣ чего онъ обратилъ свои угрозы и свои требованія въ другую сторону.

При такихъ то обстоятельствахъ въ 1894 году дворянинъ Шабалинъ обращается къ земству, сначала мамыжскому, въ лицѣ председателя управы В. А. Батуева (родственника покойнаго Авксентія Петровича). Получивъ 20 рублей изъ личныхъ средствъ г-на Батуева, Шабалинъ заявляетъ гордо, что это лишь заемъ, такъ какъ онъ не желаетъ пользоваться пособіемъ, и затѣмъ обращается съ предложеніемъ о покупкѣ у него сначала земли, а когда земство отъ этой покупки отказалось, — лѣса. Лѣсъ оказался нуженъ и былъ купленъ, послѣ торга, за 50 рублей. Однако, черезъ недѣлю Шабалинъ является опять въ управу и требуетъ уже не 50, а 112 рублей. Чтобы развязаться съ неудобнымъ продавцомъ, ему прибавили еще 25 рублей, но это повело лишь къ тому, что недѣлю черезъ двѣ послѣдовало новое требованіе и уже въ такой формѣ, что члены управы были вынуждены сдѣлать распоряженіе о недопущеніи Шабалина въ зданіе управы. Тогда Шабалинъ вновь вспомнилъ о револьверѣ и нѣкоторое время устроилъ столь серьезную осаду уѣздной управы, что председатель ея вынужденъ былъ даже пропускать засѣданія, такъ какъ на пути въ эти засѣданія стоялъ сумасшедшій съ револьверомъ и съ намерѣніями, всю серьезность которыхъ мы можемъ теперь оцѣнить по достоинству. Впрочемъ, г-нъ Шабалинъ, считая себя оскорбленнымъ (отказомъ въ дальнѣйшихъ подачкахъ за проданный лѣсъ), соглашался пощадить жизнь председателя, подъ условіемъ оставленія послѣднимъ земской службы.

По жалобѣ В. А. Батуева дѣло объ этихъ угрозахъ разбиралось земскимъ начальникомъ, причемъ два врача высказались за ненормальность умственныхъ способностей Шабалина; хотя г. Шабалинъ въ отвѣтъ на это обѣщалъ убить и врачей, но тѣмъ не менѣе онъ былъ отправленъ на испытаніе въ Вятку. Къ сожалѣнію, въ губернскомъ правленіи онъ былъ признанъ здоровымъ. Чѣмъ въ этомъ случаѣ руководствовалась экспертиза, — сказать трудно; можно думать, однако, что черты, проявившіяся съ такой выпуклостію въ лицѣ дворянина Шабалина, показались слишкомъ обыкновенными и часто встрѣчающимися въ жизни. И вотъ, дворянинъ Шабалинъ, вооруженный револьверомъ, начинаетъ свободно расхаживать по городу, — и прежде всего переноситъ свои изстуженные взгляды на родственника прежней своей жертвы, т. е. на председателя губ. управы А. П. Батуева. Онъ требуетъ себѣ мѣста и содержанія, но остается недоволенъ всѣми предложеніями: «содержаніе» не соответствуетъ ни его потребностямъ, ни его достоинству.

25 октября вечеромъ, въ залѣ губ. управы происходило засѣданіе агрономическаго съѣзда. Предсѣдательствовалъ, по обыкновенію, А. П. Батуевъ. Засѣданіе кончилось въ 11 часовъ вечера,

и А. П. вышелъ вмѣстѣ съ агрономами изъ управы. Между тѣмъ въ управу нѣсколько разъ заходилъ изъ театра Шабалинъ и спрашивалъ Батуева. Услышавъ шумъ расходящагося собранія, онъ вышелъ на улицу. Это обстоятельство ни въ комъ не возбудило подозрѣнія, такъ какъ, по словамъ той же газеты, «настоячивость Шабалина и его постоянныя посѣщенія управы сдѣлались явленіемъ обычнымъ». На улицѣ, при вечернемъ освѣщеніи, Шабалинъ пропускалъ проходившихъ мимо агрономовъ, внимательно всматриваясь въ ихъ лица. Потомъ видѣли, какъ онъ подошелъ къ Аverkсентію Петровичу Батуеву и шелъ рядомъ, повторяя свои «настоячивыя просьбы». Затѣмъ, улица опустѣла, и около окружного суда Шабалинъ, вынувъ револьверъ, сдѣлалъ два выстрѣла, одинъ почти въ упоръ, другой на нѣкоторомъ разстояніи. Раненый Батуевъ перешелъ черезъ улицу и сильно позвонилъ у ближайшаго подъѣзда, но отворившій сторожъ, какъ истинно русскій человѣкъ, убоялся «происшествія» и захлопнулъ двери. Несчастный, смертельно раненый, Батуевъ пошелъ дальше по пустой улицѣ, пока, наконецъ, не вышелъ другой сторожъ, проводившій его домой... Съ 5 часовъ вечера слѣдующаго дня положеніе оказалось безнадежнымъ, а въ 7 часовъ Батуева не стало.

Трудно описать глубокое волненіе и силу общественнаго сочувствія, вызваннаго этой безвременной смертью. Можно сказать съ увѣренностью, что всѣ слои вятскаго населенія воколыхнулись при вѣсти о тяжелой утратѣ, понесенной вятскимъ земствомъ. «Вятскій Край» и казанскія газеты переполнены извѣстіями о выраженіяхъ глубокаго чувства, далеко переходящаго обычныя официальныя формы подобныхъ демонстрацій. «Вятскому Краю» потребовалось нѣсколько номеровъ для помѣщенія телеграммъ, приходившихъ со всѣхъ концовъ Россіи и особенно изъ вятской губерніи. Намъ кажется, что кромѣ захватывающей личной трагедіи, кромѣ личнаго обаянія такъ рано угасшей жизни, въ этой широкой волнѣ отзывчиваго общественнаго сочувствія сказалось также и все вырастающее сознание полезности и жизненности того дѣла, которому съ такимъ успѣхомъ служилъ покойный.

О. Б. А.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
Пл. Лассаля д. 3.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербургa продаются
слѣдующія сочиненія

А. АННЕНСКОЙ:

Зимніе вечера. Сборникъ рассказовъ для дѣтей. Изданіе второе.
Ц. 2 р.

Своимъ путемъ. Сборникъ рассказовъ для дѣтей. Ц. 2 р.

Анна. Романъ для дѣтей. Изданіе второе. Ц. 60 к.; въ переплетѣ, съ
рисунками Е. М. Бемъ—1 р. 20 к.

Мои дѣя племянницы. Четыре рассказа для дѣтей. Ц. 1 р.

Маленькій оборвышъ. Романъ Джемса Гринвуда. Передѣлка съ
англійскаго. Изданіе третье. Ц. 1 р.

Робинзонъ Крузе. Новая переработка темы Де-Фо. Съ картинami
и политипажами. Изданіе четвертое. Ц. 2 р.

СОЧИНЕНІЯ Вл. Г. КОРОЛЕНКО.

Очерки и рассказы. Книга первая. 7 изданіе. Ц. 1 р. 50 к., съ
перес. 1 р. 75 к.

Очерки и рассказы. Книга вторая. Изданіе третье. Ц. 1 р. 50 к.,
съ перес. 1 р. 75 к.

Въ голодный годъ. Изданіе второе. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. Изданіе пятое. Ц. 75 к., съ перес. 90 к.

С К Л А Д Ы:

Контора журнала «Русское Богатство»—С.-Петербургъ, Бассейная
ул., 10 и Отдѣленіе конторы журнала «Русское Богатство»—Москва,
Никитскія ворота, д. Гагарина.

Подписчики «Русскаго Богатства» за пересылку не платятъ.

Литературно-критическія характеристики.

М. А. Протопопова.

В. Г. Бѣлинскій.—Левъ Толстой.—Н. В. Шелгуновъ.—Всеволодъ
Гаршинъ.—С. Т. Аксаковъ.—А. М. Жемчужниковъ.—Глѣбъ Успен-
скій.—Ф. М. Рѣшетниковъ.—Н. Н. Златовратскій.—Н. Е. Петро-
павловскій (Каронинъ).

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

Цѣна 2 р. 20 к., съ перес. 2 р. 50 к.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY